A black and white photograph of a hand reaching down from the top left corner. The hand is silhouetted against a bright, textured background. A long, dark shadow of the hand is cast diagonally across the textured surface towards the bottom right. The overall mood is dramatic and symbolic.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА  
И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА  
В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

# **СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ**

Под редакцией  
*Елены Ярской-Смирновой и Павла Романова*

МОСКВА  
2002

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
<b>Политика социальной работы</b>	
Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент.....	13
Концептуализация социальных проблем .....	28
Феминистская критика социальной политики и социальной работы .....	38
Профессионализация социальной работы в России в 1990-х годах.....	59
«Не мужское это дело...» Феминистский анализ занятости в социальной сфере .....	76
Организационное развитие социальных сервисов в переходный период .....	90
<b>Социальная политика и реформы</b>	
Социальные изменения и социальная политика.....	111
Репрезентации социальных проблем в российской прессе 1990-х годов .....	125
Символические ресурсы тендерной политики. Международный женский день в российской прессе .....	145
Геронтологическая тропинка в лабиринте социальной политики.....	167
Семейная политика и охрана детства в риторике официальных документов.....	178
Политика в отношении инвалидов.....	202
<b>Этнографии социальных служб</b>	
Стратегия кейс-стади в исследовании социальной политики.....	237
Городской центр помощи женщинам, семье и детям.....	252
Центр социального обслуживания населения .....	269
Кризисный центр для женщин .....	291
Дом-интернат для престарелых и инвалидов .....	322
Социальная педагогика в школах провинциального города.....	339
Школа-интернат для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата.....	366
Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями.....	403
Бюро медико- социальной экспертизы.....	432
Заключение.....	441

## TABLE OF CONTENTS

Introduction .....	6
The Policy of Social Work	
Social Policy, Welfare State and Social Management .....	13
Conceptualisation of Social Problems.....	28
Feminist Critique of Social Policy and Social Work.....	38
Professionalisation of Social Work in Russia, 1990s.....	59
«TMs isn't male business...» Feminist Analysis of Employment in the Social Sphere.....	76
Organisational Development of Social Services in the Transition Period .....	90
Social Policy and Reforms	
Social Changes and Social Policy .....	<i>III</i>
Representation of Social Problems in the Russian Mass Media of 1990s.....	125
The Symbolic Resources of Gender Politics: International Women's Day in the Russian Mass Media.....	145
Gerontological Path in a Labyrinth of Social Policy.....	167
Family Policy and Child Protection in the Rhetoric of Official Documents.....	178
Politics toward the Disabled.....	202
Ethnographies of Social Services	
Case Study Strategy in Social Policy Research.....	237
Municipal Centre of Help for Women, Families and Children .....	252
District Centre for Social Services .....	269
Crisis Centre for Women.....	291
Nursing Home for the Elderly and the Disabled.....	322
Social Pedagogy in Schools of the Provincial City.....	339
Boarding School for Children with Motor Impairments .....	366
Rehabilitation Centre for Children and Adolescents with Disabilities.....	403
Bureau for Medical-Social Expertise.....	432
Concluding Comments .....	441

Social Policy and Social Work in Changing Russia / Edited by Elena Iarskaia-Smirnova and Pavel Romanov. Moscow: INION RAN, 2002.

The book contains the results of the research projects «Post-Soviet Welfare and Professionalisation of Social Services in Russia, 1990s» under a grant from the S. D. and K. T. Mac Arthur Foundation, award number 00-62616-000, and «Effectiveness of Social Services in Russia» under a grant from the Research Support Scheme of the Open Society Institute, award number 33/2000, both conducted in 2000-2001 in Russia in a large provincial city. The discussion with international experts of the findings as well as of the implications of the results for the teaching process became possible under the Joint European Project T\_JEP-10808 «Enhancing Professional Social Work Education in Russia», TEMPUS/Tacis programme of the European Union.

Helping professions address the growing number of social problems which have emerged along with contextual changes in Russian society, culture, and state social policy. The profession of social work has been developing in Russia only since 1991 and it still lacks recognition by public opinion and by other caring professions. In this book social policy is considered at different levels - in discourses of legislation and mass media, and in communication between clients and social workers. The study is based on content-analysis of national and local mass media, analysis of social legislation and a number of ethnographic case-studies in social services in a large industrial Russian city.

Interpretative and critical sociological analysis is conducted by the authors in three parts of this book. In the first part a concept of professionalisation of social work as the key metaphor of this project is presented in the context of debates around social problems, welfare state and social service administration. A feminist view on social policy, social work practice and management helps highlight the main contradictions in the implementation of social care. Social work is generally understood as something suited to certain female features of the personality (such as kindness and patience) and not something requiring professional education, knowledge of ethics and skills based on theories. The state, by setting up inadequate wage policies for qualified social workers, in fact, reinforced the societal assumption of cheap women's labour. A concept of street-level bureaucracy is employed here to analyse organisational culture of social services. Many social services are in search of new forms of organisation and trying to develop new philosophies of services, in order to build positive relations with communities. However, given the 70 years of the Soviet era when social protection was highly centralised and bureaucratised, organisational cultures of the new social services sometimes reproduce old patterns of bureaucracy.

The second part considers the representation of social problems and gender politics in the mass media, and the evolution of social policies toward families and children, elderly and the disabled in Soviet and post-Soviet Russia. The chapters address current development of social policy in Russia, consider its context and review the main issues affecting processes within policy formulation and service delivery. The research findings highlight the gap that exists between the new democratic social legislation and difficulties in its implementation due to the lack of effective policies and financial restrictions on a local level. The third part includes several ethnographical case-studies of social services and a boarding school for disabled children. This part is based on the results of participant observation, in-depth interviews, and analysis of organisational documents. The authors consider everyday language and organisational culture of social services in today's Russia. The necessity of partnerships between education and practice, between state and nongovernmental services, as well as within different sectors of practical social work and other caring professions, is emphasised. An effective mechanism for the independent evaluation of social services is also needed, to make it possible to target educational and fundraising activities.

*Социальным работникам и нашим студентам с благодарностью и надеждой посвящаем эту книгу*

## ВВЕДЕНИЕ

Эта коллективная монография стала результатом исследовательского проекта, который осуществлялся при поддержке Фонда Макартуров в течение 2000-2001 годов в крупном промышленном городе, расположенном в европейской части России.

Очертим теоретические ориентиры, которые обозначили направление нашего научного поиска и позволили выработать аналитический инструментарий, используемый для интерпретации полученных данных и построения выводов. В интерпретации данных мы опирались на идеи символического интеракционизма, стремясь объяснить развитие социальной педагогики, социальной работы, деятельность специалистов в учреждениях социальной защиты, наблюдая эти явления «изнутри». Феминистская критическая теория применялась нами в обсуждении процессов становления социальной работы как профессии, в анализе социальной политики в отношении семьи, инвалидов, женщин. Изучение ряда аспектов организационной жизни опирается на драматургический подход, предложенный Э. Гоффманом, в других случаях используются идеи М. Липски о низовой бюрократии. При сборе эмпирического материала мы применяли этнографические методы, поскольку, на наш взгляд, в условиях социальных трансформаций процедуры качественного социологического исследования позволяют получить знание по вопросам социального государства и социальной работы посредством анализа культурных артефактов, воплощаемых в индивидуальной деятельности, социальной организации, социальной политике и культурных практиках. В последние годы качественная методология приобрела признание отечественных социальных ученых как полезная при исследовании современной социальной реальности.

Анализ, представленный в настоящей работе, получился критически заостренным, поскольку иначе, с нашей точки зрения, невозможно говорить о той сложной ситуации, в контексте которой складывается современная российская социальная политика, и тем более пытаться возбудить публичную дискуссию по этим злободневным проблемам. Однако читатель не найдет во всей книге прямых указаний на место, где проводилось исследование. Все имена изменены, также как и названия местных газет, районов города, районная принадлежность учреждений, которая может указать на конкретную географическую точку на карте России. Речь пойдет о городе Среднегорске, а должностное положение, возраст и пол людей упоминаются в связи с необходимостью определить статус информантов. Ограничимся лишь указанием на то, что речь идет о крупном промышленном городе в европейской части России, населенном по преимуществу русскими, испытывавшем на рубеже XX-XXI веков значительное падение промышленного производства, социальное расслоение, рост бедности, болезней, преступности, вынужденную миграцию из охваченных военными конфликтами регионов и многие другие проблемы переходного периода.

Название города было изменено в первую очередь по этическим причинам. Мы стремились к соблюдению анонимности наших информантов, надеясь тем самым обеспечить их безопасность: ведь некоторые суждения наших собеседников весьма критичны, а иные герои исследования могут показаться в невыгодном свете. Зашифровав названия населенного пункта, районов, учреждений, имена респондентов, мы рассчитываем на то, что официальные лица смогут увидеть недостатки системы социальной защиты и практики социальной работы, распознать наследие советского государственно-административного аппарата, а не ошибки и проступки отдельных людей - конкретных администраторов и рядовых служащих. Подчеркнем, что в монографии представлена стратегия кейс-стади, воплотившаяся в методах сбора данных, их осмыслении и построении научного текста. Исследовательской интенцией стало стремление для осмысления более общих процессов опираться на частные примеры и факты. Поэтому город Среднегорск, по сути дела, - это метафора российского города, во многих отношениях типичного для страны и времени. Не хотелось бы, однако, чтобы сложилось впечатление об универсальном характере выводов и обобщений. Так, к сожалению, за рамками исследования остались аспекты этничности, которые в русском городе Среднегорске непросто идентифицировать при изучении социальной политики, а также особенности сельского социального обеспечения, которые могут и должны стать отдельной темой будущих исследований.

Первый раздел книги содержит шесть глав, каждая из которых охватывает отдельные вопросы, связанные с обоснованием исследовательской методологии и интерпретационных моделей, использованных в исследовании. Здесь помещены результаты анализа таких понятий, как социальная политика, социальная работа и социальный менеджмент в их связи и взаимовлиянии, обзор основных подходов к концептуализации социальных проблем и организационному развитию социальных сервисов, описание базовых понятий профессионализации применительно к исследованию социальной работы в России. Теоретические предпочтения авторов проявляют себя в феминистской интерпретации социальной политики и социальной работы, занятости в социальной сфере и процессов профессионализации.

Второй раздел содержит анализ социальной политики на региональном и федеральном уровнях. Это изучение того способа формулирования социальных проблем, какой присутствует в явном и скрытом виде на повестке дня наиболее важных направлений работы социальных сервисов. Рассматривается дискурс местных и центральных газет в аспекте формулирования социальных проблем и в связи с профессиональной социальной работой и политикой в отношении женщин. Наряду с репрезентациями в анализе присутствуют документы, в том числе правовые, интервью, которые позволяют составить впечатление о состоянии и перспективах социальной политики в отношении инвалидов, пожилых людей, детей и семьи.

Третий раздел включает в себя ряд кейс-стади социальных сервисов. Этнографические кейс-стади строятся на материалах включенного наблюдения, глубинных интервью, анализе организационных документов, в соответствующей главе будет подробно обсуждаться исследовательская методология, использованная в полевой работе. Ее результаты даны в виде аналитических описаний примеров деятельности учреждений социальной защиты, представляющих ключевые направления социальной политики и социальной работы: городского центра помощи семье, женщинам и детям, центра социального обслуживания одного из городских районов, реабилитационного центра для детей инвалидов. Будут также представлены и специфические случаи организации социальной помощи - в рамках государственных учреждений интернатного типа на примере дома престарелых, интерната для детей-инвалидов и негосударственной организации - кризисного центра для женщин. Особый интерес представляет случай диагностической институции на примере деятельности бюро медико-санитарной экспертизы и развитие новой профессии - социальной педагогики в «старой» системе. Проблема социальной политики в условиях осуществления реформ, перехода к гражданскому обществу и правовому государству в России не только чрезвычайно актуальна, но отличается новизной и сложностью в теоретическом и практическом отношении, носит комплексный и межотраслевой характер. Междисциплинарные проблемы социальной политики зачастую рефлексированы отечественной наукой преимущественно в качестве экономических и правовых и гораздо реже - как проблемы социологической науки. Данное исследование может способствовать оформлению социологии социальной политики и социальной работы, находясь на пересечении проблемных полей социологии социальной структуры, социальных институтов и процессов, социологии управления, вбирая в себя вопросы занятости, социальной политики и социальной интеграции, стратификационной теории, проблем государственно-правовых гарантий, теории и практики социальной работы. Кроме того, мы считаем важным усилить меры, направленные на выработку научно-практических рекомендаций по созданию действенных организационных механизмов реализации прав человека на социальную защиту, социальную реабилитацию, услуги социальной работы.

Надеемся, что эта монография будет полезна исследователям, преподавателям социологии, социальной работы и социальной антропологии, руководителям учреждений социальной сферы, социальным работникам и социальным педагогам, всем тем, кого интересуют вопросы социальной политики и социальных проблем. Мы полагаем, что проект может внести вклад в разработку методологии оценки эффективности системы социальных гарантий и понятия качества социальных услуг. Результаты исследования, помимо собственно научной значимости, могут способствовать развитию практики социально-реабилитационной работы и повышению качества оказываемых социальных услуг населению.



**Политика  
социальной  
работы**

## СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Проблемы социальной политики, социального развития и социальных профессий исследовались в мировой социологии в рамках концепции государства всеобщего благосостояния, или социального государства (welfare state). В узком смысле понятие «welfare state» относится к системе социального обеспечения а в широком - обозначает государственную систему программ, пособий и услуг, которые помогают людям удовлетворить те социальные, экономические, образовательные и медицинские потребности, которые являются фундаментальными для поддержания стабильности общества <sup>2</sup>.

В работах классиков социологии имплицитно содержится интерес к социальной политике и сформированы методологические основания исследований. В исследовании социальной политики важны классические идеи происхождения и сущности социальных институтов и социального порядка, сформулированные М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, П. Сорокиным. Однако напрямую ученые подошли к пристальному рассмотрению социальной политики лишь в середине XX века одновременно с анализом социального государства, социальной справедливости. Среди первых социологических объяснений социального государства необходимо упомянуть следующие: а) гражданская точка зрения, представленная в работах Т. Маршалла, - государству необходимо обеспечить минимальную социальную поддержку, чтобы гарантировать подобающее участие индивида в либеральном демократическом обществе; б) функционалистская перспектива, идущая от Т. Парсонса, - государственное вмешательство средствами социальной политики необходимо для разрешения конфликта в развитых индустриальных обществах; в) марксистский взгляд - государство всеобщего благоденствия играет идеологическую роль в легитимации капиталистических социальных отношений, индивиды поддерживают государство и капиталистическую экономическую систему, поскольку они уверовали в благополучие, предоставляемое капиталистическим государством.

В конце 1960-х - начале 1970-х годов на Западе в первой волне сравнительных социальных исследований был сделан вывод, что рост и масштабы социального государства суть неотъемлемые результаты индустриальной капиталистической модернизации. Тогда же получил развитие критический подход к социальной политике, что способствовало не только пониманию предмета исследований, но и развитию социологической теории. Был опубликован ряд важных работ радикального и феминистского направления, описывающих взаимосвязи между социальной политикой и социальной структурой.

На сегодняшний день существует несколько типологий социальной политики в зависимости от параметров сравнения социально-политических систем<sup>3</sup>; например, в одном случае выделяются скандинавская, континентальная европейская, трансатлантическая англо-саксонская модели, в другом - бисмаркская и бевериджская, в третьем ~

### 13 Политика социальной работы

резидуальная (остаточная), институциональная и достижительная. Классификация социальных государств, разработанная Г. Эспинг-Андерсеном, включает три типа: либеральный режим, консервативно-корпоративный и социально-демократический, а точнее, либерально-социалистический - это скандинавские государства, где принципы универсализма социальных прав соседствуют с нерушимостью индивидуальной автономии, поэтому эта модель представляет собой соединение либерализма с социализмом.

В либеральной модели социальная помощь в рамках определенных минимальных социальных потребностей оказывается по остаточному принципу бедным и малообеспеченным слоям населения, не способным самостоятельно добыть средства существования. По сути дела, речь идет об обязанности государства предоставить определенный минимум социальных гарантий всем членам общества. Консервативный принцип этатистской и корпоративной социальной помощи подразумевает отдельные социальные программы для различных профессиональных и статусных групп в зависимости от трудового вклада. Социально-демократический принцип, первоначально основанный на концентрации общественных фондов поддержки профсоюзных и иных демократических общественных организаций, позднее распространился на всех граждан государства, имеющих права на равные льготы, независимо от степени нужды и трудового вклада<sup>А</sup>.

В соответствии с этой классификацией, система социального обеспечения в конце 1980-х годов в России, как и в других социалистических странах, формально приближалась к социально-демократической модели. Такая модель в идеале выражается в следующем: высокая роль местных органов управления, высокий уровень затрат на социальное обеспечение, высокая занятость, стимулируемая государством, наличие организаций частного сектора, предоставляющих услуги, акцент на обязательном страховании, налоговое перераспределение денежных средств, причем главными источниками финансирования выступают государство и муниципалитеты<sup>5</sup>. Однако в реальности под давлением монопартийной идеологии социальная политика социалистического режима была практически лишена независимости, поэтому основные характеристики социалистической системы государства всеобщего благосостояния в интерпретации Эспинг-Андерсена - это антилиберальная направленность, иерархичность, статичность, смесь социалистических идей с консервативными элементами политики. Российская система социального обеспечения преобразовалась на протяжении XX века под воздействием процессов глобальных и локальных трансформаций, бюрократической рационализации, смены идеологий, формирования рыночных отношений, децентрализации и развития институтов гражданского общества. Современное развитие системы социальной политики в России обладает особой спецификой, отличающей ее от всех остальных стран бывшего социалистического блока.

<p>Лишь с начала 1990-х годов под воздействием радикальных социально-экономических реформ далеко не сразу, медленно, но все же происходит существенное изменение основных акцентов социальной политики. Конституция Российской Федерации 1993 года провозгласила Россию социальным государством, тем самым была декларирована концепция социальной политики, нацеленная на повышение качества жизни всех граждан и сдерживающая распространение социального риска. В ситуации резкого падения уровня жизни населения, роста безработицы, преступности, бедности, отставания заработной платы от цен потребительского рынка Правительство России было вынуждено идти на постоянное повышение зарплат, пенсий и пособий, несмотря на требования Международного валютного фонда о снижении социальных расходов. Дальнейшее углубление экономического кризиса потребовало радикально реформировать существующие</p>	<p>• j</p>
<p>Вчар* 1 Чем* — CriMc Чтобы — Отооламо фаашмме  начнись юш- /цьюот получить  гшаюш /пдооби) ■ ра- пособи*, «уж-  ттроарна по опубмагштуча на прмать стятшега: рајгоаори там. ра-  уточнанию от понта йамимя.стао в  пмратмай ■лай, и у нас рошлмнн. ■ зуыаагоа, асть, Мы буааи проаа-  гшпжм поссвий тел рмнямта wo  и их оомнамиа, что «от  ■  Ч*м на «куммтегмпоа раткябу^ияъаламам Нон* «в-  саиняам стаде ъямтксвафо-  јапа*-  т Ммслррю А на гаеіwiv га* «т*оаф**тоа&gt;агт  — гморкт  три» и вщрмг ми но чатт, поми*  иоямяааитиа На т\тщ.м»— Имя.  тюнааПачйт- пси  тцятшишк  ю&gt; по* П  iіnрMi Эммцанмй По імнно гфанкар-манмегаа. 1  рукмоастаом  iWI— работ пшш-  Хож-Апш*  В—, П)»т яй •ПнтСМаиЙн иат, что чтобы на допустит* саму амааж- t  прогнию» стало вж огулаотса ча-  рамса, прѐст Рнмар РМ врсанк нотыяоупотрабланмч датсм—</p>	

нфмябио* уин-	пособи* нмм—ft	маем**. Если проя-		
ЧМН*-МОН нпм • Чм*. ПОЧМ-	щЯ—И ■ шеяц, fНамгп с ушяц	помнить, что 90 памч лапай ■	пособиям, >Чачм нужно прааю-	i
то* пособи» В птигапъстм по- лагает, ■л01рявлэчн *м«идан	гота, чгояЧпнайам шмнепоо* ШЙ МЯОЮ— И* ■, MWWWill iwy-	Чии* еушастаунот тояью к* бу- мага, то амиимн» t ниалноя	тч перепись тсаюти. мгмеа* -»ст мала'пай с«и абхипшу	i  i
ткя тети»дуич. Посјуиш		«00 тмоач рубая» "» гаоужрет- ■■1Шинн ад— и циии -* пав.	■aiWmtiHianrart «рту Чачи*. Мнагма мпцттою—л гараоа-	( ■
Чр—iCni icп—ИлмСС	■влнастао ягай. «та» ло-	Нмьм яечиюел. что часть ала	стдт >»—Mini paniwyc граимц.	1
рдмчщпд— псишр— рц>№е-		«нагпоп>ат«п р  ддт гтчпи i	рапагрнрумьама я а Инпатвь	■)
Т>IW проарм и. юамоите, будут «СтУУтд» 1,1 улШоиаМ ДМ»	ТМСW.НТОНС^ aBHtOTnptH WTV си ie»ii4»«т«ор«с n>e«Mw.	наммимм» «Ору—им» форма роачий.	а поим аоарашЙЕлс* обожги».	1 ■j
				ч

Создаваемые новые государственные и негосударственные институты могут быть в идеале адекватны реалиям рыночной экономики, принципам и целям гражданского общества и тем критериям, которые сложились в международной практике. Однако состояние государства, при котором оно берет на себя ответственность за благополучие всех граждан, руководствуясь принципами уважения человеческого достоинства независимо от состояния физического и психического здоровья, возраста, пола, вероисповедания и социального положения, у нас пока еще не достигнуто. Попытки активного государственного вмешательства в рыночную экономику, начавшиеся в перестроечный период, - лишь первый шаг к эффективной социальной политике. Услуги частных организаций не составляют заметной альтернативы малоэффективной системе государственных гарантий. Кроме того, дефицит ресурсов, усугубляемый затянувшимся общим социально-экономическим кризисом в стране, отдаляет перспективу социального государства как государства всеобщего благосостояния. Когда российское население переживает драматичные перемены, во времена несбывшихся надежд и невыполненных обещаний потребность в эффективных социальных услугах становится особенно острой.

Согласимся с тем, что при выработке и реализации социальной политики на муниципальном уровне следует учитывать дестабилизирующие факторы, некоторые из которых объясняются переходным характером развития нашего общества и государства. В связи с этим говорят об определенном кризисе управления, когда муниципальные социальные обязательства государства, приведя их в соответствие с реальными экономическими возможностями страны. В связи с этим в конце 1990-х годов обсуждаются новые принципы российской социальной политики, концепция адресной социальной помощи, повышение качества социальных услуг населению, стратегия активизации человеческих ресурсов, развитие гражданской инициативы <sup>6</sup>.

Программа адресной социальной помощи нацелена на решение проблемы бедности, обусловленной целым рядом взаимосвязанных субъективных и объективных - экономических, социальных, политических - факторов, специфических для России. Однако реализация этой программы создает немало организационных и экономических проблем. О. Л. Шахназаров в своем анализе адресной социальной помощи на примере Алтайского края показывает, что в течение 1998-99 годов здесь произошло 25-процентное снижение расходов на социальные нужды, при этом разброс в динамике расходов по различным статьям указывает на непоследовательность и неустойчивость социальной политики. Большая часть бюджета расходуется на финансирование учреждений и мероприятий в ущерб непосредственной помощи нуждающимся семьям<sup>7</sup>. органы вынуждены, как правило в «пожарном порядке», решать проблемы, которые ставит быстро меняющаяся социально-экономическая и политическая ситуация (приватизация и проблема лиц без определенного места жительства; разрушение системы бытового обслуживания населения и формы социального обслуживания людей пожилого возраста и инвалидов; политические катаклизмы и проблемы мигрантов, вынужденных переселенцев)<sup>8</sup>.

## Провинциалы тоже хотят колбасы, театров и музеев

### Муниципалитеты считают себя обделенными центром

**Вопросы культуры**

Муниципалитеты, что особенно в последние годы, вынуждены решать проблемы, которые ставит быстро меняющаяся социально-экономическая и политическая ситуация (приватизация и проблема лиц без определенного места жительства; разрушение системы бытового обслуживания населения и формы социального обслуживания людей пожилого возраста и инвалидов; политические катаклизмы и проблемы мигрантов, вынужденных переселенцев)<sup>8</sup>.

Муниципалитеты считают себя обделенными центром. Они требуют больше финансирования на социальные нужды, театры, музеи, библиотеки. В последние годы вынуждены решать проблемы, которые ставит быстро меняющаяся социально-экономическая и политическая ситуация (приватизация и проблема лиц без определенного места жительства; разрушение системы бытового обслуживания населения и формы социального обслуживания людей пожилого возраста и инвалидов; политические катаклизмы и проблемы мигрантов, вынужденных переселенцев)<sup>8</sup>.



В узком смысле социальная политика рассматривается в контексте социального администрирования и относится к институционализированному комплексу мер, предоставляемых социальным государством населению в аспектах занятости и социальной защиты, здравоохранения, образования. Более конкретные смыслы проблема приобретает в культурном контексте, например в содержательном проблемном поле современной России. В широком смысле социальная политика может рассматриваться как интеграция механизмов и способов, посредством которых исполнительная власть, центральное и региональные правительства, а также органы местной власти влияют на жизнь населения, стремятся способствовать социальному равновесию и стабильности. Кстати, по мнению Е. Ш. Гонтмахера<sup>9</sup>, управление социальными процессами в экономически развитых российских регионах проходит сегодня по совершенно другим механизмам, чем в советское время. Если раньше была строго централизованная вертикальная система управления и можно было напрямую регулировать процессы в любом регионе вплоть до административных районов, то сейчас эти рычаги практически не действуют. Становление трехуровневой власти (федеральный центр, региональная власть, местное самоуправление) означает принципиально новый переворот в системе социальной политики. По мнению эксперта, влияние федерального центра на реализацию социальной политики на местах стало незначительным (не более 20 %), тогда как региональные власти играют здесь самую существенную роль (70 %), а вот местное самоуправление весьма ограничено в своих возможностях: степень влияния местных органов власти на реализацию социальной политики на местах составляет сегодня не более 10 %. Между тем именно на уровне муниципальных органов достигается большая гласность в принятии и осуществлении решений, а

также предсказуемости результатов социальной политики, на местном уровне возможно обеспечить участие населения не только в потреблении социальных услуг, но и в их производстве. Это не только удешевляет и повышает эффективность социальной политики, но и формирует осознание тесной взаимосвязи интересов отдельных социальных групп, объединенных местом проживания, солидарность местного сообщества<sup>10</sup>.

Отметим, что роль муниципалитетов в решении социальных проблем местного сообщества постепенно возрастала в течение 1990-х годов, причем во многом это зависело от наличия финансовых ресурсов и социального капитала органов местного самоуправления. Важная особенность советской социальной политики состояла в ее прочной экономической связи с так называемыми градообразующими предприятиями крупных индустриальных центров<sup>11</sup>. Речь идет о том, что на протяжении десятилетий в целом ряде городов советской России организация и финансирование деятельности всех направлений социального обслуживания во многом определялись функциями крупных индустриальных предприятий. Администрация этих предприятий аккумулировала мощный социальный капитал, становясь фокусом системы социальных связей промышленного города. С конца 1980-х годов многие из этих предприятий подвергались реструктуризации и банкротству, лишив тысячи людей работы и средств к существованию. В течение всего постсоветского периода происходило не только изменение структуры собственности на промышленных предприятиях России, но и трансформировалась социальная роль предприятия в рамках местного сообщества. В ходе муниципализации социальных сервисов (детских дошкольных учреждений, клубов, домов отдыха, санаториев, профилакториев, поликлиник), принадлежащих ранее конкретным «градообразующим» производствам, эти объекты переходили в ведение местной администрации. Предприятие утрачивало присущие ему в советское время патерналистские функции, что в отсутствие прочных механизмов социального партнерства приводило к ситуации социального исключения. Экономический кризис и недостаточность ресурсов местной власти во многих случаях привели к сокращению числа социальных сервисов, их перепрофилированию, сокращению числа оказываемых услуг. По сути дела, права на пользование целым рядом социальных услуг (в частности, детскими садами, санаториями, рекреационными учреждениями) работниками, жителями районов и городов в ходе муниципализации оказались под угрозой.

Сегодня к системе муниципальных учреждений относятся как традиционные организации - больницы, театры, школы, так и новые специализированные объекты - территориальные центры помощи семье и детям, управления социальной защиты населения, центры социального обслуживания населения в районах и городах, приюты для детей, оказавшихся без попечения родителей.

В таком контексте проблематика социальных институтов и социальных трансформаций рассматривается с точки зрения модификации социальной политики в условиях современной российской ситуации<sup>12</sup>. За десятилетие с 1991 по 2001 год система социального обеспечения в России была существенно модернизирована. Был юридически закреплен принцип равенства всех организационно-правовых форм реализации социальной политики, декларировано право сосуществования и развития негосударственных структур и организаций социальной сферы.

Одновременно видоизменилась и социальная инфраструктура. Созданы новые для России органы управления социальной сферы, в ней появились новые организации и учреждения, изменились правила функционирования существующих социальных структур. Началось внедрение новых социальных и информационных технологий, создание баз данных, возникли новые социальные профессии.

<sup>10</sup> Политика социальной работы

Понятие социальной политики связывают с механизмами, пространством и условиями воспроизводства человека как субъекта социума и культуры, возможностью получения доступа к образованию, профессионального развития, рекреации, информационного обеспечения, удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей<sup>13</sup>. Социальными функциями обладают государство, предприятия, любые социальные, экономические и политические институты. Поэтому социальная политика оказывается многоуровневым понятием, кроме собственной институциональной сущности включает обусловленную потребностью культурного и физического воспроизводства социальную сферу жизни человека, важнейшие социальные институты образования и науки, культуры и искусства, социальной защиты и занятости. Физкультура и спорт, туризм,

торговля, общественные и религиозные организации, средства массовой информации, множество других институтов направлены на социальное развитие человека и социальной инфраструктуры. Вопросы социальной политики связаны не только с системой социальной защиты населения - поддержкой материнства, детства, пожилых и инвалидов, но и проблемами занятости населения, многозначностью и полифункциональностью труда в жизнедеятельности социальных субъектов, возрастанием роли институтов профориентации, дополнительного образования и правового регулирования отношений в сфере занятости<sup>14</sup>.

Социальная политика есть цель социального управления, лишь вместе они выступают процессом либерализации социальной сферы, совершенствования социальных систем. При этом важна методология научных и практических стратегий и кадровой политики, обеспечивающей социальный менеджмент<sup>15</sup>. Между тем социальное управление как научная и обучающая тематика редко строится на основе проработки эмпирического материала, анализе статистической информации, социально-политической ситуации в контексте российских реалий. В публикациях отечественных исследователей дается критический анализ социального менеджмента, в частности отмечается низкий информационно-аналитический потенциал органов управления социальной сферы, профессиональная неподготовленность кадров, консерватизм социального мышления и практической деятельности. Особенно это проявляется в деятельности региональных и местных органов управления социальной сферы, которые слишком долго жили в чрезмерно жестком режиме управления «команда сверху - закон». В такой обстановке они не имели возможности проявлять инициативу, распоряжаться имеющимися материальными, трудовыми и интеллектуальными ресурсами в своих собственных интересах<sup>16</sup>. В то же время следует признать, что и менеджерские системы контроля в социальной сфере сейчас практически не действуют. В частности, рыночный контроль найма и увольнения, системы оплаты часто совсем не задействованы, зарплата дипломированных специалистов социальной сферы остается по-прежнему на низком уровне.

Контроль трудового процесса в социальной сфере часто заменяется количественным бумажным отчетом по числу оказанных услуг, сотрудники центров реабилитации и оказания социальной помощи пишут такие отчеты, возмущаясь и не понимая их смысла. Структурирование и регламентация деятельности в сфере социальных услуг наиболее эффективно реализуются при условии работы в команде под руководством профессионала, имеющего соответствующее образование. Речь идет о социальном менеджменте, который представляет собой социальную практику, основанную на теории и соответствующую высоким стандартам профессии. Отметим, что правовое регулирование государственной социальной политики включает определение основных ее субъектов и объектов, институтов социальной политики, а также государственных стандартов. Среди них исследователи указывают на особое значение стандартов профессионального образования работников социальных служб, стандартов минимальных социальных услуг, стандартов качества социальных услуг<sup>17</sup>. А соблюдение стандартов обслуживания гарантирует реализацию социальной политики на уровне конкретных учреждений.

Разработка эффективной социальной политики является одной из важнейших задач новой российской власти. От того, как будет решаться эта задача, зависят не только условия жизни простых людей, но и перспективы социального и экономического развития страны, обеспечение национальной безопасности, сохранение российского государства. Кроме того, ориентация социальной политики на рыночный тип ее организации выдвигает на первый план задачу специальных исследований, которые ясно определяют роль и место социальной политики в системе государственного управления. К сожалению, следует признать, что, несмотря на имеющиеся достижения и наработанный опыт в сфере социального обслуживания, в настоящее время социальная политика в России в прикладном ее понимании на низовом уровне реализуется пока еще весьма слабо и неэффективно. Ее процессы управляются часто некомпетентными кадрами специалистов, которые не имеют соответствующей подготовки.

Механизмы реализации социальной политики в российском обществе характеризуются, по мнению исследователей, реально существующими трудностями, такими как: а) образовавшийся «разрыв» между поставленными самой жизнью социальными проблемами и возможностями финансово-экономического, организационного и управленческого плана; б) противоречия между декларируемыми федеральным центром, региональными и местными властями целями и задачами социальной политики, с одной стороны, и реальными мерами по их осуществлению - с другой; в) противоречия между органами социальной политики социального центра и регионов, которые

охватывают сферы компетенции, управления и организации конкретной предметной работы и реализации социальных программ; г) противоречия, обусловленные явным несоответствием между необходимыми сегодня новыми информационными технологиями в управлении социальной сферой и современным состоянием управленческой деятельности как на федеральном, так и на национально-территориальном и территориально-административном уровне<sup>18</sup>.

При наличии многочисленных публикаций по отдельным направлениям социальная политика все еще не концептуализована на системном уровне. Не все эксперты понимают роль социальной сферы как центральной, находящейся в центре пересечения культурной, производственной, политической сфер, как условия жизненного успеха человека. В основном рассматриваются ее отдельные проблемы, а сама социальная политика не представлена как целостный феномен. Кроме того, имеющимся публикациям присущ недостаток: они построены на основе описательного подхода и не дают возможности в полной мере рефлексировать методологию социальной политики и осознать ее роль в обществе.

По нашему мнению, социальный менеджмент как конструирование и проектирование новой реальности затруднен в современных условиях в связи с недостаточной подготовкой управленцев социальной сферы. Преподавание соответствующих дисциплин в России не является инструментальным, находится в стадии становления, не погружается в культурный и исторический контекст современной российской ситуации. Хотя во многих западных университетах курсы по социальной политике читаются на протяжении длительного времени, входят во многие образовательные программы, обеспечиваются учебной и учебно-методической литературой, отечественные учебники и научные монографии

<sup>19</sup> Политика социальной работы

по данной тематике предусматривают лишь ознакомление с ней. Часто социальная политика сводится к экономике, а менеджмент социальной службы - к экономическому менеджменту, в лучшем случае к финансовому. Эта общепринятая на практике и в отечественной научной литературе семантика оказывается на самом деле далеко не полным содержанием понятия «социальная политика». Реально социальная политика - это наука не только о макро- и микроэкономических процессах, но и об отношениях человека с социальным окружением, о стратегиях ресурсного восполнения ограниченных возможностей.

Конечно, нужна адаптация зарубежных подходов переопределения ситуации и социологической рефлексии образования и занятости. Выход института образования из кризисной ситуации сформулирован на новой основе формирования социальной компетентности, использования инновационного вузовского потенциала, активного изменения инвайронмента высшей школы, ее демократизации, информатизации, новой доктрины образования с включением диалога культур и поддерживающих стратегий социальной работы. Принципиальными для социального менеджмента оказываются содержание и направленность социальной политики в условиях рыночных отношений, технологии социальной экспертизы управленческих решений, решения конкретных социальных проблем с учетом складывающейся в стране социально-экономической ситуации.

Упомянем важнейшее условие социального менеджмента - особую организационную культуру социальной службы, способствующую формированию, с одной стороны, чувства принадлежности к сообществу профессионалов социальной сферы и социальных работников, к коллективу данной службы и команде, а с другой - отношений справедливости. Интересы организации не должны идти вразрез с соблюдением прав человека, поэтому потребителю социальных услуг, клиенту социальной службы отводится центральное место в идеологии сервиса. Мы в данном случае говорим об идеальном типе организационной культуры и профессионализма, к которым следует стремиться, ибо они выступают залогом качества социальной работы и реализации социальной политики на низовом уровне. Сплав ценностей профессиональной этики и корпоративной культуры приводит к успеху при соблюдении условия положительной идентификации с когортой профессионалов социальной сферы, сопричастности к новой идеологии.

Нельзя игнорировать тот факт, что концептуальные изменения в социальной политике связаны не только с объективными процессами социальных реформ, но и общим фронтом социально-гуманитарных исследований, антропологическим поворотом в науке, освобождением идеи человека от фатальности идеологических и классовых оков, преодолением иждивенческой психологии, политики «собесовского подаяния» и государственного патернализма. Сама возможность

конструирующего социального менеджмента связана с переходом к стабильности общества, приоритету человеческих ресурсов, уважению профессионала. Современные реформы сталкиваются с барьерами стереотипов, из-за которых не так просто осуществить переход российской социальной политики от собесовских стратегий к ресурсным. Пока еще в самих службах и ведомствах царит жесткая иерархия, интересы клиента подчиняются бюрократическим нормам и рассматриваются сверху вниз. Такая организационная культура сопротивляется инновативным процессам, которые угрожают бюрократическим основам привычного порядка. Централизация негативна, тормозится профессионализация, теряется ресурс, сосредоточенный в местном сообществе, в региональных научных школах.

Государственная политика в сфере занятости осуществляет конституционные права граждан на свободное использование способностей и выбор деятельности. Оптимальное решение проблем клиента - в активно проводимом социальном менеджменте, нахождении внешних и внутренних ресурсов, повышении готовности к переменам, адаптивности, социальном научении, изменении ценностных мотиваций, ориентации не на пособие, а личностное развитие<sup>19</sup>. Мы убеждены, что семантическое поле занятости выходит за рамки чисто экономического понятия, приобретая широкий контекст социальной защиты через профессию. Вместе с тем социальный менеджмент института занятости обеспечивает системы норм и правил, регулирующих поведение в сфере рынка труда посредством интеграции в структуру общества.

Условия успешной политики занятости включают эффективность труда, системы переподготовки, развитие рабочих мест, сведение к минимуму рудиментов нерыночных отношений, скрытой безработицы и занятости, достижение определенности статуса занятости, интеграцию службы занятости в общую систему социального регулирования. Политика на рынке труда - лишь составная часть социального менеджмента и политики занятости, она решает частные задачи ликвидации диспропорций рыночной экономики, минимизации издержек безработицы, повышения мобильности и конкурентоспособности. Сутью менеджмента в данной сфере и одним из эффективных путей политики занятости выступает система профессионального обучения безработных и незанятого населения в контексте развития человеческих ресурсов, кадровой политики, мониторинга рынка труда. Классический пример социального менеджмента - смена стратегий социальной политики в масштабах государства. Так в 1992 году в США был намечен переход от welfare (социального обеспечения на основе системы пособий) к workfare (социальному обеспечению на основе занятости), то есть получение пособия означало принимать определенные обязательства работать. Успешность социального менеджмента и стратегий занятости определяется степенью оптимизации, способностью отражать изменения во внешней среде и адекватно модернизировать собственную структуру. Социальный менеджмент в сфере занятости расширяет сферу компетентности, ответственности, возможностей службы, предотвращая ее трансформацию в бюрократическую систему, где средства деятельности превращаются в цели. Социальный менеджмент может стать альтернативой бюрократическому миру безразличных чиновников, чьи функции не требуют профессиональной квалификации. Такой переход в аспекте политики занятости означает понимание трансформации функций: от функций регистрации и выплаты пособий к профессиональному и социальному консультированию, психологической поддержке, переобучению, то есть к социальной работе с клиентом в широком смысле слова.

Социальный менеджмент как актуальное направление в современной социальной политике находится на пересечении методологических и предметных областей анализа социального неравенства и массового сознания, социальных настроений, социально-экономической зависимости на основе адекватности изменившимся условиям жизнедеятельности людей в трансформируемом обществе, рефлексии необходимости новой концепции, выявления социальных типов носителей различных установок на способы жизнеобеспечения. В условиях реформ возникает тенденция поляризации групп населения в социальной структуре общества не только по уровню доходов и материальной обеспеченности, но и по различным стратегиям жизнеобеспечения.

Реформирование общества и социальных институтов, безусловно, изменяет концепцию, принципы и подходы социальной политики. В политической и социально-экономической ситуации в современной России достаточно трудно построить исчерпывающую модель законодательства в отношении социальных услуг. Существуют культурно-исторические особенности управления социальной сферой, формируется особый тип социального менеджмента в государствах различных типов. Различия между

современным социальным менеджментом и социалистической формой управления связаны с соответствующими моделями экономических реформ. Естественно, что социальная политика государства переходного периода концептуально разрабатывается и управляется лишь при условии анализа и учета объективных и субъективных факторов, подготовленности населения к изменению социальной политики.

Согласимся с тем, что в социальной политике вообще и социальном обслуживании в частности чрезвычайно важен принцип обратной связи. При этом, как справедливо отмечает Л. Г. Зубова, учет общественного мнения может быть адекватно реализован через многообразие технологий в области организации социальной помощи и социальной поддержки по отношению к лицам, испытывающим особые социальные проблемы и не имеющим возможности самостоятельно их решать.

Инструментом эффективного взаимодействия социальной политики и общественного мнения является организация социальной работы, основные функции которой состоят в оказании социальной и психологической помощи, консультировании, социальной коррекции и реабилитации, информировании населения о возможных вариантах поведения в трудных жизненных ситуациях. Действительно, в последнее время наметилась тенденция развития организаций некоммерческого сектора (благотворительные и общественные организации), обладающих уникальными возможностями усилить адресность и весомость социальной помощи и обеспечить обратную связь - от потребителей социальной помощи к законодательным возможностям государства .

Методология социальной политики состоит в трансляции идеи партнерства во взаимодействии институтов социальной политики, образования и воспитания. Социальный институт по созданию условий для понимания, социальной поддержки, помощи нетипичному индивиду должен быть дополнен инновационной моделью социального менеджмента. Устойчивость социальной жизни зависит от того, как общество и государство соединяют экономические свободы и идеалы социальной сферы, реализуют служение человеку, а не приспособливают человека к политике. При этом важными для человека современного общества являются социальные последствия экономических решений.

В последние годы опубликованы содержательные работы о роли третьего сектора в развитии социального государства<sup>21</sup>, о роли регионов в решении вопросов социальной защиты населения<sup>22</sup>, хотя по-прежнему игнорируются вопросы взаимодействия коммерческих структур и учреждений социальной сферы. Значительно расширяются смысловые границы проблемы: речь идет об управлении системой социальной защиты<sup>23</sup>, оценке эффективности учреждений, профессионализме работников социальных служб<sup>24</sup>, экспертизе федеральных целевых программ<sup>25</sup>.

Правда, пока еще отсутствуют четко определенные критерии оценки качества социального обслуживания в целом и результатов труда отдельных социальных работников. Не существует системы оценок эффективности и таких федеральных программ, как «Дети России», включая «Дети-инвалиды», «Развитие социального обслуживания семьи и детей», «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Задачи по выполнению этих программ возложены на учреждения Минтруда, Минобразования, Минздрава, МВД, Министерства по делам молодежи. Ведутся дебаты о том, что учитывать при такой оценке - объемы и структуру финансирования, временные затраты, конечный результат или любые эффекты программы, роль программ в выполнении федеральных законов и постановлений в области социального обслуживания, опираться ли на статистические данные, поступающие из регионов, проводить мониторинг деятельности учреждений или определять эффективность на основе проведения выборочных обследований социальных служб и их клиентов. За недостатком финансирования такие исследования проводятся от случая к случаю, носят эпизодический, фрагментарный характер<sup>26</sup>. В регионах нет каких-либо единых инструментов или подходов к анализу этой деятельности, в том числе к оценке профессионализма работников социальных служб, неясно, кто, какими методами и по каким индикаторам должен осуществлять измерение качества обслуживания.

Система социальной защиты радикально изменилась и продолжает реформироваться сегодня. Кратко- и долгосрочные цели социальной политики при переходе к рынку реализуются при условии подготовленности властных структур к реформированию социальной политики. Поэтому в структуре социального менеджмента особое место наряду с конкретным социальным проектированием и всеми формами менеджерского контроля занимает и оценка социальных, культурных, экономических

решений. Другой важной стороной социальной компетенции управленца выступают сами методы социальной экспертизы и использование ее результатов.

Различия в принятии управленческих решений по социальным проблемам и общие стратегии реализации социальной политики в условиях плановой и рыночной экономик очевидны, хотя социальный менеджмент реализуется лишь при условии подготовленности властных структур к реформированию социальной политики. Период советской истории вызвал к жизни особые формы социальной защиты и модели социальной политики. Некоторые (но далеко не все) функции социального работника в этот период были распределены между различными специалистами, учреждениями и инстанциями. До перестройки социальные услуги предоставлялись пожилым, инвалидам и сиротам и состояли в выплате пенсий и помещении клиентов в дома-интернаты. Необходимость пересмотра и реформирования скомпрометировавших себя бюрократизмом и невниманием к человеку институтов должны не только сориентировать наше общество на новое знание и массовую профессию в сфере социальной работы, но и заострить проблему формирования социального менеджмента.

Переход от государства субсидий к истинно социальному государству, граждане которого не только пользуются социальными правами, но и выполняют обязательства друг перед другом и перед обществом, требует социологической рефлексии основных принципов социальной политики современности: профилактики социального риска и активизации человеческих ресурсов.

Актуальным направлением в современной социальной политике становится реализация принципа индивидуального реформизма<sup>21</sup>, адаптирующего к различным ситуациям и нацеленного на предоставление адекватных возможностей и средств для нормальной жизнедеятельности и обеспечения безопасности человека.

Очевидно, оптимальное решение проблем клиента социальной службы реализуется в мобилизации его внешних и внутренних ресурсов<sup>28</sup>, повышении адаптивности, готовности человека к переменам, а также изменении ценностных мотиваций - ориентации не на пособие, а личностное развитие<sup>29</sup>. На Западе до сих пор ломают копыта сторонники и противники концепции цикла депривации, содержащей признание особого типа поведения и сознания, фаталистического принятия бедности и неспособности к предпринимательству. В 1990-е годы и в отечественной социологии «получает гражданство» проблема бедности как актуальный аспект анализа социального неравенства<sup>30</sup>. В российских условиях ресурсная концепция, антропологический поворот в социальной политике становятся активным социокультурным гуманизирующим феноменом, детерминирующим переход к социальной стабильности и индивидуальной защищенности. Особенно важен принцип активизации ресурсов человека для улучшения социального

Политика социальной работы положения социально уязвимых групп населения, имеет прямое отношение к профилактике риска, в том числе наркотической зависимости.

С позиций среднего подхода ограниченные ресурсы субъекта и социального окружения снижают эффективность единичных кампаний по коррекции или предупреждению социальных отклонений. Каждое отдельно взятое мероприятие нацелено на какой-либо уровень социально-экологической системы и дает лишь частичный результат. Приведем лишь один пример. С конца 1990-х годов в Москве и некоторых регионах России разработаны и действуют профилактические тренинговые программы «Скажи наркотикам "Нет!"» для предупреждения наркориска, обучающие детей и подростков приемам сопротивления внешнему давлению. Эти программы обладают важными преимуществами по сравнению с информационной и пунитивной (наказующей) моделями, однако их эффект тоже ограничен. Дело в том, что человек в ситуации обучения может выработать необходимые навыки, но не сумеет их применить в реальной жизни, поэтому важно создать такое социальное окружение, где преобладают негативные социальные установки относительно употребления алкоголя и наркотиков. Принцип активизации всей социально-экологической ресурсной системы человека должен стать определяющим и в формировании системы мер в отношении людей с ограниченными возможностями<sup>3</sup>. Во многом реализация этого принципа зависит от профессионализма социальной политики и, в частности, социальной работы.

Особую актуальность в связи с этим приобретает теоретическое обоснование и критический анализ социальной политики, в частности в аспектах управления учреждениями и организациями сферы социальных услуг, сравнительное исследование процессов профессионализации социальной работы и получение эмпирических данных о практике социальных служб. Региональный срез проблемы особенно важен в контексте децентрализации социального управления, а также в аспекте

привлечения внимания научной общественности к анализу местного опыта. С одной стороны, существуют общие тенденции и проблемы социального развития регионов России, с другой - вариативность и уникальность регионального опыта, опосредованные рядом социокультурных факторов: локальными социально-экономическими условиями, эффективностью социальной политики, практическими инициативами субъектов управления социальных служб, характером связи практик с системой социального образования и науки, возможностями международного сотрудничества. Сегодня формируются новые подходы к определению социальных проблем, методы анализа социальных реформ, объяснения социального развития<sup>32</sup>. Общие вопросы социального благополучия рассматриваются в контексте институционализации социальной работы<sup>33</sup>, эволюции и сравнительного анализа социального законодательства<sup>34</sup>. Активно ведется разработка социальных технологий по осуществлению форм и методов социальной работы с различными социальными группами населения<sup>3</sup>. Согласно конвенциональной концепции, социальное развитие трактуется как любое изменение или нарушение социального договора или социальной конвенции в пользу какой-либо группы индивидов. Комплексная картина социального развития включает анализ изменений социальных институтов, норм, ценностей, а также внутренних механизмов общественных изменений, в качестве которых выступает взаимоотношение конфликта и консенсуса, контракта. Наряду с этим социальное развитие предстает как смена социальных практик и символическая борьба в поле политики и культуры. Общим показателем социального развития выступает динамика жизненного стандарта, качества жизни, степень реализации жизненного потенциала<sup>36</sup>. Последствия радикальной реформы российской социальной политики находятся в центре внимания ряда публикаций отечественных и западных социальных ученых начиная с середины 1990-х годов<sup>37</sup>. Определяя «путь для российского социального государства» в дискуссиях о бедности и стратификации, авторы, однако, фактически игнорируют изменяющийся профессиональный статус и роль специалистов социальной сферы. А между тем представители социальных профессий всего мира все более оказываются под воздействием новых систем социального управления и модернизируемой социальной политики. Сами профессии переживают трансформацию, при этом традиционные границы между ними стираются и проводятся заново. Эти изменения еще долго будут сказываться на тех, кто занят в области здравоохранения, социальной защиты, образования, как в постсоветской России, так и новой Европе<sup>38</sup>, имеются сходные тенденции - будут, очевидно, переопределяться понятия автономии и сферы ответственности, отношения между профессиями, государством и клиентами<sup>3</sup>. В связи с этим новый акцент социальных исследований делается на связи, различиях и взаимодействии социальной политики и социальной работы. Дело в том, что современный этап мирового развития, характеризующийся закатом коммунизма и триумфом капитализма, налагает на социальную работу и социальную политику особую и вполне определенную ответственность. По словам Ш. Рамон, социальной работе и социальной политике предстоит компенсировать врожденные пороки капитализма и рыночной экономики, смягчать их давление, не дать им подорвать всю систему, уменьшить ту цену, которую индивиды, семьи, группы и сообщества должны будут платить за успехи капитализма. По ее мнению, социальная политика более связана с позитивистской методологией, а социальная работа - с герменевтикой. Качество социального обслуживания во многом зависит от уровня профессионализма специалистов, занятых в социальной сфере. Изменения российской нормативной базы в 1990-х годах сформировали условия для развития системы социальных услуг и соответствующих профессий. Среди профессиональных групп, входящих в социальную сферу, - социальные работники, работники образования, здравоохранения, психологи, юристы, социальные педагоги. Большинство социальных работников в России заняты в учреждениях и организациях министерства труда и социального развития, небольшая часть - в организациях министерства по делам молодежи, в здравоохранении. Социальная работа, известная в Великобритании и США более ста лет, в России как профессия и образовательная специальность была утверждена в 1991 году. Радикальные трансформации российского общества, состояние социальной практики актуализируют социальный заказ на систематизацию данных, проведение межрегиональных сравнительных прикладных исследований по социальной политике и разработку практических рекомендаций в аспектах ресурсного подхода, эффективной занятости и социальной защиты населения. Очевидно, несмотря на существование научно-теоретических предпосылок для целостного социологического осмысления проблемы социальной политики и разработки модели ее

осуществления как на уровне регионов, так и в Российской Федерации, оформление ее в особую отрасль социологического знания еще не произошло. Пока не получил систематического освещения имеющийся опыт социальной работы, взаимодействия государственных и негосударственных ресурсов социального развития; пробелы в социологии касаются теории и методологии социальной политики, управления социальной сферой, профессионализации социальной работы, способов преодоления социального исключения и социальной дезадаптации.

## 25 Политика социальной работы

<sup>1</sup> См.: *Segal E. A. Social welfare policy, programs, and practice. Itasca, Ill.: F. R Peacock Publishers, 1998.*

<sup>2</sup> См.: *Barker R. L The social work dictionary. 3rd ed. Washington, DC: National Association of Social Workers, 1995.*

<sup>3</sup> См., напр.: *Григорьева И. А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах.*

СПб.: Образование - культура, 1998. С. 31-50.

<sup>4</sup> *Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge. 1990. P. 62.*

<sup>5</sup> *Григорьева И. А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах. СПб.: Об-*

разование - культура, 1998. С. 34.

<sup>6</sup> См.: *Бабич А. М. Социальная сфера в условиях перехода к рынку / Под ред. Е. Н. Жильцова. М.:*

Рос. акад. упр., Центр проблем рын. экономики, 1993; *Викуяина Т.Д. Регулирование доходов населения и социальная политика государства. М: Моск. гос. строит, ун-т, 2000; Волгин Н. А.*

Усиление социальной направленности экономики России: Актуальные проблемы, вопросы теории и практики. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1998; *Перспективы социального рыночного хозяйства в России. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995; Социальная политика в период перехода*

к рынку: проблемы и решения: Сб, ст. / Под ред. А. Ослунда, М. Дмитриева. М.: Моск. Центр Карнеги, 1996; *Социальная справедливость и проблемы перехода к рыночной экономике: Сб ст / Рос.*

акад. наук, Ин-т социологии. М.: ИС, 1992; *Социальны\* коррекции рыночных реформ: Сб. науч. тр. / Кузбас. гос. техн. ун-т. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999; Социальные реформы в странах с переходной экономикой. Проблемы и опыт / С. В. Кадомцева, Л. Н. Джексебаева, Ж. А. Кулекеев и др. М.: ИКЦ «ДИС», 1997.*

<sup>7</sup> *Шахназаров О. Л. Адресная социальная помощь - система социальной защиты для решения проблем*

нерыночного общества // Территориальные проблемы социальной политики. М: ГУ ВШЭ, 2000. С.168-170.

\* *Социальная политика, парадигмы и приоритеты / Под ред. В. И. Жукова. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. С. 195.*

<sup>9</sup> *Гонтмахер Е. Ш. Принципы и основные элементы социальной стратегии // Территориальные пробле-*

мы социальной политики. М : ГУ ВШЭ, 2000. С- 16-18.

<sup>10</sup> *Социальная политика, парадигмы и приоритеты / Под ред. В. И. Жукова. М.: Изд-во МГСУ «Союз»,*

2000. С. 184,

<sup>11</sup> *Gough I. Global Capital, Human Needs and Social Policies. Hampshire; New York: Palgrave, 2000;*

*Григорь-*

*ев О, Романов П. Муниципализация социальной инфраструктуры предприятий: перспективы социологического анализа. Саратов: АБРИС, 2000.*

<sup>12</sup> *Социальная политика в период перехода к рынку: проблемы и решения: Сб. ст. / Под ред. А. Ослунда.*

М. Дмитриева. М.: Моск. Центр Карнеги, 1996; *Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. Сер.: Россия накануне 21 века. Вып. 4. СПб.: Петрополис, 1995.*

<sup>13</sup> *Зиятдинова Ф. Г. Социальные проблемы образования. М.: РГГУ, 1999. С. 14-15.*

<sup>14</sup> *Забродин Ю. М. Кадровый потенциал российской экономики и проблемы развития человеческих ре-*

- сурсов // Социальные проблемы развития человеческих ресурсов. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион, учеб. центра, 1997. С. 6-17. " *Основы* современного социального управления. Теория и методология / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, А. Г. Гладыгдев и др.; Под ред. В. И. Иванова. М.: Экономика, 2000; *Красноженова Г. Ф.* Социальное управление. М.: Моск. ин-т приборостроения, 1993; *Мысин И. В.* Теория и история социального управления: Опыт России и зарубежных стран. СПб.: Изд-во СЗАГС. Образование - культура, 2000.
- <sup>11</sup> *Социальная политика, парадигмы и приоритеты* / Под ред. В. И. Жукова. М: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. С. 234. <sup>17</sup> Там же. С. 193.
- <sup>15</sup> См.: *Трансформация* социальных отношений // Россия - национальная стратегия и социальные приоритеты. М.: Союз, 1997; Цит. по: *Социальная политика: парадигмы и приоритеты* / Под ред. В. И. Жукова. М.: Союз, 2000. С. 234.
- <sup>19</sup> *Ярская В. И.* Научно-методическое обеспечение регуляции занятости: объективные и субъективные аспекты // *Занятость и проблемы ее регулирования*. Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996, С. 22.
- <sup>19</sup> *Зубова Л. Г.* Роль общественного мнения в реформировании социальной сферы. // *Территориальные проблемы социальной политики*. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 195. <sup>21</sup> *Бородкин Ф. М.* Третий сектор в государстве благоденствия // *Мир России*. 1997. № 2. С. 67-116; *Романов П. В., Тартаковская И. Н. и др.* Современное состояние и динамика развития некоммерческого сектора Самарской области. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998; *Ярская В. И.* Благотворительность и милосердие как социокультурные ценности // *Российский журнал социальной работы*. 1995. № 2.
- <sup>19</sup> *Смирнов С.И.* Региональные аспекты социальной политики. М.: ГЕЛИОС, 1999; *Территориальные проблемы социальной политики*. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- <sup>23</sup> *Аксененко Ю. Я., Фадеев О. В., Константинова Л. В., Степанищева О. Б.* Управление социальной сферой в муниципалитете. Саратов: Слово, 1998.
- <sup>24</sup> *Холостова Е. И., Щукина Н. П.* Нет такой профессии - специалист (социальная работа глазами клиента социальной службы). М.: Соц.-технол. ин-т, 2001. <sup>15</sup> *Синдяшкина Е, Н.* Некоторые подходы к проведению социальной экспертизы федеральных целевых программ // *Территориальные проблемы социальной политики*. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 228-234. <sup>26</sup> *Топчий Л.* Оценку ставит клиент // *Социальная защита*. 1998. № 6. С. 66-67. <sup>17</sup> *Розанваллон 77.* Новый социальный вопрос. М., 1997.
- <sup>28</sup> *Принцип активизации в социальной работе*. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- <sup>29</sup> *Ярская В. И.* Антропология социальной политики // *Человеческие ресурсы*. 1998. № 1. С. 4-6; *Она же*.
- Концепция развития человеческих ресурсов: социальное образование и социальный сервис // *Социальные проблемы развития человеческих ресурсов*. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион, учеб. центра, 1997. С. 18-31.
- <sup>30</sup> *Бедность: альтернативные подходы к измерению* / Моск. Центр Карнеги. Науч. докл. Вып. 24. М., 1998; *Гордон Л.* Четыре рода бедности в современной России // *Социологический журнал*. 1994. №4; *Балабанова Е. С.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» // *Социологические исследования*. 1999. № 4; *Ярошенко С.* Бедные в социальной стратификации постсоветской России // *Рубеж*. 1998. № 12. С. 158-174.
- <sup>31</sup> *Смирнова Е. Р.* Семья нетипичного ребенка: экосистемные основания реабилитации // *Семья в России*. 1996. №3^1. С. 30-46.
- <sup>19</sup> *Социальные цели и социальная реформа* / РАН. Ин-т экономики; Отв. ред. П. В. Савченко и др. М., 1994; *Управление социальной сферой* / А. А. Бабаджанов, Н. К. Ваганова, В. И. Виленчик и др. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 1998.
- <sup>33</sup> *Холостова Е. И.* Социальная политика. М.: ИФРА-М, 2001; *Взаимосвязь социальной политики и социальной работы*. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- <sup>19</sup> *Социальное законодательство России и Великобритании*. М.: Хризостом, 2000.
- <sup>35</sup> *Социальное обслуживание населения: современное состояние, проблемы и перспективы: Материа-*

лы III Нац. конф. Асс. работников соц. служб. М.: Асс. работников соц. служб, 1998; *Гендерные аспекты социальной трансформации*. М.: ИСЭПН РАН, 1996; *Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания*: В 2 т. М.: МЦГИ, 1998. Т. 1.

<sup>36</sup> *Козловский В. В.* Утраты и обретения социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*.

Т. 1. 1998. № 1. С. 36-40.

<sup>37</sup> *Сонина Н. А.* Государственная политика в сфере бесплатного обслуживания: уроки и перспективы. М.: Наука, 1994; *Социальное страхование в России: на пути к реформам*. М.: Моск. рабочий, 1994; *Burke M. A.* Child Institutionalization and Child Protection in Central and Eastern Europe, Innocenti Occasional Papers, Economic Policy Series, №. 52. Florence, Italy: UNICEF International Child Development Centre, 1993; *Social trends in contemporary Russia: a statistical source-book*. New York: St. Martin's Press, 1993; *Sustaining the transition: the social safety net in postcommunist Europe*. New York: Council on Foreign Relations, 1997.

<sup>38</sup> *Ferge Z, Kolberg J. E* (Eds) *Social Policy in a Changing Europe*. Frankfurt/Main: Campus Verlag, 1992.

<sup>39</sup> *Dent M., O'Neill M., Bagley C.* (Eds) *Professions, New Public Management and the European Welfare State*.

Staffordshire: Staffordshire University Press, 1999.

<sup>40</sup> *Взаимосвязь социальной политики и социальной работы*. М.: Аспект-Пресс, 1997.

## КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Не каждая проблема в жизни обычного человека может оказаться в центре внимания государства, стать предметом законодательных реформ или причиной реструктуризации системы социальной политики. Почему те или иные события или явления, ситуации или условия начинают определяться как социальные проблемы, вероятно, зависит от того, каковы их последствия, а также от того, как на них может влиять общество или отдельные субъекты - акторы. Осознание некоего дискомфорта или трудной ситуации как насущной социальной проблемы влечет за собой поиск ее причин и зачастую связано с идентификацией ее виновников или носителей, а также и субъектов или инстанций, отвечающих за ее устранение. Эти проблемы во всем мире выступают важнейшим предметом исследований и политических решений.

В стремлениях определить природу социальных проблем содержится признание их комплексного характера и зависимости от интерпретаций<sup>1</sup>. С начала 80-х годов XX столетия в социологической литературе по теории социальных проблем было выработано согласованное определение социальных проблем, опирающееся по преимуществу на нормативный подход. Тем не менее это определение имеет авторские вариации в различных источниках, в зависимости от той или иной теоретической перспективы, а с конца 1980-х годов оно переосмысливается и критикуется представителями социального конструктивизма. Классический нормативный аспект звучит в определении Р. Мертона и Р. Нисбета: «Социальная проблема существует, если есть значительное расхождение между тем, что есть, и тем, чему, как считают люди, следует быть»<sup>2</sup>. Здесь акцентируется некое отклонение, девиация, но не вполне ясно, кто эти люди, полагающие «правильный» порядок вещей.

Ряд авторов, разрабатывающих социологию социальных проблем, сходятся во мнении, что социальные проблемы становятся таковыми, когда они отвечают следующим четырем взаимосвязанным критериям; социальные проблемы - это 1) социальные условия, ситуации или явления, 2) несовместимые с ценностями 3) значимого количества людей, соглашающихся с тем, что 4) необходимы действия, ведущие к изменению<sup>3</sup>.

Согласно первому критерию, условия должны иметь определенное социальное происхождение, то есть, вызываться человеком, группами или сообществами. Например, землетрясение само по себе не может быть названо социальной проблемой, хотя это оно и вызывает социальные последствия. И шилхпив, рас и ад Советского Союза и 1991 году, вызванный социальными условиями, послужил толчком к миграционным процессам, которые, в свою очередь, сопровождалась многочисленными проблемами беженцев и вынужденных переселенцев.

Кроме того, «социальность» проблемы, как полагает Р. Ленуар, имеет два смысла Первый происходит от социальной экономики, адресной политики и социального законодательства. Второй отсылает к отношениям между социальными группами, социальным конфликтам. Рассуждая о социальной проблеме как предмете социологии, представитель французской социологической традиции акцентирует следующую не менее существенную двойственность термина. Социальные

проблемы могут рассматриваться как социальные обстоятельства и как проблемы общества. Например, если в фокусе внимания эмигранты, то проблемами могут считаться как их собственные проблемы, так и проблемы, которые возникают перед обществом в связи с ними и которые, в свою очередь, создают проблему для самих эмигрантов.

Второй критерий определения социальных проблем - это несовместимость явлений с общественными ценностями. Иными словами, условия должны создавать явную, скрытую или потенциальную угрозу определенным ценностям и интересам, быть нежелательными, нарушающими порядок, неприемлемыми или девиантными. И первый, и второй критерий подчеркивают объективность социальных условий, вызывающих проблему: то, что несовместимо с ценностями и что, несомненно, реально производит негативный эффект. В отличие от нормативного подхода конструктивистский подход обозначает условия как «предполагаемые», и доказать их статус в качестве катализаторов реальной проблемы можно, выдвинув утверждение об аморальности или несправедливости этих условий. В этом случае ведущую роль играет деятельность по выдвиганию таких утверждений или требований<sup>5</sup>. Поэтому для представителей социального конструктивизма социальная проблема есть социальный конструкт или то, что воспринимается как проблема<sup>6</sup>. Характерной иллюстрацией может служить восприятие социальных проблем в Советском Союзе, где они назывались явлениями, чуждыми социализму. Поскольку в государстве доминировали ценности авторитарной политической системы, все, что было с ними несовместимо, являлось социальной проблемой и отрицалось. Кроме того, некоторые проблемы политизировались, например преступления против общественной собственности, разводы, стили одежды, музыкальные вкусы, религиозные убеждения и даже низкий уровень рождаемости. Вместе с тем многие явления, открыто именовавшиеся негативными за рубежом, не считались таковыми: дискриминация женщин, сексуальные домогательства на рабочем месте, нарушение прав человека, насилие в семье. Наконец, такие феномены, как проституция, наркомания, суициды, попрошайничество, бездомность, не признавались и не выносились на публичную дискуссию. Идеологические механизмы советского типа регулировали способы определения проблем. Лишь после распада СССР политика гласности сделала возможным сравнительный анализ в этой сфере.

В качестве третьего критерия взято за основу наличие значимого количества людей или некоторого числа «значимых» людей, необходимых для определения социальной проблемы. Эта социальная группа может быть рассмотрена с двух позиций. С одной стороны, это те, кто обладает возможностями влиять на общественное мнение и определять ту или иную ситуацию как социальную проблему. С другой стороны, речь может идти о «проблемной группе», то есть о тех, кто представлен в качестве жертв или носителей социальной проблемы. Причем один статус не исключает другого, что становится особенно очевидным в случае применения социально-конструктивистских подходов. Следует также отметить, что некоторые проблемы могут рассматриваться воздействующими на все население, а другие -- в связи с определенными индивидами или социальными группами -однородными в отношении возраста, этничности, географического расположения.

В этой связи А. Джамрозик и Л. Носелла замечают, что зачастую уязвимыми группами становятся именно нижние слои социальной иерархии, что позволяет определить

#### 29 Политика социальной работы

эти группы как проблемные<sup>7</sup>. Похожей точки зрения придерживаются также Дж. Джулиан и В. Корнблум в энциклопедии социальных проблем<sup>8</sup>. Со структурно-функционалистских позиций авторы утверждают, что, поскольку общество стратифицировано, различные категории населения по-разному переживают одни и те же проблемы. Социальная среда и прошлый опыт этих групп влияют на возникновение и исчезновение социальных проблем, и то, что испытывают одни, вряд ли характерно для других социальных слоев. Вместе с тем это утверждение не имеет абсолютного характера, и вряд ли можно выработать «иммунитет» к тем или иным социальным проблемам, о чем говорит название известного сериала «Богатые тоже плачут». Действительно, верхние слои социальной иерархии, которые хотя и в большей степени защищены от бедности, низкого качества медицинского обслуживания и безработицы, остаются уязвимыми к таким социальным проблемам, как наркомания, алкоголизм, проституция, суицид.

Насколько велика должна быть проблемная популяция, чтобы это стало волновать все общество?

Существует ли статистический предел, магическое число или объективный показатель «проблемности»? Должны ли именно 7 % безработных и 25 тыс. смертей от дорожно-транспортных

происшествий считаться свидетельствами социальных проблем? Значит ли это, что в случае уменьшения этих показателей социальные проблемы перестанут считаться таковыми? М. Сорока и Дж. Брайак<sup>9</sup> пытаются ответить и на вопрос, сколько человек должны начать беспокоиться о ситуации, чтобы она рассматривалась как социальная проблема. Эти авторы отмечают, что условие становится проблемой, если оно субъективно определяется в качестве проблемы влиятельными представителями данного сообщества, хорошо организованными группами, теми, кто наделен властью или харизматическими индивидами. В число тех, кто влияет на определение ситуации, могут входить политики, журналисты, бизнес-элита, общественные деятели, а также представители «помогающих» профессий, в том числе социальные работники.

В Советском Союзе именно идеология во многом обеспечивала критерии для идентификации социальных проблем. Вместе с тем даже в социалистический период люди усматривали в основе определенных социальных проблем «теневые контракты» системы: существовали гласные и негласные темы, первые официально обсуждались, а вторые только подразумевались. Дело в том, что даже в самом тоталитарном обществе существует пусть и незначительный, но важный разрыв между интерпретацией реальности населением, с одной стороны, и интерпретацией той же реальности в средствах массовой информации и государственной идеологии в целом - с другой. Дискуссии по проблемам в обществе часто происходят в семейной и иных частных сферах. П. Бергер<sup>10</sup> замечает, что члены общества извлекают знание о социальных проблемах из своего повседневного опыта. Поэтому не стоит преувеличивать значение средств массовой информации в отношении степени их влияния на общественное сознание. Речь, в частности, о том, что информация, поступающая из таких официальных источников, как телевидение, радио, газеты, во многом корректируется людьми в соответствии с их собственным повседневным опытом.

В качестве четвертого критерия определения социальных проблем можно считать указания на необходимость и возможность преодоления проблемной ситуации, содержащиеся в определении или описании проблемы. Она должна поддаваться разрешению и устранению или, по крайней мере, ослаблению. Этот акцент на необходимости сделать что-либо звучит как заключительный аккорд подавляющего большинства публичных комментариев: упразднить, ликвидировать, разрешить, сделать мишенью для пробных коррективных социальных мер, исправить посредством коллективной акции и т. п. Любая



теоретическая перспектива рассмотрения социальных проблем, по мнению И. Рубингтона и М. Вейнберга, должна учитывать четыре аспекта: «Причины, то есть идеи о природе этого процесса и факторах, которые продуцируют социальные проблемы; условия - среду, в которой причины социальных проблем вероятнее всего проявятся; следствия - вероятные негативные эффекты; решения - меры, не обязательно явно установленные, но имплицитно содержащиеся в анализе проблемы»

Представление о том, что в отношении социальной проблемы возможны и необходимы действия, ведущие к изменению, - это одно из современных дополнений к восприятию социальных проблем. К подобному заключению приходят российские авторы, анализируя исторические вехи социологии социальных проблем<sup>11</sup>. Именно в том случае, когда условия называются проблемными, появляется устойчивое словосочетание «решить проблему», и возможность изменения проникает внутрь самого понимания социальной проблемы. Любое современное исследование безработицы, наркомании,

сиротства и любых других социальных проблем предполагает практические рекомендации на макроуровне социальной политики или интервенцию в проблему на уровне конкретного региона, организации или даже определенного проекта этой организации.

Примером может служить социальная интервенция в продолжающуюся наркотизацию населения России. Меры борьбы с этим явлением, способы профилактики и реабилитации совершенствуются и достигают реальных позитивных результатов благодаря комплексному воздействию. На макро- и мезоуровне проблемы наркомании активно реализуется антинаркотическое сотрудничество и межведомственное взаимодействие местной исполнительной власти, правоохранительных органов, управлений здравоохранения, образования и социального развития. На микроуровне реализуются профилактические, антинаркотические программы «Как сказать "Нет"» в учебных заведениях, в общественных организациях открываются консультационные пункты для наркозависимых, расширяется сеть реабилитационных центров для лиц, испытывающих зависимость от наркотиков. Вместе с тем дискуссия о наркотизации зачастую играет роль катализатора межнациональной розни, поскольку наркобизнесу в российских средствах массовой информации приписываются гипертрофированные этнические черты. Наверное, самым ощутимым вкладом в современную теорию социальных проблем являются идеи представителей социального конструктивизма, предложивших радикально иное направление размышлений и противопоставивших субъективизм прежним объективистским представлениям о приоритете социальных условий. Новизна этого подхода состояла в признании социальных проблем в качестве подвижных социальных конструктов.

Традиционно ожидается упоминание двух авторов социального конструктивизма<sup>13</sup>, однако акционистская парадигма представлена здесь другими именами. В определении М. Спектора и Дж. Китсьюза главенствует понятие деятельности, а точнее, деятельности по формулированию утверждений и выдвижению требований относительно тех или иных условий. Согласно их точке зрения, социальные проблемы определяются через деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и отстаивающих требования относительно некоторых предполагаемых условий. Центральным вопросом в теории социальных проблем становится объяснение возникновения, природы и регулирования деятельности по выдвижению утверждений и требований, а также соответствующих действий, направленных на решение социальных проблем<sup>14</sup>.

Деятельность подразумевает активность и процессуальность, поэтому внимание в теории Спектора и Китсьюза концентрируется на «социальной карьере» или «жизненной истории» социальной проблемы. Согласно конструктивистскому восприятию, социальная проблема проживает несколько стадий:

Стадия 1. Агитация. Жертвы проблемы, заинтересованные группы, общественные агитаторы желают получить публичное признание проблемы и инициируют ее обсуждение.

Стадия 2. Легитимация и кооптация. Официальное признание проблемы. Официальные органы определяют и начинают контролировать проблему и выбирают легитимных лидеров из групп, выдвигающих требования.

Стадия 3. Бюрократизация и реакция. Бюрократическое взаимодействие с проблемой, заинтересованность властей скорее в контроле над недовольными, нежели в изменении социальных условий, не удовлетворяет протестующую группу. Судьба проблемы может зависеть от организационных особенностей государственных служб. Бюрократическое реагирование может быть направлено на рассогласование протестующих групп.

Стадия 4. Возобновление движения. Отвержение протестующими группами официальных ответов (или отсутствия государственных решений). Развитие новых и альтернативных решений и организаций. Появление социальных реформаторов и общественных деятелей<sup>15</sup>.

Продвижение законопроекта «О предотвращении насилия в семье» наглядно иллюстрирует стадиальность процесса фиксации социальной проблемы. Инициированный женским общественным движением России начала 1990-х годов и активно поддержанный правозащитницами Г.

Старовойтовой, Л. Завадских, членами фракции «Женщины России» законопроект был вынесен на обсуждение Государственной думы в 1995 году. Инерционность мышления российских депутатов, патриархальные стереотипы и недостаточное юридическое обеспечение проекта помешали принятию закона. На протяжении последних лет неоднократно возникали инициативы по повторному рассмотрению документа, который существенно трансформировался. Окрепшие и ставшие влиятельными женские неправительственные организации и кризисные центры для женщин продолжают его лоббирование.

Добавим, что еще задолго до появления идей конструктивизма в рамках ценностного подхода Р. Фуллером и Р. Майерсом была предложена идея о динамике развития проблемы через стадии 1) осознания, 2) определения политики и 3) реформы. Эти авторы еще в 1930-40-е годы определяли социальные проблемы как те условия, которые считаются социальными проблемами<sup>16</sup>. Во всяком случае социально-конструктивистские объяснения фокусируются не на самих социальных проблемах, а на процессе, посредством которого социальные проблемы идентифицируются, а также на социальных акторах, которые идентифицируют эти проблемы. С точки зрения конструктивизма объектом социологического анализа является не совокупность социальных условий, а деятельность людей, воспринимающих эти условия как проблемные. Социолог, например, не может выступать как эксперт по проблеме, но только как эксперт по утверждению проблемы.

По-своему подходят к исследованиям социальных проблем французские ученые, которые не фокусируются в такой степени на деятельности социальных акторов. Так, Р. Ленуар, несколько дистанцируясь от ранее обсуждавшихся конструктивистских подходов, артикулирует два ключевых процесса: признание и институционализацию<sup>11</sup>. Субпроцессами признания могут быть давление и выражение, использование силы слова и социальных сил, государственное освещение и работа по легитимации. С другой стороны, легитимация не выводится лишь из публичного признания проблемы, но предполагает особую деятельность по ее продвижению для внедрения ее в поле актуальных «социальных» забот. Происходит процесс институционализации, сопровождаемый бюрократизацией социальных отношений; проблема «ввязнет» в дискурсах учреждений, а государство стремится рационализировать ее решение в позитивистской риторике социальной политики.

В современных дебатах о социальном конструктивизме ряд постулатов подвергается критике. Указывается, в частности, что деятельность по выдвиганию утверждений и требований о социальных проблемах является типом коллективного поведения, таким образом, исследования социальных проблем могут быть объединены в независимую область социальных движений<sup>18</sup>. Некоторые авторы, например, Дж. Холстейн и Г. Миллер расценивают дискуссии о социальных проблемах в качестве инструмента борьбы за общественное мнение, активно используемого конкурирующими политическими группами<sup>19</sup>. Например, конкурсы общественных проектов или социальных заказов предлагают пространство для подобных соревнований, в то время когда инициативные группы вынуждены сражаться за финансовую поддержку из фондов. Каждый проект представляет свой предмет как наиболее актуальный, нацеленный на решение проблемы первоочередной значимости, будь то озеленение города, создание нового подросткового клуба или кризисного центра для мужчин.

Наибольшее количество критических замечаний социальный конструктивизм заслужил за так называемый «селективный объективизм», поскольку предполагает, что процесс социального конструирования является неотъемлемой частью социального мира. Однако социальный мир существует независимо от его описания социальными конструктивистами. Этот присущий конструктивизму феномен был назван критиками «онтологической махинацией или подтасовкой фактов»<sup>20</sup>. Кроме того, слабостью социального конструктивизма признается недостаточная рефлексия взаимосвязи между субъективным, интерсубъективным процессами и объективной реальностью, невнимание к причинам социальных проблем. Ответом на критику стало возникновение нового подхода - контекстуального конструктивизма, то есть теории, которая все же признает зависимость от контекста, в отличие от строгого конструктивизма Спектора и Китсьюза, Согласно представителю контекстуального конструктивизма Дж. Бесту, любое утверждение социальной проблемы может быть оценено с приемлемой вероятностью, если использовать статистическую и другую доступную информацию относительно

33условий, которые упоминаются в этом утверждении. Контекстуальные конструктивисты обращают внимание на различие между «обоснованными» и «необоснованными» утверждениями о социальных проблемах. Это помогает понять, почему некоторые условия воспринимаются как «реальные», а другие - как «ложные» социальные проблемы. В рамках этого подхода реальными социальными проблемами являются лишь те условия, в отношении которых были успешными как сделанные утверждения, так и рекомендованные действия по их смягчению или устранению. Контекстуальные конструктивисты также используют собственную оценку утверждений о социальных проблемах, чтобы определить новые и прежде «неопознанные» социальные проблемы. К примеру, насилие над женщинами в семье постепенно начинает распознаваться в России как острая социальная проблема. Движение кризисных центров для женщин завоевало прочные позиции и

играет важную роль в осмыслении и преодолении этой проблемы. В то же время, домашнее насилие над пожилыми родственниками редко приобретает такой статус и рассматривается как в большей степени трудности детско-родительских отношений. Так же, как и за рубежом, пожилые россиянки, становясь жертвами насилия со стороны собственных детей и других родственников, причисляются к категории клиента с иными критериями оценки, например в качестве бедных или больных. Как показывает практика работы общественных организаций и социальных служб, работающих со старшим поколением, достаточно высокий процент их клиентов жалуется на разнообразные проявления насилия в отношении к ним. В отечественной практике положение усугубляется совместным проживанием членов расширенной семьи в небольших квартирах ввиду невозможности расширения жилплощади для большинства населения.

Необходимо отметить, что в рамках нормативного подхода также встречается дифференциация социальных проблем на «явные» и «скрытые». Так, Р. Мертон усматривает задачу социологии в идентификации условий скрытых проблем. Социологу необходимо продемонстрировать их направленное или потенциальное значение для общества, то есть проявить латентные социальные проблемы. Вообще, говоря о нормативной перспективе в изучении социальных проблем, было бы некорректно абсолютно противопоставлять ее социальному конструктивизму, так как оппозиция эта и не может быть бинарной, ведь существует, по меньшей мере, несколько теоретических подходов в отношении социальных проблем. Кроме того, у разных подходов есть свои сильные стороны.

Например, одним из преимуществ позитивистского подхода является то, что в его рамках представляются наиболее ясные объяснения социальных явлений как проблемных, а также предлагает убедительные аргументы, способные направлять политику и убеждать публику.

В социологии социальных проблем рассматриваются практически все общеизвестные теоретические школы, поскольку социальная проблема, как можно видеть, является одним из ключевых социологических концептов. Так, В. Минина в аналитическом обзоре теоретических перспектив социологии социальных проблем обобщает две традиции<sup>22</sup>. К первой она относит функциональный, конфликтно-ценностный и нормативный подходы. Вторая традиция связывается с позицией критического силового конфликта и конструктивистского подхода к социальным проблемам.

А. Джамрозик и Л. Носелла<sup>23</sup> представляют несколько иную классификацию подходов. Они выделяют семь различных теорий, при помощи которых объяснялась природа социальных проблем и, по существу, легитимировались определенные действия по их предупреждению и смягчению.

Теория *социальной патологии* была создана эволюционистами по аналогии с законами органического мира, и причины таких проблем, как бедность, преступность, пьянство и наркомания, виделись в недостатках человеческого характера.

Теория *социальной дезорганизации* переносит фокус с индивидуальной патологии на социальное и экономическое окружение. Кроме того, здесь в объяснении социального участия и культурного конфликта в качестве факторов социальной дезорганизации фигурирует и понятие культуры.

Теория *ценностного конфликта* связывает возникновение социальных проблем с расхождением между социальными ценностями и ценностями личности.

Теория *девиантного поведения* фокусируется на объяснении причин нарушений закона, антисоциальной деятельности и видит эти причины в расхождении между культурно пропагандируемыми, одобряемыми целями и структурными барьерами, которые затрудняют достижение этих целей.

Теория *ярлыков* перемещает фокус с «девиантной личности» на людей, которые обладают властью определять легитимность социального поведения и примерять ярлык «нормальности» или «девиации» к тем, кто вовлечен в такое поведение.

*Критическая теория* анализирует социальные проблемы в контексте социальной системы, в которой они возникают. Изучение таких явлений является политическим актом, поскольку социальные институты рассматриваются в качестве структуры власти.

Теория *социального конструктивизма* предполагает существование социальных феноменов как зависимых от восприятия и интерпретации наблюдателя.

Проиллюстрируем теоретические перспективы на примере проблемы суицида. Самоубийство объясняется: 1) теорией социальной патологии - как следствие психического отклонения; 2) теорией социальной дезорганизации - как воздействие социального кризиса, патологии системы; 3) теорией ценностного конфликта - как критический результат переоценки ценностей, целей и смысла жизни индивидом; 4) теорией девиантного поведения - как отклонение от социально одобряемых способов

совладания со сложными жизненными обстоятельствами; 5) теорией ярлыков - как следствие социальных предписаний к совершению самоубийства, например, в ситуациях потери чести у военных, банкротства у крупных бизнесменов, при смерти мужа в индийском ритуальном самоубийстве вдов «саги», а также в случаях неразделенной любви; 6) критической теорией - как акт протеста против власти, будь то веления Бога, власти родителей над подростком, власти общества над человеком; 7) теорией социального конструктивизма - как разнообразные модели интерпретации суицидальной проблемы, конструируемые экспертами, в контексте возможной интервенции в ситуацию. Понятие «социальные проблемы» используется одновременно в научном и повседневном обиходе. Различные его концептуализации возможны за счет переосмысления критериев определения социальной проблемы, что зависит, в свою очередь, от выбора социологической перспективы. Для исследователей социальной политики рефлексия методологических оснований определения социальных проблем имеет первостепенное значение. Применение мультипарадигмального подхода к такому анализу способно выявить не только явные, но и латентные основания свойства тех механизмов, которые приводят в движение всю систему социальной помощи и легитимируют осуществление тех или иных мероприятий на федеральном и местном уровне. Одним из направлений научного поиска в этой сфере является анализ риторики и практики различных авторов социальной политики. В нашем исследовании мы подвергаем анализу различные уровни социальной политики и социальной работы, тем самым в центр дискуссии помещаются

### 35 Политика социальной работы

не только конкретные социальные проблемы, но и по-разному трактующие их субъекты, социальные авторы, создающие специфические дискурсы социальных проблем и множественные определения социальной политики. В фокусе анализа оказываются уровни и формы социальной политики, общественные движения, новые «помогающие» профессии, позиция средств массовой информации, внутренний мир социальных служб и практика социальной работы. Мы отдаем себе отчет в том, что в этом хоре голосов есть и те, кто солирует, наделенные большей властью давать определения социальных проблем. Это в первую очередь те, кто входит в государственную администрацию, влиятельные политики, а также близкие к властным кругам профессионалы, представляющие такие классические сферы деятельности, как медицина, юриспруденция и психология. В условиях современной модели политической власти, основанной на рациональной бюрократии, власть профессионалов становится особенно очевидной, как и конкуренция между отдельными дисциплинами за право называть, классифицировать социальные проблемы и, следовательно, направлять деятельность по их преодолению. Однако власть профессионалов может иной раз оказаться такой же тоталитарной и бесчеловечной, как и власть политической партии или религиозного ордена. Ограничить монополизацию власти профессионалов социальной сферы возможно с помощью развития демократических институтов и гражданского общества, открытости социальной политики для независимой публичной экспертизы, создания горизонтальных структур управления.

<sup>1</sup> Соловьев А. В. О природе социальных проблем // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 324-328. <sup>3</sup> Merton R. K., Nisbet R. (Eds) Contemporary social problems. 4th ed. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1976. P. 24.

<sup>3</sup> Rubington K, Weinberg M. The study of social problems. Seven perspectives. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 4.

<sup>4</sup> Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Пер. с фр. А. Т. Бикбокова, Д. В. Баженова, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чередниченко. М.: Ин-т эксперимент, социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 77-144.

<sup>5</sup> Spector M., Kilsuse J. Constructing social problems. New York: Aldine de Gruyter, 1987. <sup>6</sup> Минина В. Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, №3.

<sup>7</sup> Jamrosik A., Nocella L. The sociology of social problems. Theoretical perspectives and methods of intervention. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 4.

<sup>8</sup> Julian J., Komblum W. Social problems. 5th ed. New York: Prentice Hall, 1986.

<sup>4</sup> Soroka M., Bryjak G. Social problems: a world at risk. Boston: A Simon and Schuster Company, 1995.

<sup>10</sup> Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1996.

" *Rubington E., Weinberg M.* The study of social problems. Seven perspectives. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 41.

<sup>12</sup> *Ясавеев И. Г.* Социология социальных проблем // Социология: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С. А. Ерофеева, Л. Р. Низамовой. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1999. С. 186,

<sup>13</sup> *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

<sup>14</sup> *Spector M., Kitsuse J.* Constructing social problems. New York: Aldine de Gruyter, 1987. P. 75; *Спектор М., КитсюзДж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности - 2: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1998. С. 77.

<sup>15</sup> *Ritzer G.* Social problems. 6th ed. New York; Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 8. <sup>16</sup> *Фуллер Р., Майерс Р.* История социальной проблемы // Контексты современности - 2: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1998. С. 55; *Ясавеев И. Г.* Социология социальных проблем // Социология: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С. А. Ерофеева, Л. Р. Низамовой. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1999. С. 186.

<sup>17</sup> *Ленуар Р., Мерлье Д., Лэнто Л., Шампань Л.* Начала практической социологии / Пер. с фр. А. Т. Бикбокова, Д.В.Баженова, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чередниченко. М.: Ин-т эксперимент, социологии; СПб.; Алетейя, 2001, С. 77-144.

<sup>18</sup> *Бламер Г.* Социальные проблемы как коллективное поведение II Контексты современности - 2: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1998. С. 65-75.

<sup>19</sup> *Holstein J., Miller G.* (Eds) Reconsidering social constructionism: Debates in Social Problems Theory. New York: Aldine de Gruyter, 1993. P. 10.

<sup>20</sup> *Ibid.* P. 11.

<sup>21</sup> *Best J.* (Ed.) Images of issues: typifying contemporary social problems. New York; Oxford: Oxford University Press, 1989; *Сеет Дж.* Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности - 2: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан, ун-та, ] 998. С. 80.

<sup>u</sup> *Минина В. Н.* Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Ка 3.

<sup>23</sup> *Jamrosik A., Nocella L.* The sociology of social problems. Theoretical perspectives and methods of intervention. Cambridge: Cambridge University Press. 1998. P. 31-

## 38. ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В условиях демократических преобразований главным принципом общественного развития выступает социальная справедливость, что предполагает соблюдение прав человека и преодоление всех видов дискриминации. Именно поэтому одной из важнейших социокультурных задач в России становится разработка позиции критического и конструктивного гражданства. Анализ социальной политики и социальных услуг, представленный в этой книге, базируется на нескольких теоретических подходах. Прежде всего, это социально-антропологическое видение предмета, которое позволяет сформулировать методы анализа в двух направлениях: 1) формирование организационной культуры различных социальных служб и учреждений социального профиля в отдельном регионе России; 2) ход развития социальных технологий, моделей социальной политики в отношении конкретных групп населения на локальном и общегосударственном уровне. Для этого применяется мультиметодическая стратегия исследования: анализ социальной политики и практик социального обслуживания ведется с применением методов контент-анализа, интервью и этнографического кейс-стади. Кроме того, речь идет о радикально-критических и феминистских взглядах на социальную работу и феминистской критике социальной политики. В этой главе мы раскроем теоретические предпосылки гендерно-чувствительного анализа новой профессии и ее социально-политического контекста.

### Феминистская критика социальной политики

Феминистская критика социальной политики направлена на выявление тех механизмов социального обеспечения, политики занятости, здравоохранения, которые влияют на ухудшение положения женщин, усугубляют или воспроизводят тендерное неравенство. Эта перспектива только начинает разрабатываться отечественными авторами уже есть важные результаты гендерной экспертизы российского законодательства в отношении семьи, трудовых отношений и конституционного обеспечения равенства полов<sup>7</sup>. Приведем основные аргументы гендерно-чувствительного анализа социальной политики. С феминистской точки зрения программы социального обеспечения до сих пор не смогли удовлетворить ожидания женщин ни в капиталистических, ни в социалистических

странах в отношении доходов, доступности и качества обслуживания. Речь идет о неэффективности мер социальной защиты и тех сервисов, которые могли бы уменьшить нагрузку женщин по дому, включая социальные услуги, здравоохранение и возможности занятости. Проблема состоит в том, что женщины на рынке труда предоставляют одновременно как оплачиваемый, так и неоплачиваемый (домашний) труд, чтобы удовлетворить потребности своей семьи, и экономики в целом. Хотя в контексте мировой экономики на рынке доминирует платная занятость и капиталистические принципы организации трудовых отношений, неоплачиваемая работа по дому является не менее важным фактором рыночной экономики. Кроме того, важным аргументом не-состоятельности мер социальной политики в отношении женщин является их высокая занятость в секторе неформальной или теневой экономики, где их труд оплачивается низко, не соблюдаются социальные гарантии и нарушаются права человека.

Сосуществование на рынке труда таких форм занятости, как оплачиваемая работа и домашний труд, который нигде не учитывается, а также занятость в теневой экономике<sup>3</sup>, означает не только их простое присутствие. Эти формы полностью зависят друг от друга, постоянно трансформируясь и переопределяясь в процессе взаимодействия. Основное различие между ними состоит в том, что оплачиваемый труд классифицируется как фактор производства, тогда как домашний труд не учитывается в классических экономических схемах. Однако, считают феминистские авторы, если бы не было бесплатного домашнего труда, стоимость производства товаров и услуг, которые в настоящее время производятся и потребляются человечеством, была бы неизмеримо выше<sup>4</sup>.

Важный вклад в критику социальной политики внесли представительницы различных направлений феминизма<sup>5</sup>: социалистического, марксистского, либерального, черного, цветного, азиатского и гей-лесбийского. Социальная политика ряда стран под влиянием идей тендерного равноправия и эмансипации женщин сегодня включает многообразные сервисы и льготы для женщин. И если бы эти государственные ресурсы были более согласованы с феминистскими принципами организации услуг, их эффективность и качество были бы намного выше. Некоторые авторы называют Голландию в качестве уникального примера страны, где интересы государства и государственной социальной политики изначально были согласованы с теориями феминизма<sup>6</sup>.

Напомним, что в странах Запада женщины «отвоевывали» свои права постепенно, в течение длительного периода времени, на протяжении двух волн феминистского движения. Напротив, в России освобождение женщин и легализация тендерного равенства произошли в результате «относительно тихой» и не «женской» революции<sup>7</sup>. Первые декреты советской власти 1917 года и Конституция 1918 года дали женщинам равноправие в одночасье и в полном объеме. В России был период, когда феминистски настроенные лидеры пытались направлять государственные интересы на социальную сферу, в частности А. М. Коллонтай в должности народного комиссара государственного призрения принимала участие в создании новой модели социальной помощи, в основу которой было положено коммунистическое социальное обеспечение. Однако по большей части инициаторами постановки женского вопроса, в отличие от зарубежных стран, являлись не только и не столько сами женщины. Более того, весь опыт советских женщин свидетельствует о том, что социализм сам по себе не эмансипирует женщин. Напротив, социалистический порядок может даже усилить патриархатные отношения, реорганизуя их способами, совместимыми с социалистическим экономическим развитием. В свою очередь патриархатные отношения определяют те ценности, нормативные предписания и символические коды, в рамках которых развивается социализм<sup>8</sup>. Экономические приоритеты экстенсивной индустриализации и модернизации технологий гарантировали такое положение, при котором, как утверждает Л. Доминелли<sup>9</sup>, социальная политика серьезным образом фактически никогда не угрожала патриархатным отношениям. При этом, отсутствие сильного автономного феминистского движения, способного защитить права женщин в Советском Союзе, означало, что противоречия между женским освобождением и социалистическим развитием 39 Политика социальной работы были разрешены в пользу социализма, тем самым соблюдались интересы общества, где продолжали доминировать мужчины.

Некоторые тендерные аспекты советской социальной политики рассматриваются в параграфах, посвященных семейной политике и репрезентациям Международного женского дня. Анализ показывает, что социальная политика в советский период неоднозначно влияла на благополучие женщин, детей и мужчин<sup>10</sup>. Феминистская критика обращает особое внимание на занятость и проблемы в сфере труда, а именно: практики найма, оплаты, повышения квалификации, продвижения по службе, ограничивающие права и возможности отдельных групп работников. В

советском обществе законодательство формулировалось в соответствии с социалистической идеологией «контракта работающей матери»<sup>11</sup>, где женщины выполняют функции в обществе наравне с мужчинами, но имеют еще и специфическую функцию материнства, при сохранении лидерства мужчин в обществе<sup>12</sup>. Тем самым советское законодательство, призванное решить женский вопрос и обеспечить подлинное равноправие и свободу женщин в социалистическом обществе, было «охранным», льготным законодательством и по сути в целом ряде аспектов оказывалось законодательством дискриминационным<sup>13</sup>. Вместе с тем вопрос о равенстве мужчин и женщин считался здесь решенным. Возможно поэтому дискуссия о тендерном равноправии зачастую вызывает у россиян негативную реакцию, с одной стороны, как тема чуждая, импортированная с Запада, а с другой стороны, как пережиток социалистического прошлого. Аналогичное отношение встречается и в странах Восточной Европы, бывших советских республиках<sup>14</sup>.

В постсоветском законодательстве происходит дальнейшее развитие риторики равенства полов. В современном легитимном дискурсе Россия предстает как социальное государство, гарантирующее достойную жизнь своим гражданам независимо от пола. Вместе с тем существует разрыв между юридически закрепленным объемом социальных обязательств государства и ресурсами, которые фактически направляются на их выполнение. Этот разрыв, полагает М. Э. Дмитриев, «достиг такой глубины, что правомерно было бы ставить вопрос о перерождении "социального государства", каким оно предстает в российском законодательстве, в "виртуальное социальное государство", в котором из-за отсутствия финансирования ни одна из социальных функций не реализуется в том виде, в котором она предусмотрена законом»<sup>15</sup>. По мнению А. И. Посадской<sup>16</sup>, кризис многих сфер социальной защиты создал ситуацию, когда потери подаются как «достижения» новой социальной системы. Один из наиболее ярких примеров - ситуация с детскими дошкольными учреждениями, которые или закрывались, или в которых повышалась плата, причем это преподносилось как аргумент в пользу повышения качества дошкольного воспитания. Однако при этом разрушались основы тендерного равенства в сфере занятости и семьи.

В 1997 году Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 156 (1981) «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин, трудящихся с семейными обязанностями». Государственная дума разработала законодательные поправки для приведения КЗоТа в соответствие с положениями этой конвенции. Вместо запрещающих правил в отношении привлечения работниц к сверхурочным и ночным работам, командировкам и работам в праздничный день в соответствии с конвенцией необходимы требования о получении согласия женщины, имеющей малолетнего ребенка. Запреты на указанные выше работы, правда, сохраняются в отношении беременных женщин и кормящих матерей. В настоящее время Госдумой принят новый вариант трудового кодекса, который отстаивает жесткую логику рынка во взаимоотношениях работников и работодателей, однако пытается создать условия для легализации - добровольного выхода из тени путем смещения черты легальности на уровень, устраивающий работодателя<sup>17</sup>. Тендерная экспертиза реформирования трудового кодекса показывает неоднозначность изменений в аспектах социальной защиты и соблюдения равных прав женщин и мужчин<sup>18</sup>. По выводам М. Е. Баскаковой, российское законодательство в целом и законодательство, регламентирующее трудовые отношения, не содержат дискриминирующих норм. Более того, в российском трудовом законодательстве есть нормы, предоставляющие женщинам особые социально-трудовые гарантии, не имеющие мировых аналогов; например, предоставление отпуска по уходу за ребенком до трех лет; ограничения занятости женщин во вредных условиях труда и некоторые другие<sup>19</sup>. Надо сказать, что в последние десятилетия во многих странах идет процесс постепенного пересмотра и отмены тех юридических актов, которые фиксируют специальную охрану труда женщин как негативно влияющих на занятость женщин и развивающих у них чувство неполноценности<sup>20</sup>. В отношении женщин, в том числе беременных, Трудовой кодекс РФ полностью сохраняет те гарантии, которые содержались в КЗоТе. Однако следует отметить и некоторые существенные нововведения. Так, в Трудовом кодексе РФ раздел «Труд женщин» получил наименование «Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями» (ст. 253-264). Речь идет о том, что гарантиями могут пользоваться не только сама женщина, но и отец ребенка, бабушка, дедушка, другие родственники или опекун, фактически осуществляющие уход за ребенком. Эта льгота дает возможность женщине продолжать работу по своему усмотрению, а уход за ребенком поручить близким родственникам.

Следует отметить, что в КЗоТе существовали статьи (ст. 161-163), которые, по мнению международных экспертов, ограничивали права женщин на равные условия труда с мужчинами.

Данные статьи запрещали применение женского труда в ночное время, направление в командировки, привлечение к сверхурочным работам, что порождало определенную дискриминацию женщин при приеме на работу. Новый Трудовой кодекс РФ (ст. 259) предусматривает право женщин, за исключением беременных, по своему желанию работать сверхурочно и в ночное время, выезжать в командировки. Подобное «уравнивание» в правах с мужчинами может происходить только с согласия женщин, поскольку к таким работам можно будет привлекать на основании специального приказа, в котором женщина должна будет поставить две подписи: первую - об ознакомлении с ее правами (с тем, что ее могут послать на такую работу только с ее согласия) и вторую - о своем согласии. По мнению правозащитных организаций России и международных экспертов, данный раздел является существенным шагом в устранении дискриминации по половому признаку между мужчинами и женщинами<sup>21</sup>.

Однако, зная практики большинства отечественных работодателей, можно предположить, что давления, принуждения в подобных случаях не избежать. В определенном смысле новый Трудовой кодекс снижает степень социальной защищенности женщин-работниц, имеющих несовершеннолетних детей. Если по КЗоТу мать-одиночку, имеющую ребенка в возрасте до 14 лет, практически нельзя было уволить, то по новому кодексу - можно, правда, только по дискредитирующим обстоятельствам - за прогулы, пьянство<sup>22</sup>. Несвоевременность этого решения эксперты аргументируют не только низкой правовой культурой работодателей, но и репродуктивным поведением современных женщин («в нынешней-то демографической ситуации, когда страна практически вымирает, когда и так-то рожать никто не хочет»<sup>23</sup>). Подобной точки зрения придерживается и министр труда и социального развития, объясняя, почему нельзя было привести новый закон о труде в соответствие с рекомендациями Международной организации труда. Согласно этим рекомендациям кодекс должен был стать гендерно нейтральным и из него следовало исключить всякое упоминание о женщине. Однако, как высказался А. Починок, «приравнять во всем женщину к мужчине, обеспечив, например, ее доступ к работе на вредных производствах с особыми условиями труда, мы не можем. Это противоречит нашим традициям. И, кроме того, у нас слишком плохая для этого демографическая ситуация»<sup>34</sup>. Таким образом, право женщины на труд рассматривается в первую очередь в аспекте контроля государства и общества над ее репродуктивной функцией. В контексте заботы о потомстве и беспокойства о демографической ситуации негативные последствия работы на вредных предприятиях для мужчин почему-то не учитываются.

Проблема в том, что государство само является нарушителем прав работников по оплате труда. Так, внесенный Правительством Российской Федерации законопроект «О повышении тарифной ставки первого разряда Единой тарифной сетки работников организаций бюджетной сферы», установивший размер тарифной ставки 1-го разряда 132 рубля, формирует все оклады работников бюджетной сферы (а большинство из них женщины) ниже прожиточного минимума, грубо нарушая Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». И хотя в закон внесен ряд поправок, повышающих социальную защиту безработных граждан, эти же нормы делают получение пособия по безработице более привлекательным, чем трудоустройство на низкооплачиваемую работу. Это в значительной мере относится к женщинам, составляющим 62 % официально зарегистрированных безработных<sup>25</sup>. Тем самым женщине становится выгодно получать пособие по безработице и становиться домохозяйкой.

Серьезной проблемой трудового законодательства является его применение, тем более, что не существует системы досудебного разбирательства трудовых споров и суды не справляются с делами в ситуации стремительно растущих масштабов нарушений социально-экономических прав граждан, особенно дискриминации по признаку пола. Это происходит из-за отсутствия конкретных механизмов реализации международных правовых норм, нечеткости критериев определения дискриминации, неразвитости правового сознания населения в целом и судебных органов и нежелания судов применять антидискриминационные нормы<sup>26</sup>. Кроме того, данные вопросы практически не выносятся на публичное обсуждение, и широкая общественность остается в неведении относительно существования подобных документов.

Таким образом, в современной России социальные права и гарантии женщин реализуются противоречиво, а их положение на рынке труда характеризуется конфликтом между риторикой гендерно-сбалансированного законодательства и дискриминационными практиками трудовых отношений. С одной стороны, законодательство гарантирует всем гражданам независимо от пола свободу выбора рода деятельности, охрану труда, защиту от необоснованного увольнения или

необоснованного отказа от работы. С другой стороны, отсутствуют механизмы пресечения дискриминации, и постсоветское пространство трудовых отношений в сферах формальной и неформальной занятости изобилует случаями нарушения работодателями и государством многих конституционных и социально-трудовых прав женщин. Все это приводит к тому, что дискриминация по признаку пола не является проблемой для массового сознания, а скорее воспринимается населением и правоведами как норма. При обсуждении с нами в интервью вопросов женской занятости и дискриминации по признаку пола респонденты разделились на две категории: те, для кого тендерное неравенство - пустой, и даже раздражающий, звук, и те, кто пытается осмыслить и объяснить очевидные факты нарушения прав и несправедливости. Один из руководителей департамента занятости по Среднегорской области признался нам, что вопрос о наиболее острых проблемах, касающихся женщин, выходит за рамки его компетенции. Серьезнейшей проблемой женщин этот специалист считает *«проблему деторождаемости»*, так как, по его словам, *«вообще все проблемы, которые связаны с семейными вопросами, в большей степени ложатся на женщин. Любая проблема, начиная с выплат за квартиру, газ, сеет, проблема обучения своих детей, проблемы детских садов - эти все проблемы ложатся на женщин в основном. Мужчины - они более удалены от этих проблем»* (руководитель департамента занятости по Среднегорской области, муж., 45 лет, 2000).

По словам другого респондента - руководителя районного центра занятости Среднегорска, *«социальные проблемы женщин - это самое больное место. У нас, как говорили раньше и сейчас говорят, у безработицы женское лицо, 80 % безработных составляют женщины. Если мы возьмем вакансии по районам ежемесячно, то это около 2000 вакансий, из них 600 мужские. Остается 300-400 вакансий женскими, из них порядка 90 % - это санитарки и медсестры, оклады 80-150 руб., кондуктора, уборщицы, и редко когда проскочит что-то такое. В основном мужские профессии. Поэтому трудоустройство женщин у нас буксует»* (руководитель районного центра занятости, муж., 55 лет, Среднегорск, 2000). Причина этих проблем, по мнению этого респондента, в остановке производства, а *«когда появится продукция, тогда появится и больше женских профессий»*. Иными словами, речь идет о том, что развитие производства даст женщинам такие традиционные рабочие места, как учетчица, бухгалтер, контролер и прочие. Восстановление производства, как считает респондент, должно быть приоритетом государственной политики, лишь это будет способствовать снижению безработицы среди женщин.

Низкая оплата труда женщин, наряду с безработицей, расценивается как важнейшая проблема современной экономической системы в России. Респондент признает наличие дискриминации по половому признаку *«у некоторых работодателей нового типа»: «Например, требуется бухгалтер, и ставят условия - не старше 25 лет и с опытом работы не менее пяти лет. Как можно иметь опыт работы пять лет, когда институт кончают в 22 года? И опять, чуть ли не цвет волос и объем талии - это я считаю дискриминационно»* (руководитель районного центра занятости, муж., 55 лет, Среднегорск, 2000). Чаще всего дискриминация в нашем обществе проявляется, по мнению руководителя районного центра занятости, *«на работе, особенно в торговле, общественном питании, в частном секторе. На любом базаре стоящие женщины - это не дискриминация!? Когда огромные площади торговые свободны - супермаркеты, магазины свободные - стоит эта девчонка с ящиком в 40-градусную жару и 40-градусный мороз, стоит, а аквариум стоит - там ничего не продают. Выгнали торговлю на улицу, и эти девчонки, женщины стоят, гробят свое здоровье, я считаю это тоже главное»* (руководитель районного центра занятости, муж., 55 лет, Среднегорск, 2000).

Причины тендерного неравенства в сфере занятости респонденты склонны относить на счет общего экономического упадка в стране: *«Причины общие - это состояние экономики, политики, законодательства; отсутствие продуманной четкой концепции развития службы занятости приводит к таким проблемам, как сейчас вот у нас сокращение штата, специалистов. Конечно, женщины более тяжело переносят сложный период в своей жизни - период безработицы»* (руководитель департамента занятости по Среднегорской области, муж., 45 лет, 2000). Вообще, принудительный перевод на режим неполной занятости - одна из болевых точек в реализации социально-трудовых прав женщин современной России.

Как мы уже отметили выше, проблемы тендерного неравенства не входят в число политических приоритетов социальной политики на рынке труда. Сравнительно немногие представители государственной администрации смогли выразить свою точку зрения по этому поводу

в интервью. Впрочем, сравнительный анализ показывает, что именно в аппарате службы занятости, в отличие от других ведомств, дискриминация как социальная проблема хоть как-то присутствует в дискурсе руководителей и служащих. При этом сама природа обсуждения проблемы несет на себе отчетливые следы традиционного советского подхода, определяющего особенности социальной регуляции женского труда особенностями их биологии - «деторождаемостью». В то же время у некоторых руководителей службы уверенно звучат и другие объяснения - экономические и социальные. Объяснение причин дискриминации осуществляется в нескольких направлениях.

Во-первых, принимается как очевидный факт наличия женских и мужских вакансий в службе занятости - это определение относится к числу элементов профессиональной лексики. Например, не только в приведенных выше высказываниях из интервью, но и в брошюре центра занятости муниципального образования Среднегорской области по мониторингу рынка труда за 2001 год представлена динамика числа вакансий в банке данных этого учреждения, причем из общего числа вакансий выделены «рабочие профессии» и «профессии для женщин». Отдельно дается комментарий: «Доля женских вакансий составляла лишь 21 %, в то же время среди безработных - 76,4 % - женщины». Специалисты службы занятости тем самым воспроизводят ту терминологию, которая навязывается работодателями, и не замечают при этом ее дискриминационности. Женские вакансии отличаются меньшим престижем, уровнем оплаты труда и худшими условиями работы. Таким образом, тендерное разделение рынка труда поддерживается целым набором социальных практик, воспроизводящих социальное неравенство и интегрированных в политику работодателей, служб занятости, что находит отражение в их дискурсе.

Во-вторых, признается «естественное» распределение тендерных ролей в семье - на женщин возлагается большая ответственность по уходу за детьми, домом. Тем самым конституируется незыблемость разделения труда по признаку пола в приватной семейной сфере, которое к тому же переносится на сферу общественного производства. Вероятно в силу стойкости представлений о «естественности» тендерных различий у администраторов служб занятости отсутствует четкая позиция по смягчению последствий подобных социальных условий.

В-третьих, большое место в риторике по поводу дискриминации, там, где таковая риторика была озвучена, занимает обсуждение экономических причин неравенства. Они состоят, по преимуществу, в падении производства. Акцент на таком объяснении звучит весьма определенно, поскольку он помещает проблему вне контроля государственных служб занятости и за рамки влияния социальной политики. Это толкование снимает с соответствующих ведомств ответственность за проблему гендерной дискриминации, возлагая ее на работодателей и общую экономическую ситуацию в стране. Отметим также тот факт, что в качестве виновников проблемы упоминаются так называемые «новые работодатели», в частности, практикуемые ими приемы и стратегии найма и нежелание обеспечить достойные условия труда работникам. Проблемы администрирования и законодательства респондентами рассматриваются узко, исключительно с точки зрения того, как они регулируют непосредственную деятельность ведомства или даже учреждения. Все это осмысливается в качестве внешних причин, неподвластных менеджменту служб занятости в Среднегорске и именно эти причины доминируют в описании социальной проблемы дискриминации женщин на рынке труда. Изменения последнего времени - как социальные, так и экономические представлены в дискурсе специалистов системы занятости по преимуществу в смыслах утраты и ухудшения.

Социологический и экономический анализ современной ситуации дает более сложную картину. М. Е. Баскакова приводит сравнительную характеристику занятости в режиме неполного рабочего времени в современной и доперестроечной России. Подобная организация труда рассматривалась как благо, предоставляемое женщине советским строем, однако такие льготные условия труда были доступны не каждому работнику. Несмотря на пропаганду мер по снижению совокупной трудовой нагрузки женщин, лишь около 1 % всех работающих накануне перестройки было занято на условиях неполного рабочего дня и гибкого графика, хотя по данным социологических опросов того времени, более 80 % женщин хотели бы иметь такой режим труда. Сегодня такого рода занятость не является добровольным выбором: «Среди женщин, имевших в 1996 г. трудовой договор на неполную рабочую неделю, 66,4 % были переведены на этот режим по инициативе администрации, 9,4 % не смогли найти работу с полным рабочим временем и лишь 10 % сами изъявили желание работать неполный день. По данным государственной статистики в 1998 г. менее 30 часов в неделю отработали на основной работе 14,7 % женщин и 7,6 % мужчин»<sup>21</sup>. Безусловно, причина такой ситуации - в неэффективности государственной политики и практики решения проблем женской занятости,

вынуждающей женщин соглашаться на любые условия, лишь бы не потерять хоть минимальные средства к существованию.

Нарушения социальных прав женщин фиксируются также в части невыплаты зарплаты, пенсий, пособий. Существующая сегодня в России система пенсионного обеспечения сочетает трудовые и социальные факторы: например, пенсия определяется с учетом трудового стажа, в который включают отпуск по уходу за ребенком, а для матерей, имеющих пять и более детей, возраст выхода на пенсию снижается. Однако продолжительность платной занятости и величина заработной платы все же влияет на размер пенсии. Реформа пенсионного обеспечения предполагает дальнейшее увеличение различий средних размеров трудовых пенсий женщин и мужчин, поскольку «в накопительной пенсионной системе разница в пенсиях будет определяться уже не только дифференциацией заработной платы по полу, но и различиями в страховом стаже у мужчин и женщин»<sup>28</sup>. Такой подход к пенсионному обеспечению, хотя и предполагает социальную пенсию в размере минимальной зарплаты в качестве одной из составляющих, фактически приводит к усилению вторичной дискриминации женщин-пенсионеров. Эта реформа не предусматривает компенсации родителям потери их пенсионных взносов в связи с такими перерывами в платной занятости, как отпуск по уходу за ребенком, бюллетени по уходу за больным ребенком, которые используются в основном женщинами.

Неэффективность социальной политики в отношении женщин отражается на углублении процессов феминизации бедности. Дело в том, что «объем ресурсов, направляемый в пользу нуждающихся, оказывается явно недостаточным для сколько-нибудь заметного облегчения их положения, а основная часть социальных трансфертов попадает в распоряжение граждан с высокими и средними доходами. Последние в меньшей степени нуждаются в социальной защите, но обладают достаточным политическим весом и влиянием, чтобы блокировать решения, ведущие к перераспределению социальных трансфертов в пользу бедных домохозяйств»<sup>29</sup>. Известно, что именно женщины составляют подавляющее большинство среди таких беднейших групп населения, как пенсионеры (70%), одинокие и разведенные родители, имеющие детей (91 %), безработные, живущие на пособие по безработице (62,5 %) <sup>30</sup>. Доля бедных среди одиноких пенсионеров выросла с 15 % в 1997 году до 32 % в 1999 году, а среди «неполных» семей выросла от 52 (с одним-двумя детьми) и 78 (с тремя и более детьми) процентов в 1997 году до 70 и 69 процентов в 1999 году соответственно <sup>31</sup>. Среди бедных семей с несовершеннолетними детьми не менее одной - это так называемые «неполные» семьи, в которых главой домохозяйства является женщина.

Невыплата детских пособий в конце 1990-х годов в наибольшей степени затрагивала именно бедные семьи: уже в конце 1996 года доля семей, получающих детские пособия, сократилась до 1/4, в то время как среди небедных семей с детьми эта доля составляла 1/2. К концу 1998 года в результате инфляции выплата детских пособий, даже если и осуществлялась, то уже практически не влияла на снижение неравенства доходов. После августовского кризиса в большинстве регионов пособие на детей, как и многие другие виды социальной помощи, фактически утратило значимую роль как инструмент социальной защиты. Острота проблемы продолжает усугубляться высокой долей расходов на образование в отношении к величине среднедушевых располагаемых ресурсов. Тем самым расходы на социальную помощь в России практически не уменьшают уровня неравенства доходов и потребления <sup>32</sup>. В свою очередь, бедность самым тесным образом связана со здоровьем женщин и мужчин, которое, среди прочих факторов, выступает важным показателем гендерно-сбалансированной социальной политики <sup>33</sup>. Таким образом, нарушения социальных прав в аспектах невыплаты и запаздывающей индексации пособий, затрудненного доступа к школьному образованию и дошкольным учреждениям, неадекватного размера социальных выплат и охраны здоровья больше всего ударяют именно по женщинам.

В современной России женщины являются основными потребителями социальных услуг; многие учреждения социальной защиты именуется «управлениями по делам семьи, женщин и детей». Среди клиентов центров социального обслуживания преобладают пожилые женщины, сюда же приходят за пособиями и натуральной помощью матери-одиночки и многодетные матери; женщины вместе со своими детьми-инвалидами посещают реабилитационные центры и их программы, в кризисных центрах и отделениях экстренной помощи - вновь женщины. Именно они оказались сегодня в эпицентре реформаторской деятельности отечественных экономистов. Речь идет о трансформации системы социального обеспечения, связанной с переходом на адресную помощь.

До недавнего времени распределение пособий строилось почти исключительно на характеристиках реципиентов. Как указывают С. Н. Смирнов и И. В. Колосницын, именно принадлежность к той или иной категории населения позволяла гражданам получать социальные пособия (одиноким матери, одиноко проживающим пенсионеры и т. п.). Полная инвентаризация всех категорий - исключительно объемная задача. По одной из наиболее распространенных оценок, в 1998 году на пособия могли претендовать 100 млн. жителей России, отнесенных к одной из 256 категорий получателей пособий. Это так называемый «категорийный подход», акцентирующий те причины бедности, одни из которых признаются «уважительными», а другие - недостойными. Этот подход характеризовал, например, политику «нового курса» в США в 1930-е годы и закон о помощи бедным (Poor Law) в Великобритании. Предполагается, что большинство людей могут обеспечить себя за счет работы или же получить страховое пособие (пенсию) в случае потери работы, по болезни и старости, поэтому следует делать различия между «бедными, заслуживающими поддержки» (например, вдовы с маленькими детьми), и теми, кто ее не заслуживает. Неэффективность такой системы в современной России зависит, в частности, от следующих обстоятельств: доля лиц, получающих социальную помощь, среди тех, кто не относится к числу бедных по критерию текущих доходов, даже выше, чем доля получателей среди бедных; размеры выплачиваемых пособий среди бедных и «небедных» практически не различаются между собой; доля социальных пособий относительно общего объема расходов бедных семей ничтожна и не превышает 2 %; почти 90 % всех бедных семей не получают никакой социальной помощи. Этот подход по ряду параметров оказался малоэффективным, поэтому акцент в решении проблемы социальной помощи и был перенесен на обеспечение адресности<sup>34</sup>. Адресность включает, прежде всего, отмену категориальных льгот и субсидий, перевод их в форму денежных выплат, доплат к жалованью. В этом случае, помимо сокращения общих расходов государства по социальным обязательствам, будут созданы предпосылки для повышения конкретных видов социальных трансфертов наиболее нуждающимся получателям. В качестве критерия адресности предлагается использовать уровень душевых доходов в домохозяйстве, членом которого является потенциальный реципиент социального пособия. Вместе с тем очевидно, что использование критерия среднедушевых доходов в домохозяйстве как единственного недостаточно для принятия обоснованного решения о назначении социального пособия. Как показали исследования, во избежание социального иждивенчества необходимо учитывать социальный состав домохозяйства, материальные (недвижимость, автомобили, земельные участки) и денежные (вклады в кредитных учреждениях) активы домохозяйства, а также их доходность<sup>35</sup>.

Система адресной помощи относится к некатегорийным схемам, которые рассматривают все многообразные группы возможных получателей пособий. Эти схемы концентрируются на результате, а не на причине бедности; классификация же может быть составлена только в терминах остроты нуждаемости. Общеизвестно, что основной недостаток подобных схем - потребность в проверке доходов, при этом методы проверки в той или иной мере оказываются несправедливыми и приводят к весьма значительным ошибкам включения - предоставлению пособий лицам, которые не являются бедными, и ошибкам исключения - отказу в предоставлении пособия бедным<sup>36</sup>. Тем самым система адресности делает больший акцент, чем это было раньше, на роли социальных работников, проверяющих степень «нуждаемости» и достоверность заявлений клиентов. Процедуры и технологии деятельности по определению «нуждаемости» недостаточно прописаны, также как и юридический статус таких процедур. Поэтому весь этот процесс без всякого обсуждения передан на откуп исполнителям, которые руководствуются в этой области бытовыми определениями, стереотипами и корпоративными неформальными нормами. В каких-то случаях подобные рамки деятельности оказываются достаточными, особенно, когда произошло такое широкое падение уровня жизни, как в постсоветских странах. Но следует помнить и о тех случаях, которые можно считать спорными, а также о присущих советским организациям неформальных практиках, когда доступ к ресурсам определяют скорее личные знакомства, чем формальные права и регуляции. На практике бедные вновь классифицируются на достойных и недостойных, но уже не буквой закона, а посредством фэйс-контроля, осуществляемого социальным работником: *«мы же сначала проводим акт обследования и только после этого помощь выдаем, к тем, которых знаем, постоянно к ним не ходим, [потому что] просишь их показать, ну, там, какие у вас продукты есть. - буквально ничего не находишь»* (социальный работник, жен., 22 года, Среднегорская обл., июнь 2001); *«А вот помощь женщине оказываем, она учительница, неполная семья у нее - муж давно погиб, - но вот живут средненько, и когда ей эту помощь оказывают, ей очень стыдно брать, думает, что она работает,*

*а у нас же оказывают только таким... И она была вот до такой степени благодарна, было просто, честно говоря, приятно. Ей эту помощь дали, сказали, что действительно идет по назначению»* (социальный работник, жен., 22 года, Среднегорская обл., июнь 2001).

Критицизм в отношении адресной помощи касается нескольких основных моментов<sup>3</sup>. Прежде всего, оппоненты полагают, что адресная помощь не решит проблему бедности: в концепции речь, по сути, идет о перераспределении социальных льгот от бедных к самым бедным, причем глубина бедности будет зависеть от экономического достатка региона. Дело в том, что все вопросы социальной помощи передаются на уровень региональных и муниципальных властей, которые и станут определять объемы и формы помощи в зависимости от финансового положения региона. В такой стране, как Россия, известной большими экономическими диспропорциями и централизацией экономических ресурсов, новый поворот в социальной политике приведет к углублению социального неравенства. Повсеместный одновременный переход на адресные принципы, обеспечивающие всему населению России гарантированный минимум дохода, трудно осуществим на практике в связи с недостатком финансовых средств.

Следует отметить, что адресная помощь, хотя и призвана повысить эффективность системы социального обеспечения, пока что негативно сказывается на наиболее незащищенных слоях населения, в первую очередь женщинах. Женщинам с маленькими детьми приходится собирать массу справок, чтобы доказать свое право на получение пособия, мизерная сумма которого и регулярные задержки выплат совершенно не меняют их положения. Такой индикатор «нуждаемости», как попадание женщины в категорию «матери-одиночки», себя не оправдывает, поскольку к установлению юридического статуса теперь добавляется проверка фактического наличия у женщины партнера. Женщины, которых подвергают проверкам, постоянно вынуждены доказывать, что они «одинокие». Отметим, что в соответствии с законодательством вдовы и разведенные женщины не подходят под категорию матерей-одиночек.

Критики опасаются, что расходы на содержание служб превысят экономию от переадресации помощи. Эта модель заимствована из США, где жизненный уровень достаточно высокий, и она не может применяться в условиях массового «обнищания» как «дело дорогостоящее и потому невыгодное. У нас же почему-то считают, что Россия достаточно богата, чтобы содержать штат статистиков и контролеров»<sup>33</sup>. Ведь адресная помощь предполагает скрупулезную проверку так называемой «нуждаемости» претендента, для чего необходимо создание единой базы данных всех служб социальной сферы и существенное расширение штата.

Отсюда возникает опасения, что «потеряв огромный набор льгот и гарантий, люди быстро сообразят, как выгодно быть - точнее, выглядеть ~ бедным, и работники социальных служб прогнозируют колоссальный рост числа граждан, которые будут обращаться за предоставлением адресной помощи»<sup>39</sup>. Вряд ли следует бояться того, что те, кому не нужны нищенские пособия, будут доставать «липовые» справки, чтобы их все-таки получить. Однако в условиях почти поголовной «нуждаемости» российского населения адресная помощь будет достаточно дорогим удовольствием, так как «введение адресности потребует установления более значительных ограничений как на размеры выплат, так и на состав получателей пособий. Это означает, что помимо оценки доходов и потребления домохозяйств потребуются применять дополнительные критерии отсева потенциальных получателей на основе признаков, свидетельствующих об их относительно меньшей социальной уязвимости.

Смирнов и Колосницын также полагают, что проверка нуждаемости - чрезвычайно дорогостоящая административная процедура, которая едва ли может оказаться эффективной. Опыт развивающихся стран показывает, что применение сколько-нибудь сложных (но более надежных) методов упирается, прежде всего, в ограничения - отсутствие вычислительной техники, офисного оборудования и надежной связи. Полномасштабное применение более сложных технологий вряд ли станет оправданным, так как объемы средств, которые даже потенциально могут быть распределены через систему социальной помощи, в лучшем случае сопоставимы с затратами на «запуск» самой административной процедуры. Наконец, по мнению указанных авторов, необходимо реалистично оценивать возможности преодоления ошибок включения и исключения заявителей при адресном назначении пособий. Легко убедиться в том, что совершенная в смысле «адресности» схема окажется настолько дорогостоящей, что дополнительные издержки на контроль нуждаемости многократно превысят экономический эффект от исключения ошибок. Ошибка может возникать в результате

некорректного использования определения, и в этом случае она не будет связана с использованием неэффективной процедуры отбора реципиентов<sup>41</sup>.

Органы социальной защиты вправе выборочно проверять правильность предоставленной заявителями информации любыми способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации, и лишать претендентов права на статус при обнаружении обмана<sup>42</sup>. В связи с этим работа по принципам «адресности» придала амбивалентность профессиональной идентичности социальных работников: «*А вот меня задевает эта адресная помощь*» (социальный работник, жен., 22 года, Среднегорская обл., июнь 2001). С одной стороны, социальные работники были согласны с введением адресной помощи, поскольку получили больше полномочий контролирующего свойства. Вместе с тем принимать решение о том, кто достоин, а кто не достоин пособия, оказалось не так просто. В самом деле, порой получается, что «*помощь у нас в основном оказывается алкашам. Действительно, к ним приходишь, - у них есть нечего, жалко детей, но это же пропивается,.. Или же вот идут с бабулями с этими мешками и продают по дешевке вещи таким же, как они. И на эти деньги покупают себе бутылку*» (социальный работник, жен., 22 года, Среднегорская обл., июнь 2001). И все же при этом социальный работник вплотную приближается к осознанию своей роли агента государственного бюрократического контроля, и это вступает в противоречие с человеческими отношениями, о которых так любят говорить в социальных службах: «*И вот тут вот стоишь действительно перед дилеммой: мы им помощь-то оказываем, [во] ведь пропьет и ребенку все равно же не достанется, но когда приходишь на них этот акт писать, то смотришь в глаза этому ребенку - тяжело*» (социальный работник, жен., 22 года, Среднегорская обл., июнь 2001). Во многом именно женщины, по образному выражению З. А. Хоткиной, становятся «заложницами системы социальной защиты, а нередко и ее жертвами»<sup>43</sup>. В итоге рост бедности и неравенства доходов в постсоветский период приводит к реставрации патриархатных отношений. Постсоциалистический патриархатный ренессанс, о котором пишут отечественные исследователи<sup>44</sup>, воплощается в тендерной асимметрии секторов экономики, феминизации безработицы и бедности, особенностях женского рынка рабочей силы, образовании и массовой культуре. Яркий пример возрождения патриархатных ценностей - внедрение в 2001 году раздельного образования в Ставропольском крае<sup>45</sup>. Этот масштабный эксперимент затронет 131 учебное заведение, причем освещают реформу края авторитет казацкого атамана и медицинских светил. В репликах батки звучит страх перед женщиной и презрение к ней: «*надо растить нормальных защитников Отечества, а не подкаблучников, разрушить комплекс неполноценности у парней*». А в соответствии с методиками профессора В. Базарного, руководителя Московской научно-внедренческой лаборатории физиолого-здравоохранительных проблем образования, мальчикам должны преподавать учителя мужского пола, для которых предусмотрены повышенные ставки: ведь за идею мужчины в школу все равно работать не пойдут...

По данным М. Баскаковой, все льготы в российском трудовом законодательстве для различных категорий женщин можно разделить на две группы: льготы, связанные с периодом беременности и родов, и льготы, обслуживающие традиционную тендерную роль женщины: матери и хранительницы очага. Если первая группа льгот по сути своей не является «льготами» и не подлежит обсуждению, то наличие льгот второй группы оказывает скорее отрицательное влияние на конкурентоспособность женщин, а следовательно, способствует усилению дискриминации по признаку пола на рынке труда. В связи с этим в сфере занятости и рынка труда необходимо откорректировать законодательство до состояния гендерно нейтрального; экономически поощрять мужчин к занятиям детьми и домашним хозяйством; доносить до населения смысл законодательных изменений; работать над антидискриминационным законодательством; исключить дискриминацию по признаку пола, ограничивая законами поведение работодателей с момента подачи объявления о вакансиях, создать механизм установления факта дискриминации и возмещения ущерба гражданам, подвергнувшимся дискриминации; реализовывать программы поддержки женского предпринимательства, профессиональной подготовки и переподготовки женщин<sup>46</sup>. Одни и те же меры социальной и экономической политики оказывают качественно иное воздействие на женщин, по сравнению с эффектом тех же мер для мужчин. В итоге при формальных равных условиях, зафиксированных в легитимном поле политики занятости, мужчины и женщины имеют различные шансы как на профессиональную или внутрифирменную мобильность, так и в отношении риска потерять рабочее место или приобрести новую квалификацию и трудоустроиться. Безусловно,

необходимо отметить и проблему тендерного дисбаланса, присущего юридическим актам гражданского, семейного, трудового и уголовного кодекса. Тендерная асимметрия законодательства создает предпосылки для дискриминации не только женщин, но и мужчин, например, в сфере репродуктивных прав, трудовых отношений и других аспектах<sup>47</sup>. Поэтому тендерная экспертиза законодательства, решений в сфере социальной политики, а также деятельности по их воплощению должна стать сегодня неотъемлемой чертой демократического социального устройства.<sup>48</sup> По определению ООН, понятие «тендерный подход» заключается в следующем: это процесс оценки любого планируемого мероприятия с точки зрения его воздействия на женщин и мужчин, в том числе законодательства, стратегий и программ во всех областях и на всех уровнях»<sup>48</sup>.

Считается, что гендерный подход могут применять в своей деятельности не только сотрудники ООН и других международных организаций, но и неправительственные Организации и группы поддержки национального уровня могут использовать руководство при осуществлении мониторинга и поддержки деятельности правительственных международных организаций, его необходимо внедрять в учебный процесс, чтобы студенты могли получить представление о том, как этот подход работает на практике; руководящие работники и сотрудники проектов могут обрести более четкое представление о том, каким образом подобный анализ отразится на рабочих планах вверенных им сотрудников, при проведении оценки результатов профессиональной деятельности и планировании финансирования<sup>49</sup>.

Принципы социальной политики<sup>50</sup>, лежащие в центре феминистской теории и практики и ориентирующиеся на благополучие женщин, детей и мужчин, основаны на убеждении, что социальные отношения, включая социально-правовые нормы, культуру организаций, тендерные отношения в приватной и публичной сферах, социально конструируются в интеракциях между людьми и, следовательно, могут быть изменены. Такие изменения связаны с формированием нового коллективно организованного демократического мирового порядка, а не заменой одной правящей элиты (мужской) на другую (женскую).

Для этого необходима серьезная трансформация существующих социальных отношений, освобождение общества от тендерной иерархии, модификация всей социально-экономической системы в направлении ее гуманизации и демократизации. В этом обществе работа, удовольствие, творчество и забота не могут быть противопоставлены друг другу и привязаны жестко к тому или иному полу. Поэтому ничто не должно угрожать автономии, власти, творчеству, здоровью и счастью как женщин, так и мужчин<sup>51</sup>. Причины, которые находятся в основе указанной трансформации, включают такую организацию общества, при которой основной целью социального развития является благополучие всех людей, независимо от их социального статуса, в том числе класса, расы, тендера, сексуальной ориентации, возраста, физических или умственных способностей.

В этом случае забота формулируется не как «женское дело», а в качестве коллективной ответственности, принимаемой на себя как женщинами, так и мужчинами; соответственно, социальные клише мужественности и женственности подвергаются переопределению так же, как и идеологии семейной жизни. Тем самым будут усиливаться способности мужчин и женщин оказывать заботу и осуществлять воспитание при одновременном привлечении общественных ресурсов для этих целей. Феминистские подходы к социальному развитию требуют сделать эксплицитной связь между приватной и публичной жизнью, производством и воспроизводством, домом, сообществом и рабочим местом и добиться равного признания работы, выполненной дома и на рабочем месте.

Следующие принципы социального развития соответствуют феминистскому видению<sup>52</sup>: а) право всех людей на достойный уровень жизни, гарантированный государством; право всех людей на социальное обеспечение; право женщин, детей и мужчин жить полной и творческой жизнью; б) индивидуальное налогообложение, которое есть ответственность индивида, а не семьи; в) прозрачность финансовых потоков в корпорации и учреждении, когда они касаются социальной политики, доступность и подотчетность этой информации общественной проверке; г) эгалитарные отношения, проникающие во все социальные институты и социальные взаимодействия между людьми; повышение степени участия населения в социальном планировании; д) повышение социальной ответственности бизнеса и СМИ; е) повышение статуса социальной политики и усиление связи между экономической и социальной политикой; сдвиг приоритетов в здравоохранении в превентивных направлениях и работа с социальными причинами заболеваний.

Радикально-критический подход к социальной работе

Анализ социальной политики и социальной работы, который содержится в этой книге, основан на идеях феминистской и радикальной критики социального неравенства. Именно с этих теоретических позиций становится очевидным тот факт, что социальные службы, дома-интернаты и образовательные учреждения порой воспроизводят ту самую структуру социальных отношений, на которой базируется существующее в нашем обществе неравенство, в том числе по признакам социального класса, пола, инвалидности и возраста. А дискурс социальных проблем зачастую становится их источником. Ведь от того, что именно и какими словами говорится о пожилых, инвалидах, бедных, мужчинах и женщинах, детях и семьях в учреждении, профессиональном сообществе, СМИ и учебной литературе, зависит самоопределение специалистов и потребителей услуг - клиентов. Из того, что пишется в региональных программах и отчетах или что содержится на стендах и выставках, посвященных социальной работе и социальной политике, следует, как определяется человеческое достоинство и каковы различные роли, которые исполняются в этой драме социальными акторами - социальными работниками, педагогами, детьми и родителями, врачами, инвалидами, пациентами и пользователями социальных сервисов.

Остановимся кратко на идеях радикальной критики социальной работы, которые впервые зазвучали в полный голос на Западе еще в 1970-х годах<sup>53</sup>, и хотя их влияние затем уменьшилось, некоторые идеи сохранились и успешно развивались в теории и практике социальной работы. Именно в радикально-теоретической среде выросли и получили распространение такие понятия, характеризующие взаимодействие социального работника и клиента, как мобилизация ресурсов (empowerment), защита прав (advocacy) и рост сознания (consciousness-raising).

Радикальный, критический, марксистский, феминистский подходы в социальной работе, как указывает М. Пэйн<sup>54</sup>, имеют много общего между собой. Остановимся кратко на марксистском подходе, который выступает наиболее общим источником всех остальных критических направлений социальной работы. В его рамках можно выделить различные позиции, или модели<sup>55</sup>. С точки зрения *прогрессивной* модели, социальная работа - это позитивный агент изменений, поскольку деятельность социальных работников позволяет сблизить или интегрировать капиталистическое общество, в котором создана система, эксплуатирующая рабочий класс, с представителями рабочего класса. Эта позиция, несмотря на все различия, сравнима с функционалистским подходом к профессионализации, обсуждаемым в следующей главе, утверждающим прогрессивную роль социальной работы для «здоровья социального тела». Однако в марксистской перспективе есть существенная особенность: здесь специально оговаривается тот факт, что социальные работники не просто доминируют над клиентами в разрешении индивидуальных или групповых проблемных ситуаций, а обеспечивают и организуют коллективное действие и рост сознания, тем самым помогая осуществить позитивные социальные изменения. Этот подход сродни либерально-демократической модели феминизма, где большое значение придается именно образованию и совершенствованию правовых механизмов достижения социальной справедливости.

Следующий шаг в сторону критического анализа социальной работы делает *репродуктивная* модель. Социальные работники здесь - это агенты классового контроля, повышающие давление капиталистического общества на рабочий класс. Тем самым именно посредством социальной работы в обществе достигается воспроизводство социального неравенства, репродуцируется социальная структура со свойственными ей отношениями иерархии и контроля. Именно такой образ социального работника преобладает в массовой культуре на Западе, где создается стереотип сотрудника социальной службы как антигуманного бюрократа, отнимающего ребенка у матери, определяющего героя в психиатрическую лечебницу или предписывающего бедняге унижительные и заведомо бесперспективные условия поиска работы.

Еще одна модель марксистской критики социальной работы представлена *контрадикторной* (противоречивой) позицией, согласно которой социальные работники - это агенты капиталистического контроля, и в то же время они реструктурируют классовое общество. По крайней мере, такой потенциал у них имеется, так как они передают знание и власть государства своим клиентам, выступая для тех социальными адвокатами и координаторами услуг. Существование такого противоречия в их роли приводит к другим противоречиям, которые, возможно, вносят вклад в опрокидывание, распад структур капиталистического общества. Упомянутую выше «прогрессивную» позицию как раз чаще всего и называют радикальной. Радикальная теория и практика социальной работы происходит из критики «традиционной» (психодинамической) социальной работы, теорий, полагающихся на психологические объяснения

социальных проблем, и функционалистских теорий, которые принимают как должное существующий социальный порядок. Д. Макинтайр<sup>56</sup> излагает основные позиции радикальной критики в адрес традиционной социальной работы следующим образом. Во-первых, исследователи и социальные работники, следующие традиционной схеме, склонны сводить сложные социальные проблемы к индивидуальным психологическим особенностям, имеют тенденцию «обвинять жертву», возлагая на клиентов ответственность за те проблемы, которые на самом деле имеют социальное происхождение, и тем самым отвлекают внимание от социальных условий. Во-вторых, традиционная социальная работа «приватизирует» клиентов, испытывающих социальные проблемы, и пытается решить их трудности индивидуально, вместо того, чтобы объединить их с теми людьми, с кем они могли бы разделить этот опыт и, возможно, справиться с проблемами совместными усилиями. Наконец, традиционная социальная работа, следуя сложившимся правилам объяснения и поведения, укрепляет несправедливое социальное устройство капиталистического общества.

Помимо критики методов социальной работы, радикальная модель осуждает негативные стороны самой системы социальных услуг<sup>57</sup>. Поскольку роль социальных служб ограничена и фрагментарна, они не в состоянии помочь человеку справиться с трудной жизненной ситуацией и не могут совладать с целым спектром социальных проблем, которые требуют своего разрешения. Кроме того, сама модель, по которой осуществляется финансирование учреждения, ограничивает имеющиеся ресурсы и не допускает принятия решений, противоречащих интересам финансирующей стороны. При этом корпоративная культура организаций формирует внутреннюю коллективную точку зрения, которая находится в согласии с интересами социального большинства, а иерархическое и бюрократическое устройство организаций приводит к усилению контроля и согласования с правилами и конвенциями. Наконец, позицию организации на заседаниях администрации и комитетов, отвечающих за деятельность учреждений социальной сферы, представляют те, кто выступают от имени системы и принимают ее правила, а не от лица угнетенных и непривилегированных. Таким образом, профессионализация социальной работы приводит к тому, что общество наделяет социальных работников статусом, доходом и другими преимуществами профессии. Отсюда следует, что социальные работники поддерживают существующее положение вещей и избегают проводить критический анализ проблем, с которыми им приходится сталкиваться. Между тем отечественные руководители учреждений и департаментов социальной сферы пока еще не пришли к мысли о необходимости регулярной рефлексии, критической оценки и анализа эффективности своей работы. И пока, к сожалению, такие исследования проводятся нерегулярно и не стали частью современной системы социальной защиты в таком виде, как на Западе. В странах Западной Европы и Северной Америки государственные и неправительственные социальные службы активно сотрудничают с университетскими кафедрами социальной политики и социальной работы по разным направлениям, в том числе по вопросам оценки эффективности своей деятельности - кафедра получает заказ на исследование, в результате которого появляется отчет с рекомендациями, как улучшить практику работы социальной службы. Надо сказать, что традиция привлечения университетских кафедр соответствующего профиля для подобного рода обследований за рубежом достаточно давняя. Это неотъемлемая черта западной демократии - открытость критике и принципиальность независимой экспертизы, в отличие от других стран, где вышестоящие проверяют подчиненных, а центр контролирует провинцию.

Вряд ли сегодня следует доказывать, что социальная работа всегда выполняет функцию социального контроля, причем одна из ее задач - это обеспечить конформность, или то, что Дж. Пирсон<sup>58</sup> называет «связующим обязательством гражданского общества». Однако, хотя эта функция и будет считаться легитимной, нет никакой уверенности в том, всегда ли этот социальный контроль осуществляется в интересах клиента или тех социальных групп, к которым он принадлежит. В идеологии социальных служб, как и в социальной политике, защита и контроль, забота и развитие тесно переплетаются, и эти функции очень трудно разделить. Особенно это относится к государственным учреждениям, причем такая ситуация не уникальна для России.

Радикальная теория социальной работы подвергает критике профессионализацию, ибо повышение статуса профессионала может приводить к игнорированию мнений клиента и даже нарушению его прав. Согласно этой модели объяснения, становясь профессионалами-экспертами, социальные работники принимают позицию государства и тех социальных структур, которые угнетают непривилегированных людей, причем настаивают на своей профессиональной позиции даже в тех случаях, когда это противоречит интересам клиентов. Вот почему подготовка и переподготовка

социальных работников обязательно должна включать не только «традиционные» знания, но и радикальную критику социального контроля, индивидуальных проблем клиентов и конвенциональных интерпретаций общества. К этому вопросу мы вернемся в следующей главе, когда будем подробно анализировать профессионализацию социальной работы.

(Антидискриминаторная практика)<sup>59</sup>, истоки которой находятся в радикальной критике социальных служб, основывается на широко известном принципе соблюдения прав человека, достижения социальной справедливости, которым сегодня руководствуются все без исключения социальные службы на Западе. По крайней мере, в идеальном случае социальные работники должны иметь в виду маргинальное положение угнетенных, или «слабозащищенных» в терминологии отечественной социальной политики, в контексте социальной и экономической структуры.

Одна из форм радикальной социальной работы, как пишут Бэйли и Брэйк<sup>60</sup>, реализуется через коллективное действие. Социальные работники взаимодействуют с общественными организациями, в том числе ассоциациями инвалидов, солдатских матерей, профсоюзами, обществами защиты прав и участвуют в политическом действии, в деятельности сообщества. Считается, что социальная работа сама по себе как профессиональная деятельность и система учреждений не может оказать существенного влияния на социальные изменения. Очень важна здесь работа в команде, основанная на принципах децентрализации и демократизации, поскольку это позволяет социальным работникам войти в местное сообщество, способствует их участию и глубокому проникновению в проблемы сообщества и оформлению коллективного действия.

Вторая важная форма и область радикальной социальной работы - это индивидуальная работа с клиентами. Социальные работники в этом случае помогают людям понять (и тем самым повышают их самосознание), что социальное неравенство и исключение отчуждает людей от общества.

Объясняя проблемы клиентам, следует избегать индивидуализации причин и обвинения клиентов в существующих трудностях; в этой модели считается, что большинство личных и семейных неурядиц бедных проистекает из-за их материальных трудностей. Там, где приходится преодолевать сопротивление или достигать соглашения, объединение и коллективное действие с общественными организациями даст больший эффект, чем влияние одного лишь социального работника.

Акцент на материальных потребностях клиента имеет непосредственное отношение к изучаемой нами ситуации в провинциальном российском городе. Согласно радикальной теории социальной работы, бедность нельзя рассматривать как знак индивидуальных и эмоциональных проблем, поскольку данная модель выступает против таких терминов, как «иждивенчество», «культура бедности», полагая их дискриминирующими. Радикальный подход к объяснению социальных проблем и социальной политики в ряде стран Запады повлиял на развитие социального обеспечения, социальных гарантий и практики защиты прав клиента (advocacy).

Кстати, в настоящее время развитие социальной работы в странах третьего мира дает нам важнейшие основания для того, чтобы пересмотреть многие идеологические установки, сложившиеся в отношении этой профессии в западной литературе. Одно из направлений радикальной социальной работы сформировалось в Латинской Америке в 1960-70-х годах, где западные модели социальной работы оказывались неадекватными, ибо не учитывали того факта, что в бедных странах главным приоритетом является борьба за выживание. Именно поэтому политическая практика стала важной стороной деятельности социального работника. Действия социального работника, стремящегося осуществить позитивные изменения, направлены на демократизацию социальных институтов, активизацию самоуправления, создание особого правового пространства услуг для малообеспеченных слоев населения (реализация права на социальное обеспечение и гражданских прав), на объединение с социальными движениями, партиями, организациями, профсоюзами и ассоциациями.

В этом случае социальные работники могут следовать нескольким стратегиям<sup>61</sup>. *Консервативная стратегия* предполагает профессионализацию социальной работы безо всякого политического участия; *отрицающая стратегия* - включение в общественную и политическую работу, но нежелание изменить социальные институты ради клиентов; *антиинституциональная стратегия* - стремление к депрофессионализации, снятию профессионального контроля для того, чтобы клиенты самостоятельно принимали решение (например, антипсихиатрия, отрицающая медицинскую и формальную социальную помощь в пользу самопомощи); *трансформирующая стратегия* - стремление трансформировать социальные институты, оказывая поддержку клиентам через профессиональное и политическое действие.

Выбор одной стратегии недостаточен: необходимо принимать во внимание, что эти стратегии пересекаются, иначе работа будет неэффективна. Важную роль для людей, живущих в общинах, подавленных бедностью и беспомощностью, может сыграть образование. Такие люди часто становятся объектами, которыми манипулируют, на которых воздействуют, а не свободными субъектами, которые могут действовать сами. Однако есть такой феномен, как «страх свободы», и от него необходимо избавиться. Это достигается с помощью образования, включения в критический диалог между исследованиями и практикой.

Один из важных аспектов этого подхода - рост сознания, этического знания и самоосознания угнетенных людей. Такой подход тесно связан с деятельностью женских организаций, где одна из целей - освободить женское восприятие от стереотипов, поощрить понимание ими своего угнетенного положения и предпринимаемые совместные действия. Защита прав клиента - это одна из форм теории и практики социальной работы. Радикальная теория социальной работы убеждает нас в том, что очень многие социальные проблемы женщин - следствие принятого до сих пор традиционного определения семьи, подразумевающего неравноправие и угнетение женщин; причем многие модели социальной работы принимают такое определение, чем лишь усугубляют положение женщин. Тот факт, что женщины часто становятся клиентами социальной службы из-за мужчин, стал на Западе очевидным в социальной работе в 1960-70-х годах, когда развивалось женское движение второй волны. Это и привело к оформлению феминистски ориентированной социальной практики.

<sup>1</sup> См.: Григорьева И. С. Тендерные подходы в социальной политике. Методологические аспекты // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 237-245.

<sup>2</sup> См.: Гендерная экспертиза российского законодательства I Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: БЕК, 2001.

<sup>3</sup> См.: Мезенцева Е. Б. Тендерные аспекты деятельности в неформальной экономике II Теория и методология гендерных исследований, М.: МЦГИ, 2001. С. 163-184.

<sup>4</sup> Dominelli L. Women Across Continents. Feminist Comparative Social Policy. New York; London: Harster Publishing, 1991; См. также: Баскакова М. Е. Тендерные аспекты инвестиций в человеческий капитал в современной России // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 287-310.

<sup>5</sup> См.: Humm M. (Ed.) Modern Feminisms: political, literary, critical. New York: Columbia University Press, 1992.

<sup>6</sup> Цит. по: Григорьева И. С. Тендер и государство благосостояния: к постановке вопроса // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М.: МЦГИ, 2001. С. 245-251.

<sup>7</sup> Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: Изд-во БЕК, 2001. С. 92.

<sup>8</sup> Ashwin S., Bowers E. Do Russian Women Want to Work? // M. Buckley (Ed.). Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia. Cambridge University Press, 1997. P. 19-20.

<sup>9</sup> Dominelli L Women Across Continents. Feminist Comparative Social Policy. New York; London: Harster Publishing, 1991.<sup>10</sup> См.: Хасбулатова О. А. Российская государственная политика в отношении женщин (1900-2000) // Теория и методология тендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 185-198.

<sup>11</sup> Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование тендера // Социологический журнал; 1998. № 3/4: С. 171-181.

<sup>12</sup> См.: Градскова Ю. Новая идеология семьи и ее особенности в России // Общественные науки и современность. 1997. № 2.

<sup>13</sup> Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1988. С. 82.

<sup>14</sup> Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: БЕК, 2001. С. 95.

<sup>15</sup> Дмитриев М. Э. Финансовый кризис и социальная защита // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 30.

<sup>16</sup> Посадская А. К Женские исследования в России: перспективы нового видения // Тендерные аспекты социальной трансформации. М.: Ин-т соц.-эконом, проблем народонаселения РАН, 1996. С. 18.

<sup>17</sup> Барсукова С. Ю. Страсти по новому Трудовому кодексу // Мир России. 2001. № 1.

<sup>18</sup> См.: Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: БЕК, 2001. С. 149; Ржаницына Л. С, Чекорина И. И. Тенденции развития законодательства о труде. М., 1999.

<http://wcons.org.ru/expertise/>

- <sup>19</sup> Баскакова М. Е. Российский механизм реализации политики равных прав и равных возможностей в сфере занятости // Теория и методология тендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 278-279.
- <sup>20</sup> Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: БЕК, 2001. С. 149.
- <sup>21</sup> Женщины и новый Трудовой кодекс РФ. <http://www.sarvest.ru> (08.04.2002.)
- <sup>22</sup> Лазарева И. Что нового в новом Трудовом Кодексе. [http://www.aif.udmji/mssiari/>4EWS/02\\_02\\_14\\_10itra](http://www.aif.udmji/mssiari/>4EWS/02_02_14_10itra)
- <sup>23</sup> Там же.
- <sup>24</sup> Починок А. В Трудовом кодексе приравнять женщину к мужчине мы не можем, <http://www.rbc.ru>
- <sup>25</sup> Ржаницына Л. С., Чекорина Н. И. Тенденции развития законодательства о труде. М., 1999. <http://wcons.org.ru/expertise/>
- <sup>26</sup> Баскакова М. Е. Российский механизм реализации политики равных прав и равных возможностей в сфере занятости // Теория и методология тендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 279-280.
- <sup>27</sup> Там же. С. 274.
- <sup>28</sup> Там же. С. 285-286.
- <sup>29</sup> Дмитриев М. Э. Финансовый кризис и социальная защита // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 30-31.
- <sup>30</sup> Хоткина З. А. Тендерные аспекты безработицы и социальной защиты // Тендерные аспекты социальной трансформации. М.: Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН, 1996. С. 81.
- <sup>31</sup> Овчарова Л., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 4 (48). С. 23-24, 26-27.
- <sup>32</sup> Дмитриев М. Э. Финансовый кризис и социальная защита // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 17-18, 26.
- <sup>33</sup> Григорьева Н. С. Тендерные измерения здравоохранения // Теория и методология тендерных исследований. Курс лекций. М.: МЦГИ, 2001. С. 253-258.
- <sup>34</sup> Смирнов С. П., Колосницын И. В. Социальные обязательства государства: сокращение или реструктуризация // Мир России. 2000. № 1.
- <sup>35</sup> Там же.
- <sup>36</sup> Там же.
- <sup>37</sup> См.: Дмитриев М. Э. Финансовый кризис и социальная защита // Общественные науки и современность. 2000. № 3.
- <sup>38</sup> Кучер Н. Государство, которое мы потеряли if Социальная защита. 2000. № 10. С. 3-7.
- <sup>39</sup> Дмитриев М. Э. Финансовый кризис и социальная защита // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 27-28.
- <sup>40</sup> Там же.<sup>41</sup> Смирнов С. Н., Колосницын И. В. Социальные обязательства государства: сокращение или реструктуризация? // Мир России. 2000. № 1.
- <sup>42</sup> Там же.
- <sup>41</sup> Хоткина З. А. Тендерные аспекты безработицы и системы социальной защиты населения // Тендерные аспекты социальной трансформации. М.: Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН, 1996. С. 82.
- <sup>44</sup> Посадская А- И. Женские исследования в России: перспективы нового видения // Тендерные аспекты социальной трансформации. М.: Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН, 1996. С. 13.
- <sup>41</sup> Иванова-Гладильщикова И., Гритчин Н. «М» и «Ж». Ставропольские школы хотят реформировать по «туалетному» принципу // Известия. 2001. 16 авг. С. 148 (25986).
- <sup>46</sup> Баскакова М. Е. Проблемы и права работников с семейными обязанностями // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания: В 2 т. Т. 1. М.:
- <sup>47</sup> См. подробнее: Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.:БЕК\ 2001.
- <sup>48</sup> Из доклада Экономического и Социального Совета ООН за 1997 г.
- <sup>49</sup> Гендерный анализ. Краткое руководство / Сост. А.Ниеманис, Пер. с англ. 2001. [http://www.undp.org/gender/capacity/grn\\_info\\_rnoduJe.html#GA](http://www.undp.org/gender/capacity/grn_info_rnoduJe.html#GA)
- <sup>50</sup> См.. Paskall G. Social Policy: a new feminist analysis. London: Routledge, 1997.
- <sup>51</sup> Domineili L Women Across Continents. Feminist Comparative Social Policy. New York; London: Harster Publishing, 1991.

<sup>52</sup> Ibid.

<sup>53</sup> Corrigan P., Leonard P. Social Work Practice Under Capitalism: a Marxist Approach. London: Macmillan. 1978.

<sup>M</sup> Payne M. Modern Social Work Theory. A critical introduction. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1991. P. 201-224. "Rojek C The ^Subject\* in Social Work // British Journal of Social Work. 1986. № 16(1) P. 65-79.

<sup>56</sup> McIntyre D. On the possibility of «radical» casework: a «radical» dissent // Contemporary Social Work Education. 1998. № 5 (3). P. 191-208.

<sup>57</sup> См.: Payne M. Modern Social Work Theory. A critical introduction. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1991. P. 201-224.

<sup>5B</sup> Pearson G. The Deviant Imagination: Psychiatry, Social Work and Social Change. London: Macmillan, 1965.

\*\* Thompson N. Antidiscriminatory Practice. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1997. См. изложение некоторых аргументов этой книги: Кованое А. Ю. Антидискриминационная практика в социальной работе // Российский журнал социальной работы. 1998. № 1/7. С. 62-69. Bailey Л, Brake M. Contributions to a radical practice in social work // M. Brake, R. Bailey (Eds.). Radical Social Work and Practice. London: Edward Arnold, 1980. Цит. по: Payne M. Modern Social Work Theory. A critical introduction. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1991. P. 205.

<sup>61</sup> Costa M. das Do res Current Influences on social work in Brazil: practice and education // International Social Work. 1987. № 30 (2). p. 114-128. Цит. по: Payne M. Modern Social Work Theory. A critical introduction. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan, 1991. P. 206

## ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ В 1990-Х ГОДАХ

В данной главе рассматриваются различные теоретические подходы к профессионализации на примере социальной работы, которая существует за рубежом не одно десятилетие, а в реестре службы занятости России появляется как новая профессия в 1991 году. Применение функционалистского, атрибутивного, критического и интерпретативного подходов позволяет очертить различные аспекты профессионализации. Функционалистский подход учитывает характер разделения труда в обществе и ставит вопрос о том, какие социальные потребности удовлетворяются функциями профессий. Вопросы профессиональной компетентности обсуждаются атрибутивным подходом, который рассматривает характеристики, отвечающие идеальному типу профессии. Третья перспектива представлена критическим направлением социальной науки, включая марксистское и неомарксистское понимание профессии. Социокультурные практики, воплощаемые отечественными социальными работниками, исследуются с применением этнографической перспективы.

### Функциональная социальная работа и дисфункциональное социальное окружение

В русском языке термин «профессия» используется в широком смысле: рабочие профессии, профессиональный слесарь, профессия воспитателя. В англоязычных социологических справочниках определение профессии (profession) начинается с того, что это занятие (occupation) представителей среднего класса, характеризующееся высоким уровнем технической и интеллектуальной компетентности <sup>1</sup>. О первоначальном смысле слова «профессия» как открытом заявлении о принятии монашеского обета сейчас мало вспоминают, однако по-прежнему, «вступая в довольно замкнутую систему явных и неявных профессиональных норм, обычаев и символов», человек принимает на себя «обет отдавать им предпочтение перед внешними обстоятельствами». Российская система социального управления впервые сталкивается с теми аспектами развития профессии социальной работы, которые проявлялись в западных странах и подвергались там научной рефлексии на протяжении длительного времени. Поэтому зарубежный опыт анализа деятельности социальных служб, социологические подходы к изучению профессий оказываются полезными в исследовании процессов профессионализации отечественной социальной работы.

В социологической литературе представлены различные подходы к профессионализации. Социологи функционалистского толка<sup>3</sup>, анализируя характер разделения труда в обществе, ставят вопрос о том, какие социальные потребности удовлетворяются функциями профессий. Профессионализация здесь представлена как *позитивный* и *прогрессивный процесс*, который обеспечивает «общее здоровье социального тела»<sup>4</sup> и способствует осуществлению социальных

преобразований таким образом, чтобы социальный конфликт и дезинтеграция оставались минимальными.

С этой позиции сам факт наличия или отсутствия в обществе такой профессии, как социальная работа, определяет то, под каким углом рассматриваются индивидом и государством социальные проблемы, формируются ли ценности гражданского общества. Социальная работа, по определению, играет роль посредника между индивидами, социальными группами, частными и государственными организациями и как новая профессия и инновационная социальная практика

связана с различными жизненными формами, ценностями и профессиональными идентичностями. Зарубежная история профессиональной социальной работы исчисляется не одним десятилетием: в Скандинавии ей, например, уже более пятидесяти лет и более ста - в США и Великобритании. Обновление социально-политических моделей, смена парадигм социальных исследований и коррекция дискурса социального равенства влекли изменение профессиональной идентичности социальных работников. Социальные работники осуществляют сегодня свою профессиональную деятельность в разнообразных условиях, которые определяются факторами религии, этничности, культуры, языка, социального статуса, состава семьи и жизненного стиля клиентов, взаимодействуя с индивидами и семьями, чьи жизненные шансы могут быть ограничены вследствие бедности, слабого здоровья, дискриминации и инвалидности.

В советской России некоторые функции социальной работы выполнялись организациями, находившимися в ведении четырех министерств - образования, здравоохранения, социального обеспечения и внутренних дел. Схожие функции брали на себя компартия, комсомол и профсоюзы, а также ряд общественных организаций (например, Всесоюзное общество инвалидов). Вся эта система социальной поддержки была разобщенной и финансировалась по остаточному принципу, что существенно снижало ее эффективность. Последнее десятилетие уходящего века ознаменовано значительными изменениями в социальных отношениях, в политике, экономике, культуре. Распад государственной экономики вызвал резкое снижение качества жизни, ухудшение положения инвалидов и пожилых, многодетных семей, женщин и детей, обнажил прежние и привел к возникновению новых социальных проблем. В ответ на эти изменения были учреждены новые образовательные программы и профессии из разряда помогающих (helping) или заботящихся (caring), поскольку их предназначение - практическая помощь, забота о человеке. Среди таких нововведений - социальная работа, утвержденная в России в 1991 году одновременно как вузовская специальность и профессиональная деятельность. В 1990-е годы в России быстрыми темпами развивается сфера социальных услуг в системе Министерства труда и социального развития РФ; Министерство образования РФ вводит должность социального педагога в общеобразовательной школе и специальных учебных заведениях для детей-инвалидов, а Министерство здравоохранения РФ - социального работника клинического учреждения. Образование, профессиональная подготовка социальных работников сегодня ведется 120 российскими вузами, включая 5 частных. Качество образования достигло высоких стандартов благодаря интенсивному внутрироссийскому и международному обмену, научной инициативе преподавателей. Появление социальной работы как новой образовательной дисциплины совпало с реструктурированием кафедр социальных и гуманитарных наук в российских университетах. Возрождение социальной мысли в России, поддерживаемое правительством, научными и образовательными отечественными и международными программами, способствовало оживлению общественной дискуссии по вопросам социального неравенства, практик исключения и социальных проблем. Все это способствует развитию профессионального образования по социальной работе, подготовке квалифицированных кадров. Однако профессионализация социальной работы тормозится параллельными процессами, или дисфункциями ее внутреннего и внешнего контекстов.

Во-первых, профессионализация социальной работы затрудняется неадекватными финансовыми ресурсами на федеральном и местном уровнях, негативно влияющими на качество услуг и мотивацию сотрудников. Низкая зарплата работников социальных служб снижает престижность социальной работы как профессиональной занятости. И хотя спрос на специалистов по социальной работе по-прежнему велик, статус этих вакансий оказывается чрезвычайно низким, затрудняя привлечение в этот сектор молодых и в хорошем смысле амбициозных специалистов. Все это затормозило оформление стабильной профессиональной идентичности тех, кто преподает и практикует социальную работу.

Во-вторых, хотя число социальных служб растет, эти учреждения демонстрируют разный уровень качества услуг, а многие из них находятся в самом начале своего развития. Восприятие социальной работы в сегодняшней России во многом основано на воспоминаниях далеко не о самых лучших качествах советского социального обеспечения. А в начале 1990-х годов иные службы и в самом деле механически наследовали кадровый состав, стиль руководства и организационную культуру собеса -мира безразличных чиновников, чьи функции требуют лишь общих бюрократических навыков, но не социально-ориентированной специальной квалификации в анализе проблем, индивидуальной работе с клиентами и координации междисциплинарных услуг. Социокультурный контекст такой организации включал специфические практики управления, контроля, в том числе способы профессионального отбора, найма на работу и организационной социализации. Здесь царила жесткая иерархия, препятствующая творческому сотрудничеству специалистов и открытому, демократическому стилю командной работы, а интересы клиента подчинялись порой устаревшим бюрократическим нормам и рассматривались «сверху вниз». Эта организационная культура, унаследованная с советских времен, и по сей день сопротивляется инновативным процессам, подрывающим традиционные основания власти анонимной «технической» бюрократии, для которой процесс важнее результата и которая отчуждена от социальной эффективности реализуемых ею проектов<sup>5</sup>. Наши наблюдения, относящиеся к середине 1990-х годов, фиксируют необычайное удивление сотрудников таких учреждений относительно необходимости профессиональной подготовки социальных работников: «А зачем социальному работнику учиться в вузе пять лет, изучать медицину, психологию, право?..» (чиновник областного управления социальной защиты). Для представителей такой организационной культуры были размыты понятия о профессиональной этике социальной работы, порой использовался язык, дискриминирующий клиентов. К концу 1990-х годов в социальной сфере происходят качественные изменения: накапливаются знания, аккумулируется опыт, повышается интерес к профессиональному образованию и научным исследованиям, формируются межведомственные и межсекторные связи, растет обмен теории и практики. Во многих случаях программы дополнительного образования и повышения квалификации для работников социальных служб ведут к успешному обмену и установлению плодотворных партнерских отношений между практиками и университетскими учеными.

В-третьих, не только организационная, но и более широкая культурная среда воспроизводит дискриминирующее, медикалистское отношение по отношению к социальным проблемам и может негативно влиять на качество профессиональной деятельности социальных работников. Такие установки проявляются в повседневной жизни, масс-медиа, специальной литературе, в образовании. Само понятие дискриминационного языка очень новое для россиян, и люди не всегда распознают смысл социального исключения в тех словах, которые можно прочесть, скажем, в специализированном журнале или учебнике, а затем применить в практике своей работы. Примеры дискриминирующих представлений об инвалидности и эйджистских установок можно найти даже в профессиональных изданиях: журнале «Социальная защита»<sup>6</sup> и учебном пособии по социальной геронтологии<sup>7</sup>.

Один из важных аспектов развития социальной работы как профессии - это движение от индивидуалистического, патологического определения инвалидности, старения к социальной модели, принимающей во внимание широкий социальный контекст, в котором социальная проблема конструируется обществом и переживается человеком<sup>8</sup>. Поэтому социальный работник обязан анализировать социально-политический контекст жизненного опыта клиента, оценивать роль своей организации. По словам Нейла Томпсона, «если специалисту по социальной работе не удастся распознать маргинальность позиции инвалидов в обществе, то есть риск оказания клиенту медвежьей услуги»<sup>9</sup>. Очевидно, что профессиональное образование необходимо не только для знания технологий практической деятельности и норм поведения на рабочем месте, оно позволяет понять дискриминационность языка научной и политической экспертизы.

В профессионализации социальной работы важная роль принадлежит ученым и преподавателям, и многие молодые преподаватели, обладающие современным знанием по социальным и гуманитарным наукам, вносят свой вклад в этот процесс. Все же порой старые объяснительные модели воспроизводятся в академическом дискурсе теории социальной работы, которая наполняется формулами диамата. А в другом случае в поисках универсальной теоретической базы можно не заметить ее односторонности, как в следующем фрагменте: «В социальной работе нередко приходится иметь дело с социально дискриминированными людьми и группами,

считающими себя несправедливо ущемленными (инвалиды, многодетные семьи, беженцы, безработные, одинокие престарелые, правонарушители, наркоманы). Работа с подобными группами очень сложна и не всегда удачна. Но владение социальным работником психологической информацией может ее упростить. Обычно социально дискриминированные группы ведут себя стереотипно - у них главным образом две линии поведения. Первая из них характеризуется усилением конфликтности в межличностных отношениях, ослаблением внутригрупповых связей, девальвацией внутри групповых ценностей, общей неудовлетворенностью группой, стремлением ее покинуть. Вторая связана с усилением внутригрупповой солидарности и сплоченности, укреплением межличностных связей, повышением удовлетворенности принадлежностью к группе, стремлением возвыситься над другими группами и людьми<sup>10</sup>. Обе линии поведения носят деструктивный характер». Некритичное прочтение тех или иных теорий способствует стигматизации угнетенных, тех, кто страдает от общества: им приписываются атрибуты аномальных, девиантных, несчастных и опасных.

Однако в целом можно отметить тенденции российского академического сообщества к постановке исследовательских задач в проблемной сфере социального неравенства и прав человека. Руководители региональных кафедр и отделений социальной работы нередко выступают инициаторами научных и образовательных проектов, конференций, творческих обменов. Четвертым и самым очевидным препятствием в профессионализации отечественной социальной работы выступает дефицит соответствующих знаний и необходимых навыков у практических работников. Свою негативную роль во многих регионах сыграла слабая связь университетских кафедр и отделений с организациями, осуществляющими социальную работу на практике. К сожалению, данную проблему не везде удастся решить, даже задействовав систему связей «Минтруд России - Московский государственный социальный университет - филиалы МГСУ - местная администрация». По большей части учреждение в провинции московских филиалов наряду с имеющимися базовыми кафедрами и отделениями затрудняет профессионализацию социальной работы на местах, поощряя зависимость от центра. Ориентированные вышестоящими инстанциями на сотрудничество с филиалом московского вуза, работники социальных служб тем самым лишаются необходимых им контактов с местной академической средой, где выращиваются кадры, проводятся исследования, происходит постоянное приращение знания по социальной работе, социальным проблемам, социальной политике.

Рассмотренные дисфункции внешнего и внутреннего контекста социальной работы можно перевести на язык организационного анализа как латентные функции отдельного учреждения или всей системы социальной поддержки<sup>11</sup>. Тогда к явным функциям социальной службы можно отнести удовлетворение потребностей получателей услуг, снижение риска, помощь людям в трудной жизненной ситуации. В свою очередь, латентные функции - это демонстрация соответствия государственной политики международным нормам социального права, оправдание государственных расходов на социальные нужды, рабочие места и пространство реализации профессиональной власти специалистов социальной сферы, классификация населения на категории клиентов (получателей льгот, пособий и услуг). Проблема возникает там, где латентные функции начинают доминировать, и организация, профессионалы и система социальной политики развиваются в большей мере в собственных интересах, а не ради декларируемого общественного блага.

Итак, мы рассмотрели ряд вопросов профессионализации социальной работы, воспользовавшись функционалистским подходом. Эта перспектива позволила нам очертить происхождение и развитие этой профессии в России, где социальная работа выступает важным партнером других профессий, государства и гражданских инициатив. При этом качество социальной работы во многом зависит от уровня профессионализма, от компетентности тех, кто исполняет свои обязанности от имени данной профессии. Именно здесь нам следует воспользоваться другим подходом к анализу профессионализации. Что стало с атрибутами?

Вопросы профессиональной компетентности нуждаются в другом объяснении профессионализма. Это так называемый атрибутивный подход (*attribute approach*), который рассматривает атрибуты, или черты профессии, задавая вопросы о том, является ли истинной профессией данный вид занятий, а также, каковы некоторые общие черты, отличающие профессии от не-профессий. Еще в 1915 году А. Флекснер - исследователь и консультант по проблемам медицинской профессии - предложил в своей работе список атрибутов, которые, как предполагалось, отвечают идеальному типу профессионала. С

тех пор исследователи спорили по поводу этих атрибутов, создавали новые списки и не могли достичь консенсуса, пытаясь отличить профессии от не-профессий<sup>13</sup>. Делались попытки сформулировать атрибуты профессионализма, которые затем позволили бы оценить, насколько тот или иной вид занятий приближается к идеальному типу профессии. В этом случае профессионализация могла быть понята как процесс, посредством которого некий вид занятий может с успехом претендовать на статус профессии и, следовательно, на награды и привилегии, соответствующие этому статусу.

В рамках этого подхода один и тот же вид занятий может быть определен разными авторами как профессия, полу-профессия или не-профессия, в зависимости от того, какой список признаков выбирается в качестве стандарта. Например, Флекснер рассматривал следующие признаки в качестве наиболее важных атрибутов профессии: вовлеченность в интеллектуальную деятельность, предполагающую индивидуальную ответственность; привлечение науки и обучение в практических целях; применение знаний посредством технологий, передаваемых через образование; самоорганизация; альтруистическая мотивация; наличие профессионального самосознания<sup>14</sup>. Другой набор профессиональных признаков предложен Миллерсоном: применение навыков, основанных на теоретических знаниях; образование и подготовка (тренинг) по этим навыкам; компетентность профессионалов, удостоверенная экзаменами; правила поведения, которые утверждают профессиональную общность (и утверждаются профессиональным сообществом); исполнение услуг ради общественного блага; профессиональная ассоциация, которая организует своих членов<sup>15</sup>.

Российская социальная работа удовлетворяет почти всем этим критериям, однако при этом сферы образования и практики сосуществуют достаточно независимо друг от друга. Например, студенты получают образование, тогда как практики занимаются предоставлением услуг (при этом первые могут так и не стать практиками, а вторые могли никогда не быть студентами). Кроме того, никто не гарантирует, что эти услуги оказываются с применением навыков, основанных на теориях. Ведь в тот момент, когда первая когорта студентов начала подготовку к своей профессиональной карьере в университетах, были открыты вакансии социальных работников в службах, куда и были приняты люди, не имеющие соответствующего образования. Пока студенты обучались, ставки уже были заняты представителями бывшей номенклатуры, демобилизованными офицерами, безработными инженерами, школьными работниками, всеми, кто искал работу, а также оказался рядом с директором в подходящий момент. Они-то и стали первым поколением «специалистов по социальной работе». Первые годы федеральное министерство оплачивало вузам интенсивные программы второго высшего образования по социальной работе. Однако этот источник быстро иссяк, региональные бюджеты не располагали необходимыми ресурсами, и статистика по квалификации занятых в социальной сфере по сей день остается неудовлетворительной. По-прежнему профессиональная квалификация работников социальных служб является болезненной темой: ведь на должность врача, психолога или учителя вряд ли примут человека без «правильного» диплома, тогда как в случае с социальным работником такая деталь, как наличие соответствующего образовательного капитала, считается необязательной.

Те же, кто возглавил социальные службы, зачастую вначале не имели понятия о социальной работе. И если в начале 1990-х годов такое положение было более или менее естественным, то уже ко времени первого выпуска специалистов или бакалавров социальной работы ситуация многим казалась неадекватной. Тем не менее коллективы во многих учреждениях уже сложились, была сформирована специфическая организационная культура, и вхождение в такую организацию выпускников факультетов и кафедр социальной работы подчас воспринималось как внедрение в организм инородного тела, вызывая конфликт и отторжение новичка (из наших наблюдений 1994—1997 годов).

Социальный работник (и социальный педагог) ощущает принадлежность к группе профессионалов (специалистов) и укрепляет эту коллективную идентичность, принимая участие в профессиональной ассоциации. В каждой стране мира, где существует профессия социального работника, имеется национальная ассоциация социальной работы. В России в начале 1990-х годов практически одновременно были образованы три (!) профессиональных ассоциации, действующие на федеральном уровне, расширен выпуск периодических изданий, разработан, а затем обновлен этический стандарт социальной работы. Отметим, что конференции по теоретическим и практическим вопросам, также как деятельность ассоциаций, журналов и институтов, вносят

немалый вклад в процесс профессионализации социальной работы, осуществляя обмен информацией с региональными отделениями.

Популярность социальной работы как образовательной специальности доказывается высоким проходным баллом на вступительных экзаменах. Многие выпускники отделений и кафедр социальной работы устраиваются по специальности, работают в социальных службах, продолжают обучение в магистратуре и аспирантуре, становятся преподавателями, исследователями. Та часть выпускников, для которой размер зарплаты имеет большое значение при выборе места работы, оказывается в коммерческом секторе. Однако и здесь многие предпочитают работать с людьми, получают дополнительное образование менеджера. Тем временем социальные службы, реабилитационные центры, школы, больницы испытывают большую необходимость в специалистах социального профиля. Только в соответствии с оценкой, данной Министерством труда и социального развития РФ, в 1997 году потребность социальных служб в выпускниках факультетов социальной работы составила 450 тыс. специалистов, тогда как вузы могут обеспечить лишь 640 выпускников<sup>16</sup>. Например, в 1997 году в Пермской области среди 1988 администраторов и специалистов социальных служб было 612 служащих с дипломом о высшем образовании, из которых 127 - с юридическим, 146 - с медицинским и 14 - с социальным<sup>7</sup>.

Если вспомнить о том, что Флекснер предложил еще и профессиональное самосознание как признак профессии, то мы подойдем к формулировке одной из главных проблем в развитии социальной работы. Речь идет о неясности профессиональной идентичности. Эта проблема возникла во многом в силу того, что практически одновременно в начале 1990-х годов в России появились «социальные работники» и «специалисты по социальной работе». К социальным работникам, помогающим одиноким престарелым и инвалидам, люди быстро привыкли, понятие «социальная работа» приобрело вполне конкретный смысл. Должность специалиста по социальной работе, рассчитанная на выпускника вуза соответствующей квалификации, долгое время оставалась непознанной территорией, и появлялись такие химеры межкультурного перевода, как «педагог-социолог». Так представилась нам женщина, по роду деятельности обеспечивающая поддержку в сложных жизненных ситуациях студентов одного из Среднегорских профтехучилищ. Например, когда одного юношу маклеры обманом оставили на улице, отняв квартиру, она решала его жилищную проблему; с ее помощью был организован также сбор одежды для бедных детей.

В одной из российских телепередач о Германии (май 2000 года) ведущая назвала «педагогами-социологами» социальных работников с молодежью и социальных педагогов, которые организовывали «скинхедов» в группу профессионально-технического обучения, где подростки приобретали навыки строителей, и театральную студию, где они сочиняли и ставили пьесы о Холокосте. В другом случае в программе теленовостей (весна 2000 года) социальной работой была названа деятельность подростков в Новосибирской области, помогавших пожилым сельчанам по хозяйству. Для страны с развитой традицией специализированных видов социального сервиса было бы очевидно, что речь идет о добровольном труде, волонтерстве, тогда как организацией волонтерской деятельности занимаются специально обученные профессионалы - социальные работники. Наши тележурналисты, не вдумываясь, соединили понятия «социальная» (ориентированная на общественную пользу) и «работа» (труд) и продемонстрировали свое невежество в отношении рассматриваемой профессиональной деятельности. Такая путаница в названии видов деятельности ведет к нераспознаванию социальной работы общественным мнением, к размытости критериев профессиональной принадлежности и профессиональных достижений. А ведь для индивида принадлежность к той или иной профессии означает идентификацию с какими-либо значимыми целями, которые придают смысл всей его жизни.

Сам факт такой неопределенности в характеристике деятельности социального работника указывает на слабость той символической власти (зависящей от уровня групповой солидарности, профессиональной идентичности, влияния), которой обладает институт социальной работы в современном российском обществе. Пока что этой власти явно недостаточно, чтобы формировать и последовательно укреплять в общественном мнении определенное и недвусмысленное представление о своей деятельности. Во всяком случае, социальные работники не могут здесь конкурировать с такими новыми профессиями, как банкир, организационный консультант, маркетолог.

Социальная работа у многих россиян зачастую ассоциируется с милосердием или благотворительностью от лица государства. Однако социальная работа - это профессия, тогда как

благотворительность - внепрофессиональная деятельность, а милосердие- категория нравственности  
18.

Напомним, что с точки зрения функционалистского подхода, профессионализация социальной работы является позитивной и прогрессивной социальной силой. Однако, используя лишь функционалистский подход, мы не могли ответить на вопрос, обладает ли социальная работа всеми необходимыми атрибутами, благодаря чему этот вид занятий может быть определен как профессия. В вопросах профессиональной компетентности именно атрибутивный подход предоставляет наблюдателю инструменты оценки представителей той или иной профессии. Этот подход позволяет ответить на вопрос, отвечает ли их деятельность набору выбранных качеств. В свою очередь, данная перспектива не объясняет, почему между группами, представляющими различные виды занятий, или различные профессии, возникают конфликты, например там, где пересекаются сферы ответственности или системы ценностей. Поэтому нам придется перейти к следующей модели объяснения профессионализации. Определение границ социальной работы: символическая борьба за ресурсы

Так называемые негативные теории профессионализации опровергают обе предыдущих версии, не соглашаясь с тем, что профессионалы действуют во имя общественного блага, и не считая возможным ограничиваться фиксированным набором атрибутов профессиональной деятельности. Третья перспектива, о которой идет речь, представлена критическим направлением социальной науки, включая марксистское и неомарксистское понимание профессии. В соответствии с этим подходом каждая профессия стремится поддержать status quo, удержать или захватить власть и наиболее выгодное положение в стратификационной системе<sup>19</sup>. Поэтому профессионализация оказывается процессом создания и контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге - стремлением к достижению высокого статуса и восходящей социальной мобильности самих профессионалов. Этот подход, называемый еще профессиональным контролем (the occupational control approach) происходит из теорий конфликта и действия, рассматривающих общество как борьбу различных групп за соблюдение собственных интересов<sup>20</sup>. Каждая профессия стремится ясно очертить круг вопросов, относящихся к сфере ее компетентности, ограничивая профессиональный взгляд на мир и монополизируя профессиональное знание как собственность. Требование юридически подкрепляемого права на уникальную компетентность есть базовая стратегия профессионализма, а существенной частью этого процесса выступает контроль рекрутирования (профессионального отбора). Достижения профессионального статуса должны гарантировать высокие материальные награды, исключать внешние оценки качества услуг и гарантировать тем, кто допущен к практике, безопасность как владельцам этого капитала. Отсюда возникают серьезные конфликты между профессионалами и теми, кто посягает на их монополию статуса и экспертизы. В этом отношении социальная работа как новая профессия пересекается с традиционными, которые в свою очередь также испытывают обновление. Так, одновременно с развитием социальной работы в России, появилась тенденция к оформлению образовательной и профессиональной ниши для «практической психологии». В школах, социальных службах, исправительных учреждениях в начале 1990-х годов были введены ставки психолога, хотя это и не значило, что все психологи, работающие в школах, будут помогать ребенку, семье или учителю. Литература, используемая школьными психологами, и другая профессиональная психологическая литература характеризуется явным креном в сторону экспериментальной методологии, тестирования и диагностики. Главная идеология школ сегодня соревновательная, а не поддерживающая, и вместо того, чтобы помогать ученикам, иные школьные психологи лишь тестируют их. После такого тестирования ни педагог, ни родитель, ни сам психолог не в состоянии сделать следующий шаг - помочь ребенку на практике. Судьба ребенка решается определением его для начала в коррекционный класс, а затем в спецшколу или на рынок труда. «А что делать, я не знаю, я ведь не практический психолог, и в мои обязанности входит лишь проверить особенности психики ребенка», - ответила психолог одной из Среднегорских школ на вопрос родителей, что же делать, если у их ребенка была отмечена акцентуация характера (1997). В другой школе психолог, представляясь детям, сказала: «Мы будем с вами изучать личность - я прочитаю лекцию, а потом мы будем заполнять тесты» (1998). Для социальной работы в школе существует поле позитивной деятельности: координация услуг для ученика, активизация ресурсов всей его экосистемы. На Западе школьные социальные работники (school social workers) проходят специальную подготовку в университете, чтобы анализировать и работать с факторами, вызывающими падение успеваемости, частые

пропуски занятий, рискованные или кризисные состояния в жизни школьника. В России это поле оказывается сферой символической борьбы с психологами и социальными педагогами за область экспертизы и практической деятельности, до определенной степени результатом этой борьбы становится ограничение профессиональных задач социального работника. Еще один пример конфликта между профессиями: образовательные программы по социальной работе на Западе включают целый раздел по защите прав клиента (advocacy), социальные работники облечены полномочиями инспекции благополучия детей в семье или учреждении, обладают реальной властью и авторитетом в глазах семьи и ребенка. В отечественной версии интенсивно осуществляется узурпация сферы прав человека юристами при игнорировании социальных работников; мероприятия по обучению правам человека, обсуждение международного социального права проводятся для узкой аудитории юридических профи.

Рассмотрим, как идентичность социального работника представлена академическим сообществом — университетскими преподавателями и исследователями. Следующие качества называются в одном издании профессионально важными для социального работника: профессиональная компетентность (широкие знания в области педагогики, психологии, юриспруденции, социологии); доброжелательное отношение к людям, их проблемам и ситуациям; организаторско-коммуникативные способности; морально-этический уровень; нервно-психическая выносливость<sup>21</sup>. Как видим, этот список составляют важные качества и навыки, относящиеся к разнообразным профессиональным занятиям, а также к рациональному поведению вообще, однако в нем отсутствует указание на то, что в сферу профессиональной компетенции социального работника входит знание теории и методов социальной работы. Иными словами, социальная работа в представлении этих авторов лишена собственного поля экспертизы и теоретической концептуализации.

В другой публикации устанавливаются четкие границы профессиональной ответственности<sup>22</sup>. Согласно этому источнику психосоциальная помощь или психосоциальная работа осуществляются психологом социальной службы при возникновении у клиента психологического дискомфорта (по внутренним или внешним причинам), социальному работнику остаются лишь «элементы психосоциальной работы». Тем самым сужается сфера деятельности выпускников факультетов и кафедр социальной работы, которых основательно готовят по теоретической и практической психологии. В этом определении со всей очевидностью проявляется властная интенция психологии конкурировать с социальной работой за сферу реализации своих специальных знаний. Во многих странах психологи и социальные работники не конкурируют, а сотрудничают между собой и с другими специалистами (медиками, юристами, педагогами, социальными антропологами) в решении конкретных проблем ребенка, взрослого, семьи, группы или организации, а в Швеции «психосоциальная работа» вообще представляет собой национальную модель социальной работы, основанную на теории систем и психодинамике. И все же представленная выше интерпретация социальной работы имеет ситуативное объяснение: эксперты пытаются уберечь клиентов от некачественного обращения со стороны сотрудников, не имеющих профессиональной подготовки по социальной работе. Во всяком случае, этот пример наглядно иллюстрирует идею профессионального контроля: «Там, где разные профессии находят сходные сферы деятельности, их границы могут пересекаться, что выливается в конфликт. Это часто выражается в том, что разные профессии отличаются набором ценностей, при этом каждая группа настаивает на легитимности своей собственной теоретической парадигмы или методов работы»<sup>23</sup>.

Со второй половины 1990-х годов среди руководителей социальных служб в России распространяется понимание социальной работы как междисциплинарной практики, работы в команде, межведомственного и межсекторного взаимодействия. И хотя выпускники вузовских отделений социальной работы по-прежнему пользуются спросом на рынке труда, все же социальные работники в учреждениях и организациях все еще рассматриваются как служащие регистратуры, государственные чиновники недооценивают важность вузовского образования социальных работников, сомневаясь в необходимости их профессиональной подготовки, многие агентства и университетские отделения изолированы друг от друга. С самого своего возникновения в России социальная работа пытается определить собственные границы среди традиционных и вновь возникающих помогающих профессий. И для того, чтобы «прочитать» эти самоопределения, необходим интерпретативный подход.

Обсуждение профессионализации социальной работы включено в более широкую перспективу анализа социальной политики, который, в свою очередь, затрагивает мало ; разработанную область

исследований повседневной рабочей рутины тех, кто представляет низовой уровень и на самом деле реально реализует социальные программы, воплощает концептуальные инновации. Такого рода исследования проводятся в интерпретативной парадигме с применением методов кейс-стади, качественных подходов! К оценке эффективности учреждений и организаций социальной сферы. Как отмечалось выше, среди социологов, применяющих атрибутивный подход, не существует единого мнения по поводу характеристик или признаков профессии. И все же, ученым удалось достичь некоторого консенсуса в обсуждении типов профессионализма и профессиональной деятельности. Среди критериев, по которым предлагается классифицировать профессионализм, - роль теоретических знаний и ценностей, отношения с клиентами, образ Я и метод профессионального развития<sup>25</sup>. Например, критерий теоретической ориентации в базовых знаниях профессии означает присутствие или отсутствие теорий в знаниях специалиста, степень их сложности, а также, что немаловажно, связанные с ними ценности. К ценностям относятся неформальные правила и смыслы, отжившиеся в профессиональных и организационных субкультурах. Отношения с клиентами могут варьироваться от исключительно жесткого контроля, демонстрации мастерства, власти и экспертизы до партнерства как продолжительного диалога и рефлексивного контакта. Образ Я у профессионала «отражает ценностную систему профессии и культурные нормы, усвоенные индивидами в их социализации посредством отбора и тренинга», и представлен типами мастера-ремесленника, эксперта, оператора и фасилитатора<sup>76</sup>. Обучение на личном опыте в профессиональном развитии полагается на метод проб и ошибок с незначительным вниманием к построению моделей профессиональной практики. Другой метод профессионального развития - обучение, опосредованное опытом, которое не обязательно происходит напрямую, а использует рефлексию опыта других, кейс-стадии, моделирование практических ситуаций и реальную Практику. Кроме того, существует метод обучения в формальных академических условиях. Используя указанные аспекты, можно выделить три основные профессиональные модели: арктический профессионал, технический эксперт (и его вариант - эксперт-менеджер) и рефлексивный практик. При этом, например, метафора идентичности практического профессионала - это ремесленник, поскольку тот, кто демонстрирует свою экспертизу и власть над клиентами, как правило, учится методом проб и ошибок.

Рассмотрим, как аспекты профессиональной деятельности осмысливаются и конструируются работниками среднегорских социальных служб, проинтервьюированных в 1998 году. Среди 20 человек, согласившихся на глубинные интервью, были 19 женщин и один мужчина в возрасте от 24 лет до 51 года. Группа респондентов включала пять начальников отделов социальных служб, восемь специалистов по социальной работе и семь социальных работников, причем стаж работы респондентов на данной должности был от 2 до 8 лет. Среди интервьюируемых не оказалось ни одного с соответствующей квалификацией по диплому. Метод сбора данных представлял собой полуструктурированное интервью.

Говоря о роли знаний в социальной работе, информанты упомянули необходимость медицинских, педагогических, юридических и психологических знаний, однако вне связи с конкретными навыками. Метод профессионального развития - на опыте (то есть методом проб и ошибок); респонденты упомянули, что систематическое знание в социальной работе не обязательно: «Житейский опыт очень здорово помогает»; «Нужна доброта, сочувствие к людям, знание здесь не причем». В отношениях с клиентами социальные работники ощущают моральный долг и эмпатию. Эмоциональность этого аспекта проявлялась в том, как росло напряжение повествования: «Мы как бы сами воспринимаем эту боль... насколько не был бы человек сильным, он все равно это все переживает», и в том, насколько короткой воспринимается дистанция между специалистом и клиентом: «я уже настолько к ним привыкла... я уже не смогу без этих семей», Консенсусный обмен с клиентами присутствует в практике работы, что явствует из следующих фрагментов: «эта работа помогает самой выжить, преодолеть свои трудности»; «нравится мне с ними беседовать... я сама от них ума-разума набираюсь. Интересно приходиться в эти семьи, общаться с ними»; «я сама очень большой человек и смотрю, как некоторые тоже выходят из этого положения».

Эти фрагменты также указывают на ИМИДЖ социальных работников, который не подходит вполне ни к одному из определений, предложенных в обсуждаемой выше классификации: это ни эксперт, ни фасилитатор. Растущее число публикаций по истории российской социальной работы вносит вклад в конструирование образа ремесленного или практического профессионализма (craft or practical professionalism) в современной России. В фокусе этих публикаций - благотворительная деятельность,

спонсорство, ценности православия, относящиеся к дореволюционному периоду российской истории, а также оформление системы социального обеспечения в советское время. И все же само презентация социальных работников в интервью лишь отчасти напоминает имидж ремесленника или мастера, скорее, это подмастерье, который учится у своих же клиентов. Клиент в этой ситуации играет роль мастера-ремесленника, поскольку на протяжении всей советской истории люди не выработали привычки делиться личными проблемами с представителями государственного агентства и не участвовали в социальных практиках, аналогичных встрече с психоаналитиком или исповеди в католической церкви. Подобные практики отсутствовали в культурном контексте советского общества<sup>27</sup>, и многие проблемы решались без вмешательства извне, без профессиональной помощи. Вот почему социальная работа сегодня ставит вопросы не исправления или наказания, а помощи людям, развивая незнакомые практики обсуждения частных проблем с представителем государственной организации. Люди еще не ориентированы на получение такого рода услуг, и в случае необходимости обращаются в привычные инстанции: врач, милиционер, учитель, - подчас относясь к социальным службам как к новому названию старого собеса. Говоря о социальной ценности их работы, респонденты выражали сожаление по поводу двойственности своего статуса - социальная работа существует, она важна для общества, однако у окружающих мало сведений об этом, а средства массовой информации хранят молчание: «Рекламы мало о нашей службе, мало знают, и если социальный работник, то сразу "собес", категорично». Идентичность формируется в процессе социального взаимодействия, проблематичная идентичность возникает, когда человек чувствует себя отчужденным от общества, например, вследствие этнических отличий, безработицы или, если его профессия не воспринимается обществом как нужная и полезная.

В средствах массовой информации мало говорится о социальной работе, хотя много - о социальных проблемах и социальной политике. Между тем реклама является источником мифологии, которая позволяет разрешать социальные противоречия, поставляет модели идентичности, утверждает существующий социальный порядок. В рекламе стирального порошка (1998 год) участвует женщина в возрасте 40 лет. Она показана в домашней обстановке, и титры говорят нам, что это «Елена Фельдман, работник социальной сферы». По сравнению с рекламой освежителей дыхания объявление о стиральном порошке не содержит сообщения «она имеет профессию», реклама приравнивает домохозяйку к социальному работнику, входя в репертуар современной мифологии о социальной работе, которая показана как «женская сфера» и получает определенные феминные черты.

И в то же время есть и другая интерпретация упомянутого образа профессиональной идентичности: наш, отечественный социальный работник вовсе никакой не средний класс, он или она только что сами были в положении клиента, но случайно и временно стали играть роль профессионального помощника. Иными словами, социальный работник и клиент не разделены барьерами профессионализма, класса и характера испытываемых ими жизненных трудностей. Что привлекает людей в этой работе? Во всяком случае, это не размеры зарплаты, но уверенность в завтрашнем дне и возможность хоть какой-то занятости, поскольку зарплата здесь «для женщины конечно маленькая, но приемлемая», «хоть крохи, но они постоянные и риску меньше», «девочка болеет часто, не с кем оставить... больше тридцати лет сейчас нигде не принимают... хочешь не хочешь, а будешь работать». В то же время центральный мотив во всех интервью - желание быть полезным людям: «хочется помочь, добро какое-то, пусть даже не материально, а чисто психологически»; «хочется оставить след в сердцах людей»; «большая отдача, и мамы, и дети уходят с горящими глазами - это очень вдохновляет». Некоторые интервьюируемые рассказывали, что они привыкли к своим клиентам, между ними сложились дружеские отношения, и теперь они не представляют себе другой работы: «я уже не смогу без этих семей».

Исследования, проведенные на Западе, предостерегают, что больший профессионализм выражается в меньшем активизме и увеличивает разрыв между профессионалами и клиентами. Иными словами, более образованные специалисты, представляющие средний класс, мало заинтересованы в изменении социальной структуры, а следовательно, и в защите интересов клиентов. С этой позиции, пока большинство агентств не замкнулись на достижении собственного профессионального статуса и не отвернулись от окружающих, у нас есть все шансы интегрировать усилия университетов, государственных социальных служб и частной инициативы. Неправительственный сектор может способствовать развитию новой философии социальных услуг и

тому, чтобы центр обслуживал периферию, чтобы необходимую помощь получали и те, кто находятся на краю, не попадая в сферу внимания государственных социальных служб.

При этом успешная партнерская интеграция различных государственных и частных организаций социальных услуг предусматривает цикл практического обучения (*experiential learning*)<sup>2B</sup>, которое включает конкретный опыт, рефлексивное наблюдение, теоретическую концептуализацию и активное экспериментирование, восприимчивое к специфическим контекстам и ситуациям профессиональной практики. В этом отношении существенную помощь могли бы оказать совместные семинары университетских преподавателей, исследователей, администраторов и работников социальных служб. Для повышения своей эффективности организации социальной работы могут строить свою деятельность на основе взаимного сотрудничества, осуществляя инновационные проекты и акции для социального развития, обмениваться опытом и идеями, чтобы отстаивать свои требования на местном и федеральном уровнях.

В декабре 2000 года на фокус-группе по проблемам развития социальных служб, проведенной в Среднегорске, вопросы профессионализма обсуждались директорами и руководителями отделов учреждений социальной сферы. Фокус-группа продемонстрировала более широкие интерпретативные рамки профессионализма с позиции менеджмента по сравнению с мнением рядовых сотрудников. В первую очередь, участники указали на фактор образования, рассуждая о том, «что должен знать студент факультета или кафедры социальной работы». Обращаясь к собственному опыту, представители социальных служб отметили нехватку специалистов, имеющих подготовку в данной области. Одна участница высказала мнение о нежелательности возрастной дистанции между молодым специалистом и клиентом, а большинство присутствующих согласились с мыслью о том, что *«ученым надо чаще бывать в учреждениях соцзащиты, а специалистам (особенно тем, кто к этому склонен) заниматься наукой»*. Помимо знаний, считает сотрудник межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних, профессионал должен обладать особой этикой поведения, быть в некотором смысле «верующим» - искренним гуманистом, приверженным своему нелегкому, но благородному делу. Представительница негосударственной службы - кризисного центра для женщин - отметила, что критерием профессионализма выступает способность человека овладеть новой информацией.

Участники фокус-группы предложили обсудить понятие эффективности, и в разговоре выяснилось, что существует практика оценивания *«качества обслуживания и степени защищенности клиента»*, при которой рядовые сотрудники оценивают сами себя, а затем их оценивают руководители. В свою очередь, учреждение подвергается оценке местной администрации и федерального министерства. При этом, однако, отсутствуют четкие индикаторы качества услуг, а отсутствие внешней, независимой экспертизы не позволяет обнаружить слабые места, воспроизводя стереотипные приемы работы и затрудняя поиск новых способов повышения профессионализма социальных сервисов. Университетские коллективы могли бы оказать здесь важную помощь, разрабатывая программы исследований качества услуг, участвуя в оценке эффективности работы организацией социальной сферы.

По-прежнему актуальна задача сближения понятий «профессия социального работника» и «деятельность социального работника»: в том, что первое понятие гораздо шире, чем второе, мы убеждаемся, когда сопоставляем требования к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавров или специалистов по социальной работе (Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования) с должностными обязанностями и квалификационными характеристиками специалиста по социальной работе<sup>29</sup>. Так, исходя из современного профессионального стандарта<sup>30</sup>, утвержденного Минобразованием России 10 марта 2000 года, специалист по социальной работе не только ведет консультирование и оказывает специализированную помощь клиентам социальной службы, но и «проводит исследовательско-аналитическую деятельность по проблемам социального положения населения с целью разработки проектов и программ социальной работы, участвует в организационно-управленческой и административной работе социальных служб, организаций и учреждений, содействует интеграции деятельности различных государственных и общественных организаций и учреждений по оказанию необходимой социальной защиты и помощи населению».

Вместе с тем, согласно описанию профессии, например, в системе профдиагностики АКSPD3+, «специалист по социальной работе оказывает и организует материально-бытовую помощь и морально-правовую поддержку... выявляет граждан, нуждающихся в социальных услугах,

определяет характер и объем необходимой помощи... консультирует по вопросам получения дополнительных льгот и преимуществ... проводит работу в неблагополучных семьях. Разрабатывает программу реабилитационных мероприятий. Участвует в оформлении необходимых документов, добивается принятия отвечающих закону решений в официальных инстанциях. Координирует усилия различных государственных и общественных структур. Стремится максимально приблизить образ жизни своих подопечных к обычным для здоровых и благополучных людей условиям и нормам. С этой целью уделяет особое внимание выяснению желаний и возможностей участия человека в посильном труде по имеющейся профессии или готовности к профессиональной переподготовке, повышению квалификации». Требования к профессиональной подготовке такого специалиста включают «осведомленность в социально-гуманитарных и нравственных вопросах, проявление интереса к вопросам этики, права, социологии, медицины, экономики, профконсультации, трудоустройства»<sup>31</sup>.

Исследовательско-аналитическая деятельность здесь редуцирована к «уделению особого внимания», а базовую подготовку могут заменить «осведомленность и проявление интереса».

## Выводы

Функционалистский, атрибутивный и критический подходы, которые обсуждались выше, не являются изолированными друг от друга теоретическими перспективами. Напротив, каждая из них проливает свет на тот или иной аспект проблемы профессиональной идентичности специалиста по социальной работе. Лишь в том случае, когда они применяются вместе, эти подходы могут позволить многостороннее видение социального процесса, посредством которого общество начинает определять данный вид занятий как профессию, а представители этого рода деятельности относят себя к группе профессионалов. Стабильное состояние профессионализма для некоего вида занятий достигается постепенно, лишь после того, как сформированы системы соответствующего образования, лицензирования, учреждены ассоциации и журналы, принят этический кодекс. Тем не менее в условиях растущей неопределенности классический ландшафт зафиксированных профессиональных идентичностей сталкивается с новой ситуацией, артикулированной критическим подходом и концепцией «рефлексивного практика»<sup>32</sup>. Эти аналитические перспективы привлекают наше внимание к чертам ригидности и консерватизма, практикам власти и исключения, реализация которых сопутствует конституированию профессии. В таком контексте профессионализация есть процесс успешного соревнования за символические и утилитарные ресурсы между сходными или пересекающимися видами занятий.

В России сегодня мы не можем требовать от социальных работников, чтобы они немедленно стали такими, как хотят того теоретики. В то же время можно предложить, что наиболее подходящей моделью профессионализма для практиков социальной работы в России выступает та, что делает акцент на важности обучающего опыта как средства достижения и оттачивания профессиональной компетентности. Модель рефлексивного практика необходима там, где «проблемы равенства, соблюдения прав и нон-дискриминации приобретают величайшую важность»<sup>13</sup>. Такой тип профессионализма, доказавший свою адекватность задачам социальной работы во всем мире, предполагает комбинацию теоретического и практического знания, профессиональных ценностей, когнитивной и поведенческой компетентности в специфических ситуациях, требующих достижения взаимопонимания и договоренности. А необходимость партнерских отношений между образованием и практикой, как и между разными секторами социальной работы и других помогающих человеку профессий, сегодня уже никому не нужно доказывать.

<sup>1</sup> См.: *Abercrombie N. et al. Dictionary of Sociology. London; Penguin Books, 1984. Русское издание: Аберкромби Н. и др. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1997; Jary D., Jary J. The HarperCollins Dictionary of Sociology. Harper Perennial. 1991. Русское издание: Джек-ри Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Коллинз): В 2 т. / Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999.*

<sup>2</sup> *Батыгин Г. С- Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. 1994. Вып. 3. С. 9.*

<sup>3</sup> *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996; Etzioni A. Modern Organizations. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice Hall, 1964; Parsons T. The Social System. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.*

<sup>4</sup> *Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. London: Routledge and Kegan Paul, 1957. P. 29,*

<sup>5</sup> *Романов П. В. Социологические интерпретации менеджмента. Контроль, власть и управление в современных организациях. Саратов: СГТУ, 2000.*

- <sup>6</sup> См.: *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38.
- <sup>7</sup> См.: *Елютина М. Э., Блаврина Е. А., Ярская-Смирнова Е. Р.* Рецензия на учебное пособие: Яцемирская Р, С, Беленькая И. Г. Социальная геронтология: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1999 // Социологические исследования. 2000. №7. С. 150-153.
- <sup>8</sup> *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социальная работа в России: профессиональная идентичность II Социальные проблемы образования: методология, теория, технологии. Саратов: СГТУ, 1999. С. 92-102.
- <sup>9</sup> *Thompson N.* Anti-discriminatory Practice. Macmillan: Basingstoke, 1933. P. 11.
- <sup>10</sup> *Агеев В. С.* Взаимоотношения групп с неравным социальным статусом и психологические последствия несправедливости // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 4. С. 12-19. <sup>1</sup> *Теория социальной работы /* Под ред. Е. И. Холостовой. М.; Юрист, 1998. С. 121. <sup>12</sup> *Wolfensberger W.* Human Service Policies: The Rhetoric Versus the Reality // L. Barton (Ed.) Disability and Dependency. London; New York: The Falmer Press, 1989. P. 23-41. <sup>15</sup> *Greenwood E.* Attributes of a Profession. In: *M. ZaJd* (Ed.) Social Welfare Institutions. London: Wiley. 1965. С. 509-523; См. также: *Reeser L. C, Epstein I.* Professionalization and Activism in Social Work: The Sixties, the Eighties, and the Future. New York: Columbia University Press, 1996. <sup>14</sup> *Reeser L C, Epstein I.* Professionalization and Activism in Social Work: The Sixties, the Eighties, and the Future. New York: Columbia University Press, 1996. P. 70-71,
- <sup>15</sup> *Millerson G. L* The Qualifying Association. London: Routledge&Kegan Paul, 1964.
- <sup>16</sup> *Жуков В. И.* Социальное образование в России: опыт и проблемы // Социальная работа: опыт и проблемы подготовки специалистов. М.: МГСУ, 1997.
- <sup>17</sup> *Реутов С. И., Замараева З. П.* Подготовка специалистов для социальной сферы в Пермской области: опыт, проблемы, перспективы // Социальная работа: опыт и проблемы подготовки специалистов. М.: МГСУ, 1997. С. 74.
- <sup>18</sup> *Шанин Т.* Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 21-23.
- <sup>19</sup> См. напр.: *Freidson E.* Professional Dominance. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970; *larson M. S.* The Rise of Professionalism. Berkeley, CA: University of California Press, 1977; *Mills C. W.* White Collar. New York: Oxford University Press, 1953.
- <sup>20</sup> *Jones S., Joss R.* Models of Professionalism. In: *M. Yelhly, M. Henkel* (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 18.
- <sup>21</sup> *Полуэктова Н. М., Яковлева И. В.* Проблемы диагностики профессионального соответствия социальной работе // Бюллетень Санкт-Петербургского государственного университета, 1994. Сер. 6. Вып. 3. С. 47-58.
- <sup>22</sup> *Беяичева С. А.* Психосоциальная работа // Словарь-справочник по социальной работе. М.: Юрист, 1997. С.269-270.
- <sup>23</sup> *Jones S., Joss R.* Models of Professionalism. In: *M. Yeiloly, M. Henkel* (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers. 1995. P. 18.
- <sup>24</sup> См. напр.: *Hudson B.* Michael Lipsky and Street-Level Bureacracy: A Neglected Perspective: A Neglected Perspective (L.Barton (Ed.) Disability and Dependency. London; New York: The Falmer Press, 1989. P. 42-54.
- <sup>u</sup> *Jones S., Joss R.* Models of Professionalism. In: *M. Yeiloly, M. Henkel* (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 20-21.
- <sup>26</sup> Ibid. P. 21.
- <sup>27</sup> *Kharkhordin O.* Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia. In: *J. Weiniraub, K. Kumar* (Eds) Public and Private in Thought and Practice- Perspectives on a Grand Dichotomy. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997. С. 365-383.
- <sup>28</sup> *Kolb D. A.* Experiential Learning. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice Hall, 1984.
- <sup>29</sup> *Топчий Л. В.* Проблемы формирования профессионального мастерства специалистов по социальной работе // Работник социальной службы. 1997. № 1 (1). С. 37-38.
- <sup>30</sup> *Государственный стандарт профессионального образования по специальности 350500 - Социальная работа.* 2000.

<sup>31</sup> <http://career.ibl.ru/professions/prof0689.htm>

<sup>32</sup> Jones S., Joss R. Models of Professionalism. In: M. Yeiloly, M. Henkel (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 15-33. «не МУЖСКОЕ ЭТО ДЕЛО...»

## ФЕМИНИСТСКИЙ АНАЛИЗ ЗАНЯТОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В данной главе мы применяем тендерный подход к анализу рабочей силы и процесса труда в социальной сфере. Речь, в первую очередь, идет о феминизации социального обслуживания, что предполагает низкую оплату труда и делает акцент не на формальных профессиональных знаниях и навыках, а на личностных качествах работника и эмоциональных сторонах обязанностей, что также закрепляет за таким видом занятости стереотип «женской» работы. Анализ основывается на результатах кейс-стади, проведенных в учреждениях системы труда и социального развития, занятости и образования в крупном провинциальном российском городе Среднегорске в 2000-2001 годах. Исследование включало в том числе и серию интервью о проблемах профессионализации социальной сферы.

Профессий или временная общественная работа для женщин?

Рынок труда в России поделен на два сектора - женский и мужской; данные исследований, проведенных во многих индустриальных странах, указывают на сходные модели сегрегации. Женщины преобладают в сфере социальной защиты, образования, здравоохранения и секторе услуг, а мужчины - в сфере управления, техники, национальной безопасности, квалифицированных рабочих профессиях. При этом женская занятость сконцентрирована в более ограниченном числе отраслей, нежели мужская, например, среди женщин, не занятых в промышленности, до 90 % попадают в следующие отрасли: торговля, связь, банковская система и социальная сфера - образование, социальное обеспечение, здравоохранение<sup>2</sup>. Традиционная женская роль матери и хранительницы очага в случае политического участия женщин или их занятости в экономике воспроизводится в форме «социального материнства», и проблема заключается в том, что именно эти сферы ответственности оцениваются российским обществом и государством как второстепенные с вытекающими отсюда последствиями - низким престижем и невыгодными условиями оплаты труда. В этой связи говорят не только о концентрации женщин в том или ином секторе экономики, но и об их геттоизации, так как на фоне увеличения доли женщин в сфере занятости «происходит их концентрация на определенных работах и должностных уровнях, например, низкооплачиваемых или наименее престижных»<sup>3</sup>. Такая ситуация не является универсальной. В ряде стран, например в Скандинавии, маргинализация женщин уже считается мифом<sup>4</sup>, так как здесь изменилось положение женщины и отношение к ней общества, государства. И хотя проблема «стеклянного потолка» для шведок и датчанок отнюдь не полностью изжита, на передний план выдвигаются вопросы здравоохранения, социального обеспечения, экологии, образования, став сферой их политической и экономической деятельности. В постиндустриальном обществе возникают и осознаются новые риски, пересматриваются системы ценностей, в этом новом контексте оказывается, что женщина отвечает не за вторичные, а важнейшие по значимости сферы, а возможности социальной защиты ассоциируются не с институтом семьи, а с государством<sup>5</sup>.

Отметим, что разделение труда по признаку пола следует рассматривать в связи с особенностями выбора профессии и образования мужчинами и женщинами. Подобный выбор оформляется не только волей или желанием самих женщин. Скорее, вся система социально-экономических отношений, вся политика в государстве способствуют гендерно-дифференцированному образовательному и профессиональному выбору.

Первые исследования отечественных авторов, представляющих феминистский подход к проблемам труда и занятости, появляются в российской академической печати в конце 1980-х - начале 1990-х годов<sup>6</sup>. Большое внимание уделяется тендерной экспертизе политики занятости и трудового законодательства<sup>1</sup>. Вместе с тем гендерные аспекты занятости в социальной сфере, особенности женской работы в системе социального обслуживания, образования, здравоохранения пока не исследовались.

Зарубежные феминистские исследователи<sup>8</sup> продемонстрировали, что в современном обществе растет число рабочих мест, где требуются не профессиональные знания и навыки, а особые личностные качества сотрудников. Речь идет, в частности, о так называемой «эмоциональной

работе», то есть тех профессиях, где акцент делается на психологической нагрузке работников. Так, в социальную службу нанимают женщин, от которых ожидается проявление эмпатии. Другие примеры лично ориентированной работы - бортпроводницы<sup>9</sup>, воспитатели, секретари, туристические агенты. Аналогично эмпатийной работе для женщин есть специфические рабочие места для мужчин, где требуются определенные качества мужественности (например, охранник-вышибала).

Наряду с формированием сектора занятости, предполагающего лично ориентированную работу, параллельно происходит закрепление стереотипных представлений о том, что такое «мужские» и «женские» качества, которые представляются неизменными и «естественными». Британские феминистские исследования труда и занятости<sup>10</sup> в конце 1980-х ~ начале 1990-х годов продемонстрировали, как в трудовом процессе переплетаются гендерные и капиталистические отношения. Это проявляется в том, что статус работы и ранг сотрудника имеет гендерную идентификацию.

Если не принимать в расчет различия между мужчинами и женщинами в практиках найма, трудовых отношениях, характере занятости и размерах вознаграждения, то можно объяснить феминизацию социальной работы «естественным предназначением» женщины. Именно на таком предубеждении и основан так называемый тендерный *кошйЯЯ!* в отношениях между государством и женщиной. Государство, определив шшДОС^Ш^ оклады работникам социальных служб, фактически действует на основании <sup>нег</sup>ИМ£ действующего в обществе установления о дешевизне женского труда<sup>11</sup>, с одной сИ)П ны, и на основании тендерной сегрегации рынка труда - с другой. Эти основав^ЖЯР; рически связаны друг с другом еще со времен индустриальной революции владельцы фабрик определили работницам задачи, подобные тем, что вышожЯЙВК женщинами дома, тем самым создали феномен «женской работы», а затем рярЦЯг зировали обесценивание этой работы на основании законов и стереотипных пМН^Ир лений о роли женщины в обществе. \*\*ЩЩЩг Подобным образом устроена и современная социальная служба: для соцЩЩЩШш боткиков здесь созданы особые условия найма (которые определяются кнэкойЯрИ^^Нр текучестью кадров), отбора (требуются особые «качества души» и *итоятЯЩЩШшрт* требования к работе (выслушать пожилого человека, сделать уборку, поменять постель) и режим (гибкий график). Проблема здесь заключается в том, что социальные группы, имеющие меньше возможностей устроиться на работу, будут наниматься за меньшие деньги, поэтому государство, стремящееся снизить расходы на рабочую силу в социальной сфере, будет фактически воспроизводить такой тип эксплуатации: *«Вот у нас сейчас такая проблема есть с кадрами: у нас в санитарки никто не идет. Минимальная зарплата 200 рублей, второй разряд - 210, третий - 230. Что на эти деньги можно сделать? Ничего - доехать на работу только, на транспорте. Сейчас вот у нас ни электрика, ни сантехника нет - зарплата там 300 рублей, у меня три ставки электрика, прошу, отдам, говорю, все три, могу я так сделать, - на 1000 рублей никто не идет. Я говорю, у меня у самой 1500 рублей со всеми надбавками»* (директор интерната, жен., 51 год, Среднегорск, апрель 2001).

Все это способствует тому, чтобы женщины работали с наиболее высокой производительностью, сохраняя конвенциональную феминность (то есть зависимость, эмпатию, пассивность и покорность), - и таковы решающие стратегии постсоветского социального обслуживания.

Негласное оправдание дешевизны женского труда в социальной сфере следует га устаревшей патриархатной логики, позволяющей удерживать зарплаты (как и пособия) женщин на низком уровне. Во-первых, считается, что заботиться и ухаживать за детьми, престарелыми и инвалидами ~ это естественное, традиционное занятие для женщин, не требующее особой подготовки. Потому все необходимые навыки социальные работники получают по месту работы и дополнительно - на краткосрочных курсах повышения квалификации. Если же специалисты имеют теоретические знания, профессиональную подготовку, это порой интерпретируется как никчемный багаж.

В противовес первому аргументу отметим, что в ряде стран дошкольные и школьные учреждения, а также семья стараются приобщать в равной мере девочек и мальчиков к «инструментальным» и «экспрессивным» функциям, обучая их не только творчеству и рациональности, но ответственному и эмоциональному отношению к миру, как обращаться с маленькими детьми и оказывать первую помощь. В России же гендерно-сбалансированное обучение осуществляется, пожалуй, только в школах-интернатах для детей с инвалидностью, поскольку предполагается, что во взрослой жизни инвалиду любого пола понадобятся социально-бытовые навыки самообслуживания. В большинстве других случаев программы труда, факультативы и спецкурсы являются гендерно-

специализированным по старинке. Это также является одним из факторов тендерной сегрегации рынка труда и причиной феминизации социальной сферы.

Конечно, здесь действуют не только гендерные стереотипы. В дискурсе современной социальной службы просматриваются и «почвеннические» идеи, и боязнь инициативы снизу, свойственная бюрократическим организациям со строгой вертикальной иерархией. По словам наших респондентов, *«студенты учат западные теории, которые в наших условиях не годятся»* (директор социальной службы, жен., 50 лет, Среднегорск, май 2001). Руководителям служб будто и невдомек, что сама идея социальной работы как профессии в 1990-е годы была заимствована с Запада. И хотя в начале XX века в России были открыты первые курсы для подготовки специалистов по социальному призрению<sup>13</sup>, невозможно не считать и с тем, что современные социальные технологии основаны на новых теориях, методах и принципах, многие из которых были отшлифованы и апробированы в мировой практике социальной работы. Еще одним гендерно-специфическим аргументом, оправдывающим низкую оплату труда социальных работников, является так называемая «идеология семейной оплаты»<sup>14</sup>, в соответствии с которой мужчина - это кормилец семьи, главный «добытчик», а женщины предоставляют лишь временный и второстепенный источник семейного дохода. Об этом свидетельствуют данные наших кейс-стади в Среднегорске и Среднегорской области, согласно которым профессию социального работника выбирают либо женщины среднего и старшего возраста, которые не смогли найти работу после сокращения на предприятиях, либо молодые женщины с несовершеннолетними детьми. В любом случае в качестве привлекательных факторов при выборе места работы респонденты называли не зарплату, а удобный график и моральные причины (помощь людям); *«Вознаграждением является детская улыбка, радость ребенка, его хорошее эмоциональное состояние, душевное равновесие»* (социальный педагог, жен., 49 лет, Среднегорск, май 2001). Как видим, специалисты по социальной работе или социальной педагогике получают за свой труд символическое, а не утилитарное вознаграждение, которое и позволяет им реализовать свои «основные» женские обязанности по воспитанию собственных детей, уходу за больными родственниками и соответствие социальным ожиданиям «женского предназначения»: *«Из-за того, что резко наша экономика тогда упала, предприятия наши закрылись, мужик оказался невостребованным, и он просто ушел в депрессию. Это женщина — она человек сильный, она себя поднимет, она себя заставит ради детей на восемь работ пойти, то есть, если она была инженером, она пойдет уборщицей, потому что ей надо поднимать детей. А мужик - существо другое»* (директор социальной службы, жен., 55 лет, Среднегорск, декабрь 2001).

В интернатных учреждениях сотрудники еще могут рассчитывать на небольшие дополнительные неформальные бенефиции в форме питания в столовой: *«Если касаться нашей отрасли, то здесь очень низкая оплата труда, очень низкая. Смешная. Даже несмотря на это, люди с полной отдачей работают, плохих людей не задерживается у нас. Ну а у всех семьи, есть дети, надо их кормить, обувать, одевать, содержать. Есть и одинокие женщины или мужики у них пьяницы, ну что там говорить-то... Материальное положение - там дети не ухожены, голодные... Я уже и не ругаюсь, детишки [сотрудниц] приходят сюда, пообедают...»* (директор интерната, жен., 51 год, Среднегорск, апрель 2001).

Происходит это в условиях, когда переформулируется гендерный контракт между государством, рынком и женщиной: высокие показатели женской безработицы теперь оправдывают материнство и воспитание детей как неотъемлемые функции женщин, в отличие от советского периода. Тогда социальное большинство было убеждено в том, что главное предназначение женщин - быть матерями и женами, одновременно работая и получая зарплату, и именно это помогало им завоевать уважение общества, получить личное удовлетворение и моральное вознаграждение. Новый репертуар женских ролей по репрезентациям в средствах массовой информации, правда, включает бизнес-женщин и женщин-политиков, но эти персонажи остаются маргинальными, уступая место доминирующим тематическим определениям женщин в программах новостей через безработицу, бедность, последствия военных конфликтов и катастроф, а в рекламе - через образы домохозяйек и девушек для развлечений. И хотя в чем-то женщина приобретает власть, например когда солдатские матери объединяются в группу, с которой политики считаются больше, чем с иными женскими организациями, одновременно происходит исключение женщины из сферы публичного (гендерная асимметрия рынка труда) и фетишизация женского тела в рекламе товаров, интимных услуг. И так, переформулированный тендерный контракт позволяет государству экономить свои расходы на оплату женского труда, каковым считается труд в социальной сфере. Как показывает статистика

занятости, социальная сфера дает возможности продвижения женщин на руководящие позиции, по сравнению, например, с производством, банковским делом или армией. Так, в течение всего советского и постсоветского периода среди двадцати руководителей Народного комиссариата государственного призрения, Народного комиссариата социального обеспечения, Министерства социального обеспечения, Министерства социальной защиты населения РФ и Министерства труда и социального развития РФ было девять женщин и одиннадцать мужчин. На факультетах социальной работы российских вузов обучаются в основном студенты женского пола, в том числе в Среднегорске каждый год среди абитуриентов, выбравших социальную работу, около 90 % девушек. Среди директоров образовательных учреждений, например в Среднегорской области, преобладают женщины, причем их доля превышает аналогичные показатели в составе руководителей учреждений здравоохранения и социальной защиты (рис. 1). Среди главных врачей детских поликлиник подавляющее большинство составляют женщины, а среди главных врачей ведомственных учреждений здравоохранения абсолютное большинство составляют мужчины. В таких учреждениях, как дом ребенка, молочная кухня, женская консультация, главными врачами в абсолютном большинстве являются женщины; мужчины руководят городскими клиниками, поликлиниками, кожно-венерологическим и противотуберкулезным диспансерами. В целом наиболее сбалансированным в тендерном аспекте выглядит администрация городских учреждений здравоохранения, хотя среди главврачей области количество мужчин почти вдвое превышает количество женщин. Женщины имеют неплохие шансы менеджерской карьеры в образовании и социальном обслуживании: в области мужчин втрое меньше среди директоров школ, и вдвое меньше среди руководителей учреждений труда и социального развития области. В то же время среди служащих управления образования число мужчин резко возрастает и почти равняется числу женщин: 25 и 22 соответственно.

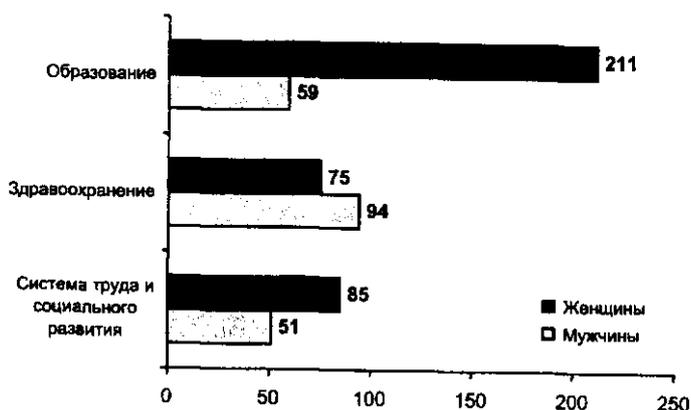


Рис. 1. Гендерное соотношение в составе администрации учреждений социальной сферы Среднегорской области (в абсолютном значении)

Отметим, что по данным наших кейс-стади, путь женщин к административным позициям в социальной сфере пролегает вовсе не по ступеням должностной иерархии в учреждении социального обслуживания. Иными словами, на пост директора учреждения системы труда и социального развития вряд ли можно попасть, пройдя последовательно все стадии карьеры, начиная от рядового социального работника или специалиста по социальной работе. Должность администратора социальной службы, руководителя управления является назначаемой, и сюда, как правило, попадает «человек системы» - личные, в том числе родственные, связи с вышестоящими инстанциями и опыт работы на руководящем посту в большинстве случаев здесь являются определяющими. Поэтому говорить о карьере женщин в социальной сфере можно с большими оговорками: высокая степень женского участия в руководстве социальными учреждениями вовсе не означает таких же высоких шансов стать директором у выпускников факультета социальной работы и низовых сотрудников социальных служб.

Впрочем, позиции административного уровня в социальной сфере на уровне города и области заняты мужчинами, которые преобладают в руководстве областных управлений труда и социального развития, здравоохранения и образования, департамента занятости, областном правительстве. Единственная женщина-депутат областной думы в прошлом руководитель областного управления социальной защиты - яркое пятно в монохромном ряду черных пиджаков руководителей области на

торжественных мероприятиях и форумах. А на линии фронта - в социальных службах, больницах и интернатах - с маленькими детьми и престарелыми родственниками женщины остаются в абсолютном большинстве. Средства массовой информации уверенно поддерживают мнение о «женской» специфике деятельности в социальной сфере: «Наверное, не будет ошибкой утверждать, что на боль и проблемы инвалидов женское сердце откликнется с особым чувством» (Среднегорские вести. 1998. 18 июня).



Вообще, система новых учреждений социального обслуживания, создание которой началось в России с 1990-х годов, рассматривается политиками именно с точки зрения предоставления рабочих мест женщинам, высвобожденным с производства. Это подтверждается в частности тем, что национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли до 2000 года предполагает в том числе «создание дополнительных рабочих мест для женщин путем расширения сети учреждений социального обслуживания»<sup>15</sup>.

Кстати, среди 18 предложений видов общественных работ Департамента занятости по Среднегорской области от 26 ноября 1999 года практически нет «чисто мужских», кроме, возможно, «лесосечных работ» и «прокладки водопроводных, газовых, канализационных и других коммуникаций»: озеленение и благоустройство территорий; строительство жилья и реконструкция жилого фонда; восстановление историко-архитектурных памятников; проведение мелиоративных работ; строительство, ремонт и обслуживание дорог, прокладка водопроводных, газовых, канализационных и других коммуникаций; вырубка деревьев и кустарников под линиями электропередач; лесосечные работы, проведение сельскохозяйственных работ, заготовка и переработка сельхозпродукции; помощь организациям жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения; помощь военкоматам по оформлению документов; обслуживание пассажирского транспорта и организаций связи; обслуживание мероприятий общественно-культурного назначения (перепись населения, опросы общественного мнения, фестивали, спортивные соревнования и др.); распространение печатных изданий, лотерей, билетов; обслуживание отдыха и оздоровления детей в период каникул; обслуживание санаторно-курортных и культурных зон и др. В том числе присутствует в перечне и тот самый «уход за больными, престарелыми, инвалидами и детьми в медицинских учреждениях и по месту жительства». Оказанием услуг по месту жительства, как известно, занимаются центры социального обслуживания населения.

Если мы переведем дословно понятие social work - социальная, или общественная работа, то получим именно тот образ, который устойчиво сопровождает новую профессию с момента ее появления в России в 1991 году. В программе Правительства РФ по поддержанию занятости населения (1999 год) создание рабочих мест на общественных работах в основном предполагает возможности оплачиваемого физически тяжелого труда (подсобные, вспомогательные и погрузочно-разгрузочные работы, работы по уборке, благоустройству и пр.) и не учитывает женской специфики<sup>16</sup>. В дальнейшем, предлагает М. Е. Баскакова, необходимо создание общественных работ, более подходящих для женщин (уход за больными, детьми, участие в массовых статистических опросах): «В программе оказался не разработан адресный подход к созданию рабочих мест для женщин и мужчин, который учитывал бы их положение на рынке труда»<sup>11</sup>. Как видим, здесь «женская работа» трактуется как общественная работа по уходу за детьми и больными, то есть как раз в разрезе тех обязанностей, которые вменяются социальным работникам в современной России.

В свою очередь, сеть социальных служб можно вполне считать системой так называемых временных рабочих мест, предоставляемых безработным на бирже труда. Оплата труда занятых здесь специалистов и социальных работников по своему размеру напоминает пособие, в половину или даже втрое меньшее прожиточного минимума. Направляются на работу в социальную службу высвобожденные с производства. При этом, даже если работа тяжела физически и морально, и ее выполнение требует специальной квалификации, оклад остается совершенно неадекватным, что и вызывает высокую текучесть кадров: «кому совсем некуда деваться - останутся у нас в штате... чтобы при первой же возможности уйти хоть куда»<sup>18</sup>. Социальная работа не входит и в перечень должностей с ненормированным рабочим днем, при которых полагается дополнительный оплачиваемый отпуск, как у медицинских работников и учителей. В этом списке есть сотрудники домов-интернатов, но нет сотрудников центров социального обслуживания, поскольку составлялся он в незапамятные времена, когда этих учреждений не было и в помине. Таким образом, руководству данных учреждений очень трудно привлекать в свой штат работников - ни зарплата, ни дополнительный оплачиваемый отпуск стимулами здесь быть никак не могут. Отметим, что женщины, будучи основной рабочей силой в системе социального обслуживания, попали в ряды тех, кого в очередной раз сократили во время недавней реструктуризации службы занятости: «...мы сейчас высвобождаем 173 человека, и у нас женский коллектив, и я знаю, что это такое для женщин оказаться на улице, на себе это испытываем» (начальник департамента занятости по Среднегорской области, муж., 45 лет, ноябрь 2000).

По данным наших кейс-стади, женщины в поисках работы нанимаются в социальную службу потому, что там работают их знакомые, служба расположена поблизости от дома, а режим работы позволяет, по выражению нашего респондента, «разносчице услуг» параллельно присматривать за собственным ребенком. Выпускники вузов (большинство из них молодые женщины), если и приходят в социальную службу, то в том случае, когда не смогли устроиться куда-либо еще. Такое положение дел означает, что государство относится к социальной работе по двойному стандарту: с одной стороны, существуют достаточно престижные по уровню конкурса абитуриентов программы высшего образования, магистерской подготовки по социальной работе, международные программы образовательного обмена, а с другой стороны, на практике в социальной службе выпускников профилирующих факультетов не так уж много - в первую очередь, ввиду низкой заработной платы, не соответствующей ожиданиям специалистов, которые получили за государственный (или за свой) счет профессиональную подготовку в области социальной работы. Существование двойного стандарта, видимо, вызвано существующей структурой управления в социальной сфере и сложившейся в обществе тендерной системой. Несовершенство рынка труда обуславливает, по сути дела, дискриминацию целой профессиональной группы.

Профессионализм: опыт против образования?

Проблема дешевого женского труда в социальной сфере отзывается и на тендерном составе студентов факультета социальной работы. Практически все обучающиеся - девушки, и хотя большинство из них отлично учатся, проводят исследования, готовят проекты, получают практические навыки в области современных методов социальной работы, защищают блестящие выпускные работы, - многих из них по окончании вуза ждет невзрачная должность с незavidным окладом.

По данным опроса 125 студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа» в одном из вузов Среднегорска, 80 % студентов всех курсов хотели бы пойти работать в социальные службы. Однако студенты первого и второго курсов (более 90 %) в большей степени мотивированы работать по специальности, чем старшекурсники. Для тех же, кто не хочет идти работать в службу, причина одна - низкая оплата труда, причем количество таких ответов растет от младшего курса к старшему. Если при трудоустройстве в социальной службе выпускникам не позволят проявлять инициативу, то 17 % уволятся, причем доля студентов с таким мнением увеличивается от первого курса к выпускному. Творческий рост, который студенты переживают за годы учебы, является большим потенциалом развития российской социальной службы. Но способности и умения выпускников оказываются невостребованными. Чувство разочарования постигает не только выпускников факультета социальной работы, но еще и студентов-старшекурсников после более пристального взгляда на будущее место работы по специальности. Это чувство вызвано прежде всего несправедливо низкой материальной оценкой их труда<sup>1</sup>. Но есть и еще один нюанс: дипломированным специалистам не предлагается творческой работы, где они могли бы применить

знания и навыки по психологии, социологии, теории и методам социальной работы в непосредственном контакте с клиентами - детьми и взрослыми, при работе с группой, семьей, индивидами или занимаясь координацией услуг для клиента, организуя необходимые визиты, встречи, контакты, добиваясь соблюдения прав человека. Взамен этого молодые специалисты становятся социальными помощниками, выполняя обязанности социального работника низкой квалификации, или ведут бумаги, становясь регистраторами. В организациях, с которыми социальным работникам приходится контактировать, так же, как и в семьях клиентов, уважение - редкость: но свидетельству наших респондентов, *«людьми воспринимается наша работа как просто девочки на побегушках»* (социальный работник, жен., 22 года, Среднегорская область, июнь 2001).

В. Сударенков, руководитель отдела кадрового обеспечения Минтруда России, ни с чем подобным не сталкивался, хотя много беседовал и с выпускниками, и с преподавателями, и с руководителями социальных служб. Напротив, по его мнению, «спрос на квалифицированные кадры есть, потребность все возрастает, поскольку правительство именно сейчас стало уделять серьезное внимание социальной политике. ...Впрочем... лет 10 назад, когда специальность социальная работа была для нашей образовательной системы еще новой, мы полагали, что чем моложе социальный работник - тем лучше... Но прошедшие годы убедили нас, что для успешной социальной работы нужны не только теоретические знания, нужен жизненный опыт. К такой точке зрения склоняются и наши ученые - преподаватели МГСУ»<sup>20</sup>. Вряд ли следует целиком разделять точку зрения чиновников, ведь сегодня от ученых скорее ожидается здоровая критика, выявление и анализ проблем, а не одобрение уже принятых решений, как было при советской власти.

В. Сударенков, кстати, и ссылается на советскую практику, когда считалось, что «выпускник вуза должен еще годика три созреть, и только тогда можно ожидать от него каких-то профессиональных результатов»<sup>21</sup>. Именно так следует поступать с выпускниками учреждений профессионального образования и сейчас, а мыть полы и «помогать бабушкам» может стать неплохим тестом, так сказать, инициацией в настоящие социальные работники. Об этом сотрудник министерства предлагает предупреждать студентов еще на вузовской скамье. Схема профессионального роста сильно напоминает сказку о Золушке или ее отечественный эквивалент «Морозко», и в роли доброй феи или хозяина избушки выступает директор службы, ведь дальнейший карьерный и творческий рост сотрудника целиком зависит от руководителя учреждения. А некоторые выпускницы заранее ориентируются не на фею, а сразу же на прекрасного принца, поэтому посвящают свои курсовые и дипломные изыскания проблемам воспитания детей и семейным отношениям.

Вузовские выпускники - специалисты по социальной работе - проходят свой тернистый путь профессионала по-разному. Когда они устраиваются на работу по специальности, их творческий потенциал задействован в двух случаях: администрация службы заинтересована в сохранении и развитии кадров с профессиональным образованием по социальной работе и само учреждение предполагает возможности творческого роста и развития. В полной мере это относится к организациям, которые «живут на гранты» и просто вынуждены постоянно развиваться, искать новые формы социального партнерства, затевать новые проекты, способные заинтересовать спонсоров. В таких организациях выпускники факультетов и кафедр социальной работы просто незаменимы, особенно если они получили подготовку по социологии, социальной психологии, социальной работе, экономике и владеют такими специфическими навыками, как фандрейзинг, социальное проектирование, оценка эффективности. Главное, за что здесь ценят дипломированных специалистов по социальной работе, - их разносторонняя подготовка, умение видеть проблему с разных сторон и многофункциональность навыков: от работы с клиентом и взаимодействия с чиновниками на разных инстанциях до написания научных проектов, преподавания и выступления перед большой аудиторией. Впрочем, молодые энтузиасты нужны и в госсекторе: по данным нашего исследования, Среднегорский реабилитационный центр для детей-инвалидов постоянно ведет работу с фондами, а дипломированные специалисты по социальной работе, помимо своих основных должностных обязанностей, являются менеджерами нескольких проектов, что само по себе является интересным и ответственным делом, придает выпускникам статус и повышает их доход.

Однако такие ситуации являются редкостью, выпускники с вузовским дипломом специалиста по социальной работе не задерживаются в социальной службе более чем на один-два года. Одна из выпускниц недавно уволилась из районного центра социального обслуживания, где ей платили около 400 рублей и совершенно не интересовались ее потенциалом. Кстати, увольнение специалиста произошло незадолго до того, как руководитель областного управления труда и социального

развития объявил о пересчитанном прожиточном минимуме для жителей области: сейчас этот показатель равен 1200 рублям. По словам одного из наших респондентов, *«выпускники социальной работы к нам не идут, хотя зарплаты у нас высокие, можем и полторы ставки дать - 700 рублей»* (директор социальной службы, жен., 50 лет, Среднегорск, май 2001). Проблема низких ставок специалистов по социальной работе и социальных работников является просто вопиющей. Кстати, клиенты социальной работы в основном бедные, пожилые и инвалиды, и подчас самый бедный клиент имеет больший доход, чем зарплата, получаемая социальным работником. По данным наших исследований, это расшатывает гуманистические основы профессиональной идентичности работников, которые к тому же, не имея специальной подготовки, зачастую не знакомы не только с теориями, методами и технологиями, но и с этикой социальной работы.

Аналогичная ситуация наблюдается в учреждениях образования и здравоохранения, где были введены должности социального педагога и социального работника соответственно, хотя наличие таких ставок и занятых на такой должности специалистов зависит от руководства учреждения. Что касается здравоохранения, то здесь ставки социальных работников есть только в психиатрических клиниках. А в наркологии, как и в онкологических и детских отделениях, социальные проблемы приходится решать медикам или оставлять их без внимания. В школах и других учреждениях общего и специального образования ставки социальных педагогов, если и есть, то заняты педагогами, которые в лучшем случае прошли краткосрочные курсы повышения квалификации по социальной педагогике. Вузовские выпускники ни сюда, ни в психиатрический госпиталь не идут. Это один из главных тормозов в профессионализации социальной работы. В этом контексте высказывания чиновников о важности жизненного опыта и стажа являются оправданием сложившейся системы, когда выпускники вроде бы востребованы на рынке рабочих мест в системе труда и социального развития, но они не идут на работу по специальности из-за низкой зарплаты и невысоких возможностей роста и признания.

Внутри социальных служб складывается своя иерархия. Хотя большинство работающих здесь женщин получают низкую зарплату, все же есть должности, имеющие больший престиж, для которых разработаны особые условия, включая расчет нагрузки и оклад. Мы уже говорили о том, что в социальной службе на должность врача, психолога или учителя вряд ли примут человека без «правильного» диплома, тогда как в случае с социальным работником такая деталь, как наличие соответствующего образовательного капитала, считается необязательной<sup>п</sup>. В этом случае более важным показателем профессионализма оказывается опыт, стаж. По свидетельству выпускницы вуза с дипломом специалиста по социальной работе, которую взяли в социальную службу на должность социолога и поручили вести учет регистрационных форм, проблемы бедности, социальной несправедливости, дискриминации здесь вообще никогда не затрагиваются, а, разбирая жизненные ситуации клиентов, специалисты по социальной работе и социальные работники в обсуждении всегда уступают ведущую роль юристу и психологу. Вся неуверенность системы социального обслуживания отражается в этом примере.

На повестке дня сегодня - вопрос о переподготовке и повышении квалификации уже имеющих кадров, тех, кто уже прошел организационный отбор и социализацию: «равнодушные, нерадивые у нас просто не задерживаются»<sup>б</sup>. Те энтузиасты, которые сейчас работают в центрах социального обслуживания, приютах и других организациях, безусловно, накопят опыт и повысят свою квалификацию на семинарах и тренингах, проводимых не так уж часто. Многим руководителям и сотрудникам учреждений социальной сферы сегодня есть чем гордиться. Их учреждения по праву являются опорно-экспериментальными площадками, центрами по распространению положительного опыта и разработке новых методик. В некоторых городах такие центры становятся учебной базой для повышения квалификации по международным программам для социальных работников, специалистов по социальной работе, руководителей учреждений и даже заместителей глав администраций по социальным вопросам. При этом фактический статус социального работника и специалиста, уровень его социальной защищенности и заработная плата остаются без изменения. По словам В. Рожкова, заместителя министра труда и социального развития России, предложения Минтруда по вопросам изменения подходов к оплате труда социальных работников с 2000 года находятся на рассмотрении в правительстве<sup>м</sup>. Однако единственное решение, которое принято правительством в пользу повышения статуса социальной работы, относится к разряду декоративных - это учреждение Дня социального работника и театрализованное празднование 300-летия социальной службы России, на котором в Среднегорске, например, некоторым руководителям

социальных служб и их сотрудникам были вручены грамоты и скромные денежные награды. Символические ресурсы - все, что есть в арсенале администраторов социальных служб, по словам которых, *«мы в своем ведомстве делаем единственное, что пытаемся как-то наших женщин собрать здесь хотя бы в один из праздников и поддержать только морально. Польше ничего мы не можем сделать»* (директор социальной службы, жен., 55 лет, Среднегорск, декабрь 2000). О том, что социальная работа в наглей стране пока не востребована на должном уровне как профессия, говорит А. Некрасов - президент Ассоциации социальных работников России (одной из трех профессиональных ассоциаций российских социальных работников). Он поднимает вопрос о качестве преподавания, кафедрах, унаследовавших штаты и методики от советских времен, а также о нищенских окладах, которые |выдают «профессию не только малопрестижной, но и просто неприемлемой для молодежи»<sup>25</sup>. В самом деле, на Западе чрезвычайно разветвленная система социальной работы получает мощную государственную финансовую помощь, а в России внимание государства и региональных властей к этой профессии пока ограничивается возведением декораций. В таких условиях социальной службе так и придется оставаться в роли падчерицы государства. Наверное, одним из выходов, если не уповать на помощь извне, станет зарождающаяся в России система социального партнерства<sup>26</sup>, позволяющая задействовать ресурсы межсекторного взаимодействия и воплощать жизнь инновационные социальные программы, привлекая общественные и государственные организации в конкурсы, устраиваемые международными и российскими спонсорами.

Каждый новый этап в развитии общества требует существенного обновления не только самой социальной политики, но и концепции подготовки кадров для социальной сферы. Дело в том, что функции социального работника многообразны; диагноз, прогноз, защита прав, организационная деятельность, профилактика, информация, фасилитация, коммуникация, изменение среды и посредничество. Социальная работа выступает не только как особая профессиональная деятельность и новый социальный институт, но и как научная идеология, новое мышление, образ жизни, реализация социальной политики на уровне индивида или малых групп. Для выполнения качественной работы по оказанию социальных услуг населению, разработки программ социального развития от индивидуального до регионального уровня необходима профессиональная квалификация не ниже магистратуры по социальной работе. Социальная работа как профессия развивается в Великобритании, США, Швеции и других развитых странах с конца XIX - начала XX века, а мы ввели этот социальный институт лишь в конце XX века. Прямая трансформация зарубежного опыта, как и вообще трансляция культуры, здесь вряд ли возможна, однако для социальной политики любой страны плодотворно наличие междисциплинарных исследований и компетентность разработчиков социальных программ<sup>21</sup>. Заботиться об этом надо со студенческой скамьи, закладывая исследовательский фундамент в вузовскую подготовку социального работника. Между тем беспокоит низкий престиж профессии, низкая заработная плата специалистов по социальной работе: это не может способствовать успешному трудоустройству по специальности, выпускники неохотно идут на низкооплачиваемые должности. Несмотря на высокий конкурс, абитуриенты слабо ориентированы на работу по специальности, практические работники не заинтересованы в серьезном повышении квалификации. По-прежнему имеются трудности с проведением практических занятий в службах и приглашением практиков на преподавательскую работу, хотя это необходимо для эффективного обучения. К числу негативных факторов можно отнести архаичную, сохранившуюся от прежних времен неэффективную систему управления, когда практически отсутствует стратегия кадрового роста и развития организации, а существует лишь ориентация на краткосрочные результаты. Сюда же можно добавить непрозрачность, закрытость финансовой отчетности. Остается надеяться, что социальные профессии в будущем станут престижными. Выводы

Социальная работа как профессия развивается в России с 1991 года, и с тех пор руководители социальных служб пытаются справиться с высокой текучестью кадров, при этом большинство занятых в социальном обслуживании не имеют формальной квалификации по социальной работе в соответствии с дипломом. Университетские выпускники факультетов социальной работы представлены в основном женщинами, что объясняется тендерной структурой образовательного и профессионального выбора. Эти молодые специалисты после окончания вуза редко поступают на работу в социальную службу ввиду чрезвычайно низкой оплаты труда профессиональных социальных работников. Сегодняшние специалисты по социальной работе и социальные работники - это женщины, которые ранее лишились работы на производстве по причине сокращения штатов на

предприятия, или женщины с маленькими детьми, соглашающиеся на малооплачиваемую работу из-за гибкого графика и альтруистических соображений. Нынешние социальные работники получают вознаграждение не монетарным, а символическим способом, позволяющим им выполнять их «главные женские обязанности» - воспитывать собственных и чужих детей, ухаживать за престарелыми клиентами и больными родственниками, соответствуя социальным ожиданиям относительно женского предназначения.

Государство, устанавливая неадекватную политику заработной платы в социальной сфере, в частности для квалифицированных специалистов по социальной работе, фактически воспроизводит и закрепляет социальные предрассудки о дешевизне женского труда. Феминизация социальной работы означает низкий уровень оплаты труда и делает акцент не на формальных профессиональных знаниях и навыках, а на личностных качествах работника и эмоциональных аспектах должностных обязанностей, что, в свою очередь, усугубляет стереотип социальной работы как «женского занятия». Наряду с предоставляемыми здесь возможностями женской карьеры, социальная сфера оказывается наименее престижной областью приложения сил молодых специалистов и людей, способных к творческому инициативному труду. Современная система социального обслуживания по сути дела порождает новые формы социального исключения, в том числе основанные на маргинализации важнейших профессиональных групп - социальных работников и специалистов по социальной работе.

<sup>1</sup> *Billing U. D., Alvesson M. Gender, Managers and Organizations. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. P. 17-19.*

<sup>2</sup> *Мезенцева Е. Б. Профессиональная сегрегация по признаку пола // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 142.*

<sup>3</sup> Там же. С. 143.

<sup>4</sup> *Темкина А. Теоретические подходы к проблеме политического участия: тендерное измерение // Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной; Центр независим, соц. исслед, Вып. 4. СПб.: СФПК СПбГУ, 1996. С. 13-18.*

<sup>5</sup> *Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция тендера и гендерная система в России // Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной; Центр независим, соц. исслед. Вып. 4. СПб.: СФПК СПбГУ, 1996. С.5-12.*

<sup>6</sup> См. историографию вопроса: *Тендерные аспекты социальной трансформации / Отв. ред. М. М. Малышева. М.: ИСЭПН РАН, 1996* ^*Баскакова М. Е.*

Проблемы и права работников с семейными обязанностями // *Права женщин в Рос- \_<■- сии: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания: В 2 т. М.: МЦГИ, 1998. Т. I; Мезенцева Е. Б. Трудовые права в современном российском контексте (гендерный аспект) // Там же.*

\**Pateman C. The Sexual Contract. Cambridge: Polity Press, 1988; Adkins L Gendered Work: Sexuality, i' Family and the Labor Market. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1995; HochschildA. ' The Managed Heart: The Commercialization of Human Feeling. Berkeley; London: University of California Press, 1983.*

На международных рейсах, где оплата выше, в обслуживании полета заняты и бортпроводники-мужчины.

\**PhOlips A., Taylor B. 'Sex and Skill' //Feminist Review, 1986; Цит no: Andermahr S., Lovell T., Wolkowitz C. A Concise Glossary of Feminist Theory. London; New York: Arnold, 1997. "Enloe C. Blue Jeans and Bankers //Women, Culture and Society, A Reader. Rutgers University Women's Studies Program. Kendall: Hunt Publishing Company, 1992. P. 339-357.*

"Начавшись в Западной Европе, эти тенденции затем проявились в США, России, Японии и Других ' странах, где развивался капитализм. [ "См.: *Социальная педагогика: Курс лекций / Под общ. ред. М. А. Галагузовой. М.: Владос, 1999. С. 15. "См. об этом: Воронина О. А. Феминизм: либеральное, социалистическое и радикальное направления // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 59. ^Баскакова М. Е. Российский механизм реализации политики равных прав и равных возможностей*

в сфере занятости /7 Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001. С. 282.

"Там же. С 284. , "Там же.

<sup>11</sup> См.: *Понятовская О.* И свято место пусто бывает // Соционимия. Приложение к журналу «Социальная защита». 2000. № 10. С. 4.

*Понятовская О.* Диштомиршагвше уборщицы // Соционимия. Приложение к журналу «Социальная защита». 2001. № 5. С. 8-10.

<sup>30</sup> Там же. С. 10. ■ <sup>31</sup> Там же.

<sup>12</sup> *Ярская-Смирнова Е. Р.* Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 89-90.

<sup>14</sup> От приюта до гостиницы. Службы социальной помощи в Прибайкалье учатся работать по-новому // Социальная защита. 2000. № 12.

<sup>15</sup> См.: *Понятовская О.* Непрерывное образование нуждается в стимулах // Соционимия. Приложение к журналу «Социальная защита». 2000. № 12. С. 11.

<sup>25</sup> *Некрасов А.* Сделать профессию престижной // Социальная защита. 1998. № 4. С. 68.

<sup>14</sup> См., напр.; *Социальное партнерство государственных органов и неправительственных организаций как фундаментальный принцип гражданского общества.* М.: Соц.-технол. ин-т, 2000.

<sup>17</sup> *Ярская В. И.* Антропология социальной политики // Человеческие ресурсы. 1998. № 1. С. 4-6.

## ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

В условиях трансформации постсоветского общества возникли и быстро развиваются социальные сервисы, призванные посредством организационных механизмов обеспечить закрепленное в тексте современной российской Конституции политическое намерение построить социальное государство<sup>1</sup>. Появление в России таких организаций, где практикуется социальная работа, относится к 1990-м годам, однако ни для кого не секрет, что разнообразные формы социальной помощи существовали давно. Институционализация социальной работы сама по себе является серьезной научной проблемой, и часть авторов стремится к определению ее через термины благотворительности<sup>2</sup>, другие - государственной политики в отношении маргинальных групп населения<sup>3</sup>, мы же придерживаемся позиции, что в строгом смысле этого слова профессиональная социальная работа появилась в России только в начале 1990-х годов<sup>\*</sup>, когда возникло понятие профессии «социальный работник», были лицензированы программы высшего образования в этой области, организованы соответствующие кафедры и факультеты. В любом случае, многие авторы сходятся в одном - современное состояние социальных служб как новых типов организаций является переходным, что означает соединение неких традиционных практик деятельности с новыми, в том числе в сфере администрирования. Насколько удачным является такое соединение - вопрос открытый, и именно он стал предметом наших исследований на протяжении 2000-2001 годов. Проблемы управления стали одним из ключевых направлений этого проекта.

Термин «бюрократия», который будет здесь использоваться, в обыденном понимании сопровождается исключительно негативными коннотациями. Мы придерживаемся определения бюрократии как формализованного механизма обеспечения организационной эффективности. Такая традиция восходит к идеям М. Вебера, который, обсуждая природу бюрократии, первоначально говорил исключительно о политической организации общества, но позднее эти теории нашли применение в объяснении менеджмента<sup>5</sup>. Социальный проект управления, инсталлированный в практики администрирования в XIX веке, безусловно, был шагом вперед по отношению к предыдущим формам организационной иерархии, и он больше всего соответствовал капиталистической системе хозяйствования, однако содержал в себе и определенные проблемы. Более поздние работы, посвященные реальным проявлениям бюрократии, выявили такие ее недостатки, как: проблемы контроля вышестоящими уровнями управления нижестоящих, вертикального обмена информацией в сложных иерархиях, автономии интересов в различных группах (Р. Мертон, М. Крозье, А. Гоулднер). С развитием социальной политики в XX веке возрастает интерес к исследованиям организаций социальной защиты в европейских странах и США. После Второй мировой войны финансирование социальных программ здесь стало одной из крупнейших статей бюджета, поэтому вопрос об эффективности государственных организаций (как экономической, так и социальной) прочно вошел в повестку дня. Целая серия кейс-стади, направленных на рефлексию управленческих практик и совершенствование методов социальной работы, была осуществлена Национальным институтом социальных служб (National Institute of Social Services) в Британии в 1970-х годах. Вопрос о государственной философии социальной работы, влияющей на отношение к клиентам и на формирование специфической организационной культуры, поднимался в связи с обсуждением деятельности социальных служб. Было обнаружено, в частности, что в отличие

от бизнес-организаций, где много усилий затрачивается на привлечение клиентов, их информирование и создание в обществе благоприятной репутации о фирме, в организациях социального обеспечения служащие проявляют невнимательность, а часто и грубость, стремятся избавиться от продолжительного общения с клиентами, в ряде случаев - сократить число повторных визитов, избежать сложных ситуаций, не вполне подпадающих под формуляры, а также не слишком заботятся об имидже своей профессии<sup>6</sup>. В основе таких различий между бизнес-организациями и социальными службами условиях западного общества находятся глубокие исторические, психологические социальные корни, определяющие особые отношения между теми, кто предоставляет и кто получает социальные услуги. М. Зальд в свое время выделил три основные различия в отношениях «клиент-организация» между государственными и частными сервисами<sup>1</sup>. Во-первых, в государственных сервисах клиент не получает преимуществ от использования монетарных санкций, способных повлиять на повышение качества работы служащих организации. Клиент не имеет возможности выбирать между поставщиками услуг, а если такое и происходит, потеря клиента никак не сказывается на бюджете социальной службы. Во-вторых, существуют различия статусе клиентов - в государственных службах чаще имеют дело с низко статусными группами населения, бедными и безвластными. И в-третьих, коммуникация специалистов службы с такими клиентами может быть затруднена из-за существующих между ними различий по социальному классу, образованию, культуре и психологическим установкам. Иначе говоря, в государственных службах чаще можно встретить классовые и другие различия между сотрудниками таких организаций и потребителями их услуг, чем, например, в туристическом бюро или частной стоматологической клинике. В совокупности эти организационные особенности способны серьезно повлиять на качество оказываемых услуг на всех этапах осуществления социальной работы: на стадии установления первого контакта, идентификации проблемы, выборе методов помощи и оказания услуг.

В ходе изучения бюрократии американских социальных служб в 1960-е годы П. Блау обнаружил, что те сотрудники, которые были ответственны за первичный прием клиентов, широко использовали свои полномочия в области классификации клиентов, чтобы утверждать власть, и подчас сами участвовали в конструировании неформальных правил в отношении клиентов<sup>8</sup>. Такие соображения укладываются в общие представления о бюрократии социального обеспечения, сложившиеся в этот период, как о системе, которая, кроме явных функций, выполняет скрытые, участвуя в процессах утверждения социального неравенства и стигматизации. Исследования латентных функций социального обеспечения сыграли положительную роль в публичной дискуссии об эффективности организаций социальной работы и путей ее совершенствования.

Анализ управления сервисами в современной России связан с концептуализацией социального менеджмента. В середине 1990-х годов один из представителей Всемирного банка в интервью российскому телевидению отметил, что неэффективный менеджмент предприятия является одной из главнейших причин множества проблем, связанных с переходом России на рыночную экономику. Несмотря на то, что такое замечание выглядит чересчур поспешным в отношении целой страны, оно все же основательно. Действительно, открытая конкуренция показала неэффективность многих управленческих моделей, достаточно хорошо зарекомендовавших себя в условиях командной экономики. Применимо ли такое обобщение к реальностям социальных служб? Нам представляется, что вполне, хотя осуществления реальной конкурентной среды в этом секторе пока находится в зачаточном состоянии. Приоритеты развития управления обозначены вполне определенно, что можно отнести и к сфере экономики социальной работы, и к управлению персоналом, и к повышению действенности отдельных услуг и видов деятельности. Рассмотрим более подробно вопросы, связанные с определением содержания той специфической функции, которую выполняют администраторы в сфере социальной работы.

Технологии социального менеджмента: аспекты эффективного управления

Социальные службы развиваются очень быстро в течение последних лет как на уровне государственных, так и негосударственных сервисов. Как эти программы управляются, насколько эффективно и кем? По мнению Р. А. Скидмора, администрирование подразумевает лидерство в высшем управленческом звене, направленное на улучшение работы агентств и персонала<sup>9</sup>.

Компетентный администратор может сделать социальную службу эффективной и достичь поставленных целей, а некомпетентный руководитель способен разрушить работу организации и сделать персонал незаинтересованным в своей работе.

Что такое администрирование социальной работы? Хотя определения различаются, общим для них является идея становления системы управления социальными службами. Дж. Кидней в 1950 году предложил определять администрирование социальной работы как «двусторонний процесс трансформирования социальной политики в социальных сервисах - с одной стороны - превращение решений по социальным вопросам в работу конкретных социальных служб, а с другой стороны - использование опыта служб для рекомендаций в области модификации решений»<sup>10</sup>. С. Спенсер считает, что существует общее представление о том что «администрирование является осознанным направлением внутренних отношений и деятельности предприятия к достижению целей». Она указывает на момент «осознанного вмешательства в сферу взаимодействующих сил, возникающих между агентством и более широким сообществом, частью которого является агентство» Продолжая эту мысль, Э. Дунхэм дает определение администрированию как процессу «поддержания или фасилитации деятельности, которая является необходимой и определяющей для предоставления социальной службой прямых услуг. Административная деятельность варьируется от определения функций и решений, а также лидерства до таких рутинных операций, как ведение записей, учет, поддержание службы»<sup>2</sup>. Х. Штейн в свою очередь считает, что определений администрирования множество, но «центральной и той, с которой чаще всего сейчас соглашаются, является концепция администрирования как процесса определения и достижения целей организации посредством системы усилий, направленных на координацию и усиление сотрудничества». Он объединил принципы администрирования социальной работы, определенные разными авторами, в систему следующих наиболее важных и общих элементов: администрирование является непрерывным, динамическим процессом; процесс организуется так, чтобы выполнить общие задачи или цели; человеческие и материальные ресурсы распределяются так, чтобы могли быть достигнуты общие цели; координация и сотрудничество - это средства, при помощи которых распределяются человеческие и материальные ресурсы; в управлении присутствуют элементы планирования, организации и лидерства.

Обобщая различные теоретические подходы, можно сказать, что менеджмент в социальной работе следует рассматривать как практику администрирования, воплощающую социальную политику на уровне конкретной социальной службы. Эта практика многомерна, в ней участвуют не только руководители, но и рядовые сотрудники, ответственные исполнители. В качестве основных процессов, которые при этом используются, нужно отметить планирование, организацию, рекрутирование персонала, разработку направлений деятельности и контроль за исполнением заданий.

Может показаться, что не существует особенностей управленческого труда в социальной работе. Существует мнение, что достижение эффективности посредством интеграции работы отдельных людей - деятельность внеценностная и в неконтекстная, она может в равной степени характеризовать труд начальника цеха по сборке автомобилей, директора ресторана и дома престарелых<sup>11</sup>.

Возможно, это обстоятельство и легитимирует ситуацию в управлении социальными службами, где руководителями по преимуществу стали выходцы с партийно-хозяйственных и комсомольских должностей советского времени, однако негативные аспекты применения технократических или политических моделей к управлению социальной службой обесценивают все плюсы использования на этой работе ((универсального менеджера)).

В последние годы все больше утверждается мнение, получившее развитие в международной практике социальной работы, что администрирование социальными сервисами - это во многом уникальный опыт, требующий специальных навыков и подготовки. Например, М. Тейчер считает, что квалифицированные администраторы по социальной работе предпочтительнее, чем администраторы, не получившие для этого специальной подготовки. Он придерживается точки зрения, что ((истинной проверкой административного успеха является не способность создать и поддерживать организационную схему. Большее значение имеет способность предоставить для принятия решений знания и информацию, которые являются определяющими для мудрого суждения. Такие знания и информация могут быть получены посредством образования, опыта и глубокого вхождения в работу социального агентства»<sup>15</sup>.

Администрирование в сфере социальной работы сейчас, как никогда раньше, нуждается в более высоком уровне профессионализма. В США и Великобритании компетентные лидеры социальных агентств - это скорее «администраторы социальной работы», чем «администраторы, выросшие из социальной работы». Многие руководители агентств и супервайзеры получили на факультетах

социальной работы специальную подготовку для тех постов, которые они занимают. Правительство и муниципальные органы управления, местное сообщество (негосударственные организации ветеранов, инвалидов, пожилых) все чаще выдвигают требования сделать работу социальных служб более эффективной. Такие условия не только предъявляют ко всем работникам этих сервисов требования улучшить организацию работы, но и обратить особое внимание на административный процесс внутри организации. Может показаться, что вся система работает сама по себе, не взирая на усилия отдельных работников. Встречаются социальные работники, особенно на должностях, связанных с непосредственным обслуживанием клиентов, чувствующих себя полностью безвластными на работе. Такие исполнители не склонны ставить под вопрос или критиковать технические детали своей деятельности и своей организации, улучшать политику организации или качество оказания услуг. Многие из сотрудников отчуждены от управления, особенно от высших руководителей, которые, видимо, считают, что только они одни могут участвовать в процессе регулирования деятельности организации и развивать управленческие технологии. Один из способов разрушить подобные иллюзорные представления об организации и менеджменте заключается в проведении исследований в социальной работе. Такие исследования, направленные на анализ эффективности деятельности организаций, позволяют осмыслить условия работы, адекватность некоторых практик и форм деятельности, их влияние на достижение социально значимых целей<sup>16</sup>.

#### Типы социальных служб

Большей частью социальная работа осуществляется в рамках агентств, служб и других организационных форм. Вне социальных служб она может существовать в виде частной практики, например консультирование, психотерапия. Некоторые социальные работники заняты в учреждениях образования и здравоохранения, а также в учреждениях системы занятости, профессиональной ориентации и переподготовки.

Если брать во внимание практику работы социальных работников, организации могут быть классифицированы по-разному. Основным различительным признаком является сфера деятельности социальной службы, которая определяется также и нуждами клиентов, на удовлетворение которых эта деятельность направлена. Основным направлением работы социальных служб в рамках министерства труда и социального развития, профильных департаментов по вопросам пенсионного обеспечения, социального обслуживания, по делам семьи, женщин и детей, пожилых и инвалидов является деятельность по повышению уровня жизни населения, социальной и медико-социальной реабилитации<sup>11</sup>. За рамками системы труда и социального развития оказывается помощь пациентам клиник, в том числе и психиатрических, жертвам преступлений в правовой сфере, как и работа с правонарушителями для предотвращения повторных преступлений, работа с отдельными индивидами и социальными группами, оказавшимися в кризисной ситуации - с бездомными, беженцами, незаконными мигрантами, бедными, одинокими. Эти виды социальной работы стали осуществляются в рамках других ведомств, относящихся к министерствам здравоохранения, юстиции, внутренних дел или отдельных благотворительных организаций и фондов. Таким образом, можно говорить о многомерности пространства социальных сервисов, где измерениями являются сферы деятельности, возрастные группы, социальные проблемы и социальные группы. В некоторых учреждениях социальные работники являются ключевыми фигурами, а социальная работа является основным видом деятельности. По терминологии Х. Джонсона, это так называемые первичные агентства<sup>18</sup>. Примерами таких организаций являются отделы социального обеспечения, центры социального обслуживания, службы социальной помощи семье и детям, находящиеся в ведомстве министерства труда и социального развития. В других агентствах социальная работа играет подчиненную роль по отношению к профессионалам из других сфер деятельности, таких как медицина, образование или право, и такие организации можно называть вторичными. Эти учреждения, как правило, осуществляют свою деятельность без социальных работников, хотя можно выдвинуть серьезные аргументы в пользу того, что качество их деятельности улучшится в случае активного их участия. Это школы (социальные педагоги), больницы (социальные работники в здравоохранении), суды и правоохранительные органы (социальные работники по работе с осужденными, в том числе и осужденными условно), межведомственные комиссии по делам несовершеннолетних (социальные работники и социальные педагоги), отделы опеки и попечительства, центры по усыновлению.

Одно из ключевых отличий заключается в способе финансирования. Некоторые социальные программы финансируются из бюджета, а другие поддерживаются частной инициативой - из фондов,

на спонсорские деньги и с участием волонтеров. Общая классификация государственных социальных служб при этом сводится к уровню их подчиненности и каналам поступления финансов. В одних случаях это федеральные средства, в других - средства областного или местного (городского, районного) бюджетов, иногда это комбинации различных источников финансирования. В условиях большого города можно увидеть, что госбюджетное финансирование таких организаций составляет лишь часть ресурсов. В случаях с центром помощи семье и детям, а также центром социального обслуживания, по данным нашего исследования, существует развитая система спонсорской поддержки, частные лица и организации, в том числе и международные, например ЮНИСЕФ, Красный Крест оказывают финансовую помощь, а также направляет гуманитарные средства (одежду, питание).

Негосударственные организации получают свои средства от спонсоров. Среди таких сервисов выделяют религиозные и светские. В нашем исследовании мы встретили оба типа таких организаций. С одной стороны, это благотворительные миссии, которые, как Хесед Ершалаим (еврейская организация) или Каритас (католическая благотворительная организация), распределяют гуманитарную помощь между пожилыми и одинокими гражданами, в основном в рамках соответствующей религиозной общины. С другой стороны, светские организации, например кризисный центр для женщин, оказывающий социальную помощь женщинам, пострадавшим от семейного насилия, ассоциация инвалидов-афганцев, где способствуют медицинской и социальной реабилитации инвалидам афганской войны или спортивное общество, где занимаются спортом инвалиды.

Известно, что некоторые негосударственные организации получают бюджетные средства на свои социально значимые проекты. Наши исследования показывают, что в существующих условиях такие межсекторные контакты нельзя назвать систематическими и регулярными. Некоторые спонсоры и организации-реципиенты стремятся не афишировать акты благотворительности, опасаясь пристального внимания налоговых органов. Бюджетная поддержка негосударственных организаций, занимающихся социальными программами, пока не опирается на такие демократические институционализированные формы взаимодействия, как открытые конкурсы, тендеры, гранты. В результате здесь царит, по преимуществу, административный произвол - организации партнеры выбирают среди тех, кто наиболее настойчив, имеет хорошие личные контакты среди чиновников, кто принят в круг «своих».

Социальные службы различаются по размеру и масштабу деятельности. В одних из них работает до полутора сотен сотрудников (например, в центре социального обслуживания населения). В других - около десятка человек (в кризисном центре для женщин). В ряде случаев речь может идти о всероссийской или межрегиональной организации, в которой данная организация является лишь местным филиалом, и тогда численность персонала может насчитывать тысячи человек, а масштабы деятельности охватывать всю страну. Это может относиться и к государственным службам, таким как служба занятости, и к негосударственным, где примером федерального масштаба деятельности может служить Всероссийское общество слепых, штаб-квартира которого находится в Москве. Это общество состоит из 74 региональных организаций и владеет 184 предприятиями, обеспечивающими занятость слепых по всей России.

Многие социальные службы имеют продолжительную историю, которая насчитывает многие десятки лет, а есть и те, которые сравнительно молоды. Такие организации, как Красный Крест, возникнув еще до Октябрьской революции не прекращали свою деятельность в России вплоть до краха социализма, хоть временами и сильно сокращали свои программы, а также испытывали сильное политическое давление. В 20-е годы по инициативе большевиков были созданы централизованные объединения инвалидов - Всесоюзное общество инвалидов (ВОИ), всесоюзное общество слепых (ВОС) и Всесоюзное общество глухих (ВОГ), которые, являясь общественными объединениями по форме, по существу были государственными организациями, по своему выполнявшими определенный социальный заказ на использование труда инвалидов в социалистическом строительстве. Эти организации, хотя и переживают определенный кризис в настоящее время, продолжают свою работу и стремятся приспособиться к условиям рыночной экономики.

Бурный рост сервисных общественных и государственных организаций отмечается в начале 90-х годов в связи с политической и экономической либерализацией. В это время значительно расширился спектр оказываемых услуг социальной работы, многие из таких организаций были созданы в отдаленных населенных пунктах. Государственная система социальной поддержки была в

значительной степени трансформирована, и реформа продолжается до настоящего времени, что отражается на содержании деятельности структур социальной помощи, возникновении новых и реструктурирования старых организаций.

Х. Виленски и К. Лебо предложили рассмотреть две модели социального обеспечения, обозначив их как резидуальная и институциональная<sup>19</sup>. Более старый - резидуальный подход управления социальными службами полагает, что они должны вступать в действие только после распада семьи или рынка, истощения всех наличных ресурсов, которых уже не хватает для удовлетворения социальных потребностей. Более новый - институциональный подход рассматривает социальные службы в качестве неотъемлемого элемента современного индустриального общества, элемента, выполняющего определенную общественную функцию. Эти два взгляда являются противоположностями на непрерывной шкале, а реальная практика социальной работы в западном обществе находится где-то посередине и содержит в себе элементы как первого, так и второго типов. Мощные общественные изменения влияют на людей и семьи: рост населения, индустриализация, урбанизация, взрыв общественного внимания к правам человека, мобильность, изменения в структуре семьи, дефицит естественных ресурсов и энергии - лишь некоторые из этих глобальных изменений. Из этих трансформаций следуют далеко идущие исторические тенденции, направленные на постепенное изменение социального обеспечения от резидуальной формы к институциональной. Рассмотрим более подробно основные различия этих двух подходов. Первое, на что следует обратить внимание при анализе резидуального подхода, - это ориентация на сдерживание потребностей; их увеличение рассматривается как патология. Вся социальная поддержка подпитывается хорошо известной либерально-рыночной убежденностью, что благосостояние может быть достигнуто любым способом, надо только уметь вертеться, а те, кто проигрывает в конкуренции за ресурсы, виноваты сами. Выигравшие не обязаны заботиться о проигравших, каждый - сам за себя. Этот посыл имеет самые широкие следствия для идеологии социального обеспечения. Во-первых, в резидуальном подходе социальные проблемы толкуются как кризис, экстремальное состояние общества. Во-вторых, социальная помощь направляется только тем людям и социальным группам, у кого истощились ресурсы. В-третьих, наличие проблем у того или иного человека и получение социальной помощи влекут за собой стигматизацию индивида в качестве слабого, маргинализованного члена общества. Как правило, социальные службы такую помощь оказывают очень неохотно, только тогда, когда не оказать ее уже невозможно. Помощь имеет вид последнего средства, к которому стоит прибегнуть, чтобы выправить ситуацию, хотя действительного выправления положения, как правило, не происходит.

В отличие от резидуального подхода, институциональное социальное обеспечение рассматривает рост потребностей в качестве естественного и ожидаемого элемента индустриализации. Здесь доминирует идеология государства всеобщего благосостояния и ценности гуманизма. Социальные проблемы - одно из свойств современной жизни, имеющей тенденцию к усложнению связей и отношений. Социальная помощь в этом подходе направлена в большей степени не на преодоление, а на предупреждение кризиса, причем ни в самой проблемной ситуации, ни в процессе социального обслуживания нет стигмы. Институциональное социальное обеспечение направлено на реабилитацию и может осуществляться постоянно, а не только в ситуации кризиса.

Завершая свое обсуждение этих двух крайностей, Виленски и Лебо полагают, что «государство всеобщего благосостояния» станет постепенно «обществом всеобщего благосостояния». Речь идет о том, что идеология социальной поддержки и практики социальной поддержки постепенно войдут в повседневную деятельность самых разнообразных негосударственных институтов - ассоциаций, местных сообществ, бизнес-организаций, образовательных учреждений. Среда обитания станет более открытой для людей с особыми потребностями, а общество в целом будет более толерантным и позитивным по отношению к ним. Несмотря на то, что это «предсказание» было сделано еще до того, как европейские страны пережили экономический кризис, отдаливший эпоху общества всеобщего благосостояния, существует множество признаков того, что капитализм в развитых странах вместе с его системой социального обеспечения постепенно продвигается в указанном направлении.

Применима ли данная аналитическая модель к отечественным условиям? В отношении России можно предположить, что идея резидуального социального обеспечения ближе к характеристике ситуации, сложившейся в системе оказания социальной помощи населению. Остановимся хотя бы на способах проектирования такой деятельности. В первую очередь, их характеризует

непоследовательность и стихийность при планировании мероприятий по социальной защите и их финансовому обеспечению. Например, О. Л. Шахназаров в исследовании адресной социальной помощи Алтайского края указывает, что приоритеты деятельности краевой системы социальной защиты населения предопределяются факторами, по сути, не связанными напрямую с социальной политикой<sup>70</sup>. Необходимо отметить, что такие приоритеты складываются не только вне локальных институтов власти, но также и вне институтов гражданского общества. Отсутствие стабильности социальных программ некоторые авторы склонны объяснять условиями переходного периода - своего рода «объективными обстоятельствами». Например, выдвигается идея о том, что при выработке и реализации социальной политики на муниципальном уровне следует учитывать дестабилизирующие факторы, из которых некоторые имеют постоянный характер, а другие объясняются переходным характером развития нашего общества и государства: «Среди последних можно говорить об определенном кризисе управления, когда муниципальные органы вынуждены, как правило, в "пожарном порядке" решать проблемы, которые ставит быстро меняющаяся социально-экономическая и политическая ситуация (приватизация и проблема лиц без определенного места жительства; разрушение системы бытового обслуживания населения и формы социального обслуживания людей пожилого возраста и инвалидов; политические катаклизмы и проблемы мигрантов, вынужденных переселенцев и др.)»<sup>21</sup>. Мы же склонны интерпретировать быстро меняющиеся социально-политические практики переходного периода в терминах идеологической конъюнктуры. Например, хорошо известны повышения размеров зарплат, пособий и социальных выплат в период избирательных кампаний, «набеги» местных чиновников, нагруженных подарками, активное посещение детских домов, центров реабилитации инвалидов, домов престарелых. Эти практики стали одним из наиболее распространенных инструментов из арсенала так называемого административного избирательного ресурса на выборах различного уровня. Социальные программы быстро разворачиваются, а затем сокращаются в определенном политическом контексте, являясь атрибутом «правильной» политики, удовлетворяющей патерналистские ожидания обедневшего электората.

Другим аргументом в пользу резидуального характера российской социальной политики являются данные нашего исследования, указывающие на противоречия, возникающие в социальных сервисах в связи с алармическим (пожарным) стилем формулирования целей. Многие из социальных работников и администраторов, которых мы интервьюировали, высказали неудовлетворенность по поводу «пожарных акций», необходимость в которых неожиданно объявляется региональной исполнительной властью. Такими акциями может быть раздача гуманитарной помощи или какие-либо культурные мероприятия. И то, и другое носят в большей степени политический характер, чем направленность на получение долговременного социально-экономического эффекта. Их характеризует широкая рекламная кампания и ориентированность на формы, выгодные с точки зрения репрезентации в средствах массовой информации.

Бюрократия низового уровня

Понятие бюрократии низового уровня было впервые использовано М. Липски, проводившим исследования вреди работников школ, полиции и отделов социального обеспечения, правовых и других служб. У этих работников в самых различных промышленно развитых странах есть сходства как в характере выполняемых ими обязанностей, так и в отношении условий работы. Работа сотрудников социальных служб в низовых структурах организационной иерархии характеризуется высокой автономией и постоянным стрессом от перегрузки и эмоционального характера выполняемых обязанностей. М. Липски обсуждает характер решений, принимаемых низовой (уличной) бюрократией, и их эффект в обществе и приходит к выводу, что по мере возрастания сложности организации возрастает вероятность ошибок в осуществлении услуг и реализации власти низовыми чиновниками<sup>22</sup>.

Наши исследования показывают, что к настоящему времени завершается кристаллизация бюрократических структур, оперирующих в сфере социальной работы. Это означает, что темпы трансформации служб постепенно сокращаются, а практики контроля становятся все более стабильными, общепринятыми, независимо от профиля деятельности и места, где они осуществляются. Сложившиеся практики, на наш взгляд, отражают и специфику социальной защиты в современных условиях, и особую организационную культуру, принятую в наследство от советского собеса, и разнородное влияние международного опыта в сфере социальной работы, примеряемого в качестве моделей развития на федеральном и областном уровне. Это наследие является весьма

противоречивым по существу. Собес традиционно подвергается критике за стигматизацию и ограничительный характер деятельности, сфокусированный более на интересах ведомства, чем клиентов. Одним из атрибутов организационной культуры является язык. Как правило, достаточно длительное выполнение совместной деятельности способствует «изобретению» таких словечек, терминов, идиом, которые являются маркером принадлежности к определенному «цеху» или коллективу. Особенности языка помогают опытным членам социальной группы узнать «своих», а для новичков, в ходе усвоения культурного контекста использование профессионального языка способствует более полной идентификации со «своими», принятие их норм и правил действия. Для социального ученого язык учреждения позволяет подвергнуть деконструкции идеологию профессии, те ее черты, которые обычно воспринимаются как должное и не обсуждаются. Кроме того, термины, в которых описываются социальные проблемы, являются не только продуктом социальных отношений, но и инструментом их конструирования. Поэтому в последние годы во многих странах клиенты и профессионалы стали бороться против дискриминирующего языка дефектологии, психиатрии, социальной работы, в том числе тех ее направлений, которые имеют дело с инвалидами - людьми с особыми потребностями или пожилыми - старшими гражданами (senior citizens). Эти усилия не напрасны и не случайны, они связаны с развитием социальной работы в направлении гуманизации и демократизации.

Как удалось выяснить в ходе этнографических наблюдений, можно выделить несколько наиболее насыщенных языковых сфер центра социальной помощи населения и Центра помощи женщинам, семье и детям. Первая сфера - определения клиентов. В тех отделениях, которые занимаются обслуживанием пожилых, чаще встречаются такие - «бабушки», «дедушки», «пожилые граждане», также «бабульки» и «дедульки»<sup>23</sup>, то есть в некоторых определениях звучит не только бытовое восприятие, но и взгляд сверху вниз, довольно покровительственный. Возможно, в основе этого лежат классовые различия (о клиентах отделения срочной помощи говорят «они нищие»), ко особенно это проявляется в отношении некоторых групп клиентов, которые приносят беспокойство и требуют особого к себе отношения. Речь идет, например, о тех, у кого проблемы с психическим здоровьем или «неудобное» поведение: «они уже и с маразмом и со всем полным букетом», «больной на голову», «у них с головой не все в порядке», «люди с обострениями» - или кто, как считается, требует к себе слишком много внимания: «руки выкручивают». Дискурс нормальности является доминирующим в определении клиентов Центра помощи семье, женщине и детям, хотя необходимо иметь в виду, что само определение нормальности варьируется и не всегда четко определено: «это — нормальная семья», «они там совершенно ненормальные», «там инвалид - ненормальный человек». Клиент в этом учреждении стигматизируется, воспринимается как маргинальная личность. Об этом говорят такие выражения: комментарий работника, выглядывающего в окно, - «какая-то странная тетя к нам идет! Наверное, клиент»; специалиста, который жалуется на стресс: «скоро сами клиентами станем этого центра! Сами себя обслуживать будем». Мы полагаем, что свою деятельность данное агентство рассматривает в некоторой степени, как деятельность по социальному контролю, нормализации, что находит отражение в языке организации.

Другим важным аспектом исследования стало отражение деятельности учреждения, ее форм и содержания в речевой практике сотрудников. Известно, например, что довольно широко распространена в практике, хотя это и является скрытым и редко обсуждается, передача проблемных клиентов из рук в руки при стремлении от них избавиться. Таких людей иронически называют например «бабушки "переходящее красное знамя"», имея в виду награду советского времени, вручаемую лидерам трудового социалистического соревнования на какой-то период. Особенности труда социальных работников - тоже одна и тем обсуждения. Скрытое недовольство кропотливой бумажной работой, связанной с заполнением многочисленных отчетов, проявляется в выражении заведующей отделением: «бумажки собирать», «эти бумажки с ума сводят». Работники социальной помощи на дому, которые вынуждены совершать длительные обходы района в отсутствии транспорта, называют себя «разносчиками услуг», они «работают ногами», а про человека, который отправляется на обход клиентов, обычно говорят: «она будет бить ноги». Среди работников социальных служб редко можно найти человека, довольного заработной платой, поэтому обычно говорят с усмешкой «зарплата - плакали вчера». Даже те доплаты и маленькие премии, которые иногда получают эти люди, стоящие лицом к лицу с человеческим несчастьем, бедностью, слабостью, не рассматриваются в качестве реального подкрепления. О таких премиях можно часто

услышать такую ироническую характеристику - «три копейки», указывающую на ничтожность суммы.

В тех социальных службах, где сильно влияние медицинских профессионалов, медицинский дискурс проявляется в лексиконе социальных работников. Это можно увидеть на примере реабилитационного центра, где детей называют «облеченные». Тех, кто ранее долгое время не получал социального обслуживания и не имел дела со специалистами по реабилитации называют «запущенные дети» или «запущенные случаи», подобно тому, как в медицине определяют больного, не обращавшегося за лечением. Весьма существенным является анализ дискурса, в рамках которого формулируются проблемы клиентов и потребность в определенных знаниях, необходимых для решения этих проблем низовыми бюрократами - социальными работниками. Мы обнаружили, что доминирующей моделью профессионализма, считающейся адекватной задачам социальной работы, является работа психолога, юриста и медика. Об этом говорили практически все наши собеседники, независимо от должности, которую они занимали. Некоторые из них, даже обсуждая деятельность кафедр и факультетов, где готовят дипломированных социальных работников, часто ошибались и называли их кафедрами психологии. Эти оговорки и представления о новой профессии, разумеется, не случайны. Они наследуют сложившиеся установки и стереотипы в отношении существующих проблем, с которыми приходится иметь дело. В рассуждениях об этих проблемах акцент делается либо на личности клиента - *«неприспособленные к новым экономическим условиям», «бабушки разные бывают - грязные, гневные, доброжелательные, веселые»*, либо на узко формулируемые способы разрешения проблем; *«обратиться к психологу, чтобы не страдать от одиночества», «к юристу - чтобы помог с работой»*.

В самых разных учреждениях, где проходило исследование, можно встретить суждения, так характеризующие отношения клиент - социальный работник; стираются границы между клиентом и социальным работником, они обмениваются телефонами, поздравляют с днем рождения, женщине легче понять клиентов, сблизиться с ними, складываются домашние отношения с подопечными. Рабочее место социального работника в организациях практически повсюду, где мы проводили свои наблюдения, испытывает сильно влияние организационной культуры «домашнего» свойства, обычно складывающейся в «женских» коллективах. Об этом можно судить по таким атрибутам, как изобилие цветов и домашних растений в горшках, календари, фотографии близких и звезд эстрады. Тот факт, что социальная работа слишком часто воспринимается на самом нижнем уровне социальных служб не в качестве специфической профессиональной деятельности, но в виде своего рода оплачиваемого продолжения семейных бытовых обязанностей, имеет разнообразные следствия, отражающиеся на трудовой деятельности. В некоторых случаях это позитивный знак, который указывает на преодоление дистанции и социально-классовых барьеров, отделяющих реципиентов социальной помощи от всего общества. Но в целом в такой позиции больше недостатков, чем преимуществ. Во-первых, разрушается дистанция между социальным работником и клиентом, что открывает возможность установления между ними слишком близких (как негативных, так и позитивных) отношений. Это препятствует спокойному, ровному выполнению служебных обязанностей, «домашние» модели отношений со знакомыми и родственниками переносятся в сферу профессии. Во-вторых, начинают доминировать бытовые этические нормы по отношению к клиентам и профессии, что выражается, например, в пренебрежении к сохранению тайны личности при обсуждении проблем клиентов с третьей стороной, Усилия руководителей социальной службы по утверждению особого отношения к внешнему виду и манере общения на рабочем месте не достигают цели.

Реструктуризация промышленности привела к появлению на рынке труда большого количества работников трудоспособных возрастов. Именно они составили основной костяк социальных служб. В Среднегорске создание рабочих мест в социальной сфере открыло перспективу трудоустройства сотен людей, по преимуществу женщин. Об этом говорит состав работников - лишь 1-2 % из них мужчины, работающие водителями и слесарями: *«Если взять мой коллектив, у меня коллектив 260 человек. Ну дай бог там наберется пять мужчин - там слесарь, вахтер, водитель, остальные 250 vedweu-\* - это женщины. Практически у каждой второй или даже у двух из трех уже нет мужа в семье, там сплошное пьянство, сплошная патология. Это вот проблема, моего центра, чисто женская. Мне жаль моих женщин, но я им ничем помочь не могу...»* (директор социальной службы, жен., 55 лет, Среднегорск, декабрь 2000). Основными профессиями социальных работников центров социальной помощи ранее были рабочие специальности, а также бухгалтеры, инженеры и педагоги.

Как правило, никакой специальной подготовки для них не предусмотрено <sup>24</sup>. Похожая ситуация отмечается и в других городах России. «Профессионализм в том и состоит, чтобы вжиться в проблемы человека, понять, как можно ему помочь и при этом себе не навредить», - говорит заместитель главного врача по медико-социальной работе Санкт-Петербургского городского гериатрического центра, специалист с высшим социальным образованием <sup>25</sup>. Речь идет о сиделках - на них «даже в наше нищее время есть спрос»; их же в статье называют социальными работниками, в которые «сейчас охотно идут безработные учителя и инженеры из обнищавших НИИ». Да, возможно, среди пользователей этого сервиса можно встретить не только «пожилых петербургских интеллигентов вроде академика Дмитрия Лихачева, но и людей с разрушенной психикой, с затрудненной речью». И хотя гериатрическая помощь, как указывается в статье, включает и социальный (точнее, медико-социальный компонент), функции социальных работников, в роли которых выступает обученный непосредственно в гериатрическом центре персонал, в этом контексте сводятся к задаче «выслушивать, не перебивая» и справляться «с теми же пролежнями». В нашем исследовании дипломированных специалистов по социальной работе в социальных службах найти было очень трудно, несмотря на то, что программы подготовки по данной специальности в Среднегорске существуют в трех вузах. В одном из центров социальной помощи из 172 человек ни у кого не было вузовского диплома по социальной работе, включая заведующую, которая получила дополнительное высшее образование по экономике, а шестеро сотрудников только лишь учились на очных и заочных отделениях социальной работы. В другом таком же учреждении - из 250 работников центра такого диплома не имел никто.

Мы обнаружили, что, несмотря на очень высокую текучесть кадров в социальных службах, например в центрах социального обеспечения, достигающую 15-20 % в год, управленческое звено этих организаций остается достаточно стабильным. Для этого эшелона управления характерны горизонтальные перемещения, в отличие от социальных работников и специалистов по социальной работе, которые составляют основную долю в статистике поступающих на работу и увольняющихся с нее. Эти менеджеры в девяти случаях из десяти пришли на работу в социальные службы из советских органов управления (руководили отделами в районных или городских исполкомах), занимали посты среднего уровня управления в партийных органах <sup>26</sup>. В этих условиях менеджеры становятся ключевыми фигурами для производства и воспроизводства смыслов социальной работы и методов администрирования. Смыслы эти, по существу реструктивны и унаследовали от советского времени восприятия социальной помощи как чего-то вторичного по отношению к промышленности, как деятельности, являющейся продолжением «естественного» выполнения социальных функций по уходу за слабыми, пожилыми и нуждающимися в защите.

Реальные обязанности социального работника и специалиста по социальной работе могут отличаться от тех, которые сформулированы в соответствующих положениях и других документах на уровне областного и федерального министерств. Мы полагаем, что круг этих обязанностей в значительной степени формулируется на низовом уровне. В конструировании реальной сферы ответственности и обязанностей работников активное участие принимает руководитель службы. Это можно увидеть на примере специалиста по социальной работе. Как мы узнали, отличие этого специалиста от социального работника, кроме разряда ЕТС (единой тарифной сетки) и соответствующего уровня зарплаты, заключается только в степени допуска к внутренней «кухне» - *«те же самые обязанности, что и у социального работника плюс замещает заведующую и работает со спонсорами»* (заведующая отделением Центра социального обслуживания, 56 лет, Среднегорск, 2001). Вообще, складывается ощущение, что вертикальные перемещения в таких учреждениях зачастую в большей степени обусловлены неформальными отношениями с руководителем службы, чем такими формальными атрибутами, как образование, личные достижения, инициативность.

Можно предположить, что такой организационный порядок конституируется низовой бюрократией для защиты собственных интересов. Однако представления о вторичности образования для карьеры в социальной работе достаточно укоренены и на более высоких уровнях иерархии управления российскими институтами социальной работы. Например, руководитель отдела кадрового обеспечения Минтруда России В. Сударенков прямо заявляет, что считает обязательным продолжительную работу дипломированных выпускников факультетов социальной работы (при этом, их образование предусматривает большое внимание к практике и работе в службах) на самых низкооплачиваемых и неквалифицированных должностях <sup>21</sup>. Вместе с этим существует не-удовлетворенность уровнем знаний социальных работников, что подтверждается исследованиями,

проведенными в разных регионах: «Основная часть людей не располагает необходимыми знаниями, и это тоже влияет на качество труда, поэтому следует решать этот вопрос, так как проводимые занятия не удовлетворяют работников и не дают им желаемых знаний»<sup>2</sup>. Такие выводы показывают, что периодические занятия на курсах повышения квалификации не всегда способны дать необходимый, комплекс систематических знаний, необходимых в деятельности специалиста по социальной работе.

Определяя стратегию найма, администрация центров говорит о профессиональных и душевных качествах сотрудника, однако представляется, что решающим обстоятельством является способность «влиться в коллектив». Очевидно, именно это и определяет тот факт, что около 70 % в свое время устроились в организацию при посредничестве знакомых. Так формируется совершенно особый тип отношений между руководителями и подчиненными, основанный на особой взаимозависимости. Подчиненные чувствуют признательность перед теми, кто помог им устроиться, и готовы отплачивать своей лояльностью. В условиях отсутствия таких прямых и рациональных организационных мотивов для качественного выполнения своих обязанностей и развития, как статус профессии, высокая заработная плата, возможности карьерного роста, их место занимают косвенные мотивации. Такими мы считаем развитие неформальных отношений на рабочем месте и оправдание работы ее важностью, необходимостью заботы о пожилых и одиноких людях, например. Неформальные отношения с коллегами, а особенно с менеджерами службы, играют особенно большое значение в условиях отсутствия формальных и определенных монетарных стимулов. Именно администратор решает вопросы, связанные с возможностями дополнительных заработков и получения каких-то льгот и бенефиций. В центре социальной помощи такими возможностями может стать получение дополнительной половины ставки, выгодных (спокойных и «беспроблемных») клиентов, удобного участка работы. В условиях дома-интерната - возможность совмещения и получения дополнительного заработка, питания за счет организации. Судя по публикациям, исследователи и администраторы социальных служб России проблему повышения статуса социальной работы и решение проблем низкой мотивации работников таких учреждений предлагают решать при помощи ряда административных мер, например «идентифицировать работников службы с целями и задачами организации, а именно: изменить отношение к работе, коллективу, обеспечив максимальную включенность в работу. С этой целью нужно добиваться: полной информированности каждого работника службы о целях и задачах, стоящих перед их организацией, об успехах и недостатках, выявляемых в процессе работы службы на уровне района, а также на районном уровне; совместного обсуждения планируемых мероприятий; поддержки всякой инициативы, выдвинутой работниками службы; встреч руководителей района с работниками службы для поднятия имиджа социальной работы; проведения совместных праздников, отдыха с выездом на природу; моральной поддержки лучших работников. Восстановить Доску почета, в связи с чем возродить дух соревнования в труде между службами, отделениями, самими работниками, чтобы появилось желание хорошо выглядеть перед коллегами»<sup>29</sup>. Основное направление дальнейшего развития социальной работы специалисты этих организаций видят в укреплении символической составляющей организационной культуры, однако выстраивают эту стратегию на основе своего ограниченного опыта советских практик управления. На наш взгляд, данная проблема имеет более комплексный характер, но главное, не может быть решена без серьезного повышения зарплат и изменения принципов организационной мобильности.

Центры социального обслуживания стали центральными элементами институционализации социальной работы - первичными, по определению Х. В. Джонсона, организациями, в рамках которых она развивается. Условия работы и проблемы здесь имеют общие черты от одного региона к другому. Например, как мы уже отмечали, труд социальных работников отличается очень высокой автономией. Как правило, они имеют дело только со своим непосредственным руководителем, иногда - начальником организации. Работники посещают и обслуживают своих клиентов в свободном режиме, еженедельно отчитываясь перед заведующим отделением за проделанную работу. Никаких коллективных действий деятельность социальной службы не предполагает. Для таких организаций характерен уровень текучести 15-20 % в год, причем для сельской местности этот показатель, как правило, несколько выше. Некоторые отдельные опросы, проведенные в разных регионах, демонстрируют сходные выводы с теми, которые мы сделали по результатам нашей работы. Например, в исследовании, проведенном в Самаре и посвященном мотивации сельских социальных работников, было установлено, что «86,7 % опрошенных даже близко не мотивированы

на заинтересованный, ответственный, инициативный труд»<sup>30</sup>. В основе такого отношения к работе лежат, по мнению авторов, плохие условия труда, поскольку были получены низкие оценки состояния оборудования рабочего места, размера заработной платы и санитарно-гигиенических условий труда.

В свое время Д. Ворхем говорила, что социальные работники в основном проявляют равнодушие к проблемам администрирования<sup>31</sup>. Она выражала сожаление, что эти служащие не рассматривают администрирование как творческий процесс и как неотъемлемую часть практики социальной работы. Многие социальные работники и политики чувствуют, что одна из важнейших потребностей и проблем социальной работы сегодня - это развитие более способных, динамичных лидеров, которые могут помочь в формулировании и реализации мер социальной политики, планов и решений, влияющих на население прямым или косвенным образом, с одной стороны. С другой стороны, сегодня вузовские преподаватели социальной работы, так же как и практики, отстаивают мнение, что все студенты факультетов социальной работы нуждаются в большем объеме знаний и умений в сфере администрирования перед тем, как покинуть учебное заведение, чтобы они могли сделать больший вклад в обеспечении социальными сервисами незащищенные группы населения.

Профессиональная практика решения социальных проблем на микроуровне и на уровне социальной группы все более востребована в условиях современного общества. В таких традиционных областях деятельности, как медицина, психология, юриспруденция, требования рассматривать индивида в контексте социальной группы интегрированы и в этический кодекс, и в систему образования. Можно вспомнить множество примеров того, как лучшие представители медицинского цеха не ограничивались выполнением своих прямых обязанностей, но стремились облегчить условия жизни своих больных. Среди них врачи Швейцер и Гааз - такие люди пользовались заслуженной славой, их окружали уважением, о них помнят до сих пор. Вероятно, именно поэтому существующий ныне в российском обществе спрос на социальную помощь заставляет в первую очередь обратить внимание на традиционные профессиональные группы и сферу их экспертизы. В результате вводимые соответствующими ведомствами и учреждениями должности социальных работников в медицине, социальной защите, правоохранительных и исправительных учреждениях заполняются медиками, психологами и юристами, возникают целевые программы, в рамках которых социальная помощь формулируется в терминах упомянутых профессиональных групп. Необходимо помнить, впрочем, что типичные профессионалы в этих сферах деятельности вовсе не ориентированы на социальную помощь. Отечественная система высшего специального образования нуждается в серьезной корректировке для того, чтобы массы медиков, психологов и юристов стали чувствительны к проблемам структурного социального неравенства и были способны объяснить, а затем найти соответствующие пути решения индивидуальных проблем. В противном случае мы будем продолжать воспринимать социальные проблемы как частные - на семейное насилие реагировать исключительно как на психологическую уязвимость жертвы; алкоголизм и наркоманию лечить только лекарственными препаратами и кодированием; а «лекарство» от безработицы и бедности искать только в изменении личностных установок.

Конкуренция за профессиональную экспертизу пока проигрывается социальными работниками. Их междисциплинарное знание, где совмещается медицина, психология, право и социология воспринимаются сейчас как поверхностность и дилетантизм не только соответствующими профессионалами, но и теми, кто ведает вопросами найма на работу и определяет сферы ответственности и экспертизы в социальной политике. Поэтому вопрос о том, как назвать данный вид деятельности - социальной работой или, например, психологией - не является исключительно теоретическим. Общество только выиграет, если социальные работники придут в самые разные сферы деятельности, даже если при этом произойдет некоторое перераспределение символических, властных и материальных ресурсов, за что так опасаются представители так называемых традиционных или академических профессий. Сейчас это сделать трудно в силу сложившихся институциональных условий, административных обстоятельств и социальных установок. Эти факторы препятствуют не только определению некоторых видов деятельности как относящихся к ведению социальной работы, что определяет способы и направления деятельности. Блокируются каналы трудоустройства специалистов с высшим образованием по социальной работе. В результате выпускники с таким образованием занимаются чем угодно, только не тем, чему они готовились в течение четырех-шести лет, получив диплом бакалавра, специалиста или магистра.

Выводы

Какой может быть перспектива профессиональной социальной работы в России? Пессимистический сценарий: в ближайшем будущем сохранится низкая оплата труда специалистов по социальной работе, и для них не будут созданы условия для успешной профессиональной карьеры. Первичные и вторичные агентства социальной работы будут продолжать рекрутировать рабочую силу из других профессий или вообще из числа лиц, не имеющих соответствующей подготовки, но зато нетребовательных к условиям труда, перспективам продвижения. Развитие негосударственных программ и социальных служб будет ограничено существующими административными барьерами. Когда произойдет полная смена поколений администраторов учреждений социальной сферы, возможно частичное заполнение рабочих мест в таких организациях дипломированными специалистами. Довольно продолжительный период отсутствие спроса на таких специалистов будет компенсироваться широкими программами получения второго высшего образования и системой профессиональной переподготовки. Профессионалы в области социальной работы все это время будут активно мигрировать в смежные сферы деятельности, где может быть востребована какая-либо часть тех знаний, которые они получили, или перемещаться за рубеж, где сохраняется высокий спрос на социальных работников и где можно найти работу по специальности.

Оптимистический сценарий предполагает создание благоприятных экономических и административных условий, в рамках которых будет поощряться развитие негосударственных социальных проектов и организаций социальной помощи. Это могут быть открытые конкурсы, тендеры, программы грантов; бюджетные средства будут направляться наиболее успешно зарекомендовавшим себя или инновативным проектам реабилитационных, кризисных центров, учреждениям по предупреждению правонарушений, на программы помощи больным, инвалидам и пожилым. Обеспечение безбарьерной среды должно стать условием реализации проектов в сфере общественного транспорта, городского планирования, жилищного строительства. Такие проекты в качестве обязательного компонента будут включать экспертизу со стороны социальных работников и участие таких специалистов в разработке соответствующих программ, проектов и видов деятельности. Для того чтобы занимать руководящую должность, начиная с уровня менеджера и руководителя отдела и выше в сфере социальной работы в государственных учреждениях, станет обязательным наличие у претендента соответствующего базового образования. Таким образом, уровень зарплаты специалистов с высшим образованием по социальной работе здесь сравняется с таковым в школах, вузах, медицинских учреждениях, а там, где работа таких специалистов ведется в экстремальных условиях, будут введены адекватные надбавки.

Все это вместе взятое привлечет новые, инновативно мыслящие кадры в систему социальной защиты, позволит перевести социальную работу с резидуального уровня на институциональный и в целом положительно отразится не только на статусе профессии, но и на качестве жизни населения. Можно предположить, что такое повышение статуса повлияет на гендерную стратификацию профессии. Здесь появится больше специалистов-мужчин, даже в тех сферах, которые связаны с заботой и обслуживанием, привычно ассоциируемым с женской работой. В свою очередь социальная сфера, и при абсолютном преобладании занятых в ней женщин (в том числе и на уровне принятия решений), будет обладать высоким престижем.

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации. М.: Ось-89, 1999. Статья 7 (п. 1, 2). С. 5.

<sup>2</sup> Холостова Е. И. Генезис социальной работы в России. М.; Институт социальной работы, 1995; Сорвина А. С. Фирсов М. В. Учебно-методические материалы по курсу «История социальной работы в России». М.: МГСУ, 1995.

<sup>3</sup> История российских социальных служб. Хронограф / Под ред. Г. Н. Кареловой, В. И. Жукова. М.: МГСУ, 2001; Крюков И. П. Российские традиции социальной помощи. Саратов: Изд-во По-волж. межрегион, учеб. центра, 2001.

<sup>4</sup> Ярская-Смирнова Е. Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001, № 5. С. 86-95.

<sup>5</sup> Романов П. В. Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов: О ТУ, 2000. С. 40-46.

<sup>6</sup> Hall S. A. The point of entry: a study of client reception in the social services. London: George Allen & Unwin Ltd, 1975. P. 23-24.

<sup>7</sup> Zald M. N. (Ed.) Social welfare institutions; a sociological reader. New York: Wiley, 1965. P. 555-557.

<sup>8</sup> Biau P. M. The dynamics of bureaucracy: a study of interpersonal relations in two agencies. Chicago: Chicago University Press, 1963.

- <sup>9</sup> Skidmore R. A. Social work administration. Dynamic management and human relationships. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1990. P. 2.
- <sup>10</sup> Kidneigh J. C. Social work administration - an arena of social work practice? // Social work journal. 31. 1950. P. 58.
- <sup>11</sup> Spencer S. W. The administrative process in social welfare agency // E. W. Reed (Ed.) Social welfare administration. New York: Columbia University Press, 1961. P. 32.
- <sup>12</sup> Dunham A. Community welfare organization: principles and practice. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1962. P. 42.
- <sup>13</sup> Stein H. Social work administration // H. Schalz (Ed.) Social work administration; a resource book. New York: Association Press, 1971. P. 24-25.
- <sup>14</sup> Peterson L., Plowman G Business organization and management. New York, 1959. P. 33.
- <sup>15</sup> Teicher M. Who should manage a social agency // S. Slavan (Ed.) Social administration: the management of social services. New York: The Haworth Press, 1985. P. 49.
- <sup>16</sup> Coulsheld V. Management in social work. London: Macmillan, 1993.
- <sup>17</sup> Карелова Г. Н. Социальная защита в XXI веке // История российских социальных служб. Хронограф / Под ред. Г. Н. Кареловой, В. И. Жукова. М.: МГСУ, 2001. С. 170-184.
- <sup>18</sup> Johnson H. W. Basic concepts: social welfare, social work and social services // H. W. Johnson (Ed.) The social services: an introduction. Itaca, N.Y.; F. E. Peacock Publisher Inc, 1995. P. 18.
- <sup>19</sup> Wilensky H. L., Lebeaux C. N. Industrial society and social welfare. New York: Free Press, 1965. P. 138-140.
- <sup>20</sup> Шахназаров О. Л. Территориальные проблемы социальной политики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 168—170.
- <sup>21</sup> Социальная политика, парадигмы и приоритеты / Под. ред. В. И. Жукова. М: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. С. 195.
- <sup>22</sup> Upsky M. Street-level bureaucracy: dilemmas of the individual in public service. New York: Russell Sage Foundn., 1980.<sup>23</sup> Здесь и далее использованы материалы интервью с работниками и администраторами социальных служб. Среднегорск, 2001.
- <sup>24</sup> См.: Романов П. В. Управление социальными службами: проблемы идентичности // Социальный менеджмент: опыт, исследования, образование. Саратов: СГТУ, 2001. С. 125-128.
- <sup>25</sup> Понятовская О. Это - профессионалы // Социология. Приложение к журналу «Социальная защита». 1998. №10. С. 35.
- <sup>26</sup> См.; Романов П. В. Управление социальными службами: проблемы идентичности // Социальный менеджмент: опыт, исследования, образование. Саратов: СГТУ, 2001. С. 125-128.
- <sup>27</sup> Цит. по: Понятовская О. Дипломированные уборщицы // Социология. Приложение к журналу «Социальная защита». 2001. № 5. С. 10.
- <sup>28</sup> Ковалева Л. А., Коростина С. И. Показатели мотивации труда социальных работников и новые пути развития социальной службы района (на примере Управления социальной защиты населения Борского района Самарской области). Обращение к документу 22.10.2001. <http://www.samara.ru/~icpo/projects99.html>
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>w</sup> Там же.



## СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Принято считать, что социальная политика - это система мер, осуществляемых государством, общественными организациями, местным самоуправлением и предприятиями по широкому кругу вопросов, связанных с общественным благополучием, а также сам процесс принятия решений. Довольно часто эти меры, процесс их выработки и реализации рассматривают как политическую деятельность, оказывающую влияние на благополучие граждан. Социальная политика понимается и как целенаправленная деятельность государства по перераспределению ресурсов среди граждан с целью достижения благополучия<sup>2</sup>. Обычно в международной практике, говоря о социальной политике, упоминают такие направления, как социальное обеспечение, здравоохранение, образование, жилье и занятость. Социальное обеспечение (social welfare) в западной традиции понимается как система мер для защиты индивида и семьи от тех рисков, которых невозможно избежать, в том числе от серьезного сокращения дохода, необходимого для поддержания приемлемого стандарта жизни.

В современном отечественном контексте проблемы социальной политики имеют свою постсоветскую специфику, которая отчасти объясняется традиционно высокой ролью государства в различных секторах общественной жизни, а также наследием социалистических принципов управления экономикой и культурой. Здесь к социальной политике относятся жизненный уровень, благосостояние, доходы населения; сфера труда и трудовых отношений, проблемы занятости населения; социальная защита малообеспеченных и нетрудоспособных групп населения; экологическая политика; отдельные направления развития социальной сферы, в том числе образования, здравоохранения, науки, культуры, физической культуры и спорта; современная инфраструктура, включая жилье, транспорт, дороги, связь, торговое и бытовое обслуживание; миграционная политика, а также политика в отношении отдельных адресатов: семьи, молодежи, инвалидов, пожилых и других категорий населения <sup>4</sup>.

Динамика преобразований российской социальной политики на протяжении последних десяти лет, в условиях переходного периода, была достаточно интенсивной. Можно сказать, что мы сейчас имеем дело совсем с другим государством, другой социальной политикой, другими институтами, ее обеспечивающими. Что до реципиентов государственной поддержки, то и среди них произошли значительные изменения. Подводя некоторые итоги десяти лет переходного периода, важно сформулировать некоторые основные элементы советской социальной политики, ушедшей в прошлое, ответить на вопрос о том, что российские граждане приобрели и потеряли после распада социалистических институтов социальной защиты, в чем особенности современной российской социальной политики. Социальная политика в Советском Союзе на протяжении всей истории его существования подвергалась постоянным преобразованиям, подчиняясь меняющимся приоритетам экономического развития, оказываясь в зависимости от состояния экономики, особенностей способа производства и социально-экономических отношений во всех сферах общества. Порой социальная политика была в более независимом положении от экономики, кроме того, в отдельные периоды советской истории более существенную роль в принятии решений по социальным вопросам играли идеологические факторы, что придавало принимаемым мерам несколько утопический характер. Разворачивание экономической и социальной политики в течение длительного периода страны, политической системы и доминантной идеологии, которые, в свою очередь, в социалистическом государстве были тесно увязаны с личностью политического лидера. Все советские лидеры по-разному строили управление социалистическим обществом, однако существуют три главных критерия определения социализма, с которыми в той или иной мере были согласны все руководители советского государства.

Рассмотрим принципы этого управления, оставив в стороне их практическое воплощение, которое, как известно, сделало повседневную жизнь миллионов советских людей совсем непохожей на первоначальные проекты. Прежде всего, социалистическое общество означало национализацию средств производства и распределения, направленную на то, чтобы создать бесклассовое общество и уничтожить условия политической и экономической эксплуатации, планировать развитие экономики централизованно на макроуровне и способствовать сбалансированному и быстрому экономическому росту. В отношении экономического неравенства последовательно осуществлялись мероприятия, в соответствии с которыми трудящиеся граждане должны были получать вознаграждение по труду, при этом экономическая политика в корне редуцировала различия в доходе, а экономические стимулы, мотивирующие человека к труду, постепенно должны были вытесняться идеологическими. Согласно этой доктрине, в будущем, когда советское общество перейдет от социализма к коммунизму, экономические вознаграждения будут распределяться по потребностям, различия между физическим и умственным трудом будут уничтожены, и люди будут работать бескорыстно для себя и для пользы сограждан. Наконец, после короткого периода диктатуры пролетариата, наступит полная свобода в политике, литературе и идеологии. Участие граждан будет центральным принципом принятия решений во всех аспектах экономических и социальных институтов. А в отдаленном коммунистическом будущем процесс самоуправления достигнет апогея с отменой государства как аппарата угнетения.

В развитии отношений между экономической системой и социальной политикой можно выделить несколько крупных этапов. В течение первого десятилетия советской власти цели социальной политики управлялись эгалитарной идеологией, даже если на практике ее было трудно реализовать из-за отсутствия необходимых ресурсов. Период конца 1920-х - начала 1950-х годов характеризовался изменением содержания социальной политики, нацеливая ее на нужды

государственной экономики, на быстрый индустриальный рост. В постсталинском периоде с его более солидной экономической базой социальная политика находилась в равноправных отношениях с экономикой. Дели правительства состояли в том, чтобы позволить расходовать больше государственных средств на население в смысле увеличения производства товаров народного потребления и предоставления людям бесплатных или почти бесплатных социальных услуг. Отметим, что все социалистические страны демонстрировали различные системы социальной политики при внешнем сходстве идеологических установок. Это показывают и результаты международных сравнительных исследований. Проводя анализ систем социального обеспечения в странах социалистического лагеря (Китае, Кубе, Чехословакии, Венгрии, Северной Корее, Польше, Советском Союзе и Югославии) в конце 1980-х годов, исследователи подчеркивают, что их первоначальная идея сделать обзор указанной проблематики натолкнулась на такие серьезные сложности в сравнении эмпирических данных, что даже термин «в условиях социализма» в названии проекта оказался недостаточно адекватным<sup>6</sup>. Эти страны демонстрируют многообразие форм социального обеспечения, а властвующие элиты исповедуют марксистскую коммунистическую идеологию различных видов. Принимая во внимание различные факторы внешней и внутренней среды; идеологию, ценности, историю, политический и социально-экономический контекст; структуру, администрирование и финансирование социального обеспечения, а, также специфические целевые группы социальной политики, - можно увидеть, что базовые идеологические посылки способны приводить к совершенно различным стратегиям социального развития.

Остановимся на периодах развития советской системы социальной политики. В первые годы советской власти новое большевистское правительство, делая первые шаги в экономической и социальной политике, столкнулось с трудностями, связанными с быстрыми изменениями в ситуации слабой социально-экономической базы реформ. В октябре 1917 года провозглашается модель государственного призрения нуждающихся трудящихся, создается Наркомат государственного призрения РСФСР со следующими функциями: социальное обеспечение трудящихся при всех случаях временной нетрудоспособности, охрана материнства и детства, попечение об инвалидах войны и их семьях, о престарелых и несовершеннолетних<sup>7</sup>. В дальнейшем эта модель подвергается пересмотру в соответствии со сложившимися социально-экономическими реалиями.

С началом гражданской войны стратегия постепенного реформирования уступила место военному коммунизму (с июня 1918 года по декабрь 1920 года). Если ранее большевистское правительство национализировало лишь крупные предприятия, то за время военного коммунизма, к ноябрю 1920 года даже малые предприятия были переданы в государственную собственность. В сложившихся условиях было невозможно продолжать политику постепенных решений и смешанной экономики. Тяготы войны, сопряженные с потерей самых богатых аграрных регионов, вторжением иностранных армий, войной с белыми армиями, разрушением транспортной инфраструктуры, голодом, миграцией городского населения в сельские районы, отражались на правительственной политике зарплат и цен. Деньги утратили свою ценность в обороте, часть услуг (например, почта и транспорт) предоставлялась бесплатно, однако правительством подчеркивался временный характер таких немонетарных отношений. В условиях полного хаоса и разрухи росла преступность, снижалась трудовая дисциплина. Большевики шли на жестокие санкции против рабочих и служащих в стремлении установить контроль над производством и потреблением.

В 1918 году наркомат государственного призрения переименовывается в наркомат социального обеспечения, а функции попечительства и охраны материнства передаются вновь созданному наркомату здравоохранения. Социальное страхование заменялось бесплатным социальным обеспечением, при этом необходимые финансовые средства предполагалось взимать с предприятий и предпринимателей и только в крайних случаях брать из государственного бюджета. В условиях социализма экономика и социальное обеспечение тесно взаимодействуют. С одной стороны, это позволяет справляться с неизбежными побочными эффектами экономического развития, особенно в случаях временной потери трудоспособности в силу профессиональных травм и заболеваний, распада семьи и молодежной безработицы. С другой стороны, система социального обеспечения позволяла вести политику низких зарплат и максимизировать инвестиции в экономическое развитие, обеспечивая социальную поддержку рабочим и прикрепляя их к предприятиям. Создание патерналистского типа менеджмента, доминировавшего в СССР, было бы невозможно без создания вокруг предприятий целого комплекса социальных сервисов<sup>8</sup>. Таким образом, формы социального обеспечения были тесно связаны с политикой стимулирования трудовой деятельности, играя важную

роль не только в улучшении трудовой дисциплины, но и в поощрении роста производительности труда.

В конце 1918 года принимается Положение о социальном обеспечении трудящихся, в котором предусматривается медицинская помощь, денежные пособия, пенсии и помощь «натурой». В период военного коммунизма наиболее частой была именно натуральная помощь. Некоторые меры социальной политики в этот период отличаются поворотом к утопизму; правительство поддерживает (умышленно или неумышленно) радикальные варианты строительства социализма, быстрые изменения привычек, убеждений, в том числе в таких тонких сферах, как семейные отношения, вопросы секса, воспитания детей, религии и дисциплины в условиях массовой бедности, неграмотности, общей отсталости.

Если в период военного коммунизма социальное страхование объявлялось институтом буржуазного права, скрытой формой эксплуатации и на повестку дня выносились принципы социального обеспечения, то в период новой экономической политики правительство отказалось от модели социального обеспечения и вернулось к системе социального страхования. Со временем противоречия между принципами соцстраха и соц-обеспечения постоянно изменяли соотношение сил между двумя системами в ту или иную сторону: «Необходимость учета, предупреждения и компенсирования рисков, которым подвергались наемные работники, вытеснялась потребностью обеспечения определенного уровня дохода особо нуждающихся за счет централизованного формирования и распределения специальных фондов»<sup>10</sup>. Ориентация на более реалистические цели привела к отказу от ультрарадикальных и утопических идей периода военного коммунизма. Семейный кодекс 1926 года усилил ответственность семьи, в том числе ответственность за социально-экономическую поддержку родственников. Выплата пособий была связана с определенными условиями занятости. Страна не располагала финансовыми, кадровыми и материальными ресурсами для общенационального здравоохранения, в связи с чем приоритетными группами выступали, во-первых, застрахованные рабочие, особенно те, кто был занят в ключевых секторах экономики; во-вторых, подрастающее поколение; в-третьих, труженики сельского хозяйства. В этот период оказалось возможно предоставить населению некоторые из обещанных благ, в отличие от периода военного коммунизма, когда советское государство обещало намного больше, чем могло дать". Соцстрах должен был стать и воспитательным средством для нового пополнения рабочих за счет крестьян, которым вменялись в вину «собственнические настроения», проявлявшиеся в требовании высокой оплаты, хорошего снабжения, приличного жилья. Их следовало переориентировать на осознание необходимости наращивания производительности труда, создания важнейших отраслей индустрии, а в связи с этим и привязанности к предприятию в существующих условиях<sup>12</sup>.

Беспрецедентные по своим масштабам государственные меры в период индустриализации (1928-1940), направленные на развитие тяжелой промышленности, неизбежно сказывалась на социальной и экономической политике. В первую очередь, были созданы условия для исчезновения частного бизнеса в промышленности и торговле. Это было сделано не только по идеологическим причинам, но также в силу правительственного курса на ограничение роста производства потребительских товаров, такое производство базировалось, в основном на частных предприятиях. Акцент на быстрой индустриализации означал обострение проблемы притока рабочей силы, потребность в которой удовлетворялась за счет женщин и крестьян. Такая неопытная, необученная и недисциплинированная рабочая сила участвовала в расширении промышленного производства. Советское государство оказалось перед необходимостью принять срочные меры по ликвидации неграмотности, распространению профессиональных навыков среди больших групп выходцев из деревни, привить им нормы индустриальной субкультуры<sup>13</sup>.

Рациональность индустриальной дисциплины сделала неактуальным социалистический принцип участия рабочих в процессе принятия решений. В 1933 году все функции, связанные с социальным страхованием в СССР, были переданы профсоюзам, и если ранее профсоюзы одновременно пытались выполнять две противоречивые задачи - защищать интересы трудящихся и помогать менеджерам в осуществлении целей производства, то сейчас они были вынуждены сфокусироваться на второй функции, невзирая на увеличение во второй половине 1930-х годов числа жалоб со стороны рабочих. В результате советские профсоюзы не стали самостоятельным субъектом ни в системе социального страхования, ни в защите интересов работников, являясь «приводным ремнем Партии».

Государство управляло страховыми фондами, что в условиях централизованного контроля над огромным бюджетом соцстраха вело к бюрократизации и волоките.

Система социальной защиты переживала важные изменения, разрабатывавшиеся с целью повышения производительности, снижения текучки кадров и укрепления трудовой дисциплины. При этом большое внимание уделялось подготовке и социальной поддержке женщин и сельских жителей, мигрирующих в города. Открывались новые техникумы и фабрично-заводские училища для подготовки квалифицированных рабочих, естественно-научные и технические факультеты вузов расширили прием студентов для подготовки высококвалифицированного персонала, в котором так остро нуждалась советская промышленность. Безопасность на производстве, профилактика и лечение профзаболеваний становились приоритетными вопросами. Развивалась система социальных гарантий и услуг по уходу за ребенком для работающих женщин, в том числе, пособия по беременности и родам, в связи с рождением ребенка. Вместе с тем все упомянутые меры советской социальной защиты касались преимущественно городского населения, а в отношении наиболее многочисленных в то время сельских жителей «эти функции осуществлялись в весьма урезанном и даже парадоксальном виде - в форме крестьянской трудовой помощи по запашке полей и уборке урожая»<sup>15</sup>. Что касается урбанизированной части населения, то здесь цель производственной дисциплины оправдывала жесткие средства государственной политики модернизации. Неявка на работу влекла временную утрату социальных льгот и иных бенефиций, список и объем которых стали зависеть от стажа работы и отрасли экономики. Если ленинская концептуализация социальной защиты находилась под сильным влиянием раннего европейского опыта в социальном страховании, то Сталин, во-первых, объединил социальную защиту со стимулированием труда, связав социальное обеспечение с записями в трудовой книжке заявителя, производительностью труда и отношением к работе. Во-вторых, политический и идеологический конформизм стал условием для получения социальных гарантий<sup>15</sup>.

Как указывает Ю. А. Косарев, «в 1930-е гг. принципы предоставления соцстраховских привилегий в зависимости от "ударничества", привязанности к месту работы и приоритетным отраслям получили дальнейшее развитие в законодательных актах о непрерывном трудовом стаже (который легко прерывался, если работнику ставили прогул или он менял место работы) и о других льготах. Так, размеры пособия по беременности и родам зависели от отрасли и стажа, но, например, для женщин, занятых на подземных работах и в угледобывающей промышленности, имел значение не стаж, а выполнение нормы в течение двух месяцев перед назначением пособия»<sup>16</sup>. В целом, вся административная машина претерпела изменения, гибко реагируя на широкий спектр экономических мероприятий правительства. Приоритеты социальной защиты определялись стратегическими целями экономики, поэтому индивидуальное право на социальное обеспечение и услуги находилось под влиянием трудовой биографии и политических взглядов.

При этом трудовая дисциплина и интенсификация занятости в промышленности отражались и на семье, и на системе образования. Ориентиры в направлении скорейшей индустриализации вели к изменениям не только в трудовых, но и в семейных отношениях. Чтобы восстановить семью как базовую единицу советского общества и повлиять на темпы роста рождаемости, принимается целый ряд законов, нормативных актов, касающихся, в том числе, усложнения процедуры развода, запрещения аборт, поддержки многодетных матерей. В системе образования политика экспериментов, либерализации и открытых дискуссий 1920-х годов была резко прекращена в угоду более ортодоксальным методам, акцент был сделан на фундаментальных дисциплинах, а важность экзаменов и авторитета учителя были реставрированы в увеличенных масштабах. Тем самым образование, социальная защита, здравоохранение, жилищная и семейная политика функционировали в качестве придатка экономической политики. Административный аппарат правительства и коммунистической партии был усилен и расширен, стал авторитарным, непостоянным, засекреченным и практически неподотчетным общественности. Нужно отметить, что специфической чертой советской модели социального обеспечения была система двойного подчинения и контроля - со стороны Советов всех уровней и вертикальной цепочки исполнительных органов власти. При этом «чем ниже иерархический уровень Совета, тем ближе он к конкретному человеку» и «тем меньшими возможностями и полномочиями он обладал»<sup>17</sup>.

Одержимость идеей стремительного экономического роста любой ценой и стремление рационально, с позиции здравого смысла оправдать политические действия, а также наличие системы социального страхования, - все эти черты были характерны для стран с рыночной экономикой конца XIX - первой

половины XX века. В 1920-30-е годы во многих индустриально развитых странах, включая США, осуществляется достаточно широкое вмешательство правительства в экономику. Все это указывает на то, что советская социальная политика развивалась по сценарию, достаточно типичному для капитализма той эпохи. Однако будучи капиталистической по характеру применяемых средств, государственно-бюрократическая модернизация в СССР обеспечила экономический рост при, социалистической риторике своих щелей и в условиях полной национализации производства и распределения. Вся жизнь «-Советском Союзе в рассматриваемый период, по выражению А. Вишневого, «была проникнута идеологией жертв во имя будущих поколений. Под действием самых разных факторов - от наивной веры до грубого насилия, не убеждением, так принуждением (при относительно слабом сопротивлении), «Центр» добился того, что потребители поступились своими правами, делегировали их плановым органам, вследствие чего в СССР была достигнута огромная централизация экономической власти»<sup>18</sup>. Плановая социалистическая экономика не была временным инструментом мобилизации на период «большого скачка», но просуществовала в течение всего периода советской власти.

Политический и экономический контекст времен Великой Отечественной войны и послевоенного времени (1940-1953) обусловил направленность социальной политики, фокус и масштабы которой были существенно ограничены приоритетами обороны и последующего экономического восстановления. Дисциплина на рабочем месте приобретала более жесткий характер, и небольшая отлучка с работы грозила уголовным преследованием, даже для женщины, которая бегала домой, чтобы покормить грудного младенца. Восстановление жилья после войны шло медленно, поскольку основное внимание уделялось реконструкции промышленности и путей сообщения. Тем не менее, в сфере социальной защиты расходы были существенны, включая пособия жертвам войны \* инвалидам, вдовам, сиротам. Были введены новые системы материального и символического поощрения рождаемости: пособия многодетным матерям и звание «мать-героиня». Политика расширения доступа к высшему образованию для выходцев из рабоче-крестьянской среды, этнических меньшинств, реализуемая с первых лет советской власти, получила свое развитие в Конституции 1936 года, которая декларировала равные права всех граждан на образование. Однако реальная практика воплощения этих принципов изобиловала случаями нарушения прав на получение высшего образования, в том числе, представителей «неблагонадежных» сословий, репрессированных народностей, а также тех, кто имел родственников за рубежом Само содержание образования все больше пропитывалось идеологией тоталитарного режима^

К середине 1950-х годов созрели экономические и политические условия для реформирования социального обеспечения. Широкомасштабные хрущевские реформы (1956-1964) были направлены на смену сталинской диктатуры и возврат к-янинскому принципу «демократического централизма» в отношении форм управления. В некоторой степени можно говорить о возврате к той форме принятия политических решений, которая практиковалась в период нэпа. В середине 1950-х годов предприятия, размеры и количество которых выросли во много раз, испытывали недостаток трудовых ресурсов из-за потерь во время войны и не могли наращивать производство, Новая экономическая ситуация требовала расширения стандартов продукции для потребителей, большей свободы предприятий и большей производительности труда от рабочих. Некоторые отрасли выпуска товаров народного потребления, а позднее и большинство отраслей промышленности получили поле для эксперимента. Прибыль стала главным мерилем эффективности выполнения плана и экономической поддержки рабочих, так как позволяла повышать оплату труда.

Стремительный рост объема выпуска потребительских товаров, либерализация сельского хозяйства были результатом политики, которая ориентировалась на продвижение более сбалансированных форм экономического развития и сокращение неравенства по доходу, образованию и жизненным шансам. Была установлена минимальная заработная плата, снизились налоги на низкодоходные группы, улучшены условия работы, а мобильность работников упрощалась с отменой законодательства, подвергавшего уголовному преследованию прогулы и смену работы, не одобренную свыше. Длительность рабочей недели была сокращена, а продолжительность оплачиваемого отпуска-увеличена.

Снижение социального неравенства в этот период вновь стало приоритетом реформы социальной политики. Законодательство 1956 и 1964 годов модернизировало систему социального обеспечения и сделало ее одной из лучших в мире. Были увеличены размеры пособий, они теперь в меньшей степени сопрягались со статусом занятости; кроме того, были введены гарантии для

низкооплачиваемых работников. Законом «О государственных пенсиях», принятым Верховным Советом СССР 14 июля 1956 года, государство обязалось выплачивать пенсии из государственного бюджета, образуемого из взносов предприятий, учреждений и организации без каких-либо вычетов из заработной платы. С этого времени началось реформирование и пенсионной системы, которая стала освобождаться от тех дискриминирующих особенностей, которые характеризовали ее со сталинской эпохи. Закон «О пенсионном обеспечении колхозников», принятый в 1964 году, расширяет схему социальной защиты и охватывает крестьянство, сокращая различия между рабочими и колхозниками в сфере социального страхования. Помимо эгалитарных принципов, причины расширения принципов социальной защиты и распространения их на колхозников были связаны с послевоенным демографическим спадом и фактической депопуляцией сельской местности. Реформы 1958 года в сфере образования способствовали выравниванию шансов, поскольку восьмилетнее среднее образование стало обязательным для всех. При приеме в вуз предпочтение отдавалось тем абитуриентам, кто уже имел несколько лет трудового стажа, таким образом расширялись возможности доступа к высшему образованию представителей рабочего класса. С 1959 года промышленным предприятиям и совхозам было предоставлено право в качестве поощрения за ударный труд направлять в вузы своих рабочих для получения высшего образования<sup>20</sup>. Большого прогресса удалось достичь в жилищной политике: темпы строительства жилья в 1961-62 годах были наивысшими в Европе.

С падением хрущевского режима, в период так называемой стагнации (1966-1982) изменились политические и экономические условия социальной политики. Впрочем, основные социальные реформы и меры социальной политики 1956 и 1964 годов были не только сохранены, но упрочены. В условиях постепенного экономического роста промышленным рабочим был разрешен более свободный режим перемещений между работодателями; сельскохозяйственным рабочим предоставлен гарантированный стабильный минимум заработной платы, социальные пособия для колхозников были существенно повышены и теперь не отличались от пособий, предоставляемых остальному населению, которые тоже выросли вслед за увеличившейся зарплатой. Подготовительные отделения, которые пришли на смену рабфакам, были призваны скорректировать состав высшей школы в соответствии с социальной структурой общества<sup>21</sup>. На подготовительные отделения принимались «рабочие, колхозники, воины, уволенные в запас из рядов Вооруженных Сил СССР, имеющие направления промышленных предприятий, строек, организаций транспорта и связи, геологоразведочных организаций, колхозов и воинских частей»<sup>22</sup>. Лица, окончившие подготовительные отделения и успешно сдавшие выпускные экзамены, зачислялись на первый курс вузов без экзаменов, однако это приводило к сравнительно большому их отсеву в процессе учебы в вузе. Благодаря многолетнему расширению медицинских услуг и постепенному улучшению их качества к 1980-м годам Советский Союз построил одну из наилучших в мире систем здравоохранения, в частности по универсальности и доступности сервисов, количеству врачей на тысячу населения.

Несмотря на все достижения экономической и социальной политики, уровень жизни советских людей был невысок, в первую очередь, ввиду низких зарплат и недостатка жилья. Демографические тренды, включая динамику браков и разводов, мобильность населения, еще более усугубляли насущность жилищной проблемы. Если в конце 1959 года только 48 % населения жило в городах, то в 1970 году доля горожан составила уже 60%. Наиболее радикальные изменения в годы советской власти произошли в семейной сфере, что также отразилось на жилищной политике. Например, в 1913 году уровень разводов в Российской империи составлял 0,15 на тысячу брачных пар, а к концу 1970-х годов этот показатель вырос в сто раз и достиг 15,2 развода на тысячу брачных пар<sup>23</sup>. По сравнению с другими секторами социальной политики: социальным обеспечением, здравоохранением и образованием - жилищная политика оказалась наименее адекватной потребностям населения, даже при развернувшемся жилищном строительстве. Несмотря на значительные инвестиции в жилищную сферу в течение всего советского периода, проблема обеспечения людей нормальным жильем была и продолжает оставаться весьма далекой от своего решения.

Таким образом, в период своего расцвета, относящегося к хрущевскому и ранне-брежневскому периоду (середина 1950-х - середина 1970-х годов), советское правительство создало одну из наиболее продвинутых в мире систем социальной поддержки в отношении равенства доступа, объема и качества услуг. В некоторые периоды, когда социальная политика была приоритетом для

советского правительства (1960-е годы), достижения в области жилищного строительства, медицинского обеспечения, социального обеспечения и образования помещали СССР на лидирующее место в мире по темпам роста и объема услуг. С конца 1970-х годов, когда Советский Союз вступил в новую, наиболее жесткую фазу холодной войны, в период ухудшения мировой конъюнктуры цен на энергоносители - основной статьи экспорта, основные слабости социальной политики, ее ориентиров и институциональной структуры, стали постепенно проявляться все с большей и большей силой. Уже в этот период, задолго до перестройки, стали наблюдаться негативные тенденции в качестве жизни советских граждан и в сфере демографии.

В результате к началу 1990-х годов Россия подошла истощенной гонкой вооружений, с плохо приспособленной к рыночным условиям существования экономикой, в которой доминировали неповоротливые промышленные предприятия-монстры, а наиболее перспективными оказались те отрасли, которые были ориентированы на вывоз сырья. Вдобавок, накопленные проблемы: высокая детская смертность, снижение рождаемости, дефицит жилья, огромные географические различия по уровню жизни, саерх-централизация управления, обширное, но достаточно противоречивое в институциональном и идеологическом отношении наследие в области здравоохранения и социальной защиты населения<sup>24</sup> - составили тот контекст, с которым пришлось бы считаться любому реформатору, даже проводящему осторожные эволюционные перемены в условиях экономической и политической стабильности. Положение еще более усугубилось политическим кризисом, в результате которого произошел распад союзного государства, банкротство могущественной идеологии и политических институтов, что стало катастрофой экзистенциального порядка, имеющей глубокие последствия в мироощущении и поведении больших групп людей, в трансформации важнейших социальных институтов<sup>25</sup>.

По мнению М. МакФаула, с тех пор как Россия стала независимым государством (с момента распада Советского Союза), здесь не происходило существенных реформ социальной политики<sup>26</sup>. Отметим, что законотворческая деятельность проводилась активно и выделялись солидные средства на федеральные целевые программы<sup>11</sup>. Принимались важнейшие законы, программы и концептуальные документы в отношении семьи и детства<sup>2а</sup>, меры по усилению прямой материальной поддержки семей с несовершеннолетними детьми<sup>19</sup>.

Наряду с выработкой некоторых предложений для радикальных изменений ни одно из постсоветских российских правительств до недавнего времени не приняло стратегический план в отношении проблем социального обеспечения. Это тем более удивительный факт, если учитывать предыдущие советские установки на общедоступность социального обеспечения и те потрясающие трудности, с которыми столкнулись трудящиеся и пенсионеры с начала рыночных реформ в 1992 году<sup>9</sup>. Здесь проходили наиболее драматические трансформации, по сравнению с другими посткоммунистическими странами; с началом рыночных реформ русские бедные стали гораздо беднее, а русские богатые стали еще богаче. Почему же не было принято новых социальных стратегий и почему общество не отреагировало на их отсутствие? МакФаул полагает, что властвующая российская элита сознательно ограничила масштабы трансформации социальной политики, для того чтобы осуществить шоковую терапию максимально быстро. В результате макроэкономические реформы были проведены за счет беднейших слоев населения, причем меры социальной защиты оказывались неэффективными. Сравнительный анализ социальных трансфертов показывает, что в конце 1990-х годов лишь 6 % российской социальной помощи достигало наименее обеспеченных групп населения, в сравнении с 29 % в Польше, 36 % в Эстонии и 78 % в США<sup>31</sup>. Подводя итоги этому краткому обзору реформ социальной политики, отметим, что система социальной защиты в советское время, по сути, стала легитимным механизмом ускорения экономического развития и консолидации социализма, будучи вдохновленной идеями классиков марксизма и политических лидеров советского государства. В самом деле, социальная защита являлась не только неотъемлемой частью социалистического образа жизни, но и практическим выражением классовой солидарности<sup>32</sup>. В качестве идеальной модели социальная защита стала неотъемлемым правом политически лояльных трудящихся и их семей, при этом последовательно продвигались принципы распределения по труду, не стремясь к уравниванию заработка тех, кто вносит различный трудовой вклад. В свою очередь, социальные гарантии не должны были предназначаться тем, кто способен поддерживать себя посредством заработка, но предоставлялись лишь тем, чьи доходы недостаточны ввиду особенностей занятости или заболевания, то есть «по

потребностям». Однако на практике эта идеальная модель воплощалась по-разному в различные периоды истории социалистического государства.

В целом можно выделить четыре принципа социальной политики советского периода, которые были существенным образом переформулированы в результате перестройки. Во-первых, общедоступность и равенство как принцип, преобладающий в системе распределения и доступа к образованию, жилью, здравоохранению, социальной защите, на рынке труда. Во-вторых, унификация, единство и строгая иерархия в управлении как принцип, придающий системе прозрачность, подконтрольность и все охватность. В-третьих, стабильность, предсказуемость в исполнении некоего объема гарантий, предусмотренных принятыми законами и установлениями. В-четвертых, стремление обеспечить большой объем социальных услуг, рассчитанный на вовлечение большого количества реципиентов. Подчеркнем, что у каждого этого принципа есть свои достоинства и недостатки, кроме того, каждый из них по-разному проявлялся в столице и некоторых крупных промышленных центрах в силу высокой централизации и концентрации ресурсов в СССР. Несомненно, советская система обладала развитой системой социальных сервисов в аспекте организации стационарного обслуживания пожилых и инвалидов, заботы о нуждающихся, сиротах и учащихся. Тем самым следует говорить о наличии в социалистической системе социального обеспечения индивидуальных социальных услуг. Их осуществление основывалось на принципе унификации (выравнивания), позволявшем распределять каждому гражданину согласно его потребностям, - понятие, на котором, кстати, базировалась этика социального обеспечения во многих странах мира<sup>33</sup>. Однако так называемое универсальное медицинское обслуживание и равноправное социальное обеспечение на практике означало общий стандартно невысокий уровень обслуживания и несправедливое перераспределение ресурсов в отдельные элитные центры для жителей столиц или партийной номенклатуры. Социальная стратификация в Советском Союзе носила особый и зачастую скрытый характер, она отличалась по своей природе от капиталистического общества. Монетарные отношения вытеснялись идеологическими, а все попытки расширить личную экономическую свободу расценивались как политически нелояльное, близкое к криминальному поведение<sup>34</sup>.

Построение социального государства в постсоветской России наталкивается на трудности, связанные со сложившейся системой бюрократии<sup>35</sup> и спецификой социальной структуры: на протяжении многих десятилетий здесь создавалось бесклассовое общество, тогда как социальное государство, согласно традициям европейской социал-демократии, основывается на представлении о современном обществе как классовом<sup>36</sup>. Особенностью постсоветской социальной политики в России является развитие в ряде ее направлений особой идеологии, основанной на доминировании дисциплинарных форм и расширении социального контроля. Речь идет об ужесточении мер по выяснению нуждаемости в отношении инвалидов, бедных, мигрантов, а также об усилении репрессивной компоненты в программах работы с наркозависимыми и правонарушителями в сфере нетяжких преступлений. П. Сквирс полагает, что идеология социального обеспечения вполне оправдывает контролирующую и дисциплинирующую формы социальной политики<sup>31</sup>. Но если эти формы развиваются до определенной степени, они могут превысить обязательства государства в обеспечении социального благополучия своих граждан и вылиться в так называемую антисоциальную политику, как это произошло в Великобритании в XIX веке с развитием контроля за бедными со стороны социальных работников и широким распространением работных домов. В современной России стратегии политиков в отношении социальных проблем не всегда отличаются гуманистическим содержанием. В свою очередь, следуя этим стратегиям, социальные работники и администраторы социальных служб подчас в большей степени озабочены сохранением государственных фондов, чем судьбами простых людей, и решение сложных ситуаций подменяется проверкой честности клиентов и обоснованности их претензий на субсидии и социальную помощь. Для политиков социальные проблемы бедности становятся понятными в терминах ущербности - «психологическая дезадаптация», «неблагополучные семьи», а сам факт бедности или нужды рассматривается как причина интервенции и применения таких действий, которые по сути «патологизируют» индивида. Вместе с тем, в отличие от политиков, социологи и опытные социальные работники видят за тем, что называют бедностью, причины более широкого порядка - распад семьи, подростковую делинквентность, недовольство трудящихся зарплатой и условиями труда, изменение структуры потребностей. Без поворота социальной политики в направлении поиска ответов на эти структурные

причины проблемы не могут быть решены, более того, такая антисоциальная политика останется определяющей стратегией.

Необходимо сказать несколько слов о такой функциональной составляющей социальной политики, как деятельность специалистов, предоставляющих различные виды услуг, отвечающих за реализацию соответствующих гарантий и оказывающих профессиональную помощь. Одной из отличительных особенностей социального обслуживания нуждающихся в Советском Союзе являлось развитие программ в виде персональных социальных услуг<sup>38</sup>. Речь, например, идет о системе льгот и скидок на детские сады и ясли для детей матерей-одиночек и из малоимущих семей, льготах для пожилых на путевки в санатории, обеспечение одеждой и питанием детей-инвалидов, проживающих в интернатах, пожилых в домах престарелых, профессионально-техническом образовании для инвалидов. Однако среди этих индивидуальных услуг в силу определенных идеологических установок и культурных традиций отсутствовал аналог западной модели социальной работы. Системы образования и здравоохранения в Советском Союзе были обеспечены кадрами, имеющими профессиональное образование, а вот социальных работников и соответствующего образования не было. В это время социальная работа развивалась в капиталистических странах и ассоциировалась там с предоставлением индивидуальных социальных услуг, связанных не столько с получением денежных пособий, сколько с квалифицированной помощью в удовлетворении комплекса потребностей в трудной жизненной ситуации. Эта помощь обеспечивается в ответ на различные личные нужды, требует наличия подготовленного, квалифицированного персонала<sup>39</sup>.

Характер и механизмы социального обслуживания при социализме и после него становятся понятными в контексте противоречий между представлением об ответственности государства, с одной стороны, и личной или семейной ответственности, с другой стороны, за такие проблемы, как занятость и безработица, хронические заболевания и инвалидность, алкоголизм, семейные конфликты и домашнее насилие, правонарушения, потребность в пособии и персональном уходе. Конфигурация приватного и публичного на протяжении советской истории находилась в состоянии постоянного переопределения и амбивалентности. Сама потребность в социальной работе при социализме не могла быть артикулирована, поскольку достижение экономического равенства, как считалось, должно было автоматически разрешить все социальные проблемы, порожденные системой рыночных отношений. Поэтому в социалистической России социальные, социально-психологические или медико-социальные услуги существовали фрагментарно и скорее относились к категории других видов деятельности, например семейные проблемы разбирались в суде или на партсобрании. В свою очередь, многие социальные проблемы не признавались, а иные, например политическая лояльность, инвалидность, определялись как медицинские или юридические. Признания таких проблем не как индивидуальный диагноз, а как порождение системы означало бы покушение на саму основу доминирующей идеологии.

В этом разделе книги мы подробно рассмотрим ряд социальных проблем и подходов к их разрешению, сформировавшихся в России на протяжении достаточно длительной эволюции социальной политики. В начале будет представлен анализ символических аспектов процесса реформирования социальной политики, в результате которого, с одной стороны, те или иные явления нашей жизни приобретают общественную значимость и начинают определяться как социальные проблемы под влиянием общественных стереотипов и доминирующей идеологии, а с другой стороны, мы сами так или иначе начинаем объяснять определенные события. Речь пойдет об отечественной прессе как зеркале политической риторики. Рассматриваемые далее проблемы: женский вопрос, старение, семья и детство, инвалидность - позволят нам увидеть целый спектр риторики, законодательной практики и условий их осуществления, характеризующих отечественную социальную политику в исторической перспективе и в период постсоветской трансформации.

<sup>1</sup> *НИИШ*. Understanding Social Policy. London: Blackwell Publ., 2000. P. 1.

<sup>3</sup> *Social Policy* / Ed. by J. Baldock, N. Manning, S. Miller, S. Vickerstaff. New York: Oxford University Press, 1999. P. XXI.

<sup>4</sup> *Rys V.* Comparative studies in social security: problems and perspectives. Bulletin of the international social security association. 1966. № 7-8. P. 242.

<sup>4</sup> См.: *Ходостова Е. И.* Социальная политика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 6.

<sup>5</sup> *George V., Manning N.* Socialism, social welfare and the Soviet Union. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. P. 1.

<sup>6</sup> *Social welfare in socialist countries* / Ed. by J. Dixon, D. Macarov. London; New York: Routledge, 1992.

<sup>1</sup> Косарев Ю. А. Социальное страхование в России: на пути к реформам. М.: Моск. рабочий, 1999. С. 19. <sup>8</sup> Григорьев О. А., Романов П. В. Муниципализация социальной инфраструктуры предприятий. Саратов: Абрис, 2001. С. 7-11. \* Косарев Ю. А. Социальное страхование в России: на пути к реформам. М.: Моск. рабочий, 1999. С. 19-20.

<sup>\*\*</sup> Щкира А. Социальные риски и социальная защита (К истории вопроса в России) // Вопросы экономики. 1993. № 12. С. 15. " Madison B. Q. Social welfare in Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1968.

<sup>12</sup> Косарев Ю. А. Социальное страхование в России: на пути к реформам. М.: Моск. рабочий, 1999. С. 25; См. также: Батыгин К. С. Возникновение и развитие социального страхования в СССР // Советское государство и право. 1977. № 9. С. 38—45.

<sup>13</sup> Вишневский В. Серп и рубль: консервативная модернизация в России. М.: ОГИ, 1998. С. 282-290.

<sup>14</sup> Косарев Ю. А. Социальное страхование в России: на пути к реформам. М.: Моск. рабочий, 1999. С. 30.

<sup>15</sup> George Y., Manning N. Socialism, social welfare and the Soviet Union. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. P. 31.

<sup>16</sup> Косарев Ю. А. Социальное страхование в России: на пути к реформам. М.: Моск. рабочий, 1999. С. 27-28.

<sup>17</sup> Сухорукое М. Социальная работа в России // Социальная защита. 1996. № 1. С. 127.

<sup>1\*</sup> Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 51.

<sup>19</sup> Татур Ю. Г. Высшее образование в России в XX веке // Высшее образование в России. 1994. № 3. С. 149.

<sup>20</sup> Постановление Совета Министров СССР от 18 сентября 1959 года № 1099 «Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов в комплектовании вузов и техникумов и в подготовке специалистов для своих предприятий». <sup>21</sup> Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1969 года «Об организации подготовительных отделений».

<sup>22</sup> Гусев И. Т., Калашников И. П., Кочанов А. В., Колобашкин В. М. и др. Профессиональная ориентация молодежи и организация приема в высшие учебные заведения. М.: Высш. шк., 1982. С. 63.

<sup>23</sup> Там же. С. 151.

<sup>24</sup> Russia's Torn Safety Nets: Health and social welfare during the transition / Ed. by M. G. Field, J.L. Twigg. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan Press, 2000; Cough f., McMyior P. Enterprise Welfare and Economic Transition in Russia //1. Gough (Ed.). Global capital, human needs and social policies. Houndmills; New York: Palgrave, 2000. P. 153-176.

<sup>25</sup> См.: Standing G. Social Protection in Central and Eastern Europe: a tale of slipping anchors and torn safety nets // Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies / Ed. by G. Esping-Andersen. London: Sage Publications, 1996; Fajth G. Social security in a rapidly changing environment: the case of post-communist transformation // Social policy and Administration. 1999. Vol.33.№4.P.416-436.

<sup>26</sup> McFaul M. The Political Economy of Social Policy Reforms in Russia: Ideas, Institutions and Interests // Left Parties and Social Policy in Postcommunist Europe / Ed. by L. i. Cook, M. A. Orenstein, M. Rueschemeyer. Oxford: Westview Press, 1999. P. 207-234.

<sup>27</sup> Например, указом Президента России от 18 августа 1994 года № 1696 была утверждена президентская программа «Дети России», включающая федеральные целевые программы «Дети-инвалиды», «Дети Чернобыля», «Дети Севера», «Дети-сироты», «Планирование семьи», «Развитие индустрии детского питания на 1991- 1995 годы», «Одаренные дети», «Организация летнего отдыха детей» и «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев».

<sup>28</sup> Указы Президента России от 14 мая 1996 года № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики», от 5 мая 1992 года № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», от 14 сентября 1995 года № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)».

<sup>29</sup> С 1 января 1994 года было введено единое ежемесячное пособие на каждого ребенка в размере 70 % минимального размера оплаты труда на ребенка в возрасте до шестнадцати лет (учащегося общеобразовательного учреждения - до окончания им обучения, но не более чем до достижения им возраста восемнадцати лет).

<sup>30</sup> См., напр.: *Manning N., Shkaratan O., Tikhonova N.* Work and Welfare in the New Russia. Aldershot: Ashgate, 2000.

<sup>31</sup> Ibid. P. 224.

<sup>32</sup> *Rimlinger G V.* Welfare policy and industrialization in Europe, America and Russia. New York: Wiley, 1971. P. 255.

<sup>33</sup> *Nobuaki S.* The changes in the Russian and Soviet social security // *Annales of the institute of social science.* № 27. Tokyo: University of Tokyo, 1987. P. 133. <sup>14</sup> *Шохин А.* Борьба с нетрудовыми доходами: социально-экономический аспект // *Плановое хозяйство.* 1987. № 2. С. 83-89, *Осипенко О.* Нетрудовые доходы и формы их проявления // *Экономические науки.* 1986. № 11. С. 63-70.

<sup>35</sup> См.: *Deacon B.* The New Eastern Europe: Social Policy - Past, Present and Future. London: Sage, 1992; *Deacon B., Hulse M., Stubbs P.* Global Social Policy. International Organizations and the future of welfare. London: Thousand Oaks: Sage, 1997.

<sup>36</sup> *Александров Ю.* Бегство от социализма // *Pro et Contra.* Т. 6. № 3. 2001. С. 28.

<sup>37</sup> *Squires P.* Anti-Social Policy: Welfare, Ideology and the Disciplinary State. New York; London; Toronto: Harvester Wheatsheaf, 1990. P. 68-70. <sup>38\*</sup> *Wiktorov A.* Soviet Union // *Social Welfare in Socialist Countries* / Ed. by J.Dixon, D. Macarov. London; New York: Routledge, 1992. P. 184-207. <sup>39</sup> *Rys V.* Comparative studies in social security: problems and perspectives. Bulletin of the international social security association. 1966. № 7-8. P. 242.

## РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ 1990-Х ГОДОВ

Предпосылками исследования являются несколько кардинальных изменений российской жизни 1990-х годов. Во-первых, проблемы, волнующие российское общество, существенно трансформировались в постсоветский период: то, что ранее замалчивалось, стало предметом публичной дискуссии, были пересмотрены прежние и появились новые социальные проблемы. Во-вторых, из агента тоталитарного режима масс-медиа превратилась в медиатор широкого спектра мнений, и благодаря этому Россия предстала плюралистическим обществом. В-третьих, развитие новых принципов социальной политики, создание сети разнообразных социальных служб и введение социальной работы как профессии стали признаками существенной эволюции системы социальной защиты. В этой главе мы обсудим результаты исследования динамики репрезентаций социальных проблем в российских газетах 1990-х годов.

### Выборка прессы

В процессе анализа интерпретируются статьи четырех периодических изданий: две местные газеты - «Среднегорские Вести» («СВ») и «Среднегорск» и две центральные - «Комсомольская Правда» («КП») и «Аргументы и Факты» («АиФ»). Большой тираж и доступность этих газет, а также, согласно мнению библиотечных экспертов и нашей рабочей группы, их социальная ориентированность объясняют этот выбор. Газеты «Среднегорск», «СВ» и «КП» являются ежедневными (с одним-двумя выходными), «АиФ» по объему в 4—5 раз толще и является еженедельником.

Профиль газет различается. «Аргументы и Факты» - массовое издание, главным образом информационное, сфокусированное в том числе и на политических новостях, читается публикой, заинтересованной в сведениях о внутренних проблемах России. «Комсомольская Правда» является популярной молодежной газетой, многие годы она была рупором коммунистического союза молодежи, а после перестройки, сохранив свою молодежную аудиторию, стремилась избавиться от политической ангажированности. «Среднегорские Вести» (бывшее название «Коммунист») - это региональная информационная газета, лояльная к областному правительству. Это широко распространенное и читаемое издание. «Среднегорск» - первоначально независимая общественно-политическая газета, существующая с начала 1990-х годов, позднее превратившаяся в более легкое информационное издание.

Анализируемое десятилетие (1990-1999) делится на четыре этапа с шагом в три года, а в каждом из выбранных лет (1990, 1993, 1996, 1999) выбирается срединная неделя каждого сезона, например с 10 по 17 января, аналогично в апреле, июле и октябре. Согласно К. Кришпендорфу, выборка является систематической - анализируются недельные подборки каждого срединного месяца сезона каждого третьего года. Анализ фокусируется на статьях, в которых отражены социальные проблемы трех уровней - индивидуального, организационного и политического (структурного), однако при этом

отбираются те проблемы, которые являются объектами вмешательства органов социальной защиты и профессиональной социальной работы. В связи с этим такие темы, как загрязнение окружающей среды, кризис политической и экономической систем, качество медицинского обслуживания остаются за пределами исследования. Кроме того, проблемы, на которых фокусируется внимание, эксплицитно представлены в тексте, то есть в статье должна быть апелляция к общественному признанию некоего явления в качестве социальной проблемы.

#### Метод и исследовательский дизайн

Контент-анализ часто используется в исследованиях СМИ с целью определения и интерпретации тем, содержащихся в теле- и радиопрограммах, газетных публикациях<sup>2</sup>. Эта техника также с успехом применяется для анализа иных текстов: данных интервью, дневниковых записей, документальных и художественных текстов<sup>3</sup>. В некоторых из недавних методологических работ этот метод определяется как исследовательская техника для создания адекватных и валидных связей данных с их контекстом<sup>4</sup>; как техника для систематической классификации и описания содержания коммуникаций в соответствии с определенными, обычно заранее выбранными, категориями<sup>5</sup>. В иных случаях отмечается, что контент-анализ - это метод изучения и анализа коммуникации систематическим, объективным и поддающимся количественному определению способом с целью измерения переменных<sup>6</sup>.

На современном этапе контент-анализ является признанным количественно-качественным методом, хотя дебаты о его преимущественной принадлежности «игре цифр» или «игре слов» продолжаются. Количественный контент-анализ акцентирует фиксированные значения текстов коммуникации, которые могут быть определены повторно различными «читателями» с использованием одного и того же аналитического инструментария<sup>7</sup>. Качественный контент-анализ подчеркивает способность текстов выражать многочисленные значения, зависящие от получателя<sup>8</sup>.

В данном исследовании процедура контент-анализа совмещает количественную и качественную техники. При проведении количественного анализа была разработана собственная исследовательская схема, близкая к модели, содержащейся в сборнике «Социальные проблемы в газетах. Исследования в регионе Балтийского моря»<sup>9</sup>. В целях исследования по проекту нами были разработаны категории и коды. Газетная статья в целом рассматривается как начальная категория. При этом каждая статья кодируется в соответствии с несколькими переменными и категориями: название и номер газеты; представленная социальная проблема; занимаемая газетная площадь; тип статьи; объект статьи; перспектива (подход, видение); социальный актор в решении проблемы; причины проблемы; предлагаемые решения проблемы. Последние две переменные кодируются с использованием трехуровневой схемы: индивидуальный уровень, организационный (уровень социальной службы или иного сервисного учреждения), политический, или структурный, уровень.

Количественный анализ 87 статей проведен «вручную»; подсчитывается частота встречаемости кодов и иногда наличие/отсутствие связи между ними. Поскольку частота встречаемости статей о социальной проблеме может свидетельствовать только о степени интереса к ней, но не о том, как именно она подается, то задача проследить динамику репрезентаций реализуется в качественном анализе.

В качественном анализе фигурируют 32 статьи, демонстрирующие изменения в репрезентациях трех наиболее часто встретившихся социальных проблем в выборке: бедность, охрана детства и наркомания. Авторский выбор статей обусловлен стремлением показать наиболее типичные газетные образы, присущие каждому анализируемому году периода. Кроме того, повышенное внимание уделяется тем статьям, где упомянута социальная работа. В качественном контент-анализе применяется также техника дискурсивного анализа. Дискурсивный анализ активно используется в российских социологических исследованиях с начала 1990-х годов. Например, этот подход применялся в работах, посвященных этничности<sup>10</sup> и тендерным отношениям

Стремясь повысить валидность и надежность исследования, мы использовали практику триангуляции, опираясь на анализ статей, опубликованных в четырех газетах в разные периоды времени. Кроме того, была применена исследовательская триангуляция, в ходе которой были учтены комментарии российских и шведских коллег, а также методологическая триангуляция, суть которой состояла в параллельном использовании количественных и качественных приемов контент-анализа текстов.

## Результаты исследования. Количественный анализ

Общее число материалов, квалифицированных как релевантные целям исследования, составил 87 публикаций. Обычный подсчет числа публикаций, посвященных социальным проблемам, показывает постепенное нарастание интереса к таким темам (рис. 1). Количество газетных материалов, содержащих какие-либо указания на социальные проблемы, увеличилось более чем в два раза в течение выбранного для анализа временного промежутка с 1990 по 1999 год. Динамика интереса журналистов к этим темам менялась существенно: если в 1990, 1993 и 1996 годах прирост составлял 2 % за каждый период, то в 1999 году количество публикаций увеличивается - с 18 до 37 (50 %).

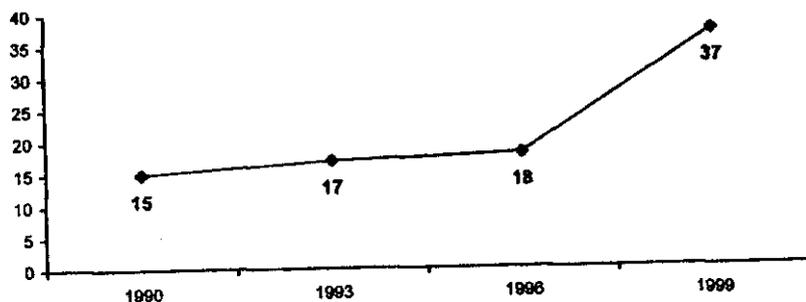


Рис. 1. Динамика объема публикаций, посвященных социальным проблемам, в 1990–1999 годах в абсолютном выражении (количество публикаций)

Как представляется, такая динамика обусловлена комплексом политических, экономических и социальных факторов. К политическим можно отнести нарушение социального консенсуса среди либерально ориентированных журналистов в течение второго президентского срока Б. Н. Ельцина, вызвавшего рост критических материалов в отношении негативных последствий радикальных рыночных реформ. Наиболее радикальные реформы - либерализация цен, формирование свободного рынка, приватизация государственной собственности - были завершены, и наступил период осмысления результатов этих инноваций. Эти последствия рассматривались в ключе ухудшающегося положения трудящихся и отдельных социальных групп - молодежи, пожилых людей. Ожидания интеллигенции были обмануты, что особенно отчетливо проявилось в выступлениях журналистов, публицистов и ученых во второй половине 1990-х годов. В результате интерес к таким темам, как социальное неравенство и бедность, резко возрос.

Сравнение объема публикаций по социальным проблемам в выпусках федеральных и региональных газет позволяет предположить, что такие материалы в первую очередь инициируются тремя общественно-политическими газетами из четырех, представленных в нашей выборке (рис. 2).

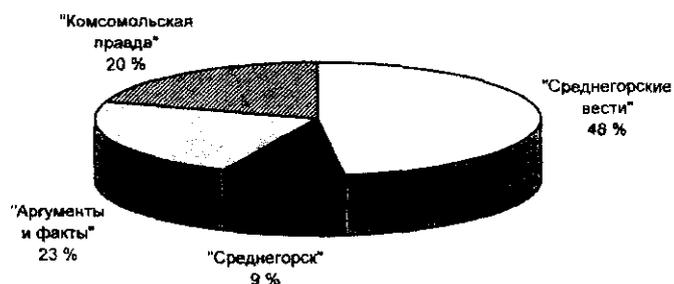


Рис. 2. Удельный объем публикаций по социальной проблематике в четырех изданиях, распространяемых в Среднегорской области в 1990–1999 годах

Газета «Среднегорск», к сожалению, к середине 1990-х годов почти утратила общественно-политический формат, что привело к сокращению количества материалов по рассматриваемым темам. Конечно, у нас недостаточно данных на этот счет, но мы выдвигаем также гипотезу, что в региональной прессе количество и объем публикаций по социальным проблемам выше, чем в прессе, рассчитанной на федеральную аудиторию. Это можно объяснить, в частности, распределением газетных площадей - местная печать, как правило, меньше внимания уделяет международным и общенациональным новостям и вынуждена фокусироваться на местных материалах.

Социальные проблемы, фигурирующие в анализе, составили 14 укрупненных категорий и были разделены нами на три группы по частоте встречаемости и занимаемой площади (табл. 1). Во-

первых, это наиболее часто упоминающиеся проблемы, каждая из которых составляет более 10% публикаций - это темы бедности, наркомании и охраны детства. Во вторую группу по частоте упоминания (от 5 до 10%) входят молодежные, жилищные проблемы, а также занятость. В третьей группе представлены темы, встречающиеся в выборке не более трех раз, или менее 5 %, - инвалидность, алкоголизм, проблемы престарелых, суицид, гендерные проблемы, проституция, СПИД, проблемы беженцев.

Распределение проблем по газетам проследить достаточно трудно, однако заметно, что газета «СВ» посвятила много места темам бедности, жилищным вопросам, молодежным проблемам; в «КП» чаще упоминаются такие темы, как наркомания, охрана детства и молодежные проблемы, а в «АиФ» - бедность, охрана детства, инвалидность.

**Частота упоминаний социальных проблем в выборке местных и центральных газет за 1990, 1993, 1996, 1999 годы**

Проблемы		1990	1993	1996	1999	Всего, ед. (%)
Наиболее часто упоминаемые (более 15 % публикаций), ед.	Бедность	1	7	5	6	19 (21,8 %)
	Наркомания	1	1	-	13	15 (17,2 %)
	Охрана детства	5	3	2	5	15 (17,2 %)
Средняя частота встречаемости (5-10 % публикаций), ед.	Молодежные проблемы	1	2	1	2	6 (6,9 %)
	Занятость	2	1	-	3	6 (6,9 %)
	Жилищные проблемы	1	3	1	1	6 (6,9 %)
Наименее часто упоминаемые (менее 5 % публикаций), ед.	Инвалидность	2	-	1	1	4 (4,6 %)
	Алкоголизм	-	-	2	1	3 (3,4 %)
	Проблемы престарелых	-	-	2	1	3 (3,4 %)
	Суицид	-	-	1	2	3 (3,4 %)
	Гендерные проблемы	1	-	-	1	2 (2,3 %)
	Проституция	-	-	1	1	2 (2,3 %)
	СПИД	1	-	1	-	2 (2,3 %)
	Беженцы	-	-	1	-	1 (1,1 %)

Анализ временной динамики демонстрирует высокий процент публикаций в 1990 году по теме «охрана детства» - 33 %; в 1993 году по теме «бедность» - 44 %, а также «охрана детства и жилищные проблемы» - по 19 % из всех анализируемых статей года. Ощутимый пик публикаций 1999 года - по проблеме наркомании - 34 %. Остальные связи «год-проблема» нечеткие. Есть небольшая возможность определить сезонность распределения в данной выборке. Так, в январе зафиксирован максимум публикаций по социальным проблемам, для него характерны темы, связанные с уровнем жизни и наркоманией. Апрель, июль - «детские месяцы», много статей о защите прав ребенка, детях-инвалидах. В октябре публикуются материалы о «третьем возрасте», уровне жизни и социальной защите; отсутствуют статьи о детских проблемах.

#### Тип статьи

Журналистика предъявляет внутрипрофессиональные критерии к оформлению и содержанию информации, классифицируя публикации в согласии с ними. Существующие жанровые типологии основываются как на различных требованиях к дизайну материалов, так и на контекстуальных различиях. Так, к информационным жанрам относятся заметка, интервью, беседа, реплика, комментарий, репортаж, отчет. Среди аналитических жанров различают корреспонденцию (аналитическую, постановочную, корреспонденцию-раздумье); статью (проблемную, научно-популярную, публицистическую) и рецензию. Художественно-публицистические жанры включают зарисовки, очерки, а также такие сатирические жанры, как фельетон и памфлет<sup>12</sup>.

Большинство перечисленных жанров представлены в данной выборке. Тем не менее задача социологического анализа потребовала акцента на содержательном, дискурсивном компонентах, открывающих не только то, какой дизайн или жанр имеет та или иная статья (в дальнейшем все публикации унифицированы по жанрам и именуется «статьи»), но и каков ее лейтмотив. В результате анализа содержания статей определена классификация, включающая семь типов. Учитывая, что каждая статья может нести несколько смыслов, ей присваивалось один-два кода, иногда три кода, которые мы полагаем соответствующими типами статьи. Среди таких типов мы выделили (рис. 3): проблемный - актуальные, острые статьи; информационный - факты, статистика, реклама; превентивный - разъясняющие, профилактические статьи; результативный - отчет о мероприятии, успешное решение; описательный - рациональные, без акцентов; биографический - истории жизни, кейсы; призывающий - со стремлением воздействовать, призвать.

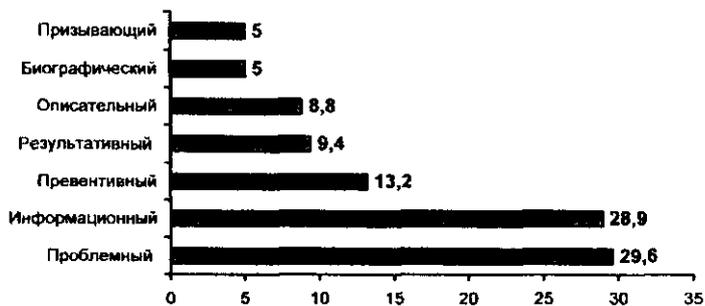


Рис. 3. Распределение публикаций по типам

Существует некоторая специфика в описании различных социальных проблем, для каждой из них выбирается собственный журналистский инструментарий, что выражается в характере публикации. Так, статьи, относящиеся к категории «бедность», - скорее информационные или проблемные (в 21 % случаев), проблема наркомании освещается либо в информационном ключе с рекламой лечебно-восстановительных мероприятий (в 75 % случаев), либо носит превентивный, социально-психологический характер (в 46 % случаев). Газетные материалы по правам ребенка проблемно-информационные, встречаются и результативные, где показан удачный опыт службы, социального сервиса (в 27 % случаев). Жилищные проблемы действительно чаще освещаются как проблемные, но и биографические - с описанием сложных жизненных событий. Публикации по теме занятость - информационные, включая новые законодательные документы и статистику безработицы, а также рекламу возможностей служб занятости.

Некоторую информацию дает годовое распределение по типам статей: около 1/3 публикаций в 1990, 1993 и 1996 годах имеют проблемный оттенок. Статьи с призывами и лозунгами встречаются только в 1990 году. В 1999 году отмечается рост статей информационного (до 34 %) и превентивного (до 18 %) типов.

#### Объект

Этот показатель имеет два типа: в первом случае объектом публикации выступает человек или социальная группа, и во втором - обезличенные социальные структуры: организации или законодательство. В 78 % статей объектом становится человек из уязвимой к этой проблеме социальной категории или социальная группа, в 45 % статей объектом становится организация или законодательство. Существование специфических социальных категорий с теми или иными проблемами является основой для стратификации и газетных публикаций. Например, в категории бедность фигурируют «незащищенные» категории граждан, часто - пенсионеры. Если речь идет о наркомании, то скорее говорится об уже подверженных этой зависимости людях, преимущественно молодых. В детских проблемах чаще объектами публикаций становятся дети-сироты, в молодежных темах - делинквентные подростки. В публикациях о наркомании, охране детства и жилищных проблемах разговор часто затрагивает такие учреждения, как реабилитационные центры, социальные службы.

#### Перспектива

Перспектива характеризует общий контекст статьи, в каком ключе и с преобладанием каких специальных терминов обрисовывается явление. Около половины статей демонстрируют социальный подход к проблеме, из статей такого плана 1/4 посвящена охране детства. Личный контекст проблемы показан в 18% публикаций, из них 1/3 - о проблемах наркомании. Экономический подход встречается в 11 % статей и практически только по проблеме бедности. В таком же количестве публикаций обрисовывается нравственный подход. Юридический и медицинский подходы выбираются журналистами в 9 % случаев каждая, первый чаще встречается при описании молодежных проблем, а второй - наркомании.

#### Причины и решения

Определяя социальную проблему, газеты как социальные акторы указывают на причины и действия. И причины, и решения могут быть рассмотрены на трех уровнях: индивидуальном, организационном (уровне учреждения) и политическом (структурном). Как правило, уровни не смешиваются в репрезентациях, однако в некоторых случаях статьи апеллируют одновременно к двум уровням. Кроме того, в статье могут быть в одно и то же время описаны как причины, так и пути решения социальной проблемы.

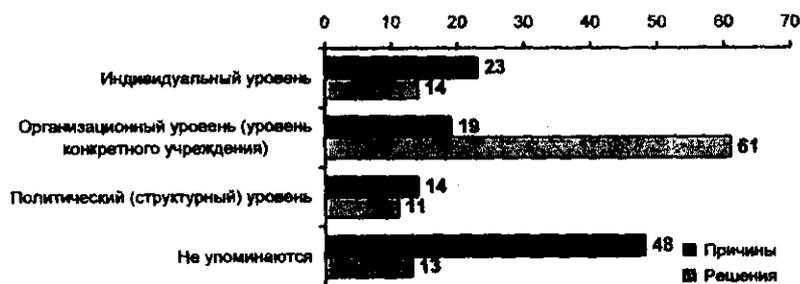


Рис. 4. Распределение причин и решений социальных проблем по уровням

Как видим, анализируемые статьи отражают скорее ориентацию на решение проблемы, чем на расследование ее причин, а среди представленных решений большая часть относится к организационному уровню. Публикации 1990 года еще реже являются причинно-ориентированными (в 75 % из них отсутствуют упоминания причин). В 1993 году причины и решения приписываются чаще политическому (структурному) уровню. В 1999 году социальные проблемы решаются на организационном уровне (посредством конкретных сервисов) в 76 % статей. Демонстрация индивидуальной природы социальной проблемы характерна для проблем наркомании и суицида, а причины нарушений прав ребенка чаще находят в недоработках организаций, то есть в проблемах того или иного учреждения, также как и пути решения, например, проблемы наркомании, которые рассматриваются в частности, при помощи реабилитационных центров.

#### Социальные акторы

Социальные акторы в статьях представлены в большинстве случаев в качестве конкретных специалистов, коллективов, социальных служб и иных организаций, в чьем ведении находится деятельность по легитимации проблемы - кто ответственен или кому вменяется ответственность за решение проблемы. Учреждения и организации либо именуются в статьях (Фонд социальных гарантий, комиссия по делам несовершеннолетних, Управление по социальной защите, Департамент службы занятости), либо остаются безликими акторами (чиновники, «чинуши», «администрация»). Специалисты или группы специалистов представлены как реальные персонажи, имена которых становятся известными. И первые, и вторые социальные акторы встречаются в нашей выборке с равной вероятностью, то есть частота упоминаний о них одинакова.

Таблица 2

Социальные акторы в репрезентациях социальных проблем

Уровень	Социальные акторы	Частота, %	Всего по уровню, %
Правительство и местные власти	Администраторы / функционеры	11	40
	Правительство РФ	10	
	Политики высшего эшелона	8	
	Администрация Среднегорской области	11	
Социальные учреждения и службы	Государственные социальные службы	16	59
	Предприятия	9	
	Неправительственные организации	7	
	Реабилитационные центры	10	
	Правоохранительные органы	17	
Специалисты	Медицинских профессий	24	44
	Психологи	7	
	Социальные работники	6	
	Учителя	7	
Обычные граждане	Родители	7	23
	Обычные люди	16	

Существует некоторая зависимость между социальной проблемой и тем, какой именно актор преподносится публике. К администратору местного уровня пресса чаще апеллирует для решения проблемы бедности. С жилищными проблемами и безработицей активно взаимодействуют государственные социальные службы. Высокий процент специалистов медицинских профессий как социальных акторов объясняется легитимацией проблемы наркомании почти исключительно в области здравоохранения. Молодежные проблемы «ведут» правоохранительные органы, так как большая часть статей в этой категории имеет дискурс правонарушений, реальных или потенциальных. Попытка оценить позитивный или негативный эффект, а также действие или

бездействие социальных акторов представляется невыполнимой в количественном анализе. Эффективность деятельности социальных акторов необходимо рассматривать в содержательном контексте, что и решается далее в качественном анализе.

Обобщение результатов количественного анализа

1. Функциями прессы в освещении социальных проблем выступают информирование населения (28,9 %) и создание острых, проблемных репортажей (29,6 %), где в меньшей степени, но все же присутствует превентивная направленность (13,2%). Социальные проблемы рисуются как в социальной перспективе, так и в экономическом, юридическом, медицинском, личностном, нравственном, вместе взятых контекстах равновероятно. Газетные публикации сфокусированы скорее на демонстрации решений и путей выхода из уже известных негативных ситуаций, чем на поиске причин возникновения социальных проблем. Так, в 48 % статей причины проблемы не затрагиваются. Решения предлагаются чаще на организационном уровне (61 %). Объекты социальных проблем в газетных публикациях - это, скорее, уязвимые группы (78 %), реже - социальные организации и сервисы (45 % - в одной статье возможно отображение и тех, и других). Агентами социальных изменений и интервенции в проблему являются как отдельные профессионалы и обычные люди, так и деятельность социальных учреждений.

2. Временная динамика репрезентаций социальных проблем в некоторой степени отражает трансформацию социальной реальности в России 90-х годов. В газетном дискурсе в 1990 году еще можно найти отголоски прежних коммуникационных моделей: призывы и лозунги, замалчивание причин социальных проблем и отсутствие социальных акторов, продвигающих проблему. В 1993 году, в период пика социально-экономических преобразований, инфляции и безработицы, превалирующей социальной проблемой в газетной выборке становится бедность, статьи носят проблемный и информационный характер, поиск причин и решений осуществляется на политическом и структурном уровнях. В 1999 году газетные репрезентации меняются качественно и количественно, все большее количество проблем признаются реальными и угрожающими, среди них - проблема наркомании. К этому периоду становится все больше превентивных материалов, учреждения социальной защиты показаны как более зрелые, профессиональные и способные поддержать все новые незащищенные слои населения. За исключением одного случая, все упоминания о социальной работе и социальных работниках относятся лишь к статьям за 1999 год.

3. Проблемы-лидеры в данной выборке, согласно социальной природе, являются проблемами разных уровней: макросоциального (бедность), организационного (охрана детства) и микросоциального (наркомания), соответственно различаются их образы в прессе. Преимущественно информационный тип статьи характерен для всех публикаций в данной группе. Проблема бедности презентуется в рамках экономического подхода с социальными акторами - администраторами областного уровня, поскольку большинство публикаций по этой теме встречается в местной прессе. Проблема наркомании рисуется как с позиций личностного подхода с индивидуальными причинами возникновения, так и в медицинском контексте на уровне медицинских и реабилитационных центров. Группа проблем, связанных с охраной детства, освещается в социальном контексте с поиском причин и решений на организационном уровне (на уровне конкретных сервисных учреждений).

Качественный анализ

В фокусе качественного анализа находятся описания газетного дискурса наиболее часто встретившихся проблем: бедности, наркомании, охраны детства. Небольшой аналитический раздел включает анализ газетных образов социальной работы. Качественный контент-анализ позволяет рассматривать текст как изменчивую реальность, допускать интерпретации тем, избегать предопределенности в виде жестких кодов и создавать более глубокий образ проблемы.

Бедность

Максимальный объем публикаций в данной выборке посвящен проблеме бедности, уровню жизни населения и социальной защите малообеспеченных слоев населения. Если в 1993 году к ним относятся официальные заметки о новых витках инфляции и повышении заработных плат, пенсий, то к 1996 и 1999 годам они включают субъективные, острые и критические статьи, когда пресса более активно и свободно вовлекается в обсуждение причин и обстоятельств понижения жизненного уровня россиян.

Особенно заметно отсутствие каких-либо комментариев в местной прессе 1993 года, однако она информирует население незамедлительно после выхода очередного постановления. Так, «СВ» за 16 января 1993 года публикует информацию о повышении минимального размера пенсии по старости с

1 февраля, а затем и минимального размера оплаты труда с 1 апреля 1993 года. Минимальная пенсия, приравненная к минимальному размеру оплаты труда, составляла теперь 4275 рублей. Но, во-первых, размер пенсии правительством повышен ранее, а, во-вторых, к концу 1993 года минимальная пенсия превышала минимальный размер оплаты труда вдвое. Подобное соотношение, кстати, сохранялось до 2000 года.

К слову сказать, минимальный размер заработной платы является ключевым показателем для начисления всех пособий и льгот в системе социальной защиты, но показателем искусственным, так как никто не может выжить, получая этот минимум. Следует подчеркнуть, что факт введения такого базового индикатора был чрезвычайно важным в процессе формирования постсоветской социальной политики. Соотношение размеров заработной платы и пенсии вызывает удивление у академика Н. Римашевской, интервью с которой публикует «АиФ» №41 в октябре 1993 года в статье «Чтобы кому-то дать, надо у кого-то взять»: *«Это нонсенс, когда средняя пенсия равняется средней зарплате... Ни в одной стране, кроме нашей, не существует такого положения»*. По словам академика, мнение ученых не востребовано чиновниками, среди которых распространены «некомпетентность и дилетантство в вопросах социальной политики». В интервью звучит точка зрения, что экономика России пока не социально ориентированная, уровень жизни падает и «если люди не голодают, то этим они обязаны только себе. Развиваются самозащитные функции». Таким образом, общий тон публикации сводится к утверждению, что люди своей жизнью обязаны только себе, а не системе социальной защиты, которая пока не способна выполнять возложенные на нее функции.

Тем не менее специалисты Минсоцзащиты стараются, идут *«на небольшие уловки»* (Хлеба вместо зрелищ //АиФ. 1993. № 41), в частности появляется идея *«адресной социальной защиты»* (там же), и результаты налицо. Например, вводится хлебная надбавка или пособие на хлеб в размере 1400 рублей в месяц (стоимость семи батончиков) самым малообеспеченным категориям: точка отсчета - вновь минимальная пенсия по старости. «СВ» и «АиФ» разъясняют, что цель надбавки - введение свободных цен на хлеб. В Среднегорске (СВ. 1993. 13 окт.) администрация через фонд социальной поддержки населения решает дополнительно поддержать еще несколько категорий (шесть категорий детей, беременных женщин и пенсионеров с сахарным диабетом) квартальной денежной дотацией. В этот период четко видна ориентация социальной политики на меры текущей социально-экономической поддержки населения, поскольку темпы инфляционных процессов очень высоки и социальная ситуация трансформируется быстро. Информирование - вот как видит свою задачу пресса этого периода в освещении государственного реагирования на падение уровня жизни. В газетных презентациях проблемы бедности также представлено сравнение качества жизни в России и за рубежом. Как представители государственных служб, так и обычные люди пытаются соотнести собственные способы существования и опыт развитых стран. В заметке «СВ» 12 июля 1996 года начальник областного управления службы занятости делится своими впечатлениями от поездки в США и сообщает, что хотя *«уровень безработицы там почти такой же, как и у нас в области, но социальное пособие больше российского в десятки раз»*. Далее, однако, газета пересказывает вслед за героем статьи реакцию американцев на российскую систему налогообложения: *«узнав, что в России с рубля берут 96 копеек налогов, «мистеры» долго недоуменно хлопали ресницами, после чего сказали: «Вы - сумасшедшие»*. Согласно созданной репрезентации не понять иностранцам «нашего» российского пути, образ великой, пусть и «сумасшедшей» державы не перестает радовать сердца государственных деятелей и администраторов. А вот как «АиФ» (1996. № 41) представляют мнение простых граждан, публикуя письмо молодой женщины из Татарстана *«Хочу стать суррогатной матерью»*. Отчаявшаяся воспитательница детского сада, мать полугодовалой дочери и жена безработного готова родить ребенка иностранцам. *«Конечно, потому, что мне нужны деньги. Говорят, что в Канаде это стоит 50 тысяч долларов»*. Ей очень «стыдно», это слово употребляется в коротеньком письме-рекламе 4 раза, но она полагает это единственным выходом из нищеты. Есть ли здесь место для национальной гордости? Вероятно, есть, но гордость поддается измерению и имеет денежные эквиваленты, как в предыдущем примере - властные.

Областная газета «СВ» в 1999 году публикует больше всего материалов по решению проблемы бедности. Она выступает проводником социальной помощи, разъясняет, успокаивает, дает многочисленные ответы и комментарии специалистов служб социальной защиты по конкретным ситуациям: можно ли безработному получить досрочную пенсию, как получить субсидии на оплату жилья, какие льготы у «блокадников», будут ли платить «детские пособия». За квалифицированными

ответами журналисты не ленятся обращаться в городское управление социальной защиты, Управление труда и социального развития, Центр социальных гарантий, службу занятости, тем самым создавая позитивный образ социальных учреждений и «помогающих профессий». Не всегда этот образ позитивен. Так, точка зрения рядового социального работника представлена «СВ» (1999. 14 янв.) под рубрикой «Письмо номера» в небольшой заметке социального работника одного из районов: «Выживание - это чья проблема?». Автор, исходя из своего опыта социального обслуживания, делает вывод, что «80 % населения нуждаются в жилищных субсидиях... живут за чертой бедности... Почему чиновники не думают о 80% населения?» и взывает: «Будьте же милосердны, господа чиновники!». Кто такие чиновники в понимании автора? Абстрактные бюрократы - государственные служащие или правительство области. Российской Федерации? Адресат неясен, ответственность не определена, может быть поэтому письмо и опубликовано как бесплотный призыв неравнодушного социального работника.

Тема ответственности действительно чаще возникает в описаниях проблемы бедности, а также в газетных репрезентациях жилищных проблем. Однако ни разу ответственное лицо конкретно не именуется (особенно это характерно для местной прессы). Иногда вина приписывается отдельным предприятиям и организациям, а часто просто чиновникам, «чинушам», администрации в целом, депутатам. Вот примеры таких определений ответственных: «из областного бюджета и на этот раз не поступило ни копейки., - а местная клать пока в стороне» (СВ. 1993. 12 янв.), «есть в области [Управление труда и социального развития], есть много избранных народных... а помощи почти никакой» (СВ. 1999. 15 янв.). В таких случаях пресса скорее обращается, призывает, взывает к управленцам, используя для этого медиаторов - обычных людей или представителей других структур, чем самостоятельно открыто критикует власть. Или встречаются сетования на общее бедственное положение в стране: «виною - сложная социально-экономическая обстановка в стране» (АиФ. 1993. № 2), «Председатель Военного суда справедливо связывает дела армейские с теми процессами, которые происходят в обществе» (СВ. 1993. 16 апр.) или «нет, собесу не справиться: чтобы выдернуть этот интернет из нищеты нужны мощные меры государственного характера» (СВ. 1990. 13 июля).

Размытость подобных сентенций особенно очевидна в статьях начала 1990-х годов. И несмотря на то, что вектор ответственности отсылает к политико-структурному уровню решения проблемы, в статьях не встречается комплексных аналитических обзоров темы бедности. Более того, пресса, не пользуется такой терминологией, избегая именовать многих россиян бедными и подменяя этот ярлык другими всевозможными. Попытаемся определить, чем это является - амортизацией социального кризиса или (рамотной интеракционистской парадигмой в действии? Предыдущий анализ склоняет к мысли, что в репрезентациях бедности превалирующей функцией прессы остается поддержка и продвижение официальной точки зрения.

#### Наркомания

Вторая по значимости социальная проблема в анализируемой выборке российской и местной прессы - это проблема наркомании. Интерес к ней со стороны журналистов нарастал постепенно. В газетах за 1990 и 1993 годы мы обнаружили лишь две публикации, обе описывают некие заграничные и приграничные события, произошедшие в Туркменской Республике и в Китае. Пока тема не столь близка к нашей российской действительности. В 1990 и 1993 годах наркомания причисляется к юридическим проблемам. В газетах, попавших в нашу выборку, она обсуждалась только в «Комсомольской правде». Но уже к 1999 году она представляется настоящим бедствием. Описанием последствий, лечебных мер, реабилитационных возможностей, историями жизни больных наркоманией заполнены все газеты без исключения, что отражает состояние, близкое к моральной панике.

В Туркмении (КП. 1990. 17 янв.) рассматривается деятельность КГБ по выявлению дельцов наркобизнеса, которая показана как криминальная деятельность, однако сама проблема журналистами трактуется как локальная. Дело в том, что «курение опия традиционное занятие» в республике, «атрибут быта». Но колокол уже звонит, следователи апеллируют к обществу: «не ощущается никакой помощи ни от комсомола, ни от других общественных организаций». Заманчив акцент, сделанный журналистом, масштабные рисунки иллюстрируют прибыльный бизнес - красивую жизнь, оружие, Золотые монеты и сами наркотики. Заметим, что изображение наркотиков с некоторого Времени исчезает из газетных репортажей. Репортаж из Китайского золотого треугольника «Героин я не купил. Дорого» (КП. 1993. 15 апр.) также посвящен наркобизнесу и изобилует

такими фразами, презентующими ценность объекта описания, как «героин - дорого», «самый ценный товар», «урожайнейшая из местных сельхозкультур». Все крутится вокруг связи «наркотик - деньги», бизнеса опасного, но прибыльного и увлекательного. Только 1/3 статьи занимают описания негативных последствий наркоторговли (заключение в тюрьму, показательный суд) и восстановительному лечению Цигайских наркоманов.

: К концу 90-х годов количество разнообразных статей о наркомании, наркозависимых и наркобизнесе значительно возрастает, что свидетельствует о признании угрожающих размеров наркотизации населения России. Сменился и газетный дискурс публикаций, большинство носит информирующий и превентивный характер. В выборке статей 1999 года половина посвящена рекламе реабилитационных центров и авторских клиник, где наркозависимые могут получить помощь и попытаться спасти свои души. Формируется даже новый бизнес - хилерский (от англ. healer - целитель). Рекламные публикации присутствуют только в общероссийских изданиях. Диапазон предложений широк, взглянем на содержание части из них.

Именно в этот период регулярно появляется информация о медицинских препаратах *От* алкогольного похмелья и наркотического отравления, а также о клиниках, где блокируют воздействие героинового наслаждения, способствуют восстановлению естественного производства эндорфина (гормона радости). Публикации посвящаются отдельным, частным центрам, содержат подробное описание способов лечения. Заголовки в «АиФ» не обещают чуда: «Наркомания: хочешь жить - умен лечиться!» (АиФ. 1999. №41), «Ваша жизнь-в ваших руках» (АиФ. 1999. № 15).

\ В «КП» (1999. 15 янв.) и «АиФ» (1999. № 2) встречается реклама доктора Назара-диева, владеющего уникальным методом лечения наркомании. Большая, на полстраницы статья пытается создать образ обладающего харизматическими способностями гениального врача из Киргизии, осуществляющего, «как это определили американцы, ^катарсис по Назаралиеву"Сеанс стресс-терапии Назаралиев проводит сам, либо С несколькими верными помощниками. Большой подвергается мощному энергетическому воздействию, заставляющему его забыть само "чувство" наркотика». У читателя создается образ сверхъестественного чудотворца, нового Кашпировского, настоящего кудесника. Не стремясь определить эффективность рекламы перечисленных выше методов, отметим, что большая их часть остается сугубо медицинскими. Даже в таких специальных публикациях отсутствуют отсылки на социальные причины описываемого явления, культурную среду, социальное окружение, детерминирующие процессы профилактики и реабилитации. Однако высокие показатели количества и объема газетной площади, посвященной реабилитационным возможностям, свидетельствуют, что как наркобизнес, так и бизнес терапевтический оказываются одинаково высокодоходными. По всей видимости, подобная информация не только повышает рейтинг газеты, отвечая интересам читателей, но и позволяют получить деньги за рекламу. Среднегорская пресса целиком фокусируется на местных событиях. Газета «Среднегорские вести» содержит много публикаций по этой теме, и, в некотором смысле, даже ведет антинаркотическую пропаганду. Не все материалы равнозначно полезны, а некоторые даже вредны. Например, в статье «Наркоманы затмили попрошаек» (СВ. 1999. 15 июля) описана ситуация, когда на заседании совета безопасности его секретарь «закрепил за каждым сотрудником [управления образования] по пять школ, в которых в течение сентября чиновник обязан самолично разъяснить детям вред наркотиков». Такие приемы администрирования, при всей своей неэффективности явно рассчитаны на признание у публики и неизменно встречают признания у простых горожан. В этом же материале содержится признание одного из высокопоставленных правительственных служащих о том, что в Среднегорске «нет условий не только для реабилитации, но и для печения детей-наркоманов». Эти слова вступают в противоречие с опубликованными четырьмя месяцами позже высказыванием заезжих питерских экспертов-наркологов в (СВ. 1999. 12 окт.), утверждающих, что в Среднегорске есть все предпосылки для успешной наркологической помощи. И тем более расходится с постановлением губернатора о создании в течение того же 1999 года реабилитационных центров для социальной адаптации больных наркоманией. Поскольку проблема неоднозначная, эксперты не считают возможным договориться об общей оценке, как, впрочем, к этому не стремятся и журналисты. В результате образы оказываются весьма противоречивыми. Тем не менее, иногда журналисты газеты стремятся выполнить функцию просветителей. Одним из наиболее ярких материалов по социальным проблемам в «СВ» стали несколько статей в цикле «Жизнь без наркотиков». Это материал был опубликован по результатам беседы с главным врачом Среднегорской областной психиатрической больницы (СВ. 1999. 14 янв.). Информация

предназначена для родителей, педагогов, социальных работников. Отметим, что это одна из тех редких публикаций, где содержится упоминание о содержании работы социальных работников как профессионалов. Психиатр проводит краткий экскурс в историю проблемы, сосредоточивается на губительном воздействии наркотиков на организм: *«Наркотик — внедрение в сугубо интимную структуру мозга, которое всегда наносит ущерб, ничем не компенсируемый... Да, после "экстази" можно танцевать неделю, а можно и умереть от истощения нервной системы за 3 дня»*. Цитируя классиков и предлагая искать ресурсы профилактики в самой молодежной среде, автор оперирует бытовыми образами, сосредоточивая свое внимание на медицинских и психологических аспектах проблемы. *«Люди всегда живут проблемами, заботами. То бывают счастливы, то несчастны. Порой человек возвращается вечером домой - ему грустно. Это нормально. Маяковский сказал: "Для счастья планета наша мало оборудована". Ненормально, когда начинаешь балдеть без причины каждый день — это деградация»*. Примечательно, что в обсуждении наркомании экспертиза психиатрии признана газетой наиболее значимой - о чем свидетельствует объем рассматриваемой публикации.

Материалы о детской наркомании начинают подаваться с акцентом на профилактику, при этом в качестве основного адресата сообщения выступают родители школьников: *«Посмотрите ребенку в глаза»* (СВ. 1999. 17 апр.). Здесь предлагаются советы по профилактике детской наркомании: *«важно убедить подростка, что наркотик никогда не предложит друг»*, сообщается информация о признаках наркотического опьянения и первой помощи при отравлении, а также даются адреса помощи - *«профессионально вести разговор на эту тему может лишь специалист»*. Как видим, дискурсивные коды наркомании уже не имеют прежней истеричной тональности. Впервые за 90-е годы речь идет о профессионализме в профилактической работе, профессионалы здесь ~ представители медицины и психологии.

Таким образом, газетные репрезентации фиксируют специфику социальной интервенции в наркотическую проблему. Из экзотического образа в контексте жизни дальних стран на протяжении десятилетия она превращается в опасную угрозу. Технологии совладания в репрезентациях различаются, но к концу 1990-х годов, и это характерно для освещения наркотических проблем, пресса все чаще выступает медиатором превентивных стратегий.

#### Охрана детства

Статьи о проблемах, объединенных под категорией «охрана детства», включают материалы о многочисленных уязвимых местах в социальной защите прав ребенка. Приблизительная классификация анализируемых тем, представленных в газетных публикациях, попавших в нашу выборку, выглядит так: социальная защита детей-сирот, проблемы интернатов и детских домов, благотворительные детские фонды, детская инвалидность, рождаемость и многодетность. Российская социальная защита детей, оставшихся без попечения родителей, качественно меняется в течение 1990-х годов в связи с новой социальной политикой в этой области и импортированием некоторых технологий из-за рубежа. На вопрос корреспондента в статье *«"Кукушонок" ищет гнездо»* (АиФ. 1993. № 2): отчего в России больше, чем в других странах, домов ребенка и детских домов, - начальник Главного управления социальной защиты детства Минобразования России отвечает: *«Основная причина в том, что родители бросают собственных детей, поскольку не в состоянии их прокормить, одеть-обуть»*. Заметим, что большинство российских читателей не знают, что детские дома являются институционально признанными учреждениями в решении проблемы сиротства отнюдь не во всем мире. Причины этого явления также различны в международном масштабе, поскольку в странах с развитой системой социальной защиты социальными акторами в вопросе отлучения ребенка от родителей активнее выступают социальные работники, а не родители-«отказники», как в российском случае.

Статья отражает стремление государства поддержать движение от оставления ребенка в детском доме к усыновлению в приемной семье, *«в 1991 г. из 59 тыс. сирот в госучреждениях воспитывалось чуть больше 10 тыс., остальные 48 тыс. переданы в семьи»*. Это достигается с помощью новых инструкций правительства, облегчающих процедуру передачи ребенка: появляется возможность усыновить больного ребенка, усыновителем теперь может стать одинокий человек, инвалидам разрешается брать в семьи детей, страдающих идентичными недугами. Однако у биологической матери практически нет *«никакого шанса забрать его обратно»*, малыш также может *«прийтись не ко двору»* в новой семье. Специалисты социальной защиты детства априорно полагают, что усыновленный ребенок получит лучшие условия в новой семье, чем в интернате, но не

существует четко разработанных положений, как означенные структуры могут контролировать реальное соблюдение прав ребенка.

Положение меняется во второй половине 1990-х годов, когда вводится новая форма защиты детей, оставшихся без попечения родителей, - фостерные семьи. Альтернативы детским домам и усыновлению существовали и ранее в виде, например, семейных детских домов, однако быть приемным родителем не считалось профессией. «АиФ» № 15 за 1999 год в статье «Добровольные мамы беспризорников» рассказывают о целой детской деревне под Москвой, работающей по финансированию и принципам австрийского фонда Германа Гмайнера «SOS - Киндердорф Интернациональ». В каждом доме живет «мама» (женщина, *«свободная от семейных уз, душевно и физически здоровая, без жилищных проблем»*) и семь-восемь детей разного возраста'.

Насколько органично приживается зарубежный опыт на российской почве? Директор деревни подмечает: *«Заморские спонсоры очень удивлены легкостью, с которой российские граждане дают деньги маленьким попрошайкам в метро, зная, что деньги отберут их родители, но боятся расстаться с 30 рублями в месяц (такова сумма взноса) для детской деревни»*. А проблемы у детей в детской деревне часто остаются теми же, ведь *«лучше - изредка пьяная, но родная мама, чем добрая, но государственная»*. Очевидно, что в репрезентации звучит симпатия к этой новой и хорошо организованной форме помощи детям-сиротам. О последнем качестве фостерного учреждения можно судить по методике подбора женщин-мам и механизму финансирования деревни. Особенность публикаций о детях заключается в том, что их проблемы редко освещаются эмоционально нейтрально. Это всегда вызывающие чувство жалости истории, гуманистические акценты, фотографии детских лиц - страдающих или счастливых.

Рождаемость - одна из болевых точек социально-демографических процессов в России - становится объектом повышенного внимания в середине 1990-х годов. Борьба медиков за снижение младенческой смертности и улучшение здоровья матерей оказывается неэффективной в период экономического кризиса (АиФ. 1996. № 15), падение рождаемости имеет ту же причину - бедность. Банально, но *«чтобы малыши рос здоровым, его надо хорошо кормить»*, а каким образом можно продержаться младенцу *«целый месяц на двух пачках «Малыша», если рассчитано это всего на 12 дней?»* (речь идет о государственном питании из детских молочных кухонь). Способы выживания российского населения воистину неисчерпаемы - *«другая [мама] поделилась рецептом: она готовит, в основном, детское питание самостоятельно, пропуская продукты через... кофемолку»*. Таким образом, транслируя жалобы медиков и молодых мам, газета также представляет женщин предприимчивыми изобретателями.

Возможно, государство рассуждает таким образом, что проблему следует решать радикальным способом - ликвидировать ее вообще, это с экономической точки зрения выгоднее, а с организационной - удобнее, чем создавать систему производства товаров и услуг, столь необходимых женской половине народонаселения. Так или иначе, но в том же 1996 году Правительство России утверждает новый перечень «социальных показаний» для проведения поздних аборт. Согласно заметке «Поздние аборты выведут Россию из нищеты» (КП. 1996. 10 июля), *«отныне государство поможет избавиться от ребенка матеря»... овдовевшим в период беременности, безработным, незамужним, беженцам и переселенцам. К новым "социальным показаниям" относится отсутствие собственного жилья и бедность: когда в семье доход на одного человека меньше установленного прожиточного минимума»*. Общий тон материала повествовательный, однако с некоторой долей иронии.

Вероятно, плохо, когда рождаемость низкая, но еще хуже, как демонстрирует «КП» от 17 апреля 1999 года в статье «После 15-ти родов Нина оглохла», когда семья многодетная. Тон материала и газетный заголовок позволяет предположить, что автор демонстрирует героизм семьи, которая воспитывает многих детей вопреки экономическим и бытовым препятствиям. Здесь содержится попытка найти виновников проблемы и среди абстрактных «чиновников», фактически - среди представителей государственной администрации. Иначе как можно расценить сентенции такого типа: *«Город же, обернувшись через тучу, окидывает их [семью с 15 детьми] холодным взглядом запыленного чинуши и интересуется: а кто вас просил столько рожать? Зачем достраивать их недостроенный домишко за городом? Нужен ли он им, если до него не на чем доехать? Зачем давать еще одну квартиру, если и в этой они до сих пор умещались?»*. Таким образом, автор делает явным ожидаемый способ решения проблемы многодетных семей -помощь ожидается от

государства, которое призвано, в традициях советского времени, профинансировать строительство дачи, транспорт и дополнительную квартиру для этих людей.

В целом, можно констатировать определенный символический дефицит в доступных журналистам изобразительных средствах и способах решения социальных проблем. Государственная администрация представлена в образе холодных чинуш, глухих к потребностям тех, кто больше всего нуждается в поддержке. Граждане, во многих случаях, предоставлены сами себе и выживают благодаря своей предприимчивости, кому это удастся. Международный опыт по социальной помощи детям репрезентируется в качестве стандартов качества, более высоких, по сравнению с российскими.

### Образы социальной работы

Краткие упоминания о социальной работе как профессии, «рожденной нашей жизнью», встречается в пяти статьях выборки. Дважды она показана как новая и востребованная профессия на рынке труда, поскольку продолжают открываться новые вакансии. Отмечается, например, что «в связи с открытием... новых отделений социальной помощи незначительно возрос штат в организациях, подчиняющихся министерству социальной защиты» (АиФ. 1999. №41).



В то же время социальная работа также приравнивается к общественной, малооплачиваемой и даже временной работе (согласно мнению служб занятости), появляются «временные рабочие места в социальной сфере (соучастник в центрах соцобслуживания, техническая работа в военкоматах)» (КП. 1999. 13 окт.). Один раз говорится о потенциальном введении таких профессионалов в службы наркологической помощи: «желательно, чтобы вместе с психиатром или наркологом работали психолог, психотерапевт, а в идеале и специалист по социальной работе» (СВ. 1999. 14 янв.).

Дважды социальный работник выступает социальным актором, в первом случае с призывом сделать что-либо для ликвидации проблемы бедности, с которой он непосредственно сталкивается: «Я работаю в центре социального обслуживания населения... и прекрасно знаю, как живет большинство» жителей райцентра (СВ. 1999. 14 янв.). Во втором случае социальные работники представлены как исполнители, но по велению сердца ухаживающими за престарелыми: «xВ день обходят 8-12 человек. Но, как Юрий Викторович и Людмила Ивановна Затопских, работающие с 1987 года, бросить своего дела они не могут. Они привыкли отдавать частичку своей души. И это не громкие слова. Не каждый способен выслушать, понять, выразить свое участие больному престарелому человеку. Те, кто не выдерживают, - уходят» (АиФ. 1996. № 41). Интересно, что здесь речь ведется, скорее всего, о работниках собесов - в 1987 году такой должности, как социальная работа, просто не существовало, она была введена с 1991 года.

Таким образом, данных репрезентации социальной работы как профессии оказалось недостаточно для глубокого анализа. Этот вид деятельности пока практически не освещается в средствах массовой информации, он вне центра журналистского внимания, а разрешение социальных проблем лишь в очень редких случаях связывается с участием социальных работников. В тех публикациях, которые попали в нашу выборку, социальные работники - это представители новой профессии, которые получают маленькую зарплату, но работают не ради денег, а из любви к ближнему.

### Выводы

Оказавшееся в фокусе исследования десятилетие было критическим и имело большое значение для построения постсоветской социальной защиты. Российское общество столкнулось с

многочисленными кризисными явлениями в общественном сознании, которые инициировали обсуждение новых социальных проблем и поиска путей их решения. Анализ прессы 1990-х годов помогает восстановить ход публичной дискуссии вокруг социальной политики и последовательность изменений ее приоритетов. Многие публикации по социальным проблемам приурочены к определенным событиям, происходившим в тот или иной год, а иногда соотносятся и с более масштабными переменами в жизни всей страны. Проведенное исследование демонстрирует процесс трансформации этой дискуссии за десятилетний период через контент-анализ газетных материалов. Газетные репрезентации свидетельствуют, что масштабы одних социальных проблем в прессе увеличивается, они становятся угрожающими и первоочередными на повестке дня (бедность, наркомания); другие - как не признавались злободневными, так и не признаются (алкоголизм, проституция, семейное насилие); третьи рассматриваются как постоянно присущие обществу (нарушения прав ребенка, инвалидность), меняется лишь модальность их описания; четвертые же проявляются лишь в современный период (беженцы) или наконец получают общественное признание (суициды, проблемы престарелых).

Начало периода, охваченного выборкой газетных материалов, характеризуется тем, что государственные и местные органы власти стремятся разработать новые законодательные меры, чтобы реагировать на быстрые изменения в экономике и политике. Акцент делается на выработку и обеспечение социальных гарантий «переходного» периода: льготы особым категориям граждан, пособия незащищенным, доплаты малообеспеченным, компенсации денежных потерь в результате инфляции. Конец периода посвящен развитию сети эффективных социальных служб; социальная защита эволюционирует от идеологии социальных пособий к построению системы социальных сервисов. Фокус СМИ при освещении социальных проблем смещается с поисков причин и решений на индивидуальном и политическом уровнях на организационный уровень. Это - важнейший признак появления как самих социальных служб, так и доверия к ним в массовом сознании.

Репрезентации социальных проблем отражают постепенный, но отчетливый рост признания роли социальной работы. В начале периода экономические структуры, правоохранительные органы и система здравоохранения выступают гораздо чаще обладателями прав на решение социальных проблем, а социальные службы показаны как несамостоятельные, зависимые от других государственных структур, органы. Проблемы не позиционируются однозначно в области социальной защиты, образ социального работника не присутствует в описании стратегий их решения. Не зафиксированы и явные нападки на клиентов социальной защиты, отсутствуют упоминания о потребительской позиции и злоупотреблениях и без того слабой системой государственной поддержки, которая пытается справиться с нехваткой материальных ресурсов, чтобы поддержать необходимый гарантированный минимум. Мульти дисциплинарный контекст встречается и в прессе конца 1990-х годов, однако это все больше демонстрация комплексного подхода к проблеме, где социальная перспектива - одна из ведущих, чем подтверждение недостаточного уровня развития социальных служб.

Пресса как институт массовой информации также трансформируется: 1990 год - достаточно неопределенный, переломный, советский стандарт прессы уже отходит, а новый не до конца сформирован, и большинство социальных проблем подаются читателям либо осторожно, либо неумело, в отличие от мастерства публицистики более позднего периода. Публикации 1990 года и 1999 в одном издании различаются гораздо сильнее, чем статьи всех изданий за ] 999 год.

Усложнение методов журналистского исследования: от тщательно выверенных сочинений до очерков, компетентных интервью и использования опросов общественного мнения позволяют авторам разносторонне освещать проблемы. Совершенствуется и язык описаний, журналисты становятся социально-чувствительными, некоторые материалы могут претендовать на уровень профессиональной социологии. Газетные обозреватели жадно ищут социальных экспертов и профессионалов, обладающих «компетентным знанием», способных предоставить расширенные комментарии по данной проблеме.

Как демонстрирует анализ, пресса, как правило, не включается в дискуссии о том, считать ли явление социальной проблемой или нет и каковы его причины, скорее проблема воспринимается как данность и публикации концентрируются на ее решениях. Тем не менее газеты свободны в выборе перспективы освещения и поиске собственных рецептов решения проблем. Таким образом, если они и не являются «конструкторами» самих социальных проблем, то наверняка являются конструкторами их образов. Этот результат, однако, может зависеть от условного отбора статей

- (только о манифестных социальных проблемах) и является «проблемой выборки». Кроме того, газеты в данной выборке трудно причислить к радикальной прессе. Они скорее амортизируют социальный кризис, чем занимаются критикой властей. Тем не менее данное исследование показывает динамику газетных образов социальных проблем в центристской и либеральной прессе на протяжении 1990-х годов, тесно связанную с политической и экономической ситуацией в стране.<sup>1</sup>
- <sup>1</sup> *Krippendorf K.* Content-analysis: An introduction to its methodology. London: SAGE, 1980. P. 53.
- <sup>2</sup> *Силласте Г. Г.* Русские в Ближнем зарубежье (Контент-анализ писем-ответов радиослушателей на социологическую анкету «Радио-России») // Социологические исследования<sup>^</sup> 1992. №2. С. 11-117;
- Lagerspelz M.* (Ed.) Social problems in newspapers. Helsinki: Nordic Council for Alcohol and Drug Research, 1994.
- <sup>3</sup> *Богомолова Я. Я., Стефаненко Т. Г.* Контент-анализ: Спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1992; *Тернер Р* Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. М., 1992. Т. 1. № 1. С. 121 -134; *Ядов В. А.* Стратегии социологического исследования: понимание, объяснение, описание. М.: Добросвет, 1998; *Куркин В. В.* Контент-анализ художественных текстов//Социологические исследования. 1991. № 6. С. 60-67.
- <sup>4</sup> *Krippendorf K.* Content-analysis: An introduction to its methodology. London: SAGE, 1980. P. 47.
- <sup>5</sup> *Wright C.* Mass communication: a sociological perspective. New York: Random Press, 1986.
- <sup>6</sup> *Kerlinger F. N.* Foundations of behavioral research. 3rd ed. New York: Holt Rinehart and Winston, 1986.
- <sup>1</sup> *Wood L. Kroger R.* Doing discourse analysis. Thousand Oaks. California: SAGE, 2000; См. также: *Мещеркина Е.* Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. СПб., 2003. С. 197-237; *Ярская-Смирнова Е Р.* Одежда для Адама и Евы. Очерки тендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 52-92.
- <sup>6</sup> *Gunter B.* Media research methods. Measuring audiences, reactions and impact. London: SAGE, 2000. <sup>9</sup>
- Lagerspelz M.* (Ed.) Social problems in newspapers. Helsinki: Nordic Council for Alcohol and Drug Research, 1994.
- <sup>10</sup> *Иизамова Л. Р.* Репрезентации Всемирного конгресса татар в республиканской прессе // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2001; *Карпенко О.* «Эти гости, похоже, контролируют сегодня всю рыночную торговлю»: концепция «этнической экономики» через призму российской прессы // Этничность и экономика: Сб. ст. по материалам международ, семинара. СПб.: Центр независим, социол. исследований., 2000. С. 59-66.
- <sup>11</sup> *Омельченко Е.* От «пола» к «тендеру»: опыт анализа секс-дискурсов молодежных российских журналов //Женщина не существует: Современные исследования полового различия: Сб. ст. / Под ред. И. Арнстарховой. Сыктывкар: Сыктывкар, ун-т, 1999. С. 77-116; *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Три цвета в инсталляции плюрализма: анализ кинорепрезентации социального неравенства // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследования социокультурных перемен: Ч. 1. Казань; Терра, 1999. С. 96-108; *Тартаковская И.* «Сильная женщина плачет у окна»: гендерные репрезентации в советской и постсоветской массовой культуре // Аспекты социальной теории и современного общества. М: Ин-т социологии РАН, 1999. С. 155-176.
- <sup>12</sup> *Ворошилов В. В.* Журналистика: Учеб. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. С. 64-75.

## СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Анализ относительно устойчивых социальных структур и процессов позволяет более объемно и всесторонне понять смысл и перспективы социальных изменений, происходящих в современном российском обществе. В этой главе мы обращаемся к анализу форм социальной жизни, принципиально выведенных за пределы ежедневного рутинного существования. Речь идет о феномене праздника как важнейшего элемента социальной истории и своеобразного индикатора социокультурной системы. Для возникновения праздника необходимо существование некой ценности, признанной в социальной группе и в то же время дислоцирующейся за пределами праздника. В данном случае мы рассмотрим тендерные аспекты советской социальной политики сквозь призму газетных репрезентаций Международного женского дня. Изучение истории советских праздников позволяет проявить те идеологические формулы, которые были задействованы государством в целях более эффективного социального управления. Анализируя динамику образа 8

Марта в советской и постсоветской прессе, мы увидим, как менялись приоритеты социальной политики в отношении женщин.

Для того чтобы проследить эволюцию женского образа, нами был проведен анализ содержания газет, выходящих к 8 Марта, на выборке не реже, чем через каждые пять лет, с 1920 по 2001 год. Чаше, чем раз в пять лет, анализировались праздничные выпуски газет, относящихся к таким периодам и событиям, как Великая Отечественная война, смерть и разоблачение культа личности Сталина, первые годы перестройки. Мы рассматривали газеты, приуроченные к Международному женскому дню и выходящие между 7 и 9 марта (в зависимости от режима выхода газет, дня недели). Используя качественный подход к анализу содержания<sup>2</sup>, мы рассмотрели все без исключения материалы выпусков («праздничных газет», попавших в нашу выборку. Структура этих выпусков достаточно стабильная и включает правительственные и официальные поздравления, репортажи, посвященные «женской теме», юмористические публикации и комиксы и начиная с 1980-х годов довольно представительную рекламу подарков и развлечений, приуроченных к празднику.

При анализе публикаций мы учитывали принятую исследователями хронологию советской тендерной политики<sup>3</sup>: 1920-е годы - социальный эксперимент, связанный с реформированием семьи и быта; 1930-50-е годы - трудовая мобилизация женщин; 1960-70-е годы - модификации контракта «работающая мать». В исследовании использовались материалы двух советских газет в качестве образца легитимного дискурса, представляющего государственную точку зрения по всем основным вопросам, включая тендерные отношения. Это «Известия» - одно из наиболее читаемых центральных изданий и «Коммунист» - одна из самых популярных местных газет. К настоящему времени газеты обрели относительную независимость от государства, сохранив ведущую позицию в российском информационном пространстве: «Известия» стали наиболее влиятельной газетой либерального направления, а «Коммунист», изменив свое название на «Среднегорские вести» («СВ») в 1991 году, остался одним из массовых информационных печатных органов Среднегорской области. В целях сравнительного анализа из подшивки отобраны праздничные выпуски газет, центральной темой которых ввиду специфики праздника 8 Марта выступает образ женщины-современницы. Было проанализировано 30 выпусков праздничных номеров газет, в том числе 20 номеров «Известий» и 10 номеров «Коммуниста» («СВ»). По «Известиям» отбирались выпуски не только от 8, но и 9 и 7 марта. «Коммунист» всегда выходил только одним праздничным номером. Из прочитанных газет было отобрано 43 и 15 единиц анализа по «Известиям» и «Коммунисту» («СВ») соответственно. Содержание отобранных публикаций полностью посвящено «женской теме», в данной выборке представлена гендерная политика, декларируемая в лозунгах и текстах-обращениях правительства, списках награжденных женщин, перечне их заслуг, репортажах журналистов, интервью с героинями и чуть позже в том материале (в виде различных публикаций и рекламы), который подается как тема «по поводу женщин». Данная выборка позволила охватить период с момента становления Советской Республики до событий современности, отразить развитие советской тендерной политики с 1920 года по наши дни.

#### Политика репрезентаций и репрезентация политики

Политическая направленность праздника в дореволюционный период и первое десятилетие советской власти определялась эмансипаторной риторикой женского движения и социалистической идеологией, будучи обусловлена необходимостью привлечения женщин к активной политической деятельности. В первые годы советской власти большевики из-за политической необходимости того периода создали и реформировали образ новой советской женщины, определили ожидаемые от нее роли и обязанности, причем язык празднования 8 Марта использовался, чтобы усилить именно общественную сторону жизни советской женщины. Для этого времени, как указывает Н. Л. Пушкарева, характерно «весьма ограниченное восприятие женского движения лишь как "части революционного потока" в марксистско-ленинской теории. Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., во-первых, не без издевок "отменили" деятельность женских "буржуазных" организаций. Во-вторых, негласно было объявлено, что научный интерес представляет лишь вопрос о "женском ферменте"» (выражение К. Маркса) в истории большевистской партии и рабочего движения. Женщины не представляли собой класса; следовательно, их статус и устремления как социальной группы, объединенной внеклассовыми интересами, казались вымыслом, фикцией»<sup>4</sup>. И хотя первая советская конституция 1918 года подтвердила политическое и социальное равноправие мужчин и женщин, которое в течение долгих лет было целью женского освободительного движения

в России, при этом большевистская идеология настойчиво подчеркивала классовый характер равноправия, отдавая приоритет интересам и потребностям женщин «трудящихся классов» - рабочих и крестьянок. Таким образом, как справедливо отмечает Ю. Градскова, «пролетарский вариант гендерного равноправия сразу же исключил из сферы своего действия значительную часть женского населения России»<sup>5</sup> - интеллигенцию, духовенство, прислугу, иные «чуждые классовые элементы». Этим и определяется тот факт, что «женская тема» в публикациях послереволюционных лет и в последующие десятилетия осуждалась в рамках «решения женского вопроса», «освобождения женщины от рабского домашнего труда в условиях строительства социализма»<sup>6</sup>.

Начиная с 1920-х годов 8 Марта из политической акции женщин борьбы за свои дова превратился в Международный день работниц и получил официальный статус праздника, хотя и не был выходным днем. В праздничных публикациях к женщинам обращаются исключительно как к работницам и крестьянкам: *«Привет работнице и крестьянке в Международный коммунистический день! Международный женский день мы отмечаем как великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя. Сегодня, 8 Марта трудящиеся женщины будут выставлять международные требования»* (Известия. 1925. 8 марта).

Равенство перед законом значило, что гражданские и политические права, ранее отсутствовавшие, существовали теперь для всех, за исключением прежних «эксплуататоров», и адресатами праздничных поздравлений выступают работницы и крестьянки. При наличии в СССР ограниченной системы средств массовой информации, инструментальный и креативный потенциал Международного женского дня использовался большевиками для пропаганды целей и задач революции среди полуграмотного населения<sup>1</sup>. Центральная советская газета «Известия» (1925. 8 марта) акцентирует внимание на идее В. И. Ленина о том, что необходимо *«втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме, а втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин»*. Газета «Коммунист» (1925. 7 марта) также апеллирует к высказываниям В. И. Ленина: *«Дело Советской власти будет доведено до конца, когда в нем примут участие миллионы работниц и крестьянок»*. В выпуске «Известий» от 9 марта 1925 года приводятся сталинские слова: *«Трудящиеся женщины, работницы и крестьянки являются величайшим резервом рабочего класса. Выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок, действующих бок о бок с Советской армией пролетариата - в этом решающая задача рабочего класса»*. В день 8 Марта местная газета пестрит лозунгами: *«Работницы и крестьянки, ближе к советам, органам власти, управлением страной!»*, *«Укрепим союз работниц и крестьянок!»* (Коммунист. 1925. 7 марта).

Международный женский день использовался большевиками для конструирования идеологически ориентированного публичного пространства в противовес традиционной для женщины политически нейтральной приватной сфере<sup>8</sup>. В официальных обращениях партии и правительства к трудящимся женщинам - отсутствие всякой лирики. Здесь «самоотверженные и мужественные» женщины как важнейший ресурс политической лояльности и экономической стабильности ставятся на один уровень с мужчинами, освободившись от цепей рабства и мелкобуржуазного уклада жизни, приобщаются к политической и общественной деятельности, в том числе, благодаря новой семейной политике, допуская аборт и разводы.

Как указывает Н. Л. Пушкарева, 1920-е годы характеризуются лавиной научных публикаций, посвященных «раскрепощению» женщины в Советской России: «Поначалу - в 20-е гг. - появлялись по большей части лишь статьи в журналах, доказывавшие значительность участия женщин в революции и Гражданской войне, затем стал обобщаться опыт работы женсоветов и женотделов, созданных в первые послереволюционные годы, процесс ликвидации неграмотности среди женщин, вопрос о праве женщин на гражданский брак, свободный развод и аборты. Огромное место в исследовании "женского вопроса" стали занимать ставшие к тому времени модными социологические исследования типа "Женский труд в СССР" или "Безработица среди женщин и борьба с нею", в которых обосновывалась необходимость и перспективность использования женского труда в промышленном производстве, в том числе в традиционно "не-женских" отраслях (металлургии, тяжелой промышленности, строительстве, тракторном деле)»<sup>9</sup>.

Культурному и социальному раскрепощению женщины способствует семейная политика государства, а точнее, первый ее этап. Упрощенная процедура заключения брака и развода, декрет о разрешении медицинских абортов по желанию женщины - все перечисленные положения нашли свое подкрепление в изданном в 1926 году законодательстве о браке и семье. В этом же духе звучат и

стихи Н. Асеева, обращенные к женщине работнице и крестьянке. Текст изображен на знамени, которое держит в руках работница-пролетарка: *«Быт - Кашей, С ним на борьбу от пеленок и щей! Работница мира, сорви чадру, Сама управляй судьбой. Лишь тот тебе муж, и друг, и брат. Кто трудится рядом с тобой!»* (Известия. 1925. 8 марта)

ч-----.. w

Читаем здесь же: *«Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, но ее давит, душит, оупляет, принижает мелкое*

Однако разрешение разводов и аборт само по себе не могло полностью решить проблему гендерного равенства в частной жизни. Сыграли свою роль экономические проблемы, воспрепятствовавшие государству взять на себя функции материального обеспечения и воспитания детей, создания *«укрупненного, общественного, социалистического быта»* (Известия. 1930. 8 марта). И хотя женщин интегрировали в совокупную рабочую силу, ранне большевистские мечты о переводе домашних функций в публичную сферу так и не были реализованы, за исключением тех вопросов, которые касались ухода за детьми. Даже в крупных городах фактические права женщин при устройстве быта и распределении обязанностей в коммунах постоянно нарушались, а женщины нередко рассматривались не как равноправные участницы сексуальных отношений, а лишь как объект мужского сексуального желания <sup>10</sup>.

шено, что равенство полов достигнуто, хотя это было далеко от истины. С начала 1930-х годов на Международный женский день пресса регулярно утверждала, что в СССР женщины не только радовались формальному правовому равенству, но и реализовывали равные права на практике (Известия. 1933. 8 марта). Теоретические аргументы 1920-х годов о домашнем труде, материнстве, браке и сексуальности были вытеснены утверждениями, которые связали равенство полов с героическими событиями Октябрьской революции, коллективизацией сельского хозяйства и построением социалистической экономики. Равенство полов, в соответствии с официальной идеологией, было достигнуто в результате более фундаментальных изменений в обществе, в связи с чем Инсахой особой дискуссии о женщинах не требовалось, ведь их жизнь рассматривалась мпни лишь часть советской системы <sup>1</sup>.

По мере укрепления тоталитарных государственных Структур, к началу 1930-х годов коммунистическая партия все меньше нуждалась в женских общественно-политических организациях. Продвижение к идеалу «тотального равенства» требовало насильственного стирания всяких культурных различий (гендерных, этнических, социальных). Пролетарско-интернациональный дкстский дискурс <sup>12</sup> дополняется кодами сравнения социального положения советских женщин с положением их сестер за рубежом, сравнения, которое осуществлялось в пользу социалистического образа жизни и социалистических принципов равноправия. *«Советская Женщина - строитель коммунизма, - цитируем праздничный выпуск газеты «Известия» (1930. 8 марта), - советские женщины - самые счастливые женщины в мире! Они завоевали себе почетное место в рядах*

*строителей социализма, пользуются всеми правами наряду с мужчинами»*. На смену образа большевички, сподвижницы рабочего класса, резерву армии труда выходит *«...освобожденная, культурная и социально раскрепощенная женщина»* (Известия. 1941. 7 марта), она все больше и больше оказывается неким возвышением женщины до мужского уровня, признававшимся идеальным: *«Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное, единое социалистическое хозяйство. Ленин»* (Коммунист. 1930. 7 марта).

Второй этап в семейной политике относится к середине 1930-х годов. В 1936 году знаменитая сталинская конституция провозгласила: *«В СССР решена задача огромной исторической важности - впервые в истории на деле обеспечено подлинной равноправие женщин»*. По выводам Н. Л. Пушкаревой, *«в работах второй половины 30-х гг. появилось настойчивое противопоставление "ужасного прошлого" русских женщин и их "прекрасного настоящего". "Рабская забитость" женщин при капитализме противопоставлялась свободному труду на социалистическом производстве»* <sup>13</sup>. Укрепляющееся тоталитарное государство пытается ограничить свободу частной жизни, применяя все более жесткие методы контроля. Юридически эта тенденция была закреплена в законе об отмене аборт по желанию женщины (1936), усложнением процедуры развода (1944). Между государством

и женщиной укрепляется сформировавшийся с первых дней советской власти гендерный контракт «работающей матери» \ продолжает развиваться система институциональной поддержки сочетания материнства с оплачиваемой занятостью женщин на рынке труда. Для женщины семья оставалась частью предписанной ей государством роли, неизбежным противовесом работе, эквивалентом личного времени. При советском режиме государство частично создавало определенные условия для реализации этой модели. Советский женский идеал - «работающая мать» предполагал институциональную поддержку трудовой и материнской мобилизации «советских гражданок». В первую очередь, в праздничных выпусках газет все чаще звучат хвалебные слова в адрес матерей и того, кто обеспечивает счастливое материнство: *«Материнство окружено в Советской стране всенародным почетом и заботами государства. Это ярко выражено в усилении помощи матерям. Советское государство, коммунистическая партия дали неисчерпаемые возможности советской женщине для творческого труда и счастливого материнства»* (Известия. 1935. 8 марта).

В то время как практическая программа по организации общественного быта, стартовавшая с конца 1920-х годов, все более сокращалась, пропагандистские обещания улучшения положения женщин в будущем за счет создания фабрик-кухонь, столовых, общественных прачечных звучали все громче, становились одним из важнейших механизмов манипулирования женским сознанием. Неоднократно высказывается и форсируется мысль о том, что Октябрьская революция передала женщине равные права с мужчинами. Сам тон этих заявлений так или иначе ставит трудящуюся женщину в позицию получателя даров. Факт того, что «равные права» были «переданы» женщине, показывает существование определенного неравенства и представления о вторичности женщины по отношению к мужчинам - освободителям. Женщина - объект, которому приносят, передают, оказывают помощь, поднимают на высоту, дают возможность и, разумеется, ждут огромной благодарности: *«Высокие, благородные качества воспитаны в советской женщине партией Ленина - Сталина, плод завоеваний революции, принесший трудящимся женщинам подлинное освобождение. Советское государство подняло женщину на невиданную высоту, оказало огромную помощь, создало возможность пользоваться всеми правами»* {Известия. 1941. 7 марта).

В прессе четко определено семантическое поле образа советских женщин: «трудящиеся женщины, женщины-работницы, ученые, колхозницы, женщины-матери, воспитывающие новое поколение строителей коммунизма». Привлекая идею Ч. Четтерджи, отметим, что «именно Международный женский день использовался большевиками для конструирования нейтрального публичного пространства в противовес традиционной для женщины приватной сферы»<sup>15</sup>. Пропаганда новых бытовых технологий, облетающих женщине домашний труд, мистифицирует реальное неравенство в распределении домашних обязанностей, а существующий в реальности тендерный дисбаланс ретушируется риторикой «решенного женского вопроса».

С середины 1930-х годов масштабы празднования Международного женского дня приобрели государственный размах. Публичный характер праздника активно поддерживался международным движением женщин за свои права. Обмен поздравительными адресами, отчеты о положении женщин в других странах мира, конференции и слеты, приуроченные к Международному женскому дню, расширяли публичное пространство празднования. Из публикаций праздничных выпусков газет этих лет явствует, что Международный женский день в разной степени отмечали в целом ряде государств, включая Советский Союз и Китай, Англию, Германию, другие страны Европы и Америки, где существовало женское рабочее движение. Большое место в обзоре новостей в газетах, посвященных 8 Марта, занимают заметки о деятельности активистов женского движения левой ориентации: *«Собрание в США в честь Международного женского дня»*; *«Английская женщина на боевом посту — письмо из Англии»*, *«Только в 1942 г. В Англии начали отмечать Международный женский день как широкий национальный праздник. В нынешнем году объединенный комитет по проведению 8 Марта проведет большой митинг, требуя равное положение с мужчинами, полное выражение своих демократических требований»*; *«Прибытие делегации советских женщин в Хельсинки»* (Коммунист. 1945. 9 марта). Другие материалы демонстрируют международную солидарность женских организаций, при этом зачастую в подтексте присутствует ведущая роль Советского Союза: *«Приветствия из-за границы от женщин мира по случаю Международно-Й\* женского дня: от национального комитета Международного женского дня из Лондона, из Софии, Варны, от федерации славянских женщин из Монреаля»*, а иногда эта ведущая роль репрезентируется напрямую: *«Собрание в США в честь Международного Женского дня. Женский комитет американо-советской дружбы устроил прием в честь Международного женского дня, где*

присутствовала супруга президента США Элеонора Рузвельт и супруга государственного секретаря США, посла СССР в США Громыко и др. <Они отметили, что всех женщин мира объединяет дружба, взаимопонимание, сотрудничество и единство в борьбе за мир. И ведущая роль в международном женском движении принадлежит советской женщине> (Известия. 1945. 9 марта). Как считает М. Бакли: «Миф стал навязываемой реальностью, тогда как аспекты реальности игнорировались. Женщины в большей степени показывались как экономический ресурс, а не категория людей, стремящихся к личному самовыражению в творческой работе и финансовой независимости. Не было дискуссии об агониях и радостях освобождения или о том, как справиться с сопротивлением и враждебностью к новым ролям женщин. Это было идеологическими областями умолчания»<sup>16</sup>. Счастливое положение трудящейся женщины в социалистическом обществе постоянно сравнивается с бедственным положением женщин за рубежом: «Привет работнице и крестьянке в Международный коммунистический день! Международный женский день мы рассматриваем как великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя. Капиталистический мир имеет для них только презрение, отказывает им в действительном равноправии как в семье, так и в обществе, дает им лишь крохи, лишь бумажные права» (Известия. 1941. 7 марта). И здесь советским женщинам не дают забыть, кому они обязаны своим нынешним положением: «Советские женщины - самые счастливые женщины в мире!» (Известия. 1941. 8 марта); в своем постановлении о Международном женском дне 8 Марта Центральный Комитет ВКП(б) «сердечно приветствует всех трудящихся женщин Советского Союза: работниц, колхозниц, инженеров, техников, агрономов, учителей, медицинских работников, работников науки и искусства. Сессия демократической федерации женщин в Советском Союзе рассматривает современное положение женщин, пользующихся всеми благами социализма в качестве равноправных членов общества, полная противоположность бедственному, неравноправному положению женщин капиталистических стран. Высокие, благородные качества воспитаны в советской женщине партией Ленина — Сталина, плод завоеваний революции, принесший трудящимся женщинам подлинное освобождение. Советское государство подняло женщину на невиданную высоту, оказало огромную помощь, создало возможность пользоваться всеми правами» (Известия. 1945. 8 марта). Освобождение женщин в этот период рассматривалось лишь как часть классовой борьбы. А поскольку триумф социализма был зафиксирован официальной идеологией, это значило, что классовая борьба была завершена, а освобождение женщин осуществилось. Пропаганда фокусировалась на вкладе женщин в индустриализацию и коллективизацию в 1930-е годы и участие женщин в войне с 1941 по 1945 год. Проецировался образ женщин как «великой силы советского общества», «великой армии труда» и «колоссального резерва рабочей силы». По образному выражению М. Бакли, идеологический прожектор высвечивал их коллективные достижения, но не проблемы, с которыми они сталкивались<sup>17</sup>. Социалистический реализм выносил на повестку дня визуальные образы женских ролей. Иллюстрации и фотографии в советских книгах, журналах и газетах, которые ранее посвящались политической мобилизации женщин, сейчас показывали счастливых улыбающихся энтузиасток, уверенно ведущих тракторы и работающих на фабриках (Известия. 1930. 8 марта), собирающих урожай с потрясающей скоростью и выполняющих стахановские задачи на капустных полях.

В годы войны приоритетным кодом в репрезентациях женщин вновь становится их труд на благо советской родины, во имя победы; «Советская женщина доказала, что по праву может называться достойной дочерью героического народа. Международный женский день - день дальнейшего усиления помощи Красной Армии, дальнейшего укрепления военной и экономической мощи советского государства. Родина ждет от советской женщины дальнейших подвигов в работе для фронта. Помыслы каждой советской патриотки должны быть направлены на еще более энергичный труд, непрерывное увеличение выпуска вооружения, боеприпасов, чтобы новыми подвигами приблизить час полной победы над врагом» (Известия. 1945. 8 марта). В течение всех военных лет в праздничных выпусках газет формируется образ женщин как патриотов, которые боролись с фашистом на фронте, выхаживали раненых и праздновали триумфальную победу Красной Армии над врагом.

Традиционный смотр достижений советской женщины дополняют свидетельства ее активного участия в военных действиях. Наряду с уже ставшим традиционным образом женщины-труженицы: «Товарищи работницы! Советские женщины, самоотверженно работающие, мужественно переносящие трудности, вдохновляющие на подвиги воинов - освободителей» (Коммунист. 1945. 8

марта), появляются новые героини - «*блестящие мастера военного дела - летчицы, связистки, снайпера, зенитчицы, военврачи*» (Известия. 1945. 8-9 марта). Это, как правило, сильные, яркие характеры, но все чаще в создании «положительного образа» героинь используется описание тех качеств, которые указывают не на «абсолютное равенство»

мужчины и женщины и их идентичность, а на то, что должно быть присуще женщине. Конечно, речь идет не о подборе персоналий, а о тональности дискурса вот, например, слова Героя Советского Союза, авиагера С. Никулиной в статье «Наша боевая жизнь»: «*Мы не суровы по характеру - нас заставили быть такими. Пройдя всю войну, мы сохранили мягкость и нежность, свойственные советской женщине. Стараемся сделать свое жилище уютным и красивым, любим цветы и стихи, но пока делаем суровое дело*» (Известия. 1945. 8 марта).

На страницах праздничных газет красной нитью проходит обращение: «*Л" новым подвигам, советские патриотки!*» (Известия. 1945. 8 марта). Но кто же на самом деле является героем дня? Ради чего советская женщина самоотверженно работает и мужественно переносит тяготы войны? Легитимный дискурс содержит ответы на эти вопросы: «*В отечественной войне советские женщины защищают свою родную власть, давшую им свободу, все политические права, возможности Оля творческого труда и счастливого материнства*» (Коммунист. 1945. 9 марта). Так или иначе, но даже о праздничном дискурсе женщины уходят па второй план: они «*оказались достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищающих Родину от немецко-фашистских извергов*» (Известия. 1945. 8 марта); их поступки должны заслуживать «патриархального» одобрения: «*Великий Сталин высоко оценил труд и борьбу советских женщин. Советская женщина доказала, что по праву может называться достойной дочерью героического народа: она многое перенесла, несет на себе тяжелое бремя, стала главой семьи, приняла на себя труд мужчин во имя Родины, благословив воинов на смертный бой с врагом*» (Известия. 1945.8 марта).

Исследования историков убеждают в том, что героическая символика женского образа была важным дискурсивным кодом военного времени и последующего десятилетия советской власти: по данным Н. Л. Пушкаревой<sup>18</sup>, в годы Великой Отечественной войны вышло немало агитационно-публицистических очерков, в которых настойчиво акцентировалась тема традиционности в России женского героизма, самопожертвования, самоотдачи. Этот мотив прозвучал и в первой диссертации о русских женщинах-врачах, защищенной в трудных условиях войны<sup>19</sup>. Ту же направленность сохранили и исследования по историк «решения женского вопроса в СССР», изданные в послевоенные 1940-50-е годы. Женский вопрос окончательно стали определять как «неотъемлемую часть общей борьбы рабочего класса за свое освобождение», который поэтому «мог быть решен лишь при условии полного равноправия трудящихся»<sup>20</sup>. Вместе с тем как во время войны, так и после победы репертуар женских образов включал такой важнейший дискурсивный элемент, как женщина-жертва, нуждающаяся в защите. Однако подобный символический ряд в праздничных поздравлениях на 8 Марта отсутствует, занимая подобающее место в плакатной риторике.

Дальнейшая институционализация советской семьи становится первоочередной задачей в условиях военного времени. В 1944 году Президиум Верховного Совета СССР принимает указ<sup>21</sup>, согласно которому лишь зарегистрированный брак считается легитимным и порождает права и обязанности супругов. Фактически этот указ перекладывал всю ответственность за внебрачную связь, всю тяжесть ее последствий целиком и полностью на женщину и рикошетом - на рожденных ею детей<sup>22</sup>. В дополнение к этой мере государство усложнило процедуру развода, который теперь полагался признаком «моральной неустойчивости» гражданина и влек за собой серьезные административные и партийные взыскания.

В праздничном обращении к советским женщинам находим сталинские аргументы о «решенном женском вопросе»: «*Большой теплотой и заботой окружены женщины в нашей стране. Партия и правительство создают все условия для того, чтобы советские женщины могли спокойно учиться, работать, расти, полностью осуществлять великие права, предоставленные им Сталинской Конституцией, детские сады, ясли, детские санатории и женские консультации, помощь многодетным и одиноким матерям. Где, в какой еще стране существует забота о женщинах-матерях? Где еще женщины пользуются такими правами? Нет в мире такой другой страны*» (Известия. 1950.9 марта). Ггичпргтти^нып кя-жлая из статей о женщинах-современницах неизменно заканчивается словами огромной благодарности «товарищу Сталину». В данном случае он выступает как «отец народа», благодетель, гарант свободы и независимости советской женщины: «*Стремление*

к светлой цели, твердости духа, беспредельная верность советскому народу, неиссякаемая энергия, выдержка в бою и « труде - все эти благородные качества советских патриоток привил нам великий Сталин. Товарищу Сталину мы обязаны всеми нашими успехами» (Коммунист. 1950. 8 марта). Далее звучат слова горячей любви и признательности, несмолкающие овации. Лирическая страница газеты «Известия» (1950. 8 марта) представлена стихотворением Е. Шевелевой «В агитпункте»: *«Заговорили о труде и о растущем изобилии, о Сталине в наш женский день, мы горячо заговорили»*. В первые послевоенные годы обе газеты представляют читателю типичный сценарий проведения Международного женского дня: *«8 марта прошло общемосковское собрание, посвященное Международному женскому дню, где присутствовали представители многочисленной армии трудящихся женщин, знатные стахановки, прославленные героини труда. Председательствующая объявляет собрание открытым. Звучит гимн СССР, Избирается почетный президиум во главе с тов. Сталиным. Звучит доклад. Праздник проходит в обстановке огромного политического подъема, победоносной борьбы за коммунизм. В передовых рядах бойцов за построение коммунизма - советские женщины. Наравне с мужчинами ведут активную борьбу. Женщина живет радостной и счастливой жизнью, и этим она обязана родному советскому правительству»*. Далее следуют слова благодарности коммунистической партии и лично товарищу Сталину: *«С большим подъемом собравшиеся участники приняли приветствие тов. Сталину»*. Юные москвичи приветствуют своих матерей и старших сестер и поздравляют их с праздником 8 Марта (Известия. 1950. 8 марта).

Женщина вновь выступает в роли реципиента, принимающего политические и социальные блага, субъектом, которого «поддерживают», «открывают радостную жизнь», «поднимают на недостижимую высоту». Положительные героини - как правило, женщины, достигшие высокого положения, где идеологические (политические) позиции граничат с профессиональными, благодаря советской власти. Статья «Дочери Казахстана» создает образ «активной участницы грандиозных событий», которой *«советская власть открыла светлую и радостную жизнь. Она ведет большую многогранную работу, возглавляет институт биологии АН Казахской ССР. Первая среди женщин-казашек, кандидат и доктор. Казахский народ высоко оценил заслуги - послал депутатом в Верховный Совет СССР»* (Известия. 1950. 8 марта).

Подобным образом представлена судьба героини очерка «Женщины русских селений»: *«Колхозный строй поднял крестьянку Веру Ивановну Соколову, государство пригласило на службу участкового зоотехника. В годы войны организатор, боец, служит народу всеми приобретенными знаниями, агитатор, руководитель зоотехнического кружка при избе читальне, член лекторской группы, борется за общественное богатство колхоза, за Сталинский устав колхозной жизни, за процветание Родины, благоденствие народа и государства»*. Галерею женских образов продолжают: молдавская певица М. Чабан - *«дочь крестьянина, бедняка, ее жизнь была наполнена горечью беспроектной жизни в порабощенной Молдавии. Счастье принесла Советская власть, великий русский народ, рука братской помощи, широкая дорога к свету»* и «знатный мастер нефтедобычи» - *«замечательный образ казахской женщины, ставшей благодаря советской власти передовым человеком, крупным производственным и государственным деятелем. До советской власти была нищей батрачкой, не грамотной, не имела никакой квалификации. Советская власть обучила грамоте. Сейчас она лучшая нефтяница»* (Известия. 1950. 8 марта). В галерее женских образов появляются матери-героини. Так, *«уборщица товарищ Федорова -мать семи детей»* обращается в своем выступлении лично к товарищу Сталину, чтобы передать *«великое материнское спасибо за счастливую жизнь, за заботу о нас, простых людях»* (Коммунист. 1950. 8 марта). (Пропаганда материнства была созвучна идеологии антиабортного законодательства 4936 года и подкреплялась фактами о развивающейся системе здравоохранения, образования и социального обеспечения. Аборт перестает быть частным делом: личное становится политическим. Материнство представляется как высшее право женщины при социализме и социальная ответственность женщин перед государством, которой нельзя «бежать»<sup>23</sup>. В послевоенное время государство поощряет матерей-одиночек ввиду демографического дисбаланса по полу. Складывается определенный образ «советской гражданки», «работающей матери», транслируемый со страниц газет с нескрываемой симпатией: *«Требовательная к себе и энергичная, хрупкая светловолосая женщина»*. *Сын и дочь - пионеры, ее отличает «нежная материнская любовь»*. *«Заботливая мать. Заботливая хозяйка, депутат, герой социалистического труда»* вступает в партию, она выросла и окрепла

вместе со страной», ее отличает душевная теплота. «Сила в голосе, строго обставленный кабинет»; «деловая женщина, богатая трудовая биография, "горит в работе"»; «Наша настоящая советская гражданка, сочетающая мужество работника, творца нового общества, с истинной нежной женственностью»; «Светлой дорогой, при товарищеской поддержке рабочего коллектива, партии и советской власти движется все вперед и вперед наша советская женщина» (Известия. 1950. 8 марта).

Примеры «типичных» семей с множеством детей вносят вклад в конструирование .культы материнства. С новой силой в прессе военных и послевоенных лет звучит тема материнства: «Тысячи многодетных матерей, вырастивших своих сыновей храбрыми и бесстрашными воинами, удостоены правительственных наград». Праздничный выпуск газеты «Известия» публикует указ о награждении многодетных матерей. Эту тему развивает и газета «Коммунист». Так, в статье «Советские женщины в Отечественной войне» вполне конкретно обозначена главная функция советской женщины: «Советская женщина вырастила доблестных воинов, задача советской власти - забота о женщинах - матерях, ведь они призваны воспитывать наших детей» (Коммунист. 1945. 8 марта). В целом газетные публикации военного времени сохраняют героический пафос, но к концу войны в 1945 году появляются и лирические страницы: например, стихотворения Софронова «О любви», «Письма на фронт» (Известия. 1945. 8 марта), да и в статьях встречаются обращения к женщинам, как «милым подругам», «верным женам», «любимым матерям».

#### Приватизация политического

После смерти Сталина официальная идеология все меньше влияла на частную жизнь. В отличие от строгого контроля над соблюдением семейных ролей и сексуальным поведением советских граждан в 1930-50-е годы, в более мягкой практике позднего социализма государственная политика нашла свое выражение в манипулировании моральными категориями «прочной социалистической семьи». Категория положительных героинь этого периода связана с традиционными образами женственности: верная подруга, ждущая своего мужа; ухаживающая за больным возлюбленным; самоотверженная, образцовая мать; умелая домохозяйка. В то же время, конечно, нельзя сказать, что роль советской женщины как матери рисуется исходя из однозначно прагматических соображений. Существует определенная идеологическая традиция, подчеркивающая активное участие женщин в общественной жизни, согласно которой женщина должна быть активной и самостоятельной гражданкой своей страны. В каждом официальном отчете о достижениях советских женщин приводятся цифры о занятости женщин в сфере производства, на руководящих постах, в сфере науки, искусства. В праздничных номерах появляется реклама подарков к Международному женскому дню. Как правило, это предметы бытовой техники, швейные машины, посуда. Со второй половины 1950-х, несмотря на то, что в публичном дискурсе день 8 Марта все еще остается «смотром достижений советских женщин», на приватном уровне, в кругу семьи, на производстве, по личному ощущению Международный женский день становится всенародным праздником, так и называемым - «Праздник 8 Марта». Происходит постепенная «приватизация» праздничного пространства, что, однако, не означает сокращения его масштабов. Международный день трудящихся женщин трансформируется в «женский день» - праздник всех женщин, невзирая на возраст и статус занятости. Из Международного женского дня он превращается в праздник мам, бабушек и внучек, торжество в семье, небольшом коллективе на работе, школьном классе. Приватизация 8 Марта воплощается в практиках потребления, в практиках освоения пространства и праздничного времени. Хотя празднование зачастую сохраняет свой традиционный сценарий, включая официальные поздравления, подведение итогов, бюрократические моменты, связанные с ритуалами публичных заседаний, награждений, в тех же официальных обращениях все чаще появляются теплые, носящие более личный характер слова, адресованные женщинам, в репертуаре приглашенных артистов эстрады вместо патриотического репертуара появляются песни о любви. Как пишет М. Бакли, «после героического языка сталинской эпохи, восхвалявшего достижения женщин в промышленности, сельском хозяйстве, обороне и материнстве, наступило официальное признание, что успехи женщин при социализме на самом деле были скромными... ко женский вопрос все еще официально считался "решенным". Во время хрущевского правления существовало противоречие между идеологическими утверждениями об успешности освобождения женщин при советском социализме и более реалистическими наблюдениями жизни женщин... Больше места в "Правде" и "Известиях" от 8 марта, например, посвящалось участию женщин в политике, порой захватывая и выпуски от 9 марта»<sup>24</sup>. При этом призывы ЦК КПСС к советским женщинам более

активно участвовать в политической и общественной жизни могли соседствовать на одной странице с утверждениями освобождения советских женщин при социализме (Правда. 1957.8 марта). По выводам С. Айвазовой<sup>25</sup>, только после смерти Сталина откровенно патриархатный крен в государственной политике начинает выравниваться, а противоречия в законодательстве о социальном статусе женщин постепенно сниматься и отчасти загоняться внутрь. Задача социальной политики - совместить принцип свободы и равенства граждан того и другого пола с принципом защиты и укрепления социалистической семьи как базовой ячейки общества. В годы «оттепели» реформа образования (1954) восстановила смешанное по полу образование, в 1955 году был вновь легализован аборт<sup>26</sup>, а кодекс РСФСР о браке и семье 1969 года значительно упростил развод, восстановил возможность установления отцовства как в добровольном, так и в судебном порядке<sup>21</sup>. В новом законодательстве о браке и семье речь впервые шла не столько о долге и обязанностях женщин, сколько об их «правах», здесь делался акцент на понятиях «счастливое материнство и детство», «поощрение материнства»<sup>2В</sup>. Ко дню 8 Марта в 1970-80-е годы официальные обращения к женщинам в прессе сменяются камерными поздравлениями в их адрес. К «трудящимся советским женщинам» все чаще обращаются как просто женщинам, женам, матерям, подругам.

В историографической работе Н. Л. Пушкаревой<sup>29</sup> указывается, что код «раскрепощения» женщин в годы советской власти<sup>3</sup> остается центральным для советских историков 1960-70-х годов, как и в довоенные десятилетия. В этих исторических публикациях утверждалось, что ко времени их написания «женский вопрос в СССР решен» При этом расширились хронологические рамки: вместо конца 1950-х годов стало указываться время написания работы).

С. Начиная с 1960-х годов одним из изменений в политике гендерных репрезентаций стал постепенный отказ от «идеологии бесполости», отсутствия существенных отличий между мужчиной и женщиной, апелляции к «естественным» гендерным различиям. Снижение уровня рождаемости способствовало усилению пропаганды того, что женщина в первую очередь является матерью: «С чувством глубокой признательности мы Шкющаемся к женщине-матери. Она дарит ребенку жизнь, стоит у его колыбели, отдает тепло и нежность своей души, стремится вырастить достойного гражданина нашей Родины» (Известия. 1960. 7 марта). Портреты сексуально привлекательных красавиц на обложках журналов и страниц газет заменили работниц в косынках. Со страниц газет и с телеэкрана мужчины все чаще призывают вернуть «женщине -женственность», а женщины выражают тоску о «настоящем мужчине».

Спад рождаемости, уменьшение размеров семьи, старение населения, бывшие в результате урбанизации, индустриализации и людских потерь, в 1970-е годы вызывают «жизни дискуссии о том, как поощрить многодетную семью, при этом роль мужчины как отца семейства, как воспитателя детей не проблематизируется. Рассуждения о деполитизации не ставили под вопрос традиционные гендерные стереотипы, напротив, естественные различия между полами должны были быть усилены. Именно к 1970-м годам относится зарождение отрицательного отношения к буржуазному феминизму<sup>31</sup>. Начало 1980-х годов характеризуется четким акцентом на роли женщины как матери и воспитателя детей. В опубликованных отчетах о достижениях женщин в общественной и политической жизни все чаще подчеркивается важность образа женщины-матери, хранительницы домашнего очага.

Итог законодательных поисков в направлении равенства мужчин и женщин - Конституция 1977 года, одна из тем которой - равномерное распределение семейных обязанностей между супругами. Советская семья перестала быть чисто патриархатной, хотя еще не стала эгалитарной, партнерской. Официальная идеология по-прежнему не может признать в мужчине полноценного члена семьи, отца, имеющего те же, что и женщина, права, связанные с рождением и воспитанием детей, а также базируется на классическом советском понятии «женщина-мать», а не на понятии полноценной гражданки, для общественного признания которой не нужны никакие дополнительно обозначенные функции<sup>32</sup>.

В середине 1980-х годов публичный дискурс и социально-экономические реалии возвращают женщину в семью, постепенно происходит и деполитизация «женского праздника», его публичное пространство приватизируется. Появление в конце 1980-х новой идеологии в отношении женщин связано с политикой М. Горбачева, который внес в общественную дискуссию женского вопроса «идеологический диссонанс»<sup>33</sup>, предлагая наряду с продвижением женщин по службе и улучшением условий труда «вернуть женщине ее истинное призвание»<sup>34</sup>.

Именно этим вызваны выступления М. С. Горбачева в начале перестройки, призывающего вернуть «женщину домой». В 1987 году он заявляет, что поскольку социалистическое развитие не оставило для женщин времени для домашней работы, воспитания детей и семейной жизни, перестройка может вернуть женщинам их предназначение. Аргументы Горбачева беспрецедентны для советского прошлого и конфронтуют с марксизмом: перестройка приведет к экономической эффективности и избытку рабочей силы, а женское участие в трудовой деятельности плохо влияет на демографию, по\*этому часть женщин рекомендуется высвободить из экономики, тем самым будет смягчен и эффект безработицы<sup>35</sup>. Если раньше женщина характеризовалась как «работающая мать» (возможность и обязательность совмещения женщиной двух ролей); роль женщины определялась как работница - мать, долг которой - трудиться, производить будущее поколение работников, а также следить за домашним хозяйством, а взамен им, как матерям, полагалась защита государства и независимость благодаря доступу к оплачиваемой работе, то в середине 1980-х публичный дискурс и социально-экономические реалии возвращают женщину в семью, постепенно происходит и деполитизация «женского праздника», его публичное пространство приватизируется. При этом акцент смещается на традиционные символы женского: пробуждение природы, цветение, плодородие, красота.

8 Марта в новейший период: политика потребления

Начиная с 1990-х годов «изменение положения женщин вновь стало рассматриваться как один из приоритетов. Но по-прежнему различия между мужчинами и женщинами признавались непреложными: материнство и воспитание детей рассматривалось как неотъемлемые и незаменимые функции" женщин»<sup>36</sup>. К 1990-м годам увеличивается количество сатирических образов в праздничных выпусках газет: в графике и слове высмеивается амбивалентное отношение общества к женщине и быстро сформировавшиеся традиции - *«единственный день в году, когда отцы семейств моют посуду, а мужчины в транспорте уступают место с улыбкой - ваш день»* (Известия. 1990. 8 марта). Революционный пафос полностью исчез. Политические призывы заменяются более мягкими формами «пожелания»: *«Россия пока мало что хорошего сделала для женщин. Наше общество остается сугубо мужским, все важные решения принимаются мужчинами. Дело не в законах, а в социальной психологии, которую изменить очень трудно. Но изменения вероятны, если сами женщины станут активнее их добиваться»* (Известия. 1995. 8 марта). Вместо женской солидарности - мимоза, вместо прав - открытки с праздничными восьмерками.

Пропагандистский тон практически полностью заменяет мягкий, а иногда и грустный юмор: *«Наша изнуренная жизнью и деятельностью женщина как правило чувствует себя таковой два раза в году - 8 Марта и 23 февраля - в одном случае ее поздравляют, а в другом ~ нет, но и то, и другое означает, что она женщина. При этом мужчины круглогодично и всесезонно пьют за прекрасных дам, выходит потребность в них еще сохранилась»* (Известия. 1995. 8 марта). С юмором и всерьез в 1990-е годы на страницах газет 8 марта предпочитают обсуждать вопросы женственности, об этом говорят сами названия статей - «Побольше бы женственности», «Еще раз о женщине»: *«В этот день приятно сообщить отрадные факты о положении женщин. Сегодня таковых немного, хотя, конечно, не без них. Например, в Удмурдском госуниверситете снова возродились высшие женские курсы, вручили студенткам билеты, и теперь у юношей есть шанс жениться на курсистках»* (Известия. 1995. 9 марта).

Единственное, что может напомнить нам о смысле празднования Международного женского дня в былые времена - это праздничные обращения представителей административных структур, например, как в этом, обращении руководителя областной администрации: *«Уважаемые женщины области! Сегодня в центре внимания мужчин, общества, Vсударства - мать, труженица, юная надежда семьи и близких, дорогая и любимая, фуств всегда мужское внимание ободряет и поддерживает вас»* (СВ. 2001.7 марта). К .Вместе с тем вряд ли можно говорить о полном исчезновении политического ^теологического аспекта празднования 8 Марта. Однако эта идеология меняется. Газетные репортажи отмечают факты, когда некоторые политические акции женщины Приурочивают к Международному женскому дню: *«В Международный женский день Ци Могилы Неизвестного Солдата у Кремлевской стены начнется Марш матерей, ко-Темная цель которого - город Грозный. Марш будет делать остановки по дороге Ъ Чечню во многих городах России, проводить митинги, шествия, пикеты и молитвы. В Среднегорске Марш пройдет 9 марта»* (СВ. 1995. 7 марта). Однако это лишь небольшая заметка в ряду поздравлений, рекламного блока, предлагающего подарки к 8 Марта *«Только 7 и 8 марта! Дорогие мужчины! Сделайте подарок*

женщинам, которые *идом с вами. Подарите своей любимой отдых!*» или «*Бытовая техника от фирмы «Партия» - замечательный подарок для милых дам*» (СВ. 1995.7 марта). Наиболее политизированные репрезентации женщин можно встретить с начала 1990 года, в левой и националистической прессе. Подробный анализ символического 'дискурса современной националистической прессы в отношении женщин можно найти % работе Т. Барчуновой, которая отмечает, что главными отличительными особенно-«Стянн этого дискурса является виктимизация, деперсонализация и объективизация %сенщин»<sup>31</sup>. Заметим, что представление женщин как объектов действия широко приветствуется в современной националистической прессе - в терминах покорения, насилия. Вспомним, что объективизация женщин, но «с обратным знаком» - в терминах эмансипации, возвышения - встречается в газетных статьях 1920-30-х годов, когда сталинские газеты с воодушевлением писали о достижениях советской политики. ^ В настоящее время празднование 8 Марта все более подчиняется законам общества Цветового потребления, занимая свое место в империи праздничного бизнеса<sup>38</sup>. Развивается индустрия цветов и женских подарков. Реклама подарков в праздничных выпусках газет вносит свой вклад в создание женского образа, где подчеркивается приватность, интимность в праздновании женского дня. Общество массового потребления требует от женщины быть красивой и привлекательной. Этого помогают достичь средства по уходу за телом, косметика, широко рекламируемая как «лучший подарок для Любимой женщины» (Известия. 1995. 8 марта), модная одежда, шейпинг. Общество потребления заставляет нас традиционно смотреть на самих себя с точки зрения потребителя рекламируемых продуктов, как в известном слогане об эксклюзивной косметике: *Ведь я этого достойна*. Здесь женщина - идеальная домохозяйка, которая, чтобы фолвить себя, должна быть в курсе экономичных и эффективных моющих средств продуктов быстрого приготовления или быть молодым, стройным, следящим за собой Гра\*суальным объектот, занятым в модельном бизнесе.

Женщина - хранительница очага, организатор мужского потребления. Так воспроизводится патриархатная идеология в отношениях между полами. Подобные образы временной женщины охотно демонстрируются, даже с некоторой иронией, на страницах праздничных выпусков газет: *«Трудно будет представить, что будет твориться в Ижевске через 4,5 года, когда высшие женские курсы дадут первый выпуск и из дверей выйдут 35 красивых и нее меру образованных женщин. Некоторые пойдут по улицам города пешком и все встречные оценят их грациозную походку как следствие уроков хореографии. По окончании курсов девушки получают высшее Образование - историческое. Более того, в программу включены такие неожиданные предметы, которые дают, к примеру, навыки цветовидения, связанные с умением ты, которые дают, к примеру, навыки цветовидения, связанные с умением комбинировать цвета и воспринимать мир в красках (надо полагать, в политической сфере это поможет девушкам отличать красных от белых, а в обыденной жизни - быстро распознавать голубых). Возможно, руководитель курса имеет в виду нечто возвышенное, но, на мой взгляд, взгляд мужчины и главы семьи, наибольшая таинственность в современных условиях заключается в том, как женщина ухитряется спланировать семейный бюджет, накормить детей и прожорливого мужа и свести финансовые концы с концами. Для любой выпускницы полученные знания дадут возможность работать гувернерами, секретарями-референтами - успехи в труде ей гарантированы, а что же~ в личной жизни? Эти перспективы наилучшим образом отражены в уже возникшей на курсах поговорке: "Я с дипломом ВЖК найду любого мужика". Правоту этих слов подтверждает Г. Мерзлякова: "Мы дадим девушкам такое образование, что нашим воспитанницам не придется искать мужчину ~ он сам прибежит"» (Известия. 1995. 9 марта). Согласимся с И. Тартаковской, которой, «обращаясь к современному положению женщин в нашей стране, приходится констатировать, что патриархатные взгляды в России глубоко укоренены»<sup>39</sup>.*

Значительное место занимает тема «мужских» и «женских» занятий, профессий, увлечений. К примеру, этой проблеме посвящено рассуждение С. Ястржембского о женщине в армии: *«На меня больше всего произвели впечатление женщины, командированные в Чечню»*; статья о Светлане Савицкой: *«Светлана осваивает мужскую профессию летчика-испытателя»*; комментарии к женскому футболу: *«И в футболе она остается женщиной. Вот так, оказывается не обязательно быть мужчиной, чтобы уметь кататься на лыжах, играть в футбол, плавать, бегать, задерживать нарушителей и стрелять. Можно обладать всеми этими качествами и одновременно быть обаятельной, привлекательной девушкой и приятной собеседницей. До 25 лет ко всяческим экспериментам слабого пола в области футбола я относился скептически, считая, что это*

занятие пародирует всю красоту и сущность футбола» (Известия. 2001. 7 марта). Все чаще появляется дискурс о смысле празднования 8 Марта. Так, в интервью с режиссером А. Дзекуном, выяснилось, что он сторонник отмены праздника 8 Марта: *«Женщины украшают нашу жизнь красотой, добротой, обаянием и помнить об этом мы должны все время, обеспечивая им достойные условия существования, делать это мы должны все время, а не один день в году»* (СВ. 1995. 8 марта). По сути, как справедливо отмечает И. Тартаковская, «речь идет всего лишь о модификации патриархатной идеологии, которая из государственно-патриархатной становится либерально-патриархатной.. С уходом с семейной авансены государства мужчин и женщин связывает преимущественно секс — а иногда и вообще ничего не связывает, кроме общих проблем и взаимных противоречий»<sup>40</sup>.

Некоторые публикации транслируют сексизм в отношении женщин. К примеру, в статье «Праздничное "построение"» полпред президента В. Казанцев поделился своими мыслями по женскому вопросу: *«Даже в названиях женских организаций "Эхо войны". "Лига защиты" чувствуется напряженность. И вообще, если много женских организаций, трудно разговаривать»*. Заканчивается статья на оптимистической ноте: *«А чтобы феминки не заговаривались, им было предложено пить минеральную воду и есть мороженое. На десерт пообещали концерт»* (Известия. 2001. 7 марта).

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о комплементарной структуре праздников, сфокусированных на гендерных идеалах: 23 февраля и 8 Марта сегодня образуют единую систему созависимых и взаимодополняющих ритуальных практик. Тенденция к изменению празднования 23 февраля и 8 Марта связана не только с приватизацией политического, но и подчеркивает гендерный дисбаланс. В настоящее время 8 Марта воспринимается как «женский день», а 23 февраля как День защитника Отечества, праздник «профессиональной маскулинности». И хотя 23 февраля с принятием в начале 2002 года нового трудового кодекса стал выходным днем, мы можем в определенной степени отнести его к ряду профессиональных праздников, подобно дню геолога, железнодорожника, рыбака. В наблюдении организационных практик празднования 23 февраля нами было отмечено, что праздничные поздравления носят гендерно ориентированный характер. Понятия «защитник» и «мужчина» имеют, как правило, тождественное значение. Приведем пример типичного поздравительного адреса к Дню защитника Отечества: *«Дорогие мужчины, поздравляем с праздником - Днем защитника Отечества. Желаем быть всегда здоровыми, крепкими, бодрыми и веселыми!»* (плакат с поздравлением автотранспортного предприятия). Принято считать, что это праздник традиционно мужской, и мало кому удается вспомнить, что и женщины тоже служат в вооруженных силах. К тому же, по расхожей логике, женщины все равно без праздника не останутся - впереди 8 Марта. Очевидно, «мужской день» предоставляет возможность для женщин совершить ответный или, скорее, предупредительный акт «отдаривания», когда предоставится возможность оказать особое внимание, расположение, подбора подарка: *«Надо же когда-то и мужчин поздравлять»*. Современные практики празднования 23 февраля и 8 Марта связаны не только с приватизацией политического, но и подчеркивают гендерный дисбаланс: 8 Марта воспринимается сегодня как «женский день», а 23 февраля - как День защитника Отечества, праздник «профессиональной маскулинности». Образ женщины как защитницы Отечества маргинален и присутствует лишь в официальном дискурсе, а участники празднования в приватном пространстве чувствуют мужчин, вне зависимости от их отношения к вооруженным силам. Структура праздников, сфокусированных на гендерных идеалах, комплементарна: 23 февраля и 8 Марта сегодня образуют единую систему созависимых и взаимодополняющих ритуальных практик.

В 2001 году мы отметили «юбилейный» женский день. С момента первого празднования Международного женского дня исполнилось 90 лет, и газета «Известия» (2001. 7 марта) излагает читателю чисто «мужской взгляд» на суть «женского праздника»: *ничего удивительного, что женский день придумала некрасивая женщина - в конце концов недостаток обожания всегда обостряет социальное и классовое чутье. Клара Цеткин была дурна собой, а поэтому весь ее душевный пыл ушел на борьбу за лучшую участь для себе подобных»*. И далее: *«И вообще, признайтесь в любви какой-нибудь Кларе Цеткин, живущей неподалеку. Избавьте барышню от душевных страданий. Глядишь, тогда не понадобится изобретать социально озабоченные праздники, ходить колоннами, бороться за ущемленные права и напоминать миру, таким образом, О своем присутствии»*. Пожалуй, стоит согласиться с автором в одном: *«Пора привыкать к тому, что все мы - люди. Все достойны уважения. Все можем претендовать на простое человеческое*

счастье. Поэтому, так уж и быть, с Международным женским днем поздравляю всех. И мужчин тоже».


[проведенного анализа мы получили представление о социальной сущности 8 Марта, а также причинах его функционирования в российской социо-культурной риторике особый интерес представляет семантика гендерных ролей, тема праздничных поздравлений и приветствий в средствах массовой информации является символическим инструментом гендерной политики. Идиллическая ментальность между полами, нарисованная советскими газетами, держит же и опеке государства. Обе советские газеты принадлежат к единому монстру приверженности одним ценностям и властным отношениям, юли и связанные с ними ценности определены достаточно четко (хотя и различаются в разных изданиях). Все положительные герои находят в единении со своим народом и государством, причем семья по сути является из его институтов, работающим, по мысли журналистов, в гармонии и. При этом советские идеологические ценности прекрасно уживаются с ними: первенство мужчин отчетливо прослеживается в самой структуре ■о касается прессы постсоветского периода, то практически ни одна из га-позитивного образца конструирования гендерных ролей ни для мужчин, [ности] для женщин. Анализ наглядно демонстрирует направление изменений и форм празднования в конкретных социальных условиях. В свою очередь культура активно воздействует на конструирование гендерных ультате рассмотрения идеологии и практик празднования Международно-дня по материалам двух советских (а затем - российских) газет, наблюдениями в подаче праздничных материалов, мы пришли к выводу о повышении роли экономической компоненты праздничной культуры, а так о политический праздник постепенно приватизируется, теряет свою изначальную мощную политическую окраску. Международный женский день становом потребления экономической структуры современного общества, проис-зачия праздника за счет расширения и специальной организации экономи-ггранства. жое прочтение газетных публикаций о женском празднике, вошедшем оставного элемента в самую сердцевину советской культуры, позволяет контекст, в котором развивалась социальная политика на протяжении десятом контексте, на наш взгляд, имеют значение такие его составляющие: г местного и центрального уровней в дискурсе социального контроля ги этого контроля, проявляющиеся в различных традициях гендерных праздников. В отличие от обсуждения социальных проблем, где мы имеем тенденцию в большей степени фокусироваться на этой проблема-лях и комментариях, чем центральные, праздничная тематика 8 Марта не особенности. Гендерный дискурс (способ восприятия и обсуждения пола) реален и независим от географического места на карте России, во всяком территориях, населенных по преимуществу русскими. В условиях перехода обнаружилось значительные различия в качестве жизни между различными т общая история и культура продолжают воспроизводиться с неизменным м, имея общий вектор изменений. Это вектор направлен на изменение массовы и формы социального контроля переходят с макроуровня к микрогосударственное регулирование, вторгающееся в приватное пространство, постепенно и задолго до перестройки стало замещаться воздействием рекламы, культуры потребления.

Проведенный контент-анализ центральной газеты «Известия» и регионального печатного издания «Коммунист» («СВ»), выходящих к Международному женскому дню, показал, с каким завидным постоянством с 1920 по 2001 годы те или иные формы официального обращения и поздравления советских женщин содержат перечень достижений правительства, подчеркивая роль женщин в общественно-политической жизни страны. Эта «праздничная» традиция в большей степени сохранилась и в наши дни. Праздник используется для демонстрации успехов как на личностном уровне - успехов глав государств и ведущих политиков, так и на уровне партий, правительства, государства, нации. Вместе с тем в газетном дискурсе усиливается тенденция деполитизации <sup>1</sup> гендерно-ориентированного праздника и подчинение его практик требованиям общества массового потребления. Модификация праздника в обществе массового потребления выражается в

разнонаправленных тенденциях: происходит символическая приватизация официальных праздников и становится более явным утилитарный характер празднования; при этом праздник остается инструментом регулирования социальных отношений и способом канализации групповых интересов, что проявляется в его политической ангажированности и ритуальной формализованности.

<sup>1</sup> *БуАина О. Р., Шмелева М. Н.* Проблема традиционности современной бытовой культуры русского городского населения // Советская этнография. 1987. № 6. С. 15-26; *Коньков Р., Лепилин Я.* Ленинский день: Сб. материалов для шк. и клуб, работы, М.; Л., 1926; *Лантева Л. С.* Функция массовых праздников // Парк и отдых: Труды / НИИ культуры. Вып. 2. М.: НИИ культуры, 1976: С. 170-189; *Полищук И. С.* У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. №6. С. 3-15; *Праздники и обряды как элемент социалистической культуры // Вопросы научного атеизма.* 1980. № 26. С. 165-177; *Трудовые традиции, праздники, обряды рабочего класса / А. С. Капто, М. Д. Довбуш, Н- М. Закович и др.* Киев: Виша шк., 1984; *Строительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков.* М., 1966; *Тульцева Л. А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985; *Цехновицер О.* Праздники и революция. Л., 1931.

<sup>2</sup> См.: *Мещеркина Е.* Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, ннтракци и изображения // Введение в тендерные исследования. СПб., 2001. С. 197-237; *Ярская-Смирнова Е. Р.* Одежда для Адама и Евы. Очерки тендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 52-92.

<sup>3</sup> *Пушкарева И. Л.* Русская женщина в семье и обществе X-XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3-14; *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социальное конструирование тендера // Социологический журнал. 1998. Кз 3/4. С. 171-181.

<sup>4</sup> *Пугикареаа И. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 72.

<sup>5</sup> *Введение в тендерные исследования.* М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 95.

<sup>6</sup> *Самойлова И. К.* Работницы в Российской революции. Пг., 1919; *Курская А.* Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности // Коммунистка. 1923. № 8. С. 10-11; *Ковнитор Р. А.* Женский вопрос в свете ленинизма // Коммунистка. 1925. № 1; *Крупская И. К.* Женщина страны Советов - равноправный гражданин. Сборник статей 1917-1937 гг. М., 1938; Приводится по: *Пушкарева И. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 69-95.

<sup>7</sup> *Chatterjee Ch.* Celebrating Women: International Women's Day in the Soviet Union, 1917-1939. Indiana: Indiana University Bloomington, 1991.

<sup>8</sup> *Пушкарева И. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 72-73. & *Введение в тендерные исследования.* М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 101. " *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1989. > P. 112.

<sup>9</sup> *8 Марта за рубежом:* Сб. ст. к Международ. жен. дню. М.; Л.: Гос. изд-во «Красный пролетарий» в Москве, 1930.

*Пушкарева И. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 73.

<sup>10</sup> *Здравомыслова Е.А., Темкина А. А.* Социальное конструирование тендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171-181.

<sup>11</sup> *Chatterjee Ch.* Celebrating Women: International Women's Day in the Soviet Union, 1917-1939. Indiana: Indiana University Bloomington, 1991. P. 29. ей *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1989. P. 115. "Ibid. P. 113.

<sup>12</sup> *Пушкарева И. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 73-74. *Коненко Е.* Девушки-героини. М., 194Г, *Советская женщина - защитница Родины.* Иваново, 1942; ч *Розова К. Л.* История первых русских женщин-врачей: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1945; Подробнее см.: *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974, Приводится по: *Пушкарева И. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 69-95.

<sup>13</sup> *Бшьшай В. Л.* Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948; Приводится по: *Пушкарева И. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 69-95.

<sup>11</sup> Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 32.

<sup>71</sup> Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1988. С. 77.

<sup>71</sup> Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1989. P. 131.

<sup>71</sup> Ibid. P. 139-141.

<sup>71</sup> Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1988.

\* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 года «Об отмене запрещения абортов» // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 333.

<sup>15</sup> Тендерная экспертиза российского законодательства / Под ред. Я. Н. Завадской. М.: БЕК, 2001. С. 106.

\* Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1988. С. 80. <sup>6</sup> Пушкарева И. Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 69-95.

\* Тхаченко В. М. Опыт решения женского вопроса в СССР. Минск, 1975; Шахмет А. В.

Коммунистическая партия - организатор вовлечения женщин в социалистическое строительство. Л., 1977; Опыт КПСС в решении женского вопроса / Под ред. Н. И. Кондаковой. М., 1981; Приводится по: Пушкарева И. Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 69-95.<sup>31</sup>

Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1989 P.179.

<sup>32</sup> Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия; М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1988. С. 81. J

Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1989 P. 194-195.

<sup>3\*</sup> Горбачев М. Перестройка и новое политическое мышление. М.: Прогресс, 1988. <sup>35</sup> Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. New York; London: Harvester Wheatsheaf, 1989 P. 199.

<sup>36</sup> Тартаковская И. Н. Социология пола и семьи. Самара: ИОО, 1997. С. 48. '

<sup>37</sup> Барчунова Т. Вариации в ж-мноре на темы газеты «Завтра» (женщины в символическом дискурсе националистической прессы) // Потолок пола / Под. ред. Т. В. Барчуновой. Новосибирск: ИИ ВОСИБ. ун-т, 1998. С. 47-90. ■

<sup>38</sup> Политические традиции 8 Марта до сих пор активно поддерживаются в ряде стран, в том числе в Австралии, где для женских движений характерны левые взгляды (см.: <http://www.isis.aust.cam/iwd/stevens/contents.htm>; <http://www.isis.aust.com/iwd/events.htm>).

<sup>39</sup> Тартаковская И. Н. Социология пола и семьи. Самара: ИОО, 1997. С. 48. "

<sup>40</sup> Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Тендерные исследования. 2000. №4. С. 264.

<sup>41</sup> См. об этом: Глебкин В. В. Ритуал в Советской культуре. М.: Янус-К, 1998; Щербинин А. И. Тотлитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры //Полис. 1998. № 5. С. 79-96. ^■ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРОПИНКА ИМБИРИНТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В начале XXI века существенные события в демографической сфере жизни могут стать ключом к пониманию многих современных социальных процессов. Таким событием является общедемографическая тенденция постарения населения, которая превращает онтологическую проблему в одну из наиболее острых социальных проблем, актуализирует геронтологическое направление социальной политики. Согласно данным демографического департамента ООН, количество людей в возрасте 60 лет и более на начало XXI века составило 17,8 % всего населения. Прогрессирующий процесс старения приобрел на рубеже веков глобальный характер что наглядно иллюстрируется таким показателем, как увеличение возраста среднестатистического жителя Земли. В настоящее время в Европе и России он лежит в пределах 37-41 года. По прогнозам, сделанным

Отделом населения Секретариата ООН, в середине XXI века в более развитых странах средний возраст населения составит  $\sqrt{V}$ до года<sup>2</sup>. В демографическом развитии России к началу 1999 года численность людей вкюнного возраста впервые за советский и постсоветский периоды превысила численность детей и подростков в возрасте до 16 лет на 110 тыс. человек, или на 0,4 %.

Преобладание населения старших возрастов имеет место в 35 регионах России<sup>3</sup>. Е, Этот процесс имеет ряд закономерностей. Во-первых, постарение сельского населения. Доля населения старше трудоспособного возраста в сельской местности значительно больше, чем в городах. В России это соотношение представлено как 22,1 % в сельской местности и 17,2 % в городах. В российских условиях мноше сельскохозяйственные районы имеют четкий геронтологический профиль, причем с преобладанием представителей, относящихся к самой верхней части геронтологической пирамиды, что гуализирует исследовательский интерес к пожилым людям, проживающим в отдаленных районах, где отсутствует инфраструктура обслуживания. Во-вторых, существенное влияние оказывают миграционные процессы. При этом иммигрируют преимущественно лица среднего возраста, которые в недалеком будущем пополнят ряды геронтологической группы.

В-третьих, феминизация старения. Женщины в среднем живут на 5-7 лет дольше мужчин. В России численный перевес женщин в составе населения отмечается после 55 лет, и с возрастом он все более увеличивается. Такое неблагоприятное соотношение сложилось из-за высокой преждевременной смертности мужчин трудоспособного возраста, по уровню превышающей смертность женщин этого возраста более чем в четыре раза. Феминизация старения акцентирует гендерную составляющую социальной политики, государственное участие в судьбе одиноких женщин, вдов. Особенно быстрыми темпами растет группа одиноких пожилых женщин, не имеющих детей. Нередко именно они становятся потенциальными обитателями дома для престарелых, а также объектами агрессивного поведения других людей. В отечественной прессе последние 10 лет увеличилось число сообщений о стариках, ставших жертвами преступных жилищных махинаций, объектами агрессии со стороны родственников и знакомых. Исследователи утверждают, что женщины, как правило, страдают от родственников, а мужчины от знакомых.

В-четвертых, имеют место существенные региональные различия. Более интенсивно процесс старения населения идет в развитых в индустриальном отношении регионах и городах (в России - в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске), *тцШ* увеличение доли пожилых людей опережает рост трудоспособной части населения.

Таким образом, постарение населения - объективна и, как утверждают демографы, необратимая тенденция. Следует отметить, что не только на макроуровне, но и на уровне индивидуального развития, старость становится<sup>^</sup> длительным и значительным этапом жизненного пути. Ом составляет треть жизни (20 и более лет). Произошло «те\* нократическое», неэволюционное увеличение средней продолжительности жизни (в настоящее время до 75 лет). Ст» рост в определенной степени представляет артефакт культурного развития. Она не является только биологически объяснимым феноменом, а в значительной степени представляет собой результат активного социального

КОНSTDVV  
рования. Многие эмпирические факты жизни пожилого человека не могут быть объяснены только исходя из генетических и возрастных переменных старения, а в большей степени обусловлены «социальным старением». Данное понятие фиксирует зависимость как количественных, так и качественных характеристик процесса старения от влияния социальных, физических, административных аспектов окружения пожилых людей.

Можно выделить три уровня анализа старости - макро-, мезо- и микроуровень. Макроуровень фиксируется понятием «стареющее», «старое» общество. Под «стареющим» понимают общество с постоянно возрастающей долей населения, относящейся к категории пожилых, то есть лиц старше 65-70 лет. Согласно международным критериям общество считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше среди всего населения превышает 7 %. Россия - старое общество, так как в настоящее время 12,5 % его жителей являются пожилыми людьми в возрасте старше 65 лет. На мезоуровне эксплицируется концепция этнического развития Л. Н. Гумилева, который использует понятие «старый этнос», соотнося его с мемориальной фазой этногенеза. Микроуровень в качестве аналитического приема позволяет пристально взглянуть на старость как равноценный и самобытный этап жизненного пути, фокусирующий ценностный опыт человека.

Вне всякого сомнения, постарение населения оказывает существенное влияние на общественные процессы, их конфигурацию, структуру, динамику. Ученые по-разному оценивают социальные

последствия старения населения. Пессимистические подходы утверждают неизбежность усиления всего комплекса социальных, экономических, моральных проблем в стареющем обществе, которые конкретизируются в следующих положениях. Увеличивается экономическая нагрузка на трудоспособное население. Уже сейчас в России на одного пенсионера приходится 1,8 работающих. В развитых странах в настоящее время на одного человека старше 65 лет приходится 1,4-1,5 работающих. Постарение населения означает сокращение притока молодежи в экономику, что приводит, по мнению некоторых исследователей, к замедлению темпов экономического роста. Не меньшее значение имеет и снижение уровня мобильности населения, который становится все более важным условием качества экономического роста. Пожилым людям, занимающим влиятельные и авторитетные позиции в обществе, свойственна ограниченная «инновационная пластичность», что препятствует инновационной деятельности. Психологи отмечают существование так называемого «барьера неудобств», который с возрастом становится все более выраженным и заметным. Речь идет о том, что человек для оценки всего нового (предметов, идей), что встречается ему на его жизненном пути, использует «личные конструкты», свой личный опыт. Идеи, концепции, инновации, которые не соответствуют ожиданиям людей, их установкам (особенно это относится к тем областям, в которых они считают себя наиболее компетентными), будут вызывать у этих людей чувство тревоги, неуверенности, неудобства.

В инфраструктуре социальной помощи и поддержки приоритетным в стареющем обществе будет формальное обслуживание, то есть за счет общественных средств, дополнительных капиталовложений. Совершенно ясно, что за время своей трудовой деятельности человек создает блага, цена которых позволяет обеспечить его обслуживание в послетрудовой период. Однако следует иметь в виду и объективные трудности обеспечения пенсионеров, связанные с ограниченностью массы денежных средств в каждый конкретный момент. Особенно это остро ощущается в переходный период.

Постарение населения повлечет повышение налогов, стороны работающих на выплату пенсий, социальных пособий, инвестирования геронтологических программ, что будет серьезным тестом на толерантность межпоколенных отношений. Изменение структурных отношений в семье, наличие очень старых родственников, существование двух и более поколений пенсионеров в семье приведет к физическим и моральным перегрузкам ее более молодых членов. В России под прессингом дополнительных нагрузок окажется (уже оказалась) работающая женщина среднего возраста, которая имеет собственную семью, детей, пожилых родителей и т.д.

Процент пожилых людей в обществе увеличивается, а их ожидания относительно уровня жизни растут. Поэтому расходы на пенсии становятся чрезмерными по сравнению со способностью общества их платить. Во всем мире системы пенсионного обеспечения (социальной защиты) испытывают затруднения с выполнением своих обязательств перед пенсионерами. В результате ограничивается рост пенсий, а возраст, с которого начинает выплачиваться пенсия, увеличивается. Наблюдается тенденция сокращения численности работающих старше трудоспособного возраста. Снижение мотивации к продолжению трудовой деятельности связана с обострившимся чувством несправедливости и нежелания социального творчества. Постарение населения увеличивает, при прочих равных условиях, показатели смертности и заболеваемости. Сторонники данной точки зрения указывают на ограниченные резервные ресурсы общества: финансовый, кадровый, резерв материальных ресурсов, межпоколенной толерантности. При этом содержание пожилых людей представляется как весьма непроизводительная трата ресурсов. Они склонны рассматривать постарение населения не только как сложную проблему, но и как угрозу государству, культуре, социоэкономическому положению, привилегиям, общему благосостоянию.

Однако существует и другая, противоположная точка зрения. Ее сторонники считают, что необходим многомерный анализ возможностей с тем, чтобы через изменения жизненного курса в стареющем обществе обеспечить его динамичное развитие. По их мнению, произойдут сдвиги в структуре потребностей и рынка труда; все меньшее число индивидов будет занято в сфере непосредственного материального производства, на смену этики «продуктивности» придут императивы «качества жизни»; исчезнет стереотипная временная последовательность социальных ролей и видов социальной деятельности, строго «привязанных» к определенному отрезку жизненного пути; нормой жизненного цикла станет чередование периодов профессионального труда, активного досуга, образования и смены видов социально-полезной деятельности; осуществится плюрализация

социальных услуг, «сервисизация» потребления в контексте определения потребительских предпочтений и возможностей различных социально-демографических групп населения. Мы разделяем данную точку зрения, считая, что постарение населения - приглашающая сила к социальному развитию, включает вероятность, желаемость и ожидаемость конструктивной социальной политики.

Такой небольшой теоретический экскурс дает основание более рельефно представить два момента. Во-первых, проблема старения в некотором смысле представляет собой совершенно новый социальный феномен, с которым человечество столкнулось лишь в XX веке, особенно в последние его десятилетия. Длительное время старость в силу своей естественности, обыденности не осознавалась в качестве объекта научного анализа. Старость квалифицировалась как естественное, хотя и нежелательное, свойство человека. В конце XX столетия возникла ситуация, когда старость перестала быть «прозрачной»), заняла особое место и в жизни отдельного человека, и общества в целом. Во-вторых, геронтологиическое направление социальной политики находится в стадии становления (для того, чтобы это подчеркнуть, мы использовали метафору «геронтологическая тропинка»). Тем не менее можно говорить об определенных принципах социальной политики в отношении пожилых людей. На них мы остановимся более подробно.

*Принцип усиления значимости геронтологического этапа жизненного пути человека.* И с точки зрения социальных функций, и в плане пребывания в пространстве предельных смыслов, он делает недопустимыми меры, искусственно консервирующие отжившие или отживающие геронтологические стереотипы. Это особенно важно, так как до сих пор в общественном сознании укоренено архаичное представление о старости, изложенное Софоклом еще в V веке до нашей эры, когда он писал о загадке Сфинкса про существо, у которого всего один голос, но которое передвигается вначале на четырех ногах, а затем на двух, а еще позже - на трех. Греческий миф гласит о том, что лишь Эдип дал правильный ответ: «Это человек, который ползает на четвереньках в детстве, ходит на двух ногах, будучи взрослым, и, наконец, опирается на палку в старости». Символический образ старого человека, опирающегося на палку, больного и беспомощного, жизнь которого отчасти ущербна, до сих пор представляется весьма распространенным. Среди стереотипов старости наиболее распространенными являются такие, которые утверждают отношение к старости как к болезни, диссоциирующей жизненно важных физиологических систем организма, галопирующему нарастанию физической и духовной немощности. Бытуют и другие стереотипы, согласно которым старость - падение уровня жизни, обвал, крушение, зависимость, а старые люди рассматриваются исключительно как объекты социальной помощи и поддержки. Старость зачастую ассоциируется с об-[-разом человека, имеющего стоматологические дефекты, морщинистую кожу, седые волосы. И все эти мнения весьма распространены, несмотря на разрушение стереотипа | -«средних лет», активно осуществляющуюся модернизацию старения, применение техник маскировки старости: от косметологических и хирурго-пластических средств ; -я систем физического совершенствования до полного игнорирования границ возможностей данного возраста (все представляется всегда возможным, стоит только начать). Распространение получила «дисморфофобия» - страх необратимой трансформации, изменения изначально присущих человеку морфологических особенностей. Еще один стереотип, отражающий местный российский колорит - старость соотносится с агрессивным типом поведения в общественном транспорте.

Консервации указанных стереотипов способствуют во многом масс-медиа. На российском телевидении геронтологический образ чаще всего встречается в рекламных роликах, представляющих лекарственные препараты и средства для домашнего хозяйства. Конструируется образ пожилого человека как нездорового и как бесплатного работника по дому, удел которого выполнять вспомогательные функции домашнего труда и ухода за ребенком. Конденсируется инфантильная, потребительская модель отношения к старшему поколению. Реклама не учитывает потребительские предпочтения и возможности пожилых людей, демонстрируя модные стандарты, ориентированные на состоятельных людей. В то же время существуют прецеденты рекламной продукции, «примеру, широко распространенные в Швеции, которые служат генератором положительных эмоций, представляют образ старости, исполненный радости, светящийся улыбками, приносящий эмоциональное и психическое раскрепощение, ненавязчиво напоминают о том, что пружина жизненных проектов продолжает раскручиваться и в старости, актуализируя ценности творчества, переживаний, отношений, рекреации.

Современные исследования в области биологии, психологии старения дают все основания для смены дискурса старости: от финалистских, негативно оценивающих интерпретаций к признанию равноценности ее с другими этапами жизненного пути, обладающей своими достоинствами и преимуществами. В качестве таковых отметим: старость «философский» возраст жизни, отмеченный печатью мудрой благости, богатством жизненного опыта; старость - сензитивный период для формирования потребности в содержательном осмыслении жизни, в обогащении ее новыми смыслами, в совершенствовании способов самореализации, их жизненной верификации (как писал О. Манделштам, «пространства внутренний избыток»); эпицентром старости становится свободное время, необходимое для самореализации, отдыха, включения в интеграционные процессы.

*Принцип опоры на собственные силы провозглашает несовместимость геронтологической политики с социальным, а тем более государственным, патернализмом.* В современных условиях возрастает личностно-ответственное формирование собственной жизни. Результаты исследований польских геронтологов позволили уточнить содержание понятия «опека» с позиции пожилых людей: старики не столько хотели быть объектами заботы, сколько стремились сами заботиться о других<sup>5</sup>. Совершенно естественно, что в пожилом возрасте человек стремится сохранить свое достоинство и свободу выбора. Быть же только реципиентом, ничего не давая взамен, означает определенную потерю статуса в обществе. Сотрудники социальных служб нередко в своих практических взаимодействиях с пожилыми людьми постулируют в качестве исходных позиций именно зависимые отношения, опекающие или контролируемые стратегии в отношении пожилых людей. На социальном уровне это выражается в патерналистских принципах, лежащих в основе функционирования государственных институтов. В контексте патерналистских принципов конструируется определенная модель поведения пожилых, людей, предполагающая набор типовых реакций: беспомощность, безынициативность, безропотность. Специалисты ожидают от пожилых людей согласия со всеми их действиями, благодарности за любую помощь. В случае, когда пожилой человек занимает равноправную и активную позицию, требует дополнительной информации, разъяснений, он номинируется как «трудный».

Помощь, имеющая геронтологическое направление, предполагающая контроль, регламентацию временного пространства жизни, вызывает у пожилого человека психологическое дискомфортное состояние зависимости. Показательны в этом отношении результаты исследований процессов адаптации пожилых людей в специальных домах-интернатах. Дома для престарелых создаются с благой целью - для поддержания независимости пожилых людей, обеспечения их необходимым уходом и заботой. Однако на деле получается так, что постоянный надзор и жизнь по установленному распорядку, игнорирующие индивидуальность личности, воспринимаются ими как физическое заключение, способствуют отделению от общества. Исследования фиксируют такую организацию образа жизни в данном учреждении, которая ограничивает возможности проявления жизненной позиции пожилого человека: изоляция проживающих от общества, социальная депривация, ограничение возможности занятости пожилых людей, гиперопека и зависимость от окружающих, дефицит социальных контактов и отсутствие достаточного спектра социальных ролей<sup>6</sup>. Создается так называемый «госпитализм», явление, характерное для «закрытых» учреждений. Указанные условия с дефицитом социальных контактов, общения являются катализаторами угасания личности. В эмоциональной сфере это проявляется в форме нарастания подозрительности и паранойяльной настроенности, в когнитивной - в виде смещения хронотипа переживаний в прошлое и тревожно-ожидательной направленности пожилых в будущее (болезнь, ущемление прав, смерть)<sup>1</sup>.

Геронтологические исследования показали значимость домашних условий для пожилого человека. Поэтому там, где это возможно, пожилые люди должны получать помощь, находясь в домашних условиях. Возможные переезды пожилого человека (в том числе в стационарные учреждения) могут привести к возникновению реакций дезадаптации, что в значительной степени связано с резкой сменой обстановки: пожилые лишаются привычного окружения знакомых и близких людей, утрачивают возможность пользоваться любимыми вещами, которые актуализируют ассоциативный фонд воспоминаний, формирующих смысловой контейнер жизни.

Модель некоего идеального существования пожилых - это тесные социальные связи при достаточно высоком уровне независимости. Перспективными, на наш взгляд, являются поиски новых форм устройства жизнедеятельности пожилых людей (наряду с существованием традиционных домов престарелых): терапевтические отели, центры временного приюта, специализированные квартиры,

геронтологические поселения, образующие нечто среднее между лечебным учреждением и домашним очагом, предполагающие организацию быта на основе взаимопомощи. Более молодые и здоровые пожилые люди оказывают помощь тем, кто в ней нуждается. К примеру, в Среднегорской области в настоящее время решается вопрос о создании в каждом районном центре мини-интернатов для пожилых людей на 25-30 мест, что сделает практически возможной реализацию потребности пожилого человека остаться на своей земле, не менять место жительства.. Оказание помощи носит реципрокный (взаимный, обоюдный) характер. В повседневной жизни пожилые люди оказывают разнообразную помощь детям. На уровне концептуализации и практической реализации социальной политики такое понимание V значительной степени расширяет проблемное поле социальной помощи в направлении активизации личностного потенциала пожилого человека, создания механизма реализации потребности в заботе о ком-либо (о чем-либо). Речь идет о том, чтобы не ограничиваться в отношении пожилых людей только опекающими стратегиями, но шире использовать стимулирующие стратегии, которые могут осуществляться в нескольких Направлениях. Во-первых, посредством формирования культуры заблаговременного обеспечения существования (П. Козловски), предполагающей превентивные действия в отношении собственной старости. Речь идет о механизме личностной капитализации: человек уже на ранних этапах жизненного пути должен озаботиться тем, чтобы располагать средствами, достаточными для поддержания нормального уровня жизни в старости. Во-вторых, благодаря развитию различных форм заботы пожилых людей, практик межпоколенных взаимодействий. Совершенно ясно, что социальное исключение наряду с интеграционными процессами обнаруживается во всех сферах жизнедеятельности старшего поколения. И именно посредством социальной политики регулируется доминирование одной тенденции над другой.

„, В разных странах действуют различные версии практик межпоколенного взаимодействия, в том числе для пожилых людей: волонтерская работа для людей старше 70 лет с детьми младшего возраста, имеющих задержку умственного развития; взаимодействие с детьми из неблагополучных семей, нуждающихся в особом внимании и уходе, с детьми, проживающими в детских домах; работа со студентами на добровольной основе в той области, в которой пожилой человек является специалистом; взаимопомощь; оказание помощи и поддержки больному, очень старому пожилому человеку, живущему дома. Постоянно действующие программы межпоколенного взаимодействия предоставляют потенциальным добровольцам необходимую информацию и способствуют формированию у них соответствующих знаний и навыков. Пожилой человек может выполнять разнообразные роли, быть наставником, воспитателем, няней, взрослым другом, тренером, конструируя при этом практики сближения, собирания. Пожилые люди нередко объединяются вместе с детьми, подростками для выполнения роли агентов позитивных социальных изменений - озеленение улиц, переработка мусорных отходов, строительство детских площадок. Особо важным моментом является право на выбор, возможное только в условиях разнообразия. Пожилой человек должен выбирать те формы активности, которые соответствуют состоянию его здоровья, личным интересам, индивидуальным вкусам. Преобладание тенденции социального исключения геронтологической группы в современной России отнюдь не новое «приобретение», речь может идти лишь об изменении его форм, о степени доминирования. Это выражается в прогрессирующей маргинализации, экономических и иных лишениях, нарастании социальных препятствий для данной социально-демографической группы, о различных вариантах социального и культурного неравенства, которые проявляются как всевозможные дисфункции в форме бездомности, преступности, суицидах, растущей зависимости пожилых людей от государственной поддержки. Не вина, а беда старшего поколения, что вся его жизненная энергия направляется по преимуществу на то, чтобы выживать, а не активизировать поиск альтернативных, неинституциональных каналов интеграции. Геронтологическая группа продолжает оставаться «страдательным элементом» проводимых преобразований, выступая главным образом в качестве объекта, а не субъекта социальной политики. Утверждается стратегия вытеснения старости из сферы доступа к престижным ценностям, власти и другим ресурсам, монополизированным молодыми командами, в результате чего принимаются решения, определяющие\* жизнь старшего поколения без учета его потребностей, интересов, возрастных особенностей.

*Принцип дифференцированности социальной политики предполагает учет гетерогенности пожилого населения.* Основой для классификации, выделения различных геронтологических когорт могут служить следующие характеристики: образ (стиль) жизни, семейное положение, степень

трудоспособности, возрастная группа, вид пенсионирования, мотивация продолжения трудовой деятельности, социально-экономический статус. Обозначение геронтологических категорий необходимо для определения направленности активных и пассивных форм и методов социальной защиты. При оказании помощи и поддержки должны учитываться рост группы наиболее старших возрастов (75-79, 80-84, 85 лет и старше), требующей повышенного внимания со стороны общества, особенности положения некоторых групп пожилых людей, таких, как мигранты, беженцы, пожилые люди без семьи и пожилые люди с ослабленным здоровьем.

Необходима плюрализация социальных услуг, в том числе распространение и доступность рекреационных услуг. Речь идет и о сервисе геронтологического потребления с учетом потребительских предпочтений и возможностей пожилых людей. Отметим, что в современной России геронтологическое потребление услуг остается на крайне низком уровне. Потребительское поведение геронтологической группы как специфической группы доходополучателей характеризуется недопотреблением (основная часть фонда личного потребления расходуется на продукты питания, за пределами доступного остаются товары длительного пользования. Не лучше обстоит дело и с товарами, обеспечивающими движение информационных потоков - обеспеченность телевизорами, радиоприемниками, газетами). Геронтологическая группа недополучает образовательные, медицинские, культурные услуги.

*Принцип геронтологического профилирования специалистов, работающих с пожилыми людьми, - медицинских работников, преподавателей, социальных работников, профессионалов в рекреационной сфере, сфере досуга.* Геронтологическая некомпетентность, к сожалению, достаточно распространенное явление. Практические работники нередко все негативные феномены, возникающие в жизни пожилого человека или связанные непосредственно с его здоровьем, объясняют старостью. Не слишком фантазируя, укажем, к примеру, на следующую, достаточно распространенную, схему поведения медицинского работника. Выслушав больного пожилого человека, медицинский работник обращается к нему отнюдь не с рекомендациями, а с банальными сентенциями: «Ну что же вы хотите, возраст», «Сейчас много молодых умирает...» После этого следует, как правило, глубокомысленная пауза, которая призвана пробудить чувство вины у пожилого человека за свое желание получить профессиональную помощь от медицинского работника, которую последний не в состоянии предложить. За ложным объяснением скрывается элементарная безграмотность.

Стареющее общество в совершенно иных масштабах нуждается в геронтологическом образовании, в развитии различных отраслей современной геронтологии, прежде всего, социальной геронтологии, позволяющей представить старость как «зону множественных возможностей», ресурс для динамичного развития и отдельного человека, и общества в целом. Сейчас очевидна необходимость более углубленного геронтологического <sup>Ирмяил</sup> практических работников, знакомство с новейшими достижениями геронпеской науки. Геронтологи ческая компетентность позволит устранить многие <sup>Врн</sup> во взаимодействиях с пожилыми клиентами, что является непременным условием эффективной профессиональной деятельности.

<sup>шиякцип</sup> расширения поведенческого выбора, предоставление целого реестра аяь-<sup>Екдевных</sup> возможностей. Речь идет о вариативности пенсионного порога, о раз-<sup>Н</sup>№ интеграционных практиках в противовес практикам исключения по возрасту <sup>Нрвзенсионный</sup> и пенсионный периоды. Высокая продолжительность жизни способ-<sup>Бг</sup> модификации политики установления пенсионного возраста в сторону большей <sup>НјјјНВНОст</sup> <sup>8</sup>. Последняя достигается различными путями: во-первых, за счет увеличения пенсионного порога, во-вторых, через установление более гибкой системы выхода на пенсию. Современные пенсионеры, имея хорошее физическое состояние, стремятся продолжить свою профессиональную деятельность или включаются в сферу более или менее регулярных, больших или меньших приработков. Наряду с желанием <sup>Кть</sup> дополнительный источник доходов (с целью либо удержать благосостояние се-<sup>рг</sup> на привычном уровне, либо даже его повысить), пожилые люди отмечают значительное продолжения трудовой деятельности для поддержания социального статуса, соглашения социальных связей, налаживания новых знакомств, более полной реализации своих способностей.

В Складывается тенденция постепенного повышения возраста выхода на пенсию. Так, <sup>НЗентрин</sup> планируется в период между 2003 и 2007 годами увеличить возраст выхода ■ пенсию мужчин и женщин с 60 до 62 лет. Подчеркнем, что данный вопрос необходимо решать с учетом особенностей той или иной страны, с уже имеющимися половые различиями в пенсионировании. В России, как

известно, на пенсию мужчины могут исходить по достижении 60 лет, а женщины - 55 лет. Это один из самых низких порогов ■Окончания трудовой жизни. В индустриальных странах он выше на 5-7 лет. Однако [• ближайшей перспективе реальность повышения пенсионного порога маловероятна I\*связи с крайне низкой продолжительностью жизни населения. У мужчин она в 2000 го-> ду была ниже, чем официально установленный возраст их выхода на пенсию. В связи «этим, более актуальным представляется второй путь, а именно: введение политики установления пенсионного возраста, предусматривающей возможность прерывать и возобновлять трудовую деятельность по желанию индивида, что создаст условия для более равномерного сочетания семейных и профессиональных забот.

Многие социальные практики в той или иной степени включают в себя элементы эйджизма (дискриминации по возрасту). Так, именно современная социальная среда, социальное давление в виде практик исключения по возрасту, как при найме на работу, так и увольнении, провоцирует многих людей покидать работу в возрасте, когда они еще способны трудиться. Изменения в сознании пожилого человека вызываются действиями (происходящими или ожидаемыми) окружающих людей, в результате чего большинство 55-летних работников рассматривают свою карьеру как завершающуюся во многом благодаря социальному определению их роли. Они отказываются от возможности обучаться, потому что считают, как и все вокруг, что не успеют окупить затраты (деньги или усилия) в оставшийся, предположительно ограниченный, срок. В пятидесятилетнем возрасте профессионалы рассматривают свою карьеру как непредсказуемую и ограниченную во времени. Поэтому они начинают готовиться к уходу с работы <sup>9</sup>. Разработка системы профессиональных маршрутов для лиц пенсионного возраста, сохранивших трудовую и социальную активность, а также карьера в позднем возрасте, социальные механизмы карьерного продвижения пожилых людей - это новые предметные области социальной геронтологии. : ( .

. *Принцип социальной защищенности пожилого человека предполагает достойные условия его или ее существования: материальную обеспеченность, жилищные условия, правовую защиту, организацию свободного времени.* Обсуждая вопрос о гражданских правах, П. Абрахамсон приводит «Декалог гражданских прав» Дж. Фридмана с перечнем тех из них, которые прежде всего должны обеспечиваться современным обществом. Это профессиональная помощь при рождении, безопасное и здоровое жизненное пространство, адекватное питание, доступная медицинская помощь, качественное практическое образование, политическое участие, экономически продуктивная жизнь, защита от безработицы, достойная старость, приличные похороны <sup>10</sup>. Таким образом, среди приоритетных - право на достойную старость и приличные похороны. Для нынешней России значимой выступает проблема ограничения этих прав путем дискриминации от институтов социальной интеграции, приводящей к неоднозначным, противоречивым процессам, духовным диссонансам в геронтологическом секторе.

Речь идет о появлении следующих тревожных феноменов старческой преступности, суицидах пожилых и агрессии, направленной против них. «Старческая преступность» помимо экономических мотивов возникает из осознания своей ненужности, социальной заурядности, попыток обратить на себя внимание и проявляется, как правило, не в насильственных актах, а в антиобщественном поведении (кражи, печатание фальшивых денег, инициирование конфликтных ситуаций, попрошайничанье). И. П. Лотова приводит данные, свидетельствующие о возрастании правонарушений, асоциальных поступков среди пожилых людей. Не случайно с 1989 года органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации развивается сеть специальных учреждений, призванных оказывать содействие ресоциализации и адаптации престарелых девиантного поведения к новым условиям, к жизни на свободе ".

В исследованиях отечественных и зарубежных авторов по суицидологии отмечается еще один новый феномен - суицидоопасность пожилых людей, которую в значительной степени связывают с их изоляцией и отчужденностью. К этому добавляется и наличие в пожилом возрасте факторов, мотивирующих выбор суицидальной модели поведения (потеря родных и близких людей, дистанцирование от родительских обязанностей, утрата профессиональных и сужение социальных контактов, уменьшение восприимчивости к психологической помощи). Причем случаи суицидов в преклонном возрасте резко возрастают у женщин. И. Б. Орлова этот факт связывает с выполнением женщиной своих «обязательств перед природой» к этому возрасту, их место занимают ощущения ненужности, бесполезности, беспомощности <sup>11</sup>.

Пожилые люди все чаще становятся объектами агрессивного поведения. Отметим, что наряду с существованием различных посылов к агрессии, физические дефекты (в данном случае речь идет о физических маркерах старения, которые ассоциируются с дефектами) при прочих равных условиях могут провоцировать проявление враждебности. Кроме того, в контексте теории социального научения тиражирование с помощью средств массовой коммуникации социальных образцов агрессивного поведения, которые зачастую остаются безнаказанными, также инициирует агрессивное поведение в отношении пожилых людей, особенно одиноких. Насилие, по меткому выражению Ортеги-и-Гассета, становится не последним, а первым, на самом деле и единственным аргументом, что является охранной грамотой варварства. *Принцип регионализации геронтологической политики, призван учитывать разнообразие социально-демографических факторов, исторические, национальные и культурные особенности территории.* Совершенно ясно, что качественные и количественные характеристики процесса старения, благополучие пожилого человека зависят от многих социальных факторов, прежде всего от того, каков статус пожилого человека в обществе, от сложившихся отношений к старости. Положение представителей третьего возраста контекстуально. Оно внутренне вплетено в процесс изменений, происходящих в обществе. Таким образом, как мы полагаем, существуют определенные эмпирические индикаторы, позволяющие регистрировать социальный статус старости. К ним относятся геронтологическое измерение бедности; вовлеченность старших поколений в политическое пространство жизни общества, уровень участия старшего поколения в парламентах; геронтологическая составляющая безработицы; укорененность в общественном сознании геронтологических предрассудков, к примеру, культивация ведения домашнего хозяйства и воспитание внуков как основных добродетелей стариков; стигматизация Стариков как виновников сложной ситуации, тенденция приписывать им вину за жизненные неудачи, низкий социальный статус; представление о системе социальной помощи пожилым людям как о современной бочке Данаид (сколько туда не вкладывай, все будет мало); символический капитал пожилых людей в обществе, который связан с престижем, достоинством и тем влиянием, которым они обладают в рамках культурного пространства.

<sup>1</sup> Акоюн А. С. Демография и политика // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 39. <sup>1</sup>

*Демографическое старение населения Российской Федерации (по материалам Госкомстата России) // Вопросы статистики*. 2000. № 1. С. 60.

<sup>3</sup> Там же. С. 59.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>1</sup> Цихоцка М. Практические проблемы и теоретические схемы в польской геронтологии // *РЖ. Социальные и гуманитарные науки*. Серия 11. 1994. № 1. С. 92-94.

<sup>6</sup> Лотово И. П. Особенности социально-психологической адаптации престарелых к условиям проживания в стационарных учреждениях социального обслуживания // *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 1998. № 1. С. 26.

<sup>1</sup> Бородулин В. И., Карabut П. И. Психотерапия и особенности формирования терапевтической среды в условиях дома-интерната для престарелых инвалидов // *Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы*. 1998. № 1. С. 57.

<sup>8</sup> Попытки очертить определенные возрастные границы активности имеют давнюю историю. Так, М. Монтень в «Опытах» {*Мочтень М Опыты*: В 3 кн. М.: ТЕРРА, 1991. Кн. I. С. 498) описывает, что Сервий Туллий освободил всадников, достигших сорока семи лет, от военной повинности; Август снизил этот срок до сорока пяти лет. По мнению самого М. Монтеня, нет особых оснований отпускать людей на покой ранее пятидесяти пяти - шестидесяти лет.

<sup>1</sup> Греллер М. Старение и работа: человеческий и экономический потенциал // *Иностранная психология*. 1996. №7. С. 57.

<sup>10</sup> Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. №2. С. 160.

<sup>11</sup> Лотова И П. Особенности социально-психологической адаптации престарелых к условиям проживания в стационарных учреждениях социального обслуживания // *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 1998. № 1. С. 23.

<sup>12</sup> Орлова И. Б. Самоубийство - явление социальное // *Социологические исследования*. 1998. № 8. С. 72.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И ОХРАНА ДЕТСТВА В РИТОРИКЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В исследованиях социальной политики семья трактуется не как стабильный феномен, а как динамичный компонент общества, отражающий социальные, культурные, политические изменения. Усиливающаяся тенденция к модернизации семьи, вариативности ее форм и состава диктует, в свою очередь, необходимость переосмысления роли и функций семьи в обществе, а также создания новых механизмов государственного регулирования, контроля и участия. В этой главе будет осуществлен анализ семейной социальной политики как одного из направлений деятельности государства, нацеленной на снижение негативных последствий социально-экономических изменений, произошедших в России за последние пятнадцать лет, которые в значительной степени отразились на особенностях семейной жизни. Определения семейной политики могут быть типологизированы по степени ответственности государства за благополучие семьи. Это позволяет вскрыть несогласованность между декларируемыми целями и подходами к решению проблем семьи, с одной стороны, и мерами практической реализации поставленных целей - с другой. Предметом анализа выступает также соотношение политики охраны детства и семейной политики, поскольку именно семья предоставляет наиболее комфортные условия для рождения и воспитания детей. Глава включает обсуждение документов, определяющих идеологическую и практическую направленность семейной политике на уровне региона.

Современная российская семья, открытая глобальным влияниям, адаптируясь к социально-экономическим и политическим переменам, претерпевает значительные изменения, которые в сочетании с культурным разнообразием, различными образами и стилями жизни, особенностями взаимодействия с внешним миром обусловили возникновение различных моделей семьи<sup>1</sup>. Сегодня преобладающим типом российской семьи является простая семья, состоящая из супругов с детьми или без них, - 67 % семей. Еще 12 % супружеских пар живут с одним из родителей супругов или с другими родственниками. Сложных семей, включающих две или более супружеские пары, в семейной структуре всего 3,4 %. Постоянно возрастающую долю семей составляют неполные семьи - 13 %. В подавляющем большинстве случаев это семьи одиноких матерей, разведенных женщин и вдов с детьми, в которых один, реже два ребенка<sup>2</sup>.

Постепенный отход от традиционной патриархальной модели семьи заставил многих исследователей и политиков говорить о кризисе семьи<sup>3</sup> и даже об исчезновении семьи как социального института<sup>4</sup>. Анализ российской социальной политики в сфере семьи и детства, проведенный более десяти лет назад, позволил некоторым авторам выдвинуть предположение о наличии в стране «сознательной» политики, направленной на разрушение семьи<sup>5</sup>. Именно этим обусловлено усиление внимания к проблемам семьи на политическом уровне, артикуляция необходимости создания и реализации эффективной социальной политики как на федеральном, так и на региональных уровнях, что, в свою очередь, обусловило «колоссальный качественный прирост как в фундаментализации науки о семье, так и в развитии ее прикладной сферы»<sup>6</sup>.

Процессы глобализации и модернизации общества предполагают рост индивидуализации и свободы выбора для личности, что не может не отразиться на положении семьи, способствуя ее дальнейшей трансформации. Многие социальные феномены, шючая высокий уровень внебрачной рождаемости, миграции населения, повышение уровня бедности, количества разводов, изменение представлений о роли женщины, обостряют существующие социальные проблемы. Указанные тенденции заставили многих современных российских исследователей обсуждать идею кризиса семьи. Впрочем, еще П. Сорокин в работе «Кризис современной семьи» охарактеризовал кризис семьи как ослабление связей родителей и детей, союза супругов, как распад хозяйственного уклада.

С нашей же точки зрения, хотя в современном обществе и наблюдается некоторая напряженность в повседневной жизни семьи, нет оснований для диагноза кризиса, определяемого как резкий перелом в состоянии феномена к лучшему или худшему. III статистике, в семьях по-прежнему проживает 9/10 всего населения России, однако ли смену одним семейным формам приходят иные, с новым укладом жизни. Вместе «ем, утверждает И. Дементьева, как показывает практика, поиск альтернативных форм не приводит к отмиранию традиционной моногамной семьи<sup>8</sup>. -\*J Дискурс кризиса семьи, как представляется, в наибольшей степени связан с воспроизводством функционального подхода к семье<sup>9</sup>. Стремление усилить семью в исполне-юш традиционных экономических и социализирующих функций - задача современной «социальной политики в сфере семьи. В политической риторике все более настойчивыми\* становятся требования возрождения семьи как субъекта накопления собственности, основного агента социализации детей, аккумулятора и транслятора культурных ценностей. К примеру, Национальный план действий в интересах детей «Основные направления

государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года» делает акцент на необходимости поддержки семьи III «естественной среды развития детей» путем обеспечения «экономическими, социальными, правовыми и административными мерами права детей на жизнь в семье, поддержки возможностей семьи по воспитанию и содержанию детей, улучшения семейного образа жизни. Это предполагает развитие семьи на основе самообеспечения, стимулирования роста реальных доходов семьи, а также дальнейшее развитие системы основных социальных гарантий для семей с детьми»<sup>10</sup>. Тем самым семье, с одной стороны, делегируется большая самостоятельность и ответственность, а с другой - условий для реализации этой самостоятельности создается недостаточно.

^Ограниченность этого подхода заключается в том, что на основе идеализации ин-иппуга семьи без учета современных тенденций развития возможно создание неэффективной семейной политики, утопичной по своему характеру. Подобная ситуация в истории российского «политикотворчества» уже возникала: после революции 1917 года •шейная политика, провозгласив новые ценности свободы человека от всех семейных обязательств, не учла готовность общества к такого рода изменениям, Что привело к серьезным социальным Проблемам<sup>11</sup>. Идеология, выражаемая в целях и принципах, ресурсы, меры и эффективность социальной политики в сфере семьи должны стать предметом тщательного анализа, который бы основывался на анализе исторических особенностей, характере отношений, сложившихся между семьей, обществом и государством.

Определения семейной политики

Какие меры, предпринимаемые государством, попадают под определение семейной политики? Безусловно, действия, осуществляемые в сфере здравоохранения, образования и социальной защиты, в основном относятся к области семьи. В узком смысле сюда включаются меры, целью которых, прежде всего, является поддержка семей с несовершеннолетними детьми (выплаты и пособия, налоговые льготы); обеспечение льгот для работников, имеющих семейные обязанности (пособия по уходу за ребенком, больничные листы, декретный отпуск); создание системы дневного пребывания ребенка (детские сады, ясли, группы продленного дня, секции и кружки, летние лагеря); другие службы и льготы для семей с детьми в сфере социальной защиты, образования, жилищной политики, здравоохранения; законодательство, непосредственно нацеленное на семью (в том числе фиксирующее усыновление, разводы).

Государственная семейная политика может быть представлена как система целей, принципов и мер, реализуемых для обеспечения эффективности семьи как социального института. Создание эффективной и процедурно оформленной государственной концепции в этой сфере, как представляется, необходимо для четкого регулирования отношений семьи и государства. Семейная политика должна выступать в качестве общего принципа, который будет использован федеральными и местными правительствами для структурирования, финансирования и организации системы социальной защиты населения. Концепция государственных мер, направленных на регулирование системы семейных отношений, должна представлять научно-методический фундамент реальных технологий, отражая отношения между семьей как полноценным социальным субъектом и системой комплексной деятельности государства в отношении семьи<sup>12</sup>. При этом следует также помнить об определении границ семьи для решения проблемы допустимого вмешательства в ее внутренние дела. Попытки выработать универсальное определение социальной семейной политики, которое могло бы стать точкой отсчета для ее разработки и анализа, предпринимались отечественными авторами неоднократно<sup>13</sup>. Их подходы, как правило, подчеркивают направленность целей социальной политики на поддержку того или иного типа семьи. Типы семьи выделяются, согласно А. И. Антонову, на основании критерия «полезности» для общества. Полезным объявляется «тот основной тип, который конституирует собственно семью, успешно выполняющую специфические функции, в том числе например, по рождению и социализации детей»<sup>14</sup>. «Полезность» семьи для общества подчеркивается также и в определении семейной политики, как «комплекса практических мер, представляющих семьям с детьми определенные социальные гарантии, цель которых улучшить благосостояние и обеспечить функционирование семьи в интересах общества». Подобная дискуссия продолжается и за рубежом, однако фокус семейной политики все больше смещается в сторону заботы о благополучии всех типов семей вне зависимости от их «функциональности»<sup>16</sup>. Р. Титмус предлагает свое определение -как совокупности принципов, регулирующих деятельность государственных и негосударственных агентов, направленную на достижение специфических целей посредством обеспечения благосостояния семьи, минимального уровня доходов и реализацию меры

прогрессивного перераспределения ресурсов, чтобы добиться развития общества, реализуя таким образом принцип социальной солидарности<sup>7</sup>.

Принятая в 2000 году Концепция семейной политики Среднегорской области определяет «самостоятельное направление социальной политики, отражающее новое качество дортнерских отношений семьи и государства на основе их правового регулирования, предоставления семье реальных прав и государственных гарантий функционирования, обеспечения баланса интересов семьи - личности - государства, активизации семьи, „Пк источника собственного развития. Семейная политика... включает целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научно-Мтц пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий -«повышение качества жизни семьи. Концепция семейной политики основана на ггрин--дашиально новых положениях о функциональной сущности семьи в обществе; осуществляется на основе проведенных экспертных опросов, анализа результатов мониторинговых исследований, сравнения государственных моделей семейной политики»<sup>1В</sup>.

В зависимости от фокуса семейной политики и степени ответственности, принимаемой государством за семейное благополучие, Л. Хантрайз и Л. Ф. Хардинг<sup>19</sup> выделяют три типа семейной политики: эксплицитный, имплицитный и негативный. Эксплицитная семейная политика является самостоятельным направлением социальной ^.политики, содержащим четко прописанные меры, нацеленные на семью и подразумевающие акцент на социальной защите в решении широкого круга проблем семьи. Она основана на принципе перераспределения, отличается высоким уровнем социально-политического контроля за состоянием семьи. Имплицитная семейная политика принимает во внимание проблемы семьи, но при этом отдельная сфера семейной политики не создается. Предпринимаемые меры довольно избирательны. Негативная политика отвергает вмешательство в дела семьи, поэтому обосновывает отсутствие семейной политики, в то же время предпринимаются действия, которые в значительной степени влияют на семью.

Тип семейной политики определяется согласованностью концептуальных и идеологических принципов, которыми руководствуется государство, определяя характер отношений с семьей, с действиями, предпринимаемыми субъектами социальной политики в сфере обеспечения наиболее оптимального функционирования семьи. Несовместимость может объясняться в значительной степени конфликтом потребностей, с которыми имеют дело субъекты политики. Социальная политика в сфере здоровья, образования, занятости непосредственным образом влияет на дела семьи и может привести к конфликту между целями каждой из отдельно взятых сфер политики. В качестве примера можно привести конфликт между мерами социальной политики в сфере образования и охраны здоровья детей: система образования предлагает все новые и новые услуги, вводя гимназические, лицейские программы обучения, что увеличивает как физическую, так и моральную нагрузку на ребенка. Школьная среда зачастую не соответствует потребностям ребенка: на состояние здоровья детей школьного возраста неблагоприятное воздействие оказывает не только характер организации учебного процесса, его интенсификация, но и неудовлетворительные условия обучения, в том числе низкая температура в учебных помещениях, плохая вентиляция воздуха, несоответствующий дизайн школьной мебели. Такие условия, медики, в частности в Среднегорской области, связывают с резким повышением уровня заболеваемости детей школьного возраста (нарушения костно-мышечной системы, глазные и нервно-психические расстройства). В семейной политике, таким образом, должны быть четко разведены подходы к фундаментальным социальным проблемам. Применение этих подходов может вызвать также и незапланированные последствия как для семьи в целом, так и для отдельных субъектов.

Признание семьи в качестве центра общественной системы<sup>20</sup>, структурного базисного образования российского общества, основного ресурса «самореабилитации» характеризует эксплицитную направленность семейной политики, декларируемую как на федеральном, так и региональном уровнях. В то же время сфокусированность системы мероприятий на «специфических проблемах семьи, связанных с реализацией ее основных социальных функций: репродуктивной, экономической, жизнеохранительной, воспитательной»<sup>21</sup>, а также на обеспечении социальной защиты наиболее уязвимых групп населения свидетельствует об избирательности, имплицитности деятельности субъектов семейной политики. В связи с этим немаловажными представляются следующие соображения. Во-первых, из перечисленных выше проблем семьи, как свидетельствуют исследования, в качестве таковых самой семьей отмечается только наличие экономических проблем, ослабление же репродуктивной и социализирующей функций семьи вызывает озабоченность в

большой степени на государственном уровне в связи с ухудшением демографической и криминогенной ситуации в стране<sup>2</sup>. Во-вторых, эксплицитная семейная политика не ограничивается лишь социальной защитой семей, а также отдельных групп населения, находящихся в особо сложных жизненных обстоятельствах. Социальная защита представляет собой лишь одно направление из общей системы мер и играет вспомогательную роль. Отказ от принципа патернализма в отношениях между семьей и государством предполагает разработку адаптационных механизмов, активизирующих возможности семьи выступать не столько в качестве объекта, сколько субъекта семейной политики. Фиксация же на «проблемных» семьях и ориентация действий государства на решение таких проблем<sup>3</sup> не позволяют обеспечить комплексный подход в содействии благополучию семьи и соблюдения ее интересов.

Еще одним аспектом несоответствия риторики и практики реализации является признание многообразия форм семьи и брака<sup>2</sup> и определение семейной политики как «комплекса практических мер, предоставляемых семьям с детьми»<sup>25</sup>, что демонстрирует предпочтение государством традиционной формы семьи, призванной исполнить репродуктивную и социализирующую функцию «в интересах общества»<sup>26</sup>.

Охрана детства как компонент семейной политики

С начала 1990-х годов международной организацией ЮНИСЕФ издаются ежегодные доклады о положении детей в мире. Подготовка ежегодного государственного доклада о положении детей в стране была инициирована в 1990 году Российским детским фондом. С 1993 года этот доклад становится официальным государственным документом, нацеленным на информирование общества и государственных структур о положении детей в стране, тем самым представляя собой механизм экспертизы государственной социальной политики в отношении детства. Современная государственная социальная политика России в интересах детей начинает свое развитие с указа Президента РФ от 14 сентября 1995 года №942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года» (национального плана действий в интересах детей). В 1998 году принимается Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в основу которого включены многие положения и требования Конвенции о правах ребенка. По мнению независимых экспертов Российского детского фонда<sup>27</sup>, упомянутый выше указ не является фактом, свидетельствующим о наличии в стране политики в интересах детей, скорее, он декларирует намерения, ориентированные на ее создание.

Причина нашего интереса к «детской» политике заключается в определении соотношения политики охраны детства и семейной политики. Вопрос вычленения охраны детства в качестве самостоятельной сферы социальной политики имеет несколько аспектов. Первый касается определения статуса ребенка в современном обществе, что стимулирует многочисленные исследования социальных условий и проблем детства, атом числе и того, как оно конструируется общественным сознанием, научным и политическим дискурсом, отношением семьи и государства к детям. Степень воздействия социальных факторов, действующих в различные периоды развития ребенка, различается между социальными группами, от общества к обществу и с течением времени. Такие различия в значительной мере связаны с социальными изменениями, особенностями развития общества и ролью тех или иных возрастных групп. Роль государства в охране детства как альтернатива родительской заботе заключается во вмешательстве в отношения между родителями и детьми, в предписании определенных правил и норм, связанных с детским возрастом, контроль за соблюдением которых осуществляют управления народного образования, отделы по охране материнства и детства, действующие в системе министерств (департаментов) труда и социального развития, инспекции по соблюдению прав ребенка, комиссии по делам несовершеннолетних, а также различные негосударственные фонды и общественные организации. Рассматривая, какие меры социальной политики в сфере охраны детства являются приоритетными, насколько учитывается голос ребенка в принятии того или иного решения, мы получаем картину того, как дети воспринимаются агентами социальной политики, что характеризует, в свою очередь, статус и роль детей в обществе<sup>28</sup>.

. Состояние современной нормативно-правовой базы по проблемам детей в России отражает особенности переходного периода. Обилие декларативных положений, которым не должно быть места в многочисленных законах о проблемах детства, нивелирует замысел законодателей, создавая лишь видимость государственной заботы. Права российских детей отражены сегодня в более чем 140

законодательных и нормативно-Правовых актах, которые, как и многие другие законы, принятые в России, сегодня не исполняются или же выполняются не в полном объеме. Во-первых, принцип приоритета детства, декларируемый на всех уровнях власти, ни на одном из них не реализуется; во-вторых, интересы детей при разработке многих законов не принимаются во внимание; в-третьих, законодательные акты, регулирующие финансовые, налоговые, экономические, правовые решения, не учитывают последствий их принятия в сфере детства, а следовательно, по существу не содержат прогноза прямых и косвенных результатов своего действия в сфере детства. При этом ни один закон не рассчитан изначально на создание условий для улучшения положения детей, а органы исполнительной власти «а разных уровнях не выполняют эти законы во многом в силу неполной разработанности механизмов их реализации»<sup>29</sup>. Проблема эффективного контроля, способного повлиять на изменение ситуации, остается достоянием энтузиастов из представителей омбудсманов, негосударственных организаций, международных наблюдателей. На международном уровне такой контроль осуществляется Комитетом ООН по правам ребенка, а в России становление социального института уполномоченных по правам детей только начинается.

, В качестве инструмента общественного контроля за реализацией прав ребенка выступают ежегодные государственные доклады о положении детей в Российской Федерации, которые уязвимы для критики в следующих аспектах. Во-первых, в них отражаются только те данные о детстве, которые подлежат учету министерствами и ведомствами в соответствии с их функциональными обязанностями, в связи с чем существенно ограничивается спектр показателей, которыми измеряется положение детей. Реальные социальные проблемы, противоречия и нужды российских детей не получают своего отражения в тексте доклада, не обеспечивается конкретность, необходимая для принятия антикризисных мер. Во-вторых, доклады воспроизводят одни и те же рекуррентные проблемы в адрес местных органов самоуправления, которые относятся к анализу и принятию мер по обеспечению детям условий для полноценной жизнедеятельности, образования и развития, однако ни в ежегодных докладах, ни в иных публикациях не приводятся сведения о том, как эти рекомендации выполняются. В-третьих, аналогичным образом формулируются задачи Генеральной прокуратуры РФ в плане отслеживания по регионам соблюдения прав ребенка, но результаты этой контролирующей деятельности не приводятся. В-четвертых, государственный доклад издается небольшим тиражом и публикуется официальным печатным органом, как того требует статья 22 ■ Закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Наконец, государственный доклад систематически не привлекает материалы неправительственных общественных организаций, занимающихся проблемами детей, тем самым игнорируя важнейший ресурс развивающегося гражданского общества современной России<sup>3</sup>.

Принимая участие в подготовке доклада о положении детей Среднегорской области<sup>п</sup>, мы предлагаем следующие направления развития данного документа в будущем. Прежде всего, по данным доклада сложно представить реальное положение детей, поскольку акцент сделан на усредненных количественных показателях, предоставленных государственным комитетом по статистике. За редким исключением в докладе практически не представлена интерпретация приведенных данных, которые следует давать в динамике. Особенности положения детей и организация социальной защиты, образования в сельской местности по сравнению с городом не нашли отражения в данном документе. Вне поля зрения остались также многие острые проблемы, связанные с положением детей, в том числе, распространение теневых и криминальных форм детской занятости, включая попрошайничество и проституцию, рост детского алкоголизма, токсикомании, наркомании, количества ВИЧ- и СПИД-инфицированных детей и подростков. Руководители большинства локальных управлений труда и социального развития даже не артикулировали эти проблемы, указывая в своих материалах лишь «традиционные» проблемы детей-сирот, детей-инвалидов, приводя статистику детских и подростковых правонарушений. Безусловно, официально зарегистрированное число детей-сирот выше, чем число детей ВИЧ- и СПИД-инфицированных, а во многих районах не ведется статистика безнадзорных детей, вовлеченных в криминальную занятость, однако это не означает отсутствия данной проблемы и не снимает вопроса о необходимости организации соответствующей профилактической, образовательной и реабилитационной работы с детьми из таких групп. В докладе необходимо давать реальную оценку деятельности учреждений здравоохранения, социальной защиты и образования детей, а также учреждений, занимающихся охраной прав детства, важно было бы поставить проблему качества оказываемых услуг и профессионализма сотрудников соответствующих организаций.

Мы согласны с мнением независимых экспертов из Российского детского фонда, что детство - это не переходный статус, дети уже интегрированы в общество, в котором живут, а не пребывают в постоянном «режиме ожидания»<sup>32</sup>. Однако в современном обществе, в частности в России, дети не воспринимаются как индивиды, полностью ответственные за самих себя. Проявления детской самостоятельности в различных формах, в том числе их участие в теневой экономике и нелегальная деятельность (детский труд, отказ от образования, участие в военных действиях, бродяжничество, криминальная активность), трактуются миром взрослых в качестве острейших проблем, возникших в результате ослабления социализирующей функции семьи и требующих немедленного вмешательства. Дети рассматриваются как зависимые, уязвимые и нуждающиеся в защите существа, которых необходимо контролировать, их права признаются в ограниченной степени. Особый статус детей в государстве закреплен законами, которые с течением временем пересматривают свои положения в зависимости от изменения содержания понятия детства. Отметим, что важность этого вопроса и необходимость заботы о благополучии детей оказались на повестке дня государственного управления с момента признания данного возрастного периода в качестве значимой социальной группы. Ф. Арьес считает, что это фиксируется примерно в конце XVII века, когда в результате существенных изменений общественного сознания в Европе произошла изоляция детства, отделение мира детства от мира взрослости, «семья организуется вокруг ребенка, придает ему такое значение, которое выводит его из прошлой анонимности... возникает необходимость ограничить их [детей] количество, чтобы лучше о них заботиться»<sup>33</sup>. Изменения в отношении к детям происходили наряду с развитием системы образования и сопровождалось сокращением рождаемости, которое, как отмечает Ф. Арьес, началось уже с XVIII века. М. Фуко вносит ясность в рассуждения о причинах этой трансформации, говоря об экономической и демографической ситуации XVIII столетия, когда формируется «медико-административная» политика поддержания и воспроизводства трудовых ресурсов и детство наделяется экономическими и политическими характеристиками. При этом именно семье делегируется ответственность за воспроизводство полезного населения, а также обеспечивается ее полная подконтрольность перед государством<sup>34</sup>. Таким образом, семья в течение последних двухсот лет рассматривается как важнейший социальный институт, выполняющий функцию воспроизводства населения как экономико-утилитарную категорию. Вот почему такие перемены, как рост числа разводов, изменение семейных форм, норм и регламентов, вызывают большую озабоченность демографов и социологов. При этом дети представляют собой центральное звено семейной единицы. В связи с этим также уместен вопрос об изменениях и переменах образцов семьи и подходов к ее восприятию. Любые изменения и проблемы семьи немедленно влияют на ребенка. И здесь снова встает вопрос о роли государства во взаимоотношениях со своими гражданами. С одной стороны, как уже говорилось, государство должно иметь законную власть для вмешательства в отношения родителей и детей, в пользу чего высказываются те исследователи и общественные деятели, которые отмечают рост числа фактов насилия над ребенком в семье<sup>35</sup>. С другой стороны, существует опасность злоупотребления государством властью, чрезмерного вмешательства в частную жизнь семьи. С этой точки зрения она представляет собой своеобразный «бастион», противостоящий власти государства. Противостояние вмешательству государства во внутренние дела семьи, по мнению Л. Ф. Хардинг, возникает в обществах, где существует заметное недоверие населения в отношении авторитарной роли государственных учреждений<sup>36</sup>. Подобное отношение к государственной поддержке ярко проявляется в постсоветской России. Гражданское непризнание государства вследствие идеологического и политического пренебрежения ценностью самостоятельности семьи в советский период и воспроизводство бенефициарных «собесовских» ожиданий у значительной части населения в условиях перехода к рынку, как и повышение значимости приватной сферы в системе ценностей современных россиян способствуют все большему отчуждению семьи от государства. С этих позиций одной из наиболее важных задач государства в области охраны детства и семейной политики выступает накопление социального капитала органами социальной защиты, рост доверия со стороны населения, усматривающего роль государства в обеспечении льгот и заботы о материальном благополучии. Вместе с тем само преобладание в политической риторике государства прагматического и функционального подходов к ценности семьи сдерживает процесс формирования доверия к мерам социальной политики. Приоритетным направлением семейной политики как на государственном, так и на региональном уровне, таким образом, является обеспечение социальных гарантий и улучшение благосостояния семей с детьми, поскольку именно семья предоставляет

наиболее комфортные условия для рождения и воспитания детей, ей также приписывается роль связующего звена между удовлетворением индивидуальных потребностей семьи и обеспечением функционирования семьи в интересах общества<sup>37</sup>, а забота о благополучии ребенка выступает средством оправдания вмешательства государства в дела семьи.

При планировании мероприятий реализации социальной политики в сфере детства важно ответить на ряд вопросов. Первый вопрос (уже обсуждался выше): совпадение интересов семьи и общества, взглядов и представлений о «хорошем» и «плохом» воспитании. В каких случаях государство должно вмешиваться: когда ребенку уже нанесен вред или же когда возможно предотвращение вреда? Как определить уровень и источник вреда?

Второй вопрос: как государство может узнать, что процесс воспитания в семье неудовлетворителен и какими должны быть универсальные механизмы и процедуры оценки, поскольку власть государства должна распространяться на всех детей и родителей?

Третий вопрос связан с воспитанием детей в семьях, где недостатки воспитания являются следствием чрезмерной занятости родителей, недостатками их здоровья, низкого уровня образования, особенностей собственных переживаний в детском возрасте. Должно ли государство наказывать таких родителей, отнимая у них ребенка? В таких случаях необходимы основания для определения, не являются ли сами родители жертвами несправедливых социальных условий.

Четвертый вопрос: всегда ли действия, предпринимаемые государством, полезны и могут помочь, и возможны ли альтернативные виды заботы, которые могли бы обеспечить как государство, так и негосударственные организации? Так, помещение ребенка под опеку или в дом-интернат вследствие лишения родительских прав является сильным травмирующим опытом для ребенка, поэтому такое решение должно приниматься лишь в самых крайних случаях.

Эти и многие другие вопросы, связанные с определением характера отношений между семьей, детством и государством, далеко не однозначны. Попытки дать на них ответы предпринимались и в предыдущие годы.

Исторический обзор социальной политики в сфере семьи в России

Семья во всех ее проявлениях испытывала различное к себе отношение на протяжении всей советской истории. Почти полное отрицание брака и семьи (либерализация семейных форм, отказ от старой буржуазной семьи как экономической единицы общества и переход к новой советской семье, свободной во всех отношениях), снижение ответственности родителей за воспитание и обеспечение своих детей, декларация равноправия, которое обязывало женщину работать наравне с мужчиной, закреплялись в кодексах о браке и семье России 1918 и 1926 годов. Легитимация в 1917 году гражданского, а в 1926 году фактического брака, упрощение бракоразводной процедуры, распространение идей «свободной любви» и «обобществлении» жен создавали миф о новом статусе семьи и женщин<sup>38</sup>. Система социальной политики создавалась на основе отказа

типа благотворительности, заменявшегося идеей социального обеспечения, в которой сосредоточивалось на отдельных группах населения: инвалидах, бес-■их детях, пенсионерах, безработных, а основе социального обеспечения того времени была не семья как таковая: государственная поддержка осуществлялась в сфере охраны материнства и младенчества оказания хозяйственной помощи и выплаты пособий семьям красногвардейских по беременности и родам, на погребение умерших членов семьи<sup>39</sup>. Правовых вопросов государство ставило общественную ячейку с целью осво-« также и от бытовых функций посредством развития сети общественных питания, прачечных.

Пропагандировалась и частично проводилась в жизнь [естественного воспитания с самого раннего детства, что, по мнению Ю. Королева, ;емью ее основной функции - социализации<sup>40</sup>. Экспроприация недвижимости и перераспределение ее среди рабочего класса позволили говорить об успеш-4щной политике раннего послереволюционного периода. Утопическая природа юй политики первых лет советской власти, особенно в период военного ком-, проявляется в осуществлении дорогостоящих социальных мероприятий (бес-образование, медицинское обслуживание, питание для нуждающихся) в усло-альной нехватки средств. >иод НЭПа началась модификация социальной политики, которая стала ориен-ся на более реальные цели. С этого периода начинается государственная под-юждаемости, хотя общие параметры системы мер в поддержку семьи остались !И. С 1926 года законодательством предписывалась большая ответственность поддержку близких родственников, особенно это касалось родительской ответственности за воспитание детей, так как количество бездомных детей приняло недо-ие масштабы, ггие промышленности в 1928-40-х годах повлияло также на изменения в семье 1альном институте, была провозглашена ее ценность как основной

ячейки об-В результате были приняты несколько законов, усложнивших процедуру раз-годеляющих наказание за пренебрежение родительскими обязанностями, цщення уровня рождаемости были запрещены аборт, введены дополнитель-эбия для будущих матерей и главам больших семей. Продолжилось интенсификация системы дошкольного воспитания и бытового обслуживания с целью ос-нения женщины от домашней работы и наиболее полного вовлечения ее в произ-В основном все меры социальной, политики были подчинены интересам эконо-С 1935 года отмечается усиление внимание к семье из-за огромного числа де-1ВШИХСЯ без попечения родителей и проживающих в государственных учреж-штернатного типа. В этом же году был принят закон об уголовной ответствен-одителей, пренебрегающих своими обязанностями. Новое законодательство 1936 года ознаменовало крутой поворот государственной семейной политики ило сталинские рестриктивные стандарты в этой сфере на долгие годы, ая мировая война обозначила новые приоритеты государственной социальной и, сделав основными адресатами инвалидов и детей-сирот. Военные условия л сталинская логика делают семейное законодательство еще более жестким, войны Президиум Верховного Совета СССР (1944) отменил гражданские браки, еще более усложнил процедуру развода, запретил установление отцовства, а в свидетельстве о рождении ребенка, рожденного вне брака, в графе «отец» стали ставить прочерк. О. Хазова отмечает, что такие радикальные меры объяснялись необходимостью укрепления семьи, повышения уровня рождаемости и воспитания более ответственного отношения к семейным обязанностям, хотя на практике привели к воспитанию полового безответственности, росту криминальных аборт и материнской смертности<sup>41</sup>. Тогда же остро встал вопрос о неполной семье, получившей правовой статус и право на подЯ леожку со СТОРОНЫ государства<sup>42</sup>. Ш

В послевоенный период семейная политика направлена на улучшение демографичья ской ситуации: введены пособия для многодетных матерей, звание «мать-героиня» ДЛЯ имеющих 10 и более детей, были предприняты меры обеспечения детей - приняты щ коны об усыновлении, приемных семьях, стали интенсивно создаваться учреждений интернатного типа, в том числе военные и профессионально^ технические училища, которые выполняли важную функции^ социальной адаптации детей, оставшихся без попечения родителей. После войны нарушился половой состав населения; результатом чего стал рост числа внебрачных детей, что, pot мы отметили выше, косвенным образом поощрялось правительством: одиноким матерям выплачивались дополнительные пособия. Рождение детей вне брака в условиях мало-численности мужчин в послевоенное России улучшало демографическую ситуацию, вместе с тем статус одиноких матерей был очень низким. Правительством подчеркивалось, что воспитание детей — целиком и полностью родительский долг. Послевоенный период характеризовался постепенным В течение последующего времени в Советском Союзе семейная политика становилась все более направленной на поощрение идеологически значимых форм семьи, а также на социальную защиту наиболее уязвимых в экономическом смысле. Принимались многочисленные правовые нормы по вопросам многодетных семей, семей военнослужащих, одиноких матерей, семей с детьми-инвалидами, но семья как таковая с ее интересами и потребностями, обязанностями и изменениями оставалась в стороне от главного направления социальной политики. Опосредованное отношение к проблемам семейной политики имело лишь совершенствование пенсионной системы в начале 1960-х годов, которая была признана одной из лучших в мире<sup>43</sup>. Другим влияющим \ фактором стало повышенное внимание правительства к демографической ситуации, | в результате чего постоянно слышались призывы к многодетному материнству, несмотря на низкий уровень жизни советских граждан и острую жилищную проблему. Поощрение многодетного материнства сочеталось с легализацией аборт и артикуляцией задачи «гармоничного сочетания материнства с более активным участием женщин в трудовом процессе»<sup>44</sup>.

Развитие государственной системы воспитания в закрытых учреждениях привело к созданию основных форм осуществления заботы о ребенке, сохранившиеся до настоящего времени: опека (дети до 15 лет) и попечительство (15-18 лет); приемная семья; усыновление или учреждения интернатного типа. Наибольший интерес представляет существование института приемных семей, который наиболее интенсивно использовался в послереволюционный и послевоенный периоды, чтобы контролировать рост Числа бездомных детей. Несмотря на значительное количество одиноких матерей в послевоенный период, специальной системы их поддержки не существовало. Единственной привилегией было то, что одинокие матери получали незначительно большее по размеру пособие на ребенка и меньше платили за услуги детских садов и яслей<sup>45</sup>.

Социальная политика при социализме впервые в качестве приоритетных провозгласила программы, целью которых было преодоление неравенства по имущественному признаку, который учитывал различие в уровнях дохода и количестве детей в семье, однако большинство подобных программ было организовано и внедрено таким образом, что социальные аспекты превалировали над экономической и рыночной целесообразностью. Как отмечает Л. Ф. Хардинг<sup>47</sup>, социалистическая система всеобщего благосостояния может быть рассмотрена как часть социального контракта между режимом и людьми. Люди принимают режим, хотя он и не является результатом демократического изъявления людьми своей воли, а государство в ответ обеспечивает социальную безопасность, более или менее равное распределение доходов. Последнее скорее выступает в качестве демонстрации социальной справедливости, чем принципа социального благополучия.

Общественная и политическая практика советского периода смогла реализовать лишь идею юридического, формального гендерного равенства, что вступило в противоречие с повседневными практиками: идея равенства полов не стала органичной частью общественной и семейной культуры, ни реальной государственной политикой. Однако транслируемый на протяжении всей советской истории тезис о равенстве женщин и мужчин создал миф о равенстве и отсутствии дискриминации в отношении женщин<sup>48</sup>.

Социальная политика времен М. С. Горбачева предприняла попытку предложить "новый социальный контракт, более подходящий современным условиям. Новый контракт оставил некоторые старые экономические права, такие как гарантированная занятость, равное распределение доходов. Однако экономические проблемы России не позволили обеспечить гарантированное право на труд, и впервые после долгого перерыва встала проблема защиты тех, кто не мог работать или потерял работу. Более остро встал вопрос о низком уровне оплаты труда, ограничивающем, по мнению Л. Ф. Хардинг, развитие возможностей и способностей работников и их детей<sup>49</sup>. Только минимум служб и услуг, предоставляемых государством, могут быть бесплатными, дополнительные услуги или привилегии должны оплачиваться теми, чьи доходы это позволяют. Таким образом, впервые в социальной политике возникла идея адресной поддержки нуждающихся, которая в тот период не была реализована на практике. В условиях отсутствия гарантированной работы в «период Горбачева» были введены законы, направленные на поддержку семьи: нельзя было увольнять тех членов семьи, у которых двое или более иждивенцев; тех, кто является единственным кормильцем в семье; женщин с детьми. Причем наиболее строгие правила вводились в отношении женщин - беременных, кормящих и с детьми до 18 лет. Такие законы сделали женщин наиболее нежелательными работниками во многих отраслях экономики.

Политика Горбачева усовершенствовала систему выплаты детских пособий, что на первых этапах рассматривалось как меры, стимулирующие рождаемость. Однако с середины 1980-х годов политика была переориентирована в большей степени на снижение уровня бедности. Наибольшая доля многодетных семей с низким уровнем дохода приходилась на республики Средней Азии, Казахстана и Азербайджана, поощрять женщин этих республик на увеличение количества детей в семье было не нужно, поскольку многодетные семьи здесь - традиционное явление<sup>50</sup>. Совершенствование системы детских пособий также можно объяснить направленностью семейной политики на возвращение женщине ее истинного призвания, возрождение традиционной роли женщины как хранительницы семейного очага<sup>51</sup>. Дополнительные выплаты на детей были направлены также на то, чтобы матери не участвовали в общественном производстве и занимались воспитанием детей.

Вместе с тем принимались также и меры, чтобы облегчить женщине сочетание воспитания детей с занятостью в экономике: оплачиваемый декретный отпуск и неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком с сохранением рабочего места. Наличие детских дошкольных учреждений является очень важным для работающих матерей, особенно когда нет возможности оставлять ребенка с бабушкой и дедушкой. Наибольшее количество яслей, детских садов приходится на 1970-е. Пропорция детей, посещающих эти учреждения, быстро увеличивается с 13 % в 1960 году до 70 % в 1986. Услуги этих заведений были платные и зависели от уровня дохода семьи<sup>52</sup>.

#### Семейное законодательство

Официальная репрезентация семьи в различных государственных документах является важным индикатором признания государства в качестве легитимного социального актора, имеющего отношение к делам семьи. Рассмотрим, каким образом строятся отношения семьи и государства. Согласно Конституции Российской Федерации и Семейному кодексу Российской Федерации семейное законодательство находится в совместном ведении Федерации и ее субъектов.

Действующий в настоящее время Семейный кодекс РФ оставил неурегулированными многие вопросы, связанные с семейными проблемами: организация деятельности по опеке и попечительству, вопросы брачного возраста и возможности его снижения, реализация гарантий жилищных прав детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Таким образом, при принятии местного законодательства по вопросам семьи и детства неизбежны проблемы соотношения разрабатываемых и принимаемых правовых актов с уже существующими региональными законами, принятыми ранее и не учитывающими современных тенденций изменения социального контекста института семьи, требующих правового урегулирования, а также соответствия их федеральному законодательству. Одним из наиболее актуальных вопросов в этой связи является финансово-экономическое обеспечение правовых норм и гарантий, что дает возможность практического применения статей и норм закона. Федеральное законодательство, Конституция РФ не определяют семью. Содержание законов, однако, подразумевает, что государственные гарантии и социальная защита предполагаются только в отношении традиционной формы семьи, включающей супругов, состоящих в законном браке, и их законных или приемных (оформленных законодательно) детей. В особую категорию семей как наиболее неблагополучные выделены монородительские семьи, чаще всего это семьи одиноких матерей. Любая другая форма семьи (сожительство, семьи без детей, семьи пожилых, гомосексуальные союзы) не попадают в поле внимания действующего законодательства. Современный акцент семейной политики и семейного законодательства сохранил тенденцию, существовавшую в советский период: семья рассматривается прежде всего с точки зрения исполнения ею репродуктивной функции, поэтому большинство гарантий и мер семейной политики ориентированы на родителей, а не на супругов. Существующее семейное законодательство в большей мере регулирует имущественные, нежели личностные права и обязанности супругов.<sup>^</sup> Ограниченность современного семейного законодательства объяснима тем, что государство не до конца определило свое отношение к семье и границы вмешательства, поскольку при регулировании семейных отношений присутствует риск вторжения в су-*juris* частные вопросы жизни любого из членов семьи. Таким образом, закон выполняет охранительную функцию, декларируя намерение оградить семью от незаконных пося-*g*тельств извне, воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела семьи. Немаловажным вопросом в связи с этим является также проблема тендерного равенства, поскольку семья создает основу для формирования модели отношений между полами, которые в дальнейшем повлияют в значительной степени на активность личности в других сферах общественной жизни. Одним из наиболее серьезных недостатков Семейного кодекса 1995 года, как указывает О. Хазова, является отсутствие тендерного подхода<sup>53</sup>. Советский миф о достигнутом тендерном равенстве не позволил разработчикам закона инесть остроту проблем, связанных с реальным положением женщин в обществе и се-*F*(be, несоответствие между формальным равенством и фактическим неравенством женщин и мужчин.

I

[^емейная политика: региональный опыт

нВрактически на всех уровнях принятия решения время от времени раздаются призывы: *riiN&M* что-то нужно делать с семьей». Однако до настоящего времени проблемы семьи ^двусмысленно воспринимаются на региональном уровне: с одной стороны, власти поднимают необходимость сохранения и поддержания ее как социального института, с другой стороны, существуют препятствия правового свойства, как и недостаток ре-*G*Сурсов для осуществления вмешательства в жизнь этой ячейки общества. Такое поло-*'*женке дел, как представляется, отражает противоречие между приверженностью поли-*нтиков* функционалистской, утилитарной модели, влияющей на принятие решений по ^Офоблемам семьи, и необходимостью признания факта изменчивости форм семьи, что Южет повлечь за собой утрату механизмов государственного контроля над частной жизнью населения.

^ На протяжении десятилетий советской истории семья декларировалась в качестве [Чиновой ячейки общества, выступая мощным средством социального контроля, соответственно, не признавалась ни автономность семьи, ни плюрализм семейных форм, ^настоящее время внимание социальной политики в большей степени сосредоточено tott на семье, а на таких группах населения, как престарелые, инвалиды, безработные, внимание также уделяется детям, по той или иной причине лишенным семейного окружения (сиротство или так называемое социальное сиротство, то есть отсутствие родительской заботы при живых родителях, «отказные» дети). Проблемы семьи, включающие целый спектр отношений (супружеские, родительские, отношения между поколениями), не

относятся к приоритетным направлениям как государственной, так ^региональной семейной политики, поскольку приоритетность мер семейной политики определяется на основе оценки остроты и значимости проблем семьи, степени их влияния на реализацию основных функций семьи, учитывая при этом ограниченность 'финансовых и ресурсных возможностей государства»<sup>м</sup>, попадают в поле внимания государственных социальных служб только в том случае, если они начинают представлять опасность для того или иного члена семьи либо если финансовое положение семьи квалифицируется как неудовлетворительное, то есть в том случае, когда доходы семьи находятся ниже прожиточного минимума. Принятая в 2000 году Концепция семейной политики Среднегорской области переосмысливает подходы к решению проблем семьи и детей, представляет собой систему целей, принципов и механизмов содействия основным процессам жизнедеятельности семьи, создания условий для ее нормального функционирования. Эта концепция включена в практическую деятельность исполнительных органов Среднегорской области. Необходимость разработки концептуальных оснований в рассматриваемой сфере обусловлена еще и необходимостью координации деятельности различных управлений и ведомств, деятельность которых прямо или косвенно связана с решением проблем семьи. Оптимизация системы межведомственной профессиональной помощи семье позволит снизить конфликты между практиками достижения целей того или иного ведомства, о которых упоминалось выше. Ответственность за обеспечение служб, оказывающих услуги в этой сфере, разделяется с неправительственными организациями, финансируемыми за счет отечественных и зарубежных фондов. Федеральный уровень формулирует основные принципы социальной политики, однако наиболее эффективное решение проблем, с которыми семья не может справиться самостоятельно, возможно только на местном уровне, где принципы государственной семейной политики развиваются с учетом региональной специфики. Кроме того, именно регионы и местные администрации создают систему социальных служб, призванных обеспечивать необходимую социальную поддержку. Федеральный бюджет распределяет средства, нацеленные на решение семейных проблем, между различными министерствами. Местный бюджет, выделяя средства на поддержку семьи (в ограниченном объеме), также распределяет их между областными управлениями и ведомствами, стимулирует негосударственные организации (например, профсоюзные фонды) инвестировать средства на нужды детей и семьи в целом. Из местных же источников финансируется организация системы новых сервисов.

Распределение между управлениями сфер интересов семьи приводит к необходимости создания системы взаимодействия и координации усилий. Управление труда и социального развития контролирует вопросы, связанные с выплатой пособий матерям, детям, инвалидам, пожилым, контролирует ряд таких учреждений социальной защиты, как дома-интернаты для престарелых и инвалидов, реабилитационные центры для детей-инвалидов, несовершеннолетних, приюты для детей, лишенных родительского попечения и страдающих от дезадаптации, районные центры социального обслуживания, органы опеки и попечительства. Управление образования контролирует систему образования, детские сады (дети от трех до шести лет), интернаты для детей-сирот, детей, лишенных родительского попечения, имеющих инвалидность или задержки развития. Управление здравоохранения имеет в своем подчинении детские ясли (дети до трех лет), дома ребенка (сироты от рождения до трех лет). Управление внутренних дел несет ответственность за контроль и профилактику правонарушений, в том числе детских и юношеских.

Таким образом, в существующей системе семейной политики семья с ее проблемами не воспринимается как единое целое, ответственность за различные стороны ее жизнедеятельности распределена между многочисленными агентами. Это создает трудности как для самой семьи в получении помощи со стороны государства и местных властей, так и для самих органов власти при координации усилий осуществления поддержки. Именно поэтому одним из основных направлений реализации семейной политики выступает развитие традиционных и создание новых форм содействия семейному благополучию, формирование сети социальной поддержки, укрепление ресурсной системы семьи на всех уровнях. Имеются в виду такие уровни, как индивидуальный, \* ближнее окружение, система профессиональной помощи, информационное пространство, законодательство и социальная политика. На индивидуальном уровне должны быть развиты службы семейного консультирования, программы оздоровления внутри-<sup>f</sup>семейных отношений, сети услуг членам семьи с особыми потребностями. На уровне

"■ближайшего окружения меры социальной защиты связаны с активизацией родственных, дружеских, соседских связей и отношений по работе. Система профессиональной помощи означает совершенствование координации услуг социальных, медицинских, образовательных и юридических учреждений. Информационное пространство обеспечивает информирование семьи и ее членов о правах, обязанностях и возможностях, влияет на общественное мнение через средства массовой информации по проблемам семейной политики, развития гражданской инициативы и равенства прав. На уровне законодательства и социальной политики ожидается разработка законодательных инициатив, а также мониторинг исполнения мер семейной и социальной политики. Кон-

цепция семейной политики основана на принципиально новых положениях о функциональной сущности семьи в обществе. Она осуществляется на основе проведенных экспертных опросов, анализа результатов мониторинговых исследований, сравнения государственных моделей семейной политики.

Однако социальная политика не должна ограничиваться декларацией направлений, подходов и принципов. Для разработки эффективной системы мер реализации концепции семейной политики была создана рабочая группа из представителей областных управлений и ведомств, деятельность которых связана с решением проблем семьи. Кроме того, для адекватной оценки положения в этой сфере были привлечены специалисты из районных и сельских учреждений социальной защиты, поскольку значительная часть населения Среднегорской области проживает в сельской местности. Анализ статистической информации о положении семьи представляется важным инструментом для создания эффективной системы мер. Он позволяет артикулировать наиболее актуальные проблемы, нуждающиеся в первоочередном решении. Изучение положения детей и семьи в Среднегорской области, а также обзор имеющихся социальных служб и их деятельности выявили наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются семьи Среднегорской области. Среди них, как и в целом по России, наиболее острыми являются бедность, жилищные проблемы, сокращение рождаемости, ухудшающееся качество дошкольного и школьного образования, детская инвалидность и сиротство, в том числе социальное, распространение ВИЧ-инфекции и наркомании, особенно среди подростков и молодежи, рост детской и подростковой преступности, низкая доступность квалифицированной социальной помощи в сельской местности.

Система мероприятий по реализации концепции семейной политики, разработанная Управлением по труду и социальному развитию Среднегорской области в 2000 году, как оказалось, не в полной мере отвечает приоритетам концепции. Распределение финансирования в области, к сожалению, отражает общероссийскую тенденцию, когда социальным аспектам преобразований уделяется недостаточно внимания, при этом учитывается «ограниченность финансовых и ресурсных возможностей государства»<sup>56</sup>, асоциальная политика, необходимая для улучшения качества жизни и соблюдения прав человека, воспринимается как второстепенная задача по сравнению с экономическими аспектами функционирования общества. Программа мероприятий реализации семейной политики включила в себя лишь те меры, на выполнение которых заложены бюджетные средства. Рассмотрим некоторые примеры мероприятий из программы реализации семейной политики, многие из которых продолжают использоваться вне зависимости от их эффективности и уместности в современных условиях. Так, например, совершенствование системы выплаты детских пособий декларируется в программе в качестве меры, направленной на «стимулирование рождаемости». С нашей точки зрения, причины «малодетности» семей более фундаментальны и решение проблемы сокращения численности населения только с помощью пособий и льгот невозможно. Создание же прочих условий для реализации данной задачи, например совершенствование жилищной политики, в предлагаемой программе не предусмотрено вообще. А совершенствование поддержки студенческих семей здесь предусматривается при помощи организации регулярных смотров-конкурсов студенческих общежитий.

Совершенствование законодательной базы семейной политики, предполагающее нормативно-правовое регулирование вопросов социальной защищенности семьи и детей, является, безусловно, необходимым условием эффективности мер семейной политики, однако на этом пути существует несколько проблем. Так, различные управления и ведомства предлагают на обсуждение в законодательный орган области различные правовые документы, которые, к сожалению, не всегда выносятся на предварительную публичную дискуссию с привлечением ученых, представителей заинтересованных негосударственных организаций и гражданских ассоциаций. В результате велика

вероятность принятия документов, не учитывающих глубины проблемы и характера влияния, которое может оказать принимаемое решение на феномены, сопровождающие ту или иную проблему.

Примером такого документа может служить проект муниципальной целевой программы развития наркологической службы Среднегорска на 2001-2005 годы, который обсуждался в 2001 году экспертами различных ведомств. В этом проекте предлагалось ввести «практику ответственности за совершение действий, наносящих ущерб собственному здоровью (употребление наркотиков, алкоголя). В случае несовершеннолетия нарушителя, уголовную ответственность должны нести его/ее родители». Содержание программы свидетельствует о подходе к решению проблемы жесткими методами, что подтверждает употребление таких оборотов, как «личная ответственность граждан при наркологических заболеваниях», «насаждение культа здоровья», «межведомственная комиссия как авторитарный орган». Использование репрессивных методов работа сданной категорией населения, как показывает отечественный и зарубежный опыт, приводит лишь к росту числа людей, испытывающих зависимость от психоактивных веществ, употребляющих алкоголь и наркотики. Кроме того, такие практики способствуют повышению уровня преступности в обществе. Медицинский подход, трактующие наркозависимость как «заболевание», для «лечения» причин и симптомов которого необходимо принимать столь радикальные меры, вступает в явное противоречие и с основным принципом медицины - принципом гуманности, и с международными нормами в отношении соблюдения прав человека.

Улучшить материальные условия жизнедеятельности семьи и поддержать малоимущие семьи планируется в основном через совершенствование политики занятости выплату пособий и решение демографических проблем. Безусловно, демографическая ситуация в Среднегорской области, как и в целом по России, тревожна. Негативные демографические тенденции зависят от множества факторов, но контекст предлагаемых мероприятий таков, что улучшение ситуации может произойти за счет повышения уровня благосостояния семьи, благодаря получению семьей пособий и льгот, хотя по казатели материального благополучия и уровня рождаемости, как известно, не напрямую не всегда коррелируют между собой. Мировой опыт показывает, что многие страны с высоким уровнем жизни характеризуются низким уровнем рождаемости. Другой мерой, предлагаемой для улучшения демографической ситуации в области, выступает разработка и реализация программы по охране репродуктивного здоровья. Здесь, конечно, есть некоторая опосредованная связь, но количество людей, страдающих бесплодием невелико, кроме того, к позитивным тенденциям в области относится снижение младенческой смертности и количества аборт.

<sup>[1]</sup> В число приоритетных направлений системы социальной и медико-психолого-педагогической помощи семье входят: совершенствование системы подготовки детей {Подготовка подростков к семейной жизни; развитие разнообразных форм психологического просвещения родителей, повышение их культурно-образовательного уровня; содействие интеграции инвалидов в общество, а также внедрение в образовательный процесс средних школ программы по формированию здорового образа жизни. Данная программа, разработанная Среднегорским областным центром планирования семьи, в качестве эксперимента уже внедрена в некоторые школы. Здесь возникает проблема, которую мы обсуждали выше, - отсутствие публичной, в том числе научной, дискуссии вокруг реализуемых программ и дефицит их квалифицированной экспертизы. Между тем преобладание медико-педагогических подходов и игнорирование социальных и культурных аспектов, отсутствие квалифицированных преподавателей вызвали негативную оценку программы у учеников школ и их родителей.

Меры по охране репродуктивного здоровья населения, материнства, отцовства, детства предполагают создание благоприятных условий для рождения и воспитания здоровых детей: витаминизация беременных, обеспечение бесплатного проезда беременных из сельской местности в женскую консультацию. Совершенствование деятельности медицинских учреждений также должно способствовать созданию благоприятных условий для рождения здоровых детей, однако предлагаемая программа не конкретизирует направленность таких мер. Мероприятия, планируемые для профилактики и лечения наркомании и алкоголизма, носят ограниченный характер и не соответствуют масштабу проблемы.

К сожалению, в программе мер по реализации семейной политики не нашли отражения такие важные элементы, как образовательная политика, действия, планируемые для улучшения системы дошкольного образования, политика в сфере здравоохранения, связанная не только с проблемами

репродуктивного здоровья, жилищная политика. «Водягаемая программа ориентирована на решение проблем, которые существуют сейчас», ориентация на превентивную работу представлена достаточно ограниченно». Таким образом, региональная семейная политика не смогла выйти за рамки «Вричений государственной семейной политики, с одной стороны, декларирующей «преодоления негативных тенденций и стабилизации положения семьи, создание предпосылок для улучшения ее жизнедеятельности в будущем», с другой стороны, снимающей с себя ответственность за будущее благополучие семьи». «Вьюскольку, «учитывая невозможность разработки конкретных мер государственной политики без детальной оценки социально-экономической ситуации, которая сложится в условиях стабилизации и подъема, Основные направления государственной и семейной политики включают в себя только неотложные мероприятия на переходный период»<sup>51</sup>. Именно в таком подходе коренится ограниченность мер социальной политики внедряемой в рамках обсуждаемых подходов: фокусируясь на видимых аспектах той или иной проблемы, вне поля внимания и, следовательно, практической деятельности остается множество причин, сохранение которых будет воспроизводить проблему вновь и вновь. В то же время отметим, что профилактические программы в регионе развиваются весьма интенсивно в последние годы. Большая часть превентивной деятельности, организуемой в Среднегорске и крупных районных центрах, направлена на работу с подростками для предотвращения таких проблем, как алкоголизм, наркомания, преступность, внебрачные сексуальные связи и, как следствие, венерические заболевания, ранняя беременность и СПИД. Эта работа осуществляется в основном общественными негосударственными организациями. Благодаря финансированию таких программ в регионе реализуются образовательные и информационные инициативы в школах, средних специальных учебных заведениях, организуются акции, распространяются информационные материалы и организуются консультативные центры, а также дневные стационары.

К сожалению, местный бюджет в большинстве случаев не оказывает финансовой поддержки дальнейшему развитию программ, даже доказавших свою состоятельность и продемонстрировавших финансовое преимущество перед другими бюджетно-финансируемыми видами деятельности. Среди причин блокирования инициатив в ряде случаев выступает конфликт интересов различных ведомств, рассматривающих предлагаемые альтернативы социальных программ как конкурентные и покушающиеся на полномочия этих ведомств. Например, затраты государства на содержание одного ребенка в фостерных семьях в несколько раз ниже затрат на содержание ребенка в интернате. Проблема же устройства детей-сирот и социальных сирот чрезвычайно остра: в Среднегорской области зарегистрирован значительный рост числа детей, оставшихся без попечения родителей. Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые в этом направлении (работа по передаче детей под опеку, усыновление), основной формой устройства детей-сирот по-прежнему является помещение их в дома-интернаты, хотя воспитание в закрытом учреждении во многом ограничивает развитие ребенка. В то же время помещение детей в фостерные семьи как говорилось выше, не только экономически более выгодно для местного бюджета но и предпочтительнее с гуманистических позиций, поскольку обеспечивает более комфортную среду для развития ребенка, что и декларируется в качестве основной цели государственной семейной политики. Среди причин, ограничивающих развитие института фостерных семей, некоторые эксперты называют незаинтересованность управления образования, в чьем ведении находятся центр по усыновлению, детские дома и школы-интернаты. Одна из точек зрения на эту проблему состоит в том, что здесь играют роль влиятельные группы интересов, представленные директорами интернатов опасющимися за свое финансирование. Такого рода противоречия поднимают множество вопросов, которые не нашли отражения ни в современной российской концепции семейной политики<sup>58</sup>, ни в программе мероприятий по реализации семейной политики Среднегорской области. Должны ли меры различных сфер социальной политики концентрировать усилия социальной поддержки на тех семьях, которые представляют собой такие традиционные семейные ячейки, как, например, брачные пары и их законные дети, или же следует признавать таковые новые семейные формы, как сожителство и монородительство? Другими словами, стоит ли пытаться остановить изменения или признать за такими семейными формами права на существование? Должна ли семейная политика оказывать влияние на размер семьи или время рождения ребенка? Должна ли семейная политика быть универсальной, применимой ко всем семьям или же должна выступать в форме социальной солидарности и, будучи избирательной, помогать только тем семьям, которые нуждаются в помощи в

наибольшей степени? Должны ли меры социальной политики быть сфокусированы на отдельном человеке или же на семье в целом?

Отсутствие четко определенных социальных стандартов оценки качества жизни населения и эффективности мер, предпринимаемых субъектами социальной политики, несовершенство терминологии и ограниченность сложившегося в системе социальной политики определения семьи как получателя социальной помощи создает трудности Идентификации тех, на кого эта помощь могла бы распространяться. Поскольку термин «семья» не имеет юридического статуса, так как ее определение отсутствует в семейном кодексе и других законодательных актах, наряду с этим понятием целесообразно использовать термин «домохозяйство». Он широко используется в демографических, экономических, социологических, статистических подсчетах, при разработке системы мер адресной помощи и может быть востребован в работе консультативных служб и центров социального обслуживания. Понятия «домохозяйство» и «семья» имеют область пересечения, но не идентичны друг другу. Если в домохозяйстве проживает не- $f$  сколько семейных единиц, то каждая из них может стать индивидуальным клиентом  $\wedge$ (получателем) социальных услуг ввиду специфики социальных проблем, испытываемых каждой конкретной единицей. Примеры таких домохозяйств представлены коммунальной квартирой, расширенными многопоколенными семьями, компаньонствами, или объединениями отдельных граждан, пар и семей с экономическими и иными целями, в том числе в общежитиях.

Эти и множество других вопросов возникают при планировании и реализации политики, поскольку вряд ли можно с уверенностью говорить о том, что именно, когда и каким образом государство должно делать в отношении политики охраны детства и поддержки семьи. К сожалению, утвержденная программа мероприятий по реализации семейной политики в регионе не предоставила ответы на эти вопросы. Во многом предлагаемые мероприятия носят имплицитный характер, вступая в противоречие с эксплицитностью самой концепции семейной политики. Таким образом, «новое качество партнерских отношений семьи и государства на основе их правового регулирования, предоставления семье реальных прав и государственных гарантий функционирования, обеспечения баланса интересов семьи - личности - государства, активизации субъектной роли семьи»<sup>59</sup>, провозглашенные Концепцией семейной политики не нашли практического воплощения, поскольку эти мероприятия отражают потребности и возможности субъектов семейной политики, среди которых сама семья представлена недостаточно. Усиление государственной семейной политики сопровождается расширением и углублением воздействия государства на семью <sup>60</sup>, однако механизмов, обеспечивающих правовые гарантии суверенитета семьи, реальные интересы и условия существования конкретной семьи, так и не было предложено, что не позволяет говорить о балансе семейных и общественных интересов. С другой стороны, привлечение внимания к проблемам семьи, усовершенствование терминологии, признание многообразия форм семьи, попытки учета особенностей социального положения, интересов семьи родителей и детей, координация усилий различных управлений и ведомств по обеспечению благополучия семьи являются основой для создания эффективной семейной политики, учитывающей баланс интересов личности, семьи, государства и общества.

#### Выводы

Семейная политика задает область специфической деятельности, осуществляемой на федеральном и региональном уровнях, а предпринимаемые меры должны влиять на семейные ресурсы и опосредованно на семейную структуру. Принятая в 2000 году Концепция семейной политики Среднегорской области определяет семейную политику как «самостоятельное направление социальной политики, отражающее новое качество партнерских отношений семьи и государства на основе их правового регулирования предоставления семье реальных прав и государственных гарантий функционирования обеспечения баланса интересов семьи, личности и государства, активизации субъективной роли семьи».

Роль государства в охране детства как альтернативный путь родительской заботы заключающаяся во вмешательстве в отношения между родителями и детьми, в предоставлении определенных правил, связанных с детством, может многое сказать относительно статуса детства в обществе, как дети воспринимаются агентами социальной политики и, как следствие, какие меры социальной политики в сфере охраны детства являются приоритетными. 1

Продолжающиеся социально-экономические преобразования в России преследуют одновременно несколько целей: развить рыночные механизмы хозяйствования, обеспечить социальные гарантии,

поднять уровень благосостояния населения и создать демократическое общество. Одним из аспектов этого процесса, наряду с либерализацией I экономики, является процесс децентрализации, передачи ответственности за характер принимаемых решений на уровень регионов, уменьшение роли государства при решении местных проблем. К сожалению, социальным аспектам преобразований нередко уделяется недостаточно внимания, а социальная политика, необходимая для улучшения условий жизни в обществе, и проблема соблюдения прав человека воспринимаются как : второстепенные по сравнению с экономическими проблемами. Финансирование социальной сферы по остаточному принципу сдерживает развитие сети социальной поддержки и воспроизводит недоверчивое отношение к возможностям государственных учреждений решить социальные проблемы семьи. Вместе с тем обеспечение адекватных социальных условий и соблюдение прав человека являются одними из основных признаков демократического общества. Достичь этого можно только в условиях гражданского общества, поэтому особенно актуальным, на наш взгляд, является развитие системы публичного обсуждения социально-политических программ, законодательных актов и иных документов, влияющих на жизнь очень многих людей. Лишь критический анализ таких документов учеными, специалистами-практиками, заинтересованными представителями общественных организаций, правозащитниками создаст предпосылки демократических процедур выработки социальной политики.<sup>1</sup> Дементьева И. Ф. Первые годы брака. Проблемы становления молодой семьи. М.: Наука, 1991.

<sup>3</sup> Основные направления государственной семейной политики, утвержденные указом Президента ( Российской Федерации от 14 мая 1996 года № 712.

<sup>3</sup> Антонов А. И. Кризис или возрождение // Семья и школа. 1989. № 1. С. 33-38; Арутюнян М. Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами II Семья и социальная структура. М., 1997; Бестужев-Лада И. В, Ступени к семейному счастью. М.: Мысль, 1996; Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998; Сорокин Я. «Кризис современной семьи» //Ежемесячный журнал для всех. 1992. № 2, 3; Сорокин П, Человек. Цивилизация. Общество. М.: Республика, 1992.

<sup>4</sup> Социальный потенциал семьи. М.: Мысль, 1988; Lash C. The Family as a Haven in a Headless world // Skolnik A. S., Skolnik J. H. Family in Transition: Rethinking Marriage, Sexuality, Child Rearing and Family Organization. Boston; Toronto: Auburn House, 1986.

<sup>5</sup> Социальный потенциал семьи. М.: Мысль, 1988. С. 32.

<sup>6</sup> Смирнова Е. Р. Семья нетипичного ребенка: Социокультурные аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. С. 9.

<sup>7</sup> Кузьмин А. И. Концептуальные подходы к исследованию жизнедеятельности семьи // Семья в России. 1996. № 1. С. 23. <sup>8</sup> Дементьева И. Ф. Первые годы брака. М.: Наука, 1991. С. 19.

<sup>9</sup> См. об этом: Ярская-Смирнова Е. Р. Проблематизация семьи в социологии // Рубеж. 1998. № 12. С. 71-87; Она же. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. - Указ Президента России от 14 сентября 1995 года № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)». -<sup>1</sup>См.: Антология социальной работы: В 3 т. М.: Сварог-НВФ СПТ, 1994. Т. 1: История социальной помощи в России.

<sup>11</sup> Концепция семейной политики Среднегорской области на 2001-2005 годы.

<sup>13</sup> См. об этом: Дармодехин С. В. Семейная политика Российской Федерации: от оценки состояния к формированию стратегии // Семья в России. 1996. № 2. С. 5-16; Кузьмин А. И. Концептуальные подходы к исследованию жизнедеятельности семьи // Семья в России. 1996. № 1. С. 14-30; Холостова Е. И. Социальная политика. М.: Соц.-технол. ин-т, 2000.

<sup>14</sup> Антонов А. И. Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Наука, 1995. С. 183-184.

<sup>15</sup> Холостова Е. И. Социальная политика, М.: Соц.-технол. ин-т, 2000. С. 211.

<sup>16</sup> Hantrais L. Social Policy in the European Union. London; New York: Macmillan, 1995; Harding L.F. Family, State and Social Policy. London; New York: Macmillan, 1996; Lash C. The Family as a Haven in a Headless world // Skolnik A. S., Skolnik J. H. Family in Transition: Rethinking Marriage, Sexuality, Child Rearing and Family Organization. Boston; Toronto: Auburn House, 1986.

<sup>17</sup> Цит. по: Hantrais L., Letablier M.-T. Families and Family Policies in Europe. London; New York: Longman, 1998. P. 45.

<sup>11</sup> Концепция семейной политики Среднегорской области на 2001-2005 годы.

"Hantrais L. Social Policy in the European Union. London; New York: Macmillan, 1995; Harding L. F. Family, State and Social Policy. London; New York: Macmillan, 1996. "Холостова Е. И. Социальная политика. М.: Соц.-технол. ин-т, 2000. С. 214. <sup>11</sup> Там же. С. 212.

<sup>72</sup> Кукушкин М. А. Конфликт в семье как проблема социализации индивида // Защита интересов семьи и прав несовершеннолетних Самара: Самар. ун-т, 2000; Михайлина М. Ю. Социокультурная адаптация депривированных детей // Социокультурные проблемы нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997; Ловцова И. И. Положение детей и семейная политика Саратовской области: возможно ли снижение социального неравенства? // Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. Саратов: СГТУ, 2001.

<sup>33</sup> См.: Указ Президента РФ от 14 мая 1996 года № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики». <sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Холостова Е. И. Социальная политика. М.: Соц.-технол. ин-т, 2000. С. 211.

<sup>26</sup> Там же. С. 216.

<sup>27</sup> Дети России на пороге XXI века. Независимый доклад Российского детского фонда о положении и реализации конвенции о правах ребенка в Российской Федерации // Дитя человеческое. Взрослым о детях. Спец. выпуск. № 4-5-6. 2000. С. 8-10.

<sup>28</sup> См.: Щеглова С. И. Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к взрослости // Молодежь 97: надежды и разочарования. Кн. 1. М., 1997. С. 157-166.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Дети России на пороге XXI века. Независимый доклад Российского детского фонда о положении детей и реализации конвенции о правах ребенка в Российской Федерации // Дитя человеческое. Взрослым о детях. Спец. выпуск. № 4-5-6. 2000. С. 16.

<sup>31</sup> Доклад о положении детей в Среднегорской области. Аналитический доклад за 2000 год.

<sup>32</sup> Дети России на пороге XXI века. Независимый доклад Российского детского фонда о положении детей и реализации конвенции о правах ребенка в Российской Федерации // Дитя человеческое. Взрослым о детях. Спец. выпуск. № 4-5-6. 2000. С. 6.

<sup>33</sup> Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999. С. 10-11.

<sup>34</sup> См.: Foucault M. The Politics of Health in the Eighteenth Century // Power knowledge: Selected Interviews and other writings 1972-1977 by Michel Foucault / Ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 1980.

<sup>35</sup> Кукушкин М. А. Конфликт в семье как проблема социализации индивида // Защита интересов семьи и прав несовершеннолетних Самара: Самар. ун-т, 2000; Ловцова И. И. Положение детей и семейная политика Саратовской области: возможно ли снижение социального неравенства? // Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. Саратов: СГТУ, 2001.

<sup>w</sup> Harding L. F. Perspectives in Child Care Policy. London; New York: Longman, 1997. P. 48. <sup>37</sup> Указ Президента РФ от 14 мая 1996 года № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики».

<sup>38</sup> См.: Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 8-9.

<sup>31</sup> Цит. по: Антология социальной работы: В 3 т. М.: Сварогъ-НВФ СПТ, 1994. Т. 1: История социальной помощи в России. С. 214—216.

<sup>40</sup> Королев Ю. Российская семья: правовые проблемы // Семья в России. 1996. № 1. С. 47.

<sup>41</sup> Гендерная экспертиза российского законодательства. М.: БЕК, 2001.

<sup>42</sup> Безлепкина Л. Семья в социуме. Стратегия жизнедеятельности // Семья в России. 1994. № 1.

<sup>43</sup> Madison B. Q. Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968; Кондатенков И., Буренков М. Дома-интернаты для престарелых и инвалидов и детские дома // Антология социальной работы: В 3 т. М.: Сварогъ-НВФ СПТ, 1994. Т. 1. С. 242-243.

<sup>44</sup> См.: Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 10.

<sup>45</sup> Социальное обеспечение и страхование в СССР // Антология социальной работы: В 3 т. М.: Сварогъ-НВФ СПТ, 1994. Т. 3: Социальная политика и законодательство в социальной работе. С. 377-385; Bjornberg U. (Ed.) European Parents in the 1990s. Contradictions and Comparisons. London: Transaction Books, 1994; Sustaining the Transition: the Social Safety. London: Sage, 1998.

<sup>46</sup> Социальное обеспечение и страхование в СССР // Антология социальной работы: В 3 т. М.: Сва-

рогь-НВФ СПТ, 1994. Т. 3: Социальная политика и законодательство в социальной работе. С. 314-318; *Милютин Н.* По пути к светлым далям коммунизма // Там же. С. 342-350.

<sup>47</sup> *Harding L. F.* Family, State and Social Policy. London: Macmillan, 1996. P. 112-114.

<sup>\*5</sup> *Завадская Л.* Развитие идеи равенства полов // Гендерная экспертиза российского законодательства / Под ред. Л. Завадской. М.: БЕК, 2001. С. 18. <sup>44</sup> *Harding L. F.* Family, State and Social Policy.

London: Macmillan, 1996. P. 115. <sup>9</sup> *Васильева Э. К.* Семья в социалистическом обществе. М.: Мысль, 1985; *Вишневский А. Г.* Социальная защита или государственное благодеяние? // Коммунист. 1990. № 14. С. 14-24; *Дармоде-хин С. В.* Семейная политика Российской Федерации: от оценки состояния к формированию стратегии // Семья в России. 1996. № 2. С. 5-16; *Дементьева И. Ф.* Первые годы брака. Проблемы становления молодой семьи. М.: Наука, 1991.

<sup>7</sup> *Гурбачев М.* Перестройка и новое политическое мышление. М.: Прогресс, 1988-

<sup>1</sup> *Детность* семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Мысль, 1992. С. 46.

<sup>9</sup> *Гендерная* экспертиза российского законодательства / Под ред. Л. Завадской. М.: БЕК, 2001. С. 95.

<sup>54</sup> *Основные* направления государственной семейной политики, утвержденные указом Президента России от 14 мая 1996 года X'712.

<sup>55</sup> *Концепция* семейной политики Среднегорской области на 2001-2005 годы.

<sup>54</sup> *Основные* направления государственной семейной политики, утвержденные указом Президента России от 14 мая 1996 года №712.

<sup>57</sup> Там же.

<sup>58</sup> См.: Указ Президента России от 14 мая 1996 года № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики». \*\*Там же.

<sup>60</sup> *Холостова Е. И.* Социальная политика. М.; Соц.-технол. ин-т, 2000. С. 214. ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ \*

Социологический анализ позволяет рассмотреть отношение к инвалидам в различные исторические эпохи. Понятия инвалидности, у вечности, ограниченных возможностей и другие термины, характеризующие нетипичное состояние человека, в разные временные и культурные периоды имели неодинаковое значение. Термин «invalid» в переводе с английского означает «неполноценный, недействительный, немощный». В русскоязычной культуре инвалидность чаще всего понимается как показатель здоровья и состояния социальной «полноценности» человека. На этом уровне определения мы сталкиваемся с дихотомиями полноценность - неполноценность, здоровье - болезнь, норма- патология. Неустойчивость и относительность этих понятий ведет к изменению параметров и характеристик, лежащих в основе социального и медицинского оценивания, а следовательно, и к постоянному реконструированию смысла, лежащего в основе определения инвалидности. Такие переопределения зависят от культурного, социального и политического контекстов, различающихся в обществах, трансформирующихся ] со сменой политических приоритетов и убеждений. I Концепция инвалидности. История социальной помощи инвалидам

Приведем некоторые факты из истории советского и современного российского государства, которые позволяют оценить динамику отношений к инвалидности в аспектах символических классификаций и организации социальной помощи.

В ноябре 1917 года было опубликовано правительственное сообщение о включении в сферу социального страхования всех видов потери трудоспособности. В принятом в октябре 1918 года Положении о социальном обеспечении трудящихся предусматривалось оказание государственной помощи лицам в случае постоянной утраты ими средств к существованию вследствие нетрудоспособности. Таким образом, с начала 20-х годов социальное обеспечение инвалидов строится в зависимости от степени утраты трудоспособности, а значение термина «инвалид» стало связываться с нетрудоспособностью.

С 1932 года была введена классификация инвалидности по трем группам. Третья, наиболее сложная, группа инвалидности устанавливалась лицам, постоянно или длительно, частично утратившим свою трудоспособность. Действовавшая инструкция предусматривала конкретные пункты, которыми следовало руководствоваться при определении группы инвалидности Вторая группа инвалидности устанавливалась лицам, у которых наступила полная, постоянная или длительная утрата трудоспособности

\* Исследование проводилось Э. К. Наберушкиной при поддержке гранта RSS OSI

33/2000.[вследствие значительно выраженных функций организма, обусловленных хроническими заболеваниями или травмой, которые, однако, не вызывали необходимости в постоянной

посторонней помощи<sup>2</sup>. Первая, наиболее легкая группа инвалидности устанавливалась лицам с тяжелыми заболеваниями или последствиями увечий, при которых имелись значительные нарушения функций организма, обуславливающие необходимость постоянной посторонней помощи, ухода или надзора. Отмечалось, что инвалиды первой группы, приспособленные к Индивидуальным условиям работы, нуждаются постоянной посторонней помощи не только в быту, но и в процессе труда<sup>4</sup>.<sup>1</sup> Следует отметить, что инвалиды войны и инвалиды вследствие трудового увечья [Инцили'бОлее привилегированное положение по сравнению с другими категориями, что е^КУгветствовало функционально-утилитарной логике государства, когда оно проявляло заботу прежде всего о тех, кто защищал интересы и целостность страны, национальную | честь, участвовал в создании материальных ценностей, то есть способствовал его про-гДветакью. Те же, кто не мог принести пользу государству (инвалиды с детства, лица ^диагнозом умственной отсталости или психического расстройства), вытеснялись из Анормального» общества, их жизнь становилась во многом зависимой от системы социального обеспечения.

В период Великой Отечественной войны был введен определенный порядок трудоустройства и профессиональной подготовки инвалидов войны, они имели преимущество при поступлении на работу. Для обеспечения ухода, лечения и трудовой реабилитации инвалидов широко использовались дома-интернаты, которые были широко распространенной системой работы с инвалидами. Возрастание количества инвалидов после JoHtm привело к усилению внимания со стороны государства к этой категории людей. Статус инвалида войны всегда был выше статуса, например, инвалида с детства или инвалида труда. Это выражалось в общественном отношении к ним, которое отличаюсь уважительностью и преклонением перед героизмом ветеранов, что поддерживалось официальной пропагандой в средствах массовой информации. Существовала также незаметная на первый взгляд иерархия статусных позиций инвалидов, которая впрочем, была закреплена официально. Так, инвалиды войны, в отличие от других категорий, пользовались большим количеством прав и льгот. Медицинское обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны организовано по приоритетному принципу - все нуждающиеся граждане из этой категории обеспечены амбулаторным и стационарным лечением. Гражданский труд также высоко оценивается государством, но менее, чем военные доблести.

Социальная политика государства находит отражение во многих сферах общественной жизни, в том числе в аспектах, касающихся мобильности, условий перемещения граждан в городе и дома. Так, после Второй мировой войны искалеченным ветеранам разрешалось передвигаться по городам и селам на открытых велоколясках, называемых по городу-производителю «киевлянками», их конструкция и даже комплектующие части были заимствованы у немцев. Лишь десятилетие спустя инвалиды войны добились разрешения устанавливать ручное управление на обычные автомобили и получать лицензии на право их вождения. Внутри старого жилья довоенных построек, а также в новых «малогабаритных» квартирах в пятиэтажных домах без лифтов, безногие и парализованные инвалиды, передвигались в худшем случае ползком или на низких тележках-платформочках, отталкиваясь от пола деревянными «утюгами», а в лучшем - в громоздких креслах, сделанных из тяжелого железа, фанеры, кожзаменителя и ваты. Обстановка стала меняться в 1960-х годах, когда Н. Хрущевым была поставлена) задача построить в течение двадцати лет материальную базу коммунизма. Инвалидам\* прошедшим строгую медицинскую комиссию, разрешалось приобретать автомобили\* ЗАЗ с ручным управлением. Офицеры-инвалиды и более состоятельные граждане, оот лучившие трудовое увечье, могли рассчитывать на получение или оплату по льгот-і ным расценкам автомобиля «Москвич». Инвалиды с детства, как правило, довольствовались двухместными и очень ненадежными, а скорее и просто опасными во многих отношениях, но зато бесплатными мотоколясками, достававшимися им после использования их ветеранами войны. Эти коляски «серпуховки» начали выпускаться еще раньше «запорожцев» по специальному заказу командующего бронетанковыми<sup>1</sup> войсками, и для их рамы первоначально использовались прочные детали от оставшихся после войны минометов<sup>5</sup>. В 1967 году принято постановление «О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа», в соответствии с которым пенсионный возраст для членов колхозов и инвалидов из числа бывших военнослужащих был снижен на пять лет. Повышались размеры пенсий инвалидам войны, инвалидам из числа членов колхозов, установлены пособия инвалидам с детства I и II групп. С этого момента начинается некоторый поворот социальной политики в сторону обеспечения благосостояния инвалидов. Появляются слабые ростки

форм социальной помощи на дому, но по-прежнему интернатно-пансионатные учреждения остаются доминирующими.

Можно выделить две отличительные черты социальной политики советского периода по отношению к инвалидам. С одной стороны, имели место механизмы исключения инвалидов из «нормального» общества, выражавшиеся в социальных барьерах при получении образования, рабочего места, продвижения по служебной лестнице на предприятиях, в существовании архитектурных барьеров. Инвалидам некоторых категорий запрещалось работать («для лиц, признанных в законном порядке нетрудоспособными не установлена правовая обязанность трудиться, и государство принимает на себя обязанность удовлетворять их материальные и духовные потребности»<sup>6</sup>), а в случае неподчинения этому правилу прекращалась выплата пенсий по инвалидности. Мотивировалось это заботой о состоянии здоровья инвалидов<sup>1</sup>. С другой стороны, существовал патернализм, когда государство брало на себя решение проблем, «связанных с инвалидностью», прежде всего материальных и медицинских (обеспечение пособиями, пенсиями, льготами). Согласно нормативным документам позднесоветского периода, «государство создает ограниченно трудоспособным льготные условия труда и обеспечивает возможность удовлетворения их материальных потребностей частично за счет государства (пенсии, пособия), а также за счет личного их участия в общественно полезном труде «по способностям», то есть в рамках, установленных трудовыми рекомендациями ВТЭК»<sup>8</sup>. Такая политика вела в свою очередь к созданию барьеров общения между здоровыми членами общества и инвалидами, поощрению пассивного социально-профессионального поведения инвалидов, к понижению их статуса на рынке труда. В нынешних условиях государство снимает значительную часть ответственности за решение материальных проблем различных групп населения, отказывается от патерналистской политики, не имеет достаточного количества денежных ресурсов для оказания прямой финансовой поддержки. Дальнейшие изменения в политической жизни СССР с началом реформ в 1985 году шли в направлении гуманизации отношения к инвалидам и признания непреложности прав человека. Современная социальная политика в отношении инвалидов

Социально-экономические и идеологические трансформации российского общества наложили свой отпечаток на социальную политику в отношении инвалидов. Конституция 1993 года, провозгласившая Россию социальным государством, определила основы для развития новейшего отечественного социального законодательства. Социальные права и гарантии освещаются в данном документе лишь пунктирно, реальные гарантии и права наиболее уязвимых групп населения в нем не обсуждаются, а весьма существенным недостатком Конституции в аспекте социальной защиты юристы считают, в частности то, что здесь не получил закрепления принцип взаимосвязи минимального прожиточного минимума неминимальной заработной платы (и, соответственно, пенсии и пособий), а в соответствующем Федеральном законе «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (1997) указанное закрепление также отсутствовало. Не устанавливался и порядок определения тех, кому полагается государственная социальная помощь, поскольку они считаются малоимущими<sup>9</sup>.

В 1990-е годы принимается ряд законов, которые развивали и конкретизировали ряд положений Конституции, в частности по вопросам социальной защиты инвалидов. Эти законы являются прогрессивным шагом, воплощая принципы социального государства, имея ряд достоинств, но не являясь свободными от недостатков. Так, закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (1995), суживая круг клиентов социальной службы до категории «граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации» (ст. 7 п. 3), определяет также и заявительный характер правоотношений сфере социального обслуживания, которое возможно лишь на основании обращения «гражданина, его опекуна, попечителя, другого законного представителя, органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественного объединения» (ст. 7 п. 2). Подобная формулировка не учитывает слабую степень информированности населения о своих правах, не предусматривает возможность злоупотребления правом на социальное обслуживание, игнорирует важную роль работников социальных служб в выявлении лиц, нуждающихся в социальной помощи. К недостаткам данного закона относится его непрямой, «отсылочный» характер, вызванный, очевидно, тем, что целый ряд<sup>1</sup> положений находился в стадии доработки ко времени принятия закона. В частности, речь идет о государственных социальных стандартах, порядке предоставления материальной помощи и социального обслуживания и прочих положениях

данного доку-Мента. Отсылки осуществляются не только к конкретным документам или законодательству, но и к несуществующим (еще не принятым и неопределенным) актам

В 1991 году был принят закон «Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР», в котором впервые были представлены основные принципы государственной политики в отношении инвалидов, по-новому определено понятие инвалидности. В этот период в нашей стране вводится специальность и профессия «социальная работа». В эпоху бурных социально-экономических трансформаций выходит Указ Президента РФ от 2 октября 1992 года «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов».

Закон устанавливает для инвалидов I группы и неработающих инвалидов II группы право на бесплатное обеспечение лекарственными препаратами по рецептам врачей, инвалиды III группы, признанные в установленном порядке безработными, и имеют право на приобретение по рецептам врачей отдельных лекарственных средств<sup>1</sup>;—'—'^—\*<sup>2</sup>

и изделий медицинского назначения с 50-процентной скидкой; граждане, впервые признанные инвалидами I группы и имеющие соответствующие медицинские показания, обеспечиваются не реже одного раза в течение первых трех лет после установления инвалидности бесплатной путевкой в санаторно-курортное учреждение и билетами на проезд к месту лечения и обратно с 50-процентной скидкой. Инвалиды I и II групп обслуживаются вне очереди на предприятиях торговли, общественного питания, службы быта, связи, жилищно-коммунального хозяйства, в учреждениях здравоохранения, образования, культуры, в юридических службах и других организациях, обслуживающих население, а также пользуются правом внеочередного приема руководителями и другими должностными лицами предприятий, учреждений<sup>3</sup> и организаций; автотранспортные средства инвалидов обслуживаются на станциях технического обслуживания и в автоцентрах в первоочередном порядке; при выделении земельного участка для строительства гаража инвалиды имеют право на участок, максимально приближенный к их месту жительства; инвалидам I и II групп, при наличии технической возможности установка телефона осуществляется вне очереди; оказывать помощь малообеспеченным инвалидам в жилищно-бытовом устройстве и приобретении товаров длительного пользования; открытие отдельных счетов для целевого сбора и расходования средств на организацию и оплату питания малообеспеченных инвалидов, оказание им материальной помощи и другие меры поддержки инвалидов; вести систематический учет инвалидов, наиболее нуждающихся в государственной поддержке, и своевременно принимать меры по оказанию; создавать благоприятные условия для деятельности общественных объединений инвалидов и организаций, представляющих их интересы. Контроль за исполнением настоящего указа возложен на Координационный комитет по делам инвалидов при Президенте Российской Федерации.

Как видно из вышеизложенного, содержание законов и указов, направленных на социальную защиту инвалидов, постепенно начинает приобретать вполне конкретный характер, в социальной политике постсоветского периода происходит переход от декларирования прав и равных возможностей инвалидов к конкретным, частным аспектам регулирования проблемы, однако по-прежнему практически не прописаны механизмы реализации законов и ответственность за их исполнение. В 1992 году выходит закон «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности». Это была «первая ласточка» в попытке государства поступательно решить проблему социальной реабилитации. На основании этого закона выходит ряд постановлений Правительства РФ, в том числе приказ от 21 марта 1995 года 39, где Правительство Российской Федерации постановляет утвердить прилагаемую федеральную комплексную программу «Социальная поддержка инвалидов», состоящую из следующих федеральных целевых программ: «Медико-социальная экспертиза и реабилитация инвалидов»<sup>4</sup>; «Научное обеспечение и информатизация проблем инвалидности и инвалидов»; «Формирование доступной для инвалидов среды жизнедеятельности», а также включи<sup>5</sup> в состав федеральной комплексной программы «Социальная поддержка инвалидов» федеральную целевую программу «Разработка и производство технических средств реабилитации для обеспечения инвалидов».

Во исполнение указанного постановления Правительства Российской Федерации приводится ряд конкретных распоряжений, в том числе ректорам (директорам) учебных заведений Госкомвуза России обеспечить на региональном и муниципальном уровнях участие учебных заведений в выполнении положений федеральной комплексной программы «Социальная поддержка инвалидов» в соответствии с заказами органов социальной защиты населения. Предполагается активизация

научного потенциала вузов в разработке и проектировании новых современных технических средств реабилитации инвалидов, создании транспортных, информационных, строительных технологий, Таким образом, активное обсуждение проблемы инвалидности на уровне законодательства является свидетельством демократических преобразований в стране и попыткой всестороннего рассмотрения и регулирования проблем инвалидности. Однако выполнение указов, законов, программ и прочих нормативных документов зависит от чиновников, и зачастую существует явное несоответствие между законом и программами реализации законов. Решения постановлений выполняются либо формально, либо вообще не выполняются. Исследование мест расположения организаций инвалидов, в том числе общественных, позволяет сделать вывод об отсутствии каких бы то ни было подвижек в сторону исполнения перечисленных указов, в частности закона о формировании безбарьерной среды. Так, Всероссийское общество слепых (ВОС) Среднегорска располагается в одной из центральных частей города с оживленным автомобильным движением и несколькими перекрестками, дороги и переходы здесь не снабжены специальными устройствами, звуковыми светофорами. Человеку с хорошим зрением порой опасно передвигаться по этой местности из-за плохого состояния тротуаров и дорог. Доступ инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата в помещения правления и филиалов общественной организации Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) также проблематичен. Аналогичная ситуация и с помещением Всероссийского общества глухих (ВОГ). Общество располагается в здании старой постройки с узкими коридорами, маленькими комнатами и плохим освещением, что затрудняет передвижение любого человека. Общественная организация воинов-интернационалистов находится в районе города, где преобладают старые трех- и четырехэтажные постройки, на улицах нет фонарей, передвигаться по такой местности особенно трудно в зимнее время, так как пешеходные дорожки не расчищаются от снега. Более того, административные здания и здания управлений не оборудованы специальными пандусами и техническими устройствами, хотя с момента выхода закона прошло уже девять лет.

Еще одним законопроектом, вышедшим в последнее десятилетие стал закон «О мерах профессиональной реабилитации и обеспечения занятости инвалидов» от 25 марта 1993 года. Закон, подписанный Президентом РФ, имеет целью создание системы профессиональной реабилитации и обеспечения занятости инвалидов, а также усиления их социальной защищенности в этой области. Законом предполагается установление квоты для приема на работу инвалидов для предприятий, обязательной платы предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности в Государственный фонд занятости населения Российской Федерации при несоблюдении ими квоты для приема на работу инвалидов; обязывает предоставлять органам Государственной службы занятости сведений, необходимых для осуществления деятельности по профессиональной реабилитации и обеспечению занятости инвалидов. В соответствии с законом на Федеральную службу занятости России возлагается анализ рынка труда инвалидов и разработка предложений по проведению государственной политики в области и\* профессиональной реабилитации и обеспечения занятости, организация работы органов Государственной службы занятости населения Российской Федерации по профессиональному консультированию, профессиональной ориентации, подготовке и переподготовке безработных инвалидов, сохранению и созданию для них рабочих мест и трудоустройству инвалидов. Федеральная службы занятости России с участием Министерства труда Российской Федерации, других заинтересованных министерств, государственных комитетов и ведомств Российской Федерации, а также общественных объединений инвалидов должны были определять начиная с 1993 года приоритетные профессии и специальности (по регионам), овладение которыми дает инвалидам наибольшую возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда, начиная с 1993 года организовывать в подведомственных образовательных учреждениях профессиональную подготовку и переподготовку инвалидов, в первую очередь по приоритетным профессиям и специальностям, овладение которыми дает инвалидам наибольшую возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда.

Ряду министерств и ведомств было поручено разработать требования к специальным рабочим местам для инвалидов.

Закон «О мерах профессиональной реабилитации и обеспечения занятости инвалидов» (1993) рекомендует правительствам республик в составе Российской Федерации, органам исполнительной власти краев, областей, автономных образований разработать региональные целевые программы профессиональной реабилитации и обеспечения занятости инвалидов; принять меры по оздоровлению экономического и финансового состояния специализированных предприятий,

применяющих труд инвалидов, проводить льготную финансово-кредитную политику, способствующую созданию специализированных предприятий, учреждений и организаций, применяющих труд инвалидов, а также предусматривать в бюджетах средства для финансирования деятельности по созданию специальных рабочих мест для инвалидов; принять меры по расширению надомного труда инвалидов; выплачивать работодателям из местных бюджетов и иных источников компенсации на покрытие доходов, недополученных вследствие применения на их предприятиях, в учреждениях и организациях труда инвалидов, применять другие меры стимулирования их деятельности по профессиональной реабилитации и обеспечению занятости инвалидов; оказывать всемерную поддержку и помощь предприятиям, учреждениям и организациям, взявшим на себя полностью или частично функции по профессиональной реабилитации и обеспечению занятости инвалидов. Контроль за исполнением настоящего указа возложен на Координационный комитет по делам инвалидов при Президенте Российской Федерации.

Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (1995) направлен на две различные, хотя и пересекающиеся группы. Такое смешение не совсем удачно: ведь, например, «дети-инвалиды нуждаются не просто в различных видах социального обслуживания, но и в различных мерах (активных) социальной реабилитации»<sup>11</sup>. Целый ряд принципов социального обслуживания, изложенных в законе, носят декларативный характер и не имеют реальных гарантий воплощения: например, преемственность всех видов социального обслуживания, приоритет мер по социальной адаптации граждан пожилого возраста и инвалидов (ст. 3). Неопределенность формулировок делает некоторые положения юридически некорректными, а декларация гарантий получения социальных услуг в статье 4 ч. 1 входит в противоречие с принципом адресности и существующим законодательством<sup>12</sup>. Вместе с тем закон закрепляет ряд важнейших гарантий реализации прав пожилых граждан и инвалидов, а также четко определяет ограничения этих прав.

В 1995 году был принят основной закон, определяющий политику в отношении инвалидов.

Предпосылками разработки подобного правового фундамента социальной политики в отношении инвалидов стало принятие ООН 20 декабря 1993 года Стандартных правил равных возможностей для инвалидов, которые базировались на ключевых Международных документах и аккумулировали опыт многих стран. Именно в это время, когда Международные правовые акты, ратифицированные Российской Федерацией, обязали нашу страну устранить все препятствия для активной жизни инвалидов, и был принят закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который определил весь комплекс поддержки жизнедеятельности инвалидов - медицинской, социальной и профессиональной. Закон гарантирует российским инвалидам право на достойную и полноценную жизнь, на создание такой инфраструктуры, которая снимает барьеры между инвалидами и здоровыми людьми. Данный законопроект впервые в отечественном законодательстве приоритетом социальной политики государства в отношении инвалидов провозглашает реабилитацию.

Настоящий Федеральный закон целью государственной политики в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации определяет обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Во исполнение этого закона Правительство РФ установило «Положение о признании лица инвалидом» и «Примерное положение об учреждении государственной службы медико-социальной экспертизы».

Этот документ является программой социальной защиты инвалидов, фундаментом развития правового института социальной защиты<sup>13</sup>. Рассмотрим подробнее его структуру и содержание.

Документ состоит из пяти глав, регулирующих различные аспекты проблемы инвалидности. В первой главе закона обсуждены общие положения, содержится определение понятий «инвалид», рассматриваются основания определения группы инвалидности. Согласно принятому закону в зависимости от степени расстройства функций организма и ограничения жизнедеятельности лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид». Признание лица инвалидом осуществляется Государственной службой медико-социальной экспертизы. Порядок и условия признания лица инвалидом устанавливаются Правительством Российской Федерации. Социальная защита инвалидов

определяется как система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества. В первой части закона, кроме этого, регулируются и вопросы соответствия федеральных и международных документов, устанавливается и регулируется компетенция органов государственной власти в области социальной защиты инвалидов. Вторая глава закона посвящена рассмотрению понятия и механизмов медико-социальной экспертизы. Медико-социальная экспертиза осуществляется исходя из комплексной оценки состояния организма на основе, анализа клинико-функциональных, социально-бытовых, профессионально-трудовых, психологических данных освидетельствуемого лица с использованием классификаций и критериев, разрабатываемых и утверждаемых в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. Перечисляется перечень функций, возлагаемых на Государственную службу медико-социальной экспертизы.

Третья глава настоящего закона посвящена вопросам реабилитации инвалидов. Реабилитация инвалидов определяется как система медицинских, психологических, педагогических, социально-экономических мероприятий, направленных на устранение или, возможно, более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма.

Целью реабилитации является восстановление социального статуса инвалида, достижение им материальной независимости и его социальная адаптация. В законе «О социальной защите инвалидов...» (1995) расшифровано содержание процесса реабилитации. Реабилитация инвалидов, согласно закону, включает в себя:

- медицинскую реабилитацию, которая состоит из восстановительной терапии, реконструктивной хирургии, протезирования и ортезирования;
- профессиональную реабилитацию инвалидов, которая состоит из профессиональной ориентации, профессионального образования, профессионально-производственной адаптации и трудоустройства;
- социальную реабилитацию инвалидов, которая состоит из социально-средовой ориентации и социально-бытовой адаптации.

Статья 10 закона регулирует гарантированный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств и услуг, предоставляемых инвалиду бесплатно за счет средств федерального бюджета. Данным законом предусматривается разработка индивидуальных программ реабилитации инвалидов как комплекса оптимальных для инвалида реабилитационных мероприятий, включающего в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных или утраченных функций организма, способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности.

Индивидуальная программа реабилитации инвалида, согласно закону, является обязательной для исполнения соответствующими органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности. Координация деятельности в сфере реабилитации инвалидов осуществляется Министерством труда и социального развития Российской Федерации. Реабилитационными являются учреждения, осуществляющие процесс реабилитации инвалидов в соответствии с реабилитационными программами. Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации с учетом региональных и территориальных потребностей должны создавать сеть реабилитационных учреждений и обеспечивать развитие системы медицинской, профессиональной и социальной реабилитации инвалидов, организовывать производство технических средств реабилитации, способствовать развитию негосударственных реабилитационных учреждений.

Четвертая глава закона посвящена вопросам обеспечения жизнедеятельности инвалидов. В этой части содержится рассмотрение государственных и общественных ресурсов инвалидам. Это оказание квалифицированной медицинской помощи инвалидам включая лекарственное обеспечение. Медицинская реабилитация инвалидов проверок в рамках федеральной базовой программы обязательного медицинского страхования населения Российской Федерации за счет средств федерального и территориальных фондов обязательного медицинского страхования. На практике статья закона Ваврпеваает различные искажения, например, списки выдаваемых бесплатно лекарств

НотоместНО сокращаются. В некоторых регионах России обеспечение лекарствами Мается нетрадиционно. Создаются «социальные аптеки», которые имеют льготы налогообложению. Цены на лекарства в таких аптеках намного ниже, а очереди получение лекарства стоят годами.

Надо сказать, что проблемы реализации законов порой бывают вызваны не только отсутствием инфраструктуры для их выполнения, не всегда принимаемое законодательство полностью соответствует уже существующему, вступая в противоречие с из-штгнымн положениями других законов. Так, в социальном законодательстве, обсуждаемом нами, недостаточно четко выражен принцип адресности. В статье 16 закона *шбб* основах социального обслуживания населения...» и статье 24 закона «О социальна обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» сформулированы принципы оказания бесплатных социальных услуг, которые противоречат друг другу, так как относятся к двум разным концепциям адресности - по категориям населения и по «ровню дохода»<sup>14</sup>.

Законом «О социальной защите инвалидов...» регулируются вопросы обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к информации (ст. 14). В этих целях принимаются меры по укреплению материально-технической базы редакций, издательств предприятий полиграфии, выпускающих специальную литературу для инвалидов, а также редакций, программ, студий, предприятий, учреждений и организаций, осуществляющих выпуск грамзаписей, аудиозаписей и другой звуковой продукции, кино-и видеофильмов и другой видеопродукции для инвалидов. Язык жестов признается как средство межличностного общения. Законом вводится система субтитрования или сурдоперевода телевизионных программ, кино- и видеофильмов. Следует отметить, что доля таких передач и кинофильмов невелика, даже информационные передачи редко сопровождаются сурдопереводом.

Статья 15 рассматривает проблему обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры. Согласно закону Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности должны создавать условия инвалидам (включая инвалидов, использующих кресла-коляски и собак-проводников) для свободного доступа к объектам социальной инфраструктуры. Планировка и застройка городов, других населенных пунктов, формирование жилых и рекреационных зон, а также разработка и производство транспортных средств общего пользования, средств связи и информации без приспособления указанных объектов для доступа к ним инвалидов и использования их инвалидами не допускаются. Предприятия, учреждения и организации, осуществляющие транспортное обслуживание населения, должны обеспечивать оборудование вокзалов, аэропортов, транспортных средств, специальными приспособлениями позволяющими инвалидам беспрепятственно передвигаться. Приведен перечень объектов инфраструктуры и порядок регулирования доступа к ним.Статья 17 закона регулирует порядок обеспечения инвалидов жилой площадью.

Инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищ- ' ных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями с учетом льгот, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. Инвалиды имеют право на дополнительную жилую площадь в виде отдельной комнаты в соответствии с перечнем заболеваний, утверждаемым Правительством Российской Федерации. В данном разделе закона уделено внимание вопросам оборудования жилых помещений для инвалидов. На фоне существенного прогресса, достигнутого в риторике социальной защиты инвалидов, реализация указанных идей безбарьерной среды на практике сильно отстает от декларируемых прав человека с ограниченными возможностями. Например, система сервисов, которые могли бы заниматься вопросами адаптации жилых помещений соответственно потребностям инвалидов, до сих пор отсутствуют. Создание удобного жилья остается личным делом самого инвалида или членов его семьи. В связи с этим уместно вспомнить содержание письма, которое поступило на адрес правления ВОИ Среднегорска, где мужчина-инвалид с нарушением опорно-двигательного аппарата излагал конкретные меры, которые необходимы, чтобы он мог беспрепятственно передвигаться в своем районе: улучшить освещение улиц; чистить лестницы подъезда и посыпать их песком зимой; сделать крепкие перила в подъезде; следить за освещением в самом подъезде. В общем-то, речь идет об элементарных мерах, которые необходимы любому гражданину независимо от наличия инвалидности. Однако и такие простейшие способы улучшения доступности инфраструктуры не используются. Новые строительные объекты нашего города порой не выдерживают критики с точки

зрения безопасности. Например, недавно построенный мясной рынок с мраморными полами, безусловно, повысит уровень травматизма с наступлением зимы, ведь даже в летнее время по такому полу безопаснее ходить в спортивных кроссовках.

Вопросы доступности образования, воспитания и обучения детей-инвалидов обсуждаются в статьях 18 и 19 рассматриваемого закона. Декларируется гарантированность образования, создание государством необходимых условий для получения образования и профессиональной подготовки инвалидов. Для инвалидов, нуждающихся в специальных условиях для получения профессионального образования, согласно закону должны создаваться специальные, профессиональные образовательные учреждения различных типов и видов или соответствующие условия в профессиональных образовательных учреждениях общего типа. Однако по-прежнему актуальна проблема интегрированного образования, доля инвалидов, обучающихся в обычных, не специализированных учебных заведениях, слишком невелика. Образовательная структура специализированных школ для детей инвалидов порой не выдерживает критики на стереотипное предвзятое отношение к возможностям инвалидов у работников специализированных школ и интернатов существуют установки на сегрегацию детей-инвалидов, чрезмерный контроль и опеку. Специальные профессиональные образовательные учреждения для инвалидов чаще всего предоставляют им возможность получить рабочую профессию. Проблема доступности высшего образования для инвалидов на сегодняшний день широко обсуждается, однако доля инвалидов, поступающих в вуз не возрастает, дополнительные технологические меры облегчающие процедуру вступительных экзаменов и обучения инвалидов с определенными нарушениями здоровья не отработаны. Статья 20 настоящего закона регулирует обеспечение занятости инвалидов. Инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации путем проведения специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда и мер, стимулирующих работодателей предоставлять рабочие Места инвалидам. Регулируется создание специальных рабочих мест для инвалидов (ст. 22). Специальные рабочие места для трудоустройства инвалидов - рабочие места,<sup>1</sup> требующие дополнительных мер по организации труда, включая адаптацию основного и вспомогательного оборудования, технического и организационного оснащения, дополнительного оснащения и обеспечения техническими приспособлениями с учетом индивидуальных возможностей инвалидов. В соответствии со статьей 23 инвалидам, занятым в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, должны создаваться необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида. Работодатели несут ответственность (ст. 24) в обеспечении занятости инвалидов. Регулируются и определяются условия признания инвалида безработным. Прописан ряд мер, призванных стимулировать работодателей в предоставлении рабочих мест инвалидам. Законом регулируется материальное обеспечение инвалидов (ст. 27). Рассмотрены вопросы социально-бытового обслуживания инвалидов, условия пребывания инвалидов в стационарном учреждении социального обслуживания. Статья 30 рассматривает вопросы транспортного обслуживания инвалидов, льготы по проезду в общественном транспорте. Граждане и должностные лица, виновные в нарушении прав и свобод инвалидов, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 32). I

Все вышеперечисленные меры, однако, на практике не всегда действенны, по-прежнему существует проблема льготного проезда инвалидов в коммерческих автобусах, где согласно федеральному и местным законам действуют льготы по проезду инвалидов, но зачастую владельцы автобусов сами устанавливают правила в своем транспорте, а инвалиды решившие воспользоваться своими льготами в таком транспорте вынуждены либо униженно оправдываться, вызывая к состраданию кондуктора, либо идут на конфликт. Требования к работодателям по поводу создания необходимых условий труда инвалидов также не работают. Современный работодатель, который мало заинтересован в трудоустройстве инвалида, вряд ли пойдет на дополнительные затраты для обустройства рабочего места инвалида. Споры по вопросам установления инвалидности, реализации индивидуальных программ реабилитации инвалидов, предоставления конкретных мер социальной защиты, а также споры, касающиеся иных прав и свобод инвалидов, должны рассматриваться в судебном порядке. В настоящее время, хотя и создан ряд прецедентов, четких механизмов, соблюдения статей законодательства нет.

Глава пятая настоящего закона посвящена общественным объединениям инвалидов. Регулирует право инвалидов на создание общественных объединений (ст. 33), налоговые и иные льготы в бюджеты всех уровней (ст. 34). Согласно статье 36, Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации необходимо привести нормативные правовые акты в соответствие с настоящим законом. Рассмотренный нами закон «О социальной защите инвалидов...» (1995) стал большим шагом вперед в оформлении анти-дискриминационного социального законодательства в отношении лиц с ограниченными возможностями. Этот документ вводит весьма важные элементы новизны в российское законодательство и практику, в том числе переопределяет самопонятие «инвалид», выделяет особое направление в сфере социальной защиты, устанавливает распределение полномочий между федеральными и местными органами государственной власти, вводит принципиально новые понятия реабилитации и медико-социальной экспертизы, а также предусматривает ряд специальных прав для инвалидов, без которых невозможна их успешная интеграция в общество. Причины неэффективности закона М. И. Левина усматривает, в частности, в разрыве по времени сроков вступления в силу различных статей, длительной протяженности во времени (в течение 1995-1999 годов) реализации ряда статей, наиболее существенных для инвалидов, а также в самом установлении Правительством конкретных сроков вступления в силу этих статей<sup>15</sup>.

Необходимо отметить, что, несмотря на перечисленные недостатки, разработка и принятие рассмотренного закона запустили в действие новые схемы решения проблем инвалидности, были созданы соответствующие структуры при министерствах и ведомствах, запущены новые механизмы установления инвалидности и реабилитации. Безусловно, возник ряд трудностей на практике, когда не было ясной информации в регионах, о том, что такое индивидуальная программа реабилитации и что она должна содержать, на что должна быть направлена. Кроме того, после принятия данного закона возникла необходимость принятия еще ряда документов уточняющего и дополняющего характера с четко прописанными механизмами контроля и ответственности за соблюдение статей закона.

В этой связи в 1997 году совместным постановлением Минтруда России, Минздрава России от 29 января 1997 года утверждены «Классификации и временные критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы». Переход к демократическому общественному устройству потребовал пересмотра идеологии, философии и политики по отношению к инвалидам и приведения в соответствие с международными нормами понятий инвалидности и основ реабилитации данной категории граждан. С 1997 года в законную силу вступили новые классификации и временные критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы инвалидности. Соответственно, Инструкция по определению групп инвалидности (1956) на территории России более не применяется. Рассмотрим основные положения новой классификации.

Инвалидом может быть признано лицо, имеющее нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленные заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к ограничению жизнедеятельности, вызывающие необходимость его социальной защиты. Таким образом, основанием для признания гражданина инвалидом становится сочетание трех факторов: нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма; ограничение жизнедеятельности (полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться или заниматься трудовой деятельностью); необходимость осуществления мер социальной защиты (под социальной защитой понимается система гарантированных государством постоянных и (или) долговременных экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества)<sup>16</sup>.

Однако наличие лишь одного из указанных факторов не является условием, достаточным для признания лица инвалидом<sup>17</sup>. Определенная группа инвалидности устанавливается исходя из степени ограничения жизнедеятельности или величины отклонения от нормы деятельности человека вследствие нарушения здоровья. К основным категориям жизнедеятельности относятся способности к самообслуживанию, передвижению, обучению, трудовой деятельности, ориентации, общению и контролю за своим поведением. Способность к самообслуживанию подразумевает самостоятельное

удовлетворение основных физиологических потребностей, выполнять повседневную бытовую деятельность и навыки личной гигиены; способность к самостоятельному передвижению - самостоятельное перемещение в пространстве, преодоление препятствий, сохранение равновесия тела в рамках выполняемой бытовой, общественной, профессиональной деятельности; способность к обучению означает восприятие и воспроизведение знаний (общеобразовательных, профессиональных и др.), овладение навыками и умениями (социальными, культурными и бытовыми); способность к трудовой деятельности - способность осуществлять деятельность в соответствии с требованиями к содержанию, объему и условиям выполнения работы; способность к ориентации - определяться во времени и пространстве; способность к общению - устанавливать контакты между людьми путем восприятия, переработки и передачи информации; способность контролировать свое поведение - осознание себя и адекватному поведению учетом социально-правовых норм.

Соответственно, критерием для определения III группы инвалидности является социальная недостаточность, требующая социальной защиты или помощи, вследствие нарушения здоровья со стойким незначительно или умеренно выраженным расстройством функций организма, обусловленным заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящим к нерезко или умеренно выраженному ограничению одной из следующих категорий жизнедеятельности либо их сочетанию: способности к самообслуживанию 1-й степени; способности к обучению 1-й степени; способности к трудовой деятельности 1-й степени; способности к ориентации 1-й степени; способности к общению 1-й степени; способности контроля за своим поведением 1-й степени.

Критерием для установления II группы инвалидности является социальная недостаточность, требующая социальной защиты или помощи, вследствие нарушения здоровья со стойким выраженным расстройством функций организма, обусловленным заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к выраженному ограничению одной из следующих категорий жизнедеятельности либо их сочетанию: способности к самообслуживанию 2-й степени; способности к передвижению 2-й степени; способности к трудовой деятельности 3-й и 2-й степени; способности к обучению 3-й и 2-й степени; способности к ориентации 2-й степени; способности к общению 2-й степени; способности контроля за своим поведением 2-й степени. Критерием для определения I группы инвалидности является социальная недостаточность, требующая социальной защиты или помощи, вследствие нарушения здоровья со стойким выраженным расстройством функций организма, обусловленным заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к выраженному ограничению одной из следующих категорий жизнедеятельности либо их сочетанию: способности к самообслуживанию 3-й степени; способности к передвижению 3-й степени; способности к ориентации 3-й степени; способности к общению 3-й степени; способности контроля за своим поведением 3-й степени<sup>18</sup>.

Таким образом, с одной стороны, в постсоветский период произошло расширение понятия инвалидности, когда она определяется не только через способность человека заниматься трудовой деятельностью, но и как социальная недостаточность вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, приводящая к необходимости социальной защиты. С другой стороны, по-прежнему инвалидность рассматривается в контексте медицинской и экономической модели, то есть описывается в терминах ограниченности функций организма, неспособности обучаться, работать наравне со здоровыми членами общества, а следовательно, быть экономически самостоятельным. Помимо того, что в критериях по определению групп инвалидности сделан акцент на ограничениях человека как специфических его характеристиках, фактически юридическое подтверждение получило мнение, что инвалидность является синонимом низкого социального статуса; «Критерием для определения группы инвалидности является социальная недостаточность...» (см. п. 2.1 Классификации...). Другими словами, ведущим по-прежнему остается утилитаристский, социально-прагматический подход к определению инвалидности. Он индивидуализирует инвалидность, так как в этом случае она - личностное свойство, черта, связанная с неспособностью выполнять какие-либо виды человеческой деятельности. Последствием индивидуализации становится социальная сепарация - разделение общества на инвалидов и здоровых, возложение ответственности за решение проблем, связанных с инвалидностью, на самих инвалидов<sup>19</sup> и представление их как больных.

Согласно социальной модели инвалидности, акцент должен быть сделан не на проблемах индивидуальных возможностей человека, а на неадекватном отношении общества к нуждам отдельных его индивидов<sup>20</sup>. Инвалидность в современном контексте необходимо рассматривать как

социальное явление и определять ее как процесс ограничения возможностей и снижения социальной активности, вызванное особой организацией общества, отсутствием технологий и слабостью систем поддержки<sup>21</sup>.

#### Политика занятости инвалидов

Как упоминалось выше, во второй половине 1990-х годов понятия инвалидности и реабилитации подвергаются уточнению и детализации. Министерством труда и социального развития утверждается положение об индивидуальной программе реабилитации, к которому прилагается карта индивидуальной программы реабилитации, содержащая пункты по медицинским, социальным и профессиональным аспектам реабилитации. Правительство РФ издает распоряжение «О государственной службе реабилитации инвалидов». Минтруд России совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами разработал и принял постановление от 23 декабря 1996 года «Об утверждении Примерного положения о реабилитационном учреждении». Таким образом, основанием социальной политики по отношению к инвалидам становится реабилитация, восстановление и активизация способностей инвалидов к относительно независимой жизни. Практическая реализация курса социальной политики приобретает разный оттенок на практике. Изучение практических механизмов реализации даже отдельных пунктов закона на уровне отдельно взятого города раскрывает огромные просчеты и особенности практической действительности.

Например, чтобы оценить, какие возможности и ограничения в сфере трудовой деятельности налагает законодательство для социальной группы инвалидов, необходимо рассмотреть и проанализировать два взаимосвязанных аспекта: во-первых, права и обязанности инвалидов в сфере трудовых отношений и занятости, и, во-вторых, - возможности и ограничения, которые имеют работодатели при использовании труда инвалидов.

" Эта часть главы написана с привлечением исследовательских материалов магистра социальной работы Е. Белозеровой. Государственные органы медико-социальной экспертизы и реабилитации, социальной защиты населения, которые обозначают проблему инвалидов в сфере занятости, маркируют следующие права инвалидов, которые должны соблюдаться<sup>22</sup>.

В соответствии с принятым постановлением, инвалиды имеют право на необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида; не допускается установление в коллективных или индивидуальных трудовых договорах условий труда инвалидов, ухудшающих положение инвалидов по сравнению с другими работниками; для инвалидов I и II групп устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени, не более 35 часов в неделю, с сохранением полной оплаты труда; привлечение инвалидов к сверхурочным работам, работе в выходные дни и ночное время допускается только с их согласия и при условии, если такие работы не запрещены им по состоянию здоровья; инвалидам предоставлено право перевода на более легкую работу в соответствии с медицинским заключением, временно или без ограничения срока (КЗоТ РФ, ст. 155), при таком переводе за работниками сохраняется прежний средний заработок в течение двух недель со дня перевода (КЗоТ РФ, ст. 156); работающие инвалиды имеют право на получение лекарств по рецептам врачей с 50% скидкой<sup>23</sup>, а также на обеспечение санитарно-курортными путевками по месту работы на льготных условиях (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов...», ст. 29); имеют право на льготные условия для предпринимательской деятельности; общественные объединения инвалидов, которые могут осуществлять предпринимательскую деятельность, имеют льготы по уплате федеральных налогов, сборов, пошлин и других платежей в бюджеты всех уровней (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов...», ст. 34).

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов...» (1995) сохраняет льготы, установленные инвалидам законодательством бывшего Советского Союза. Таким образом, дополнительно к рассмотренным ранее продолжают действовать указания о недопустимости установления испытательного срока инвалидам, направленным на работу • счет утвержденного плана трудоустройства для данного предприятия. «Поскольку направление на работу в счет брони или в счет плана по трудоустройству гарантирует инвалиду получение работы на определенном предприятии, то и в случае отсутствия у него достаточной квалификации или опыта работы он не должен увольняться по несоответствию выполняемой работе по состоянию здоровья. Ему должна быть предоставлена возможность либо повысить квалификацию, либо приобрести новую специальность в одной из форм производственного обучения на данном предприятии. Инвалиду I может быть также предоставлена другая подходящая работа с учетом имеющейся трудовой рекомендации»<sup>24</sup>.

Следует отметить, что этот аспект законодательства характеризуют как наиболее работоспособный в советский период, однако в эпоху рыночной экономики, ограниченности контроля государства за политикой найма на предприятиях, соблюдение этой гарантии весьма сомнительно.

Одно из серьезных изменений, произошедших в России в постсоветский период, - Признание безработицы как социальной проблемы на отечественном рынке труда, юридически зафиксированного и оформленного явления. Конституция Российской Федерации (1993) не гарантирует права на труд, ограничиваясь лишь свободой выбора рода занятия и закрепления за всеми гражданами права на защиту от безработицы. В соответствии с законом «О социальной защите инвалидов...» (1995), безработным признается инвалид, имеющий трудовую рекомендацию, заключение о рекомендуемом характере и условиях труда, не имеющий работы, зарегистрированный в органе Федеральной службы занятости России в целях поиска подходящей работы и готовый приступить\* к ней (ст. 25).

Наряду с общими для всех безработных правами и гарантиями, предоставляемым\* гражданам России Федеральным законом «О занятости населения» (1996), инвалиды имеют дополнительные социальные гарантии. В статье 28 речь идет о получении пособий по безработице, стипендии в период профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации, возможности участия в оплачиваемых общественных работах, бесплатном медицинском обслуживании и медицинском освидетельствовании при приеме на работу, направлении на обучение.

Рассматриваемый закон о занятости включает в себя нормы, отражающие право инвалидов на приоритетный порядок прохождения профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки, получения услуг по профессиональной ориентации и на обеспечение лекарствами по рецептам врачей с 50-процентной скидкой. Некоторые категории инвалидов (получившие на предприятии трудовое увечье или профессиональное заболевание, инвалиды войны) пользуются преимущественным правом на сохранение рабочего места при сокращении численности или штата работников (Трудовой кодекс РФ, ст. 179). Основанием к увольнению инвалида по несоответствию выполняемой работе по состоянию здоровья являются лишь три причины: отказ от перевода на другую работу, если выполняемая им в настоящее время противопоказана по трудовой рекомендации МСЭК; отсутствие возможности предоставить инвалиду другую подходящую работу, отвечающую трудовой рекомендации МСЭК; признание инвалида МСЭК полностью нетрудоспособным и не подлежащим направлению на работу<sup>25</sup>.

Трудовой кодекс Российской Федерации (принят Государственной думой 21 декабря 2001 года) содержит целый ряд значимых положений, касающихся труда инвалидов. Очень важная статья, которая поддерживает социальную политику интеграции, гласит, что в случаях, предусмотренных законодательством, работодатель обязан создавать для инвалидов условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации (ст. 224). Однако данная статья носит отсылочный характер, ссылаясь на законы, которые еще не приняты, и, следовательно, не имеет прямого действия. Что касается ситуации найма, то в условиях равной квалификации кандидатов, у работодателя нет мотивации к тому, чтобы взять на работу инвалида. Напротив, целый ряд статей кодекса, гарантирующих защиту прав работника с инвалидностью, косвенным образом способствуют тому, чтобы работодатель не принимал такого специалиста на работу.

Речь идет о статьях об обязательном письменном согласии инвалидов на привлечение их к сверхурочным (ст. 99) и ночным (ст. 96) работам, к работе в выходные и нерабочие праздничные дни (ст. 113), при условии, если такие работы не запрещены им по медицинским показаниям, а также об обязанности работодателя на основании заявления работника предоставить отпуск без сохранения заработной платы работающим инвалидам - до 60 календарных дней в году (ст. 128).

Продолжительность ежедневной работы для инвалидов определяется в соответствии с медицинским заключением (ст. 94), причем нормальная продолжительность рабочего времени сокращается на 5 часов в неделю для работников-инвалидов I и II групп (ст. 92). Таким образом, перечисленные положения оказывают двойственное воздействие на отношения сторон в системе занятости: гарантируя специальные права инвалидов, они создают не очень привлекательный образ работника, который трудится в ослабленном режиме. При этом мотивы, побуждающие работодателя к найму инвалидов, остаются неясными, не прописаны и ограничения прав инвалидов. Таким образом, инвалиды находятся на особом положении в сфере занятости и трудовых отношений. С одной стороны, им предоставляются льготы и более щадящие условия труда: они имеют право при выполнении более легких видов труда, сокращенной продолжительности рабочего времени на

сохранение прежней заработной платы, а также на получение дополнительных видов помощи. С другой стороны, даже на правовом уровне инвалиды имеют, ограничения, и препятствия для своей профессиональной-самореализации: признание инвалида нетрудоспособным исключает его из разряда рабочей силы, не позволяет ему получить защиту от безработицы и, соответственно, комплекс услуг по, профессиональной реабилитации. В то же время, именно имеющие более высокую степень инвалидности нуждаются в большей помощи по восстановлению своего профессионального статуса. Некоторые инвалиды могут быть признаны «необучаемыми» или способными к обучению лишь в специальных учебных заведениях или по специальным программам в домашних условиях, что приводит или к их полному исключению из образовательных сервисов и изоляции или сегрегации, формированию своего рода гетто при обучении в школах-интернатах для инвалидов. Другими словами, инвалиды имеют ограничения в получении образования, выборе формы обучения и образовательного учреждения. Некоторые категории инвалидов имеют право работать лишь в специально созданных условиях, которые, по сути, являются изолирующими. К такой форме трудоустройства можно отнести специальные цеха предприятий. Организация трудового устройства инвалидов в специальных цехах предприятий регламентируется соответствующими положениями. Положения о специальных цехах для работы инвалидов, больных активной формой туберкулеза легких, с нервно-психическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями были разработаны, одобрены и утверждены соответствующими структурами <sup>2b</sup>. Независимо от профиля цеха, в положении о спеццехе излагаются медицинские показания и противопоказания к трудоустройству, санитарно-гигиенические условия и требования к охране труда работающего контингента инвалидов, примерные технические операции, доступные инвалидам с данной патологией, основа организации и режима труда, а также мероприятия по специальному обслуживанию работающих.

В процесс профессиональной реабилитации инвалидов вовлечены не только органы социальной защиты, службы занятости населения, но и, естественно, работодатели. Государство через законодательство обязывает работодателей соблюдать нормы, создающие дополнительные возможности для трудоустройства гражданам, обладающим инвалидностью. Эти нормы предусматривают недопустимость отказа в приеме на работу по причине наличия инвалидности, предоставление работы на том же предприятии, где наступила инвалидность <sup>27</sup>, при отсутствии на предприятии работы, предусмотренной решением МСЭК, оказание содействия в переводе на другое предприятие <sup>21</sup>, установление квоты для приема на работу инвалидов в процентах к среднесписочной численности работников.

В соответствии с установленной федеральным законом квотой для приема на работу, которая теперь снизилась с 5 до 3 %, работодатели не только обязаны создавать или выделять рабочие места для трудоустройства инвалидов, но и создавать инвалидам условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида, а также предоставлять в установленном порядке информацию, необходимую для организации занятости инвалидов (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ст. 24). Предприятия обязаны возмещать ущерб, причиненный работникам в результате увечья, профессионального заболевания либо иного повреждения здоровья, связанного с выполнением работниками трудовых обязанностей. В случае невыполнения или невозможности выполнения квоты для приема на работу инвалидов, работодатели вносят обязательную плату в установленном размере! за каждого нетрудоустроенного инвалида в пределах установленной квоты в Государственный фонд занятости населения РФ. Полученные средства расходуются целевым назначением на создание рабочих мест для инвалидов (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ст. 21). Работодатели, нарушающие порядок внесения обязательной платы в Государственный фонд занятости населения Российской Федерации, несут ответственность в виде штрафа за сокрытие или занижение обязательной платы и в случае отказа в приеме на работу инвалида в пределах установленной квоты (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ст. 24).

В свою очередь, некоторым категориям предприятий гарантируется государственная поддержка (предоставление налоговых и иных льгот). Во-первых, это те специализированные предприятия, которые применяют труд инвалидов. Во-вторых, общественные объединения инвалидов. В-третьих, те организации, которые производят промышленные товары, технические средства и приспособления для инвалидов, оказывают медицинскую помощь, услуги в сфере образования, создают лечебно-производственные мастерские, подсобные сельские хозяйства и ряд других, обеспечивающих и расширяющих возможности жизнедеятельности инвалидов. Предприятия, в

которых заняты не менее 30 % инвалидов, пользуются правом на льготное налогообложение, финансовое и материально-техническое обеспечение, а при числе работающих инвалидов более 50% от общего персонала предприятие освобождается от уплаты местных налогов и НДС, налога на имущество и платежей в пенсионный фонд, фонд занятости и фонд медицинского страхования<sup>30</sup>. Новый налоговый кодекс упраздняет ряд льгот в частности освобождение от уплаты налога на прибыль.

Вместе с тем на практике руководители специализированных предприятий, использующих труд инвалидов, сталкиваются с рядом трудностей, вытекающих из недочетов федерального и регионального законодательства и особенностей их реализации. Речь идет о снятии ряда налоговых льгот и увеличении налогового бремени (например, введение пятипроцентного губернаторского налога с продаж, введенного в Среднегорской области). Предприятия вынуждены увеличивать стоимость продукции для того, чтобы выплачивать этот налог, что делает производимые товары и услуги менее конкурентоспособными на рынке. Так комментирует это изменение руководитель одного из предприятий, где работают в основном инвалиды: *«Фактически эти пять процентов легли на нас, мы их просто изымаем из оборота... а потом, эти же пять процентов по закону должны идти на самих инвалидов, на малообеспеченных. То есть получается, с нас берут, и нам же дают»* (директор предприятия малого бизнеса, муж., 45 лет, Среднегорск, 2000). Даже при наличии ряда налоговых послаблений размеры налоговых выплат данного предприятия часто оказываются выше, чем у предприятий, не имеющих таких льгот. Такую ситуацию можно объяснить тем, что специализированные предприятия подвергаются более тщательному контролю со стороны различных государственных органов и инспекций, в то время как другие организации, не подвергающиеся столь тщательным проверкам, используют различные приемы для того, чтобы обойти закон. Специализированные предприятия и предприятия, использующие труд инвалидов должны пройти все чиновничьи лабиринты для того, чтобы получить ряд дополнительных льгот, прочих документов на право заниматься трудоустройством инвалидов и получать соответствующие льготы. Кроме того, предоставление документов о праве льготы связано с дополнительными расходами, выплатами за регистрацию и разрывом. В соответствии с Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» федеральные и региональные органы исполнительной власти обязаны оказывать содействие и помощь, в том числе материальную, техническую и финансовую, общественным объединениям инвалидов, их движениям и фондам<sup>31</sup>, но эти обязательства часто не выполняются. Руководители таких предприятий рассказывали, что многие их просьбы, направленные в областную думу и другие государственные органы остаются без внимания, а обещания оказать помощь по созданию дополнительных рабочих мест для инвалидов - невыполненными. Отсутствие в законодательных актах положений о том, что решения, различного рода документы, связанные с деятельностью инвалидов, должны рассматриваться и приниматься с обязательным участием самих инвалидов, руководителей предприятий, приводит к тому, что мнения пожелания тех, кого непосредственно касаются проблемы занятости, выживания и развития предприятий остаются неучтенными.

Эффективность действующего законодательства определяется заложенными в нем механизмами выполнения и конкретной ситуацией, в которой оно реализуется. Законодательство, регулирующее занятость инвалидов, в настоящее время осталось практически в неизменном виде со времен СССР. Основные меры по реализации инвалидами права на труд могут быть реализованы при условии, прежде всего, выполнения обязательств работодателей по безопасности труда, затратам на лекарственное обеспечение, санитарно-курортному лечению, а также способности государства осуществлять контроль за соблюдением прав и гарантий инвалидов. Основным акцент при обеспечении рабочими местами инвалидов делается на квотирование рабочих мест, хотя, как полагает американский эксперт К. Сафилиос-Ротшильд, квота, зачастую, заполняется не вновь прибывающими работниками, имеющими инвалидность, а теми, кто работал на данном предприятии еще до получения травмы или приобретения заболевания. Законодательство о квотировании является относительно эффективным средством повышения конкурентоспособности инвалидов лишь в странах с высоким уровнем социально-экономического развития и отчислений на социальные программы.

В современном российском законодательстве отсутствует четкое разъяснение порядка уплаты штрафов за невыполнение квоты. Предусмотренные законом меры были более эффективны в условиях существования государственного заказа и системы целевого государственного

финансирования, плановой и затратной экономики, а также дефицита рабочей силы, который оценивался в конце 1960-х годов в 1,5 млн человек<sup>33</sup>. Обусловливалось это снижением рождаемости населения в годы Великой Отечественной войны, механическим движением населения, то есть миграциями в другие республики СССР, значительным объемом работ, выполняемых немеханизированным способом (47 % от числа всех рабочих, занятых в народном хозяйстве). Поэтому стратегическими ориентирами советского правительства стало привлечение инвалидов и пенсионеров к труду<sup>3</sup>.

Однако такой подход к решению проблемы занятости оказывается недостаточно эффективным при массовой безработице, несоответствии условий труда на предприятиях состоянию здоровья инвалидов, когда экономическая эффективность становится приоритетом, а законом не предусмотрен механизм создания действительной заинтересованности частных предприятий, работодателей в приеме на работу инвалидов, создания поврежденного здоровья, связанного с выполнением работниками трудовых обязанностей. В случае невыполнения или невозможности выполнения квоты для приема инвалидов, работодатели вносят обязательную плату в установленном размере за каждого нетрудоустроенного инвалида в пределах установленной квоты в Государственный фонд занятости населения РФ. Полученные средства расходуются целевым назначением на создание рабочих мест для инвалидов (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ст. 21). Работодатели, нарушившие порядок внесения обязательной платы в Государственный фонд занятости населения Российской Федерации, несут ответственность в виде штрафа за сокрытие или снижение обязательной платы и в случае отказа в приеме на работу инвалида в пределах установленной квоты (Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ст. 24).

В свою очередь, некоторым категориям предприятий гарантируется государственная поддержка (предоставление налоговых и иных льгот). Во-первых, это те специализированные предприятия, которые применяют труд инвалидов. Во-вторых, общественные объединения инвалидов. В-третьих, те организации, которые производят промышленные товары, технические средства и приспособления для инвалидов, оказывают им медицинскую помощь, услуги в сфере образования, создают лечебно-производственные мастерские, подсобные сельские хозяйства и ряд других, обеспечивающих и расширяющих возможности жизнедеятельности инвалидов. Предприятия, в которых заняты не менее 30 % инвалидов, пользуются правом на льготное налогообложение, финансовое и материально-техническое обеспечение, а при числе работающих инвалидов более 50 % от общего персонала предприятие освобождается от уплаты местных налогов! НДС, налога на имущество и платежей в пенсионный фонд, фонд занятости и фонд медицинского страхования<sup>30</sup>. Новый налоговый кодекс упраздняет ряд льгот в частности освобождение от уплаты налога на прибыль.

Вместе с тем на практике руководители специализированных предприятий, использующих труд инвалидов, сталкиваются с рядом трудностей, вытекающих из недочетов федерального и регионального законодательства и особенностей их реализации. Речь идет о снятии ряда налоговых льгот и увеличении налогового бремени (например, введение пятипроцентного губернаторского налога с продаж, введенного в Среднегорской области). Предприятия вынуждены увеличивать стоимость продукции для того, чтобы выплачивать этот налог, что делает производимые товары и услуги менее конкурентоспособными на рынке. Так комментирует это изменение руководитель одного из предприятий, где работают в основном инвалиды: *«Фактически эти пять процентов легли на нас, мы их просто изымаем из оборота... а потом, эти же пять процентов по закону должны идти на самих инвалидов, на малообеспеченных. То есть получается, с нас берут, и нам же дают»* (директор предприятия малого бизнеса, муж., 45 лет, Среднегорск, 2000). Даже при наличии ряда налоговых послаблений размеры налоговых выплат данного предприятия часто оказываются выше, чем у предприятий, не имеющих таких льгот. Такую ситуацию можно объяснить тем, что специализированные предприятия подвергаются более тщательному контролю со стороны различных государственных органов и инспекций, в то время как другие организации, не подвергающиеся столь тщательным проверкам, используют различные приемы для того, чтобы обойти закон. Специализированные предприятия и предприятия, использующие труд инвалидов должны пройти все чиновничьи лабиринты для того, чтобы получить ряд дополнительных разрешений, прочих документов на право заниматься трудоустройством инвалидов и получать соответствующие льготы.

Кроме того, предоставление документов о праве на льготы связано с дополнительными расходами, выплатами за регистрацию и разрешения. В соответствии с Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» федеральные и региональные органы исполнительной власти обязаны оказывать содействие и помощь, в том числе материальную, техническую и финансовую, общественным объединениям инвалидов, их движениям и фондам<sup>1</sup>, однако эти обязательства часто не выполняются. Руководители таких предприятий рассказывали, что многие их просьбы; направленные в областную думу и другие государственные органы остаются без внимания, а обещания оказать помощь по созданию дополнительных рабочих мест для инвалидов - невыполненными. Отсутствие в законодательных актах положений о том, что решения, различного рода документы, связанные с занятостью инвалидов, должны рассматриваться и приниматься с обязательным участием самих инвалидов, руководителей предприятий, приводит к тому, что мнения и пожелания тех, кого непосредственно касаются проблемы занятости, выживания и развития предприятий остаются неучтенными.

Эффективность действующего законодательства определяется заложенными в нем механизмами выполнения и конкретной ситуацией, в которой оно реализуется. Законодательство, регулирующее занятость инвалидов, в настоящее время осталось практически в неизменном виде со времен СССР. Основные меры по реализации инвалидами права на труд могут быть реализованы при условии, прежде всего, выполнения обязательств работодателей по безопасности труда, затратам на лекарственное обеспечение, санитарно-курортному лечению, а также способности государства осуществлять контроль за соблюдением прав и гарантий инвалидов. Основным акцент при обеспечении рабочими местами инвалидов делается на квотирование рабочих мест, хотя, как полагает американский эксперт К. Сафилиос-Ротшильд, квота, зачастую, заполняется не вновь приходящими работниками, имеющими инвалидность, а теми, кто работал на данном предприятии еще до получения травмы или приобретения заболевания. Законодательство о квотировании является относительно эффективным средством повышения конкурентоспособности инвалидов лишь в странах с высоким уровнем социально-экономического развития и отчислений на социальные программы.

В современном российском законодательстве отсутствует четкое разъяснение порядка уплаты штрафов за невыполнение квоты. Предусмотренные законом меры были более эффективны в условиях существования государственного заказа и системы целевого государственного финансирования, плановой и затратной экономики, а также дефицита рабочей силы, который оценивался в конце 1960-х годов в 1,5 млн человек<sup>33</sup>. Обусловливалось это снижением рождаемости населения в годы Великой Отечественной войны, механическим движением населения, то есть миграциями в другие республики СССР, значительным объемом работ, выполняемых немеханизированным способом (47 % от числа всех рабочих, занятых в народном хозяйстве). Поэтому стратегическими ориентирами советского правительства стало привлечение инвалидов и пенсионеров к труду<sup>3</sup>.

Однако такой подход к решению проблемы занятости оказывается недостаточно эффективным при массовой безработице, несоответствии условий труда на предприятиях состоянию здоровья инвалидов, когда экономическая эффективность становится приоритетом, а законом не предусмотрен механизм создания действительной заинтересованности частных предприятий, работодателей в приеме на работу инвалидов, создания и сохранения специальных рабочих мест для данной категории граждан. Этим можно объяснить тот факт, что из установленной по России в 1997 году квоты (96 634 рабочих мест) задействованными оказались только около 16 000<sup>15</sup>. Более того, зачастую, создаются дополнительные трудности для предприятий, использующих труд инвалидов в виде недостаточно продуманной налоговой политики, бюрократических механизмов и нарушения или невыполнения своих обязанностей государственными службами.

Тем не менее при недостаточном контроле со стороны государственных служб и инспекций, работодатели на практике часто используют льготы, получаемые при трудоустройстве определенного числа инвалидов, без фактического, реального предоставления рабочего места этой категории работников. Например, на предприятии числится некоторое количество инвалидов, которые отдали туда документы, фактически не работают, но работодатель платит им небольшую сумму (50-100 рублей) каждый месяц. Таким образом, льготная финансово-кредитная политика не ведет к улучшению положения инвалидов на рынке труда, решению проблем занятости, а становится механизмом уклонения от налогов. Работники центра занятости для инвалидов утверждают, что для

в последнее время контроль за деятельностью специализированных предприятий для инвалидов стал более пристальным, и число таких организаций, где инвалиды работают фиктивно, резко сократилось. Однако в 2000 году упомянутый центр занятости в Среднегорске был расформирован, и инвалидам для поиска работы было предложено обращаться в районные службы занятости на общих правах. Расформирование центра занятости для инвалидов было вызвано прежде всего неэффективностью деятельности самой службы, отсутствием финансирования, недостатком реальной, небюрократической работы с инвалидами в этой службе.

В современной России складывается ситуация, когда меры по повышению конкурентоспособности инвалидов зачастую оказываются неэффективными, более того, они могут оказывать противоположное действие. Это приводит к тому, что инвалиды заняты такой трудовой деятельностью, которая характеризуется как неквалифицированный труд, временная работа. Процессу социально-профессиональной интеграции инвалидов мешает влияние устоявшихся общественных стереотипов, например, распространенное среди работодателей мнение об инвалидах, как имеющих более низкую производительность труда, нетрудоспособных, нуждающихся в помощи. Иногда эти характеристики могут переноситься и на те предприятия, где большинство работников - инвалиды. Порой работодатели вынуждены скрывать тот факт, что на предприятии в основном работают инвалиды, так как это может отпугнуть клиентов, заказчиков: «Я, конечно, могу сказать, кто шьет все это, но это вряд ли подействует, а в ряде случаев отпугнет - вот, мол, чего от них ждать, да они и не смогут» (директор предприятия, где работают инвалиды, муж., 52 года). Кроме того, работодатели - руководители специализированных предприятий - ориентированы на предоставление прямой помощи тем, кто имеет высокую группу инвалидности (обеспечение продуктами, медицинскими услугами), а не на активизацию их трудовой деятельности. Такой подход поощряет пассивность, не содействует достижению действительной независимости инвалидов и их интеграции на правах равных членов общества. Позиция работодателей, выявленная в нашем кейс-стади, такова: конкурентоспособность рабочей силы определяется прежде всего уровнем профессиональной подготовленности, «бизнесмену некогда учить и не хочется учить», так как обучение сотрудников требует финансовых затрат («это деньги, это стоит денег»), а для социального класса предпринимателей, наиболее характерна такая трудовая ценность, как экономическая мотивация (видеть конкретные, осязаемые результаты своего труда).

Предприниматель не берет на работу инвалида еще и в силу его низкого образовательного статуса, несоответствия его квалификации современным требованиям. Проблема профессиональной подготовки рабочей силы актуализирует такой аспект, как низкий профессионально-образовательный уровень инвалидов.

Другая объективная причина, снижающая возможности трудоустройства, выделяемая работодателями и самими инвалидами, - это высокий уровень безработицы, вызванный спадом производства и общим экономическим кризисом. В СССР специализированные предприятия и цеха считались наиболее эффективной формой трудового участия для инвалидов<sup>36</sup>. С начала 1990-х годов эти хозяйственные структуры интенсивно сокращаются. В конце 1960-х годов Всесоюзное общество слепых (ВОС) управляло 250 специализированными производственными и 160 учебно-производственными предприятиями<sup>37</sup>. Всесоюзное общество глухих (ВОГ) насчитывало 70 учебно-производственных предприятий<sup>38</sup>. К середине 1990-х годов в системе ВОС действуют лишь 189 учебно-производственных предприятий, а в системе ВОГ - 68<sup>39</sup>. Экономические показатели деятельности этих предприятий указывают на снижение рентабельности и объемов производства выпускаемой ими продукции, на все возрастающие трудности в продвижении ее на рынке. В результате численность работающих на этих предприятиях сокращается. Так, «в системе предприятий ВОГ в 1996 году она сократилась в 840 человек, а в первом полугодии 1997 года еще на 260 человек. В системе ВОС 1996 году полный рабочий день был только на 2/3 предприятий, то есть почти 14 тыс. человек не были обеспечены работой»<sup>40</sup>. Число специализированных предприятий, не входящих в систему общественных объединений инвалидов также сокращается. По выводам Т. Пушкиной и Л. Козловой, «в процессе акционирования многие из этих предприятий изменили профиль своей деятельности и отказались от использования труда инвалидов. На сегодняшний день отсутствуют статистические данные о количестве таких предприятий и численности рабочих мест на них»<sup>41</sup>.

Несмотря на прописанные в законе меры по недопущению дискриминации по признаку инвалидности, на практике социальное исключение инвалидов выражается в том, что они

подвергаются дискриминации на рабочем месте и при приеме на работу, попадают под первоочередное увольнение при сокращении штатов. Опрос, проведенный среди посетителей ярмарки вакансий для инвалидов, прошедшей в конце 1998 года выявил следующие причины увольнения с прежнего места работы: сокращение штатов - 33,5 %, по состоянию здоровья - 29,6 %, по собственному желанию - 22,2 %, закрытие предприятий - 7,4<sup>42</sup>. Людей с особыми нуждами отказываются принимать на работу, выдвигая различные причины для отказа. При отсутствии реальных механизмов защиты инвалидов от дискриминации, факт нарушения прав доказать практически невозможно. По данным опроса Е. В. Слабониной, дискриминацию со стороны работодателей испытывали девять респондентов из десяти<sup>43</sup>. Основная масса людей с ограниченными возможностями не работает, их единственным источником существования является пенсия, многие инвалиды отмечают, что их положение ухудшилось в последнее время, большинство людей с ограниченными возможностями негативно оценивают произошедшие социально-экономические изменения, повлекшие ухудшение материального положения и уменьшение возможностей трудоустройства. Советский период вызывает более позитивные отклики: *«раньше... можно было устроиться, а сейчас на работу никто не возьмет»* (муж., 48 лет, Среднегорск, 1999), *«после перестройки стало»* (жен., 50 лет, Среднегорск, 1999). Такое мнение соответствует реальности, так как показатели трудовой активности инвалидов действительно снизились. Если в 1981 году трудовой деятельностью было охвачено 39,5 % инвалидов всех групп, то к 1991 году этот показатель снизился до 21,9 %<sup>44</sup>. В течение 1990-х годов доля работающих инвалидов продолжала снижаться.

Вместе с тем современные работодатели зачастую объясняют низкую конкурентоспособность инвалидов, не только акцентируя моменты, связанные с физическими ограничениями или недостаточным уровнем образования, но так же и тем, что «они находятся под защитой государства» - это прозвучало практически в каждой беседе с работодателями. Наряду со всеми перечисленными недостатками и просчетами современная социальная политика занятости инвалидов имеет ряд положительных аспектов: появилась возможность организации предпринимательской деятельности и создания различных общественных организаций; юридически оформлены требования обеспечения доступности объектов социальной инфраструктуры для инвалидов, что увеличивает их возможности стать действительно равноправными, независимыми членами общества и упрочить свои позиции в различных сферах общественной жизни<sup>45</sup>.

Еще одним препятствием на пути обеспечения занятости, по мнению работодателей, является пассивность, иждивенческие установки самих инвалидов: *«Среди них есть такие, которые привыкли, что государство о них заботится, что мы должны деньги давать, а они ничего делать не будут»*; *«они должны сами выходить с предложениями, что они могут»* (директор фирмы). Подобная установка действительно существует у некоторых инвалидов, что возможно вызвано гиперопекой семьи, родственниками, патернализмом общества в целом. Сами инвалиды при этом имеют заведомо заниженную оценку собственной профессиональной пригодности и придерживаются мнения, что у них более низкая производительность труда (причем подразумевается, что сфера приложения их деятельности - физический труд), которая ведет к низкой оплате труда. Работодателями труд инвалидов оценивается как более дешевый: *«Это дешевле, они могут управлять картриджами дешевле»* (руководитель малого предприятия, муж., 39 лет, Среднегорск, 2000), что, с одной стороны, свидетельствует в пользу использования их труда как более выгодного, привлекательного, но, с другой стороны, отражает их низкий профессиональный статус.

Не содействует улучшению профессионального статуса инвалидов и их собственная пассивность, а также такой эффект стигмы, когда здоровые сотрудники «жалуют» инвалидов, «хотят им помочь», а те, в свою очередь, принимают эту помощь как должное. В свою очередь, преодоление дискриминационных практик многими инвалидами представляется посредством собственной активности: *«Надо занимать свои голову, руки... работать надо... не сидеть»* (жен., 45 лет, Среднегорск, 1999). Профессиональный путь тех инвалидов, которые характеризуют себя активными («шустрыми»), как прозвучало в одном интервью), проявляют в жизни предприимчивость, трудолюбие, оптимизм, является более успешным. Необходимо отметить, что в нашей стране случаи успешного профессионального пути инвалида скорее редкость, чем правило, поскольку практики исключения играют серьезную роль при формировании идентичности. Однако такое положение инвалидов в обществе сопряжено с нарушением прав человека и является ошибочным в контексте изменения современной структуры рынка труда, на которую определенное влияние оказывает

увеличение численности этой социальной группы в мире и в нашей стране. В связи с этим не менее актуальным и активно артикулируемым в настоящее время вопросом является создание безбарьерной среды для людей с ограниченными возможностями. Безбарьерная среда для инвалидов Одним из условий развития такой среды является производство вспомогательных средств передвижения инвалидов. Производство протезов в России издавна базировалось на целой сети заводов и мастерских, однако производимые протезы были громоздки, тяжелы и, главное, непрочны, а слуховые аппараты - крайне несовершенны акустически и неудобны в ношении. Переворот в производстве инвалидных колясок произошел в начале 1980-х годов, когда, выполняя решение Правительства СССР, один из заводских цехов Владимира стал выпускать две модели комнатных и одну модель прогулочной (рычажной) колясок по лицензии германской фирмы «Меута», и быстро довел свою производительность почти до 30 тыс. колясок в год. И хотя немцы продали морально устаревшие и тяжелые образцы, благодаря их возможности складываться десятки тысяч инвалидов могли теперь не только спускаться по лестницам и выезжать за пределы своих квартир, но и путешествовать в машинах и лечиться на курортах. Эти коляски выдавались бесплатно по рекомендации медицинских комиссий местными комитетами министерства социального обеспечения: комнатная коляска на 7 лет, прогулочная - на 5 лет. И по сей день эти коляски являются самыми популярными и дешевыми в России (около 200 долларов США) и поставляются во многие регионы.

Ситуация в стране резко изменилась с перестройкой, в результате которой стала открытой информация о технических возможностях других стран во всесторонней реабилитации инвалидов. В крупных городах, в основном благодаря деятельности благотворительных организаций, стали появляться современные коляски, слуховые аппараты и другие изделия. В России обосновались представительства ведущих западных фирм-производителей протезов и реабилитационной техники, которая, будучи недоступной по ценам для рядовых граждан, заказывается и закупается состоятельными семьями или чаще богатыми предприятиями, где раньше работали или продолжают работать инвалиды с трудовым увечьем. В начале 1990-х годов в Москве, а затем в Ошк-Петербурге появились мастерские, в которых по западным (в основном шведским) образцам стали конструироваться и собираться новые для России компактные легкие инвалидные коляски из титана и алюминия. Характерно, что руководителями этих небольших предприятий («Преодоление», «Катаржина», «Люкор»), а также дизайнерами и рабочими, являются сами инвалиды. Их коляски вполне сопоставимы по основным параметрам с западными аналогами, но в три-четыре раза дешевле. Несмотря на это приобретать их могут далеко не все региональные комитеты социальной защиты, которые имеют свой самостоятельный и очень ограниченный бюджет, и тем более - инвалиды, социальные пенсии которых в среднем в 25 раз меньше стоимости таких колясок. Проблема на сегодняшний день заключается не только в малом ассортименте и устаревших образцах производимого российскими заводами специального оборудования, но и в том, что после децентрализации федерального бюджета комитеты социальной защиты населения во многих дотационных регионах не имеют собственных средств на закупку колясок и другого реабилитационного оборудования, и очереди на получение бесплатных колясок растягиваются на несколько лет.

Подобная ситуация обстоит и с обеспечением инвалидов автомобилями, причем адаптированное управление для инвалидов без одной или обеих рук в России перестало выпускаться вовсе. Некоторым категориям инвалидов просто отказывают в праве вождения любого транспорта, и им приходится добиваться получения водительской лицензии противозаконными методами, водить машину нелегально или оформлять ее на родственников. Однако есть и позитивные сдвиги: недавно было разрешено управлять автомобилем лицам с потерей слуха. Производство более индивидуальных мелких приспособлений для адаптации инвалида в нашей стране практически не развивается! Бели раньше одной из проблем, препятствующих реадaptации инвалидов, в том числе и техническими средствами, являлось пренебрежение к этой группе советских граждан, то теперь препятствие реабилитационным программам происходит из-за отсутствия или нехватки средств. Это стало причиной того, что значительная часть населения подвергается маргинализации и не участвует в активной жизни.

Ветераны войны и труда, престарелые граждане и инвалиды испытывают значительные затруднения при перемещении по улицам, пользовании жилыми и общественными зданиями, транспортом. Их отторжение от нормальной активной жизни можно рассматривать как факт социальной

дискриминации. Вот как современное состояние социальной политики характеризует лидер общественной организации ветеранов войны в Афганистане: *«Социальная политика ухудшилась однозначно. Мы, конечно, пою\* маем ситуацию в стране, что в 1987 году заводы работали и какие были возможности у администрации и какие сейчас, но, допустим, путевки давались, льгот больше было. Сейчас - компенсаций на бензин не дают, машины через семь лет не меняют, путевки просто не предлагают, а если предлагают, это только местные санатории нашей области. Потом, лекарства раньше бесплатные были, сейчас это вообще забудьте что такое, придешь с бесплатным рецептом положишь его и придешь в лучшем случае через полгода. Культурное развитие семей афганцев - сейчас и билеты никуда не возьмешь, вот раньше берем мы 20 билетов и идем на концерт Пугачевой, сейчас на биле' ты цены такие, она недоступна культура. Единственное, вот сейчас преимущество рыночной экономики, что если у тебя есть деньги, то ты можешь практически приобрести все, что угодно, вот в этом может быть преимущество, а в отношении нас, которые здоровье все отдали, чтобы интересы страны соблюсти. На нас сейчас не очень, в общем, внимание обращают»* (руководитель ассоциации инвалидов войны в Афганистане, муж., 43 года, Среднегорск, 2000).

Проблема социальной защиты инвалидов особенно актуальна в рамках построения гуманного правового государства, принятия в 1993 году новой Конституции, утверждающей равные права для всех граждан России без исключения, и выхода указа Пре\* зидента РФ от 2 октября 1992 года № 1156 «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» и постановления Правительства РФ от 16 января 1995 года «О федеральной комплексной программе «Социальная поддержка инвалн-' дов». Во исполнение указов Президента и постановлений Правительства в ряде городе\* I России были разработаны целевые программы реализации мер социальной интеграции j инвалидов, создания безбарьерной среды с учетом региональных, территориальных j факторов (Новосибирск, Москва, Санкт-Петербург). Целью этих программ является, i во-первых, планирование конкретных мероприятий, обеспечивающих инвалидам рав ные со всеми гражданами возможности в пользовании жилыми и общественными зданиями, услугами социально-бытовых и культурных учреждений, в образовании и трудоустройстве, во-вторых, формирование среды, предполагающей беспрепятственный доступ инвалидов к инфраструктуре обеспечения инвалидов средствами индивидуального транспорта и организацией производства средств городского общественного пассажирского транспорта, приспособленных для инвалидов, в-третьих, оборудование квартир специальными приспособлениями для инвалидов. В Среднегорске, несмотря на наличие ряда интересных проектов и появление нормативно-методической документации по проектированию зданий, доступных для инвалидов, решение задач адаптации среды носит зачастую случайный характер, зависящий от уровня компетенции специалиста, взявшегося за разработку проекта. Вместе с тем законодательная база является лишь предпосылкой для большой работы по созданию безбарьерной среды, которая должна начинаться с детальной разработки частных механизмов реализации декларируемых норм, с мониторинга жилищных и социально-пространственных нужд инвалидов, развития политики адаптации окружающей среды к потребностям инвалидов.

Социологические исследования социальных, психологических, медицинских аспектов адаптации инвалидов, должны быть дополнены изучением возможностей мобильности инвалидов и характера их жилищно-пространственных нужд. В этой связи целесообразно осуществить классификацию инвалидности по степени мобильности. Такие классификации разработаны в разных странах с той или иной степенью детальности. Существуют также международные правила, помогающие планировать и регулировать социальную поддержку инвалидов в контексте специальных потребностей разного рода<sup>46</sup>. Инвалиды различных категорий имеют разные нужды и требования к жилью и пространству. Задачи классификации направлены на содействие планированию деятельности органов территориального социального обслуживания, а при условии развития социальной работы в местном сообществе - это задача социального работника. На сегодняшний день в Среднегорске действует только медицинская классификация потрем группам, что находит отражение в статистике соответствующих государственных сервисов и в общественных организациях инвалидов.

В задачи целевых программ, которые приняты в некоторых регионах госсии, входит предоставление инвалиду возможности выбирать удобную для него форму проживания: в обычных зданиях массовой жилой застройки с использованием специального оборудования или в специализированных

комплексах социальной защиты (дом-интернат, дом сестринского ухода, территориальный центр обслуживания, реабилитационный центр). На практике выбор может осуществляться между интернатом и проживанием в неприспособленной к потребностям инвалида доме, квартире. Отсутствуют услуги по обустройству жилых помещений для инвалидов, в сметы новых построек по-прежнему не закладываются расходы на аксессуаров для инвалидов. Чиновники на заданный вопрос об отсутствии приспособительных устройств для инвалидов чаще всего ссылаются на недостаток средств. Однако еще до начала строительства или реконструкции должна составляться смета, куда могут быть сразу включены расходы на установку пандусов, подъемников, специализированных туалетов. В Великобритании повсеместное наличие специальных знаков, учитывающих потребности инвалидов, звуковые светофоры, удобные тротуары делают совершенно естественной мобильность инвалидов. Появление человека на инвалидной коляске не привлекает излишнего внимания. В Москве девять вокзалов, на реконструкцию которых затрачены средства, но при этом ни один из них не приспособлен для инвалидов. На Павелецком вокзале диктор регулярно сообщает о том, что помещение вокзала оборудовано для инвалидов, однако набор сервисов ограничивается наличием обычных телефонов-автоматов (которые существуют для всех) и медицинской комнаты (которая также для всех граждан, не имеет ничего специального для инвалидов). В Среднегорске отсутствуют знаки, которые указывают инвалиду, куда проехать, где оставить автомобиль, хотя на автостоянках должны быть места с обозначениями на асфальте - человек в коляске, лифты не приспособлены для инвалидов колясочников, между тем широкие лифты были бы более удобны не только для инвалидов, но и для детских колясок.

Среди причин, снижающих социальную активность инвалидов, в: том, числе и ко) курентоспособность на рынке труда, сами инвалиды, как показали интервью, чаще В1 дел я ют барьеры среды, когда они испытывают трудности с передвижением, трансгкц тировкой к месту работы, связанные с недоступностью или неудобством различна объектов социальной инфраструктуры. Другая часто упоминаемая причина - отсутст вне или плохое качество необходимых приспособлений: «да что они на протезном М лают - это же не протезы, а мучение одно, на них и ходить-то невозможно», «нужа ходить в магазин, а это не всегда удобно», «уволилась... работала в две смены, в ча ночи возвращаешься, да еще дорога неудобная». К сожалению, в последние годы <я туация в основном остается неизменной, хотя имеют место локальные положительна примеры грамотного подхода к вопросам доступности среды и технического обеслеч ния. Чаще всего эти примеры демонстрируют владельцы частных фирм и сервиса ориентированные на международные стандарты работы.

По словам заместителя министра труда и социального развития РФ А. И. Осадчи на сегодняшний день в России сформированы основы реабилитационной индустрии объединяющей более 200 предприятий - производителей технических средств реабилитации инвалидов: «Разработано более 150 новых технических средств протезированн вспомогательных устройств, новых средств для передвижения инвалидов. Появлн аппараты, дающие возможность слепым ориентироваться в пространстве, а глухим.) «слышать». Внедрен в производство не имеющий аналогов синтезатор речи для иня лидов с поражением слуха и речи. Выпускается модернизированная модель кресла коляски с изменяемыми характеристиками ходовой части, а также усовершенствовав ные модели тростей и костылей». Некоторые сдвиги, благодаря энергии руководит лей местных инвалидных организаций, происходят в ряде городов России, в основжя в столицах. Иногда въезды в магазины, кафе, кинотеатры делаются доступными я личной просьбе отдельных инициативных инвалидов после личного знакомства с прея принимаателями - владельцами помещений.

Проведенные нами кейс-стади общественных организаций инвалидов демонстм руют, что основные позитивные сдвиги происходят только благодаря личным знаки ствам, связям. Формальные процедурные отношения с чиновниками практически вм работники и руководители общественных организаций инвалидов обозначают в терма нах «биться, воевать, доказывать, пробивать». Вот как складывающиеся отношена) с администрацией Среднегорска характеризует один из лидеров общественной органа, зации воинов интернационалистов: *«Что касается с правительством, ну боящиц конфликтов у нас не было, мы стараемся избегать их. Почему? Потому что, Щ первых, сложно воевать нам с ними -- это раз, а во-вторых, я думаю, что мэриц во всяком случае идет нам навстречу. Если где-то на рынке какое-то место сделать: нет вопросов, если трудоустроить кого-то афганку какую-то - ну, апЪганку, я имен ввиду жену адЪгания или служила там тоже - в общем-то есть возможность такая А с правительством — ну вот перед выборами относятся к*

нам нормально, другое дело - сложно попасть на прием в правительство и вообще вопрос какой-то решить так как сложный режим пропусков» (руководитель ассоциации, муж., 43 года. Среднегорск, 2000). Стиль взаимоотношений с властью имущими лидер общества слепых харав теризует следующим образом: «Когда человеческое руководство будет думать о челе веке, тогда сможет что-то сделать, а пока сейчас все думают, как бы до местно и до российской Думы пробраться. Причем думают прежде всего не вы и не я, а те, у кого деньги есть, чтобы закон налоговый отстоять путем поднятия руки и нажатия клавиши. Вот они зачем туда пробиваются, у них заводы есть, предприятия. Даже мэр города им иногда не может ничего доказать» (руководитель Среднегорского отделения ВОС, муж; j'47 лет, Среднегорск, 2000).

На некоторых станциях Московского метрополитена покрытие у края перрона имеет отличающуюся структуру поверхности. Слепым помогает звуковое оповещение о приближении поездов и смена голоса диктора в поездах, объявляющего название станций, скажем, с женского на мужской при приближении к центру города или, наоборот, удалению от него. На некоторых, но, к сожалению, далеко не на всех, автобусных и троллейбусных маршрутах объявляются не только названия остановок, но и номера маршрутов и направления следования. Эти и ряд других удобств характерны, однако, только для столицы и, может быть, для особых районов некоторых городов. Но даже в относительно благополучной Москве, по наблюдению компетентных членов ВОС, лишь половина незрячих рискует передвигаться по городу без помощи спутника. Культура подготовки специально обученных собак-поводырей в России пока не привилась. Большое неудобство и даже опасность для слепых в больших городах представляет неупорядоченная парковка автомашин на тротуарах и во дворах, а также хаотично размещаемые места уличной торговли.

В процессе создания безбарьерной среды для инвалидов в нашей стране большую роль способны сыграть прецеденты, активная артикуляция прав инвалидов, доведение случаев нарушений до суда. Однако, учитывая несовершенство российской судебной системы и отсутствие традиции судебного решения таких вопросов, общественные организации инвалидов и, тем более, отдельные лица крайне редко вступают в правовую форьбу с властями. Не известно ни одного случая, когда по суду были наказаны официальные ведомства, не обеспечившие доступность социальной инфраструктуры инвалидам. Мировой опыт показывает, что среда, приспособленная для инвалидов, благоприятна для всех членов общества. Сейчас в России, в принципе, создана нормативно-фввовая основа для формирования безбарьерной среды.

Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (1995) обязывает органы власти создавать инвалидам условия для свободного доступа к объектам социальной инфраструктуры. Госстроем и Минтрудом России принят и введен в действие Порядок реализации требований доступности для инвалидов к объектам социальной инфраструктуры<sup>48</sup>. В документе РДС 35 20198, обязательном для исполнения, и предусмотрен учет требований доступности социальной инфраструктуры для инвалидов при подготовке и утверждении заданий на проектирование. Проектные задания должны быть согласованы с местными органами социальной защиты. Контроль дол жен осуществляться при участии представителей органов социальной защиты и общественных организаций инвалидов. Новые жилые помещения должны строиться с учетом возможной адаптации любой квартиры к нуждам инвалидов. РДС 35 201 98 рекомендует исполнительным органам ввести поэтапную реконструкцию городов и поселков. При текущем ремонте дорог, например, устраивать съезды и пандусы, приспособивая их для инвалидов. При сдаче в аренду или продаже нежилых помещений местные власти могут обязать арендатора или нового владельца выполнить требования доступности помещения для инвалидов. Местные власти в соответствии с законом должны требовать не выдавать лицензий тем автотранспортным предприятиям, которые отказываются оснащать свои автобусы подъемниками. Перспективным планом благоустройства города должна стать поэтапная реконструкция улиц и перекрестков, при которой будут учтены и требования инвалидов. Однако норма закона, декларирующего, что «организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности несут ответственность за неисполнение обязанностей по обеспечению доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры» не имеет механизмов реализации: нет четких обозначений ответственности за неисполнение закона, не предусмотрены механизмы контроля, проверки, стандартизации объектов социальной инфраструктуры. Очередным законодательным регулятором вопросов доступности среды жизнедеятельности стало постановление Правительства Российской Федерации от 25 ноября 1995 года, где был принят

федеральный перечень гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам. В этом документе обозначены услуги, которые предоставляются инвалидам и пожилым в условиях стационарного учреждения и на дому, в том числе ряд материально-бытовых, социально-медицинских, правовых, ритуальных, образовательных услуг, связанных с социально-трудовой реабилитацией. Относительно новым аспектом является перечень услуг для престарелых и инвалидов, предоставляемых на дому. Здесь дублируется список услуг, перечисленных выше, и указываются дополнительные услуги, оказываемые специализированными отделениями помощи на дому: это медико-санитарные мероприятия, реализуемые центрами социального обслуживания или органами социальной защиты населения (социально-медицинское обслуживание на дому). Кроме того, сюда относятся также услуги, предоставляемые отделениями срочной социальной помощи, (срочное социальное обслуживание предусматривает оказание разовых услуг остро нуждающимся в социальной поддержке): обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости; оказание материальной помощи; содействие в предоставлении временного жилого помещения; обеспечение бесплатным горячим питанием или продуктовыми наборами; организация экстренной медико-психологической помощи. Обозначены услуги, предоставляемые в полустационарных условиях (отделениях дневного (ночного) пребывания, создаваемых в муниципальных центрах социального обслуживания или при органах социальной защиты населения), в том числе для лиц без определенного места жительства. Это типовые услуги социально-бытового и медицинско-психологического характера.

Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 года № 473 регулирует порядок предоставления бесплатных и оплачиваемых социальных услуг. Социальные услуги предоставляются бесплатно одиноким инвалидам, получающим пенсию, в том числе с учетом надбавок, в размере ниже прожиточного минимума, установленного для данного региона; инвалидам, имеющим родственников, которые по объективным причинам не могут обеспечить помощь и уход, при условии, что размер их пенсии ниже прожиточного минимума; инвалидам, проживающим в семьях, среднедушевой доход которых ниже прожиточного минимума. Социальные услуги предоставляются на условиях частичной оплаты: инвалидам, получающим пенсию, в том числе с учетом надбавок, в размере от 100 до 150 процентов прожиточного минимума; инвалидам, проживающим в семьях, среднедушевой доход которых составляет от 100 до 150 процентов прожиточного минимума. Ежемесячный размер частичной оплаты социальных услуг, предоставляемых на дому, не должен превышать 25 процентов от разницы между получаемой пенсией, в том числе с учетом надбавок, и прожиточным минимумом. Ежемесячный размер частичной оплаты социальных услуг, предоставляемых в полустационарных условиях, не должен превышать 50 процентов от разницы между получаемой пенсией, в том числе с учетом надбавок, и прожиточным минимумом. Социальные услуги предоставляются на условиях полной оплаты - инвалидам, раз-Мер пенсии которых, в том числе с учетом надбавок, превышает на 150 процентов прожиточный минимум; имеющим родственников и проживающих в семьях, где среднедушевой доход превышает на 150 процентов прожиточный минимум. Социальные услуги оказываются только при условии добровольного согласия инвалидов, за исключением случаев, когда оказание таких услуг необходимо, чтобы спасти жизнь инвалида.

Приведенные документы, в действительности, только закладывают основу развития сервисов социального обслуживания на дому. Задача формирования и развития частных и государственных служб для престарелых инвалидов еще не решена. Сейчас в типичных отчетах управлений и ведомств, комитетов администраций городов звучат стандартные фразы о том, что из бюджета были выделены кому-либо миллионы рублей на компенсацию инвалидам расходов, связанных с транспортным обслуживанием. Это порой единственные строки, касающиеся транспортного обслуживания инвалидов. Речь не идет о серьезном планировании при решении вопроса доступности транспорта.

Жилищная политика в отношении инвалидов - очередной важный момент, затрагивающий вопросы доступной для инвалидов среды жизнедеятельности.

Обеспечение инвалидов жилой площадью предусмотрено статьей 17 Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В дополнение к закону было принято постановление Правительства РФ от 27 июля 1996 года № 901 «О предоставлении льгот инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг». Основные положения: льготы по оплате жилья и коммунальных услуг

предоставляются любому инвалиду и не зависят от группы и причин инвалидности; инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, могут состоять на учете для улучшения жилищных условий одновременно по месту работы и месту жительства; при предоставлении жилого помещения инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, учитываются рекомендации индивидуальной программы реабилитации (ИПР), состояние здоровья, а также другие обстоятельства; дополнительная жилая площадь в виде отдельной комнаты предоставляется инвалидам в соответствии с перечнем заболеваний, утвержденным Правительством РФ; предоставление инвалиду жилого помещения в домах государственного или муниципального жилищного фонда осуществляется с учетом его права на дополнительную жилую площадь. Дополнительная жилая площадь, занимаемая инвалидом, в том числе в виде отдельной комнаты, не считается излишней и подлежит оплате в одинарном размере с учетом предоставляемых льгот. Инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, предоставляется скидка не ниже 50 процентов от размера квартирной платы и стоимости оплаты коммунальных платежей.

Долгое время инвалиды не могли получить ответ на вопрос: является ли бытовая электроэнергия коммунальной услугой? Только по истечении определенного времени им подтвердили, что электроэнергия, газ и твердое топливо, используемые для отопления жилых домов, входят в состав коммунальных услуг. Для получения льгот по оплате электроэнергии инвалиды должны зарегистрироваться на предприятии городских электрических сетей, предъявив необходимые документы.

Таким образом, на сегодняшний день условия безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов только начинают создаваться, несмотря на то, что указ Президента РФ «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» был принят десять лет назад. Те, от кого зависит формирование безбарьерной среды, среди препятствий к внедрению разработанных градостроительных и жилищных нормативов чаще всего называют финансовые проблемы. Однако, на наш взгляд, это проблема расстановки приоритетов и недостаток контроля за реализацией законодательных норм.

#### Выводы

Действующее социальное законодательство обладает целым рядом очевидных достоинств. Вместе с тем оно все еще носит в себе отпечаток «социалистического наследия» и не отвечает требованиям современного состояния и развития общества. Об этом свидетельствует декларативный характер многих законов, отсылочный вектор большинства норм. Вступление в силу целого ряда статей Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» отложено на неопределенный срок или проигнорировано. Проблемы реализации социальных законов закладываются еще на законодательном уровне, а не сводятся лишь к финансовым трудностям, как это принято представлять. Не отлажен механизм принятия социальных законов, требуют усовершенствования отношения между центром и регионами в аспекте реализации и разработки социального законодательства, отсутствуют стандарты социальной защиты и инфраструктура социального законодательства, то есть его подкрепление соответствующими мерами социальной политики. Механизмы реализации социального законодательства нуждаются в функциональном воплощении, в частности, через профессионализацию деятельности социальных служб, в связи с чем безотлагательного решения требует и вопрос о повышении статуса специалистов социальной работы и социальных работников.

Россия, стремясь войти в мировое сообщество как открытое демократическое государство, одним из приоритетных направлений государственной политики декларирует соблюдение прав и свобод граждан, обеспечение равенства возможностей всех членов общества. В этот период происходит переход к рыночной форме хозяйствования, который сопровождается глобальным экономическим кризисом, значительным спадом производства. Реформаторская деятельность в социально-правовой сфере дала свои первые плоды, хотя процесс нормотворчества оказался связанным с преодолением целого ряда институциональных, организационных, юридических и социально-экономических проблем. Юридические контуры нового социального порядка прорисовываются и по сей день. Законы, постановления и иные нормативные документы постепенно складываются вместе, подобно фрагментам головоломки. Но вот общая, системная картина социального государства пока еще не готова. Мы рассмотрели дискурсивные рамки новейшего социального законодательства Российской Федерации в попытке увидеть основные трансформации и противоречия социальной политики в

- отношении инвалидов, наблюдаемые в течение 1990-х годов.<sup>4</sup> *Справочник документов по ВТЭ и трудоустройству инвалидов / Под ред. П. А. Маккавейского. Л.: Медицина, 1981]. С. 22.*
- <sup>1</sup> *Индолев Л. К* Тем, кто в коляске и рядом с ними. М: Инфра-М, 1990. ,<sup>6</sup> Там же.
- <sup>2</sup> *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. С. 75.
- <sup>8</sup> *Справочник документов по ВТЭ и трудоустройству инвалидов / Под ред. П. А. Маккавейского. Л.: Медицина, 1981. С. 123.*
- <sup>9</sup> *Левина М. И.* Анализ законов о социальной защите уязвимых групп населения (1995-1999 гг.) // Социальное законодательство России и Великобритании. М.: Хризостом, 2000. С. 20-21.
- <sup>10</sup> Там же. С. 24,27-28.
- <sup>11</sup> Там же. С. 30.
- <sup>11</sup> Там же. С. 33. <sup>12</sup> Там же. С. 38-39. <sup>14</sup> Там же. С. 51. <sup>13</sup> Там же. С. 42-43.
- <sup>16</sup> *Классификации* и временные критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы. Приложение к постановлению Министерства труда и социального развития РФ и Министерства здравоохранения РФ от 29 января 1997 года № 1/30. П. 1.1.8.
- <sup>17</sup> *Медико-социальная* экспертиза и реабилитация инвалидов. Вып. 16. М., 1997. С. 2.
- <sup>18</sup> *Классификации* и временные критерии, используемые при осуществлении медико-социальной экспертизы. Приложение к постановлению Министерства труда и социального развития РФ и Министерства здравоохранения РФ от 29 января 1997 года № 1/30. П. 2.1.1-2.1.3.
- <sup>6</sup> *Scotch R. K.* Disability // Analyzing social problem: essays and exercises / Ed. by D. Dunn, D. V. Waller. New Jersey: Prentice-Hall, 1997. P. 145-148.
- <sup>20</sup> *Наберушкина Э. К.* Социальный статус инвалидов // Социокультурные проблемы нетипичности. Саратов: СГТУ, 1998; *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38—45.
- <sup>11</sup> *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997.
- <sup>73</sup> *Постановление* Министерства труда и социального развития РФ и Министерства здравоохранения РФ от 29 января 1997 года № 1/30 «Об утверждении Классификаций и временных критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы».
- <sup>4</sup> *Постановление* Правительства РФ от 30 июля 1994 года «О государственной поддержке развития медицинской промышленности и улучшении обеспечения населения и учреждений здравоохранения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения».
- <sup>м</sup> *Справочник документов по ВТЭ и трудоустройству инвалидов / Под ред. П. А. Маккавейского. Л.: Медицина, 1981. С. 127 .*
- <sup>н</sup> Там же. С. 134.
- <sup>м</sup> Там же. С. 150.
- <sup>17</sup> *Постановление* Совета министров РСФСР от 22 августа 1961 года № 1070 «О мерах по улучшению трудового устройства инвалидов в РСФСР».
- <sup>4</sup> *Постановление* Совета Министров РСФСР от 10 декабря 1976 года № 1010 «О дополнительных мерах по улучшению организации профессионального обучения и трудового устройства инвалидов».
- <sup>19</sup> *Федеральный закон* «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 года. Ст. 26.
- <sup>м</sup> *Клинические* и социальные аспекты профилактики инвалидности и реабилитации. СПб.: ЛИУВЭК, 1992. С. 16.
- <sup>11</sup> *Федеральный закон* от 24 ноября 1995 года «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Ст. 33-34.
- <sup>4</sup> *Safilios-Rothchild C.* The sociology and social psychology of disability and rehabilitation. New York, 1997.
- <sup>4</sup> *Лунькова М.* Труд инвалидов в общем балансе рабочей силы в РСФСР // Материалы первой республиканской научно-практической конференции по трудовому устройству инвалидов в промышленности и сельском хозяйстве. М.: Наука, 1969. С. 29.<sup>34</sup> Там же. С. 30-31.
- <sup>15</sup> *Пушкина Т., Козлова Л.* Профессиональная реабилитация и занятость инвалидов: реализация законодательства РФ // Человек и труд. 1998. № 6. С. 30.
- <sup>м</sup> *Ляшко Н.* Восстановление трудоспособности и трудоустройство инвалидов в СССР // Материалы первой республиканской научно-практической конференции по трудовому устройству инвалидов в промышленности и сельском хозяйстве. М.: ЦИЭТИН, 1969. С. 4.
- <sup>37</sup> *Кондратов А,* Особенности трудового устройства инвалидов по зрению на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве // Материалы первой республиканской научно-практической

конференции по трудовому устройству инвалидов в промышленности и сельском хозяйстве. М.: ЦИЭТИН, 1969. С. 47-49.

<sup>38</sup> *Сутягин П.* Трудоустройство инвалидов по слуху на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве // Материалы первой республиканской научно-практической конференции по трудовому устройству инвалидов в промышленности и сельском хозяйстве. М.: ЦИЭТИН, 1969. С. 51-53.

<sup>39</sup> *Пушкина Т., Козлова Л.* Профессиональная реабилитация и занятость инвалидов: реализация законодательства РФ // Человек и труд. 1998. № 6. С. 32.

<sup>40</sup> Там же. С. 33.

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> *Слабнина Е. В.* Особенности социально-профессиональной реабилитации людей с ограниченными возможностями. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 1999. С. 31.

<sup>43</sup> Там же.

<sup>44</sup> *Дубинина И. А.* Современные проблемы трудовой занятости инвалидов // Клинические и социальные аспекты профилактики инвалидности и реабилитации. СПб.: ЛИЦВЭЖ, 1992. С. 15-16. <sup>4i</sup> Указ Президента РФ от 2 октября 1992 года № 1156 «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности».

<sup>46</sup> *International classification of impairments, disabilities, and handicaps. A manual of classification relating to the consequences of disease.* Geneva: World Health Organization, 1980.

<sup>47</sup> *Осадчих А.* Они нуждаются в поддержке // Социальное обеспечение. 1999. № 2. С. 22-23.

<sup>48</sup> *Сборник нормативных документов Госстроя.* М., 1998.

<sup>49</sup> *Левина М- И.* Анализ законов о социальной защите уязвимых групп населения (1995-1999 гг.)



# Этнографии социальных служб

## СТРАТЕГИЯ КЕЙС-СТАДИ I ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Понятие кейс-стади применительно к методам сбора данных вошло в словарь российской социологии в начале 1990-х годов. В этот период значительных трансформаций в корне изменялась не только социальная и экономическая структура общества, но и способы понимания и объяснения социальной реальности. Падение железного занавеса вызвало новую волну интереса к исследованиям советского и постсоветского общества. Стала очевидной необходимость более глубокого осмысления отдельных сфер жизни советского человека, оставшихся вне основного интереса традиционной российской социологии или нуждающихся в реинтерпретации. Некоторое смещение внимания с макроуровня политических схем в частную сферу оказалось возможным в социологии, истории, политологии, гендерных исследованиях тогда, когда стало приемлемым и востребованным широкое применение качественных методов, а именно: включенного наблюдения, нарративного и биографического интервью, дискурсивного анализа текста.

Для изучения низового уровня социальной политики, где оперируют такие агентства и акторы, как социальные службы и социальные работники, полезным оказывается использование этнографических кейс-стади. Сразу отметим, что применение понятия «этнография» относится к трем разным сферам научного знания: дисциплине, жанру и методу<sup>1</sup>. Этнография хорошо известна российскому читателю в качестве научной дисциплины, занимающейся исследованием образцов

традиционной культуры, быта народов, удаленных от индустриальной цивилизации территориально и во времени. Этнографический подход к социологическому исследованию повседневной жизни современного города, метод сбора данных и жанр представления результатов сегодня вкупе с другими качественными методами распространяется в отечественной социальной науке. Отличительный признак этнографического исследования - скрупулезное внимание к деталям, рассмотрение особенностей какого-либо процесса или института посредством включенного наблюдения, глубинных интервью, анализа документов. Применяемые к изучению внутренней жизни учреждений, эти инструменты сбора данных подразумевают аналитический интерес к структурам повседневной жизни, организации культуры во всей совокупности ее проявлений.

Принципиальное отличие этой методологии - в той сокращенной дистанции между своим и чужим миром, между социологом и информантом, которая выступает условием естественности ситуации исследования, основой Доверия и благожелательного отношения со стороны членов сообщества. Но в то же время для исследователя, применяющего этнографические методы, такая методология является источником каждодневных испытаний, личностных переживаний и этических дилемм. В этом разделе книги мы собрали этнографии социальных служб, уделяя особое внимание их повседневной деятельности. Этнография организации является по преимуществу кейс-стади (case study) и обладает типичными для этого типа исследования методологическими допущениями. Заметим, что такие исследования проводятся на одном объекте - случае (case), каким является некое сообщество, отдельно взятое социальное явление, класс действий или область деятельности.

Изучение случая опирается на анализ частных единиц анализа - личных биографий, отдельных предприятий, населенных пунктов, типов потребления или трудовой деятельности. Эти случаи оказываются интересными в большей степени, чем индикаторы, или переменные, составляющие схему сбора «сырых» данных в количественных исследованиях. Организации или другие случаи, выбранные для анализа, можно сравнивать между собой, составлять классификации. Отчет по разным типам кейс-стади содержит описания и рекомендации, в которых акцент делается не на расчете уровня доверия к данным, а на возможности того или иного события, типа социальной практики, способа социального взаимодействия. С учетом специфики этих полевых практик и особенностей представления результатов в отчете, статье или книге, сложилась определенная система укрепления надежности данных, известная под термином «триангуляция»<sup>2</sup>. Имеется в виду коллективный способ сбора и анализа данных, когда в группе обязательно присутствие исследователей разного пола, расы, возраста, чтобы избежать односторонних интерпретаций, вызванных возможными предубеждениями ученого.

В литературе представлены различные типы кейс-стади. Например, Л. Стенхауз выделяет эвалуаторное (направленное на оценку эффективности), образовательное и этнографическое кейс-стади<sup>3</sup>. Р. Йин предлагает свою классификацию, в которой называет такие типы, как аналитическое (объяснительное) и описательное кейс-стади<sup>4</sup>. Описательная стратегия заключается в поиске ответов на вопрос «как», и ее задача состоит в подробном описании некоторого социального явления или института. В свою очередь, объяснительная стратегия отвечает на вопрос «почему» и осуществляет поиск причин и факторов, оказывающих влияние на ситуацию. В этом случае кейс-стади не просто позволяет уточнить факты и упорядочить массу деталей, но способствует формулированию теории<sup>5</sup>. Сегодня методология кейс-стади является разработанным и широко применяемым в социальных науках инструментарием. В отечественной науке она нашла применение сравнительно недавно, но уже стала источником новых идей и интересных открытий. Перспективным направлением в развитии этой полевой стратегии является исследование организаций. Достаточно хорошо известен опыт применения подобных методов к исследованию промышленных предприятий<sup>6</sup>, крестьянского подворья<sup>7</sup>.

История применения методологии кейс-стади зарубежными социологами включает целую традицию исследования социальных служб и социальной политики, включая организационную социологию, анализ организационного поведения и прикладной политологии. Опираясь на кейс-стади и методы невключенного наблюдения, П. Блау осуществил свое исследование организационных процессов, где продемонстрировал многие достоинства и недостатки этой методологии. Он весьма осторожно отметил, в частности, что несмотря на то, что выборка в таких исследованиях не является случайной и количество единиц исследования невелико, все же на основе сравнения данных возможно сделать определенные обобщения по поводу деятельности формальных организаций. В нашей полевой работе мы тоже исходили из этого предположения и полагаем, что полученные данные позволяют

трактовать рассматриваемые организации как типичные примеры учреждений, воплощающих социальные отношения, характерные для современной российской ситуации.

В контексте обсуждения методологии Блау приводит и ряд основных трудностей, связанных с применением наблюдения как основного метода сбора данных. Исследование формальных организаций неизбежно сталкивается с такими трудностями, как «хоуторнский эффект» (возможное влияние наблюдателя на деятельность того субъекта, за которым наблюдают), и поиск типичности в череде наблюдаемых социальных взаимодействий. Иными словами, необходим некоторый навык, чтобы определить, какое из взаимодействий считать важным, типичным и существенным с точки зрения исследования<sup>9</sup>. Эти соображения были положены в основу целого ряда исследований организаций, относящихся к системе социального обеспечения.

Так, в своем исследовании отделов регистрации в социальных службах нескольких британских городов Э. С. Холл уделил особое внимание вопросам методологии, в частности проблеме «хоуторнского эффекта»<sup>10</sup>. Холл замечает, что если на ранних стадиях исследования присутствие исследователя и оказывает определенное влияние на организационный контекст, то с течением времени значение этого эффекта ослабевает и перестает быть сколько-либо существенным<sup>11</sup>.

Британский исследователь проводил свое исследование достаточно долго, и работники социальной службы перестали воспринимать его как нечто непривычное: «я работал в отделе более года, прежде чем занялся непосредственно практиками регистрации клиентов, и к тому времени воспринимался, в значительной степени, как элемент мебелировки»<sup>12</sup>. В нашем проекте в ряде случаев мы были лишены такой роскоши, как символическое превращение в деталь интерьера, ввиду того, что полевые исследователи работали в проекте лишь по совместительству и не могли уделить столько времени проведению этнографического наблюдения, сколько бы хотелось. Однако шестеро наших коллег работали в исследуемых организациях, что в некоторой степени делало их инсайдерами в отношениях с информантами. Другие исследователи задействовали свой социальный капитал от предыдущего общения с администрацией и сотрудниками учреждений по поводу практики студентов, написания совместных проектов или повышения квалификации.

Кейс-стади имеет общие корни с методом индивидуальной социальной работы со случаем (case work), который до сих пор практикуется в качестве важной диагностической процедуры для идентификации условий жизни и проблем клиента. Начиная с 1970 года за рубежом стратегия кейс-стади оказалась востребованной в управлении социальными службами при оценке их эффективности. Результаты такой работы, проводимой независимыми экспертами из академических учреждений, содержали не только позитивные оценки, но и критику, а также обширные рекомендации по улучшению деятельности отдельных направлений. Эти отчеты довольно часто публиковались и становились предметом публичного обсуждения в связи с реформами в социальной политике и поиском оптимальных способов администрирования в этой сфере. В Великобритании значительное внимание уделялось изучению социальных служб на местном уровне<sup>13</sup>. Среди работ этого периода заслуживают внимание исследования отдельных видов социальных сервисов и направлений социальной работы, например, с пациентами психиатрических клиник<sup>14</sup>, пожилыми<sup>15</sup>, а также с лицами, совершившими незначительные правонарушения и отбывающими условный срок заключения<sup>16</sup>. Учитывая многообразие форм социальной поддержки, С. Хэтч пишет о развитии негосударственных организаций социальной сферы<sup>1</sup>. -1

Контекст и случаи ,

Концепция кейс-стади, которая нашла применение в нашем проекте, опиралась на определенные представления о природе случая и на аналитическую схему, ставшую логическим каркасом для сбора и интерпретации данных. В качестве случая здесь предстают, по сути дела, несколько социальных феноменов, каждый из которых обладая как собственной уникальностью, так и достаточной степенью типичности. Кейс-стади» а особенно этнографический вид этого исследования, - это всегда динамическое взаимодействие между детальной описательностью, фокусирующейся на особенностях той или иной социальной практики, и стремлением выйти на объяснения каких-либо более широких закономерностей. В стремлении сделать результаты работы полезными для тех, кто изучает разные аспекты постсоветской социальной политики и социальных сервисов, тем самым расширить круг читателей, мы постарались преодолеть условность, присущую этнографическим нарративам. Это проявилось в том, что название города и конкретных учреждений по возможности были изменены, и в каждом описании присутствует элемент теоретического и исторического обзора данного типа организации, профессии, направления

социальной политики. На наш взгляд, такой анализ позволяет, с одной стороны, подняться над единичным фактом и поместить его в более целостную, но не статичную, а подвижную картину постсоветской социальной реальности, а с другой стороны, продемонстрировать черты исторической преемственности, проявляющейся в самых разнообразных формах.

Какие случаи стали предметом социального анализа в этом исследовании? Согласно концепции проекта, случай представляет собой отдельный фрагмент социальной реальности, рассматриваемый в пространственно-временном измерении и воплощенный в том или ином направлении социальной политики, организационном контексте определенного учреждения и действиях конкретных специалистов. Мы выбирали случаи в контексте места и времени, поэтому каждый из них имеет пространственно-временное измерение, а также отражает фокус и уровень рассмотрения социальной проблемы. Например, проблема социального статуса и социальной защищенности пожилых людей рассматривается как в сравнительно-историческом ключе, так и под микроскопом - *здесь-и-теперь* - в контексте конкретной организации. Через этот случай конкретной организации мы выходим не только на специфику и эффективность социальной политики, но и на проблему пожилых людей в современной России. В случае со школой-интернатом мы можем увидеть, как относятся к инвалидам в нашем обществе, откуда рекрутируются взрослые инвалиды в дом престарелых, а рассматривая социальную политику в отношении инвалидов, мы анализируем ресурсы и барьеры современной ситуации в этой области. Случаи не просто взяты в пространственно-временном контексте, они еще дают образ, метафору этого контекста.

В исторической перспективе изучение процессов социальной политики отражает конкретный временной срез со всеми своими особенностями и свойствами. Мы подразумеваем здесь изменчивость социально-экономических обстоятельств, особенно ярко проявляющуюся в условиях трансформационного периода, с одной стороны, а с другой - тот факт, что любой момент в истории развития какого-либо института предстает перед нами отягощенным (или наоборот, обогащенным, в зависимости от точки зрения) предыдущим опытом. Этот опыт влияет на настоящее и будущее развитие, включает в себя знания поколений людей, вовлеченных в деятельность этой институции и передаваемых из поколения в поколение, а также идеологии, практики работы, особенности организационной культуры, выражаемые в физическом окружении - стенах, мебели, устройстве кабинетов и пространственной организации учреждений. История учреждений, коллективов и отдельных людей тесно сплетена с историей их физического окружения, и все это является тем наследием, за которое сражаются действующие лица, чему они присваивают наименования, переустраивают, реконструируют и создают заново в политических целях. Вот почему нам был необходим исторический срез проблемы, который отчасти был представлен в предыдущем разделе, а в этнографических описаниях подчас занимает солидное пространство, как, например, в исследовании школы-интерната.

Направление социальной политики стало еще одним из уровней анализа, данные по которому были представлены во втором разделе. «Случаи» или образцы социальной политики по отношению к семье, пожилым или инвалидам позволяют, опираясь на конкретные факты, проанализировать те структурные элементы, которые накладываются на живую ткань повседневного опыта людей.

При попытке зафиксировать время в кейс-стади мы понимаем, что к тому дню, когда эта книга будет опубликована, некоторые люди, о которых здесь шла речь, перейдут на другую работу, произойдут изменения в структуре и формах социального обслуживания. Еще в момент подготовки рукописи к печати руководитель одной из социальных служб, страстный реформатор и инициатор многих интересных проектов, был смещен со своей должности администрацией области. Возможно, будет принят новый федеральный закон, регулирующий деятельность социальных служб, появятся новые направления социальной работы. Все это нами осознается, и это одна из особенностей работы социального ученого - очень трудно сохранять актуальность исследований кейс-стади, содержащих ускользающий образ времени. Материалы представленного исследования фиксируют социально-исторические факты, подвергая их систематической обработке и документированию. Нами предлагаются материалы для сравнения, и другие работы, сделанные в этой области нашими коллегами, могут вступать в дискуссию по поднятым здесь вопросам, обсуждая нововведения с учетом уже представленного контекста или предлагая свое видение ситуации. Мы учитываем особенности методологии этнографического кейс-стади современного общества и затруднения, связанные с попытками фиксировать постоянные социальные изменения. Перед самым изданием книги мы постарались внести в текст некоторые комментарии, связанные, например, с такими

нововведениями в социальной политике, как принятие нового трудового кодекса или повышение зарплат бюджетным служащим, в том числе работникам социальных служб.

Еще одно измерение «случая», который рассматривается в данной работе, - географическое. Поскольку исследование было осуществлено в некотором конкретном большом городе, оно содержит указания на культурный и географический контекст. Многие в развитии социальной политики в регионе зависят в настоящее время от приоритетов местной власти - губернаторов, политической или экономической группы интересов, отдельных руководителей ведомств, корпораций. Кроме того, в одних регионах необходимо отметить наличие традиционных систем соседской поддержки, совершенно отсутствующих в других, а традиционная роль сообществ в целом по-разному проявляется в городе и селе, различаются и уровень жизни, и содержание и способ формулирования социальных проблем. Этнокультурные особенности управления и социальной поддержки тоже проявляют себя по-разному. Все это задает тот специфический контекст, в котором развивается социальная работа, возникают определенные типы профессиональных качеств и организационной культуры. В этом отношении результаты настоящего исследования, с одной стороны, особенные, характерные лишь для одного города, а с другой - являются типичными, содержат в себе узнаваемые повсюду детали и возможность экстраполировать наблюдения и выводы на другие регионы.

Можно предположить, что при сравнении региональных данных в России выявляется больше общего, нежели особенного. Этому способствует все еще сохраняющаяся тенденция к централизации государственного управления в стране и стандартизация организационного дизайна, а также наличие общего языка, культуры и социальных проблем (бедности, безработицы, алкоголизма, наркомании). Регион, о котором идет речь, занимает среднее место по многим показателям: в этническом аспекте здесь преобладают русские; большой удельный вес в местной промышленности занимает военно-промышленный комплекс, ранее загруженный, а сейчас переживающий не лучшие времена; отмечаются средние, по общероссийским меркам, стандарты жизни, доходы, размеры прожиточного минимума и структура потребительской корзины. Было бы интересно в этой связи сравнить полученные данные с другими регионами - в этнических республиках, в условиях преобладания монопромышленной экономики или в регионах, где уровень жизни наиболее низок. Однако это будут другие исследования, актуальность которых со временем лишь возрастет.

Процедура полевого исследования

Несмотря на то, что Среднегорск был нам хорошо знаком, как и сотрудники тех служб и ведомств, с которыми нам довелось тесно взаимодействовать в ходе выполнения проекта, первым важным условием сбора данных стала выработка у себя этнографической дистанции<sup>18</sup>. Это подразумевает попытки смотреть на привычные практики так, словно бы они были чужими, подмечая такие их особенности и свойства, которые в обычных обстоятельствах кажутся естественными. Чтобы этого достичь, был разработан гид интервью, в который вошли вопросы по разным аспектам повседневной деятельности социальных служб и управления социальной политикой в регионе. Гид интервью представлял собой гибкий вопросник, где были отражены темы беседы, которые могли фокусироваться самим интервьюером в зависимости от хода разговора (см. Приложение). Кроме того, был проведен подготовительный тренинг с исследователями, принимавшими участие в сборе данных, разработаны специальные инструкции.

Стратегия такого интервью подразумевает довольно высокий уровень рефлексивности интервьюера, способного контролировать ход беседы, гибко подходить к последовательности вопросов и получению дополнительной информации, которая имеет отношение к целям исследования, но появляется неожиданно. Например, мы были весьма заинтересованы получить коллекцию случаев из практики различных служб (часть этих примеров вошла в книгу). Однако собрать ее оказалось непростым делом, во многом зависящим от того, насколько интервьюер сумел установить доверительные отношения с информантом, как была построена беседа, и от множества других нюансов. К счастью, большая часть интервьюеров, принявших участие в исследовании, были социологами, знакомыми с принципами работы системы местной социальной защиты и имевшими опыт полевой работы. Поэтому нам удалось собрать значительный объем бесценной информации, составившей основу нашего архива полевых документов.

В стремлении рассмотреть одновременно уникальность и типичность социальной политики на местном уровне, исследование развивалось в три этапа, каждый из которых отличался своими

целями, задачами и стратегией сбора полевых материалов (рис. 1).

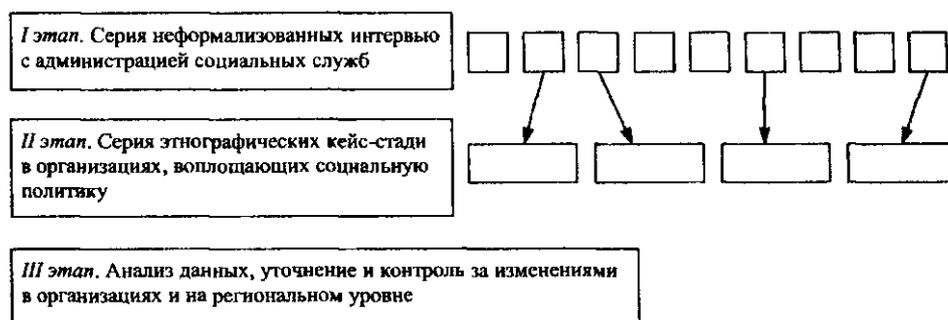


Рис. 1. Схема проекта по исследованию социальной политики в Среднегорске

На первом этапе перед нами стояла задача описать общий контекст развития социальной политики в России и в частности на региональном уровне. Основными методами сбора данных здесь стали интервью с управленцами, поиск ключевых информантов, сбор разрозненных данных из документов и средств массовой информации. Одновременно шел поиск тех организаций социальной защиты населения, которые бы в будущем стали объектами детального этнографического кейс-стади. На втором этапе был начат сбор информации в шести организациях, где применялись методы организационной этнографии. И, наконец, на третьем этапе была проведена кропотливая работа по написанию отдельных отчетов, сведению разрозненных материалов в единый текст, его редактированию, систематизации полученных данных и подготовке материалов исследования к публикации. Каждый из этапов занял около полугода, что определяется не только требованиями методологии - этнографическая работа отнимает много времени, если исследователь ставит своей целью больше узнать организационную субкультуру и ближе познакомиться с повседневными практиками трудовой деятельности. Масштабы исследования оказались достаточно большими, что потребовало привлечения к проекту многих участников и значительных усилий по организации полевой работы, а также привело к некоторому увеличению длительности проекта. Нужно отметить, что этнографический этап работы, связанный с проведением кейс-стади, предварялся подготовительным сбором разноплановых материалов. Во-первых, было собрано большое количество документов, отражающих усилия местных властей по развитию и управлению местной социальной политикой, это ведомственные отчеты, программы развития, статистика. Во-вторых, материалы местной и центральной печати, в которых прослеживалась динамика репрезентаций социальных проблем в средствах массовой информации. В-третьих, проводились интервью с представителями местной администрации, руководителями социальных служб.

Пристальный взгляд организационного этнографа, направленный на повседневную деятельность сотрудников рассматриваемых организаций, на те пласты информации, которые не доступны иначе, как при непосредственном участии в каждодневной работе специалистов и учреждений, обязывает исследователей соблюдать этические принципы, среди которых важную роль играет анонимность. Мы гарантировали анонимность участникам вашего исследования, в том числе посредством того, что изменили в публикациях название города и не указывали имена сотрудников и названия организаций, хотя это и вступает в некоторое противоречие с принципом этнографической детализации контекста. В планировании, проведении и анализе результатов полевого исследования мы ориентировались в потоке окружающей нас информации при помощи нескольких теоретических перспектив, о которых уже упоминалось во введении. В частности, использование социально-конструкционистских, постструктуралистских и феминистских подходов позволило усомниться в тех знаниях, представлениях и установках, которые принимаются как должное, как неотъемлемый и неизменный фон повседневной деятельности людей. Это помогло распознать историко-культурную специфику изучаемого контекста, а также признать неразрывную связь между знанием и социальным действием. Таким образом, информанты в полевом исследовании предстали не пассивными объектами наблюдения, а активными субъектами, которые участвуют в производстве смыслов социальной работы и социальной политики, с одной стороны, а с другой - попадают в тесные рамки этих же конструктов, испытывая на себе давление социальных установок. В этом процессе важная роль принадлежит языку организации, дискурсу социальной политики, которые необходимо подвергать деконструкции и пересмотру. Феминистская позиция, кроме того, помогает вскрыть конфликт

властных отношений, характерных для исторического момента и определенной социальной структуры, распознать многообразные системы и факторы неравенства. *Приложение*

Инструкция для проведения интервью в социальных службах

Как собирать интервью (общие рекомендации):

- Подготовьтесь к интервью - проверьте, находится ли под рукой гид интервью, хорошо ли вы помните последовательность вопросов, проверьте работу диктофона, наличие блокнота, пишет ли ручка, есть ли запас батарей для диктофона, запасная ручка,
- Интервью желательно проводить в спокойном уединенном месте, избегать постороннего шума, движения, присутствия сторонних лиц
- При использовании диктофона обязательно спросите разрешение у информанта.
- Расскажите кратко о цели вашего интервью, проекта; дайте гарантию того, что имя информанта при публикации исследования будет изменено.
- Следите за собой, чтобы не оказывать на информанта влияние, воздействие - не перебиваете, дайте высказаться, ждите интонационного и мимического окончания ответа на ваш вопрос для того, чтобы задать следующий.
- Контролируйте искренность и эмоциональность высказываний и старайтесь параллельно вести записи в блокнот, конспектируя ответы информанта и свои закодированные комментарии (например: «информант смущен», «мне кажется, информант неискренен» и проч.). Сделайте комментарии условий, в которых проходило интервью, оцените желание информанта сотрудничать с исследователем. Обязательно зафиксируйте дату, время начала, окончания и длительность интервью, а также пол, возраст и должностной статус информанта.
- Помните, что гид интервью - это лишь общий путеводитель, где пунктирно отмечена линия ведения беседы. Роль интервьюера в глубинном интервью очень творческая, и если вы видите, что в данный момент хорошо бы задать какой-то вопрос, которого нет в гиде интервью, но который помог бы проявить позицию информанта по обсуждаемой теме, - задайте его. Будьте активны и творчески относитесь к задаванию вопросов, иногда следуйте за логикой информанта, но старайтесь при этом закрыть все намеченные в гиде интервью темы - это необходимо для сравнительного анализа.
- Постарайтесь добиться от информанта описания конкретных примеров, случаев по каждому из суждений (например: «ОТВЕТ: Знаете ли, практиканты слишком безответственны... ВОПРОС: Могли бы вы вспомнить пример из своего опыта или опыта ваших коллег, где бы проявилась эта безответственность? ОТВЕТ: Вот был случай, когда... [описание случая]. ВОПРОС: А могли бы вы вспомнить другие примеры, где бы практиканты, напротив, проявили бы ответственность и вообще проявили бы себя с лучшей стороны?»).
- Стремитесь применять триангуляцию, то есть перепроверяйте сведения, получаемые в ходе интервью: иногда это будет заключаться в том, что интервьюеры работают в паре, а потом сравнивают свои заметки и впечатления, иногда - в проверке информации, своих впечатлений другими способами. Например, вы можете сравнивать ответы на одни и те же вопросы, данные разными респондентами, привлекать данные из других источников - интервью, документов, газет. Гид интервью с представителями управления социальными службами

О цели проекта

Как бы вы могли определить свое понимание того, что такое социальная работа, социальная политика? В этом интервью мы бы хотели поговорить на эти темы.

Сначала несколько вопросов о вас:

Возраст, место рождения, описать основные этапы трудовой биографии: в каком году закончил(-а) школу; в каком году куда пошел(-а) учиться или работать; сколько лет проработал(-а); что это была за работа; в чем состояли обязанности; что запомнилось с этого места работы / учебы; когда ушел(-а) и почему; уходил(-а) - уже знал(-а) куда? Как нашел(-а), кто помог найти следующее место работы / учебы?

Расскажите о своей нынешней работе, должности

*{если респондент по роду своей деятельности занимается не только социальной работой, но и другими обязанностями, пусть расскажет и о них тоже}* Из чего состоит работа, которую вы сейчас выполняете?

Попробуйте описать ваш типичный рабочий день: во сколько он обычно начинается, когда заканчивается, какие дела вам приходится делать до обеда и после?

В каких еженедельных и ежемесячных мероприятиях вам приходится принимать участие? !

Теперь более подробно поговорим о развитии социальной работы, о социальной политике в регионе

Какие наиболее острые социальные проблемы сегодня в городе? Изменился ли характер социальных проблем за последние десять лет? В чем состоит важность социальной работы?

Что вы можете сказать о том, как развивалась, и какие этапы преодолевала социальная политика, социальная работа в регионе (своего рода историческая справка)?

Что изменилось за последние десять лет в этой области?

Что изменилось за последние десять лет в вашем ведомстве /организации?

Что делается вашим ведомством/организацией для развития социальной работы?

С какими трудностями приходится сталкиваться внутри и вовне вашей организации в ходе выполнения вашей работы?

Конфликты неизбежно сопровождают работу любой организации. Какие типичные конфликты встречаются внутри вашей организации? Как вам удается их преодолеть? Приведите примеры. Какие конфликты с другими ведомствами, службами встречаются в вашей работе? Как вы их преодолеваете? Приведите примеры.

Расскажите про достижения вашей организации. Что вы сделали, изобрели, применили такого, что делает вас не похожими на другие подобные ведомства, организации?

Каковы основные направления работы вашей службы?

Кто в основном является клиентами вашей службы? Какие категории вы могли бы выделить?

С какими проблемами они в основном к вам обращаются? Можно ли говорить о какой-то классификации, основных типах проблем?

Каким образом вы обычно решаете проблемы клиентов, какие методы социальной помощи используете?

Зависит ли выбранный способ оказания помощи, решения проблемы от пола, возраста, национальности, иных характеристик клиента? Если да, то как? В чем это выражается. Приведите, пожалуйста, примеры. \_\_\_ По-вашему, в каких случаях вам лучше удастся решить проблему клиента и от чего это зависит?

Какие перспективы социальной работы в вашем ведомстве/организации?

Насколько успешно в городе идет построение сети учреждений социальной поддержки, отвечающей требованиям современного этапа развития общества? От чего это зависит?

Что может сделать администрация города, правительство области и страны для развития социальной работы в городе?

Испытывает ли ваше ведомство недостаток знаний или специалистов в определенной области? Если да, то в какой области и по какой специальности? Как вы решаете и как предпочитаете решать эту проблему - переобучением работающих или поиском подготовленных специалистов?

Влияете ли вы на процесс формирования тех учебных программ в университетах, училищах, тех специалистов, которые вам нужны? Если да, то как вы это делаете? Если нет, то почему?

С кем из специалистов, экспертов по вопросам, связанным с социальной политикой, социальной работой вы взаимодействуете на уровне города, области, за ее пределами? Удовлетворены ли вы такими контактами? Прокомментируйте свой ответ (какие-либо пояснения, примеры привлечения таких специалистов к каким-либо работам).

Какие направления социальной работы в нашем городе наиболее развиты, чем мы можем похвастаться перед другими регионами?

Какие направления социальной работы развиты недостаточно и требуют повышенного внимания?

Какие направления социальной работы наиболее перспективны?

Взаимодействуете ли вы с негосударственными организациями, ведущими деятельность по тем же проблемам, которыми вы занимаетесь? Если нет, то почему, если да, то расскажите об этом взаимодействии: когда началось, с какими организациями, какие тут есть проблемы?

Знаете ли вы о существовании профессиональных ассоциаций, созданных в сфере социальной работы? Если да - о работе каких ассоциаций вы знаете? Входите ли вы в одну из них? Какую роль играют эти ассоциации в формировании социальной политики в городе?

Как вы оцениваете роль областной и городской думы в формировании социальной политики в городе?

Что, на ваш взгляд, необходимо предпринять администрации области, мэрии и обеим думам для решения наиболее острых социальных проблем города?

Инструкции для интервьюера, собирающего данные для этнографического кейс-стадии

- В плане кейс-стади отражены лишь общие направления полевой работы. Они могут корректироваться с учетом обстоятельств - дополняться, менять направления. Однако желательно получить информацию по всем предложенным направлениям исследования. Часть этой информации может быть получена методом прямого наблюдения, часть - с помощью интервью с сотрудниками, клиентами.

» Желательно лично со всеми познакомиться, поучаствовать на всех общих собраниях, встречах, которые происходят в службе, встретиться с клиентами, побывать с визитами у клиентов там, где такие визиты осуществляются, вместе с сотрудниками учреждения, где проходит кейс-стади.

- Любое описание должно включать не только слова исследователя, который проводит кейс-стади, но и прямую речь собеседников - социальных работников и клиентов, специалистов учреждения, руководителей. Это неотъемлемый элемент описания.

- На данной стадии исследования основной акцент необходимо сделать на описание работы и практик рядовых работников, исполнителей. Соберите не менее 4-5 типичных жизненных историй рядовых работников, чтобы ответить на вопрос - откуда, из каких профессиональных и возрастных групп приходят в данную службу люди? Как они получают необходимые для данной работы знания? Имеют ли они возможность карьерного роста в данной службе?

- Для интервью используйте элементы гайда интервью из первой стадии исследования.

- Должны быть представлены таблицы (динамика численности персонала, клиентов, финансирования по годам с момента организации службы), схемы структуры управления сервисами, схематические изображения внутреннего расположения комнат, «Приемного покоя» (подразделения, где происходит первичный прием клиентов), если есть такое помещение, если нет - места, где осуществляется такая регистрация. План этнографического кейс-стади социальной службы

#### *Историческая справка*

Адрес, специфика организации, характеристика помещения, оснащенность оборудованием, условия работы. Почему возникла служба? Когда? Ее задачи. Откуда исход^а инициатива ее создания?

Описать основные исторические этапы становления и охарактеризовать нынешний этап, отношение с властями.

#### *Описание службы*

Подробно описать помещение, расположение рабочих столов, подсобных помещений, мест для клиентов - выделены ли они, где находятся, есть ли стулья, описать «наглядную агитацию» что висит на стенах, какие надписи. Как организовано место, где происходит прием клиентов; как происходит выяснение проблем клиентов, их регистрация и распределение по специалистам. Кто осуществляет прием клиентов? Как этот прием протекает (описание)?

#### *Финансирование*

Составить таблицу финансирования по годам. Источники финансирования (если разные, то отразить в таблице и дать динамику по годам). Собрать пояснения по финансированию: почему именно такое в данном году, что это обусловило, удовлетворенность общим финансированием, на что не хватает денег, на что бы пустили деньги, если бы они появились. Связь с отечественными и зарубежными программами по соцработе по соответствующему профилю, международная поддержка.

#### *Динамика численности сотрудников центра*

Результаты свести в таблицы по годам, дать пояснения. Образование сотрудников, текучесть, как менялся уровень и характер образования. Откуда пришли сотрудники, руководители. Практический опыт работы по социальной работе - где приобрели, сколько лет, в какой области. Теоретический опыт - какие квалификационные дипломы имеют, какого учебного центра, какая специализация, когда получили. Довольны ли обучением, какие из теоретических знаний оказались востребованы.

#### *Группы работников*

Какие группы работников существуют (по опыту, специализации, профессии и др.)? Как они отличаются друг от друга по образованию, зарплате, доступе к каким-либо ресурсам? Можно ли осуществить переход из одной группы в другую? Как это легко сделать и от кого зависит? Какая группа наиболее влиятельна и престижна, как она определяет деятельность других групп? Как в нее входят и как покидают? Опишите элементы групповых субкультур.

#### *Идеология*

В какие профессиональные ассоциации входят сотрудники? Где и как они обсуждают текущие проблемы? Как часто? Основные идеологические установки.

#### *Этика*

Какие противоречия, дилеммы встречаются в работе (собрать примеры)? Чем руководствуются работники в повседневной работе? Что считают ценным и правильным?

Вопросы для интервью с рядовыми сотрудниками и руководителями: Какими этическими принципами вы руководствуетесь в своей работе? Где сформулированы эти принципы? Насколько они общеприняты среди представителей той профессии, какой вы занимаетесь? Как вы их узнали? Что произойдет, если вы узнаете, что кто-либо из тех ваших коллег (руководителям - коллег и подчиненных), кто занимается социальной работой, нарушил эти принципы? *ИЯзык*

Составить словарь внутреннего языка, особых словечек, терминов, в том числе тех, какие используются внутри службы для обозначения клиентов, их особенностей. Какими словами обозначаются начальники, работа в общем и отдельные ее направления, с какой эмоциональной окраской, представить образцы нарративов и способов самовыражения.

*Организационная культура и субкультуры*

Описать стиль (стили) и формы оформления помещений, что вывешивается на стены, что написано на них (граффити).

*Отношения с клиентами / знание / мастерство*

Статистика - динамика обращений в службу по годам - их частота, динамика по отдельным направлениям. Как стремятся сотрудники повышать свое мастерство? Как отношение к клиентам проявляется в языке, в оформлении помещений, в организационных символах, документах, инструкциях, через коммуникацию с клиентами, персонала друг с другом.

*Мотивация работников*

Как и чем работники мотивированы к труду? Насколько часто используется материальное поощрение, символическое поощрение? Кто, как и каким образом контролирует дисциплину, качество выполнения заданий? Насколько жестко осуществляется контроль? Что составляет дисциплинарные практики - увольнение, штрафы, приказы, публичные унижения? Какие меры стимулирования применяются.

Собрать коллекцию типичных практик (истории, нарративы, документы) - «Как человек попадает на работу в службу», «Как человек находит там себе подходящее место», «Как делается карьера», «Конфликты в сервисной организации», «Почему человек покидает сервисную организацию».

*Лидерство*

Что значит хороший руководитель в этой организации? Примеры хорошего и плохого руководства. Есть ли лидер в организации? Совпадает ли формальное лидерство с неформальным? Качества лидера? Как формируются навыки лидерства?

*Процесс планирования*

Описать, как протекает деятельность рядовых работников, как построено краткосрочное и долгосрочное планирование, как построены планерки (присутствовать на одной из планерок, вести дневник включенного наблюдения). Принятие решений - кто их принимает в разных случаях (относительно организации работы, взаимоотношений с клиентом, с сообществом, с руководством).

*Организация работы*

Какие существуют процедуры регистрации, отчетности, насколько беспрекословно они выполняются, существуют ли исключения из правил во внутренних отношениях и в отношениях с клиентами или, напротив, только правила и буква инструкции (а может нет никаких формальных правил, только неформальные нормы?), роль социальных работников, работа в группах, активность рядовых членов, как построено взаимодействие с клиентом, как ведется учет жалоб и предложений, насколько прислушиваются к жалобам клиентов.

*Взаимодействие с сообществом*

Как построено взаимодействие с сообществом, в каких формах, ставятся ли цели взаимодействовать, планируются ли такие действия, есть ли волонтеры, как с ними взаимодействуют и организуют их работу, как сообщают о своей работе, как работают с общественным мнением, средствами массовой информации. С какими общественными организациями взаимодействуют в районе, как протекает такое взаимодействие в деталях и подробностях.

*Методы социальной работы*

Какие методы работы с клиентами чаще всего используются? Приведите примеры. Откуда социальный работник узнает о методах социальной работы? Что из этих методов взято из каких-либо книг, пособий, а что - из практики (своей, коллег)?<sup>1</sup> См. об этом подробнее: Романов П., Ярская-

Смирнова Е. «Делать знакомое неизвестным...» Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 145-160.

<sup>2</sup> Романов П. Социальная антропология организаций. Саратов: О ТУ, 1999.

<sup>3</sup> Stenhaus L. An introduction to curriculum research and development. London: Heinemann, 1975.

<sup>4</sup> Yin R. K. Case study research design and methods. Thousand Oaks; London; New Dehli: Sage, 1994.

<sup>5</sup> Basseby M. Case study research in educational settings. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1999.

<sup>6</sup> Козина И. Особенности стратегии case study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период. М.: РОССПЭН, 1997. С. 30-60.

<sup>7</sup> Ковалев Е. М., Щтейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

<sup>8</sup> Blau P. M. The dynamics of bureaucracy: a study of interpersonal relations in two agencies. Chicago: Chicago University Press, 1963.

<sup>9</sup> На эти проблемы обращали внимание многие исследователи, в частности Francis R. G., Stone R. C. Service and procedure within a bureaucracy. Minneapolis: Minnesota University Press, 1956.

<sup>10</sup> Название этого феномена восходит к практике «Хоуторнского проекта» (1927-1932), где социальные психологи и организационные антропологи из Чикагского университета под управлением Э. Мейо применяли метод наблюдения и впервые описали трудности, связанные с его использованием. «Хоуторнский эффект» хорошо описан в отечественной литературе, например: Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс, 1995.

<sup>11</sup> Hall J. S. The point of entry: a study of client reception in the social services. London: Allen and Unwin, 1974. <sup>11</sup> Ibid. P. 17.

<sup>13</sup> Donnison D. Social policy and administration revisited: studies in the development of social services at the local level. London: Allen and Unwin, 1975; Social work in context: a comparative study of three social services teams. London: Tavistock, 1983; Thomas D. N. Community workers in a social services department: a case study. London: National Institute for Social Work; Personal Social Services Council, 1977.

<sup>14</sup> Baldwin J. A. The mental hospital in the psychiatric service: a case-register study. London; New York: Oxford University Press for the Nuffield Provincial Hospitals Trust, 1971; Christian L. Approved social work?: ten mental health case studies - before and after the '83 Act Norwich: University of East Anglia in association with «Social work today», 1985; Day services for people with learning disabilities / Ed. P. Seed. London: Kingsley, 1996; Thomson M. Day services for people with mental handicaps. London: Kingsley, 1988.

<sup>15</sup> Godlove C. Time for action: an observation study of elderly people in four different care environments. Sheffield: Joint Unit for Social Services Research; University of Sheffield in collaboration with journal «Community Care», 1982.

<sup>16</sup> \*Going local\* in probation?: case studies in community practice. Norwich: University of East Anglia Social Work Programme, 1985; Raynor P. Probation as an alternative to custody: a case study. Alder-shot: Avebury, 1988.

<sup>17</sup> Hatch S. Outside the state: voluntary organisations in three English towns. London: Groom Helm, 1980; Hatch S. Components of welfare: voluntary organisations, social services & politics in two local authorities. London: Bedford Square Press/NCVO, 1983-

<sup>18</sup> Романов П., Ярская-Смирнова Е. «Делать знакомое неизвестным...»: Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 145-160.

## ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМ. СЕМЬЕ И ДЕТЯМ

В результате социально-экономических реформ многие российские семьи оказались неспособными выработать новые адаптивные механизмы к изменившимся условиям жизни, сохранить способность успешной социализации детей, психологической и экономической поддержки. Помочь семьям сохранить социальное и физическое здоровье через оказание практической помощи разнообразного характера были призваны новые учреждения системы социальной защиты и прежде всего центры социальной помощи семье и детям. Основными задачами центров должны были стать: реализация семейной политики в регионах, формирование установок на укрепление и развитие семьи в общественном мнении, помощь женщинам и детям, оказавшимся в кризисной ситуации.

Учитывая многообразие семейно-детских проблем, региональные особенности социально-экономического развития и социальной политики, видимо, еще рано говорить о концептуальном и содержательном единстве в функционировании таких центров. Кроме того, по многим причинам объективного и субъективного характера их развитие в основном стихийно и недостаточно научно обосновано, однако это решительный шаг вперед в продвижении отечественной социальной работы, позволяющий удовлетворить потребности значительной группы людей, нуждающихся в поддержке. Неудивительно, что численность таких учреждений в России неуклонно растет (рис. 1).

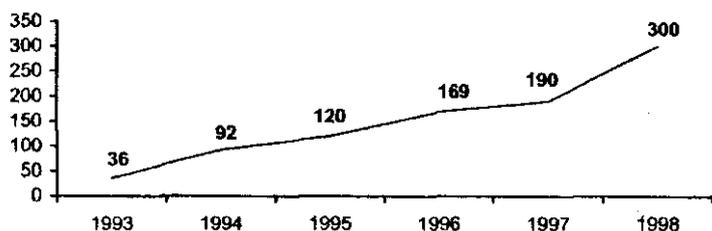


Рис. 1. Увеличение количества центров помощи семье и детям в России в абсолютном значении<sup>1</sup>

Этнографическое исследование, о котором пойдет далее речь, было проведено в апреле - мае 2001 года в одном из среднегорских центров помощи женщинам, семье и детям. В задачи исследования входил сбор информации об истории создания организации, ее структуре, материальном и кадровом обеспечении, идеологии, особенностях оказываемых услуг, перспективах развития. Необходимо сказать, что проблем доступа к информации о центре фактически не существовало. Сотрудники охотно давали интервью, предоставляли возможность участия в любых мероприятиях центра, интересующую документацию. К исследователям относились как к экспертам, которые могут дать профессиональную консультацию, помогут организовать мероприятие, в котором будут участвовать коллеги из других организаций и представители руководства различного уровня, отредактируют проекты и отчеты, подготовленные для различных ведомств. В свою очередь, исследователи, стремясь оправдать оказываемое доверие, участвовали в мероприятиях центра и консультировали сотрудников по всем интересующим их вопросам. Таким образом, в процессе полевой работы сложились партнерские и взаимозаинтересованные отношения, позволяющие беспрепятственно войти в организационную культуру, свободно наблюдать и обсуждать с сотрудниками как формальные, так и неформальные практики работы, сопровождающие их повседневную деятельность.

#### Историческая справка

Среднегорский центр помощи женщинам, семье и детям был создан в мае 1997 года. В уставе мы найдем информацию об основных целях и задачах вновь созданного учреждения: «Центр является учреждением муниципальной системы социального обслуживания населения, осуществляющим на территории города оказание разнообразной социальной, психологической, педагогической, юридической, медицинской и другой помощи и поддержки женщинам, семье и детям, находящимся в кризисной ситуации. Центр создан в соответствии с постановлением администрации города Среднегорска при управлении социальной защиты населения городского департамента социальной сферы. Учредителем Центра является Управление социальной защиты населения департамента социальной сферы администрации Среднегорска... Основная цель деятельности Центра - максимально облегчить и удовлетворить неотложные потребности клиентов, находящихся в кризисном и опасном для физического и душевного состояния или подвергшихся психофизическому насилию»<sup>2</sup>.

Однако для достижения заявленной цели далеко не сразу были созданы необходимые условия. Первоначально центру предоставили здание обычного общежития. Это общежитие предполагалось преобразовать в социальное общежитие для тех клиентов центра, которые не могут по каким-то причинам жить дома либо вообще не имеют места жительства. Но тут же возникла проблема: куда расселять тех людей, которые здесь живут? Так или иначе, удалось освободить несколько комнат на разных этажах, и начали работать. К сожалению, об этом этапе истории организации мало документальных данных, а те сотрудники центра, которые работали здесь в то время, в данный момент уволились.

В начале 1998 года центр получил новое помещение, которое принадлежало когда-то заводскому детскому саду. Это дошкольное учреждение было муниципализировано и расформировано двумя

годами ранее, а здание некоторое время пустовало. Сюда переместилось руководство центра, отдел первичного приема, информации, анализа, прогнозирования и реализации программ социальной реабилитации, отделение психологической помощи, социально-правовой отдел, бухгалтерия, а социальное общежитие стало структурным подразделением центра. «Новое» помещение - это двухэтажный дом (постройки примерно 1970-х годов) с большим двором и детской площадкой, на которой всегда можно видеть гуляющих детей с родителями. Над входной дверью большая надпись: «Воспрянь надеждой всяк сюда входящий». Здание расположено в глубине большого жилого квартала, и одна из сотрудниц пошутила в разговоре: *«Наш центр трудно найти - законспирирован»*.

Специалист центра охарактеризовала тот этап развития, который наступил после переезда, следующим образом: *«Центр работал не на полную мощь, и мы... не могли во всех средствах массовой информации оповещать о существовании этого центра. И тут, когда не хватало нам клиентов, с 98-го по 99-й, сказали, что мы будем находить те малоимущие, малообеспеченные семьи и приглашать их в центр. Даже вот так стоял вопрос. А чтоб всех сюда созывать - смысл какой? Мы им ничем не могли помочь на тот момент. Здесь был мертвый сезон...»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года). Не было соответствующих задачам центра условий работы: помещению требовался капитальный ремонт и перестройка (это относится и к социальному общежитию, и к центру), не было никакой офисной техники и оборудования. Позднее *«перелом наступил, центр начал работать понемножку, хотя они сейчас не на всю мощь работает, вот где-то с июля 99-го года»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 33 года). Перемены сотрудники связывают с приходом нового директора. По словам сотрудников, за четыре с небольшим года существования центра здесь сменились «два директора, а между ними - два исполняющих обязанности».

Создание нормальных условий для работы сотрудников стало одной из первоочередных задач для нового директора: *«Здание не было двадцать лет в ремонте, кровля вся протекала, отопление было разморожено, со второго этажа на первый прямо с крыши по подоконникам текла вода. Мы смогли с помощью мэра нашего города получить необходимые ассигнования, полностью кровлю сделать, восстановить систему отопления. Видите, у нас тепло. А ведь раньше, когда я пришел, мне рассказывали, что сидели в трех комнатах в шубах и валенках, невозможно было зимой находиться в этом здании. Теперь мы должны сделать реконструкцию второго этажа»* (директор центра, муж., 64 года).

К 2001 году смогли «обжить» большую часть здания. Сейчас центр имеет сложную инфраструктуру и, следовательно, много различных кабинетов и функциональных помещений. Часть здания и помещений все еще находятся в стадии ремонта и реконструкции.

Не хватало и опыта в организации и осуществлении социальной помощи кризисным семьям: *«Понимаете, с самого начала работа была поставлена бессистемно, сама по себе. Тяжело вот так - приду и не знаю, что мне делать!»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года). Только сейчас в центре начинают создаваться необходимые материально-технические и информационно-методические условия для детальной рефлексии опыта работы и разработки стратегии деятельности. Сотрудники центра пытаются осмыслить и понять, в чем же все-таки заключается их работа, что необходимо для повышения ее эффективности.

Организационная структура и иерархия профессиональных групп

В 2001 году структуру центра составляли: отдел первичного приема, информации, анализа, прогнозирования и реализации программ социальной реабилитации; отдел социально-педагогической помощи и профилактики безнадзорности детей и подростков; информационно-методический отдел; реабилитационно-кризисный стационар в социальном общежитии; отдел медико-социальной помощи и благотворительного фонда; отдел материально-технического и

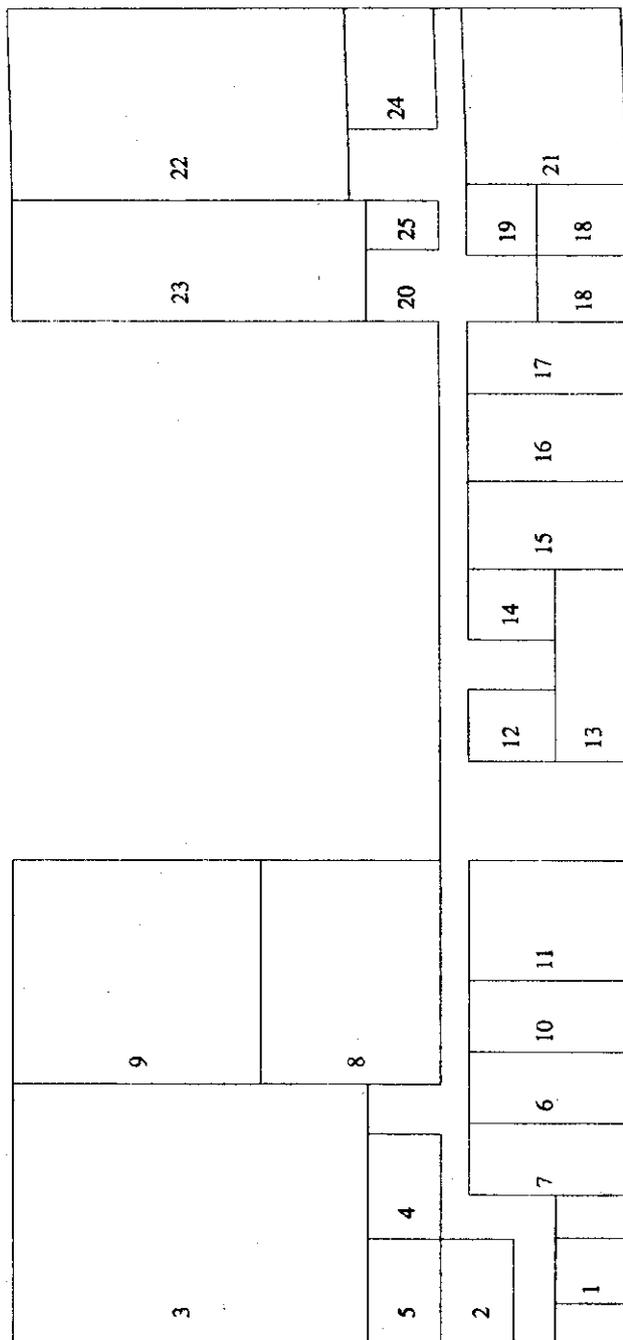


Рис. 2. Центр помощи семье, женщинам и детям:

1 - информационно-методический отдел; 2 - вахта; 3 - отдел первичного приема; 4 - служебное помещение; 5 - комната отдыха; 6 - приемная; 7 - комната ксерокопирования; 8 - кабинет для консультаций психолога; 9 - кабинет психологов, заведующих отделами; 10 - кабинет директора; 11 - реабилитационно-оздоровительный комплекс; 12 - выход на лестницу; 13 - компьютерная комната; 14 - туалет; 15 - кабинет юриста; 16 - ремонт комнаты; 17 - склад мягкого инвентаря и оборудования; 18 - детское реабилитационное отделение дневного пребывания; 19 - склад запчастей, хозяйственного инвентаря и оборудования; 20 - выход на лестницу; 21 - кухня; 22 - столовая; 23, 24, 25 - служебные помещения

### Случай 1. Клиент центра помощи семье и детям

Татьяна, 30 лет, вдова, низкооплачиваемая рабочая на заводе. Доход на члена семьи -около 500 рублей в месяц (ноябрь 2000 года). Муж - милиционер, погиб при исполнении обязанностей; двое детей, шести и четырех лет, одни из которых инвалид. В центре получает гуманитарную помощь, дети регулярно ходят на занятия в детские развивающие клубы и на детские мероприятия, организованные при центре. Так как сын - инвалид, социальные работники помогли в оформлении льгот: проезд, лекарства, лечение бесплатно. Оформлена субсидия на оплату коммунальных услуг для малообеспеченных.

Всего в организации насчитывается 62 сотрудника, однако только 34 из них выполняют обязанности, связанные с основными задачами деятельности центра, остальные сотрудники относятся к административно-хозяйственному аппарату. В отделе первичного приема, информации, анализа, прогнозирования и реализации программ социальной реабилитации работают в основном специалисты по социальной работе, в отделе социально-педагогической помощи - психологи, социальные педагоги и воспитатели, в информационно-методическом отделе - методисты и юристы.

В центре можно выделить как минимум четыре группы сотрудников. Деление на группы прослеживается в том, как сотрудники размещены в пространстве центра (рис. 2). В приемной располагаются сотрудники отдела приема (специалисты по социальной работе и социальный педагог), а также логопед. Смежную с приемной комнату занимают заведующая отделом первичного приема, заместитель директора по социальной работе, два психолога и заведующая отделом социально-педагогической помощи и профилактики безнадзорности детей и подростков. Заместитель директора по информационно-методической работе, заведующая информационно-методическим отделом, два методиста занимают еще одну комнату. У юристов - своя территория как в смысле помещения, так и символическом смысле. Переход из одной группы в другую практически неосуществим, но к этому никто и не стремится. Определить наиболее влиятельную и престижную группу в системе неформальных отношений в организации довольно трудно, потому что состав групп сформирован сравнительно недавно. С точки зрения директора, наибольшее значение в центре должен иметь информационно-методический отдел, поскольку, видимо, с функционированием именно этого отдела он связывает свою перспективную задачу - придать центру статус научно-методического. Престижность этого отдела подтверждается и самой высокой заработной платой. Психологи и социальные педагоги, обеспечивающие работу социально-адаптационных клубов, занимают, скорее всего, срединное положение. Они мало влияют на принятие решений в центре, но здесь их ценят за высокий профессиональный уровень.

Специалисты по социальной работе занимают наименее выгодное положение в организации, их работа считается менее престижной. Да и заработная плата у специалистов по социальной работе, в отличие от психологов, педагогов и методистов, самая низкая. Максимум, который могут им заплатить, - 500 рублей (на 1 июня 2001 года) независимо от уровня квалификации. Думаем, что связано это не с особенностями кадрового состава данного центра, а со сложившейся в целом в социальной сфере иерархии профессий. Ни у кого не вызывает сомнения, что оказание психологической, юридической помощи или педагогическая деятельность требуют специальной подготовки, определенного уровня профессиональной квалификации. А вот социальная работа, к сожалению, до сих пор связывается в общественном сознании с доставкой лекарств и продуктов одиноким пожилым людям. Оказание таких услуг не требует особой квалификации и подготовки, а следовательно, не заслуживает и высокого вознаграждения. Педагогика, юриспруденция и психология как научные дисциплины и как виды практической профессиональной деятельности имеют по сравнению с социальной работой более серьезный исторический багаж. Социальная работа как профессия в России слишком молода, профессиональные сообщества специалистов еще не научились отстаивать свои интересы в мире социальных профессий. Трудно предсказать сейчас - сколько понадобится им времени, чтобы доказать, что их работа не менее востребована, сложна и необходима обществу, а значит, требует не меньше затрат и заслуживает достойного вознаграждения.

Каждая профессиональная группа считает, что именно на ней лежит основная работа. Между собой группы объединяются в некотором «противостоянии» информационно-методическому отделу (кроме юристов, которые стоят особняком и предпочитают не вмешиваться). Возможно, происходит это из-за того, что сотрудники различных отделов не всегда находят взаимопонимание и согласие в том, какие направления и методы работы необходимо внедрять, что требуется изменить в работе, чтобы она была эффективнее. Многим не нравятся установки директора на создание научно-методического центра, предполагающие, что, помимо непосредственной работы с клиентами, *«требуют статьи писать и творческие работы»*. Сотрудники же информационно-методического отдела считают, что другие специалисты не проявляют должной готовности к необходимым инновациям.

Немаловажно, пожалуй, что в сущности профессиональный опыт работы в подобных учреждениях у методистов и специалистов по социальной работе одинаково невелик. Практический опыт по социальной работе у специалистов составляет от полугода до двух с половиной лет и приобретен в основном в самом центре или в социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних, откуда перешли несколько сотрудников. Наиболее опытные специалисты здесь - психологи и воспитатели.

Надо сказать, что сотрудники центра с нетерпением ожидают одобрения нового штатного расписания местным управлением труда и социального развития и возлагают на него большие надежды: *«Директор обещает новое штатное расписание, чтобы нам повысили зарплату. Не знаю, что из этого получится. Будем ждать и надеяться. Отступить некуда»* (специалист по

социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года). Новое штатное расписание предполагает повышение заработной платы по ставкам и появление новых штатных единиц, В целом сотрудники центра довольны своим руководством и именно с ним связывают надежды на большое будущее организации. Директор - прирожденный лидер, который избрал авторитарно-патерналистский стиль руководства. Он имеет реальную власть, влияние, авторитет среди сотрудников, которые признают, что директор «много сделал для центра», «много делает для центра», «часто идет навстречу», от его решений очень многое зависит. Между ним и подчиненными чувствуется дистанция: сотрудники видят его, если только в этом возникла необходимость; в помещениях, которые занимают рядовые сотрудники, он - редкий гость. Решения директора обсуждению не подлежат, объяснению - то же; сотрудникам порой не понятны мотивы решений и распоряжений руководства, поэтому возникают недоразумения, кривотолки, пересуды. Работники организации болезненно относятся к приказам (поскольку могут считать, что это не обязаны делать либо это вовсе ни к чему), хотя на просьбу отреагировали бы иначе: «Одно дело: к тебе пришли, попросили. Просьба -я сделаю. Но когда это делается в виде приказа, что ты должна, а я знаю, что не должна! Ну вы знаете!!!» (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года). Директору многое прощают, потому что признают в первую очередь не проявления авторитарности, а реальное развитие центра за период его руководства.

Для центра характерна сильная текучесть кадров: причем, как для рядовых сотрудников, так и для руководства. Сотрудники связывают это с тем, что люди находят более перспективную и выше оплачиваемую работу. «Низкая, мизерная заработная плата» -такова, по мнению сотрудников, основная причина ухода. Низкая заработная плата, в особенности для специалистов по социальной работе, - серьезное препятствие как для привлечения высококвалифицированных сотрудников, так и для стимулирования уже работающих к получению дополнительного специального образования. Обсуждая традиционные проблемы, директор грустно шутит: «Есть специалисты, которые могли бы у нас работать, но их интеллект, их знания стоят гораздо больше, чем я могу предложить зарплату. В десять раз порядок должен быть выше. Я когда-то приводил пример, что наши социальные работники идут патронировать в семьи. А на учет мы ставим и обслуживаем тех, у кого среднедушевой доход на одного человека равен 50 % или менее прожиточного минимума. Сегодня 850 рублей - прожиточный минимум. В семье 425 рублей на человека - значит мой специалист идет помогать им, а у нас средняя зарплата - 350 рублей. Кому помогать?» (директор центра, муж., 64 года).

Очевидно, заработная плата является важным, но не единственным стимулом для работы здесь: «Первое время часто использовали поощрения в виде доплат к заработной плате. Мы это ощущали, за что были благодарны директору. Ну как сказать, работа у нас такая несложная, и одновременно администрация не особо следит. Не сказать, что до упора. Еще благодарности нам объявляют» (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года). Сотрудников также весьма устраивает, что можно «без проблем» отпроситься с работы, уйти на сессию в вузе, а главное - «не слишком напрягают, только когда проверка». Молодые сотрудники рассматривают свою работу здесь как временную с целью оформления трудовой книжки и приобретения опыта работы, накопления профессионального стажа. Нельзя не отметить, что, пожалуй, всем сотрудникам интересно работать с людьми. Многие получают удовлетворение от осознания того, что могут реально помочь людям, видят смысл своей работы в том, чтобы «конкретно помочь конкретной семье. Разрешить хотя бы одну ее проблему. Ну вообще, наверное, смысл в том, чтобы всем лучше жилось глобально. Вообще, конечно - наверное постольку, щ сколько я работаю с конкретной семьей, меня вот больше волнует то, что, уходя, вот. говорят мне: "Спасибо ". В принципе действительно я чувствую, что чем-то на этот момент я помогла реально. Все равно человек как-то... чем-то ему легче стало» (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 33 года). Как правило, сотрудники активно и неравнодушно обсуждают проблемы, возникающие в работе с клиентами, как в рамках официальных мероприятий, так и в неформальной обстановке.

#### Желтый, красный, голубой

#### Процесс планирования и организации работы 4

В качестве основных направлений профессиональной деятельности сотрудников центра, работающих непосредственно с клиентами, можно выделить следующие: первичный прием, патронаж, психолого-педагогические консультации, юридические консультации, групповая работа в рамках социально-адаптационных клубов, оказание материальной помощи. Первичный прием, с

точки зрения специалистов центра, должен решать сЛИ дующие задачи: оценку кризисной ситуации, состояния клиента и установление контакта; снятие стресса, социальную диагностику (сбор и анализ информации) и определение проблемы; регистрацию клиента, обратившегося в центр за помощью, в книге первичного приема; оформление социального паспорта; разработку программы действий совместно с клиентом: «Клиент принимает непосредственное участие в оценке ситуации, что стимулирует его самостоятельность, раскрытие его потенциальных возможностей и повышает самооценку» (из технологии первичного приема, сформулированной руководителем отдела). Первичный прием клиентов ведется в одной из больших комнат центра. Эта комната занимает центральное положение (в буквальном смысле), она является проходной, так как в комнате четыре двери: входная; смежная с кабинетом для консультаций психолога; смежная с кабинетом заместителя директора; смежная с комнатой, где сотрудники первичного приема переодеваются и обедают. Всего в помещении восемь столов. Расположены они вдоль стены и огромных окон в две стены. Подоконники уставлены комнатными растениями - «Наследство от детского сада». Шесть столов установлены буквой «Г» по отношению друг к другу. Рядом со столами расположены полки с документацией и этажерки с комнатными растениями. Около трех столов стоят стулья для клиентов. Стулья, на которых сидят специалисты, - современные, удобные; три стульчика для клиентов — жесткие и неудобные, старые и вообще как-то не вписываются сюда. Стулья для клиентов поставлены с тыловой стороны конторского стола, и из-за перегородки, входящей в конструкцию этой мебели, клиенту приходится сидеть боком. На столе разложены разные бумаги, документы, поэтому посетитель даже не прикасается к столу. Посетитель занимает неудобное положение в пространстве и выглядит неуверенно, позиция клиента не равноценна позиции специалиста. В момент написания этой главы в центре был установлен такой порядок (а правила здесь время от времени меняются), что первичный прием ведет один специалист по социальной работе, которая отметила еще одно неудобство для клиента и для себя: *«Если пришел человек, что-то его к нам привело. И вот, придя сюда, зайдя в кабинет, где восемь пар глаз на него смотрят, он растерялся и думает: "А не уйти ли мне отсюда, пока не поздно". Не каждый может раскрыться при большом скоплении народа. Для этого должны быть специально оборудованные кабинеты...»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 33 года). Когда клиент заходит в кабинет, его могут не сразу «заметить», он мнется, чувствуется неловкость, среди специалистов происходит заминка, суета, наконец, клиент присаживается. Но это не все его «испытания» здесь: может позвонить телефон, и специалиста позовут к нему, «может вызвать директор», возникнет масса других неотложных вопросов, и то, что в данный момент сотрудник принимает клиента, никого не останавливает. Клиентам центра часто приходится ждать. Порой создается впечатление, что сотрудники намеренно оттягивают момент приема, как бы давая себе возможность собраться с мыслями и силами. Напряжение и принужденность в этот момент витают в воздухе.

Случай 2. Клиент центра помощи семье и детям

Виктория, 40 лет, педагог, воспитывает дочь 9 лет. Вынужденный переселенец-из Таджикистана. Разведена, муж уехал на Украину и не оказывает семье материальной поддержки. Доход на члена семьи - 600 рублей. В центре Виктории помогли найти работу - устроили музыкантом в детскую студию, предоставили место в социальном общежитии. Оказывается гуманитарная помощь подержанной одеждой, продуктами, юридические консультации, психологические. Социальные работники помогли оформить жилищные субсидии, дочь занимается при центре в развивающем клубе. Рассмотрим типичную ситуацию, когда клиент находится на приеме у специалиста. Сначала человека спрашивают, что его или ее привело сюда. Во время первого интервью специалист заполняет всю необходимую документацию, поскольку одной из ключевых обязанностей сотрудников центра является правильная регистрация обращения и оформление социального паспорта. Этот документ, который сотрудники называют «лицом центра», отражает всю информацию о клиенте, которую удалось собрать, а также проводимую с ним или с ней работу. В оформлении социального паспорта учитывается к какой категории относится клиент. Попытки создать типологию проблем, с которыми доводится работать специалистам социальных служб, разработать собственную классификацию клиентов, понятную порой только членам «цеха», то есть конкретной организации, характерны для многих учреждений социальной сферы постперестроечной России. Некоторые приемы упорядочения информации переносятся сюда порой из практики смежных профессий, в частности, по иронии судьбы, из педагогики дошкольных учреждений, чьи помещения унаследовали современные социальные сервисы. Сотрудники Среднегорского центра

помощи женщинам, семье и детям используют следующую классификацию: многодетные семьи {их дела помечают желтым бумажным квадратиком, наклеивая его на папки); одинокие матери (красный квадратик); родители-инвалиды (голубой квадратик); семьи с ребенком-инвалидом (синий квадратик); дети под опекой или попечительством (коричневый квадратик); сироты (салатовый квадратик); семьи, потерявшие кормильца (зеленый); неполные семьи (фиолетовый); полные малообеспеченные (серый); насилие в семье (черный). Система отметок позаимствована из опыта работы других социальных служб. Цвета распределяли методом свободных ассоциаций, а представленная здесь типология включает все типы проблем и все категории клиентов, с которыми приходится работать специалистам центра.

Уже на первичном приеме будет решаться вопрос о привлечении других специалистов центра (психологов, юристов, социальных педагогов) и необходимости реабилитационной работы с клиентом и патронаже, то есть достаточно продолжительной работы с ним и контроле за развитием проблемной ситуации. С формальной точки зрения патронаж представляет собой обязательное посещение клиента специалистом центра на дому. Патронаж осуществляют специалисты по социальной работе, за каждым из которых закреплен определенный район города. В дальнейшем специалист на первичном приеме доложит полученную информацию о клиенте на консилиуме специалистов центра, где будет обсуждаться более детально программа реабилитационной работы, вид необходимых услуг (социально-педагогических, психологических, правовых) и патронажа. Выделяют три вида патронажа: экстренный (два-три раза в неделю), срочный (один раз в неделю), обычный (один раз в месяц), контрольный (один раз в три месяца).

Много внимания на консилиуме опять будет уделяться вопросу о классификации и регистрации проблем клиента и связанным с этим мероприятиям: «Что ставить? Патронаж или социальное обслуживание?» (из записей, сделанных на консилиуме, 2 апреля 2001 года). К социальному обслуживанию будет отнесен любой вид услуг, не предполагающий длительного контакта и выхода к клиенту на дом. Цель свою сотрудник отдела приема видит в следующем: *«Принять, выслушать, направить к другому специалисту или в другую службу, отследить результаты»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 49 лет). Если посетитель еще не состоит на учете в районном центре социального обслуживания населения, то специалист рекомендует ему или ей это сделать, при условии, что этот человек относится к категории «малообеспеченных, малоимущих»<sup>3</sup>, а таких, по словам специалистов, большинство. Анализ и оценку ситуации, в которой оказался посетитель, специалист на приеме детально, как правило, не ведет, хотя здесь понимают, что должны это делать. К сожалению, технологией этого анализа пока владеют не в достаточной степени, да и условия, в которых происходит первичный прием, явно неадекватны этой задаче. Задача первой встречи - лишь «вынести дело» на консилиум, который происходит обычно раз в неделю, а специалист по социальной работе будет выполнять решения консилиума. Для специалиста *«самое первое дело: прихожу, беру свои паспорта социальные и работаю по ним. Оформление смотрю, чтобы записи были своевременно сделаны»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года). В некоторых случаях клиенты сразу же просят консультацию, к примеру юриста или психолога, не выражая желания рассказывать о проблемах специалисту на первичном приеме. В любом случае их «дело» будет рассматриваться на консилиуме. Основной темой психологических консультаций, с точки зрения психологов центра, являются семейные конфликты, трудности, связанные с воспитанием детей, проблемы подготовки детей к школе. Юристы чаще всего помогают в оформлении различных пособий и льгот, а также в решении жилищных проблем.

Случай 3. Клиент центра помощи семье и детям

Ирина, 43 года, незаконченное высшее образование, безработная. Воспитывает сына 6 лет, вне брака, живет с родителями, Временные подработки сетевым маркетингом по продаже косметики. В центре специалисты провели с Ириной первичный прием, была оказана гуманитарная помощь, ребенок ходит на развивающие курсы, была выделена бесплатная путевка в санаторий, билеты в театры. Ирина посещает клуб одиноких родителей, психологические тренинги, организуемые психологами центра. Семья имеет льготы на оплату жилья в связи с инвалидностью отца Ирины.

Вполне по праву в центре гордятся здешними социальными клубами, в рамках которых разрабатываются и осуществляются инновационные формы реабилитационной работы с клиентами. Нам представляется, что данная форма работы позволяет осуществлять социально-психологическую помощь в наиболее полном, действительно комплексном смысле. Здесь работает клуб для одиноких

родителей, для пожилых, творческая гостиная, два клуба для подростков. Через индивидуальное консультирование, групповые тренинги личностного роста, организацию досуга, совместного и разнообразного творчества, различных форм взаимоподдержки, через просветительскую деятельность я помогаю людям обрести уверенность в своих силах, повысить самооценку, социальную конкурентоспособность, расширить сферу общения, справиться с ощущением изолированности и одиночества, внутрисемейными конфликтами, реализовать свой творческий потенциал.

Цели работы подросткового клуба - профилактика социальной безнадзорности детей, реализация комплексного подхода к социальной адаптации детей (от экстренной помощи ребенку до волонтерского участия ребенка в социально значимых программах). В планах работы центра - создание сети таких клубов в школах города и в первую очередь - в интернатах. Для оказания помощи в обучении и развитии детей из малообеспеченных семей специалистами центра разработан и успешно реализуется курс развивающих занятий для детей дошкольного возраста. Как правило, в таких семьях родители (а чаще всего речь идет о монородительской семье, где есть только мама) вынуждены много работать, следовательно, не имеют возможности заниматься в достаточной степени развитием детей, подготовкой их к школе. Детские сады, которые могли бы решать эти задачи, стали многим недоступны по цене. Поэтому этот вид услуг безусловно актуален для клиентов.

Как можно увидеть, в деятельности по социальной реабилитации принимают участие психологи, социальные педагоги, воспитатели, но не специалисты по социальной работе. Сами они отмечают невысокий уровень своей работы и чувствуют неудовлетворенность от своего вклада в общую работу центра. Многие из сотрудников этого профиля говорят о хаотичности и плохой организации своей работы. Следует отметить, что специалисты по социальной работе работают только в отделе первичного приема, информации, анализа, прогнозирования и реализации программ социальной реабилитации. С одной стороны, эти сотрудники участвуют практически во всем, что касается их клиентов, но с другой - участие это зачастую формально и заключается лишь в отслеживании правильного оформления документации на клиента. Отсюда и общая неудовлетворенность от своей работы. Любой социальный работник здесь скажет, что важная доля работы выпадает на юристов, психологов и социальных педагогов. Специалист по социальной работе - в результате даже не координатор реализации программы социальной реабилитации своего клиента, который принимает решения, а всего лишь помощник для других специалистов центра. Социальная же работа представляется родом деятельности узкой функциональной направленности, не требующей специальной подготовки, а не комплексом мер по поддержке человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию. Ситуацию можно было бы изменить, но отсутствие профессионального образования по социальной работе у работающих здесь специалистов по социальной работе не позволяет им это сделать: нет авторитета среди других специалистов.

#### Планирование и контроль

Оценить однозначно планирование и контроль в организации трудно, поскольку эти процессы часто сочетают в себе ригидность и стихийность, постоянство и нестабильность одновременно. Одно можно сказать совершенно определенно: деятельность центра жестко контролируется вышестоящими организациями, прежде всего по количественным показателям (количество оказанных услуг и обслуженных клиентов).

Центр должен отправлять в вышестоящую организацию еженедельные, ежемесячные, ежеквартальные, полугодовые и годовые отчеты с пояснительными записками. Кроме того, время от времени возникают вопросы: «Что и как считать?». Последняя форма статистического учета включает следующие сведения: дата обращения; кому оказана услуга; причина обращения; сведения о семье (район, категории, количество членов семьи, в том числе несовершеннолетних); виды услуг и социальной помощи. Основной показатель в отчетах - количество оказанных услуг.

В практике работы услугой считают любое действие специалиста, направленное на клиента, - «каждый чих, каждый вздох». На момент проведения исследования (осень 2000 - лето 2001) было именно так: каждое действие сотрудника пытались оформлять как услугу, оказанную клиенту. Технология подсчета количества услуг в группе клиентов такова: действие специалиста умножается на количество клиентов, а затем на количество действий. Например, специалист по социальной работе провел клубную встречу, на которой присутствовало шесть человек, - значит он оказал шесть услуг. Допустим, таких встреч за отчетный период было пять, следовательно, пять умножаем на шесть, получаем 30. Итого получается, что за отчетный период было оказано 30 услуг. Если услугу предоставляет группа специалистов, то получившееся число умножается еще и на количество

специалистов в группе. Услуги, оказанные клиенту индивидуально, подсчитываются следующим образом: учитываются действия специалиста независимо от того, была проделана работа с одним клиентом или большим числом (например: с одним клиентом проведено две консультации - были оказаны две услуги).

В результате, согласно разрабатываемой отчетности, в 2000 году центром было оказано почти 23 тыс. услуг. Наиболее массовыми оказались такие виды помощи, как социально-педагогическая и те, что вошли в рубрику «другая», куда среди прочего (sic!) входит деятельность, осуществляемая специалистами по социальной работе (около 8,5 тыс. каждая). Впечатляющими оказались также объемы психологических услуг (около 5 тыс.) и правовых (более 1 тыс.). При этом существующие формы отчетности не позволяют установить, какому количеству клиентов и какие проблемы удалось решить при помощи сотрудников центра и каким в конечном счете оказался социальный эффект его деятельности. Мы можем предположить, кроме того, что, поскольку внешний контроль ориентирован на количественные показатели, которые по понятным причинам «не должны» снижаться, иначе последуют санкции, центр вольно или невольно будет ориентироваться в своей деятельности на развитие не индивидуальных, а групповых методов работы и организацию досуговой деятельности, так как только эти виды услуг могут существенно увеличить отчетную статистику.

Долгосрочное и отчасти краткосрочное планирование осуществляется под жестким контролем директора, который утверждает все проводимые центром мероприятия. Планы работы приходится время от времени изменять в соответствии с указаниями вышестоящей организации - управления социальной защиты населения департамента социальной сферы городской администрации, а также управления труда и социального развития областной администрации. Об участии в мероприятиях этих ведомств директор центра информирует сотрудников на еженедельных планерках (в социальных службах и центрах занятости Среднего река их называют ПДС - постоянно действующее совещание). Здесь же ведется контроль за выполнением порученных заданий. Каждый сотрудник составляет еженедельный план своих работ, по которому затем пишет отчет и сдает его заведующей отделом. Все задания сотрудники получают от своих не-посредственных руководителей. В центре много руководителей среднего звена: три заведующих отделами (не считая заведующих хозяйственной частью и складом), два заместителя, что вызывает некоторое раздражение сотрудников, получающих противоречивые распоряжения. Можно услышать такие реплики: *«Не знаешь, какому богу молиться!»*, даже роптание об отсутствии последовательности в управлении: *«Порядка нет как всегда у нас. Порядка нет ни в документации, ни в чем. Даже вот эти злополучные статотчеты. Почему-то мы должны мучительно делать их. Третий год. Хотя должна быть система. Да разработайте вы этот план статотчета! Он тоже меняется уже в третий раз!»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года,). Впрочем, эти упреки относятся скорее к системе, чем к директору или администрации центра.

Необходимость постоянно отчитываться о проделанной работе заставляет сотрудников сопровождать свою помощь клиентам оформлением достаточно сложной и множественной документации: ведение книги первичного приема клиентов, книги регистрации клиентов, решений консилиума, составление социального паспорта, плана реабилитационной работы, акта обследования, патронажного листа. Если прибавить сюда составление диаграмм, иллюстрирующих деятельность центра и написание творческих работ и отчетов, становится понятным недовольство сотрудников именно этой стороной организации своей работы: *«Эти бумажки с ума сведут»*; *«Не знаешь: отчет писать или с клиентом заниматься»*. •

Необходимость одновременно работать «для клиента» и показывать свою деятельность «вышестоящим проверяющим» в качестве успешной и эффективной отражается в скрытом виде в содержании и представлении той информации, которая предлагается для всеобщего обозрения. В коридоре выставлено несколько больших стендов с различной информацией. Первый, расположенный у самого входа в помещение, содержит ответы на разнообразные вопросы, способные заинтересовать клиентов. Специальный стенд, вывешенный перед кабинетом первичного приема, содержит информацию о личных льготах, порядке оформления субсидий и детских пособий. Рядом поздравление с днем рождения одной из сотрудниц от коллег. Напротив кабинета директора вывешен большой стенд под названием «Пресс-центр» с планами работы (здесь перечислены мероприятия, проводимые сотрудниками) и основными показателями деятельности центра (сколько услуг оказано, каким семьям), буклетами с информацией о работах\* социальных клубов (правда, эти

материалы не предназначены для распространения, они закрыты стеклом). Здесь же вывешены графики проведения патронажа. На противоположной стене расположена информация о структуре центра, режиме его работы, схеме взаимодействия с другими организациями. Эти стенды большие, но не очень выразительные и, кроме того, находятся в таком месте коридора, куда можно попасть, только если специально задаться целью, а клиенты, пришедшие сюда в первый раз, вообще могут и не дойти до этого места. Недалеко вывешены также последние номер! собственной ежемесячной газеты центра. Адресована она клиентам, но в то же время представляет собой еще один способ самопрезентации центра, поэтому газета имеет разные по характеру рубрики. Здесь можно встретить информацию о социальной работе в самых различных ее аспектах, своего рода отчеты о работе центра. Специалисты центра используют газету для распространения информации просветительского, образовательного характера, в каждом номере обязательно есть и материалы развлекательного плана.

Определенного регламента проверки качества выполняемой работы тоже обнаружить не удалось. От качества выполнения своих обязанностей и усердия мало что зависит, считают наши собеседники, разве что «ругать» не будут. За просчеты полагается словесное порицание: *«Ну ругают. Директор нас по-отечески может пожурить»*. Другая сотрудница, смеясь: *«Кричит сильно, иногда по столу стучит»*, *«И хвалят и "дают" [ругают] нам на ЦДС. Чаще "дают", чем хвалят»*. Были случаи, когда директор выносил выговор и понижал в должности, но не за плохое качество работы, а за нарушение трудовой дисциплины (например, систематическое опоздание на ЦДС).

Все сотрудники хорошо понимают необходимость оказания помощи таким образом, чтобы формировалась прежде всего активная жизненная позиция клиента, активизировались личностные ресурсы в решении собственных проблем, однако реализовать эти принципы в реальных практиках оказывается не так просто. Отношения специалиста и клиента трудно назвать партнерскими, потому что клиент здесь является скорее просителем, а не потребителем услуг. Специалисты часто решают не что делать клиенту и как ему помочь, а что им делать с клиентом: *«Что мы будем с ними делать?»*, *«Вот и ладненько, вот и порешили!»*, *«Сейчас мы быстро раскрутим ситуацию»*, *«Ей больше ничего не нужно - она ничего не просила»*, *«Не будем ее рассматривать»* (о семье), *«Еще много их? Сколько же? Мне еще отчет писать!»* (из записей, сделанных на консилиуме, апрель 2001 года). Житейский опыт (при отсутствии профессиональной подготовки) подчас формирует у специалистов снисходительное, патерналистское отношение к клиентам, которое можно заметить в том, как их здесь называют: *«старенькая, однако»*, *«кризисная семья»*, *«это нормальная семья»*, *«ну они ведь совершенно ненормальные»*, *«девочка очень хорошая»*, *«с ней уже ничего не сделаешь - конченный человек»*, *«у нее с головой не все в порядке»*, *«это наш клиент»*, *«клиентка малообеспеченная»*, *«старичков много - списком бы их»* (о пожилых клиентах, которых надо «представлять на консилиуме»).

Язык, на котором обсуждаются специалистами по социальной работе текущие дела и клиенты, скорее можно назвать обыденным языком, нежели профессиональным. Причина тому - отсутствие формализованной профессиональной подготовки, явный недостаток специальной литературы в центре. Впрочем, большинство сотрудников осознают это и чувствуют необходимость повышения уровня своего мастерства. Хорошо понимает это и руководство центра, пытаясь наладить сотрудничество со средне-горскими вузами. Основные формы повышения квалификации сотрудников на сегодняшний день: обучающие семинары, тренинги, деловые игры, круглые столы. Обычно сотрудники с удовольствием принимают в них участие.

В интервью сотрудники центра затруднились сказать, с какими противоречиями, этическими дилеммами они сталкиваются в своей работе. В центре есть свой собственный «Кодекс чести», который *«сформировал, составил информационно-методический отдел»*. Это буклет, в котором отражены основные принципы работы с клиентами, которых должны придерживаться все сотрудники. Вместе с тем сотрудники других отделов центра имеют свои собственные представления о должном и дозволенном в профессиональном поведении, которые в чем-то совпадают, а в чем-то расходятся с позициями этого кодекса. Самыми важными считают нейтральную позицию по отношению к клиенту и проверку на достоверность той информации, которая поступает от клиента: *«Она мне рассказала - я поверила? Нет!»*. В интервью вспомнили и такие этические принципы: *«принимать людей такими, какие они есть»*; *«о людях думать лучше, чем они есть на самом деле»*; *«все люди с недостатками»*; *«быть с ними вежливым, даже если они со мной не вежливы»*, а также *«доброжелательность, тактичность»*. Сотрудники центра отмечают,

что видение проблемы клиента может быть разным, и зачастую боятся «докопаться» до такой проблемы, которую не в силах разрешить, осознают ограниченность своего видения: *«Не всегда мы суть той проблемы понимаем, с которой пришел клиент»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 33 года). Случаются и споры между сотрудниками о целесообразности той или иной работы с клиентом. Они могут проходить не только в рамках консилиума, но и неформально, в довольно эмоциональной форме.

К жалобам клиентов в центре прислушиваются, но склонны полагать, что многие проблемы связаны с их «непослушанием»: *«Чаще всего они сами виноваты: не сделали то, что им сказали»*. Все сотрудники отмечают, что больше всего их радует, когда они видят реальный результат: *«Позитив в работе появляется в тот момент, когда я вижу реальные результаты. Вот я поставила в управление соцзащиты. И вижу, что она получила помощь, в течение шести месяцев она будет на двоих детей получать. У нее муж в декабре умер от рака печени. И плюс тысяча рублей - разовая помощь просто от государства. Я радуюсь за эту Иванову. Внесла в список на оздоровление в летний период... Мне это приятно, когда я вижу результат. А когда я его не вижу, а кроплю, кроплю. Пусть даже эти выходы с актом, патронаж - результата нет! Чем реально я помогла этой семье? Любой, которая к нам обратилась. А когда этого результата нет, то начинается недовольство, не центром недовольство, а в первую очередь собой, а потом той организацией, в которой я работаю»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 33 года).

Решение проблем клиента происходит не под влиянием каких-либо теорий, а под влиянием житейского и отчасти уже накопленного профессионального опыта. Вопрос о методах работы и о теориях социальной работы самый неприятный для сотрудников и вызывает массу сложностей. Методы работы с клиентами специалисты по социальной работе в центре чаще всего берут из практики: своей и чужой (коллег из других служб). Таким же образом узнают о новых формах работы - патронаж, клубная работа: *«Как вы узнаете о новых методах социальной работы? - Из практики, в основном. Ниоткуда не узнаю. Методы - собеседование, сбор информации. Что еще? Узнала из своей практики. Плюс я читаю журнал "Социальная защита"»* (специалист по социальной работе отдела первичного приема, жен., 24 года).

Времени для чтения книг и пособий не так много, к тому же у центра пока нет финансовых средств для формирования собственной библиотеки профессиональной литературы. Беседа, информирование, сбор документов для постановки на учет в центре социальной помощи населению или на получение пособий в управлении социальной защиты населения, составление ходатайства, осуществление патронажа - основной арсенал методов социального работника.

С недавнего времени здесь при содействии сотрудников университетской кафедры социальной работы активно приступили к описанию используемых в центре технологий социальной работы с клиентами. Сейчас уже сформулированы технологии первичного приема и патронажа, реабилитационной работы в социальных клубах для пожилых, для родителей из неполных семей, для подростков, творческих интетрапннных программ для взрослых и развивающей программы для дошкольников. Процесс этот для многих был непростым, но дал возможность оценить уровень своего профессионализма и увидеть как сильные, так и слабые стороны в работе, что уже является первым шагом к повышению компетентности, формированию рефлексивного профессионализма.

Перспективы развития. Взаимодействие с сообществом

Центр стремится взаимодействовать с другими службами социальной защиты населения, а также с учреждениями системы образования. Сотрудники центра часто обращаются к ним по вопросам своих клиентов: *«У нас есть взаимоотношения с комитетом по народному образованию, с управлением внутренних дел, с комиссиями по делам несовершеннолетних», «Договора заключаются и с комитетом по образованию, с КТОСами, со школой-интернатом, с ПТУ...»* В центре устраиваются круглые столы по обмену опытом, научно-практические семинары с участием коллег из других организаций, преподавателей вузов и представителей вышестоящих организаций.

Большие надежды руководители центра возлагают и на сотрудничество с кафедрой социальной работы одного из вузов Среднегорска: *«Мы видим во взаимоотношениях с вами гораздо более прочный, фундаментальный подход. Располагая центром, его специалистами, зная, что наши специалисты нуждаются в подготовке, переобучении, повышении квалификации специалистов, мы дали предложение на базе нашего центра иметь или филиал, или отделение кафедры вашей, социальной работы. Если мы будем это иметь, то с вашей помощью мы будем уже обучать и других людей. Чтобы нам не получать лицензию на общеобразовательный уровень, а, имея филиал и*

*то, что вы имеете все лицензии и т. д., свидетельства, мы уже, располагая площадями, подготовив аудиторию, классы, расширив свой информационно-методический отдел... здесь же готовить. Вы понимаете, целая армия, вот в центрах социального обслуживания населения есть отделения семьи и ребенка, ведь специалисты там мало квалифицированные... Она как специалист должна и немного психологией заниматься, и немного юриспруденцией заниматься, и немного как соцработник заниматься. Вот в комплексе мы должны с вами делать специалиста. Не всегда нужна узкая направленность, это не везде хорошо. А в социальной сфере он должен обладать кругозором более широким» (директор центра, муж., 64 года).*

Сложнее складываются взаимоотношения центра с общественными организациями: *«Мы очень много работали с общественными организациями и благотворительными фондами. Многие из них нуждались в нашем покровительстве, а точнее, в предоставлении площади, для того чтобы они могли развивать свою деятельность, учитывая наши совокупные интересы по существу не платить за аренду. В то же время на нашей бы базе получать гранты, но только на собственное развитие. То есть центр от этого бы ничего не имел. И чувствовали они здесь себя полноправными хозяевами. ...У меня их тут с десяток перебывало и вот все примерно вот с такими предложениями тянут одеяло только на себя. Это не решение проблемы. Поэтому я против таких форм взаимодействия» (директор центра, муж., 64 года).* Нам представляется, что мешает в основном установлению прочных отношений с общественными организациями один существенный для руководителя момент: он не сможет контролировать деятельность общественников, однако вынужден будет нести за нее ответственность, так как они работают на территории центра и с его клиентами.

С удовольствием здесь принимают бескорыстную помощь, в основном материального характера. Сотрудники, а в большей степени директор, активно и вполне успешно ищут спонсоров: *«В прошлом году порядка 435 тысяч за счет спонсоров оказали помощь вещевыми, продуктовыми наборами. И это при бюджете нашего центра в 907 тысяч. Казна нам дала 907 тысяч рублей, а за счет спонсоров мы принесли 435 тысяч» (директор центра, муж., 64 года).* Немаловажное значение для организации взаимодействия центра с сообществом играет выпуск с ноября 1999 года собственной газеты с приложениями к ней «Подросток» и «Мир женщин». Иногда о работе центра появляются репортажи на телевидении.

#### Выводы

Несмотря на то, что наше исследование обнажило много противоречий и проблем в деятельности центра, совершенно очевиден существенный прогресс в его развитии. Менее чем за четыре года своего существования, начиная дело почти на «пустом месте» как с точки зрения инфраструктурного, так и методического, кадрового обеспечения, центр «дорос» до создания своих собственных социальных технологий и проектов, будем надеяться, и дальше станет стремительно развиваться: *«Теперь мы думаем, что будет дальше, а не [о том], как бы нас не закрыли».*

Сотрудники считают, что у центра большие перспективы: *«У нашего центра огромные перспективы, огромное будущее... Это не только обслуживание, но и чтобы люди тянулись, общались то есть, стремились сами помочь друг другу через те же клубы, через волонтерство, через различные акции. Будущее все равно большое» (специалист' по социальной работе, жен., 33 года).* Директор центра видит перспективы развития прежде всего в открытии консультационных пунктов, районных филиалов, во внедрении новых программ социальной помощи различной направленности, поиске возможностей для введения платных услуг, средства от которых пошли бы на расширение социальной помощи малообеспеченным клиентам центра и поддержку его сотрудников<sup>4</sup>. Учреждение, с его точки зрения, должно стремиться в своем развитии к статусу научно-методического центра.

На наш взгляд, ближайшей задачей должна стать отработка всех используемых в центре технологий работы с точки зрения их адекватности декларируемым целям и задачам помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации. И в первую очередь необходим глубокий анализ технологии первичного приема, способов сбора информации о проблемной ситуации клиента и ее оценке, клубной работы центра. От того, насколько квалифицировано будет это сделано, зависит успех всей дальнейшей работы с клиентами. Мы понимаем, что задачи эти решить непросто, поскольку ограничены они необходимостью дальнейшего усложнения профессиональной деятельности сотрудников, а значит повышения уровня их квалификации, и решения вопросов адекватного вознаграждения их труда. Без поддержки вышестоящих организаций центру вряд ли удастся самостоятельно решить эти задачи.

<sup>1</sup> График подготовлен по данным, содержащимся в статье: Манукян Э. А. Концептуальные основы деятельности Центров помощи семье и детям // *Работник социальной службы*. 1998. № 1 (3).

<sup>2</sup> *Устав* муниципального учреждения «Городской центр помощи женщинам, семье и детям г. Среднегорска». j

<sup>3</sup> Эти два слова, говоря о своих клиентах, специалисты центра употребляют вместе, возможно, для усиления эффекта.

<sup>4</sup> После того, как полевая часть исследования была завершена, в центре произошли серьезные перемены. После проверки, проведенной административной комиссией управления труда и социального развития области, был расформирован информационно-методический отдел и смещен с должности директор. Более полугодя центр работал под руководством заместителя директора, с февраля 2002 года назначен новый администратор со стороны.

## ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

### История развития и основные направления деятельности

Центры социального обслуживания населения стали развиваться в современной России с конца 1980-х годов. Эти центры начали создаваться в связи с институционализацией и расширением социальных услуг, направленных на поддержание жизнедеятельности престарелых и одиноких граждан. Таким образом, эти учреждения стали значимым инструментом социальной политики по отношению к пожилым, а позже - к семьям и малообеспеченным гражданам, осуществляя широкий спектр деятельности в области социального патронажа, социальной защиты и социальной помощи.

Ранее функцию заботы о пожилых и малообеспеченных гражданах выполняли городские и районные отделы социального обеспечения (собесы) при исполнительных комитетах города и районов.

Деятельность собесов заключалась в начислении и перерасчете пенсий различным категориям граждан, а в настоящее время такую работу ведут управления социальной защиты населения (УСЗН), которые в народе продолжают именоваться собесами. В советское время собесами не оказывалась социальная помощь престарелым гражданам в виде социального обслуживания на дому.

Проводилось лишь выявление тех людей, которые уже не могли себя обслуживать и оформление их в дома престарелых. Такая работа не имела систематического характера и осуществлялась в основном по заявлению родственников, соседей или самих престарелых граждан.

Центр социального обслуживания населения (ЦСОН), в котором проходило наше исследование, был создан в 1989 году по решению Подгорного районного Совета народных депутатов Среднегорска. Первые годы организация называлась «Центр Милосердия», она действовала при администрации района города для оказания помощи на дому и распределения материальной помощи (в основном гуманитарной) наиболее нуждающимся. В отделении помощи на дому первоначально работало 25 социальных работников, которые обслуживали около 300 престарелых и инвалидов, дополнительно оказывались некоторые медицинские услуги на базе медицинского отделения центра. Спустя четыре года повсюду в России произошло реформирование системы центров милосердия, поэтому осенью 1993 года он был реорганизован в Центр социального обслуживания населения. Структура новой организации состояла из двух подразделений - отделения социальной помощи на дому и отделения срочной социальной помощи. В результате реорганизации ЦСОН перестал входить в районные структуры города, а стал непосредственно подчиняться городской администрации. В настоящее время ЦСОН подчиняется Управлению труда и социального развития Среднегорской области, направляя туда статистическую и финансовую отчетность.

### Внутреннее пространство

Развитие ЦСОН было связано с выделением новых структурных подразделений и увеличения числа обслуживаемых. Уже в 1994 году в нем было открыто отделение «дневного пребывания» массажный кабинет, медицинский кабинет, библиотека. Годом позже появилось отделение помощи семье и детям и отделение специальной медицинской помощи. В 1998 году в ЦСОН по инициативе сотрудников стал работать так называемый «социаль-<sup>1</sup> ный банк»; люди приносили одежду, не новую, но в хорошем состоянии, и те, кто нуждается, могли ее купить по минимальной цене. Но эта форма работы просуществовала недолго - по требованию санэпидемстанции работа «социального банка» была прекращена.

Центр расположен в помещении, где первоначально планировалось размещение кулинарии, Он занимает большую, более 700 м<sup>2</sup>, пристройку к первому этажу девятиэтажного дома; симметрично по отношению к нему в здании этого же дома находится хозяйственный магазин (рис. 1). Вся наружная стена центра представляет собой стеклянную витрину бывшей кулинарии, закрытую

тюлевыми занавесками. Над входом со стороны улицы видна крупная белая надпись на синем фоне «Центр милосердия», она хорошо видна издалека. В первом окне выставлен государственный флаг. Помещение ЦСОН нуждается в ремонте, оно недостаточно приспособлено для конторской работы - сырое и плохо проветриваемое, поэтому от работников приходится часто слышать извинения: «у нас нет вентиляции», «у нас грибок». Внутреннее пространство представляет собой большой зал, который разделен на отдельные комнаты легкими, не достигающими до потолка перегородками, собранными из металла, обшитого красным кожзаменителем и волнистого полупрозрачного стекла. На каждой двери прикреплен листок бумаги, на котором напечатано название кабинета.

По всему коридору, вдоль витрины, выходящей на улицу, уложена ковровая дорожка и расставлены кресла, диваны и находится очень много зеленых растений. Сами работники центра называют это место «наша оранжерея». Кроме основного зала в глубине здания расположены подсобные помещения (склады) и некоторые кабинеты. Из оргтехники в ЦСОН имеется копировальный аппарат в нерабочем состоянии («ксерокс умер»), компьютер в нерабочем состоянии и матричный принтер. Впрочем, вся деловая документация ведется с использованием пишущих машинок и калькуляторов. В комнате отдыха есть старенький цветной телевизор, а в актовом зале для мероприятий установлено пианино; здесь тоже много зеленых растений.

Сразу же у входной двери висит большой стенд, на одной половине которого в разделе «Лучшие социальные работники» наклеены цветные фотографии особо отличившихся работников, помещен отчет о работе за первую половину 2000 года. Вторая половина стенда озаглавлена «Летопись нашего центра» и посвящена истории создания и развития организации. Она содержит некоторые данные о создании центра, информацию о работе основных отделений, относящуюся к периоду создания учреждения. Следующий стенд посвящен ветеранам войны и оформлен советом ветеранов, который находится в этом же здании. На стенде «Информация» можно видеть два объявления - список услуг, напечатанный очень мелким шрифтом, и благодарность сотрудникам: «Администрация центра социального обслуживания населения благодарит всех социальных работников за терпение, доброту и трудолюбие».

Необходимо отметить, что повсюду в комнатах очень аскетическая обстановка - чисто, аккуратно, нет ничего лишнего, только то, что необходимо для работы, если не считать комнатные растения, расставленные повсюду. В двух комнатах стоят электрические самовары на подносах, предназначенные, в основном, для чаепитий сотрудников, которые обедают на своем рабочем месте,

однако посуда укрыта от глаз посетителей.

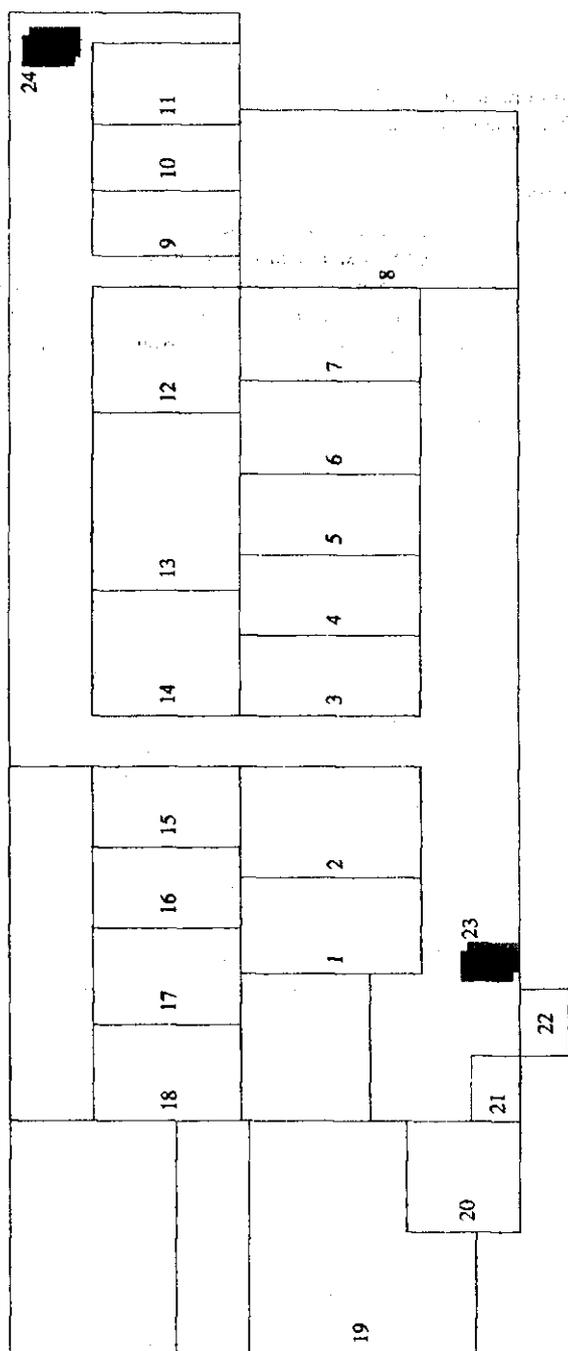


Рис. 1. Центр социального обслуживания населения:  
 1 - совет ветеранов Подгорного района; 2 - кабинет заведующей хозяйством; 3 - отделение помощи семье и детям; 4 - отделение срочной помощи; 5 - отделение социальной помощи на дому; 6 - отделение специальной медицинской помощи; 7 - кабинет заместителя директора и отдел кадров; 8 - актовый зал; 9 - кухня; 10 - отделение дневного пребывания; 11 - кабинет директора; 12 - комната отдыха; 13 - кабинет лечебного массажа; 14 - кабинет председателя районного совета ветеранов; 15, 18 - склад; 16 - холодильник; 17 - мойка; 19 - магазин "Забота"; 20 - склад магазина; 21 - шитовая; 22 - вход; 23 - стол диспетчера; 24 - стол секретари

При центре есть магазин «Забота», который открывался как магазин для малообеспеченных граждан, где они могли бы покупать продукты по низким ценам. Некоторое время он так и функционировал: в отделении срочной помощи малообеспеченным гражданам выдавались талоны на определенную сумму и люди отоваривали их в магазине. Начиная с 2000 года финансирование этого вида деятельности было остановлено, и «Забота» теперь работает как обычный продовольственный магазин.

#### Организационная структура

Структура деятельности ЦСОН как государственного учреждения определяется нормативным документом, принятым Министерством труда и социального развития Российской Федерации. В данном документе указаны следующие общие направления деятельности всех структурных подразделений центра. Во-первых, это выявление и учти граждан, нуждающихся в социальных услугах, оказываемых структурными подразделениями. Во-вторых, оказание социальной бытовой, медицинской, психологической, консультативной и иной помощи гражданам. В-третьих, содействие в активизации возможностей самореализации потребностей у граждан, обслуживаемых центром. В-

четвертых, осуществление принципа преемственности в предоставлении различных форм и вида социальной помощи. В-пятых, обеспечение прав и преимуществ, установленных действующим законодательством, обслуживаемым гражданам.

Работа отделения специализированной медицинской помощи на дому состоит в оказании доврачебной медицинской помощи людям, страдающим тяжелыми заболеваниями! и утратившим способность к самообслуживанию. А в отделении срочной помощи работники должны оказывать экстренную помощь разового характера гражданам, ока завшнмся в кризисной ситуации. Кроме этого в отделении на картотеке состоит 1020 человек с доходом ниже прожиточного минимума. По мере поступления спонсорских (гуманитарных) средств им оказывается помощь. Для того, чтобы клиента поставили на учет занесли в картотеку, ему необходимо предоставить ряд справок и документов. Поел этого сотрудники отделения осуществляют материально-бытовое обследование и со став л я ют акт по результатам обследования. Работа отделения дневного пребывания 3\* ключается в организации досуга пожилых граждан. Заведующая отделением веда кружок мягкой игрушки, организует концерты, чаепития и иную деятельность. Наук) те в отделении социальной помощи семье и детям состоят малообеспеченные и много детные семьи; семьи, потерявшие кормильца; семьи с детьми-инвалидами; семьи группы риска. Семьям по возможности оказывается материальная помощь и осуществляется ся патронаж. Сфера деятельности каждого подразделения строго регламентирована однако взаимодействие специалистов и социальных работников по вопросам обслужи вания клиентов находится, по преимуществу, в ведении отделения срочной помощи.

#### Кадровые вопросы

Примерным положением о Центре социального обслуживания населения предусматривается определенная структура и численность персонала центра, обусловленная также направленностью его работы и количеством населения, проживающего на закреплен-ной за центром территории. В центре Подгорного района, например, работает восемь отделений социальной помощи на дому и по одному отделению специализированной медицинской помощи на дому, срочной помощи, дневного пребывания и социальной помощи семье и детям. Каждое отделение имеет свое направление деятельности, например работа отделений социальной помощи на дому предполагает, согласно ин-струкциям, оказание помощи престарелым гражданам, «частично утратившим спо-, собность к самообслуживанию и нуждающимся в посторонней поддержке, социально-бытовой помощи в надомных условиях»<sup>2</sup>. В каждом отделении на учете состоит 115-120 человек. Один социальный работник обслуживает 8 человек, если он работает на полторы ставки, то - 12. Всех своих клиентов социальный работник посещает три раза в неделю. Количество клиентов, находящихся на учете, является основным критерием для определения количества социальных работников (табл. 1).

Таблица 2

**Категории и численность сотрудников  
Центра социального обслуживания населения Подгорного района (2001 год)**

Категория работников	Численность сотрудников
Социальные работники	119
Заведующие отделениями	11
Специалисты по социальной работе	10
Аппарат управления	9
Административно-хозяйственный отдел	8
<i>Всего</i>	158

Специалистов по социальной работе в центре намного меньше, чем социальных работников и связано это со штатным расписанием. Штатным расписанием центра ставки специалиста по социальной работе предусмотрены в следующих его структурах: аппарат центра - одна ставка на 15 тыс. населения, проживающего в районе, который закреплен за центром; отделение срочного социального обслуживания - две ставки; отделение социальной помощи семье и детям - три ставки. В отделениях социальной помощи на дому, специализированной медицинской помощи, дневного пребывания ставки специалистов по социальной работе не предусмотрены. В аппарате центра должно работать десять человек, но реально работает пять, так как их обязанности распределяются между заведующими отделениями. Такое сокращение численности позволяет сотрудникам получать дополнительные прибавки к заработной плате. Таким образом, можно наблюдать определенную диспропорцию в количестве специалистов по социальной работе, действующих в организации. По нашим наблюдениям, это связано с распространенным убеждением персонала в том, что с работой, которую должен выполнять такой специалист, может справиться любой сотрудник, и кроме того

увеличение количества квалифицированных специалистов по социальной работе никак не будет способствовать развитию организации. Поэтому самое лучшее, что можно сделать - распределить эти ставки среди своих, чтобы повысить их трудовую мотивацию.

Различия в обязанностях социального работника и специалиста по социальной работе достаточно размыты на практике и плохо рефлексированы сотрудниками организации. То, как эти различия понимают сотрудники, иллюстрирует следующий отрывок из интервью: *«Специалист по социальной работе... в принципе у них работа параллельная, но более ответственная - это у специалиста, по обязанностям. Есть официальные обязанности специалиста, обязанности социального работника, порядка где-то восьми пунктов у них идут одни обязанности, но специалист на время болезни может замещать заведующего отделением, он может замещать заведующую во время ее отсутствия, специалист имеет право работать со спонсорами, а социальный работник этого не имеет, социальный работник не замещает заведующую, не работает со спонсорами, а специалист вот... те же самые обязанности, что и у социального работника плюс замещает заведующую и работает со спонсорами»* (заведующая отделением, жен., 35 лет). Таким образом, главным отличительным признаком специалиста по социальной работе (из действующих в настоящее время) является близость к руководству центра и материальным ресурсам.

Однако если рассмотреть должностные обязанности специалиста по социальной работе отделения срочной помощи, то они не ограничиваются только замещением заведующей и работой со спонсорами. Специалист по социальной работе должен проводить мониторинг граждан пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в тех или иных видах и формах социальной поддержки; устанавливать причины возникновения социального неблагополучия; определять характер и объем социальной помощи нуждающимся; налаживать связи и сотрудничество; консультировать; оформлять документы; содействовать в активизации потенциала собственных возможностей; принимать участие в формировании социальной политики; заниматься профилактикой социального неблагополучия среди обслуживаемых. Этнографические данные показывают, что в условиях действующего центра формальные обязанности переосмысливаются практиками в соответствии с нормами складывающейся организационной иерархии, а также имеющимися символическими и организационными ресурсами, например такими, как недостаток работников с высшим образованием по социальной работе.

Центр социального обслуживания населения - государственная организация и финансирование зарплаты идет из бюджета, регулируется единой тарифной сеткой (ЕТС) и зависит от количества ставок. *«Существует штатное расписание, и по штатному расписанию ежегодно смета защищается на следующий год. Там закладываются разряды социальных работников, то есть берется имеющийся контингент, существующие разряды и к нему добавляется определенный рост, если существует в плане... Ну, опять же финансирование на хозяйственные с большим трудом. Если зарплата она еще более менее, может с задержкой, но выплачивается, то на хозяйственные периодически задерживают. Мы живем за счет того, что мы имеем право доходы от платных услуг, которые оказываем, использовать на развитие центра, то есть канцтовары покупаем только за эти средства. Они вот третий год нам деньги на ремонт никак не выделяют, в грибок сидим. Цокольное помещение - под нами вода, на нас капает немножко, вот пока не просохнет. Ну, у нас грибок, дышать у нас не чем. Поэтому ремонт планируется, но денег на него нет. Все требует ремонта... так декорируемся. А финансирование идет практически на заработную плату, то есть на оказание помощи через срочную, где там оговорено, что мы можем, это исключительно спонсоры. А сейчас от должна облагаться налогом, а мы не получаем ее в денежном виде, мы получаем в натуральном виде, а как это все должно выглядеть — никто не знает»* (заместитель директора центра, жен., 38 лет).

Об очень низкой заработной плате говорят все сотрудники. Для большинства социальных работников центра она редко превышает 360 рублей (на 1 июня 2001 года). Чтобы получать побольше, социальным работникам разрешается работать на полторы ставки, то есть вместо восьми клиентов обслуживать двенадцать. К окладу, в соответствии с разрядом по ЕТС, социальные работники имеют доплату, которая составляет 12 % от суммы, поступающей от платных услуг. Однако эти доплаты очень незначительны, как говорят сотрудники центра - «три копейки». Каждый год в центре создается тарифная комиссия, которая составляет штатное расписание на следующий год и решает, кому из сотрудников повышать разряд. Это расписание проверяет плановый отдел в Управлении труда и социального развития и в конечном счете решение о повышении разряда

конкретному сотруднику утверждает он. Необходимо отметить, что зарплата социального работника и специалиста по социальной работе ниже величины прожиточного минимума, объявленной в области<sup>3</sup>. Получая доход меньше или наравне со своими клиентами, социальный работник и специалист по социальной работе сам попадает в категорию малообеспеченных и незащищенных граждан.

Несмотря на трудности финансирования за двенадцать лет своего развития руководством центра и его сотрудниками проделана большая работа по осуществлению социальной помощи и поддержки пожилым людям. Однако формы этой работы, а вернее механизмы ее осуществления, имеют свою специфику, которая во многом обусловлена социокультурными факторами и особенностями развития социальной работы в России, чему в дальнейшем мы уделим внимание.

**Профессионолизм и мотивация сотрудников**

Почти никто из сотрудников центра не имеет образования по социальной работе и не проходил курсы повышения квалификации. В настоящее время четыре человека учатся в Среднегорском филиале Московского государственного социального университета на отделении социальной работы и один - на кафедре социальной работы в одном из университетов города. Юрист центра получает заочное образование по юриспруденции, но во время исследования эта сотрудница находилась в декретном отпуске. В центре есть ставка психолога, на которую была взята студентка кафедры социальной работы очного отделения одного из среднегорских университетов. Директор центра получила второе высшее образование в Академии государственной службы, свой диплом писала на кафедре экономики на отделении предпринимательства. Интервью с сотрудниками показали, что отсутствие у большинства из них образования по социальной работе не рассматривается как большая проблема. Распространено убеждение, что все необходимые знания той работы, которую они выполняют, можно получить из жизненного опыта или из обмена опытом с коллегами, которые долго работают в центре.

Среди социальных работников преобладают люди старшего среднего и предпенсионного возраста (табл. 2).

Таблица 2

**Возраст социальных работников<sup>4</sup>**

Возраст	Количество работников
18-34	11
35-44	28
45-54	30
50-65	18
<i>Всего</i>	<i>77</i>

Анализ уровня образования работников показал, что преобладающим типом здесь является среднее профессиональное (45%), тех, кто закончил технические специальности вузов, оказалось вдвое меньше, столько же выпускников гуманитарных специальностей, а остальные имеют лишь среднее общее образование (15%). Высшее гуманитарное образование в большей степени имеют сотрудники младшего и среднего возраста (18-44), а среднее профессиональное и высшее техническое - сотрудники среднего и старшего возраста (35-54). Сами служащие центра, говоря о составе работающих в нем, объясняют возраст и образование персонала условиями рекрутирования рабочей силы в социальную сферу. Десять лет назад, когда начали создаваться подобные службы, кризис промышленности привел к высвобождению большого количества рабочих, служащих! инженеров. Многие из них пришли в социальное обслуживание, предпочтя безработице хоть и небольшую, но регулярно выплачиваемую заработную плату. В центре 63% рядовых сотрудников являются бывшими работниками заводов.

Руководители высшего и среднего звена в центре в основном имеют техническое образование, как, например, заведующая отделением: *«У меня было техническое образование. Я работала на заводе. Как началась вот эта вот перестройка, пришлось уйти, потому что сидеть не было возможности, я одна, мужа у меня нет, кормить мая некому, поэтому пришлось: хоть маленькую зарплату, но каждый месяц»* (заведующая отделением, жен., 52 года). Можно видеть, что в объяснении причин выбора социальной работы как деятельности здесь звучит вынужденность, необходимость выпкиваниях Другие, например директор, рассматривают ситуацию менее драматично, для них уход ю промышленности в сферу социального обслуживания предоставило возможность попробовать себя на новом поприще: *«Да, закончила по технической специальности. В 89-м году, когда страна встала на новые рельсы, выбрала новый путь демократического развития, каждому человеку*

*пришлось выбирать, и может быть каким-то образом пытаться реализовать себя по-другому»* (директор центра, жен., 49 лет).

Как видно из интервью сотрудников и опроса социальных работников, приход на работу в центр связан с поиском работы, в основе которого не было стремления работать именно социальным работником. Люди просто искали стабильной занятости в условиях массовых увольнений и социальных неурядиц. Одной из наиболее значимых причин трудоустройства для рядовых служащих, среди которых невозможно встретить мужчин, стала близость к дому, гибкий режим работы - все то, что необходимо для совмещения обязанностей по уходу за домом и работы «женского» содержания: *«...потам пришла сюда, тоже в связи с тем, что маленький ребенок, что постоянно то больничный, то еще что-то... Честно говоря, я сюда попала потому, что я здесь живу в соседнем доме. Я знала, что здесь есть такая служба. И вот мне это удобно, потому, что маленький ребенок и мне рядом с домом. Я просто пришла сюда и здесь нужен был специалист в детском отделении»* (заведующая отделением помощи на дому, жен., 30 лет). Как уда-; лось выяснить, более 70 % сотрудников пришли на работу в центр по рекомендации: знакомых или пользуясь их помощью. Особенно заметна сила личных связей в случаях трудоустройства на позиции среднего уровня управления: *«Я узнала, потому что здесь директор работает [...], мы с ней раньше работали в одной организации. Она меня знала, знала мои способности, поэтому сразу пригласила на должность заведующего] отделением»* (заведующая отделением срочной помощи, жен., 52 года).

В настоящее время руководство ЦСОН очень обеспокоено тем, кто придет туда работать, так как текучесть кадров высока. Данные о смене кадров есть только за последние два года, условия хранения материалов за предыдущий период не позволяют сделать более долговременный обзор. Однако имеющиеся данные позволяют увидеть, что действительно ежемесячно в организацию принимаются и увольняются в среднем по два человека, причем эти показатели достаточно устойчивы. В 1999 году было уволено 18 человек, принято - 29, а в 2000 году уволено - 26, принято - 23. БрЮо мнению заместителя директора, в связи с текучестью кадров беспокойство доставляет скорее не объем увольнений, а возможность увеличений темпов увольнении, рможет сказаться на качестве работы учреждения: *«Текучесть у нас большая... Нас беспокоит, кто придет работать социальными работниками, потому что у нас [людей предпенсионного возраста. А потом - сейчас начали предприятия ожи-рл и люди стали возвращаться на свои места. Раньше люди не знали, куда податься, (рИ и шли к нам, не именно в нашу систему, а по принципу стучания в каждую дверь - ржет здесь меня возьмут на работу. К нам с биржи не больно-то идут, [...] всего ра человека пришли»* (заместитель директора центра, жен., 38 лет). Тем не менее ад-рннстрация центра стремится осуществлять своеобразный отбор сотрудников на ста-ци предварительного интервью. Наиболее частой тактикой таких интервью, по при-шнию заместителя директора, является «запугивающая» беседа: *«Если раньше мы юли всех подряд с распротертыми объятями, то сейчас нет, мы идем по пути забивания, сначала пугаем маленькой зарплатой, если не пугается, то начинаем рабо-ой пугать. А то человек поработает два месяца и сбегает. А это не дело. В общем,*

**III** В последнее время центр вынужден брать на работу людей по совместительству, Боже из бюджетной сферы (например, учителей, воспитателей детских садов), у которых свободный рабочий график и которые из-за маленькой зарплаты вынуждены подрабатывать. Однако постепенно руководством центра осознается ошибочность такого подхода. Сотрудники говорят о необходимости развития социальной сферы, о ее важности общества и о том, что работать в социальной сфере должны профессионалы. Расширение знаний и умений сотрудников ЦСОН опирается, по преимуществу, на «обучение из опыта». Менее опытные коллеги инструктируются более опытными, во внимание принимаются типичные проблемы и практика их решения. Если у социального работника возникают какие-то вопросы, то она, в зависимости от их специфики, консультируется у врача, психолога, юриста центра, заведующих отделениями. Необходимо отметить, что практически ни в одном из интервью с сотрудниками не упоминалось, что социальный работник может консультироваться со специалистами по социальной работе. Это является отражением отсутствия образования по социальной работе у специалистов и их влияния на развитие деятельности центра и, как следствие, их низкого статуса.

Результаты опроса социальных работников показали, что необходимость специальных знаний в деятельности соцработника признается большинством. Только два респондента ответили отрицательно. Наиболее важными признаются знания по медицине, праву и психологии (табл. 3).

Области знаний были включены в анкету с подачи заместителя директора и примечательно тот факт, что ею не были названы знания по социальной работе. Данная категория сознательно не была введена в анкету, но респондентам была дана возможность добавить свой вариант. Как видно из таблицы, знания по социальной работе никто не указал. Таким образом, на уровне руководства центра не признается существование знаний по социальной работе как таковых, что отражается и в представлениях сотрудников ЦСОН о знаниях профессионала социальных сервисов. Однако несмотря на то, что в центре признается важность развития профессиональных навыков, ресурсы для этого в рамках организации трудно назвать достаточными. Как уже говорилось, зарплата социальных работников очень низкая и не может служить реальным стимулом для самоотверженной работы, преданности делу и профессиональной корпорации. Значительное влияние на формирование мотивационной структуры сотрудников службы оказали социально-экономические условия, в которых происходило становление социальной сферы, а именно спад производства и остановка крупных предприятий города. Определенную роль в этом процессе сыграли гендерные роли, так как специфика профессии социального работника предполагает выполнение функций, которые традиционно считаются женскими (уборка, покупка продуктов, лекарств, необходимых товаров). Маленькая зарплата также отражает социокультурную установку оплаты «женского» труда: мужчина является кормильцем семьи, он должен зарабатывать, а женщина может зарабатывать мало, для нее главное - семья и дети.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о знаниях, которые наиболее необходимы социальному работнику (N = 77) <sup>5</sup>

Возраст	Количество работников
Медицинские	69
Правовые, юридические	68
Психологические	67
Педагогические	23
Экономические	1
Бытовые	1

Влияние тендерных стереотипов на формирование профессиональной идентичности <sup>1</sup> проявилось в разговорах с сотрудниками центра. Они отмечают, что женщине легче понять клиентов, сблизиться с ними, да и работают некоторые сотрудники из-за того, что свободный график и можно больше времени уделять семье и детям. Вот как об этом говорят респонденты: «...Ну а потом молодые женщины... они обслуживают своих одиноких пенсионеров три раза в неделю, понедельник, среда, пятница, и в четверг они приходят сюда отчитываться перед своей заведующей. А остальные дни свободные, они не работают целую неделю. Может быть, в этом плане что - у кого дети маленькие, школьники...». Таким образом, важным мотивационным фактором в деятельности социальных работников выступают социокультурные стереотипы и связанные с ними гендерные роли.

Среди мотивов, которые выступают в качестве обоснования социальной работы, преобладают аргументы морального долга, сочувствия, личных привязанностей к клиентам: «...они [о социальных работниках] держатся в основном на милосердии, наверно. Иногда на взаимных симпатиях...» (социальный работник, жен., 44 года). Иногда можно услышать о важности такой работы в аспекте поддержания бытовых традиций межпоколенческой кооперации: «...Мне бабушек просто жалко, потому что они... большинство у нас все одиокие, у них ни детей, никого, должен же за ними, в конце концов, кто-то смотреть под старость лет. Не знаю, я почему-то думаю, что если кому-то помогу, может быть мне в таком возрасте будет отдача...» (социальный работник, жен., 53 года). В анкетном опросе социальным работникам был задан открытый вопрос, так что респонденты сами могли сформулировать свое мнение: «Перечислите причины, по которым вы остались бы работать социальным работником». Ответы респондентов на этот вопрос также показывают основные мотивы профессиональной деятельности, которые можно разделить на шесть групп: альтруистическая мотивация (мотив морального долга, мотив сочувствия) - «помощь престарелым», «сострадание», «чувство долга перед одинокими стариками», «жалко больных, пожилых людей», «нравится приносить людям радость»; мотив аффиляции (потребность в общении) - «хороший коллектив», «нравится приносить людям радость», «нравится работать с людьми»; личные интересы и потребности (потребности, обусловленные жизненными обстоятельствами) - «ненормированный рабочий день», «привыкла к обслуживаемым», «отсутствие проблем со здоровьем», «не хочется

терять стаж», «больной ребенок»; материальная мотивация - «повышение заработной платы», «своевременная выплата зарплаты»; статус профессии - «развитие и финансирование социальной сферы государством», «повышение квалификации», «осознание, что твоя помощь нужна»; социокультурные нормы и стереотипы - «возраст, нигде не берут на работу». Заметим, что половина респондентов в качестве основного мотива указали повышение заработной платы. Конечно, в любой организации находятся люди, которые не довольны своей зарплатой. Однако, на наш взгляд, в данном случае недовольство своим материальным вознаграждением за труд обосновано, и только причины, которые сотрудники перечисляли одновременно с повышением зарплаты, «держат» людей на данной работе, что естественно сказывается на их отношении к труду и клиентам.

Таким образом, проблема оплаты труда и материальных поощрений в ЦСОН является актуальной. Материальные поощрения в центре существуют в виде небольших премий к каким-либо праздникам. Все же наиболее популярным инструментом повышения мотивации являются символические вознаграждения, например ведомственные благодарности лучшим сотрудникам: «...*Благодарности, грамоты к праздникам, ко дню социального работника премируются лучшие работники от управления, комитет наш городской премирует, городская администрация премирует. Это есть. Премий, конечно, денежных очень мало, управление нас поздравляет, ну одна-две материальных...*» (социальный работник, жен., 36 лет). Внутригрупповую солидарность в организации поддерживают тоже по преимуществу, системой символических поощрений и «семейных» празднований, определенных ритуалов в рамках локальной организационной культуры: «...*Ну, к праздникам у нас объявление благодарности, вот, это есть, на отделение один-два социальных работника, объявляем благодарность, если юбилей, день рождения, то стараемся как-то поздравить, купить цветочки, но то есть проявить внимание к человеку...*» (социальный работник, жен., 42 года).

В качестве особого поощрения администрация центра использует разрешение работать дополнительно, совмещать, например, должность специалиста по социальной работе в отделении срочной социальной помощи и должность социального работника в отделении социальной помощи на дому. Заведующие вынуждены также экономить ставку, больше работая, но тем самым имея возможность из сэкономленных средств получать ежеквартальную премию. Являясь стесненной в возможностях монетарных поощрений, администрация центра вынуждена активно маневрировать ограниченными ресурсами: «...*Есть стимул пока... я не знаю можно об этом официально говорить или нельзя. Мы в отделении срочной помощи разрешаем работу дополнительно социальными работниками. Совмещать, потому, что зарплата настолько мала, конечно, на 400 рублей как она может прожить, здесь полторы ставки, если до полутора ставок у нас на участке разрешено, здесь ставка восемь часов. И мы разрешаем на полставки дополнительно брать, вот этот вот участок, то есть это идет как стимулирование и как правило, обычно мы это разрешаем. Пусть в обеденный перерыв, может прихватывает субботу, пусть в рабочее время мы ей неофициально разрешаем, если есть у нас окно, она в рабочее время может пойти и работать на своем участке. А так дополнительного финансирования никакого нет, конечно... Мы сейчас премию получаем поквартально, потому что мы сейчас обходимся одним специалистом и одним социальным работником. Мы сами себе создали вот это вот окно, решили, что лучше мы будем побольше крутиться, но мы по кварталу будем получать такую вот премию. Хотя бы так. То есть это идет по усмотрению, сэкономим сами средства, значит - получим премию...*» (заведующая отделением срочной помощи, жен., 52 года). Распределение дополнительных обязанностей является дополнительной нагрузкой на сотрудников, что может влиять на качество услуг.

Случай из практики социальной работы

Эти... социальные работники обслуживают... бабушек, которым нужно принести продукты, вызвать врача, купить лекарства, заплатить за квартиру, оформить субсидию, за газ заплатить, оформить, то есть переоформить пенсию, какие-то пенсионные вопросы, какие-нибудь дела в военкомате. Вот этим занимается социальный работник. Это и есть обслуживание на дому. Бабушка дает деньги, делает заказ на продукты, социальный работник три раза в неделю доставляет. Это все, что они делают. У нас есть перечень гарантированных услуг, государственных гарантированных услуг и перечень дополнительных услуг. В гарантированные входит доставка продуктов, лекарств, сюда входит содействие в уборке жилья, содействие в приготовлении пищи. То есть мы можем приобрести хозтовары какие-то, то есть веник, совок. Содействие в ремонте, то есть, если бабушке нужен ремонт произвести, то это опять нам нужно обратиться в домоуправление, чтобы ей оттуда прислали кого-то, или найти бригаду, которая сделает ремонт. Это уже зависит от денег. А сама уборка помещения,

сама стирка белья, купание там бабушки и дедушки, само приготовление пищи, когда пищу готовят там уже первое, второе - это идет как вид дополнительных услуг. И они у нас, согласно постановлению правительства от декабря 1996 года, у нас введены платные услуги (директор ЦСОН, жен., 50 лет).

Администрация центра ограничена не только при выборе возможностей для денежного поощрения труда работников, но и в наказаниях за нарушения или недобросовестный труд. С советской эпохи и до настоящего времени государственные служащие формально являются достаточно защищенными от увольнения. Поэтому в качестве дисциплинирования служащих используются ритуальные устные выговоры, символические лишения каких-либо привилегий, в конце концов, руководитель может создать такие условия, что нежелательному работнику останется только уволиться: *«...Мы пишем служебную. Это все разбирается Уволить социального работника очень трудно. Они все грамотные, они все знают КЗоТ, то есть уволить по статье - это вообще нереально, очень трудно, ну, как правило, либо решается конфликт с социальным работником, над ним осуществляется повышенный контроль, постоянно его контролю руешь, и он уже начинает как-то более добросовестно относиться к работе, либо ОН увольняется Ну, может быть выговор какой-то...»* (заведующая отделением срочно! помощи, жен., 52 года). Низкая заработная плата, отсутствие премии и высокая защищенность служащих рассматривается руководителями как лимит власти в организации.

Возможность карьерного роста в центре ограничена, а длительная работа поощряется системой надбавок за стаж, разряды и категории. В зависимости от стажа у социальных работников повышается категория, а также разряд, который, впрочем, не может достигнуть уровня девятого разряда по шкале единой тарифной сетки. Длительное!! работы по специальности довольно чувствительно влияет на величину заработной платы: при достижении трех лет стажа можно ожидать ее повышение на 30 %, а пять *шт* означают 30-процентную надбавку к заработной плате. Служебное продвижение в рамках организации возможно только в том случае, когда открывается вакансия на должность заведующей отделением. Основное формальное требование для тех, кто претендует на эту должность - наличие любого высшего образования. Неформальные требования такие же, как в любой организации - лояльность к администрации и соответствие человека определенным требованиям, считающимся важными в данной системе. Другой канал служебной мобильности - возможность для социального работника стать специалистом по социальной работе, такое продвижение сопровождается определенными привилегиями: *«...Если она с высшим образованием, энергичная женщина, видно, что она грамотный человек, то через какое-то время... освобождается вакантное место... вот сейчас мы взяли социального работника на должность специалиста в отделение срочной помощи...»* (директор центра, жен., 50 лет).

Данные опроса сотрудников центра показали, что среди тех, кто имеет мнение по этому вопросу, лишь 40 % считают, что возможности для карьерного роста в организации есть - это по преимуществу работники в возрасте 40-44 лет и старше, а среди тех, кому меньше 35 лет никого, кто считает, что эта возможность реальна. Складывается впечатление, что система продвижения социальных работников создает определенные ограничения для служебного роста и развития молодых сотрудников.

Из центра социальные работники уходят по разным причинам: на более высокооплачиваемую работу или более удобную с точки зрения трудовой нагрузки и времени. Для многих женщин работа социальным работником имеет большие преимущества, позволяющие осуществлять семейные обязательства. *«...Ну, основная причина - это низкая заработная плата, если человек нашел другую высокооплачиваемую работу, то он уходит. А остаются в основном женщины предпенсионного возраста, которые уже никуда не пойдут. Есть и молодые, которые либо без образования, либо с образованием, но какие-то свои причины - у кого-то дети, у кого-то что-то...»* (социальный работник, жен., 27 лет). Отвечая на вопрос анкеты «Перечислите причины, по которым Вы могли бы поменять свое место работы», сотрудники центра в более чем половине случаев отметили заработную плату в качестве основной причины.

Отсутствие у сотрудников ЦСОН специального образования не является определяющим фактором профессионализма. Повышение самооценки на рабочем месте идет за счет накопления опыта и использования в практике житейских знаний. На выбор занятости во многих случаях оказывают влияние жизненные обстоятельства респондентов, гендерные стереотипы. Несмотря на наличие альтруистической мотивации - понимания необходимости этой работы, желания помочь людям - в

большинстве случаев проявился тот факт, что социальные работники в клиентах, и в самой работе видят средство для решения каких-то своих проблем. Тем не менее ретроспективный анализ формирования коллектива центра показывает, что постепенно происходит накопление арсенала управленческих инструментов, опыта, коллективных форм, при помощи которых оказывается возможной социальная работа. В условиях недостатка профессиональных знаний и ограниченного бюджета администрация и работники центра вынуждены находиться в постоянном поиске средств для выполнения своей миссии.

Статистические показатели развития центра

Клиентами Центра социального обслуживания населения являются, по преимуществу, одинокие пенсионеры и малообеспеченные граждане. Динамика основных показателей, отражающих характер социальной работы с различными категориями клиентов, различается в подразделениях ЦСОН (рис.

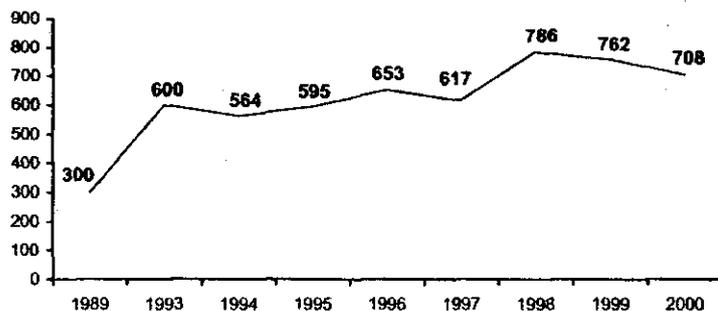


Рис. 2. Динамика количества клиентов, состоящих на учете в отделении социальной помощи на дому с 1989 по 2000 год (ведомственная статистика ЦСОН, данные за 1990–1992 годы отсутствуют)

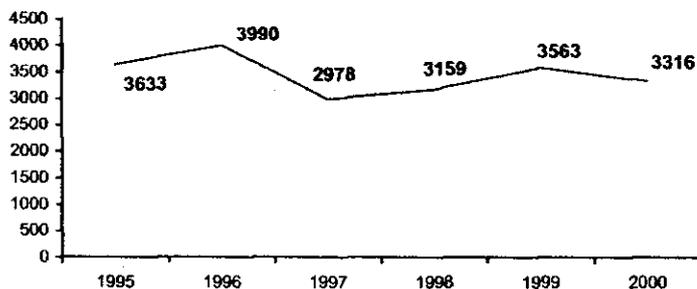


Рис. 3. Динамика количества клиентов – посетителей отделения дневного пребывания – с 1995 по 2000 год в человеко-днях (ведомственная статистика ЦСОН, данные за 1994 год отсутствуют из-за несопоставимой отчетности)

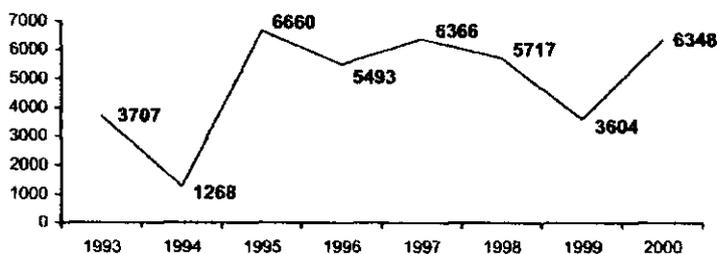


Рис. 4. Динамика количества клиентов, которым оказаны услуги в отделении срочной помощи с 1993 по 2000 год (ведомственная статистика ЦСОН)

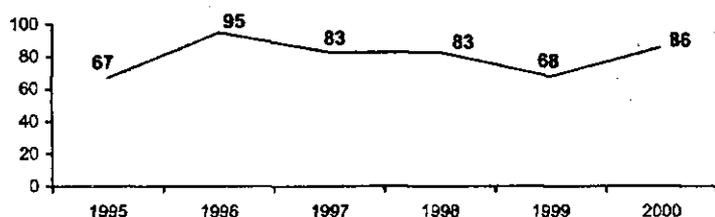


Рис. 5. Динамика количества клиентов отделения специальной медицинской помощи с 1995 по 2000 год (ведомственная статистика ЦСОН)

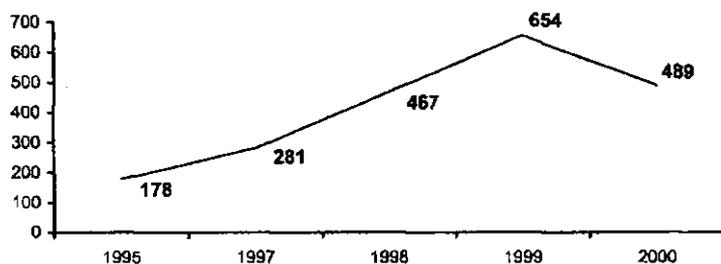


Рис. 6. Динамика количества семей на патронаже в отделении помощи семье и детям с 1995 по 2000 год (ведомственная статистика ЦСОН, данные за 1996 год недоступны)

В ходе нашего исследования нам удалось получить значительный объем данных о работе организации, начиная с первых дней работы центра до 2000 года. К сожалению, архивирование материалов не является приоритетной деятельностью организации, также как и ретроспективный анализ деятельности, поэтому многие данные оказались недоступны. В некоторых подразделениях, например в отделении дневного пребывания, форма отчетности, требуемая в управлении, была изменена спустя год после начала работы отдела. В результате была утрачена преемственность статистики. Неожиданные смены формата ведомственной статистики - достаточно распространенное явление в учреждениях социального обеспечения.

Высокие темпы роста численных показателей ряда подразделений, относящиеся к 1989-93 годам в отделении социальной помощи на дому (рис. 2), к 1994-95 годам в отделении дневного пребывания (рис. 3), можно объяснить интенсивным начальным периодом развития этих видов социального обслуживания. В соответствии с регламентом работы центра, его служащие формировали картотеку клиентов, с которыми они в дальнейшем будут работать. Кроме того, увеличение числа клиентов связано с введением новых ставок социальных работников, открытием новых отделов. Введение ставок всегда расширяет объем оказываемых услуг в соответствии с нормативами деятельности, определяемыми нагрузкой на одного работника. В начальный период, а особенно в связи с реформированием организации из «Центра Милосердия» в ЦСОН, новые отделы в отделении социальной помощи на дому открывались ежегодно. Статистика показывает относительно небольшую динамику колебаний численности клиентов. Лишь в 1998 году отмечается рост состоящих на учете более чем на 100 человек - в этом году ввели новые ставки социальных работников и был открыт новый отдел в отделении помощи на дому (см. рис. 2). В дальнейшем этот и некоторые другие показатели стабилизируются в определенных пределах.

Изменение объема оказанных услуг в отделении срочной помощи отражает особенности финансирования социальной помощи в условиях переходного периода (рис. 4). Основной вид оказываемых услуг: продуктовые наборы и другая гуманитарная помощь, поступающая от спонсоров и закупаемая на государственные средства. В этой помощи нуждается большое количество семей, но поступает она неравномерно - в 1994 и 1999 годах объем финансирования этого направления резко сокращался, а в 1995 и 2000 годах отмечается почти двукратное возрастание. С 1995 года по 1999 год отделение срочной помощи семье и детям было ориентировано на наработку базы данных по семьям группы риска. Это отражает рост показателей. Семьям оказывалась в основном экономическая помощь, в виде денежных пособий, продуктовых наборов.

В связи с этим в 2000 году число семей, стоявших на патронаже, уменьшилось. Это только те семьи, с которыми постоянно ведется работа; патронаж, социальная помощь, консультации. Данные о других семьях остались в картотеке центра на социальном учете.

Колебания численности клиентов в отделении специальной медицинской помощи тоже требуют особого комментария. Одна из причин неожиданного увеличения числа клиентов связана с политикой местного управления труда и социального развития. Время от времени это управление рассылает срочные указания увеличить количество обслуживаемых до какого-то определенного фиксированного значения. Сотрудники центров предпринимают авральные меры по «выявлению клиентов» - ходят по поликлиникам, встречаются с участковыми врачами, распространяют информацию и расклеивают объявления в поиске новых клиентов. Необходимо отметить, что такие меры по выявлению характерны не только для отделения специальной медицинской помощи, но и для многих других направлений деятельности центра.

Численность клиентов планируется в начале каждого года и управление может в плановом порядке открыть новое отделение социальной помощи на дому, а это значит, что в ЦСОН постоянно проводятся акции, направленные на выявление новых клиентов.

Работа диспетчера

Многое в работе организации социального обеспечения зависит от процесса определения проблемы. Попадая в организацию, клиенты зачастую не знают, кому именно они должны адресовать свои нужды, на какую социальную помощь могут рассчитывать и какие специалисты могут принять участие в разрешении этой проблемы. Частично этот процесс выполняется регистраторами или диспетчерами, которые первыми выслушивают клиентов и решают, обратились ли те по назначению, и кто в центре - в соответствии со специализацией или местом в иерархии - может помочь в том или ином случае.

Случай из практики социальной работы

«...Звонила внучка, просила взять [бабушку] на обслуживание. Ее нужно кормить, я кратко записываю и уже передаю в отделение и в специальное медицинское отделение, потому что здесь вопрос, что она не ходит, внучка будет готовить, а нужно прийти разогреть и с ложечки покормить» (заведующая отделением срочной со-циальной помощи, жен., 52 года) В нашем случае на все звонки отвечает диспетчер, которая сидит за столом при входе в центр (см. рис. 1). Этот стол отделен от входа фигурной железной решеткой, на которой расположены зеленые растения. Между этой решеткой и входом есть небольшое пространство для посетителей, одна стена которого состоит из зеркального стекла, в этой нише стоят кресла и телевизор. Сотрудник отвечает на вопросы и телефонные звонки, около стола есть стул для посетителей. В соответствии с прозвучавшим вопросом она переадресовывает клиента в нужное отделение и к нужному специалисту. Диспетчер сразу «фильтрует» заведомо ошибочные звонки, а те, с которыми не может определиться, или звонки, связанные со сферой компетенции вышестоящего сотрудника, перенаправляет заведующей отделением отделения экстренной социальной помощи, которая и производит дальнейшую классификацию обращений. *«...Все идет ко мне. И я передаю или в социальную помощь на дому, или в детское отделение, или объясняю какие у нас льготы, что мы делаем, что мы не делаем, то есть всю такую информацию даю я... вот с актами журнал, заявки на акт обследования, они у меня все время перед рукой. Вот это вот смотрите: 18 число... То есть это идет сортировка, сортирую я. Обратился человек, это считается как срочное обращение, а я уже куда его отправлю, какую помощь ему окажу, либо направим социального работника, либо поставим на картотеку или посоветуем оформить материальную помощь, скажем какие документы нужны»* (заведующая отделением срочной социальной помощи, жен., 52 года).

Все возникающие проблемы обсуждаются на планерке у директора, которая проходит раз в неделю в понедельник. На ней присутствуют все заведующие отделениями. На планерке происходит отчет заведующих о выполненных заданиях и планирование работ на неделю.

Работа с клиентами: поиски идеологии и оправдания

Работа ЦСОН самими сотрудниками воспринимается как система «пожаротушения», то есть вся система работы с клиентами построена как реагирование на возникшие кризисные ситуации. Нам не удалось обнаружить какой-либо профилактической работы и долговременной системы планирования. Во многом это связано с работой центра как государственной организации - неожиданные требования «сверху» подготовки срочной отчетности, проведения мероприятий,

«плановые» выявления клиентов, погоня за формальными показателями, которые призваны демонстрировать достижения организации и системы перед общественным мнением.

Случай из практики социальной работы

«Был один случай. Мать родила девятого ребенка, попала в больницу с тяжелейшим осложнением сама. В это время заболевает отец, тоже попадает в больницу и ребенок грудной остается на попечение старшей девочки, которой было тринадцать лет. После этого мы определили ребенка в седьмую детскую больницу и ребенок там находился до выздоровления матери, под присмотром врачей, то есть мы ходатайствовали, решали эти проблемы, семья неоднократно получала продуктовые наборы, а потом, в связи с тем, что эта семья получила квартиру в Центральном районе, мы ее перевели в Центральный район. Эта семья стояла на картотеке как многодетная, и особых проблем с ней не было» (заведующая отделением помощи семье и детям, жен., 36 лет).

В ходе бесед с работниками нам постоянно приходилось слышать о том, как ограничены ресурсы организации и как важно проводить планомерную работу, направленную на то, чтобы ресурсы были направлены только на действительно нуждающихся *кли* тов. Идеология адресности воплощена в различных формальных и неформальных *пря* тиках, в том числе тех, которые призваны отбирать определенный тип потребителя социальной помощи. В результате достаточно широко распространена подозрительность в отношении клиентов, которые претендуют на поддержку, а также особые «защитные» настроения, подкрепленные поиском правовых и моральных оправданий: *«Сейчас мы говорим о помощи адресной, дифференцированной и оперативно! реагирующей на изменение ситуации в семье, поэтому, конечно, сейчас задача *цв*Я тра (пауза) преломить потребительский настрой населения и иждивенчество *р*Ы ственников, в каком плане - все наш центр знают как центр милосердия и *ср*Щ слово "милосердие" ассоциируется у людей с бесплатным, и никак не могут, *на*сеяф ние старое, не может перейти к тому, что другой теперь у нас подход, и экономы^ка, и требования. И нужно частично эти расходы, бюджетных средств на оказание им помощи, если у них есть родственники, а трудоспособные родственника просто не хотят выполнять обязательства, не хотят знать семейный кодекс, *г*ди говорится, что трудоспособный молодой родственник обязан содержать своих нетрудоспособных родителей» (директор центра, жен., 50 лет). 3*

Критерии социальной поддержки различных маргинализованных в условиях *пе\**| реходного периода групп пока определены недостаточно точно и на практике гуманистические идеалы социальной помощи — если ее рассматривать исключительно как раздачу пособий и гуманитарные услуги - порой вступают в противоречия с представлениями<sup>1</sup> о справедливости, сформированными у сотрудников центра: *«... У нас все и многодетные и одинокие считают, что государство обязано помогать, возможно, что оно и обязано, но оно... системы нет помощи. Все малообеспеченные считают, что им обязаны, но никто, никогда не оговаривает, что большая часть этих людей, ну, скажем так, сама виновата, что получает такую маленькую пенсию. А когда к нам приходят, кто отсидел тридцать лет за решеткой и бьют себя кулаком в грудь "у меня туберкулез, вы обязаны, вы для этого созданы"... такой негатив возникает. То есть потребительская масса...» (заместитель директора, жен., 38 лет). Есть множество свидетельств тому, что понимание смысла социальной работы у подавляющего большинства сотрудников достаточно узко. Социальные работники высказывают убеждение в том, что их клиенты в основном нуждаются в удовлетворении сравнительно ограниченного круга материальных потребностей: *«Хочет он одного: он хочет есть, хочет оплатить коммунальные услуги, он хочет получить бесплатные лекарства, чтобы государство ему дало, вот. при этом, не выходя из дома, не ходя по инстанциям, и он хочет, чтобы ему вовремя переоформили книжку за газ, за свет, то есть у него потребность тоже в этом отношении минимальная...» (социальный работник, жен., 43 года).**

В практике центра мы нашли немного подтверждений стремлению расширить эти представления и незначительное воплощение в жизнь принципа активизации и самореализации. Возможно, особенность русского менталитета - ждать милости от судьбы и могущественных покровителей, включая государство - глубоко укоренена в сознании не только клиентов, но и социальных работников, которые несмотря на общие рассуждения об адресности работают на воспроизводство таких социальных отношений. Вот как характеризует деятельность социальных работников заведующая отделением срочной помощи на дому: *«...Они вот на этом, на потребностях клиента, они зациклены, им ва равно по какому закону они работают. Может быть грех так говорить, но они знают, что есть перерасчет пенсии и конфликты с этим связанные, есть какие-то*

надбавки, которые дают к пенсии и конфликты с этим связанные, есть какие-то награды, дает собес к юбилейным датам... все и перерасчет квартплаты и за коммунальные услуги. Но это самое страшное, с чем они сталкиваются, но они там работают, им все равно по какому закону там все происходит, они знают систему...» (заведующая отделением срочной социальной помощи, жен., 52 года).

Одна из этических проблем, возникающих в работе социальных работников ЦСОБ, связана с тем, что социальные работники допускают обсуждение проблем своих клиентов с другими клиентами, которые знакомы между собой. В тесных соседских сообществах, расположенных в городской черте - в так называемом «частном секторе», застроенном деревенскими одноэтажными домами, где люди друг друга хорошо знают и «новости» очень быстро распространяются, - на этой почве возникают конфликты. Как говорила заместитель директора, «они (клиенты) между собой поругаются, помиряются, а социальный работник остается виноватым». Тем не менее большое внимание в центре уделяется общению социального работника с клиентами, потому что «бабушки, дедушки — они очень обидчивы, то есть с ними нужно такое обхождение». Обратной стороной такого общения является то, что социальный работник не держит дистанцию, и многие клиенты становятся им «как родные».

Случай из практики социальной работы

«Есть еще одна семья, многодетная семья - трое детей. В общем-то, очень много велось работы, чтобы хотя бы мама вышла на работу, потому что ни мать, ни отец не работали. Мы очень долго беседовали... приводили кучу примеров, очень долго беседовали. И вообще, когда мать сидит дома... я понимаю, что она по-хорошему должна с ними сидеть, но когда не работает отец и не хочет работать и вы живете в разводе практически, то кормить должна мама семью. Детям - 10, 8 и 7 лет. Кстати дети очень хорошие и чистенькие, и опрятные. Сейчас вот мама вышла работать, и сама приходила и еще благодарила. Она говорит: я сидела дома в четырех стенах, я не знала, что это такое выйти на работу, а теперь я и работаю, и чувствую себя человеком, и дети даже в школе говорят "да у меня мама работает", все в порядке стало. Пока первое время мы их поддерживаем, дети ходят в досуговую группу, но там все нормализовалось, все будет хорошо. Отец там работает частным способом, без трудовой. Но я очень рада за маму там, очень рада. Сейчас работают и мать, и отец. То есть мы, в общем-то, добились, это было сложно» (заведующая отделением помощи семье и детям, жен., 36 лет)

Как было сказано, практически все сотрудники ЦСОН не имеют специального образования по социальной работе, поэтому все проблемы, возникающие в процессе работы с клиентами, решаются на основе житейского и накопленного в процессе работы опыта. В объявленных благодарностях сотрудникам по случаю каких-либо организационных достижений центра, в повседневной риторике администрации звучат такие критерии достижений в их сфере деятельности, как терпение, доброта и трудолюбие, но специальные знания и профессиональное развитие практически никогда не упоминаются,

Нельзя сказать, чтобы в своей деятельности социальные работники использовали какие-то определенные методы. Существует набор документов, который социальный работник и специалист по социальной работе должны уметь заполнять. Другими словами, в качестве основного профессионального навыка в работе с клиентом выступает заполнение бумаг, в которых содержатся различные сведения о человеке, а также составление актов материально-бытового обследования и другой отчетной документации. Сами сотрудники ЦСОН отмечают, что порой за «бумажкой» они перестают видеть конкретного человека: на него у них просто не хватает времени. Наличие большого объема бумажной работы частично объясняется тем, что деятельность социальных работников и деятельность центра чаще всего контролируется\*\* бюрократическим способом. Работники отделения социальной помощи на дому ежедневно (в четверг) отчитываются в устной форме перед своими заведующими - это называется «текущий контроль», в процессе которого социальные работники решают опросы, накопившиеся за неделю, а заведующие сообщают им новую информацию, дают поручения, то есть происходит обмен информацией. После беседы заведующая делает отметку в журнале, что данный социальный работник отчитался о своей работе.

Ежемесячно рядовые сотрудники сдают отчет в письменной форме, в котором указывается, какая работа проделана, кто обслужен и какое количество услуг оказано. Сами заведующие выборочно посещают клиентов, которых обслуживают социальные работники - этому посвящается вторая половина рабочего дня. Эти проверки «дают пищу для разговоров» в четверг. В идеале заведующая

отделением социальной помощи на дому должна посетить каждого клиента, стоящего на обслуживании в ее отделении^ раз в квартал. На самом деле это трудно осуществить, потому что бывают праздники, суб ботник, проверки и другие мероприятия, на которые снимаются заведующие и специалисты по социальной оаботе.

Деятельность центра контролируется вышестоящими инстанциями: управлением труда и социального развития, управлением социальной защиты населения, санэпидемстанцией, налоговой службой. Как говорят в центре, *«кто нас только не контролирует, постоянные проверки»*. Кроме того, сотрудники должны отвечать на каждую жалобу, писать объяснительные. Необходимость оправдываться за свои действия и уязвимость в отношении постоянного контроля в ряде случаев выливается в накапливающееся раздражение, особенно тогда, когда работники ощущают, что их статусные профессиональные позиции, и без того неопределенные и уязвимые, подвергаются опасности. *«...Был случай один, был обед, мы не успели дверь открыть, и один увидел "вы тут колбасу едите, а я голодаю" (пауза). Ну, и что, что мы колбасу едим, так был страшный криминал, была жалоба в Министерство и эту жалобу нам сюда прислали, и мы должны были по ней объясняться, что мы колбасу едим, а помощь никому не оказываем, мы отписывались полмесяца. Эта жалоба, а каждая жалоба должна быть рассмотрена в трехдневный срок. То есть, вместо того, чтобы отлаживать систему оказания помощи, мы занимаемся пожаротушением... За счет этого возникает такой негатив. У меня сейчас иногда, когда сильные нагрузки бывают, у меня не просто нет желания работать, в такого рода организациях, хотя опыт определенный есть, ну жалко здесь все терять, потому что я здесь фактически начала с нуля, у меня был большой перерыв, я с ребенком сидела. Ну, вот обидно все терять, но иногда хочется плюнуть на все и в уборщицы уйти, и за эти же деньги мыть полы, чтобы только никто вот, вот этим... потому что вот это тоже, знаете, какое унижение, когда шизофреник пишет, а я сижу - нормальный, здоровый человек, полдня трачу на то, чтобы отписаться и объяснить, что я права. Какой тут статус, тут в этот момент чувствуешь себя полным убожеством Вот на этом построена вся система, поэтому пока не будет материальной базы... я не говорю зарплата, а просто нормальная реальная материальная база...»* (заместитель директора центра, жен., 38 лет). В последних словах респондент делает акцент на отсутствии хорошей материальной базы, хотя в описанном случае, скорее всего, важное место имеют знания этического кодекса социальных работников. Конечно, излишние отчеты, объяснительные мешают деятельности службы и снижают качество услуг, а изменить требования, предъявляемые вышестоящими инстанциям трудно, однако, если действия социальных работников были бы подкреплены знаниями по теории и практике социальной работы, им было бы легче повлиять на сложившуюся ситуацию.

Одну из перспектив развития ЦСОН директор видит в поиске возможностей для введения платных услуг, средства от которых пошли бы на развитие центра и на поддержку его сотрудников (дополнение к заработной плате). Однако в данном вопросе существуют большие затруднения, поскольку законодательно вышестоящие организации не могут определиться: является ли данная деятельность коммерческой или нет. Однако в положении указано, что центр для достижения поставленных перед ним задач может осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую этим задачам и не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Проблема заключается также в том, что если эту деятельность разрешить, то не ясно каким налогом она должна облагаться. Если эта деятельность будет облагаться налогом как предпринимательская, то центру не выгодно ее осуществлять, так как цена за услуги будет неприемлема для клиента.

#### Выводы

Необходимо признать, что на региональном уровне за последние несколько лет произошла настоящая революция в оказании социальной помощи пенсионерам, инвалидам и семьям. Это отразилось в усложнении организаций, административного аппарата и систем контроля, но особенно - в подходах к социальной работе со стороны государства и местных органов власти. Важно отметить, что такие серьезные изменения были бы невозможны без самоотверженной ежедневной деятельности тысяч социальных работников и специалистов, обеспечивающих необходимую помощь депривированным группам населения, оказавшимся на обочине строительства капиталистического будущего. Но необходимо признать и другое - дальнейшее поступательное движение в построении адекватной отечественным условиям модели социальной политики и социальной работы невозможно

без радикального пересмотра тех способов, которыми формируются кадровая структура учреждений социальной защиты, их идеология по отношению к клиентам и формы административного контроля. К сожалению, практика социальной работы в районном центре социального обеспечения населения пока руководствуется интуитивным подходом к объяснению социальных проблем и способам их решения, она основана на энтузиазме рядовых сотрудников и их руководителей, но не подкреплена системным видением социальной реальности. Для того чтобы эта практика стала высокопрофессиональной деятельностью с глубоко усвоенными этическими установками и нормами поведения, сформированными в ходе получения теоретических знаний о предмете и регулярных тренингов, и включала применение теоретических знаний к решению повседневных задач, необходим целый ряд факторов. В настоящее время нет пока ни признаков того, что требуемое качество деятельности может быть достигнуто в процессе наполнения учреждения сотрудниками, получившими специальную подготовку в соответствующих высших учебных заведениях, ни условий для постоянного повышения уровня специальных знаний у тех, кто пришел в социальное обеспечение из других отраслей хозяйства. Возникает ситуация, когда импортированная модель социальной работы адаптируется рядовыми исполнителями и социальными институтами к сложившимся условиям и традициям. Такая функциональная трансформация становится объяснимой, если применить идею посткоммунизма как неотрадиционализма в условиях глобализации<sup>6</sup>.  
Переходный период обусловил одновременное сосуществование либерально-демократических ценностей, воплощаемых в соответствующих формах социальной политики в современной России, и сохранившейся с коммунистических времен бюрократической прах-тики. На это указывает сосуществование дискурса общедоступности в работе низового учреждения социальной защиты с идеологией рыночных отношений, эффективности, адресной помощи, а также специфика назначений на руководящие должности в этой сфере, исключая вертикальную мобильность молодых профессионалов и характеризующаяся доминированием бывших партийно-хозяйственных работников.

В практику центра следует шире вводить работу с местным сообществом, вовлекать клиентов в создание групп самопомощи, активизировать их потенциал в поиске коллективных форм решения социальных проблем бедности, одиночества. Важно усилить межведомственное и межсекторное взаимодействие в целях развития человеческих ресурсов организации - повышения квалификации кадров, проведения анализа эффективности, а также для стимулирования коллективного действия пенсионеров, пожилых, многодетных родителей. Эффективность работы центра будет повышаться, если будут внедрены проектные формы организации социальной помощи и развиты механизмы материального и символического поощрения работников, наряду с расширением возможностей карьеры для выпускников высших учебных заведений по социальной работе. Можно приветствовать стремление руководителя организации развивать идею со-финансирования социальных услуг со стороны их пользователей. В наши дни идея частного социального обслуживания становится все более зримой, и ее воплощение возможно в содружестве умелых администраторов, опытных практиков и молодых энтузиастов социальной работы.

<sup>1</sup> *Примерное* положение о Центре социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов. Приложение к постановлению Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 8 июля 1997 года № 36.

<sup>1</sup> Там же.

<sup>3</sup> Величина прожиточного минимума в Среднегорской области на июнь 2001 года составляла для трудоспособного населения 1416 рублей в месяц, а для пенсионеров - 966 рублей в месяц.

<sup>4</sup> По результатам анкетного опроса социальных работников. В анкетном опросе приняло участие 74 человека - 88 % социальных работников центра.

<sup>5</sup> По результатам анкетного опроса социальных работников. **КРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР ДЛЯ ЖЕНЩИН**  
Проблема насилия над женщинами - одна из наиболее страшных и в то же время наименее обсуждаемых характеристик современной российской реальности. Возможно, что именно отношение к женщине как к существу второго сорта провоцирует акты насилия. Только по данным официальной статистики, в 1993 году было зарегистрировано 332 тыс. преступлений, жертвами которых стали женщины, в их числе - 14 тыс. изнасилований. В семейных «баталиях» погибло 15 тыс. женщин, а 56 тыс. получили тяжелые телесные повреждения. При этом известно, что большинство жертв насилия не обращаются в правоохранительные органы и лишь 68,5 % зарегистрированных случаев изнасилования доходит до судов<sup>1</sup>. Каждая третья малолетняя проститутка была изнасилована до 14

лет своим отцом или отчимом. По самым скромным подсчетам, 75 % мужей хотя бы раз ударили свою жену, четверо из пяти на этом не останавливаются. Ежегодно 2 тыс. женщин сводят счеты с жизнью, 50 тыс. уходят из дома <sup>2</sup>.

Асимметрия в отношениях между полами стала очевидной, и одним из ее болезненных проявлений «следует считать насилие над женщинами, принявшее самые разнообразные формы: изнасилование, в том числе в условиях вооруженных конфликтов, насилие в семье, убийство на сексуальной почве. К этому следует добавить все отрицательные последствия, связанные с проживанием женщин в зонах вооруженных и межнациональных конфликтов, со статусом беженцев и вынужденных переселенцев - проблемы трудоустройства, приобретения жилья, потери прежнего жилья и прежних источников доходов»<sup>3</sup>. Причиной тому - не только слабость правового сознания и гражданского общества, но и отсутствие представлений о достойных отношениях между полами в культуре и массовом сознании многих россиян.

Исследование документации бюро судебно-медицинской экспертизы Архангельска <sup>4</sup> показало, что более 36 % всех случаев насилия над женщинами относится к домашнему насилию, и в подавляющем большинстве виновник домашнего насилия - это партнер женщины (муж или сожитель) - 64 % всех зарегистрированных случаев. Возраст женщин, пострадавших от домашнего насилия, может быть различным, но больше всего женщин, обратившихся в бюро, в возрастной группе от 30 до 40 лет. Меньше всего обращений - у девушек и девочек младше 20 лет, что объясняется в первую очередь тем, что многие девушки этого возраста просто не знают о существовании бюро судебно-медицинской экспертизы и о возможной защите своих прав. Девушки, и девочки приходят на освидетельствование, как правило, вместе с родителями и по их просьбе (например, при избиении матери и дочери одновременно, если сама мать пожелала засвидетельствовать факт побоев). Среди жертв домашнего насилия зарегистрированы женщины различных профессий и социальных слоев. О распространенности домашнего насилия в России свидетельствуют социология\*] скис исследования: каждая четвертая опрошенная москвичка сообщила о физической насильи в отношении к ней в той или иной степени, а в сельской местности насилия распространено в гораздо большей степени <sup>5</sup>. В 1997 году было подано 4 млн заявлений; в милицию по случаю насилия в семье, 40 тыс. женщин обратились в центры помощи 'J По данным УВД администрации Среднегорска в 1999 году здесь было зарегистрировано на 1628 преступлений (рис. 1).

В условиях неумолимого роста числа жертв насилия и отсутствия адекватной системы помощи, профилактики и реабилитации в России актуализировалась необходим мость создания новых сервисов, которые оказывали бы поддержку женщинам, пострадавшим от насилия. Сегодня помощь женщинам, оказавшимся в подобной ситуации, оказывают муниципальные центры семьи, негосударственные кризисные центры, а также телефоны доверия при государственных и общественных организациях. Кризисные цев> тры в России начали свою официальную историю с 1993 года, хотя первые телефон\* доверия появились в начале 1990-х годов. Они возникли на волне неформального женского движения, которое начало развиваться после того, как коммунистическая партия лишилась своих позиций в организации социальных и политических объединений женщин. К 1993 году в России уже действовали 11 кризисных центров для женщин; включая 2 в Москве, а спустя 8 лет существовало уже более 40 и их число постоянно растет. Они объединены в Ассоциацию кризисных центров России «Остановим насилие», сходны как по характеру оказываемой помощи, так и по организационной структуре. Женские неправительственные организации - единственные в своем роде, где в настоящий момент пострадавшие от домашнего насилия могут получить квалифицированную помощь юристов, психологов, социальных работников. Кризисные центры, многие из которых относятся к негосударственному сектору, это новый тип организаций для России. Юристы и психологи здесь помогают женщинам практическими советами, оформляют необходимые документы, а телефон доверия является важной, но не единственной формой работы. Деятельность этих организаций время от времени освещается в профессиональной периодической печати социальных работников, в частности в «Социальной защите» <sup>1</sup>, но, к сожалению, при этом забывают о том, что помощь женщинам, пострадавшим от насилия и сексуального преследования, относится к феминистской модели социальной работы, о чем хорошо известно во всем мире.

Иное дело, что в таких странах, как, например, США и Австралия, где широко распространены частные услуги профессиональных социальных работников с университетским образованием, в

некоммерческих организациях не всегда можно найти этих дипломированных специалистов, которые претендуют на высокую оплату труда. Именно по этой причине в кризисных центрах и приютах для женщин - жертв насилия в упомянутых странах большей частью заняты волонтеры, часто из числа бывших клиентов этих центров, которые прошли соответствующий тренинг и теперь оказывают помощь другим. Модель женских неправительственных организаций, ассимилируемая в российское общество, по сути является западной- Однако если за рубежом эти объединения созданы активистами, заинтересованными в разрешении проблемы, но не всегда профессионалами, и в основном деятельность таких организаций поддерживается волонтерским трудом, то в российских кризисных центрах чаще работают профессионалы, имеющие базовое психологическое образование. В этих организациях также используется волонтерский труд, однако не так широко, как на Западе. \*

#### Организация

Среднегорский кризисный центр для женщин, подвергшихся насилию, начал свою работу в 1994 году, а как юридическое лицо был зарегистрирован лишь спустя два года. Этот центр входит в межрегиональную Ассоциацию кризисных центров для женщин, проводит тренинги для сотрудников различных организаций Среднегорска и других городов России и ближнего зарубежья. Тесно сотрудничает со Среднегорской коллегией адвокатов, городским телефоном доверия, практикующими психологами (не входящими в штат центра), городским центром помощи женщинам, семье и детям, принимает участие в различных социальных проектах и программах. Специалистов центра периодически приглашают для участия в круглых столах и различного рода конференциях, организуемых в том числе и администрацией города и области.

В различных информационных материалах, созданных работницами центра, а также из уст самих сотрудниц можно узнать о специфической идеологии центра, которая состоит в следующем: все люди, независимо от пола, расы, возраста и других различий между ними, вправе жить в безопасности; насилие неприемлемо в любой его форме; не существует никаких оправданий побоям и унижениям; ответственность за совершенное насилие несет только обидчик; каждая женщина способна сама принимать решения; с женщиной следует строить отношения на равных; необходимо признать существование в общественном сознании стереотипов о превосходстве мужчин над женщинами и предпринимать попытки к их изменению; важно информировать общество о проблеме насилия над женщинами; необходимо сотрудничать с правозащитными организациями, социальными и психологическими службами, государственными учреждениями, органами юстиции, правоохранительными органами, медицинскими и образовательными учреждениями, частными лицами.

Дело в том, что идеология кризисных центров - новых сервисных организаций для женщин - формировалась в русле идей феминизма, что существенным образом отличало их от тех взглядов на проблемы насилия, которые в это время транслировались в академических изданиях<sup>8</sup>, где, в частности, утверждалось, что домашнее насилие никак не связано с изнасилованием и вызвано экстравагантным поведением женщин, нм рушающих традиционные нормы феминности. Феминистская позиция новых женских организаций гласит, что насилие в отношении женщин во всех его формах, включает изнасилование, является средством утверждения мужской власти и доминирования,

Кризисные центры и телефоны доверия сразу ж стали предметом внимания зарубежных исследователей и получили поддержку международных оргИ низаций<sup>9</sup>. Иностранное финансирование женских негосударственных организаций в России обычно поступает в виде грантов, которые выделяются по заявкам на конкурсной основе. Зарубежное финансирование, поддерживая деятельность женских движений<sup>4</sup> в России, выполняет многие полезные задачи: помогает сдерживать коллапс экономического и политического статуса женщин, поддерживает разнообразные программы женских групп, предоставляет зарплату (хотя и небольшую) активистам, которые иначе, по экономическим причинам, были бы вынуждены прекратить свою деятельность в женской организации. Деятельность Среднегорского кризисного центра за время его существования осуществлялась при поддержке различных зарубежных фондов, в том числе Австрийского отделения католической церкви «Каритас», Британского министерства иностранных дел, Фонда НОУ-ХАУ, Международного женского клуба (Москва), Института «Открытое Общество» (Фонда Сороса), Совета по международным исследованиям, и обменов (IREX), Агентства США по международному развитию (USAID), Фонда Форда, Международного института Женщин, Права и Развития, Фонда «Евразия», TACIS, CONNECT/US - Russia.

Финансирование женских организаций нацелено на упрочение гражданского общества и рыночной экономики, причем это не только играет положительную роль в новом женском движении, но и создает побочные эффекты<sup>17</sup>. В России институт благотворительности и практика пожертвований не развиты, фандрайзинг затруднен, в частности из-за недостатков российской экономической инфраструктуры в отличие от «активизма чековых книжек», распространенного на Западе, и некоторые негосударственные организации оказываются в сильной зависимости от иностранного финансирования.

В истории Среднегорского кризисного центра был лишь один пример поддержки соотечественниками: после окончания финансирования по очередному проекту деятельность сервиса поддержал Московский клуб деловых женщин. Возможно, это произошло благодаря личному знакомству директрисы центра с членами клуба. Центр не ведет целенаправленной деятельности по привлечению спонсоров (в том числе местных) и коммерческих организаций. Вероятно, это связано с тем, что у сотрудниц центра есть опыт написания и получения грантовой поддержки от зарубежных фондов, поэтому они «идут проторенной дорогой» и не ищут новых путей. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и особенности российского экономического и социокультурного контекста. По мнению специалистов центра, рассчитывать на спонсорскую поддержку не имеет смысла, поскольку *«девяносто девять процентов мирового капитала сосредоточено в руках мужчин, которые в основном считают, что деятельность кризисных кризис-интервенция»*. Более того, работа центра строится в соответствии с экосистемной моделью, поскольку специалисты ведут работу как на индивидуальном уровне, так и с окружением клиента. В своей деятельности центр использует такие методы феминистской социальной работы, как мобилизация ресурсов, защита прав и пропаганда гендерного равенства, рост сознания. В самом деле, феминистская социальная работа, по словам президента международной федерации социальных работников Лены Доминелли<sup>18</sup>, ставит целью активизацию ресурсов клиента, чтобы человек самостоятельно мог отвечать за собственную жизнь; вносит ценности эгалитаризма в отношения между работниками социальных служб и их клиентами, выступая альтернативой традиционной социальной работе, нацелена на активное изменение отношений, процессов и институтов социального, в том числе гендерного неравенства. Надо сказать, что большинство современных моделей социальной работы испытало влияние теории и практики феминизма. Эмансипаторные ценности сегодня становятся неотъемлемыми признаками социальной работы во всем мире, когда речь идет о сопротивлении бедности, насилию против женщин и детей, жестокому обращению с детьми, семейных конфликтах, изоляции пожилых людей, преступности, ВИЧ-инфекции, СПИДе и проституции.

Феминистская социальная работа основана на представлении, что идеология, социальная структура и поведение взаимосвязаны, например, проблемы клиента могут быть следствием твердых убеждений о традиционных гендерных ролях. Тем самым феминистская интервенция (социальная работа) в подобную ситуацию преследует следующие цели: а) достижение у клиента понимания воздействия, которое оказывают на поведение патриархальные ценности и «мужской шовинизм», б) развитие самоуправляемой, самореализующейся личности, в) создание или усиление структур, сообществ, практик, основанных на принципах эгалитаризма. В некоторых случаях требуется, чтобы индивидуальную или групповую работу терапевтического характера проводили социальные работники женского пола, хотя среди феминистски настроенных социальных работников встречаются и мужчины<sup>19</sup>. Наиболее распространенные компоненты феминистской социальной работы включают интеграцию теории и практики, фасилитацию выражения точки зрения женщины ее собственным голосом, внимательное слушание женщин, работу в партнерстве с женщинами, рассмотрение частных вопросов как социальных проблем, поиск коллективных решений социальных проблем, признание взаимозависимости, существующей между представителями местных, национальных и международных сообществ, понимание характера отношений между неоплачиваемой домашней работой женщин и рынком труда, учет связи между ответственностью женщин за других и необходимостью удовлетворять собственные потребности, способность оценивать и ценить опыт, навыки и знания женщин, уважение достоинства каждой женщины, соблюдение принципов и методов, которые гарантируют благополучие детей, мужчин и женщин.

Практика феминистской социальной работы основана на принципах переосмысления власти, равноценности процесса и конечного результата, экосистемного подхода, переопределения, убежденности в том, что личное есть политическое<sup>21</sup>. Рассмотрим, насколько содержательные моменты феминистской социальной работы присутствуют в контексте деятельности Среднегорского

кризисного центра Поскольку он был создан в первую очередь для оказания психологической помощи и социальной поддержки женщинам, пострадавшим от домашнего и сексуального насилия, работа с клиентками является основным направлением в деятельности организации. При этом отношения с клиентками строятся на равных: в идеологии центра закреплено право на самоопределение

309и автономии, и консультанты никогда не принимают решений за клиенток, не возлагают вину на пострадавших.

Здесь, очевидно, действует принцип переосмысления власти, который бросает вызов традиционным иерархиям и подвергает критике властные отношения между профессионалом-экспертом и зависимым от него клиентом, между менеджером агентства; и его подчиненными. Ранее упоминалось о том, что в организации нет явно выраженной иерархии и управление строится по демократической модели. Традиционная патриархатная власть подразумевает контроль и господство над подчиненными для превращения их в раболепствующих, поэтому те, кто обладает властью, сами определяют; и диктуют цели, утаивают или искажают информацию и создают правила для контроля над поведением. С феминистской точки зрения такая концепция власти, узурпируемой небольшой группой, должна быть изменена и наделена смыслами партнерства, созависимости, делегирования полномочий, широкого распределения влияния, силы, эффективности и ответственности. Власть в социальной работе должна рассматриваться скорее как фактор, необходимый для создания определенных условий деятельности других, нежели как господство. Получение права на власть или притязание на нее является политическим актом, так как власть позволяет людям осуществлять контроль над собственной жизнью и дает возможность самим принимать решения.

Здесь считается некорректным давать советы женщине, обратившейся за помощью: *«Мы не даем советов - это очень хорошо, я считаю, поскольку, если человеку дают какие-то советы, указания, указания, то, что пришло извне, - это не ценится и не проі пускается через себя... Если человек своими собственными силами сможет справиться - с помощью, конечно, нашей поддержки, - то это намного эффективнее, чем! скажем, какие-то советы и все остальное»* (юрист центра, 25 лет).

Дилеммы, возникающие в работе с клиентами, связаны с основными правилами консультирования, принятыми в организации. В подобной работе, особенно начинающим консультантам; трудно избежать соблазна давать советы и искать причину случившегося в поведении пострадавшей. Женщины звонят, чтобы поговорить о своих чувствах и проблемах, спрашивают совета, руководствуясь ожидаемым житейским и профессиональным опытом консультанта. Хотя консультант может быть не согласен с предпринятыми клиенткой действиями, нельзя обвинять женщину и давать оценку ее ситуации. Наибольший соблазн консультанта - принимать решения за клиентку, пытаясь освободить ее от эмоциональной боли.

Однако психолог выступает лишь как фасилитатор, строя свои отношения с клиенткой как с партнером, устанавливая рефлексивный контакт. Прежде всего это выражается в том, что клиентке не навязывают какие-либо действия, ей лишь предлагаются несколько упражнений (направленных на повышение самооценки женщины), которые, с точки зрения психолога, помогли бы улучшить ее эмоциональное состояние. Как видим, здесь проявляется еще один принцип феминистской социальной работы - это равноценность процесса и конечного результата, который означает, что нельзя достигать цели с помощью принудительных, несправедливых, жестоких или патерналистских методов. Поэтому именно то, как достигается цель, само по себе становится целью. Например, чтобы помочь матери-одиночке в поиске работы, вряд ли достаточно лишь обеспечить ей социальное пособие, необходимо предоставить возможности профессиональной подготовки и доступ к приемлемым услугам дошкольных учреждений. Между тем существующие программы поиска работы или переподготовки не учитывают особые условия, необходимые для самой большой социальной группы бедных в современной России - женщин, воспитывающих своих детей без поддержки со стороны мужчин или других родственников.

По желанию женщины назначаются последующие встречи, на которых отмечается, что было сделано и как это повлияло на ситуацию. Если дело доходит до суда, юрист представляет интересы женщины в суде, он выступает скорее как технический эксперт, поскольку, выслушав жалобу и запрос клиентки, предлагает ей конкретные действия в решении проблемы. В случае, если клиентка соглашается «что-то» сделать, юрист принимается за дело, собирает информацию, и составляет необходимые документы. При необходимости они *«составляют иски, заявления, жалобы, ходатайства, занимаются сбором первичной информации, доказательств, которые необходимы*

*для судебных органов, ну и на женщину в этом случае возлагается нагрузка по сбору доказательств, что она может сделать сама, допустим, приходя в какие-то государственные органы» (юрист центра, 25 лет).*

Отметим, однако, что Среднегорский кризисный центр не оказывает помощи в поиске работы и любые другие услуги, выходящие за индивидуальный уровень проблемы насилия. Об этом специально указывается в должностной инструкции психолога: «Психолог Кризисного центра обязан... совместно с юристами планировать и разрабатывать индивидуальные программы, направленные на преодоление ситуации насилия. ...Не помогать третьему лицу, не предпринимать действий, направленных на решение проблемы в реальном физическом смысле. Например, чтобы обзванивать фирмы, чтобы найти вакансии для женщины, обратившейся с проблемой трудоустройства». Именно здесь находится граница между идеальной моделью феминистской социальной работы, с одной стороны, и реальной практикой психолого-юридической помощи, оказываемой в Среднегорском кризисном центре, с другой. Изменение вряд ли можно осуществить лишь на микро-уровне, так как в феминистской социальной работе для решения проблемы одного человека, семьи или группы приходится задействовать формальные и неформальные социальные сети, различные организации и разных специалистов, часто необходимо инициирование коллективного действия и привлечение внимания средств массовой информации к проблеме. Именно об этом гласит экосистемный (холистский) подход, который требует учитывать целостность и устойчивость изменений для индивидов, семей и сообществ, отрицая разобщенность и изолированность людей и общества.

Насколько можно судить по материалам наших кейс-стади и публикациям в профессиональной периодике<sup>22</sup>, российские кризисные центры, которые во многом воплощают именно идеи феминистской социальной работы, в начальный период их деятельности занимались в большей степени психологической и юридической помощью конкретным пострадавшим женщинам. Однако сейчас уже многие из этих организаций применяют стратегию действий по предотвращению насилия, представляя себе данную проблему не индивидуальной, а политической. Такая стратегия подразумевает создание групп самопомощи, инициацию движений против насилия, образовательные программы для детей и молодежи, просветительскую работу с журналистами и другими профессионалами.

Группы самопомощи женщин, переживших опыт насилия и помогающих друг другу выйти из кризисной ситуации, получили развитие на волне женского движения и на базе феминистской социальной работы в развитых странах Запада. В российской глубинке такие формы работы постепенно начинают приживаться, а опыт столичных кризисных центров уже представляет определенные ориентиры в этом направлении. По мнению сотрудниц Среднегорского кризисного центра, методы индивидуальной работы эффективны, но становятся недостаточными для решения проблемы насилия. Только общение в группе среди «таких же, как и ты» способно удовлетворить травмированную потребность в принятии и признании, усилить актуализацию внутренних ресурсов и социально подкрепить личностные достижения женщин. Кроме того, именно групповая форма работы позволяет женщине существенно улучшить самооценку, снять страх, переоценить значимость происходящих событий. Такая форма работы совмещает в себе одновременно и диагностику проблемы, и реальную помощь пострадавшим. Именно<sup>1</sup> в группах самопомощи возможно реализовать принцип «личное есть политическое», который в связи с феминистской социальной работой соотносит индивидуальное поведение, ценности и убеждения личности с социальной политикой. Социальные движения, которые возникают в результате совместных действий людей, влияют на поведение личности. Указанные принципы используются как в практике социальной работы, так и в образовательных программах, а также в исследовании качества социальных услуг. Потребность в развитии такого направления работы с женщинами в Среднегорской области растет с каждым днем. Организация групп самопомощи может оказаться одной из функций социального работника в подобной организации.<sup>1</sup>

#### Внешние связи

Внешний организационный контекст центра характеризуется довольно широкими контактами. Среднегорский кризисный центр сотрудничает с государственными структурами и ассоциациями, международными организациями, участвуя в различных конференциях, семинарах и тренингах. Сотрудницы центра сами неоднократно проводят тренинги для специалистов - юристов и социальных работников. В перспективе - налаживание взаимодействия с образовательными

учреждениями, однако пока не предч принимались целенаправленные попытки создания образовательных программ по профилактике домашнего и сексуального насилия. В процессе решения проблем клиенте, обмениваясь опытом и информацией, центр активно взаимодействует с другими соцв» альньши службами Среднегорска, городским и подростковым телефонами доверие центром планирования семьи и репродукции, общественной экологической организал цией. По мнению сотрудниц, деятельность организации в этом направлении имеет существенное значение для решения проблемы домашнего насилия.

Важной проблемой является отсутствие налаженного контакта с правоохранительными органами, со стороны которых далеко не всегда встречается понимание значимости существующей проблемы домашнего насилия. Довольно часто на телефон доверия звонят женщины и рассказывают, что пытались подать заявление о насилии над ними со стороны мужа, а участковые инспекторы не принимали заявление и не предпринимали никаких действий для их защиты. После неудачных попыток получить помопд от милиции женщины обращались в кризисный центр с просьбой о содействии в возбуждении уголовного дела. Большинство сотрудников правоохранительных органов действует в рамках уголовно-правовой доктрины, в соответствии с которой насилие; совершенное в общественном месте, представляет гораздо большую опасность по сравнению с такими же действиями, совершенными внутри семьи над женщиной.

Между тем развитие внешних связей организации позволит реализовать принцип переопределения, означающий, что представители общественного движения за гражданские права, члены женских ор^изаций имеют право голоса и самостоятельного определения своих проблем. В этом случае используются новые термины, чтобы называй людей и их проблемы, изменяются значения привычных терминов путем изменения конфигурации языка, лексических инноваций, производятся переименования мест и предметов, пересмотр старых понятий и создание новых. Тем самым осуществляется вызов власти, господствующим стереотипам и доминирующей культурной группе, присвоившей право контроля и дискредитации уникального опыта угнетенных людей. Обладание правом на переименование собственного опыта становится акцией свободного волеизъявления. Феминистская социальная работа применяет этот принцип в процессе активизации коллективного потенциала социальных групп для решения политически важных задач.

К сожалению, ввиду недостатка финансирования Среднегорский кризисный центр не располагает возможностями предоставления женщинам временного убежища. В целом еще недавно такие компоненты работы с жертвами насилия, как приюты, где женщина хотя бы короткое время может оставаться в безопасности, и тем более предоставление дополнительного жилья на время оформления развода и обмена, у российских кризисных центров практически отсутствовали. В Санкт-Петербурге несколько лет назад при активном участии городской администрации и мэра А. Собчака был открыт Кризисный центр для женщин с функциями приюта; сеть небольших муниципальных приютов имеется в разных районах города Красноярска. Упомянутые приюты содержатся на деньги из городского бюджета, так как в нынешних экономических условиях социальные приюты для женщин могут успешно функционировать лишь при прямой заинтересованности и финансировании местных властей и при участии и посильном вкладе общественных организаций, которые могли бы оказывать психологическую или правовую помощь, а также дежурить на горячей телефонной линии. И если раньше создание кризисного центра для женщин было явлением необычным, то сейчас ситуация меняется. Иногда консультированием женщин занимаются центры поддержки семьи, которых достаточно в различных муниципальных образованиях. А буквально в последние несколько месяцев в прессе все чаще стали появляться сообщения об открытии при кризисных центрах приютов и стационаров для временного пребывания женщин <sup>23</sup>. Такие приюты открылись при Центре помощи женщинам, семье и детям Новоузенска (Саратовская область), при кризисном центре для женщин ((Спасение» в Химках (Московская область), при Центре социального обслуживания населения в Оренбурге и в самом Среднегорске при центре помощи женщинам, семье и детям, о котором мы уже рассказывали в одной из предыдущих глав.

Кризисный центр сотрудничает с муниципальным учреждением - городским центром помощи женщинам, семье и детям, в задачи которого входит, в том числе, оказание помощи женщинам, подвергшимся насилию, и предоставление им социального общежития. Вместе с тем это межсекторное взаимодействие порой можно охарактеризовать скорее как конкуренцию, нежели партнерство. В условиях огромного дефицита сервисов для женщин, пострадавших от насилия, эти

организации между собой борются за монополию на экспертизу. Сотрудницы Среднегорского кризисного центра считают «не вполне профессиональной» работу с пострадавшими, а идеологию по отношению к клиентам со стороны сотрудников государственного учреждения - «неправильной». В государственной службе есть психологи с традиционной вузовской подготовкой и специалисты социальной работы, среди которых далеко не все получили дипломы в соответствии со своей профессиональной деятельностью, поэтому вынуждены заниматься самообразованием, тогда как сотрудницы кризисного центра имеют особую подготовку в духе гуманистической психологии и феминистского консультирования работают в сплоченной междисциплинарной команде. Вместе с тем различия в установках! специалистов связаны в основном с различиями в позиции государственных и общественных организаций по отношению к насилию в семье.

Здесь нам следует вновь обратиться к исследованию Е. Забадыкиной<sup>1А</sup>, где проанализированы установки консультантов, работающих в государственных и общественных центрах помощи женщинам. На ее взгляд, в государственных организациях «заказчиком» оказываемой помощи является государство, чья позиция может быть сформулирована следующим образом: «сделайте все, чтобы семья как ячейка общества была сохранена» и «не поднимайте шум». Закон РФ обязывает судей примирять стороны в делах, связанных с насилием, государство не считает актуальным наказание виновного, как и саму проблему, а руководители государственных социальных служб также исходят из убеждения, что «семья превыше всего». Что касается консультантов, работающих в общественных организациях, прошедших феминистские тренинги Ассоциации кризисных центров, то они видят свою главную задачу в изменении эмоционального состояния клиентов, их поддержке в принятии решений, выявлении и мобилизации их внутренних ресурсов. Такой подход позволяет активизировать собственную деятельность обратившегося человека и дать возможность использовать собственные внутренние и внешние ресурсы для решения возникающих проблем. Немаловажно, что государственный центр обладает таким ресурсом, как социальное общежитие, что является перспективой для активизации деятельности общественной организации. Сотрудницы кризисного центра считают, что убежище позволило бы гораздо эффективнее защищать женщин, и не раз высказывали сожаление об отсутствии этого ресурса: *«В первую очередь в самые критические моменты, когда женщине нужно безопасное место, убежище хотя бы на несколько дней, у нас этого нет. Ведь это действительно критически важно, когда речь идет о спасении женщины»* (директриса центра, 42 года). За помощью в центр иногда обращаются женщины, попавшие в такую ситуацию, когда им некуда уйти от мужа-насильника, у них нет родственников и знакомых в городе, но организация не может предоставить временное убежище. В таких случаях консультанты звонят в городской центр и просят предоставить жен-<sup>1</sup>шине место в социальном общежитии, но им всегда отказывают в этом, объясняя: *«У нас нет мест»; «Нам сейчас не до этого»; «Обратитесь в другое место»; «Пусть она сама к нам придет, мы с ней и будем решать»*. Данная ситуация отражает не только нежелание сотрудничать и проявление конкуренции в работе с клиентурой. Как показало исследование, муниципальный центр помощи женщинам, семье и детям испытывает большие трудности с функционированием социального общежития, которое было однажды заселено сиротами-выпускницами интерната, беженцами и бездомными, которых теперь не удастся выселить. В действительности оказывается, что женщинам, пострадавшим от домашнего насилия, предоставить нечего. В условиях огромного дефицита жилья те небольшие ресурсы, которые предоставляет муниципалитет лицам без определенного места жительства, сиротам, инвалидам, не всегда используются эффективно.

Между тем убежище является жизненно необходимым ресурсом общественной организации для реабилитации женщин, пострадавших от домашнего насилия. Преимущество убежища, помимо предоставления безопасного жилья, заключается в том, что там могут проводиться собрания группы самопомощи для женщин. В этом случае будет проще собрать группу и женщинам не нужно будет решать проблему проезда и свободного времени. Именно эти трудности, по словам клиенток, послужили причиной неудачной попытки организации такой группы в Среднегорском кризисном центре. Упомянем еще одну проблему, которая касается нынешнего состояния российской системы социальных услуг, в частности услуг для семьи. Речь идет об отсутствии в системе социальной поддержки центров и даже отдельных специалистов в области семейной терапии. Дело в том, что не все случаи, с которыми приходится иметь дело сотрудникам кризисного центра, связаны с насилием. В 40 % случаев речь идет о различного рода конфликтах и других проблемах, при этом возможно

разрешение противоречия при сохранении семьи. Приведем типичный случай, который иллюстрирует наше мнение.

Случай 13 из практики кризисного центра Виктория, 29 лет

Дочери 4 года. На очной консультации у психолога Виктория рассказала, что в течение двух лет совместной жизни они с мужем так и не смогли найти общий язык. После родов здоровье Виктории ухудшилось и ей пришлось лечь в больницу, ей грозила операция груди, а муж был равнодушен и не навещал ее. Ситуация осложнялась тем, что родители Виктории упрекали ее в происходящем и говорили ей о том, что она неправильно ведет себя с мужем и неправильно воспитывает ребенка. Несмотря на отчуждение, Виктория старалась наладить отношения с мужем, который пил и не обращал внимания на все ее усилия. Он периодически напивался, скандалил, издевался над ней, унижал, игнорировал ее и их маленькую дочку. У ребенка развился невроз. После беседы с психологом центра Виктория самостоятельно приняла решение развестись с мужем и заняться лечением ребенка, Через два месяца Виктория позвонила, поблагодарила всех сотрудниц центра и сказала, что у нее все хорошо, она устроилась на работу, дочка чувствует себя намного лучше, иногда спрашивает о папе.

Очевидно, внутрисемейные конфликты, связанные с пьянством и грубостью в отношениях между супругами, в большинстве случаев остаются горем самой семьи, в первую очередь женщины и ребенка. Отсутствие специализированных услуг женщинам в этом случае оказывается камнем преткновения для руководителей и работников различных социальных служб, в чью компетенцию пока не входит семейное консультирование: *«Женские проблемы - это, наверное, пьющие мужья. Как их [женщин] защитить? В Среднегорске эта проблема - при наличии телефона доверия, при наличии центра помощи женщинам, семье и детям (ведь есть же у нас такой центр) - все равно эта проблема не разрешается. Отсутствуют площадки. А ведь есть нужда, когда женщину надо с ребенком или одну изъять хотя бы на время из той "клоаки", где она оказывается... У нас даже в районе бывали такие случаи, когда мне приходилось звонить и определять, как ее устроить, но я, к сожалению, никак не смогла ей помочь»* (директор районного центра социального обслуживания, жен., 55 лет).

Наши респонденты из различных социальных служб города осознают семейные трудности как проблемы, которые в основном касаются женщин: *«Даже в благополучной семье иногда бывает плохо, так мы будем сами в себе переживать. Ну почему не пойти к специалисту?...Пока у нас совсем не развито, если плохо в семье, чтоб обратиться к специалисту ... Вот Пионерский поселок. Разве поедет женщина с Пионерского поселка в центр города? Нет, его нужно где-то здесь, приблизительно этот филиал организовывать и работать там. Не в центре города, там нет такой категории, мне кажется, ну во всяком случае меньше, а вот здесь должен быть этот центр, и это должно быть как то... как реклама... что "женщины, приходите", вам там окажут помощь. Ежедневно средства массовой информации должны будут писать: вам там квалифицированно то, то, то окажут, подскажут, у вас будет здоровая семья...»* (директор социальной службы, жен., 50 лет).

Отметим, что в Среднегорске, как и в России в целом, пока еще не созданы программы, аналогичные системе probation service в ряде европейских стран, где практикуется назначение принудительного прохождения обидчиком курсов групповой терапии. Кроме того, из внимания кризисных центров, фокусирующихся на помощи женщинам, практически выпадает задача помощи детям, ставшим свидетелями домашнего насилия. Решение указанных проблем возможно лишь при объединении ресурсов кризисного центра с возможностями социальных служб и других учреждений и организаций города.

Внешний контекст деятельности кризисного центра для женщин образован самим обществом, той системой социальных отношений и культурных смыслов, которые питают насилие или противодействуют ему. В современном российском обществе, где физическая сила играет роль важнейшего фактора социальной идентичности, а ненасильственные формы власти и авторитета оказываются маргинальными, социальные институты (институт семьи, государства, образования) устойчиво воспроизводят социальные практики, в том числе социальные действия, связанные с насилием. Насилие, ставшее частью нашей культуры, произрастает из разнообразных моделей идентификации - персонажей массовой культуры, родителей, кумиров уличных компаний. Приведем несколько примеров из сочинений<sup>25</sup> о драках, написанных шестиклассниками одной из Среднегорских школ. Эти сочинения показывают, что навыки выражения своих чувств и мыслей

посредством физического насилия формируются в условиях, когда жестокость может восприниматься как игра, тренировка мужественности, необходимый ритуал, как язык силы, понятный и одобряемый во многих инстанциях.

Сочинение «Моя драка с братом»

Один раз я спала, а брат проснулся раньше меня. Мне не понравилось и я сказала. -Отойди а то как дам! - Он сказал: ну дай. И мы начали драться. Я его лупила подушками, портфелем, одеялом. И всем что попадалось под руку. Но он смеялся и ну просто лопался от смеха. А меня это раздражает. Прошло несколько времени я устала. А у него даже прес заболел как сильно он смеялся. Я не выдержала и позвала маму. Мама сказала: Разберайтесь сами! Ну мы начали драться дальше. Это был бой без правил. Но мама не выдержала и сказала чтобы мы прекратили. И этот смертельный бой закончился. Но мы стали строить друг другу пакости. Например чай и вместо сахара соль. А nasledующий день у меня все болело, поэтому мне запомнилась именно эта доака. Сочинение 2 «Самая запомнившаяся драка» Один раз мой брат обозвал меня, а я его стукнула. Потом он фключил ту пес- , ню которую я терпеть не могу и стал передомной мохать ногами. Я его снова стукнула он меня тоже стукнул. Я сказала отстань от меня «Козел без рогий» и оянт стукнула его нагой, но он мenea стукнуть не мог потому что вошла тетя... Один раз в одном класе была драка иза стула. Один мальчик взял стул и стукнул его по голове. Тот взял стул и тоже стукнул его по голове потом они стали драться нагами и кулаками. Их стали разнимать и наэтом ихмахалка закончилась травмой. Один раз мы сидели на математике и убералать одна уборщица. Потом прошли два мальчика и стали на нее врубаться она взяла швабру и стукнула его, а потом стала вновь стала мыть полы. А мы ее прозвали «Бабка убица».

Сочинение 3 «Самая запомнившаяся мне драка»

Как то разу меня дома я и мой друг играли в сега - это видео приставка. Я подошел к окну увидел как два здоровых мужсика били другова. Эти амбалы били его куда попало, как только он хотел встать другой брал его за шкурку и бил с огромной силой в лицо. У бедного мужсика было похоже лицо на искореженную жопу. Короче было очень много крови. Драка закончилась тем что бедного мужсика избили до потери сознания. Минут через десять он включился и он с большим трудом ушел. А вот другая история - однажды я видел по телевизору реслинг. И там два бойца били себя по лицу в пах. Короче куда попало. Первый в конце потпрыгнул иударич его по яйцам локтем.

Сочинение 4

У меня ф жизни была только одна драка и это было со мной. И это была даже не драка, а избиение. Избиение, потому что меня били пять, не плохо развитых физически, девушки. Мне в принципе неприятно вспоминать, но об этом все знаю[t] и я все равно расскажу. Это все началось с вызова с урока физкультуры. Меня эти девушки позвали и начали приводить какие-то глупые факты. Следом одна из них ударила меня по лицу, никто за меня не вступился, хотя наблюдателей было много. Им было не выгодно драться в школе и они насильно вывели меня за школу. У нас за школой находится милиция, и она мне не помогла. Они по очереди начали меня толкать, потом драли за волосы. Почти пол школы стояли и наблюдали за процессом. Им было интересно что будет дальше. А дальше было... они драли меня за волосы, пливали мне в разбитое лицо. Их было очень много и я почти не сопротивлялась. Это было бессмысленно. Они вдруг увидели человека, испугались и отвели меня по дальше, чтобы никто не видел. Этим мразям было все равно куда бить, лишьбы сделать мне больно. Я упала от боли, и они говорили друг другу: «бей по почкам, поссыт день кровью и пройдет». Явстала и они начали бить головой об стену и конечно же я упала, били меня ногами. А потом у них родилась идея, опозорить меня при всех. Они хотели раздеть меня и когда у меня началась истерика, я громко кричала, тряслась, даже не знаю от чего. Недруг им понадобилось на электричку. Они меня бросили, я долго лежала в расплавившемся снегу. В принципе это тяжелье воспоминания, но они издывались как могли, хотя мы с одной из них были подругами, 9 лет мы с ней дружили и как раз она принимала самое активное участие. Какие последствия? У меня сотрясение головного мозга, село зрение, много страданий и испорченный аттестат. Я долгое время не хо-дила в школу, потому что не могла их видеть. Я себя пересилила и пришла в школу.и меня застигли в распах. Все меня унижали и тыкали пальцем: «Вон ее избили». ' Для меня это было тяжело, тем более это в первый раз. Я не выдержала натиск всей школы. Ходила на прием к невропатологу и даже к психиатру. Пила много таблеток и колола уколы. Теперь я на учете у невропатолога. Для меня это слишком тяжело. Я не знаю забуду ли я это когда нибудь, хотя хотелось бы. Все это сильно меня изменило, и это повторилось второй раз. После первого раза

*я в милицию не заявила и они почувствовали себя на много сильнее, а вот после второго раза их вызвали к директору и поставили на учет в милицию. И это все их наказание, а я? Сколько я страдала, сколько слез выплакала, сколько таблеток перепила. А им никакого наказания. Это справедливо? Для меня это травма на всю жизнь. И забуду ли я это или нет, не знаю. Я не понимаю таких людей, у которых в душе столько жестокости. Как можно ударить человека? Яне понимаю.*

Образцы насилия воспроизводятся в нормах семейных отношений и способах воспитания, гендерной социализации, дисциплинарных практиках закрытых учреждений и армии, уличной повседневности. Будучи неотъемлемой чертой патрархатной культуры, насилие в семье поддерживается традицией, и хотя социальная структура современного общества допускает женщин в сферы принятия решений, многие россияне по-прежнему придерживаются унаследованных из прошлого норм поведения в приватном и публичном пространстве. Происходит это во многом и потому, что лица, осуществляющие насилие, чувствуют себя в безопасности ввиду отсутствия правовых механизмов как в самом законодательстве, так и в практиках исполнения и наказания <sup>26</sup>.

Наталья Середа, проведя опрос более тысячи подростков в школах Барнаула, пришла к выводу, что насилие в семье в той или иной мере касается более 80 % респондентов, при этом большинство школьников не знают, где найти поддержку или помощь. Дети считают себя, а не своих матерей или старших сестер, главными пострадавшими от насилия в семье, и это говорит не только об их «гендерной слепоте», ограничениях опыта и отсутствии образования на эту тему<sup>21</sup>, но и о масштабах домашнего насилия в отношении детей и подростков как о проблеме, которая должна немедленно выйти из тени. Жестокость в отношении детей сама по себе является вопиющим фактом российской современности, но ведь это еще и фактор воспроизводства практик насилия в отношении женщин. Переопределение границ насилия в современном российском обществе только начинается.

Социальные работники пока что слабо ориентируются в возможностях профилактики насилия, социально-правовой и психологической реабилитации жертв и практически никак не работают с самими насильниками. В нашей стране отсутствует система принудительного направления лиц, совершающих насильственные действия, на психотерапевтические тренинги, в группы комплексной помощи. До сих пор не принят закон о запрете домашнего насилия, суды и правоохранительные органы не используют полностью возможности административного и уголовного права для помощи пострадавшим от насилия в семье, нет государственных структур, которые комплексно решали бы эту проблему.

**Выводы**

Среднегорский кризисный центр - это небольшая организация, в которой работают женщины, объединенные общей идеей и целью. Поскольку обстановка там полностью зависит от сотрудников, то они своими силами пытаются создать творческую атмосферу, располагающую к доверительным отношениям с клиентами, что само по себе является особенностью общественной организации. Перспективы центра видятся в развитии модели феминистской социальной работы в организации и привлечении мужчин к участию в разрешении проблемы насилия над женщиной, а также в налаживании взаимодействия с образовательными учреждениями, социальными службами, правоохранительными органами, прокуратурой, администрацией Среднегорской области. Наиболее перспективными направлениями в развитии деятельности центра могут стать создание убежища для женщин и проведение групп самопомощи для пострадавших от насилия.

Если не заниматься профилактикой внутрисемейных конфликтов и не предотвращать насилие, то рано или поздно оно оборачивается еще большей дополнительной нагрузкой на социальную инфраструктуру, что связано и с беспризорными детьми, и с увеличением числа лиц без определенного места жительства, не говоря уже о преступлениях против личности <sup>28</sup>. Когда власти это поймут, то одна из основных проблем кризисных центров - финансирование - может быть решена за счет частичного обеспечения из местного бюджета. Сотрудники центра высказывали пожелание, чтобы оплата аренды помещения центра и услуг городской телефонной сети происходила за счет государства. Для налаживания взаимодействия с государственными структурами директриса посещает все мероприятия, организованные министерством труда и социального развития, и принимает в них активное участие. Положительным моментом государственного финансирования в отличие от негосударственного является возможность бесперебойной работы телефона доверия, офиса организации и убежища для женщин, пострадавших от насилия. В свою очередь, негосударственная поддержка позволяет осуществлять дополнительные виды деятельности, привлекая дополнительных

специалистов и проводя разнообразные мероприятия, связанные с исследованиями и повышением квалификации сотрудников, профилактикой домашнего насилия посредством средств массовой информации и образовательных учреждений, организацией групп самопомощи среди женщин, обучающими тренингами для работников социальных служб, органов внутренних дел и прокуратуры. Организация становится более гибкой, а ее деятельность - инновативной, поскольку, подавая заявки на конкурсы грантов, сотрудницы вынуждены постоянно пересматривать свои методы, разрабатывать новые актуальные проекты и отвечать за их эффективную реализацию. Реальное решение проблемы насилия в семье представляется возможным только на основе социального партнерства государственных органов, образовательных учреждений, общественных объединений и бизнеса, через организацию широкой просветительской работы, направленной на формирование неприятия случаев домашнего насилия над женщиной и их категорическое осуждение, посредством профилактических образовательных программ. Необходимо правовое и финансовое обеспечение решения проблемы насилия в семье, расширение и развитие специализированных учреждений помощи жертвам насилия.

Международные и отечественные фонды и благотворительные организации уже осознали побочные эффекты индивидуального финансирования, поощряют в большей степени не соревнование, а сотрудничество между сходными по задачам организациями. Эти тенденции должны благотворно повлиять на развитие сети услуг, обмен знаниями и технологиями. Необходимо разработать и даже спонсировать инновативные приемы аккумуляции средств, подходящие к условиям постсоветской экономики, а также финансировать проекты, которые бы помогали кризисным центрам осуществлять сбор средств в России<sup>29</sup>. Выделение средств на расширение пользования Интернетом и электронной почтой позволит облегчить доступ к информации о конкурсах грантов, конференциях и новых возможностях в области защиты прав женщин, профилактики домашнего насилия, образовательных программ и социально-психологических услуг. Распространение положительного опыта, анализ проблем и способов их преодоления - важнейшее условие развития кризисных центров. Это возможно осуществлять посредством конференций и семинаров, летних школ, а также публикаций, которые помогли бы объединить единомышленников и познакомить население с работой по преодолению насилия над женщиной. Исследования по профилактике насилия в семье позволяют глубже понять положение современных женщин, оценить способность общества к обновлению и модернизации, переходу от традиционного уклада к современному, организованному на демократических ценностях. Взаимодействие общественных организаций и государственных структур - социальное партнерство - несомненно является залогом позитивных изменений в законодательстве, во всей системе профилактики насилия и оказания комплексной помощи пострадавшим.

<sup>1</sup> Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. С. 108.

<sup>2</sup> В интересах всей России / Под ред. Т. Н. Катаевой. Элиста: Джангар, 2001. С. 267.

<sup>3</sup> Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. С. 107.

<sup>4</sup> Ляпунова О. Исследование ситуации домашнего насилия в г. Архангельске // Женские миры - 99, Западный опыт и тендерные исследования в России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. С. 49-53.

<sup>5</sup> Римашевская Н, Ванной Д., Малышева М., Куббинс Л., Мещеркина Е., Пискчакова М. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. С. 226.

<sup>6</sup> Moscow Times. 1998. 22 aug.

<sup>7</sup> «АННА». Ассоциация Нет Насилию // Социальная работа. Приложение к журналу «Социальная защита». 1998. № 6. С. 75-78.

<sup>8</sup> Шестаков Д. А. Супружеское убийство как общественная проблема. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992; Сексуальные преступники / Под ред. М. Антоняна. М.: НИИ МВД РФ, 1992.

<sup>9</sup> Altwood L 'She was asking for it': rape and domestic violence against women // Buckley M. (Ed.) Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 99-119. <sup>10</sup> Sperling V. Organizing Women in Contemporary Russia: Engendering Transition. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

<sup>11</sup> Сперлинг В. Иностранное финансирование социальных движений в России // Социальный менеджмент: опыт, исследования, образование. Саратов: СГТУ, 2001.

<sup>12</sup> Забадыкина Е. Помощь жертвам домашнего насилия в современной России // Насилие и социальные изменения. Теория и практика исследований. Альманах Центра «АННА». 2000. Ч. 2-3. С. 119.

<sup>13</sup> Имена клиентов изменены.

<sup>14</sup> *Советы «АННЫ»*. Пять лет работы с проблемой насилия над женщиной. Достижения и находки: кризисные центры России. М.: Пресс-Соло, 1999. С. 96.

<sup>15</sup> *Леннеер-Аксельсон Б.* Голоса мужчин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1993.

<sup>16</sup> Цит. по: *Attwood L.* 'She was asking for it': rape and domestic violence against women // Buckley M. (Ed.) *Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 109.

<sup>17</sup> *Переведенцева Е.* Бьет - значит любит? Психологи пытаются помочь жертвам домашнего насилия // *Социальная защита*. 2001. № 5. С. 45.

<sup>18</sup> *Dominelli L., McLeod E.* *Feminist Social Work*. London: Macmillan, 1989.

<sup>19</sup> *Берг Н. ван Ден, Кунер Л. Б.* Феминизм и социальная работа // *Энциклопедия социальной работы*: В 3 т. М.: Центр общечеловеч. ценностей, 1994. Т. 3. С. 375.

<sup>20</sup> *Dominelli L* *International Social Development and Social Work. A Feminist Perspective* // Hokenstad M. C, Midgley J. Oids) *Issues in International Social Work*. Washington: NASW Press, 1997. P. 74-91.

<sup>21</sup> *Берг Н. ван Ден, Кунер Л. Б.* Феминизм и социальная работа // *Энциклопедия социальной работы*: В 3 т. М.: Центр общечеловеч. ценностей, 1994. Т. 3. С. 369-375.<sup>21</sup> «АННА». Ассоциация Нет Насилию // *Социальная работа*. Приложение к журналу «Социальная защита». 1998. 4° 6. С. 75-78; *Переведенцева Е.* Бьет - значит любит? Психологи пытаются помочь жертвам домашнего насилия // *Социальная защита*. 2001. № 5.

<sup>23</sup> *Киселева А.* Социальный приют для женщин: проблемы и перспективы // Агентство социальной информации, [http://www.asi.org.ru/asinfo/dom\\_nasilye](http://www.asi.org.ru/asinfo/dom_nasilye)

<sup>24</sup> *Забалдыкина Е.* Помощь жертвам домашнего насилия в современной России // *Насилие и социальные изменения. Теория и практика исследований*. Альманах Центра «АННА». 2000. Ч. 2-3. С. 119.

<sup>25</sup> Орфография и пунктуация авторов сочинений сохранены. Сочинения собирал О. В. Башкатов.

<sup>26</sup> *Клименкова Т.* Проблемы реализации права граждан на свободу от насилия // *Права женщин в России*. 1998. № 3 (<http://www.wonmet.ru/prava/1998/nomer,,3/art6.htm>). <sup>17</sup> *Середа И.* «Настолько широко, что даже и не видно»: домашнее насилие глазами взрослых и подростков // *Насилие и социальные изменения*. Альманах Центра «АННА». 2000. Ч. 2-3. С. 143-167.

<sup>28</sup> *Киселева А.* Социальный приют для женщин: проблемы и перспективы // Агентство социальной информации, [http://www.asi.org.ru/asinfo/dora\\_nasilye](http://www.asi.org.ru/asinfo/dora_nasilye)

<sup>19</sup> *Сперлинг В.* Иностранное финансирование социальных движений в России // *Социальный менеджмент: опыт, исследования, образование*. Саратов: СГТУ, 2001.1

#### ДОМ - ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ

Исторические аспекты проблемы социальной заботы о престарелых

Государственные институциональные формы помощи пожилым появились намного позже, чем аналогичные институты общественной заботы о детях и инвалидах. Одним из проявлений заботы государства о престарелых гражданах является создание в стране специальных учреждений, предназначенных для жизни в них пожилых и нетрудоспособных людей. Весьма ограниченная забота государства дополнялась случайной частной благотворительностью. Такие формы материальной поддержки старости, как система страхования, предполагавшая определенные взносы в течение трудоспособного периода жизни человека, и кассы взаимопомощи, которые организовывались на некоторых капиталистических предприятиях, в России не получили широкого распространения. В этом отношении социальная политика в России разительно отличалась от стран Европы, где в конце XIX века продолжались попытки реформировать и менять систему страхования, и где постепенно наметился переход от социального страхования к прямому пенсионному обеспечению. Так, в 1891 году в Дании был принят закон, согласно которому каждый гражданин, достигший 60-летнего возраста, имел право на получение пожизненной пенсии, вышлагающейся за счет средств государственного казначейства и доходов местных общин. Таким образом, впервые в истории старость была признана законным основанием для оказания гарантированной помощи со стороны государства в виде пенсий. В России такие законы появились только после революции и на первых стадиях имели весьма ограниченный характер.

В России к началу XX столетия, когда набирало силу рабочее движение и влияние социалистов, шеф жандармов князь Святополк-Мирский, которому поручалось ознакомиться с причинами рабочих волнений, в своей записке отмечал: «В самой жизни рабочих есть немало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность. Главнейшим из таких условий представляется совершенная необеспеченность мастеровых с наступлением старости или за неспособностью к работе по болезням»<sup>1</sup>. В 1903 году был принят закон об учреждении страхования на производстве в связи с несчастным случаем, однако вопросы обеспечения престарелых были обойдены в законе. Большевики в своих программных документах требовали государственного страхования рабочих на случай старости. В 1912 году царское правительство пошло на создание страховых касс. Дальнейшая историческая судьба России была связана с социалистической революцией и отмечена принятием ряда положений об обеспечении трудящихся в старости. С 1919 по 1922 годы люди преклонного возраста обеспечивались в основном через дома инвалидов. В это время количество людей, в том числе преклонного возраста, обеспечиваемых через дома-интернаты, возросло более чем в 2,5 раза. Это было обусловлено нехваткой в стране продовольственных и промышленных товаров, а государство наряду с выплатами пенсий и пособий развивало натуральные формы обеспечения, и в этих условиях интернатные учреждения гарантировали элементарное пропитание. Вместе с тем в сложившихся условиях происходит сужение круга лиц, пользующихся поддержкой системы социального обеспечения. Правящая партия большевиков рассматривала подобное явление как временные меры: «Тяжелое экономическое положение страны диктует в настоящий момент рабоче-крестьянскому правительству некоторые ограничения в проведении социального страхования... советское правительство принуждено... временно отказаться от страхования старости и обеспечения инвалидности с низкой потерей трудоспособности»<sup>2</sup>. Таким образом, с начала 1920-х годов обеспечение престарелых строилось не на основе возраста, а в зависимости от степени утраты трудоспособности и инвалидности. Необходимо отметить, что люди преклонного возраста составляли большую часть контингента инвалидов. В основном пропагандируемые большевиками меры не были воплощены в жизнь или были созданы значительно позже, а нереализованность гуманистических проектов, относящихся к первым годам советской власти, оправдывалась разрухой и тяжким положением страны в условиях гражданской войны.

Переход к пенсионному обеспечению начался в 1924 году, когда были установлены пенсии преподавателям вузов и рабочих факультетов, достигшим 65-летнего I возраста. В 1928 году вводятся пенсии по старости работникам текстильной промышленности. В 1929 году для рабочих ведущих отраслей тяжелой промышленности и транспорта. В 1932 году пенсионное обеспечение по старости охватило все отрасли народного хозяйства и сферы социальной структуры и приняло форму, которая без принципиальных изменений существовала до 1980-90 годов. Был установлен в качестве норматива пенсионный возраст, который для женщин составил 55 лет, а для мужчин - 60 лет. В послевоенные годы получила распространение практика установления повышенных пенсий для работников отдельных отраслей. В данном акте проявился прагматизм государства, диктовавший необходимость привлечения рабочих в наиболее важные и тяжелые по условиям труда отрасли народного хозяйства.

Право крестьян на пенсионное обеспечение хоть и было провозглашено в одном из первых декретов Советской власти, так и оставалось в условиях коллективизации и дальнейшей политики ускоренной индустриализации не реализованным на протяжении почти 50 лет. Только в 1964 году был принят закон о пенсиях и пособиях членам колхозов. До этого момента некоторые колхозники пользовались поддержкой колхозных касс взаимопомощи. Социальное обеспечение и обслуживание пожилых людей в эпоху советской власти включает в себя не только пенсионные гарантии, но также содержание и обслуживание престарелых в специальных учреждениях социальной защиты населения. В силу ряда причин престарелые люди часто попадают в категорию лиц, требующих повышенного внимания со стороны социальной защиты и медицины, а пенсионные гарантии не всегда могут решить все проблемы старости. В России содержание пожилых людей в государственных домах-интернатах стало неотъемлемым элементом системы помощи пожилым гражданам.

В начале 1975 года в РСФСР функционировало 878 домов для престарелых и инвалидов, в которых проживало 200 тыс. человек. В дальнейшем число домов-интернатов хотя и медленно, но росло<sup>3</sup>. В 1985 году было принято постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС «О первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей, усилению заботы об одиноких гражданах»,

где предусматривалось расширение сети домов-интернатов для престарелых и инвалидов, улучшение условий проживания в них, повышение норм расходов на питание, медикаменты и другие нужды на 20 %<sup>4</sup>. А спустя два года уже Д обсуждалась проблема неудовлетворительного выполнения пункта постановления, связанного с повышением количества мест в домах-интернатах. Таким образом, стратегия повышения уровня жизни престарелых в советском государстве связывалась с быстрым (увеличением специализированных учреждений-интернатов для престарелых, хотя ростки социально-бытового обслуживания на дому и заботы о престарелых без их изоляции в стационарное учреждение существовали, но не получили должной поддержки. Существовал лозунг: «Каждому жилому району шш небольшому городу - свой интернат». < Недостаточно дифференцированная социальная политика в отношении пожилых! приводила к тому, что престарелый человек не имеет альтернатив устройства своей Ц судьбы в старости. В случае отсутствия семьи или неудовлетворительных условий в семье\* единственным выходом являлось проживание в доме-интернате. Несмотря на то, что психологически и экономически комфортно и выгодно проживание пожилого человека в семье, а в случае отсутствия семьи - возможно предоставление необходимой помощи по месту жительства, дома-интернаты стали доминирующим сервисом поддержки одиноких, нуждающихся, недееспособных стариков. Причины, диктующие необходимость переезда престарелого человека в стационарное учреждение, различны: неспособности пожилого человека к самообслуживанию; потребность в постоянном медико-социальном уходе при отсутствии семейно-родственных поддерживающих ресурсов; отсутствие развитой сети служб, оказывающих комплекс социально-бытовых услуг на дому индивидуальные причины (потеря жилья в результате квартирных махинаций, невыносимые условия проживания с родственниками, недостаточное материальное обеспечение, потеря сети семейно-родственной поддержки в результате миграции, несчастных случаев и др.) Среди проживающих в домах-интернатах одинокие люди состав-ляют более 60 %. -1

Вместе с тем следует отметить, что в 1970-80-х годах в Советском Союзе имелся опыт строительства жилых домов для одиноких престарелых граждан с комплексом\* служб социально-бытового назначения. Центральным комитетом КПСС был одобрен опыт Армянской ССР, Эстонской ССР и Иркутской области по строительству 3 таких домов и рекомендовано министерствам, ведомствам, территориальным органам управления развивать их строительство. Однако это оставалось на уровне рекомендаций. Несмотря на то, что тем же законом «О мерах по дальнейшему улучшению обслуживания престарелых и инвалидов» (1987) было предусмотрено создание территориальных центров социального обслуживания пенсионеров для постоянного, временного или дневного пребывания, а также отделении помощи на дому - распространение получали дома-интернаты, Законы СССР всячески поощряли развитие! именно этой формы сервиса: например, закон о государственном предприятии предусматривал постоянную заботу трудовых коллективов о ветеранах труда, войны пенсионеров. К числу основного вклада предприятий в решение социальных проблем относилось их участие в строительстве домов-интернатов для престарелых и инвалидов, предоставление этим домам материальной и финансовой поддержки. В соответствии с положениями данного закона предприятия создавали условия для привлечения трудоспособных престарелых и инвалидов к посильной работе. На практике это выглядело как шефство: трудовой коллектив и руководство предприятия принимали участие в решении проблем домов-интернатов, жители интернатов могли принимать участие в какой-либо деятельности, необходимой предприятию (изготовление продукции, выращивание сельскохозяйственных культур в теплицах и прочее). Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственное социальное обеспечение на протяжении многих лет развивалось в соответствии с традициями интернатной, стационарной системы заботы о пожилых гражданах (а также их максимального вовлечения в трудовую деятельность), в то время как альтернативные формы социальной заботы о престарелых не получили должного распространения и поддержки. В России была создана целая сеть домов-интернатов, количество мест в которых исчисляется сотнями, что делает эти учреждения более похожими на коммуны, чем на семью. Дом-интернат в литературе по социальному обеспечению определяется как медико-социальное учреждение, предназначенное для постоянного пребывания в нем престарелых и инвалидов, нуждающихся в уходе, бытовом и медицинском обслуживании.

С середины 50-х годов XX века в России сложились определенные формы интернатных учреждений для взрослых. Все дома-интернаты, в зависимости от контингента проживающих, подразделяются на четыре вида: дома-интернаты для престарелых и инвалидов, дома-интернаты для инвалидов,

пансионаты для ветеранов труда и особый вид - психоневрологические пансионаты. В домах-интернатах первого вида проживают как престарелые, так и инвалиды, не достигшие престарелого возраста, а в домах-интернатах второго вида - только инвалиды в возрасте от 18 до 40 лет. Пансионаты для ветеранов труда предназначены для проживания в них граждан, длительное время трудившихся на производстве. В психоневрологических интернатах живут престарелые и инвалиды, страдающие определенными хроническими психическими заболеваниями. Дома-интернаты для престарелых, в зависимости от контингента проживающих, могут иметь особую специфику: например, интернаты для бывших заключенных, освобождаемых из мест лишения свободы, особо опасных рецидивистов и других лиц, за которыми в соответствии с действующим законодательством установлен административный надзор, а также престарелых или инвалидов, ранее судимых или привлекавшихся к административной ответственности за нарушения общественного порядка, занимавшихся бродяжничеством или попрошайничеством. Всего в настоящее время в России насчитывается полторы тысячи домов-интернатов и психоневрологических интернатов для престарелых, находящихся на 2/3 в государственной и на 1/3 в муниципальной собственности. В государственных и муниципальных учреждениях проживают около 205 тыс. человек, в муниципальных - более 40 тыс.<sup>5</sup>.

Обязанности дома-интерната определяются его задачами и функциями, которые установлены положением. Перечислим основные задачи дома-интерната, изложенные в типовом положении: материально-бытовое обеспечение проживающих, создание для них благоприятных условий жизни, приближенных к домашним; организация ухода за проживающими, оказание им медицинской помощи, проведение культурно-массовой работы; осуществление мероприятий, связанных с социально-трудовой реабилитацией инвалидов<sup>6</sup>. Для эмпирического исследования системы социальной поддержки престарелых целесообразно рассмотреть частные условия функционирования современного типичного дома-интерната, как элемента системы государственной заботы о престарелых.<sup>7</sup>

#### Общие сведения о доме престарелых

Интернат, в котором проводилось исследование, относится к числу учреждений для инвалидов и престарелых. В нем проживают совместно пожилые и инвалиды старше 18 лет, которые составляют около 10 % от общего числа проживающих. Молодые люди попадают<sup>1</sup> сюда из учреждений стационарного типа для детей с инвалидностью. Здание интерната находится в одном из районов города, где преобладают ветхие деревянные или каменные<sup>1</sup> одноэтажные строения, старый жилой фонд соседствует с новыми немногочисленными зданиями, эта часть города не относится к числу престижных районов. Территория, где расположен дом-интернат, довольно изолирована и поэтому привлекает бродяг и пьяниц, распивающих здесь спиртное. Директору учреждения пришлось принять меры, чтобы отвести, по ее словам, «разный сброд» от парка, окружающего строение. Она отдала распоряжение некоторое время назад вырубить часть деревьев. К недостаткам расположения интерната можно отнести удаленность от транспортных магистралей, поэтому основным транспортом, связывающим его с центральными частями города, является трамвай и маршрутное такси. Для престарелых, проживающих в интернате, возникает проблема дороговизны проезда в маршрутном такси и ненадежность работы городского транспорта.

Здание дома-интерната было построено в 1963 году на пустыре, где раньше было болото. Это было целевое строительство, то есть помещение изначально строилось как интернат. Он рассчитан на 315 человек, но в 2000 году там проживало 280 пожилых, а спустя год - уже 260. Неполная укомплектованность интерната объясняется рядом обстоятельств. Основная причина связана с тем, что дом-интернат требует капитального ремонта и часть комнат непригодна для проживания людей. Городские власти, не находя средств на ремонт, решают проблему распределением престарелых в другие интернаты города и области. Вместе с тем в Среднегорске и области постепенно развиваются альтернативные формы социальной заботы о престарелых, такие как патронаж на дому, развитие частных резиденций рассчитанных на проживание 40-50 человек, где более комфортное проживание и формы обслуживания, которые частично оплачиваются родственниками проживающих. Развитие этих форм сдерживает поступление новых клиентов в традиционные интернатные учреждения. Прием в дом-интернат производится по направлению органов социальной защиты населения, которое выдают на основании заявления и медицинской карты, оформленной районным центром социального обслуживания и лечебно-профилактическим учреждением, справки ВТЭК. При наличии свободных мест престарелые и инвалиды могут быть приняты на временное проживание сроком от

двух до шести месяцев на общих основаниях. Путевку выдают на основании тех же документов, которые предусмотрены для направления в дома-интернаты для постоянного проживания. В интернате преобладают женщины и клиенты в возрасте 60-80 лет, хотя есть и такие, кто младше 60 и даже - до 45 (табл. 1). Из проживающих 70 % составляют горожане, 30 % - сельские жители. Мы отметили определенный уровень мобильности проживающих, например около 10 % пожилых переведены из других интернатов, ежегодно выбывают в другие интернаты в среднем 20 %, а домой к родственникам возвращаются 18 %.

Интернат представляет собой двухэтажное здание с холлами, относительно хорошо оснащен техникой и мебелью. Административные кабинеты и отделения для престарелых с ограниченными возможностями передвижения находятся на первом этаже. Второй этаж для людей, которые могут самостоятельно передвигаться и обслуживать себя. В силу своих возможностей и способностей сами жители и руководство интерната стараются сделать свои комнаты индивидуальными, не похожими на другие. Женщины, умеющие вязать и вышивать, стремятся к тому, «чтобы как дома было». Традицией является проведение смотра на лучшую комнату. Победители получают призы - сервизы, чайники и пр. На дверях таких комнат висит красная табличка «комната высокой культуры». К особенностям интерьера можно отнести заметные повсюду усилия по предотвращению хищений: в холлах, например, ковры прибиты к стенам, телевизор закрыт решеткой с замком. Директор объясняет ситуацию так: *«Очень испортился за последние годы контингент, много бомжей стало, пьяницы. Раньше были хорошие старички - ветераны, участники войны, приличные, а теперь бомжи, пьяницы»*.

Таблица 1

Структура клиентов по полу и возрасту  
в Среднегорском доме-интернате для престарелых  
(по данным отчетности дома-интерната, 2001 г.)

	До 45 лет	45-60 лет	60-80 лет	80-90 лет	Старше 90
Мужчины	8	20	77	6	1
Женщины	4	10	98	6	30
<i>Итого</i>	12	30	175	12	31

В условиях нестабильного, нерегулярного снабжения продуктами питания и предметами первой необходимости, администрация интерната предпочитает максимально самостоятельно решать ежедневные житейские проблемы. Здесь стремятся делать запасы необходимых хозяйственных и иных товаров, самостоятельно организуют ритуальные обряды, решают внутренние проблемы, не прибегая лишней раз к помощи вышестоящих организаций. Подобная позиция, возможно, объясняется неэффективностью действия органов социального управления; обращения к ним сопряжены с большими бюрократическими процедурами и волокитой. В этой ситуации легче заковать телевизор за решетку, чем добиться дифференцированного распределения престарелых в дома-интернаты в зависимости от их статуса. В Среднегорске в настоящее время первоочередным направлением социальной работы объявляется работа с бездомными гражданами. Проблема носит сложный характер и каждое ведомство по возможности старается отказаться от этого контингента. Департамент занятости не может заниматься постановкой лиц без определенного места жительства на учет из-за отсутствия у них прописки, а порой и вообще каких-либо документов. Органы здравоохранения берут на себя временную заботу о них в ситуации болезни (помещение в диспансер), есть немногочисленные приюты с небольшим количеством мест, а по достижению пенсионного возраста эти люди распределяются в дома-интернаты.

Случай 1. Из практики дома-интерната для престарелых

В дом-интернат поступил мужчина пенсионного возраста, который всю жизнь жил в теплотрассах, зарабатывал милостыней и воровством. Органы социальной защиты направили его в дом-интернат, однако, привыкший вести бродяжнический образ жизни, жить постоянно он там не может. Он постоянно нарушает правила интерната, уходя и приходя сюда по собственному желанию, в любое время. Выгнать его руководство интерната не может, так как это грозит нареканиями начальства, Бродяжнический образ жизни сопряжен с различными заболеваниями (туберкулез, педикулез, чесотка, и пр.) В результате все жители интерната подвергаются риску заражения. Когда бродяга возвращается в интернат, врачи не могут в срочном порядке производить его обследование, так как это требует лабораторного анализа. Другие жители интерната неоднократно были жертвами воровства этого человека. Вынужденное соседство пожилых людей, принадлежащих к разным классам, образовательным группам и ведущих разный стиль жизни создает условия для различных

конфликтов, в некоторых из которых жители интерната апеллируют к социальной справедливости: *«Я всю жизнь работал, семья у меня нормальная была, уважаемый человек, а теперь живу рядом с бомжами, которые никогда и не работали, паразитировали, пьют, носят всякую заразу, дверь нужно от них всегда запирать. А они и живут здесь рядом с нами, кто работал всю жизнь и едят то же самое, мы практически, приравнены к ним»* (клиентка дома-интерната, 67 лет). Конечно, руководство интерната старается как-то разделить места проживания людей в зависимости от их статуса, стараются селить бомжей изолированно от остальных, в конце коридора, в комнатах похуже. Эти попытки сегрегации ограничены формальными требованиями к классификации клиентов, опираются на такие признаки, как способность самообслуживания, возможность самостоятельно передвигаться и обуславливают расселение по соответствующим помещениям.

### Обитатели дома-интерната

Интернат состоит из четырех отделений в соответствии с особенностями клиентов и требуемыми формами обслуживания. Первые два отделения предназначены для людей с сохранным уровнем социальной активности. Первое отделение - женское, а второе отделение можно назвать мужским, но часть комнат занимают семейные пары. В третьем отделении проживают престарелые с полупостельным режимом. Четвертое отделение - для престарелых с нулевым уровнем социальной активности, здесь лежат совершенно беспомощные люди, требующие постоянного медицинского ухода (рис. 1,2)..| Это 120 человек, которые не могут самостоятельно передвигаться и обходиться без шИ сторонней помощи.

Обращает на себя внимание принятое обозначение отделений, что скорее всего и обусловлено определенным характером рассматриваемых учреждений. В литературе<sup>6</sup> по интернатным учреждениям выделены две модели резиденций с различными пер-1 востепенными задачами<sup>7</sup>. Первая - «модель хранения» (складирования), где основной задачей является присмотр, уход и продление человеческой жизни, а вторая - «развивающая модель», где задачами является присмотр и развитие способностей,<sup>1</sup> нераскрытых ресурсов. Учреждения второго типа постепенно начинают формироваться в России и пока носят единичный характер. В сложившейся системе домов-интернатов для престарелых доминирующим всегда являлся медико-патронажный подход, связанный с уходом, лечением, присмотром за престарелыми. Таким образом, большинство стационарных учреждений для престарелых соотносится с первой моделью - «хранения». С позиции «модели хранения» и медикалистского характера подобных сервисов можно трактовать принятые обозначения отделений интерната. Подобное сегментирование секторов дома-интерната делает более удобным именно такое размещение людей, где вновь поступающие после медицинского осмотра классифицируются в зависимости от возможности самостоятельно передвигаться и обходиться без посторонней помощи и помещаются в то или иное отделение. Принятая стратификация облегчает труд медиков и санитарок, но ограничивает возможности взаимопомощи, делает тех, то находится в

отделениях для малоподвижных, более одинокими.

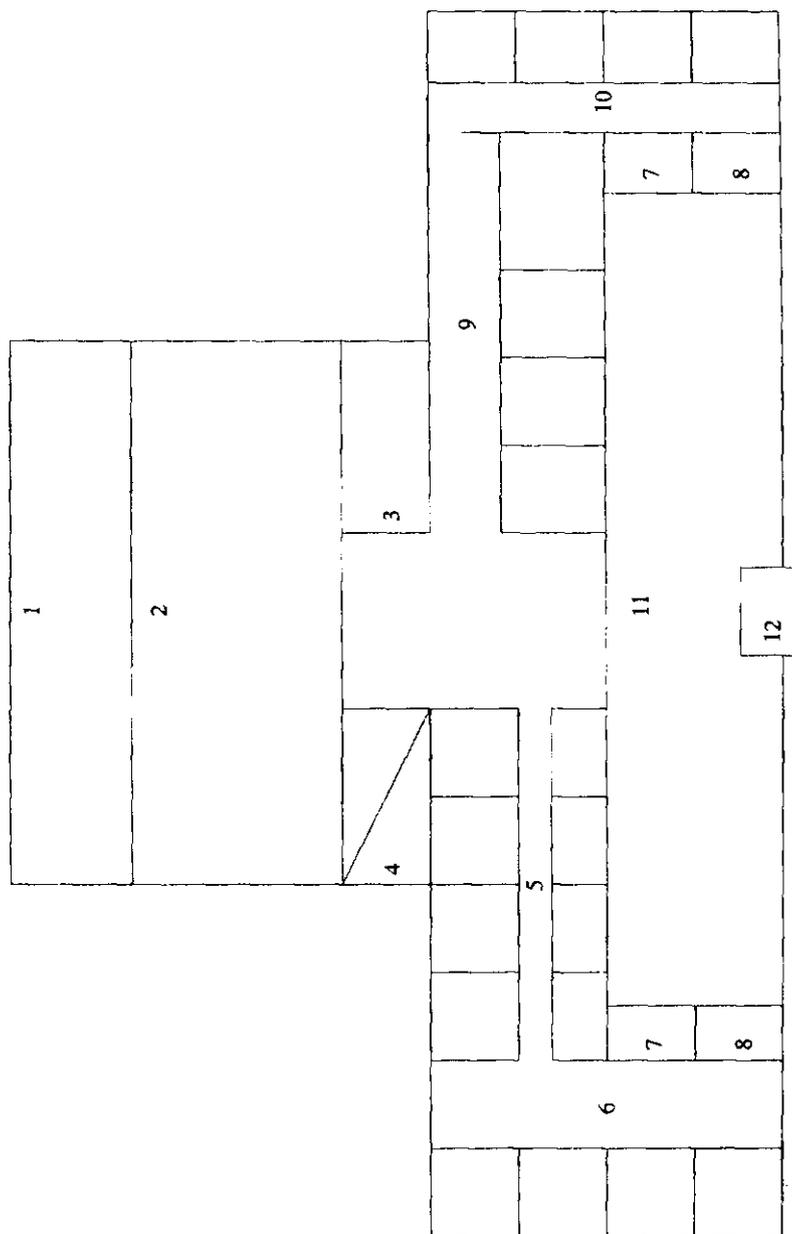
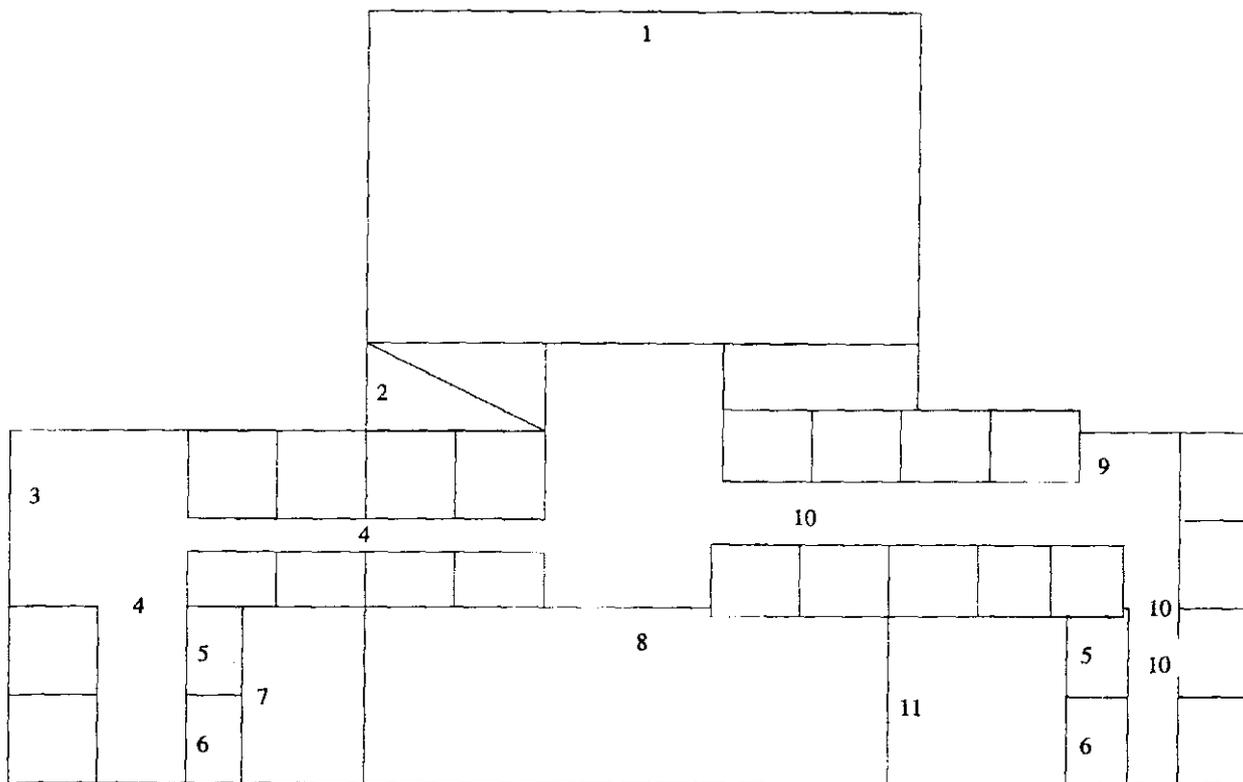


Рис. 1. Дом-интернат для престарелых и инвалидов:

1 - кухня; 2 - столовая; 3, 13 - холл; 4 - лестничная клетка; 5 - административные кабинеты (директора, отдела кадров, бухгалтерии); 6 - комнаты для престарелых и инвалидов с полупостельным режимом, женские комнаты; 7 - ванная; 8 - туалет; 9 - медицинские кабинеты; 10 - комнаты для престарелых с "чулковым уровнем активности"; 11 - холл; 12 - центральный вход



*Рис. 2. Дом-интернат для престарелых и инвалидов:  
 1 - актовый зал; 2 - лестничная клетка; 3, 8, 9 - холл; 4 - женское отделение для престарелых с "сохраненным уровнем активности"; 5 - ванная; 6 - туалет; 7 - библиотека; 10 - мужское отделение для престарелых с "сохраненным уровнем активности"; 11 - православная часовня*

Одно из отделений исследуемого нами дома-интерната предназначено для людей с нулевым уровнем социальной активности: работники дома называют это место хосписом. Сейчас в нем находится 120 человек, которым ежедневно помогают монахини и послушницы из женского монастыря. Все комнаты освящены церковными служителями, над кроватями висят таблички с именем и фамилией человека. Монахини находятся здесь ежедневно. Создается впечатление, что это единственные люди, которые могут помочь и облегчить существование находящихся в этом отделении людей. Врачи в силу диагноза пациентов или отсутствия необходимых медикаментов не могут влиять на ситуацию. Служащие дома-интерната предпочитают лишний раз не заходить в это отделение в силу его специфических условий. Находящиеся там люди в результате сложившейся ситуации испытывают не только дефицит общения, но находятся практически в бесправной ситуации, не имеют возможности обратить внимание на ситуации нарушения их прав, жестокое обращение санитарок, конфликты между самими престарелыми, доходящие до драк. Все контакты персонала с этой категорией престарелых сведены к элементарному гигиеническому уходу. Следующий пример хорошо иллюстрирует это.

| **Случай 2. Из практики дома-интерната для престарелых**

В дом-интернат поступила женщина 78 лет, которая может с трудом самостоятельно передвигаться, но не в силах осуществлять самостоятельно гигиенические процедуры. Женщину привезли родственники, которые регулярно навещают старушку, что само по себе отличается от распространенных практик, когда таких стариков привозят в интернат и забывают о них. Женщину сразу определили в отделение для людей с нулевым уровнем социальной активности. Через неделю после ее поступления работники интерната подстригли ей волосы практически наголо, мотивировав это тем, что так легче осуществлять уход за ней. При очередном посещении родственники были возмущены этим, возник конфликт, на что персонал интерната отреагировал тем, что если они имеют претензии пусть забирают старушку и сами за ней ухаживают. Сама женщина плакала, была очень расстроена, жаловалась на то, что ее бьет соседка по палате.

Ситуация в отделении для пожилых с «нулевым уровнем социальной активности» наиболее тяжелая, но в настоящее время многое меняется в силу легализации религиозных миссий. Монахини монастыря - единственный регулятор человеческих отношений в этом отделении. Они не только

ухаживают за престарелыми, но и успокаивают их, молятся вместе с ними, наставляют. Невольно возникает вопрос: «Что же происходило в подобных отделениях во времена атеизма?» Подобный хоспис без монахинь и церковных служащих просто немислим, их присутствие придает ощущение человеческого существования в подобном месте.

Кризис современного российского общества порождает ряд дополнительных проблем учреждений подобного типа. Появились новые категории клиентов, которыми стали, например, «жертвы обстоятельств» - люди, которые потеряли квартиры в результате действий квартирных аферистов, мигранты из стран бывшего союза, беженцы из горячих точек. Другая новая категория, о которой мы уже упоминали, — лица без определенного места жительства (бомжи). В отличие от первой категории - это чаще всего пьяницы, люди, которые привыкли вести бродяжнический образ жизни, среди них есть профессиональные нищие. И, наконец, «добровольцы» - престарелые люди, поступившие в дом-интернат в результате сознательного выбора, сравнения собственных условий проживания с интернатными, Это явление связано с особенностями российской жилищной политики, приведшей к тому, что три-четыре поколения родственников вынуждены проживать совместно в одной квартире. Подобная обстановка, часто сопряженная с конфликтами, толкает престарелого человека уйти от этих проблем, найти более спокойное место. Некоторые жильцы приходят добровольно в интернат в надежде найти себе пару, избавиться от одиночества.

Взаимоотношения персонала и клиентов

Особого анализа заслуживает характер отношений между персоналом и жителями дома-интерната. Так, например, у врачей действует процедура формального приема (специалист - пациент, клиент). В остальных случаях контакты между престарелыми и специалистами дома-интерната носят характер беседы, разговора, отношение к старикам со стороны руководства патерналистское, как к детям. Престарелые люди, проживающие здесь, часто не воспринимаются как полноценные взрослые люди, больше как беззащитные дети. Трудно однозначно охарактеризовать этот тип отношений, однако характерные его особенности выражаются в том, что порой врачи, санитарки, администрация без стука заходят в комнаты, происходит бесцеремонное вторжение в личное пространство человека. Однако стариками это воспринимается как должное, не вызывает негативного отношения. Сотрудники интерната входят в его помещения подобно тому, как хозяева осматривают свои владения, а не как в жилища других полноправных людей. Такой характер отношений может являться результатом отсутствия в обществе в целом культуры соблюдения прав человека, приватности. Идеология советского общества способствовала искоренению проявлений индивидуальности, пропагандируя коллективизм, тесное соседство, коммунальный стиль жизни.

Другой пример функционирования учреждения как «казенного дома» заключается в принятых названиях и обозначениях отдельных помещений и служб дома-интерната. Столовую чаще всего называют «блоком питания», места проживания престарелых обозначаются как «отделения», «отсеки». В комнатах проживает в лучшем случае по два, а обычно - три-четыре человека.

Противоположным стилем организации отношений в домах-интернатах являются практики развитых стран. Учреждения подобного типа в Великобритании рассчитаны на меньшее количество престарелых (40-50 человек), дизайн пространства базируется на цветовом разделении зон (розовые, синие, зеленые, желтые коридоры с комнатами). В комнатах проживает по одному человеку, есть комнаты для семейных пар. Столовые на 8-10 человек на первом и втором этажах. Обслуживающий персонал имеет отдельные дневники, где учитываются индивидуальные потребности и пожелания клиентов к пище и предлагаемым блюдам. Эта информация конфиденциальна, вход в комнаты без получения предварительного согласия хозяина не практикуется.

Система домов-интернатов в России для ряда категорий граждан оказывается единственной возможностью приемлемого существования, а отсутствие сети иных помогающих структур делает безальтернативным их выбор. Многие эксперты полагают, что в России нельзя в настоящее время отказаться от интернатных учреждений, а нестабильность общества, несовершенство законодательства и сложившиеся практики нарушений прав человека работают на этот аргумент. В существующих условиях дома-интернаты требуют значительных инноваций; необходимо уходить от изживших, заложенных еще советской традицией, форм отношения к старости и престарелым. Ведь именно тогда дома престарелых строили подальше от центра города, в районах, плохо доступных для транспорта, словно их стремились упрятать подальше, с глаз долой. В советский период сложились стереотипы отношения к людям с точки зрения их трудовой полезности. Эти негативные традиции усилились в условиях переходного периода и дефицита ресурсов. В результате

того, что общество и власти уделяют недостаточно внимания пожилым, в отношении к жителям домов-интернатов произошла дальнейшая стагнация форм заботы о престарелых. Организация, в которой проводилось исследование, работает по штатному расписанию 1962 года, это отражается в названии должностных позиций: трудовой инструктор, культработник. Заявленные медико-социальные функции подобных домов-интернатов на практике сводятся к врачебным осмотрам и патронажу санитарками. Соответственно основную часть кадров интерната составляют врачи, медсестры, сестры-хозяйки, санитарки.

Среди сотрудников дома-интерната нет специалистов по социальной работе, психологов, юристов, достаточного количества работников культуры и искусства, специалистов по оккупационной терапии, реабилитации. В данный момент 36 человек из числа проживающих вовлечены в трудовую деятельность (это старосты отделений, хозяйственные работники, электрики, повара, те, кто участвуют в похоронных обрядах, санитарки, грузчики, банщицы). Кроме основных групп работников в доме-интернате работают библиотекарь и культработник, который приходит несколько раз в неделю для занятий с вокально-инструментальным ансамблем. Есть и волонтеры, которые помогают интернату: послушницы православного монастыря, представители других религиозных конфессий (мусульмане, иудаисты).

Очевидно, что в современных условиях медикалистский подход к решению проблем пожилого человека абсолютно не выдерживает критики. Во-первых, старый человек не обязательно больной человек, вместе с тем было бы понятнее, если штат интерната состоял из врачей разного профиля (окулисты, хирурги, гинекологи). На практике в интернате работают один терапевт и один врач-геронтолог. Во-вторых, социальная забота о престарелых не ограничивается медицинскими услугами, и по прошествии десяти лет с момента институционализации социальной работы в России не происходит никаких изменений в интернатах. Необходимость реформирования системы домов-интернатов очевидна, молодые специалисты не идут туда работать, в силу низкой оплаты и плохих условий труда, устаревшей структуры, отсутствия подтверждения значимости своей работы со стороны общества и государства. В дом-интернат, который мы исследовали, врачи и старшая медицинская сестра пришли работать около 30 лет назад по распределению из вуза. По их словам, им этого очень не хотелось, даже плакали, а потом привыкли и уходить стало жалко: «А потом, ведь, менять места работы - тоже плохо». Главный врач, проработав некоторое время, поехала на курсы повышения квалификации по гериатрии в Киев и, получив специализацию по профилю, уже не задумывалась об уходе. А вот среди санитаров текучесть кадров огромная. Причина кроется в скудной заработной плате (200-300 рублей в месяц). Молодые медсестры после училища также не работают здесь долго, основная причина ухода - низкая заработная плата и тяжелые условия работы (в интернате нет элементарных ванных комнат со специальными подъемниками, тяжело больных пациентов, для того чтобы искупать, приходится транспортировать в простыне до ванной). Не было ни одного случая, когда бы медицинская сестра, закончив вуз, вернулась сюда работать врачом. Поскольку в интернате преобладают медики и хозяйственники, здесь доминирует соответствующая организационная субкультура и сложилось соответствующее распределение статусов. Особого рассмотрения заслуживает младший медицинский персонал санитарки. Среди них есть достаточно молодые, но больше женщин зрелого возраста. Вот как описывает их субкультуру житель дома-интерната: *«Ночные санитарки пьют, они нас не тревожат, мы их почти и не видим, напьются, одна на лавочке спит, другая под лавочкой, правда, молодцы - не буянят»*. Директор так реагирует на эти факты: *«Иногда, когда дисциплину нарушают, приходится мне самой с ними разговаривать, А так, главврач отвечает за младший медперсонал; пьют санитарки конечно, но вы видели наше тяжелое отделение, там тяжело конечно работать... я вот знаю и вижу, что многие наши санитарки живут намного хуже, чем наши подопечные, особенно те [санитарки], у кого дети есть. Даже разрешаю им кормиться здесь: приходит ребенок после школы, поест в нашей столовой, одеваются они бедно, а им за квартиру за все услуги платить. Старики-то наши живут в этом плане как у Христа за пазухой и пенсия у них (даже что-то остается за вычетом 75 %) у многих больше, чем у санитарок и медицинских сестер»* (директор интерната, жен., 48 лет). Трудно представить себе человека, который сможет жить на 200 рублей в месяц (весна - лето 2001 года), и все цивилизованные идеи социальной работы так и рискуют оставаться только лишь идеями, пока те, кто должен внедрять эти новшества, поставлены в униженное положение выживать, где-то подворовывая или надеясь на снисходительность других. Причины пьянства со снисходительностью

описываются администрацией: *«Условия работы и жизни невыносимые, видимо в бутылке находят утешение. Чтобы как-то забыться».*

Заслуживает внимания практика привлечения к работе санитарями и на низко оплачиваемые ставки людей с умственной отсталостью. В интернате работает несколько мужчин и женщин с диагнозом олигофрения. Эти сотрудники пришли сюда работать из интерната для инвалидов. Как говорит руководство, они сами порой делают запрос в дома-интернаты для инвалидов и заказывают работников: *«Санитарок не хватает, сами понимаете, нормальный человек не пойдет на такую зарплату, и вообще не каждый может такую грязную работу делать, а умственно больные они на это мало внимания обращают, им все равно»* (директор интерната, жен., 48 лет). Старичок - житель дома-интерната - однажды в разговоре, выразив недовольство работой слесаря-олигофрена, получил следующий ответ врача: *«Ну вы же понимаете, у них зарплата 300 рублей, пойдет нормальный мужик за эти деньги работать? Вот вы бы пошли? Нет! Хорошо, что хоть такой слесарь у нас есть».* Эта практика заслуживает особого рассмотрения: с одной стороны, здесь есть положительные моменты - людям с умственной отсталостью дают работу, они интегрированы, работают, у них есть подопечные, но с другой стороны, такой подход не является выходом из положения, нельзя оставлять мизерную зарплату и надеяться на дешевый труд инвалидов, а в некоторых случаях даже противопоказано доверять людям с умственной отсталостью уход за стариками (возможны случаи жестокого обращения). К тому же возникает вопрос, не является ли такая практика созданием некоей модели, когда «убогие» помогают «убогим», пусть управляются сами, некое минигосударство «никому не нужных», «ущербных людей», действующее по принципу - помоги себе сам.

Кризис сложившейся структуры интернатных отношений проявляется в бесправии престарелых. Пожилые люди в силу своего статуса и отсутствия специалистов, при помощи которых они могли бы решать свои проблемы, безропотно принимают условия, в которых они оказались: *«Мы ни на что не жалеемся, хорошо хоть это есть».* Впрочем, некоторые жители интерната пишут жалобы на имя губернатора или президента. Сложившаяся бюрократическая система такова, что письма с жалобами на имя городских чиновников возвращают сюда же с просьбой разобраться. Такие обращения приводят к напряженности в отношениях с администрацией учреждения и в результате страдает «окалобщик», которого чаще всего переводят в другой дом-интернат, а остальные делают соответствующие выводы.

Бюрократический подход к решению возникающих проблем, не учитывающий особенностей формальных организаций и их субкультуру, усугубляет и без того бесправное положение стариков. Необходимо отметить, что администрация с горечью воспринимает проверки и критику - проверяющих инстанций много, но в повседневности решать социально-бытовые проблемы приходится самостоятельно. Причины недовольства некоторых жителей интерната и их жалобы коренятся в структурных недостатках системы учреждений такого типа, которая не отвечает требованиям времени, и отсутствию специалистов, способных решать многие противоречия и трудности. Роль адвоката, социального работника, психолога и хозяйственника для жителей интерната выполняет директор. Это один из немногих людей, к которому обращаются престарелые со своими повседневными нуждами; врачи, в силу своего статуса, ориентированы заниматься проблемами здоровья. Иногда престарелые сознательно акцентируют свои жалобы на здоровье, чтобы быть выслушанными, вызвать к себе внимание. Со своими социально-психологическими проблемами старики вынуждены справляться самостоятельно или находить способы хотя бы донести их до кого-то.

Случай 2. Из практики дома-интерната для престарелых

К директору пришла жительница дома-интерната, женщина 84 лет. У нее умер сын, па которого она завещала квартиру. Пока он был жив, он ее навещал, а сейчас квартира осталась внуку, а тот к бабушке не ходит. Старушка, испытывая отчаяние и одиночество, решила его наказать, захотела переоформить квартиру, отдать ее интернату, припшла с этой идеей к директору. Директор стала объяснять ей, что юридически это уже невозможно сделать, и попыталась, как могла, утешить старушку, успокаивая, говорила: *«Ну, внук молодой, у него свои заботы, что уж так претендовать на его внимание».*

Отношения между клиентами

В результате того, что клиенты интерната живут достаточно скученно и вынуждены постоянно тесно взаимодействовать с соседями, среди них возникают проблемы межличностных отношений, психологической совместимости, которые также требуют участия специалистов по социальной

работе, психологов. Вопрос расселения новичков здесь решается в течение одного месяца пребывания. После того, как клиент поступает в дом-интернат, в течение двух недель проходит так называемый адаптационный период. К человеку прикрепляют помощника из числа «старожилов» и буквально водят за руку, знакомя с помещениями и правилами. Через шесть месяцев пребывания пожилого человека в доме-интернате окончательно решается вопрос о прописке.

В зависимости от конкретных условий, тех, кого принимают на временное проживание, размещают как в общих, так и в специально созданных для этих целей комнатах. В тех случаях, когда в интернат принимают супругов, им предоставляют отдельную комнату. Если пожилые люди встречаются в интернате, создают семью и живут либо в гражданском браке, либо закрепляют свои отношения, а таких случаев немало, тогда им дают отдельную комнату. В последнее время нередко возникают ситуации, когда родственники забирают домой пожилого человека, но потом возвращают. Чаще всего родственники появляются перед пенсией, забирают пожилого человека, получают пенсию и через несколько дней опять привозят обратно, порой просто оставляют возле двери. По инструкции директор не имеет права сразу принять его, так как необходимо сдать анализы, пройти медицинский осмотр. Однако в ситуации, когда человек остался без крова, особенно если дело происходит вечером, приходится, отступая от инструкции, принимать решение о поселении.

Организационная культура домов-интернатов подобного типа, сформированная в советский период, оказалась пронизана идеями коллективизма и равенства, которые трактовались буквально, а не как равенство возможностей. В настоящее время, когда артикулируется адресная помощь, учет индивидуальных особенностей и потребностей человека, назрела необходимость изменения внутренней структуры подобных домов-интернатов. Профессионализация этого сервиса могла бы развиваться с привлечением специалистов по социальной работе, повышением статуса социальной работы в целом, созданием цивилизованной материально-технической базы в интернатах, введением в штаты необходимых специалистов, обеспечением привлекательности работы в домах-интернатах для квалифицированных специалистов, развитием форм самопомощи пожилых и престарелых.

Сложившиеся в советскую эпоху практики шефства предприятий над домами-интернатами сегодня не эффективны, а новые поддерживающие структуры не созданы. Раньше данный дом-интернат находился под патронажем крупного химического предприятия Среднегорска, сейчас формально - тоже, но помощь не оказывается, поскольку предприятие находится в промышленном и финансовом кризисе. Работники интерната вспоминают, что пионерские организации, школы раньше чаще взаимодействовали с ними, проводили различные акции. Сейчас контакты со школами происходят реже, лишь иногда приходят дети, приносят подарки, устраивают концерты: *«Мы стараемся, чтобы ребенок сам отдал подарок бабушке, что бы из рук детей, особенно стараемся, чтобы лежащим в первую очередь, они и так мало хорошего видят»* (медицинская сестра, 47 лет). Некоторые работники в беседах говорили, что люди, живущие вокруг, будто бы вообще не знают о существовании дома для престарелых рядом: *«на моей памяти только один раз пришли две женщины и спросили, чем вам помочь, может окна помыть, помогли, помыли, ушли, а больше никто не приходил»* (врач, жен., 50 лет, 30-летний стаж работы в интернате). Иногда люди предлагают книги и вещи.



В настоящее время в России развиваются альтернативные интернатным учреждениям виды заботы о престарелых, в том числе центры социального обслуживания, фос-терные семьи для пожилых людей. В ряде городов России организованы платные пансионаты для престарелых граждан, в которых стационарную специализированную медицинскую помощь оказывают лечебные учреждения органов здравоохранения. Расходы по содержанию престарелых граждан в пансионате покрывают за счет вносимой в установленном размере ежемесячной платы. Обычно финансирование осуществляют родственники или лица, обязанные содержать их по закону. В соответствии с указом Президента России от 13 июля 1996 года № 888 была принята Федеральная целевая программа «Старшее поколение», реализовать которую намечалось в 1997-1999 годах. Программа была



### 53. СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА В ШКОЛАХ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Если за рубежом в большинстве стран существует специализация «социальная работа в школе», то в российских условиях социальная работа в образовательном учреждении называется социальной педагогикой. Впервые термин «социальная педагогика» применил в Германии А. Дистервег в работе «Руководство для немецких учителей» (1850), но это понятие им не было раскрыто подробно. Ситуация изменилась в 1920-е годы, когда в результате широкой дискуссии социальную педагогику стали рассматривать как практику и теорию «третьего воспитательного пространства» (помимо школы и семьи). С тех пор в Германии происходили радикальные социальные и политические трансформации, но сама идея дожила до наших дней, причем получила распространение и в Скандинавских странах, а в конце XX века была заимствована Россией наряду с идеей социальной работы. Впрочем, в Советской России еще в 1920-е годы с целью борьбы с детской беспризорностью создавались так называемые «соцвоссы» - отделы социального воспитания, развивалась педология - научный подход к изучению среды как фактора воспитания ребенка. К сожалению, система социального воспитания и педология фактически прекратили свое существование после постановления 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» \ Некоторые аспекты дальнейшей истории советской политики в области охраны детства обсуждались выше, а целью данной главы является анализ профессиональной деятельности социального педагога в системе современного образования.



Отметим, что и в Германии, и в Скандинавии социальная педагогика сегодня сосуществует с социальной работой, причем социальная работа постепенно вытесняет свою идеологическую предшественницу. При этом приоритеты теорий и методов социальной работы с детьми сдвигаются от акцента на отклоняющемся поведении индивидов в направлении групповой и семейной терапии, работы с сообществом, социальных проектов, но с учетом психологических нюансов переживания кризисной ситуации ребенком и его семьей.

Исследовательский материал, на котором базируются наши рассуждения, представляет собой информацию о социальной работе в провинциальной школе, в том числе, интервью с социальными педагогами, проведенные весной 2001 года. Нами были собраны глубинные интервью с социальными педагогами школ города, в том числе вспомогательных школ, интернатов для детей с задержкой умственного развития и инвалидов, и осуществлено наблюдение за повседневной деятельностью специалистов. Кроме того, привлекался анализ документов, включая материалы ведомственной статистики и личного дневника социального педагога. Эта глава содержит элементы этнографии профессий<sup>2</sup>, то есть интеракционистского исследования (на микроуровне), детального анализа повседневного, «обычного» поведения, привычных практик, которые могут способствовать более глубокому пониманию того, как воспроизводится социальная структура<sup>3</sup>. В качестве теоретической перспективы мы попытались (вслед за И. Гофманом<sup>4</sup>) применить драматургический подход к исследованию социальной организации профессии как дополнение к анализу эффективности или оценке стандартов качества работы, исследованиям социального контроля и социального неравенства, а также рассмотрению организационной и профессиональной субкультуры.

### **Организация новой профессии**

Социальная педагогика как новая профессия была официально введена в России в 1991 году. Именно в это время в системе профессионального образования была утверждена новая специальность, разработана квалификационная характеристика социального педагога, а также внесены соответствующие дополнения в квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих. Тем самым юридически и практически были заложены основы новой профессии<sup>5</sup>. Тогда же была учреждена Ассоциация социальных педагогов и социальных работников.

В апреле 1993 года научно-методическим советом при Министерстве образования РФ были разработаны рекомендации по решению проблем социально-психологической реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Рекомендации совета были опубликованы в печати<sup>6</sup>. В города России направлялись рекомендательные письма, в свою очередь администрация области рекомендовала районным отделам образования ввести в штатное расписание общеобразовательных учреждений должность социального педагога<sup>7</sup>. Рекомендательные письма были ориентированы в это время в основном на социально-психологическую реабилитацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Необходимо сразу отметить, что должность социального педагога была введена не только в системе образования, но и в учреждениях Министерства труда и социального развития РФ, а также в пенитенциарной системе, однако нас в данном случае будет интересовать в основном социальная работа в школе, поэтому мы ограничимся анализом деятельности социального педагога в образовательных учреждениях.

В некоторых районных отделах образования и целом ряде школ Среднегорска к концу 1993 – началу 1994 года была введена должность социального педагога. Определяющее влияние на динамику этого процесса в городе оказали три фактора. Во-первых, это рекомендательный характер письма Министерства образования РФ, в связи с чем некоторые руководители районных отделов образования восприняли этот документ не как указание, а в качестве совета, который можно проигнорировать, чтобы не создавать себе сложностей. Там же, где этим рекомендациям последовали, результаты были различны. Здесь проявился второй фактор: степень инициативности, заинтересованности руководителей районных отделов образования. Третий фактор – уровень компетентности руководителей районных отделов образования, администрации школ в вопросах помощи детям и семье в трудной жизненной ситуации. Указанные факторы повлияли на введение должности социального педагога в образовательных учреждениях по районам в следующем соотношении (табл. 1).

Таблица 1

**Количество ставок социальных педагогов  
в образовательных учреждениях Среднегорска (1 июня 2001 года)**

Район города	Школы		Дошкольные учреждения	
	Количество учреждений	Количество социальных педагогов	Количество учреждений	Количество социальных педагогов
Подгорный	20	12	18	1
Заводской	26	15	32	2
Промышленный	47	35	70	57
Индустриальный	15	12	13	–
Центральный	8	7	12	–
Речной	20	16	20	1
Подведомственные учреждения <sup>8</sup>	11	8	4	–
<i>Всего</i>	147	105	169	61

Во многих школах, где ставки социальных педагогов отсутствуют, их функции, по мере возможности, выполняют заместители директоров школ по воспитательной работе. В детских садах двух районов Среднегорска ставок социальных педагогов на 1 июня 2001 года вообще не было. В городском комитете по образованию нам сказали, что в настоящее время детские сады редко посещают дети из так называемых неблагополучных семей. Это связано с тем, что родители должны частично компенсировать расходы на содержание детей в детских садах, поэтому семьи с низким доходом, «неблагополучные» семьи редко могут пользоваться этой услугой. Таким образом, в Среднегорске далеко не все образовательные учреждения имеют социального педагога и его отсутствие администрация учреждений объясняет отсутствием потребности в такой деятельности. Наибольшее число ставок социальных педагогов, как видно из таблицы, было введено в Промышленном районе города. Этому способствовало наличие одновременно трех вышеуказанных факторов, а в большей степени - инициатива и заинтересованность руководителя районного отдела образования того периода. В тех образовательных учреждениях, где должности социальных педагогов были введены в 1994 году, они существуют и в настоящее время. Увеличить количество действующих работников-руководителям городского комитета по образованию не представляется возможным. Отметим, что на 1 января 2002 года произошло сокращение числа ставок социальных педагогов. В городском комитете по образованию эту тенденцию объясняют «демографическим спадом среди учащихся». Вместе с тем летом 2001 года во многих школах и детских садах появились инспекторы по охране прав ребенка - это педагоги, выполняющие дополнительные функции на общественных началах.

В Среднегорске социальными педагогами работают только женщины, за исключением одного случая (заместитель директора по воспитательной работе). На начальной стадии организации работы социальных педагогов были предприняты попытки решения кадрового вопроса. Образовательные учреждения выносили свои предложения, кандидаты на должность в обязательном порядке проходили утверждение в районных отделах образования. Этот процесс не был излишне формализован: претенденту на должность социального педагога обрисовывалась ситуация, в которой придется работать, разъяснялись возможные психологические и социальные издержки. После собеседования соискатель на должность мог обдумать и принять решение. Кто же решил попробовать себя в этой профессии? Кадровый состав сформировался на 90 % из числа учителей, методистов и воспитателей дошкольных учреждений. Около 10 % составляли служащие и инженеры оборонных предприятий, оказавшиеся без работы после кризиса производства и сокращений персонала в промышленности.

В связи с тем, что социальные педагоги не имели в это время ни профессиональной подготовки, ни опыта работы в 1994/95 учебном году Институт повышения квалификации работников образования области и общественное объединение «Зеленый фонд» открыли курсы переподготовки, ориентированные на их переобучение. Этот проект получил поддержку фонда «Евразия» и к участию в нем активно привлекались преподаватели социальной работы. Параллельно с такими курсами в районах организуются семинары на базе школ и дошкольных учреждений. Там, где администрация была наиболее активна (например, в Промышленном районе работали 35 социальных педагогов в образовательных учреждениях и более 70 - в дошкольных учреждениях), занятия проводились отдельно для каждой из этих категорий специалистов.

С 1999 года создано городское методическое объединение социальных педагогов. Свои текущие проблемы новые специалисты раз в два месяца обсуждают на семинарах, которые первоначально проводились на районном уровне, а позже - на городском. Сегодня социальные педагоги дошкольных учреждений Среднегорска распределены на четыре «кустовых методических объединения», а наиболее опытные из этих работников стали руководителями созданных объединений. В школах одного только Промышленного района были созданы восемнадцать кабинетов доверия и девять телефонов доверия. За последние пять лет в районе прошли аттестацию 70 % социальных педагогов, из них 10 % получили высшую, а остальные - вторую квалификационную категорию. На базе районных отделов образования функционируют психолого-методические центры, специалистами которых был разработан перечень функциональных прав и должностных обязанностей социального педагога. За основу взяты рекомендации из «Вестника образования»<sup>9</sup>. Определены следующие направления работы: профилактическая, просветительская, функции социальной помощи, диагностическая, прогностическая, организационная<sup>10</sup>. Отметим, что согласно словарю-справочнику по социальной работе, объект социальной педагогики - это социальные системы государственной, муниципальной, общественной и частной (благотворительной) деятельности и воспитательно-образовательного взаимодействия с человеком, а ее предмет - воспитание человека в социуме. Повседневное исполнение социальной педагогики Любое социальное взаимодействие включает элементы драмы, так как люди, общаясь друг с другом, выполняют роли, которые могут подходить в одной ситуации и быть неуместными в другой. Чем убедительнее сыграна роль, тем успешнее будет коммуникация. Практически всегда, хотим мы этого или нет, добросовестное выполнение нами профессиональных обязанностей носит те же черты. И. Гофман в своей классической работе о повседневной коммуникации прибегает к метафоре театрализации, говоря о том, что наша деятельность имеет смысл для других людей только в том случае, если она выразительна: «в присутствии других индивидов, как правило, сопровождается своими действиями знаками, которые живо изображают и высвечивают подкрепляющие его образ факты», которые иначе остались бы незамеченными<sup>12</sup>. Таким образом, социальные статусы индивида находят обязательное выражение в театральном воплощении, причем некоторые роли словно созданы для сценической игры, а некоторые, так сказать, «невидимы», поэтому их исполнителям приходится создавать особые практики или привносить в свою деятельность специальные атрибуты, зримо подчеркивающие значимость самого актера. Все проявления активности индивида за время его непрерывного присутствия перед каким-то конкретным множеством зрителей, у Гофмана называются «исполнением». Наблюдая исполнительские элементы таких профессий, как социальная работа или социальная педагогика, мы можем дать этнографическое описание основным особенностям воплощения на практике таких новых идеологических схем, которые направлены на развитие в России социального государства.

Социальные педагоги образовательных учреждений, задача которых - социально-психологическая поддержка и воспитание учащихся, воплощают в своей деятельности особенности своего социального статуса, причем на переднем плане сцены ими постоянно применяется «стандартный набор выразительных приемов и инструментов, намеренно или невольно выработанных индивидом в ходе исполнения»<sup>13</sup>. Среди этих стандартных составляющих - обстановка, включая мебель, декорацию, физическое расположение участников и другие элементы сценического и постановочного реквизита, необходимого в качестве фона для протекания обычной человеческой деятельности<sup>14</sup> и активно участвующего в процессе коммуникации.

Рабочее место относится к одному из атрибутов, необходимых для исполнения роли работающего, роли профессионала. Более того, «это обусловленная социальными причинами позиция индивида в системе распределения труда» в организации, которая опосредует «включенность работника в трудовой процесс»<sup>15</sup>. На наш взгляд, рабочее место еще и символически воплощает в себе характер властных отношений в иерархии должностей, профессий и приписанных статусов, кодируя особенности формальных и неформальных взаимодействий в организации. Комната, где работает социальный педагог школы, чаще всего не является его собственным офисом. И все же в одном случае нам удалось найти социального педагога, имеющего собственный кабинет. В кабинете много цветов, репродукция на стене, есть даже копировальный аппарат, однако нет телефона, который явно необходим: *«Я имею отдельный кабинет, что само по себе очень неплохо, В нашем городе или, но крайней мере, в районе, очень редко встречается, когда социальный педагог имеет отдельное помещение. Вот недавно спонсоры подарили ксерокс. В первую очередь, мне не хватает телефона в*

моем кабинете. Телефон есть в кабинете завуча, но это крайне неудобно. Бывают такие дни, когда нужно сделать миллион звонков. Приходится звонить из дома или запираюсь в кабинете зац на и мешаю ее работе» (социальный педагог, жен., 55 лет). †

В среднегорских школах считается обычным делом, когда социальный педагог 383 нимаает место в приемной директора или завуча. Это создает дополнительную эмоц) нальную дистанцию: достаточно далеко от учащихся, чтобы те могли прийти и пода литься своими проблемами, а отсутствие приватности создает трудности в ситуаций консультирования. Типичное рабочее место включает стол, книжный шкаф или поли! с документацией. Своей отдельной печатной машинки, не говоря уже о компьютер! социальные педагоги не имеют. Как правило, нет и другой необходимой оргтехники Их «уголок» оформлен, как приемная директора, но не как пространство профессио\* нальной деятельности социального педагога: *«Иногда хочется родителям показать, если бы у меня было бы места побольше, я могла бы около рабочего места в кабинете и стенд создать. И те права и обязанности родителей, которые возникают из закат об образовании, из семейного кодекса, из административного... и могла бы я это всё применять и прочее, в своем кабинете иногда очень хотелось»* (социальный педагог жен., 42 года). Дверь в кабинет директора чаще всего открыта. На этой площади (при\* мерно 7 м<sup>2</sup>) в одном из наблюдаемых случаев находится еще рабочее место психолога. Их столы стоят встык, клиенту приходится сидеть сбоку, что, скорее всего, вызывает ощущение дискомфорта и скованности. Оправдать сложившуюся ситуацию социальный педагог пытается по известной формуле - «человек ко всему привыкает»: *«А бабушка ко мне приходит - бывает, урок закончился... другие люди заходят к директору - она же все видит, [но] она не реагирует. Сначала — дискомфортно, а потом - она уже видит, а я честно признаю, что это - рабочее место. Потом уже начинается, человек же может фиксировать внимание только на одном, поэтому потом уже ничего такого не замечает. Это свойство психологии. Когда человек начинает говорить о "болезни", он уже не отвлекается»* (социальный педагог, жен., 42 года).

В большинстве проанализированных случаев отсутствие личного кабинета, где можно хранить конфиденциальную информацию, папки с документацией, проводить встречи с родителями или детьми по вопросам, которые не требуют широкой огласки, -такой дефицит полноценного рабочего места вызывает фрустрацию социальных педагогов: *«Нет, рабочее место у меня совершенно непригодное. Дело в том, что это должна быть индивидуальная беседа, а я сижу в приемной директора, где народ все время ходит ~ за справками, по телефону позвонить, к директору пройти и все спрашивают: "Можно? Нельзя?". Поэтому [мое рабочее место] - нечто совершенно непригодное»* (социальный педагог, жен., 42 года); *«в первую очередь мне не хватает рабочего места, настоящего моего рабочего места»* (социальный педагог, жен., 42 года).

Социальные педагоги, с которыми проходило интервью, имеют высшее образование. Под долгу службы им приходится вести сложные дела, связанные с подготовкой и составлением различной документации по жилищным вопросам, для органов юстиции и учреждений соцобеспечения, для судебных процессов, оформления опеки и попечительства. Необходимость оформления большого числа официальных документов вынуждает одну из наших собеседниц, Нину Ивановну, обращаться к секретарю директора с просьбой напечатать документ. Осознавая двойственность своей позиции, она считает, что несмотря на значимость такой деятельности, направленной на решение конкретных проблем, ей приходится постоянно просить об одолжении работницу, в чьи непосредственные обязанности не входит подготовка такой специфической документации: *«Компьютер — просто мечта, так как приходится печатать различные исковыеписьма, характеристики... Была бы у меня печатная машинка - мои дела продвигались бы быстрее»* (социальный педагог, жен., 55 лет).

Низкая степень компьютеризации характерна и для городского комитета образования, где коллектив имеет в своем распоряжении две печатных машинки и один компьютер в бухгалтерии. Положение специалиста по охране прав детства и социального педагога в комитете определяется как чрезмерно зависимое. Они постоянно вынуждены просить машинистку напечатать необходимые бумаги. Из интервью с социальным педагогом города узнаем, что у нее есть все методические материалы, необходимые для работы школьных социальных педагогов. Но получают их не все, а лишь те, кто уже проявил себя в качестве инициативного работника. Большинство этих методических материалов и документов социальные педагоги получили в конце 1990-х годов. Сейчас практически не выделяется денег на их тиражирование, и школьные социальные педагоги пытаются решать эту проблему своими силами.

По Гофману, к выразительным средствам, наиболее тесно связанным с самим исполнителем, а не только с реквизитом, относится «личный передний план»: отличительные знаки официального положения или ранга, умение одеваться, пол, возраст и расовые характеристики, другие знаковые сигналы, включая внешний вид и манеры актера<sup>16</sup>. Рассмотрим, какую информацию передают эти элементы социального переднего плана в рутинных представлениях социальных педагогов провинциального российского города. В данном случае на передний план выходят два основных признака, которые в российской ситуации практически слились в один - это женский пол и диплом педагога либо опыт работы с детьми, который в некоторых случаях может засчитываться вместо педагогического образования. В совокупности эти два признака являются необходимым, но не достаточным условием «личного переднего плана», соответствующего роли социального педагога, ибо требуют особых - незримых, но очень важных личностных качеств: *«Мне, кажется, в моей работе самое главное - понимание, доброта, порядочность, ответственность и желание помочь каждому человеку, каждому в отдельности. И все эти качества должны исходить отсюда (показывает в область сердца), из души. Я это недавно поняла...»* (социальный педагог, жен., 49 лет). Повседневный план новой профессии, так сказать, рутинные исполнения социальной педагогики, содержит указание на некоторые распространенные нормы, стереотипные ожидания, узнаваемые другими участниками коммуникации. Тем самым самопрезентация социального педагога становится коллективным представлением. Так, при отсутствии профессиональных знаний и навыков в силу вступают личностные качества, на которые делается главный акцент. *«Единственное, за счет чего, я считаю, что выигрываю, - только за счет личных качеств. Когда... ко мне приходят, я говорю: "Вот мое рабочее место, садитесь, давайте говорить". А я вообще заметила, что как только я открываю рот, я очаровываю человека»* (социальный педагог, жен., 42 года). Восприятие своей профессии как исключительно эмоциональной деятельности присуще той категории социальных педагогов, которые не имеют профессионального образования: *«Я думаю, что социальная работа — это состояние души. Надо иметь, прежде всего, чувство причастности и преданности работе, потому что иначе трудно выдерживать общение с людьми...»* (социальный педагог, жен., 44 года). Общительность, душевность и терпение, ставшие ключевыми инструментами практической деятельности, восполняют дефицит профессиональных приемов, алгоритмов и технологий, необходимых во взаимодействии с клиентами, у которых есть особые потребности: *«Социальный педагог - человек должен быть коммуникабельный, очень терпимый к людям. Он должен выслушать иногда вещи, кажущиеся со стороны бредом, так как он общается с такой массой людей, ну... у которых пограничное психическое состояние. То есть вроде бы он, как и обычный, но уже до такой степени деградировал... Ты слушаешь его мнение и стараешься быть терпимой...»* (социальный педагог школы-интерната, жен., 53 года).

Поскольку чаще всего в роли социального педагога администрация видела учителя той же школы, работающего по совместительству, а также благодаря названию профессии, у администрации целого ряда учреждений Среднегорска, включая школы, приюты, социальные службы, реабилитационные центры, сложилось убеждение, что у социального педагога обязательно должно быть высшее педагогическое образование. В крайнем случае его мог бы заменить педагогический стаж. У одной из наших респонденток, Ольги Николаевны, общий педагогический стаж - 23 года, в школу пришла после университета, где преподавала геодезию. Отметим, что в начале развития профессии, о которой мы ведем речь, поступить на работу без педагогического образования было значительно проще. Об этом свидетельствует, например, опыт Александры (42 года), которая в тот период смогла получить работу социального педагога, имея стаж по рабочей специальности на заводе.

Руководство социальных служб и образовательных учреждений, да и сами специалисты, не имея понятия о значительном пересечении содержания учебных планов специальностей «Социальная педагогика» и «Социальная работа», предпочитают мыслить догадками и аналогиями: если «социальная педагогика» - значит это воспитание и обучение бедных или дезадаптированных детей. Так же мыслят и наши респонденты: *«Я до конца верю, что человек с оптимистической гипотезой господина Макаренко живет. В педагогике нельзя без нее, настоящие педагоги без нее не живут. Я считаю, что я тоже педагог...»* (социальный педагог, жен., 42 года); *«Моя особенность и состоит, что я - педагог»* (социальный педагог, жен., 42 года).

Однако многие социальные педагоги уже убедились в ограниченности чисто педагогического подхода, который не позволяет увидеть проблему в комплексе, найти способы ее решения: *«Я должна сказать, что тяжелее всего беседовать с коллегами, которые по проблемам опекаемых*

детей не всегда вникают в эти ситуации. Они, кстати, и себя ограничивают этим, показывают свою ограниченность. На самом деле, [их] труднее всего убедить, потому что осознать проблему и помочь человек со специальными знаниями должен. Я понимаю, перед ними стоят образовательные задачи, дать вот знания и прочее. Но, к сожалению, школа является социальным институтом, в него проникают и другие социальные институты...» (социальный педагог, жен., 42 года).

Складывается впечатление, что российская социальная педагогика в большинстве случаев представляет собой нишу для высвобожденных педагогов. Прежде всего эту сферу деятельности относят к школе, видимо, поэтому социальные педагоги иных учреждений (реабилитационных центров) видят свою задачу в том, чтобы как-то восполнить отсутствие школьной атмосферы: например, в реабилитационных центрах, относящихся к управлению труда и социального развития, наличествуют ставки как социальных педагогов, так и социальных работников, и задачи первых определяются как помощь детям в усвоении школьных предметов. На наш взгляд, толкование социальной педагогики как подраздела педагогики чревато узким пониманием профессиональной подготовки специалиста и его практической деятельности<sup>17</sup>. Есть и такая точка зрения, которая толкует социальную педагогику чрезмерно широко. Так, И. А. Липский утверждает, что социальные педагоги нужны для обслуживания социальной сферы: специалисты-исследователи с научной степенью, практические работники - от социального политика до работника сферы социального обслуживания - с дипломом среднего специального и высшего образования, переподготовки и повышения квалификации, а также научно-педагогические кадры для образовательного процесса<sup>18</sup>. Наша точка зрения амбивалентна; демонстрируя абсолютное тождество содержания подготовки и перспектив занятости у социальных педагогов и социальных работников, Липский одновременно утверждает обратное. Формулируя ключевые отличия социально-педагогической деятельности, он тавтологически выводит их из социально-педагогической направленности действий специалиста. При этом социальная работа показана как частный случай социальной педагогики, которая выступает многоуровневой системой знаний, установлений и мероприятий, например, в качестве социальной политики или социального права.

Нам ближе позиция авторов учебного пособия «Социальная педагогика»<sup>19</sup>, которые утверждают, что, несмотря на номинальное сходство названий и некоторое пересечение объектов деятельности (дети, молодежь), эти профессии имеют ряд существенных различий. Учитель, в соответствии с таким разделением сфер деятельности, выполняет образовательную функцию, а социальный педагог заботится об успешной социализации ребенка и интеграции его в общество в случае «выпадения» из нормальных социальных отношений. Причем, поскольку социальный педагог может осуществлять свою деятельность не только в образовательных, но и в иных учреждениях, с функциональной точки зрения эта профессия гораздо ближе к профессиональной деятельности специалиста социальной работы, нежели учителя. В свою очередь, разграничить социально-педагогическую сферу и сферу социальной работы чрезвычайно трудно еще и потому, что обе они только формируются<sup>20</sup>.

Важное отличие, по мнению авторов указанного пособия, заключается в том, что объектом социальной работы могут стать люди, испытывающие те или иные социальные проблемы или затруднения, независимо от возраста, а социальный педагог занимается исключительно с ребенком. На наш взгляд, за этой формулировкой скрывается стремление искусственно разделить сферы деятельности, которые сегодня сосуществуют в России исключительно в силу ведомственных интересов. Ведь практикующий социальный педагог школы очень часто занимается проблемами всей семьи или отдельных родственников учащегося. Такому специалисту необходимо постоянно вступать во взаимодействие с учреждениями социальной защиты, с большим или меньшим успехом привлекая ресурсы межведомственного сотрудничества для решения проблем конкретного ребенка. В равной мере социальные педагоги и социальные работники, в зависимости от личного опыта, желаний и навыков, пытаются отстаивать интересы своих профессий и людей, которым оказывается помощь, и тем самым, возможно, оказывать влияние на позицию тех, кто принимает решения на различных уровнях.

Случай из практики социального педагога (общеобразовательная школа) Контролируем и планируем их занятость, все каникулы, чтобы они у нас были тоже заняты, а летом таких детей в первую очередь определяем в трудовые бригады. По дому - знаю все, у кого чего есть, наизусть. Не просто так, чисто внешне, а даже в некоторых семьях заглядываю в холодильник - есть ли что покушать у ребенка. И после этого начинаю бить тревогу...Кстати, в соответствии с тарифно-квалификационной характеристикой, включающей должностные обязанности, социальный педагог (7-14-й разряды)

осуществляет комплекс мероприятий по воспитанию, образованию, развитию и социальной защите личности в учреждениях и по месту жительства обучающихся (воспитанников, детей); изучает психолого-медико-педагогические особенности личности обучающихся (воспитанников, детей) и их микросреды, условия жизни; выявляет интересы и потребности, трудности и проблемы, конфликтные ситуации, отклонения в поведении обучающихся (воспитанников, детей) и своевременно оказывает им социальную помощь и поддержку; выступает посредником между личностью обучающихся (воспитанников, детей) и учреждением, семьей, средой, специалистами различных социальных служб, ведомств и административных органов; определяет задачи и принимает меры по социальной защите и социальной помощи, реализации прав и свобод личности обучающихся (воспитанников, детей); организует различные виды социально ценной деятельности обучающихся (воспитанников, детей) и взрослых, мероприятия, направленные на развитие социальных инициатив, реализацию социальных проектов и программ, участвует в их разработке и утверждении; способствует установлению гуманных, нравственно здоровых отношений в социальной среде; содействует созданию обстановки психологического комфорта и безопасности личности, заботится об охране их жизни и здоровья; осуществляет работу по трудоустройству, патронажу, обеспечению жильем, пособиями, пенсиями обучающихся (воспитанников, детей) из числа сирот и оставшихся без попечения родителей; взаимодействует с учителями, родителями (лицами, их заменяющими), специалистами социальных служб, семейных и молодежных служб занятости, с благотворительными организациями и другими в оказании помощи детям, нуждающимся в опеке и попечительстве, с ограниченными физическими возможностями, девиантным поведением, а также попавшим в экстремальные ситуации<sup>21</sup>.

Зачастую социальному педагогу приходится заниматься такими вопросами, которые фактически являются сферой ответственности специалиста по социальной работе. С нашей точки зрения, подобное пересечение в социальной педагогике неудивительно, поскольку сама эта профессия является очень близкой к социальной работе, а социальные проблемы детей, обучающихся в школах, неразрывны с проблемами их семей и всего социального окружения.

Случай из практики социального педагога (общеобразовательная школа)

Вот есть у меня такая семья. Мать-одиночка, у нее двое детей осталось, я пришла к ним в семью и говорю, еще мать была жива, у нее онкологическое заболевание, пришла и говорю: извините тыщу раз, пожалуйста, простите меня (а у нее значит, за то, что она болеет, они получали там около 130 рублей на ребенка), Я говорю, вот если вы оформите опеку, ваш папа возьмет там это самое, и это, то вы будете получать 900 рублей на ребенка, но я не уверена. Вы проконсультируйтесь. Она проконсультировалась. Говорит, спасибо большое. Потому что, когда приходишь с опекой, все думают о лишении родительских прав. Люди неграмотные и с трудом преодолевают и не хотят преодолевать неграмотность, некомпетентность. Поэтому я беру кодекс, открываю и показываю, что лишение родительских прав - это одна статья, а опека - совсем другая вещь. Хотя надо сказать, что этот страх имеет право на существование. Дело в том, что раньше опеку оформляли только при лишении родительских прав. К сожалению, этот страх остался. И вот эти двое детей, значит, получают [повышенное пособие], Вместе с тем требования тех нормативных документов, которые направляют деятельность социальных педагогов на социальную защиту клиентов, по словам некоторых наших респондентов, делает их работу непомерной по своим масштабам, особенно в части таких дел, которые требуют судебного разбирательства: *«Допустим, первый блок, - социальная защита незащищенных слоев. Это такой громадный, обширный блок, что... извините меня, тут все очень сложно. Работа с опекаемыми, сиротами, их защита - вот это надо бы оставить, надо оставить работу профилактического диагностирования семей. Но такие глобальные работы, допустим с неблагополучными, то есть, вот... все эти суды, все прочее - это так тяжело. Это должен делать определенный человек»* (социальный педагог школы-интерната, жен., 53 года). Последовательность задач своей деятельности социальные педагоги представляют себе достаточно четко: *«знать и социально обследовать все категории семей, находящихся в нашей школе; собрать у всех социальные паспорта, проанализировать социальные паспорта, сделать социальную диагностику; дать определенные рекомендации на педагогическом совете учителям, на родительском собрании и индивидуальных консультациях, рекомендации именно по работе с каждой семьей»* (социальный педагог школы-интерната, жен., 53 года). Помимо работы с детьми, семьей и учителями, важным компонентом работы социального педагога является поддержание в идеальном порядке всей документации опекаемых. Эта документация включает, в том числе, документы по опекаемым

сиротам, закреплению за ними жилья, усыновлению. Социальные педагоги должны знать нормативные акты, включая те, что затрагивают проблемы беженцев и вынужденных переселенцев, поскольку обязаны в случае необходимости зарегистрировать своего клиента в комитете по делам беженцев и переселенцев. Повышенного внимания социальных педагогов требует работа «с детьми-сиротами и опекаемыми. В основном опекунами являются бабушки, которые не знают как защитить жилищные права ребенка, не знают куда обратиться, а когда обращаются - уже поздно. С неблагополучными детьми, семьями - лишение родительских прав, посещение семьи, оформление документов. Львиная доля времени на индивидуальное... посещение семьи» (социальный педагог школы-интерната, жен., 53 года).

Среди должностных обязанностей, отнимающих немало времени как у социальных педагогов, так и у специалистов социальной работы, - оформление отчетной документации, формы и объема которой до сих пор не фиксированы, а время от времени изменяются по инициативе вышестоящего руководства: «Я что должна написать - свои консультации или всю свою тактику? Я сижу, серьезно пишу, а оказывается - им циферки нужны какие-то. Свою работу я отмечаю, значит, и пишу эту умную бумажку» (социальный педагог вспомогательной школы<sup>22</sup>, жен., 53 года).

Дискомфорт и усталость, даже стресс могут быть вызваны совмещением творческого, эмоционально напряженного труда с бюрократической работой, рационализирующей каждый шаг, фиксирующей диагноз и предписания: «К примеру, берешь ежедневник, иногда пишешь, пишешь, иногда день более или менее спокойный, а иногда как начнешь, как начнешь, даже описать уже нет времени, приходишь поздно и вот... Совершенно трудная работа» (социальный педагог, жен., 53 года).

В процессе работы, в ходе выполнения насущных заданий и решения повседневных проблем может произойти осознание своей роли в качестве декоративной, но необходимой пусть даже в своем ритуализованном статусе: «Когда я выполняю декоративную роль - присутствие, все равно я считаю, что до конца выполняю свой долг» (социальный педагог, жен., 42 года). Оказание социально-психологической помощи не всегда может быть расписано по звонкам, и рутина профессиональной деятельности социального педагога, безусловно, включает моменты затишья, когда специалист занимается бумагами или просто присутствует на рабочем месте в ожидании прихода клиента. Однако метафора декорации в приведенном отрывке из интервью вновь возвращает нас к идеям И. Гофмана, которые можно переформулировать здесь следующим образом. Социальные педагоги, призванные помогать детям в трудной жизненной ситуации, сами оказываются лишь фоном, реквизитом в драме построения новой российской системы социальной защиты. Между тем, как отмечалось в теоретической главе о социальных проблемах, представители помогающих профессий зачастую сами становятся «о» j начивателями» проблем, или теми социальными актерами, от позиции и действий которых во многом зависит судьба гражданского общества. Из того, как воспринимают свою роль социальные педагоги, следует возможность или невозможность переформулирования социальных проблем, привлечения внимания общественности, учителей, родителей, социальных служб, правоохранительных органов к тем вопросам, которые требуют своего незамедлительного разрешения.

#### Состояние души и знание дела

Ненормированный рабочий день, недостаток соответствующего образования, отсутствие профессионального опыта и проблемы этического порядка выносятся сегодня на первый план специалистами, которые в начале 1990-х годов решили попробовать свои силы в этой непростой профессии. По мысли Л. С. Выгодского, центральный момент, который полностью представляет различие в психической природе житейских и научных понятий<sup>23</sup>, - это отсутствие или наличие системы. Наши интервью свидетельствуют о том, что в настоящее время представления социальных педагогов о природе своей профессиональной деятельности характеризуются, скорее, житейской мудростью, нежели системностью. Становление профессионала осуществляется путем проб и ошибок, в поиске компромиссов, необходимых для разрешения противоречий и этических дилемм: «Надо же поступать по закону. Но не всегда рука поднимается это сделать. Возникает дилемма - правильно ли ты делаешь это? Оценит ли кто-нибудь и правильно ли это для ребенка?» (социальный педагог, жен., 53 года); «И правду иногда можно по-разному подать: в ущерб ребенку или не в ущерб» (социальный педагог, жен., 53 года).

О слабости профессиональной идентичности новых специалистов и неэффективности деятельности Ассоциации социальных педагогов и социальных работников свидетельствует то, что социальные педагоги в своей повседневной практике руководствуются регламентами житейского характера,

общечеловеческими принципами: *«Где сформулированы? Я бы не сказала, что настолько... Я думаю, что это - общечеловеческие. Вообще, нет ничего, вот этих, этических законов. Даже, вот, которые к естественным правам человека относятся... Не нарушая естественных прав другого человека, все этично»* (социальный педагог, жен., 42 года). Вместе с тем важность формальной подготовки признается хотя бы на уровне риторики, в качестве символического ресурса профессиональной идентичности: *«У меня такой девиз на тетради написан: "Много можно добиться строгостью, немало - любовью, но больше всего можно добиться знанием дела"»* (социальный педагог, жен., 42 года). Социальному педагогу необходимы знания социологии, психологии, юриспруденции; нужно уметь составлять различные исковые заявления, знать семейный, трудовой кодексы, постановления о детях-сиротах, беженцах, в то время как работники других служб, по мнению социального педагога, мешают, излишне бюрократизируют работу: *«Пробиваем выпускникам-сиротам квартиры, правда, редко. Одному мальчику удалось "выбить" гарантийное письмо на наследственное право на дом. У этого мальчика оба родителя умерли. Они всей семьей приехали в город из какого-то села Среднегорского района, его оставили на лавочке, а сами пошли побираться. Отец умер раньше, и в ЗАГСе быстро нашли свидетельство о его смерти, а свидетельство о смерти матери искали долго, поэтому мальчику не могли присвоить статус сироты. Когда свидетельство было обнаружено, выяснилось, что у них в Среднегорском районе остался трехкомнатный дом. Администрация долго не признавала наследственные права, но все же удалось получить это гарантийное письмо»* (социальный педагог школы-интерната, жен., 53 года). Социальных педагогов, особенно специалистов, работающих во вспомогательных школах для инвалидов, сирот, детей с умственной отсталостью волнуют жилищные проблемы воспитанников, вопросы трудоустройства выпускников: *«Семейный, жилищный кодекс, много чего умного есть, а вот так же квартиры уходят, так же дети не трудоустроены, и после интернатов этих детей ни одна нормальная организация на работу не берет...»* (социальный педагог вспомогательной школы, жен., 45 лет). Юридическая фамотность выступает в качестве важного атрибута профессионализма. При этом налицо осознание глубоких различий между статусом социального педагога и юриста, в связи с чем выстраивается структурная оппозиция «богатые-бедные» в определении профессиональной идентичности. По логике наших респондентов, профессионал - это тот, кто работает за большие деньги, в основном, с этим понятием ассоциируется фигура юриста: *«Он профессионал: за что купил - за то и продал»* (социальный педагог, жен., 56 лет); *«Но вот юристы просто так консультации не дают. Вот и приходится самим копнуть, и тебя еще выстругают»* (социальный педагог вспомогательной школы, жен., 45 лет).

Стремление повышать мастерство отличает всех социальных педагогов, с которыми проходило интервью. Способом повышения квалификации социальные педагоги видят регулярные семинары, которые им импонируют в силу своей доступности, активных методов обучения. Мы посетили один из семинаров, который проводился для социальных педагогов городским комитетом по образованию. В беседе о профилактике социального сиротства социальные педагоги признали свою беспомощность в решении этой сложной проблемы: *«Мы же не знаем, как это сделать, вот пришел бы кто-нибудь, рассказал нам, мы бы послушали»* (социальный педагог, жен., 40 лет). Они смирились и с крайне тяжелой нагрузкой (количество семей микрорайона, дети которых учатся в данной школе и потому оказываются в юрисдикции социального педагога, в среднем равняется 1200), и с тяжелым финансовым положением, но хотели бы повышать свою квалификацию: *«Ну, кроме того, чтобы предоставить мне место... Ну, если вот кто возьмет на себя обязанности обучения меня работе на компьютере, вот это было бы очень большое дело. А, может быть, я еще сама кое в чем не готова»* (социальный педагог, жен., 42 года).

Активный метод был назван участниками семинара первым в числе его достоинств, несмотря на то, что на этот раз главным социальным педагогом города (это должность в городском комитете по образованию), которая организовала обучение, не было подготовлено никакой информационной базы, отсутствовали раздаточные материалы: методические указания, наглядные пособия, теоретическое обоснование, новые сведения о методах работы, законах. Большинство необходимых в работе материалов социальные педагоги вынуждены приобретать на собственные средства: *«Вот у меня документы на разные случаи жизни, связанные с семейными проблемами, есть у меня на вооружении еще, но это уже мой рабочий документ, положения о семьях опекаемых. Вот закон об образовании, федеральный закон, по социально незащищенным, сиротам - федеральный закон, и еще один закон,*

который я никому не показываю, называется "Об основах профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних". Вот с неблагополучными семьями я работаю по этому закону. Видите, папка отдельная с данными неблагополучных семей, опекаемых и общие социологические данные» (социальный педагог, жен., 42 года). Ряд своих бесед, проводимых на классных часах, респондент строит на этом материале, поэтому хранит его как «ноу-хау», не желая допускать зрителей за кулисы повседневной драмы социальной педагогики.

По словам И. Гофмана, «в жизни достаточно часто встречаются исполнители, активно насаждающие впечатление, что в прошлом у них были какие-то идеальные мотивы для принятия роли, в которой они теперь выступают, что они идеально подходят для этой роли по своим качествам и квалификации» и что им не пришлось игнорировать массу неудобств, с которыми связана новая профессия. Напротив, эти неудобства представляют собой дополнительный ресурс идентификации: «Одно слово, "социальная работа" - значит, что работа с людьми, что будет много негатива» (социальный педагог вспомогательной школы, жен., 45 лет); «Профессия требует больших душевных затрат. Человек должен любить детей, и не просто любить детей, а ставить их выше каких-то своих потребностей, посвящать им свое свободное время... Нельзя забывать и о своей семье, которая тоже требует внимания» (социальный педагог, жен., 55 лет).

И хотя такое общее впечатление «избранности» своего занятия и «священной гармонии между человеком и его работой чаще всего стараются создать у других работники «высоких» профессий, похожее поведение», пишет Гофман, «встречается и в менее престижных профессиях»<sup>25</sup>. Что касается идеальных факторов, побуждающих к выбору данной профессии, то здесь в качестве необходимого условия выдвигается альтруистическая мотивация: «...у меня всегда, еще с детства, было желание заступаться за слабых, обиженных, находить пути решения проблем: своих и знакомые часто [ко мне] обращались» (социальный педагог, жен., 42 года). Это ощущение благородной миссии позволяет социальным педагогам формировать высокую самооценку: «Вот моя манера общения, я знаю, что у меня талант человеческого общения, когда человек не чувствует себя никак. Вот, эта женщина пришла. Она дискомфорт чувствует, что ей [ее ребенку] присвоили этот статус "ребенок-инвалид". Но когда она говорит со мной, она все это забывает, она уже не испытывает этого. И так - все. Я говорю, им комфортно со мной говорить, они не чувствуют себя уязвимыми, потому что я знаю их проблемы» (социальный педагог, жен., 42 года). Удовлетворение собственной работой соседствует со скромным мнением о достижениях в ряду других представителей профессиональной группы: «У меня нет ничего такого, я не заслужила. Честно скажу, я когда прихожу к другим соцпедагогам на совещание, я же вижу, мы учимся у них какому-то [опыту]... Поэтому я еще ничего такого не заслужила. В моей деятельности я ничем не отличаюсь» (социальный педагог, жен., 42 года). Типичным рациональным мотивом выбора места работы социальным педагогом является удобный график рабочего времени и география рабочего места у молодых незамужних женщин («ребенок пошел учиться в ту же школу»), а у учителей еще и возможность подработать по совместительству.

Для закрепления же идеальных представлений о благородной миссии и высоком статусе профессии у социальных педагогов существует своеобразная тактика популяризации своих знаний, при помощи которой специалисты стремятся расширить аудиторию и внушить ей убеждение о важности и уникальности повседневно исполняемой ими роли: «Для того, чтобы пропагандировать свои социальные знания, я первый год выпускала газету... И вот эта газета здорово помогала. Сейчас руки до газеты не доходят. Я вообще журнал с ними социологический выпускала... Я бы нашла себе помощников. Главное - возможность... И даже социологический журнал если бы я выпускала, я бы все номера у себя в кабинете повесила бы. Тот журнал, который выпускала моя дочь, это вообще - супер, то есть, по сути, это был социологический журнал, отражающий события в школе» (социальный педагог, жен., 42 года). Риторика указывает на драматическую власть, которую пытается реализовать социальный педагог в условиях символического дефицита представлений о сущности и функциях своей профессии: «Даже и не знаю, может быть есть еще кто-то, кто как я, понимает, что соц-работа - это что-то особое...» (социальный педагог, жен., 42 года).

Исполнение вынуждено быть эффективным, но степень и характер сотрудничества персонажей таковы, что для социального педагога это сотрудничество пока что представляется театром одного актера. Учителя лишь начинают присматриваться к новому персонажу в их собственной, традиционно разыгрываемой драме и не воспринимают его как условие, существенно меняющее распределение ролей и сюжетную линию. Работа по совместному определению ситуации

социальным педагогом и учителями еще только начинается: *«Может быть, не приходят ко мне не потому, что я им не нужна, а потому, что они не всегда ощущают, что могу им помочь, а я не всегда им могу показать вот на этом уровне, потому что они видят, ага, я там - питание, малообеспеченные, талоны раздаю. А когда они поймут, насколько я знаю больше всех названных мною педагогов, и как я им могу помочь, вот когда я с ними беседовала об их правах и прочее, в такой обстановке, неформально и прочее, почему у них эти права возникают, я видела как они меняются»* (социальный педагог, жен., 42 года). Противопоставление себя и учителей, с одной стороны, способствует профессиональной идентификации, выделению в обособленную группу, а с другой, может стать препятствием для реализации собственных профессиональных задач: *«...педагоги сокращались и прочее, а с ними тяжело. Они - ограничены. Вы знаете, чем ограниченнее человек, тем он на своем настаивает, тем манера поведения у него другая...»* (социальный педагог, жен., 42 года).

Ситуация, впрочем, разнится от школы к школе, и многое во взаимоотношениях сотрудничества, работы в команде зависит от активности самого социального педагога. Когда одна из наших респонденток, Александра, приняла работать в школу, на учете в комиссии по делам несовершеннолетних состояло 26 трудных подростков, на другой год работы - 16, а сейчас - где-то 6-9 детей. Она часто просит учителей приглашать ее на классный час в конце года, мотивируя их тем, что *«у нас не будет никаких правонарушений за лето»*. В свою очередь, классные руководители стремятся привлекать ее, когда не складываются отношения с ребенком и нужно сходить и вызвать родителей. Александра работает с неблагополучными и опекаемыми семьями, *«ы плюс те семьи, нормальные, в которых тоже есть обыкновенные проблемы»*. Отметим, что социальную службу школы представляет, по сути дела, она одна, так как если школа и привлекает психолога, то, в основном, для тестирований. И школа в психологе видит необходимость именно в этом аспекте. Александра считает, что психолог должен помогать социальному педагогу, но не наоборот, как советуют на семинарах социальных педагогов: *«И поэтому вот я думаю, что сказываются результаты моей работы и вот умение социологически мыслить, как бы вот сразу какие-то аналогии проводить, вывод*

*социальный, пожалуйста. Я вот с этими данными выступаю и на совещании у директора, и на родительском опять же собрании, потому что вот эти практические наблюдения, в реальной практике...»* (социальный педагог, жен., 42 года).

При изучении различных социальных образований Гофман советует обратить внимание на преобладающие нормы приличия. Эти нормы сами являются информантами. Исследователи склонны принимать их как должное, не размышляя над своим поведением, пока не случится какой-нибудь сбой, или разразится кризис, или сложатся особые обстоятельства. Одна из внешних форм приличия, известная в общественных учреждениях, - это умение «изображать работу», поскольку работникам надо не только выполнять определенный объем работы за определенное время, но и быть готовым, когда понадобится, создавать впечатление усердной работы в данный момент<sup>26</sup>. Социальные педагоги сами определяют свой график работы на день, на неделю. Планируют дни для обследования семей, приема детей и родителей. Но, в принципе, невозможно спланировать обращение детей, поэтому такие «нарушения» их регламента воспринимаются спокойно: *«Я каждый день пишу для себя, что надо сделать и потом отмечаю, что сделано, а что - нет. Периодически возникают накладки: дела, которые не планировались»* (социальный педагог, жен., 42 года); *«С большим удовольствием я ставлю "галочки" о своей проделанной работе»* (социальный педагог, жен., 42 года). Руководство сверху деятельностью социальных педагогов часто имеет директивный характер, распоряжения отдаются в письменной форме и по телефону по следующей схеме. Представители органов управления образованием, получая запрос из регионов России и ближнего зарубежья, обращаются к социальному педагогу микрорайона. Социальный педагог идет в службы микрорайона и пытается ответить на поставленные вопросы. Часто такого рода работа связана с выяснением проблемы ущемления прав ребенка на жилье. Поэтому, учитывая специфический характер работы социального педагога, руководителям учреждений было рекомендовано установить для социальных педагогов вариативный, гибкий режим работы, удобный для детей и родителей, приспособленный к конкретным условиям микросоциальной среды.

Случай из практики социального педагога (школа-интернат для детей-инвалидов)

Выпускник прошлого года попросил найти ему жилплощадь. Мальчик сам является «несамообслуживаемым» и после окончания школы-интерната должен был идти в дом инвалида. У

него по наследству осталась квартира (родители спились и умерли) в Балаково. Квартира была в ужасном состоянии - ни полов, ни раковин, ни плиты, оконные рамы выбиты. Написали в администрацию [города] письмо с просьбой о ремонте квартиры. Как ни странно, администрация откликнулась, сделали капитальный ремонт: заменили полы, трубы, батареи, настелили новые полы, поставили всю сантехнику. Но прежде, чем заниматься квартирой, я через архив попыталась выйти на каких-нибудь его родственников. Отыскала дядьку (брата матери), двоюродную бабушку и многих других. Они с этим мальчиком стали переписываться, приезжали к нему в гости, на каникулы забирали к себе. Просили у него прощение, за то, что практически бросили его в детстве и не помогали долгое время. Парень воспрял духом, понял, что не будет одиноким, после того как уйдет из интерната.

Дисциплину, качество выполнения заданий социальными педагогами в общеобразовательной средней школе курируют органы управления образования один раз в четыре года при «фронтальной» школьной проверке. В специальных учреждениях образования отчетность сложнее:

*«Непосредственно я подчиняюсь нашему директору. В первый год работы показала план своей деятельности, но в последнее время он полностью мне доверяет и особо в мои дела не лезет, хотя я постоянно делаю ему отчет о проделанной работе. Проверяют мою деятельность - прокуратура, Комитет по образованию (в этом году было уже 3 проверки, проверяли опекаемых детей), комиссия по делам несовершеннолетних»* (социальный педагог вспомогательной школы, жен., 45 лет). Отношение к контролирующим организациям неоднозначно: *«Когда приходят проверять, я стараюсь находиться рядом, а если меня нет, то не разрешаю им давать мои документы: они в них плохо разбираются и не понимают, что к чему»* (социальный педагог, жен., 55 лет).

Дисциплинарные практики носят в основном психологический характер. В силу того, что зарплата социального педагога небольшая, а нагрузка - очень высокая, руководители не имеют реальных шансов для действенного использования монетарных санкций. Это объясняется и общим состоянием сферы социальной работы, так как во многих школах, где ставки социального педагога имеются, нет на них претендентов. Конфликты социального педагога с руководством школы случаются, когда затронуты личные интересы социального педагога, включая конфликты собственного ребенка с учителями. В одном из интервью был упомянут случай, когда учитель ударила линейкой по голове дочь социального педагога общеобразовательной школы. На подобное физическое принуждение, служащее показательным средством власти в целях убеждения аудитории<sup>21</sup>, девочка ответила резкостью, и конфликт вышел за пределы класса. Социальный педагог, ее мать, имела разговор с директором, в результате чего ребенок и учитель не только не примирились, а ожесточились по отношению друг к другу; испортились и отношения социального педагога с администрацией школы. Подобный конфликт, как это ни печально, в данном случае выполнил интегративную функцию<sup>28</sup>: позволив соперникам оценить соотношение сил, он упрочил нормы и сохранил равновесие школьной системы, в которой по сей день допускаются меры физического воздействия, а социальный педагог не может защитить права даже собственного ребенка. В данном примере отчетливо видно одно из расхождений между видимостью исполнения и фактическим его содержанием. В дальнейшей практике этому социальному педагогу, очевидно, пришлось прибегать к «благоразумным умолчаниям»<sup>29</sup> в силу неколебимости тех регламентов школы, с которыми гуманистические принципы новой профессии оказались несовместимыми.

Конфликты за пределами организации связаны, по словам наших респондентов, с тем, что другие учреждения, например, комиссия по делам несовершеннолетних, территориальные центры социального обслуживания населения часть своих функций пытаются передать социальным педагогам школы, выполняющим не только работу с учащимися данной школы, но и с детьми всего микрорайона от рождения до восемнадцати лет. Социальные педагоги без особого доверия говорят и об управлении труда и социального развития: *«Мне пока мешает. Видите, я пришла, а они работают узко, но да-же объяснить ничего не могут, нужно справку принести. Опять на своем уровне справок унижают человека»* (социальный педагог, жен., 42 года) и о комитете по делам молодежной политики: *«...совсем не занимается. Если бы дали хоть какой-то буклет... Есть организации, которые занимаются защитой прав, уже мы были бы вооружены»* (социальный педагог, жен., 42 года). Случай из практики социального педагога (общеобразовательная школа) Вот, недавно из суда Индустриального района забрала документы. Бабушка одной нашей ученицы подала в суд на лишение родительских прав отца. Мама девочки умерла, а отец давно с ними не живет (проживает где-то в Волгоградской области) и не платит алименты. В суде идет сплошная

волокита. Сначала ей сказали, что неправильно оформили исковое заявление по взиманию алиментов. Мы с ней вместе его пересоставили, затем судья вынесла решение о том, что иск не может быть удовлетворен из-за того, что нет копии иска. Он нужен, чтобы отправить копию отцу. Придираются к каждой бумажке. Я позвонила и попросила подготовить мне эти документы, чтобы я их могла забрать. Это длилось целую неделю.

С одной стороны, налицо межведомственная разобщенность, с другой - социальн незащищенность самих социальных педагогов. Так, чтобы выехать лишний раз в каю либо ведомство или организацию, нужно заплатить за проезд в оба конца, и для женщины, которая одна воспитывает подростка 16 лет, это существенным образом ударя по семейному бюджету: *«На 850 рублей жить с ребенком мне просто не хватает 140- детские сейчас стали платить, но вот 850 вот только стало, а было 750»* (социальный педагог, жен., 40 лет).

Иногда руководство города имеет возможность оказать хотя бы минимальную пој мощь социальному педагогу. Существенным положительным результатом в работе, ни пример, городского комитета по образованию, социальные педагоги считают решений областной думы в мае 2000 года о ежемесячной компенсации расходов на проезд в райа мере 100 рублей в различные службы, организации, ведомства города.

Зарплата социального педагога колеблется от 350 до 850 рублей, и многие Напоі респонденты заинтересованы в том, чтобы подрабатывать в школе проведением каких-либо занятий. Некоторые пытаются повысить свою категорию, чтобы немного увеличилась оплата труда. Материальное поощрение социальных педагогов администрацией школы или районо практически никогда не используется. В тех редких случаях, *когщ* материальное поощрение имеет место, оно воспринимается как «подачка», из-за того, что суммы очень незначительны. Среди поощрений - возможность выступить публнч> но на семинаре, педсовете, совещании социальных педагогов. Некоторые наши собеседницы выдвигают в качестве символического подкрепления своей деятельности мс-ральные стимулы: *«Вознаграждением является детская улыбка, радость ребенка, его хорошее эмоциональное состояние, душевное равновесие»* (социальный педагог, жен., 55 лет).

В комитете по образованию города регулярно разрабатывается план методических семинаров. Эти мероприятия проходят в разных школах города, центрах социального обслуживания. Намечается примерный день встречи (один раз в два месяца), затем телефонограммой подтверждается точная дата. В связи с таким «мягким» графиком некоторые социальные педагоги не знают точной даты проведения мероприятия и не посещают его. Семинары проводит социальный педагог города, который время от времени демонстрирует новые нормативные документы и рассказывает о них, имея возможность дать только один экземпляр на район. Социальные педагоги пытаются тиражировать эти материалы самостоятельно. На методических семинарах, где собираются социальные педагоги города, планирования работы или обмена опытом не происходит. Это, скорее, живое обсуждение накопившихся проблем в игровой форме, что активно приветствуется социальными педагогами: *«Да, каждый год проходим курсы повышения квалификации. Что касается обмена опытом, то встречаемся мало и мало обмениваемся, ведь социальных педагогов не так уж и много. Вот, например, я знаю, работники других социальных учреждений встречаются и обмениваются гораздо чаще, чем мы»* (социальный педагог, жен., 55 лет). В органах управления образованием на вопрос об обеспечении учебно-методическими материалами нам заметили, что дают такие документы только наиболее опытным и хорошо зарекомендовавшим себя социальным педагогам.

Администраторы образования тем самым, на наш взгляд, преследуют цель повысить собственный авторитет, сделать свою власть более выразительной, оснастить ее эффективными средствами показа другим своих намерений. Узурпируя доступ к ин-. формации, администрация создает «задний план», «кулисы» социальной педагогики, , куда не всякий может быть допущен, а классифицируя подотчетных им специалистов, I создают дополнительные - символические - ресурсы управления.

#### Ведомственные классификации социальных проблем детства и статус социальной педагогики

Объектом деятельности социального педагога являются дети и молодежь, нуждающиеся в помощи в процессе их социализации. К этой категории относятся «дети с интеллектуальными, педагогическими, психологическими, социальными отклонениями от нормы, возникшими как следствие дефицита полноценного социального воспитания», атакже дети, имеющие физические, психические или интеллектуальные нарушения развития 31. Причем, «поскольку деятельность социального педагога связана с диагностикой проблем ребенка и среды, он должен знать и уметь применять различные диагностические методики (психологические, педагогические,

социологические) или уметь обращаться за помощью к специалистам, которые могут квалифицированно поставить тот или иной диагноз (психологам, юристам, медицинским работникам и др.)»<sup>32</sup>. Определение того, нуждается ребенок в профессиональной помощи социального педагога или нет, становится не просто «диагностикой проблем ребенка и среды», процессом конструирования социальных проблем в контексте легитимации профессиональной позиции. Идентифицируя некоторые категории детей в качестве проблемных, социальные педагоги ставят на повестку дня новые для российской школы вопросы, в частности, относящиеся к помощи детям с синдромами гиперактивности и дефицита внимания: *Конечно, мы связаны и с центром планирования семьи, приходилось нам детей неко-юрых определять туда к психологу, вот видите, нам необходим психолог. Да потому что была замкнутость у некоторых детей, у некоторых слишком большая раскованность. Сейчас смотрим - есть улучшения. С психиатрическим отделением есть связь у нас, с отделением милиции, с общественной инспекцией вот связь у нас хорошая, контролируют всю нашу работу отдел образования и милиция. Ну и, конечно, они нам Помогают»* (социальный педагог, жен., 42 года).

Существуют случаи, когда дети, которые определяются как неблагополучные лишь, однако не принимаются во внимание ни милицией, ни органами социальной или опеки: *«Вот я сейчас написала заявление на одну девочку, она к нам юй год попала, и там она не стояла даже на учете в [в прежней] школе. Мы ее срез месяц поставили на учет как трудного ребенка из трудной семьи. И вот, представление писали, ее вызывал районный отдел милиции и детская комната мияШ ции. Но, к сожалению, иногда никаких сдвигов не бывает. Это очень обидно, потац что вроде бы и убеждаешь и стараешься, но если мама... выпивает и на ребенка м обращает внимания. Бабушка - беретя вроде бы помочь девочке, а настолько вид», [та] забалованная, что если не новые кроссовки - "в школу учиться не пойду"... Воц именно здесь бывает обидно, когда ни районный отдел образования, ни милиция ничец не могут сделать. Ничего... Взрослых, конечно, мы не можем переделать... То есть мы стараемся, конечно, но все это внутри школы, с привлечением администрации обязательно»* (социальный педагог, жен., 42 года). Отметим, что в данном случае именно школа в лице социального педагога классифицирует ситуацию как проблему, приписывая ребенка и семью к категории «трудных». При этом очевидно, что традиции межведомственного взаимодействия школы, милиции, органов опеки и социальной защиты, как и совместной работы в междисциплинарной команде специалистов, в полг ном объеме еще не сложились.

Налаженные взаимодействия пока, в основном, касаются таких вопросов, как материальная помощь детям из бедных семей и подростковая делинквентность: *«Есть всякие консультативные центры, допустим, центр планирования семьи, там очень много специалистов, с которыми мы... допустим, есть вот какая-то проблема, ты же не все должен знать абсолютно. В этих центрах работают более квалифицированные психологи, более квалифицированные врачи каких-то особых направлений. Собес помогает подарками, центр "Милосердие" помогает, приют "Маленькая страна", приют "Возвращение". Мы пишем, например, ходатайство, и инвалидам платят пособия Ребенок, например, сидит голодный, и у них [в семье] нет возможности никакой, мы ли- шем ходатайство о помощи материальной. Это конечно, все мизер... В центр милосердия пишем ходатайство, чтобы поставили на патронаж. Тесный контакт с детской комнатой милиции»* (социальный педагог, жен., 53 года).

Сотрудничество с милицией, а в некоторых случаях с пенитенциарной системой, позволяет социальным педагогам проводить не только профилактические беседы, но и экскурсии в места лишения свободы: *«Я даже водила детей из группы риска в тюрьму и показывала им камеры, с нами прошел там начальник камеры предварительного заключения и показывал что, где, как. Даже угощал едой, этой баландой. После этого в школе, знаете, очень долго не было никаких правонарушений. На детей это произвело большое впечатление...»* (социальный педагог, жен., 49 лет).

Практика социальных педагогов приобретает черты специализации в зависимости от типа образовательного учреждения и потребностей учащихся. Как уже упоминалось выше, у социальных педагогов школ-интернатов для детей-инвалидов, профессионально-технических училищ для сирот или детей с задержкой интеллектуального развития среди первоочередных дел, требующих вмешательства, - жилищная проблема учащихся. Подчас специалисты не только отстаивают права учащихся с инвалидностью, они выступают на стороне своих воспитанников, сопротивляясь их

стигматизации со стороны большинства в качестве беспомощных и неспособных. Случай из практики социального педагога (школа-интернат для детей-инвалидов)

...Еще одной выпускнице подыскала жилплощадь. Она частично самообслуживаемая. У нее нет на обеих руках кистей. Ее в детстве возили в Ленинград на операцию, на правой руке разрезали культяпку, так что она могла осуществлять хватательные движения, а на левую сделали протез-перчатку, правда она редко ее одевает. При получении ордера на комнату ей надо было присутствовать лично, написать заявление и расписаться. Я боялась, когда ее увидят, то сразу откажут в отдельном жилье, так как она инвалид, да еще с таким нарушением. Но ничего - все обошлось. Когда ее увидела начальница ЖЭУ, то несколько смутилась и попросила меня вместо девочки написать заявление, на что я ответила, что она сама справится. И правда она так ловко взяла ручку между двух культяпок и ровным почерком написала заявление и расписалась!

Распоряжением губернатора области при управлении образования области с 1 января 2001 года была создана областная медико-психолого-педагогическая комиссия для оказания помощи населению, учреждениям и органам образования, здравоохранения и социальной защиты населения в решении вопросов, связанных со своевременным выявлением, учетом, обучением и социально-трудовой адаптацией детей с различными проблемами в развитии. Управление образования области выступило учредителем данного государственного учреждения. Был утвержден устав, структура, штатная численность и финансовое обоснование центра<sup>33</sup>. Как нам сообщили в городском комитете по образованию, эта комиссия ориентирована, прежде всего, на диагностические функции.

По выражению одной из наших респонденток, «у нас наука недоработанная, не на все вопросы можно найти ответы» (социальный педагог, жен., 55 лет). Проблема нам видится в том, что ввиду недостаточного количества переводов современной литературы по социальной педагогике и социальной работе в России практикам, преподавателям и исследователям приходится самостоятельно прокладывать себе дорогу в теории и практике социальной педагогики, пытаюсь разобраться с новыми проблемами, пользуясь привычными формулами педагогики и диамата. Так, в одной из академических публикаций направлениями деятельности социального педагога предполагаются следующие: «социальное развитие самой личности, педагогизация среды, оптимизация взаимодействия человека и этой среды»<sup>34</sup>. При этом «педагогизация среды» никак не объясняется, кроме того, не учитывается тот факт, что человек не всегда взаимодействует с подобной средой, и тогда эффект действий социального педагога сильно ограничен рамками этой особенной среды.

Осуществляя переход от сформулированных абстрактным образом функций социальной педагогики («интегративно-преобразовательной, адаптивно-корреляционной, экспрессивно-мобилизующей, контрольно-санкционирующей, реабилитационно-разгрузочной и защитно-профилактической») к перечислению задач («адаптация, реабилитация, мобилизация, компенсация, профилактика, коррекция, стабилизация, контроль, пропаганда, просвещение»), И. А. Липский<sup>31</sup>, так и не обнаруживает в представляемой им профессии ее главного смысла: достижения социальной справедливости.

Впрочем, и учебное пособие по социальной педагогике полагает целью этой профессии «создание условий для психологического комфорта и безопасности ребенка, удовлетворение его потребностей с помощью социальных, правовых, психологических, медицинских, педагогических механизмов предупреждения и преодоления негативных явлений в семье, школе, ближайшем окружении и других социумах»<sup>16</sup>. Здесь деятельность социального педагога включает «диагностическую, прогностическую, посредническую, коррекционно-реабилитационную, охранно-защитную, эвристическую, предупредительно-профилактическую» функции. Как видим, здесь также нет ничего об изменении системы внешних условий, акцент делается лишь на приспособлении к этой системе.

В профессиональном журнале отмечается особая нравственная позиция социального педагога, направленность практических действий которого - смягчать трудности нелегкой жизни, помогать словом и делом<sup>37</sup>. При этом совершенно справедливо обрисовывается социально-экологический характер деятельности социального педагога, поскольку тот взаимодействует с центром семейного воспитания, районным центром занятости населения, воскресной православной школой, наркологическим диспансером, инспекцией по делам несовершеннолетних. По проблемам зависимости детей и подростков от психоактивных веществ в школах проводятся беседы врачей о вреде наркомании, алкоголизма и табакокурения на примерах из практики их работы. По вопросам

вымогательства денег, драк - беседы с инспектором по делам несовершеннолетних. В самом деле, работа с детьми - одновременно работа с их родителями, поэтому социальные педагоги беседуют с родителями, стремятся в отдельных случаях воздействовать на них или же получить поддержку в добрых усилиях, предпринимаемых детьми по отношению друг к другу. В реальности -- социальные педагоги работают с неблагополучными и опекаемыми семьями, «*ы плюс те семьи, нормальные, в которых тоже есть обыкновенные проблемы*». Как говорят наши респонденты, они выполняют функцию социального контроля: «*Тактично, не лоб в лоб, стараемся, чтобы ребенок сам описал ситуацию в семье. Таким образом, мы как бы контролируем родителей*» (социальный педагог, жен., 55 лет). В некоторых случаях инициатива акта проверки или предупредительной беседы с родителями принадлежит ребенку.

Случай из практики социального педагога (школа-интернат для детей-инвалидов)

Иногда дети сами просят, чтобы я пришла и посмотрела, как они живут. Вот один мальчик пожаловался, что у него проблемы с матерью. Она забирает все его деньги, которые выдает ему государство (пенсию, различные доплаты) и пропивает. Я пришла и говорю, что ее лишат материнских прав, на что она очень плакала, просила этого не делать, сказала, что этого не повторится. Сейчас пока еще держится, не знаю надолго ли. Еще раз ребенок пожалуется, буду ставить вопрос о лишении родительских прав. Часто бывает так: пугаешь, пугаешь, что лишишь родительских прав, а когда на самом деле лишаешь, то ребенок полностью становится на попечении у государства, а это даже выгодно матерям, больше денег остается на выпивку...

По мнению А. Е. Выгорбиной, «социальный педагог способствует развитию и формированию в подростковой среде гуманистической этики общения между сверстниками, учениками и преподавателями. Он развивает общественно необходимые качества, лучшие черты характера будущего гражданина страны, члена общества: ответственность за свои поступки, доброту, бескорыстие, силу воли, умение преодолевать сложные ситуации и проблемы, трудолюбие, любовь к родине, честь, достоинство. Социальный педагог стремится прививать детям основы культуры общения, взаимопонимание, терпимость, тактичность, доброжелательность, внимательность и заботливость. Важным направлением деятельности является формирование в детях «социального иммунитета» - способности сопротивляться негативному влиянию сверстников, если оно имеет место»<sup>38</sup>. По нашему мнению, персонификация социальных проблем в «плохих» учениках не может быть тактикой ни социальной педагогики, ни социальной работы. Желательно выработать в детях и подростках способность противостоять несправедливости, соблюдать права человека, сопротивляться негативным влияниям общества и системы, а не просто конкретных личностей. К тому же мнению склоняются и некоторые наши респонденты, особенно те, кто параллельно с трудовой деятельностью обучается на факультете социальной работы: «*Я однажды... говорю, давайте вот ребята поговорим вот об этом... 90 % правонарушений подростков только в кругу друзей, наркотики - опять друзья предлагают, [нужно детей] научить обезопасить [себя], научить жить в социуме, научить жить с самим собой как с социальным существом, я считаю, вот это увеличить [нужно] больше...*» (социальный педагог, жен., 42 года).

Кроме того, на наш взгляд, в задачи школьных социальных работников входит развитие следующих навыков и личностных качеств учащихся. Во-первых, социальная компетентность, в том числе гибкость, эмпатия и заботливость, позитивная коммуникация, креативность. Во-вторых, навыки решения проблем, в том числе, способность вырабатывать альтернативные решения, умение планировать деятельность. В-третьих, независимость, в том числе, позитивное ощущение власти, самоуважение, эффективность деятельности, самоконтроль, адаптивное дистанцирование. В-четвертых, навыки целеполагания, в том числе, «нормальные», или «здоровые» ожидания, установки, умение до определенной степени контролировать окружение, целеустремленность. В этом случае к решению таких проблем, как социальное расслоение, насилие, наркомания можно будет подходить не с позиций менторства и морализаторства, а в критической перспективе. Социальные педагоги упоминают о том, что в школах сегодня происходят насильственные конфликты и унижения на почве социального неравенства: «бомжихой» называют ученицу из бедной семьи ее одноклассницы, которые утверждают свое превосходство не только словами, но и кулаками. По этому поводу в школу были приглашены педагоги православной воскресной школы, чтобы «воспитать мягкость, тактичность, дружелюбие по отношению к сверстникам из малообеспеченных семей», кроме того, «добрые мысли и чувства коллектив преподавателей стремится воспитывать в процессе всего обучения, в том числе на уроках русской литературы»<sup>39</sup>.

Здесь бедность, очевидно, понимается и учениками, и социальными педагогами, и учителями не как социальное явление, а как моральная проблема. Аналогично трактуется и драка. Отсюда и методы - беседы (лекции) о терпимости вместо критических дискуссий, исследований и проектов помощи бедным, беженцам, пожилым.

С нашей точки зрения, позиция социальных работников и социальных педагогов современной России во многом характеризуется легитимацией государственной идеологии в отношении социальных проблем, тогда как в целях достижения социальной справедливости зачастую приходится добиваться изменений, в том числе, и на уровне законодательных и исполнительных решений. Если принять, что задачей «помогающих профессий» является уменьшение числа социальных проблем и их разрешение, то, привлекая идеи Р. Ленуара, необходимо вести речь о признании и легитимации проблемы как таковой. Речь идет о том, что «признание» проблемы означает «сделать очевидной особую ситуацию, превратить ее, как говорят, в «достойную внимания», что предполагает действие социально заинтересованных групп по производству новой категории восприятия социального мира с тем, чтобы на него воздействовать... С другой стороны, «легитимация» проблемы не выводится лишь из ее публичного признания, но предполагает особую деятельность по ее продвижению для внедрения в поле актуальных «социальных» забот»<sup>40</sup>. Иными словами, проблема возникает в силу объективных обстоятельств, однако, чтобы она вошла в ранг социальных и общество и государство озаботились ее решением, необходима специфическая деятельность, направленная на социальную мобилизацию.

Социальным педагогам приходится нередко сталкиваться со случаями, когда «способный, умный, добрый, хорошо воспитанный ученик третируется и презирается, подвергается грубому гонению, даже физическому воздействию со стороны одноклассников, которые зачастую относятся к «группе риска». Но это не значит, что философия гуманизма несовместима с целями выживаемости человека: наоборот, именно гуманизм является тем ориентиром, который, распространяясь в жизни школы и общества в целом, призван поднять и возвысить человека, сделать его судьбу красивой и доброй. Гуманистический подход к человеку спасает его в трудных, сложных, экстремальных условиях и ситуациях»<sup>41</sup>. Как видим, здесь речь идет в большей степени об абстрактной философии гуманизма (добро, милосердие, красота), хотя гуманизм в социальной работе и социальной педагогике, скорее, более конкретен и связан, во-первых, с правами человека, а во-вторых, с принципами гуманистической психологии и этики социальной работы: ориентация на внутренние ресурсы человека, мобилизация ресурсов индивида и социальной группы, критика несправедливости, вскрытие структурных механизмов социального неравенства и социальных проблем. Ведь школа может как способствовать, так и препятствовать реализации идей социальной справедливости, гендерного равенства, доступа к информации<sup>42</sup>, поэтому роль социального педагога состоит именно в том, чтобы латентные функции школы как социального института не перевешивали декларируемые и не наносили вред наиболее слабым, незащищенным учащимся.

На наш взгляд, социальная педагогика, или социальная работа в образовательном учреждении, является важным агентом социальных изменений, поскольку может способствовать развитию гражданской позиции учащихся, в том числе, фасилитировать процессы интеграции детей-инвалидов в среду обычной общеобразовательной [школы]. Система образования в современной России переживает глубокие изменения, различные учебные заведения трансформируются в результате правительственных реформ и под влиянием рыночной экономики. При этом на повестку дня выходят ценности социального включения, интеграции, социальной справедливости.

И российские социальные педагоги начала XXI века участвуют в этих процессах с растущим профессиональным самосознанием, которое позволяет им видеть структурные, а не сугубо индивидуальные причины социальных проблем: *«Они [клиенты] считают себя виноватыми, они не понимают, что в этом государство виновато. Они стесняются своих проблем и боятся их»* (социальный педагог, жен., 42 года).

#### Выводы

Драматургический подход к анализу развития социальной работы и социальной педагогики представляется актуальным в силу специфики самого процесса интеграции этих новых видов деятельности в существующие в России социальные институты и профессиональные структуры. Новые виды деятельности политически ориентированы на международную риторику о правах человека и социальной справедливости. К началу 1990-х годов отечественные образовательные институты в целом были еще весьма далеки от такой политической линии, во-первых, потому, что

такая риторика фактически отсутствовала в программах подготовки учителей, уставах школ и школьных программах. Во-вторых, учреждения дошкольного, среднего и среднего специального образования не были приспособлены к осуществлению программ социальной поддержки, социальной адаптации, фокусируясь лишь на обучении и идеологической индоктринации. Приход социальных педагогов школу в 1990-е годы оказался социальной инсценировкой, если применить метафору Л. Ионина, то есть поспешным введением новых видов деятельности в условиях, когда отсутствовала ясная программа их деятельности, отлаженная система подготовки, литература, методические рекомендации и условия работы. Первопроходцам здесь пришлось нелегко.

Сказывался и дефицит инфраструктуры для деятельности социального педагога - отлаженной межведомственной системы профилактики детской безнадзорности и делинквентности, квалифицированных специалистов помощи семье, низкая эффективность профессиональных ассоциаций социальных педагогов и социальных работников.

Неудивительно, что при отсутствии социальных и организационных предпосылок развития социальной педагогики в школах, развитие этой профессиональной деятельности идет с затруднениями, организм дошкольного и школьного образования сопротивляется ей как «инородному телу». Отсюда и непонимание со стороны учителей, администрации, технического персонала школ, отсутствие оборудования и условий для работы, административные ограничения, символическая конкуренция за сферы влияния между разными ведомствами и профессиями. Пока социальные педагоги уступают в этой конкурентной борьбе, а все аргументы, объясняющие трудности ограниченными материальными ресурсами, как показывает анализ, в большей степени лишь утверждают маргинальность положения социальных педагогов. Искренний порыв представителей новой профессии смягчить социальное неравенство и создать условия для защиты интересов наименее защищенных групп детей вступает в противоречие со сложившимися традициями и институциональными структурами школ, интернатов и детских садов. Драматургический подход Гофмана помогает увидеть внутренний ролевой конфликт, сопровождающий профессионализацию социальной педагогики в условиях постсоветских педагогических институтов.

Другой аспект - уникальность знания. Много из того, чем занимается в школе социальный педагог, чему обучается на курсах повышения квалификации, что обсуждает на регулярных семинарах с коллегами, что разыскивает из нормативной документации, наконец, по крупицам накапливаемый опыт - все это остается в сугубо внутреннем ведении этого специалиста. Тем самым возникает дискурс хранителей особого знания, защищенного от непосвященных, трепетное отношение к тому, что по Гофману можно было бы назвать «закулисьем». Эти практики «бережливости» по отношению к информации достаточно типичны для любых специалистов, охраняющих свой мир от непосвященных, но в случае с социальной работой - такая охрана границ имеет особое значение в условиях выстраивания особой идентичности в окружении достаточно отчужденных специалистов и инстанций.

В нашем исследовании стало очевидным, что социальные педагоги придерживаются «детоцентристской» перспективы в своей работе. В этом и состоит коренное отличие от способов воспитания позднесоветской эпохи, унаследованных современным образованием, органами внутренних дел и пенитенциарной системой, направленных на контроль и наказание детей, на поиск причин делинквентности в самих подростках, а не в той среде, которая их окружает. В фокусе контроля, осуществляемого социальными педагогами, в большей степени оказываются условия жизни учащегося, воспитанника, его жизненные шансы. Набор случаев, с которыми работают наши респонденты, группируется в простую классификацию проблем жилья, бедности, лишения родительских прав и установление опекунов, поиск родственников, привлечение родителей к ответственности. Действуя в интересах детей, социальные педагоги в содружестве с инспекторами по правам ребенка из районных отделов образования, специалистами социальной работы учреждений социальной сферы выступают на стороне ребенка перед администрацией школы, города, перед специалистами других ведомств, обращаясь к неправительственным организациям, привлекая разнообразные ресурсы, при этом сами в вопросах заработной платы, льгот и социального обеспечения оказываются в более ущемленном положении по сравнению с обычными педагогами образовательных учреждений.

<sup>1</sup> *Социальная педагогика: Учеб. пособие / Под ред. М. А. Галагузовой. М.: ВЛАДОС, 2000. С. 16-17.*

<sup>2</sup> *Applebaum H. A. Royal Blue: the Culture of construction workers. New York: Holt, Rinehart &*

Winston, 1981; *Gamst F.* The hoghead: the industrial ethnology of locomotive engineer. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1980; *Maanen J. van.* Observations on the Making of policemen. Human Organisation. 1983. №32. P. 407-418; *Schwartzman H. B.* Ethnography in Organizations. London: Sage Publications, 1993. P. 12-15.

<sup>3</sup> См.: *Романов П. В.* Социальная антропология организаций. Саратов: СГТУ, 1999.

<sup>4</sup> *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 285-286.

<sup>5</sup> *Социальная педагогика: Учеб. пособие / Под ред. М. А. Галагузовой.* М.: ВЛАДОС, 2000. С. 19; См. также: *Бочарова В. Г.* Социальная педагогика. М., 1994.

<sup>6</sup> *Вестник образования.* 1993. № 2.

<sup>7</sup> *Письмо управления образования администрации Среднегорской области от 5 июля 1993 года.*

<sup>8</sup> Это инновационные образовательные учреждения, в том числе лицеи, гимназии, а также специальные образовательные учреждения, включая школы-интернаты для детей-инвалидов, детские дома.

<sup>9</sup> *Вестник образования.* 1993. № 2.

<sup>10</sup> Из аналитической справки социального педагога городского методического центра Комитета по образованию администрации Среднегорска «Проблемы развития городской социально-педагогической службы».

<sup>11</sup> *Социальная педагогика // Словарь-справочник по социальной работе.* М.: Юристь, 1997. С. 322.

<sup>12</sup> *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 63.

<sup>13</sup> Там же. С. 54. <sup>м</sup> Там же.

<sup>15</sup> *Романов П. В.* Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 65.

<sup>16</sup> *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 56. <sup>17</sup> *Лошакова И. И.* Социальные процессы в образовании. Саратов: СГТУ, 2001.

<sup>18</sup> *Липский И. А.* Социальная педагогика: практика, научная дисциплина, образовательный комплекс // Педагогика. 2001. Ла 1. С. 31-32.

<sup>19</sup> *Социальная педагогика: Учеб. пособие / Под ред. М. А. Галагузовой.* М.: ВЛАДОС, 2000.

<sup>20</sup> Там же. С. 21-22.

<sup>21</sup> *Социальная педагогика // Словарь-справочник по социальной работе.* М.: Юристь, 1997. С. 323.

<sup>22</sup> Образовательное учреждение для детей с отставанием в интеллектуальном развитии.

<sup>23</sup> *Выгодский Л. С.* Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 284.

<sup>24</sup> *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 79.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же. С. 145.

<sup>27</sup> Там же. С. 287.

<sup>28</sup> См.: *Козерл.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 166.

<sup>29</sup> *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 76.

<sup>30</sup> С декабря 2001 года зарплата социального педагога была увеличена вдвое: в зависимости от категории специалист получает теперь от 900 до 1600 руб.

<sup>31</sup> *Социальная педагогика: Учеб. пособие / Под ред. М. А. Галагузовой.* М.: ВЛАДОС, 2000. С. 23.

<sup>32</sup> Там же. С. 24.

<sup>33</sup> Распоряжение от 4 декабря 2000 года № 391-Пр.

<sup>34</sup> *Липский И, А.* Социальная педагогика: практика, научная дисциплина, образовательный комплекс // Педагогика. 2001. № 1. С. 25.

<sup>35</sup> Там же. С. 26.

<sup>36</sup> *Социальная педагогика: Учеб. пособие / Под ред. М. А. Галагузовой.* М.: ВЛАДОС, 2000. С. 24.

<sup>37</sup> *Выгорбина А, Е.* Специфика воспитательной работы социального педагога // Педагогика. 2000. № 5. С. 36.

<sup>38</sup> Там же. С. 39.

<sup>39</sup> Там же. С. 38.

<sup>40</sup> *Ленуар Р.* Предмет социологии и социальная проблема // Начала практической социологии. М: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 112.

<sup>41</sup> *Выгорбина А. Е.* Специфика воспитательной работы социального педагога // Педагогика. 2000. № 5. С. 40.

<sup>42</sup> *Ярская В. Н.* Методология университетского социального образования // Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. Саратов: СГТУ, 2001. ШКОЛА-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Целью данной главы является изложение аналитического кейс-стади, проведенного методами включенного наблюдения, интервью и анализа документов в школе-интернате для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Данное учебное учреждение анализируется нами как типичный элемент системы специального образования, поэтому в первой части главы мы остановимся на основных характеристиках и динамике преобразований этой системы. Далее будут рассмотрены особенности социализации детей с нарушениями моторики в условиях школы-интерната.

Система специального образования: конструирование инвалидности

Система образования для детей с особыми потребностями, или специального образования, находится на стыке межведомственных интересов. Проблемами детей и подростков-инвалидов занимаются три государственных организации: Министерство здравоохранения РФ, Министерство труда и социального развития РФ и Министерство образования РФ, в чьем ведении и находится система специального образования. Такое пограничное положение вместо того, чтобы обеспечивать тройную заботу, нередко выносит образование детей-инвалидов за рамки внимания соответствующих ведомств и подальше от любопытных взглядов общественности. При этом практически не предпринимаются попытки проведения целостного научного анализа этой проблемы. Она не попадает ни в сферу интересов отечественных исследователей в области социологии образования, ни в предметное поле работ по изучению социальной политики, а исследования медиков и дефектологов, за исключением некоторых современных проектов касаются узкоспециальных тем.

Между тем, согласно статистическим данным, 1,7 млн детей в Российской Федерации (4,5 % всего детского населения) относятся к категории детей с ограниченными возможностями здоровья и нуждаются в создании специальных условий для получения образования. Более 500 тыс. детей и подростков обучается в системе специального образования, около 34 тыс. на дому или в школах индивидуального (надомного) образования<sup>2</sup>. Многие дети со специальными потребностями посещают обычные общеобразовательные школы, но статистики по этой категории, к сожалению, нет, потому что несмотря на принятие закона «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)»<sup>3</sup>, предусматривающего внедрение принципов интегрированного обучения, механизмы реализации этих принципов на сегодняшний день просто отсутствуют.

Социокультурные, политические и экономические трансформации, изменение законодательной базы, произошедшие в России в последние годы, наметили новые гуманистические тенденции в социальной политике в отношении инвалидов. Эти тенденции, ориентированные на интеграцию, способствовали появлению новых моделей социальной поддержки, основанных не на компенсации дефекта за счет предоставления льгот и материальных пособий, а на создании условий для независимой и полноценной жизни людей с особыми потребностями. Одним из таких условий как раз и является доступ к образованию и расширение альтернатив в выборе образовательных и профессиональных стратегий. В связи с этим актуальным представляется вопрос, каким образом изменение концепции специального образования и его законодательной основы влияет на изменения образовательных практик и политик на микроуровне. Ведь эти модификации оказывают существенное влияние на жизненный выбор и конструирование идентичности человека.

Образование для людей с особыми потребностями является предметом исследования сразу нескольких дисциплин: медицины, специальной педагогики, социологии. В советское время особое закрытое положение этого сектора образовательной системы было обусловлено стремлением коммунистической идеологии к исключению социальных проблем из публичного дискурса.

Некоторые наиболее чувствительные проблемы считались или несуществующими, или решенными, что определило преобладание узкопрофессиональных медицинских и педагогических исследований и отсутствие социологического осмысления в этой области. В аналитических работах зарубежных

ученых, посвященных образовательной системе СССР, прослеживается та же тенденция. Специальное образование либо вовсе не рассматривается<sup>4</sup>, либо коротко упоминается в числе других образовательных сервисов для специальных категорий детей (колонии для несовершеннолетних)<sup>5</sup>, либо в связи с различиями западной и отечественной терминологии под понятие «специальное образование» попадают специализированные школы для одаренных детей<sup>6</sup>. Среди работ, в которых предпринималась попытка исследовать систему образования для инвалидов, сложившуюся в СССР, можно выделить анализ статистических данных<sup>7</sup> и анализ идеологии, исторического контекста и современного положения этой системы<sup>8</sup>.

Следует заметить, что развитие отечественной системы образования для детей-инвалидов, несмотря на различия социокультурного контекста, коррелирует с развитием института специального образования в западных странах, где социологические исследования специального образования имеют свою историю. Р. Сли анализирует различные взгляды на проблему инвалидности и специального образования, опираясь на более раннюю работу Г. Фалчера<sup>9</sup>, и выделяет пять подходов в исследовании этой проблемы - эссенциалистский, социально-конструктивистский, материалистский, постмодернистский подходы и подход с позиций движения инвалидов<sup>10</sup>.

В связи с существованием на Западе различных путей получения образования для детей-инвалидов: специальные школы, специальные классы, частичная интеграция (link school), или интегрированное обучение, - ряд исследований посвящены сравнению этих форм обучения. С начала 1970-х годов эти работы претерпели определенную эволюцию от критики сегрегированного образования инвалидов к попытке оценить плюсы и минусы различных форм обучения<sup>11</sup>. Тридцатилетний опыт внедрения интегрированного образования показал наличие разрыва между теориями включения и практикой. Современные исследователи предпринимают попытку преодолеть этот разрыв, рассматривая специальное образование в более широком социальном и политическом контексте. Как отмечают Г. Томас и Э. Локсли, внедрение воюющих моделей в образование детей с особыми образовательными потребностями невозможно<sup>12</sup> и утопично вне создания включающих моделей на уровне общества и политики<sup>12</sup>.

Что касается отечественных исследований, в России тема специального образования постепенно становится предметом обсуждения политиков и законодателей. И хотя процесс этот редко выходит на уровень публичной дискуссии и мало освещается средствами массовой информации, наметившиеся социально-политические тенденции, с одной стороны, определили необходимость и появление социологических исследований проблемы<sup>13</sup>. С другой стороны, педагогические исследования в этой области приобретают междисциплинарный характер, начинают обращать внимание на социальный и правовой аспект проблемы, включают в себя элементы социологического анализа<sup>14</sup>.

Теоретическое и методологическое значение для исследования данной проблемы имеют работы, посвященные социальному конструированию идентичности, конструированию инвалидности и тендера, моделированию различий, а также теории скрытого учебного плана и организационной культуры. П. Бергер и Т. Лукман, используя социально-конструктивистский подход, рассматривают социальную реальность как объективную и субъективную одновременно, так как она независима от индивида, но в тоже время создается им в процессе социального взаимодействия<sup>15</sup>. К. Уест и Д. Зиммерманн отмечают, что тендер формируется созданием различий между полами, «которые не являются естественными, сущностными или биологическими»<sup>16</sup>. Таким образом, гендер понимается как социальный конструкт, основанный на биологическом поле, поло-ролевых стереотипах, присущих данному обществу и понятии «тендерного дисплея», введенном И. Гофманом, как механизме создания тендера.

Е. Здравомыслова и А. Темкина<sup>17</sup> выделяют три источника социального конструирования тендера: понимание социальной реальности, основанное на концепции социального конструирования Бергера и Лукмана и теориях социализации, предполагающих усвоение тендерных ролей, символический интеракционизм И. Гофмана, в котором гендер представляется одновременно результатом и источником взаимодействия, и этнометодология Г. Гарфинкеля. Теория социального конструирования тендера обращает особое внимание на то, что гендер создается как отношение неравенства, находясь в неразрывной связи с категориями этничности и класса.

Гендерная идентичность ребенка-инвалида не может рассматриваться отдельно от контекста инвалидности. В рамках социально-конструкционистского подхода инвалидность конструируется при помощи интерпретаций, создаваемых на основании социальных ценностей и установок<sup>18</sup>. Этот

подход использует теории моделирования различий: теорию стигматизации Гофмана<sup>19</sup>, теорию девиантности Беккера<sup>20</sup>, а также концепции М. Фуко<sup>21</sup>. Различия и идентичность конструируются внутри и посредством социальных отношений. Различия рассматриваются позитивно - как разнообразие или негативно - как девиация в зависимости от личных и социальных интерпретаций. Важность такого подхода, как отмечает Е. Р. Ярская-Смирнова, в том, что позволяет представить инвалидность не как статичное состояние, а как процесс ограничения возможностей, зависящий от социальных факторов<sup>22</sup>.

Исследуя факторы, определяющие особенности конструирования идентичности в школе, следует уделить особое внимание теориям скрытого учебного плана, которые предполагают наличие не только официальных учебных программ, но и недекларируемых установок и практик, посредством которых осуществляется социальный контроль. Е. Ярская-Смирнова выделяет три основных компонента скрытого учебного плана: организация образовательного учреждения (в том числе стратификация учительской профессии, отношения в педагогическом коллективе, организационная культура школы), язык учебников и уроков, а также способы коммуникации в образовательном учреждении (включая методы обучения и оценивания)<sup>3</sup>. Все эти составляющие могут поддерживать неравенство в измерениях тендера, этничности, инвалидности и влияют на конструирование идентичности учащихся. Одним из компонентов скрытого учебного плана является организационная культура учебного заведения. Это понятие операционализируется в современных этнографических исследованиях организаций.

#### Становление системы специального образования в России

Школы для детей со специальными потребностями появились в России в самом начале XIX века, в 1806 году на средства из личных капиталов императрицы Марии Федоровны была открыта первая школа для глухих детей, в 1807 году - для слепых. Для сравнения: в Европе подобные учебные заведения возникают на 20-30 лет раньше. По словам Н. Н. Малофеева, «в эволюции отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии в России воспроизводятся все те же периоды, что и в европейской цивилизации, но со значительным отставанием в масштабе исторического времени»<sup>25</sup>, и, что кажется нам не менее важным, в другом социокультурном контексте. Финансирование системы социального призрения, в частности школ для детей с отклонениями в развитии, осуществлялось за счет благотворительных средств, большую часть из которых жертвовала императорская фамилия. Следует также отметить, что благотворительные акции заключались не только в денежных пожертвованиях, но и носили характер личного безвозмездного участия, в том числе профессионального, представителей университетской и медицинской интеллигенции, которые проводили бесплатную диагностику детей, педагогическую помощь и консультирование родителей. В начале XX века после принятия закона о всеобщем начальном образовании число детей со специальными потребностями, стремившихся получить школьное образование, резко возросло, и система социального обеспечения, существовавшая на средства от частных пожертвований, не могла обеспечить реализацию этого постановления, а государственный бюджет систему специального образования не поддерживал.

После социалистической революции 1917 года государство принимает на себя финансирование системы социальной помощи, в том числе специального образования. Система, сложившаяся до революции, опиралась на благотворительность и поддержку православной церкви. В условиях запрещения филантропически благотворительной деятельности и отделения церкви от государства, вся ответственность за образование и воспитание детей-инвалидов возлагается на Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), для которого этот сектор не входил в число приоритетных. Таким образом, только через 20 лет советской власти удалось восстановить инфраструктуру образования детей-инвалидов, сформировавшуюся к 1914 году.

В 1930-е годы финансирование учреждений специального образования, большинство которых составляли школы-интернаты, передается в ведение местных бюджетов, зачастую игнорировавших нужды школ для детей с особыми потребностями в пользу всеобщего обучения нормальных детей, чье образование считалось более значимым и полезным для страны. Политика всеобща, ориентирующая на единые для всех образовательные стандарты, обусловила необходимость отдельного обучения инвалидов, а также вытеснение из образовательной системы детей с глубокими нарушениями интеллекта, определение их как «необучаемых». При этом политика в отношении аномальных детей становится частью государственной политики по отношению к социально

неблагополучным категориям детей- беспризорникам, малолетним преступникам. Только в начале 60-х годов положение специальных образовательных учреждений стабилизировалось и несколько улучшилось. Было восстановлено финансирование из всесоюзного бюджета и полное государственное обеспечение воспитанников. В 50-90-е годы происходит становление системы специального образования в ее современном варианте, дифференцируется структура школ. Обращая внимание на различие региональных тенденций развития системы образования детей-инвалидов в СССР, ')). Саггон отмечает, что они были вызваны не только спецификой местных профессиональных и административных практик, но и различными культурными аттитудами к помещению детей в спецшколу, а так же условиями лингвистического многообразия. Согласно приведенным им данным, в 1980 году наибольшее количество школ-интернатов для детей со специальными потребностями находилось на территории России (295) и Белоруссии (101), а наименьшее в кавказских республиках (17) и Прибалтике (27)

Экономический кризис 1990-х годов, затронувший, прежде всего, самые незащищенные слои общества, не мог не сказаться на положении системы специального образования, которая вновь, как в 30-е годы, передается в ведение региональных и местных бюджетов. В этот период, с одной стороны, складываются новые экономические обстоятельства, благоприятные для развития специальных образовательных учреждений {ратификация международных соглашений, благотворительные фонды, целевые программы помощи, возможность негосударственного финансирования), с другой - рушится сложившаяся система, дети с ограниченными возможностями попадают в число наименее защищенных социальных групп, в стороне от приоритетов государственного финансирования. Сложности возникают' и в связи с попытками реорганизовать систему специального образования, создать возможности интегрированного обучения для детей с особыми потребностями, предоставить им право выбора между закрытой интернатской системой и интегрированной общеобразовательной школой. Как в связи с этим будут распределяться средства и осуществляться финансовая поддержка образовательных учреждений, где обучаются дети-инвалиды, необходимая для оказания специальных образовательных услуг и создания специальных условий среды, пока не совсем ясно.

Со сменой общественно-политического контекста менялись и подходы к специальному образованию. В XIX веке образовательные учреждения для детей с особыми потребностями возникают в рамках формирования системы социальной защиты или, как тогда говорили, «общественного призрения лиц, нуждающихся в опеке». В начале XX века, когда стали возникать специальные медико-педагогические концепции обучения детей, в основном с умственными недостатками, разрабатываемые И. В. Маляревским, А. С. Грибоедовым, В. П. Кащенко, Г. И. Россолимо, появляется термин «лечебная педагогика», а учебные заведения для таких детей назывались «лечебно-воспитательными». Для данного периода характерно нечеткое диагностическое разделение детей. Например, в школе для исключительных детей, а именно так называл свое учебное заведение В. П. Кащенко, обучались «дефективные, нервные и трудные дети». При таком подходе целью медико-воспитательной программы было создание специальных образовательных условий для детей с тем или иным недостатком развития и «выправление характера» нервных и грудных подростков, при этом акцент делался не на медицинских, а социальных услугах и социокультурных аспектах воспитания<sup>17</sup>. С 1917 года и на протяжении последующих семидесяти лет в советской науке использовался термин «дефектология», отсылающий нас к концепции Л. С. Выгодского, оказавшей большое влияние на развитие специальной педагогики во всем мире. К сожалению, как это нередко случалось в тот период, его теория, основанная на необходимости всестороннего изучения ребенка в физиологическом, психологическом и социальном аспектах, вошла в дефектологию в несколько усеченном варианте, что способствовало возобладанию медицинского подхода к образованию и воспитанию детей со специальными потребностями. Понятийный аппарат этой науки по большей части был заимствован из медицины и психологии, например, в ней прочно закрепились термины «диагностика», «коррекция», «патология», «дефект», «аномалия развития» и многие другие слова, означающие медицинские диагнозы детей, находящихся в системе специального образования: школы для глухих (слепых, глухонемых), «олигофренопедагогика», «умственно неполноценные дети». Такой перенос слов, а вместе с ними и смыслов, из одной предметной области в другую, способствовал медикализации дискурса специального образования, превращению его в педагогику для дефективных, аномальных, больных, требующих коррекции детей. В соответствии с таким

подходом в СССР создается сеть специальных закрытых учреждений, преимущественно школ-интернатов, для детей физическими и умственными нарушениями развития.

Можно выделить ряд предпосылок для формирования именно такой образовательной системы для детей-инвалидов. Во-первых, малая экономическая эффективность труда инвалидов, а следовательно, и неэффективность вложения средств в их образование в условиях, когда именно экономический эффект и труд на благо Родины выступали основными критериями при распределении ресурсов. Во-вторых, стремление советского партийного руководства вытеснить обсуждение социальных проблем из публичного дискурса, что обуславливало их сокрытие на уровне практик. Отдельные интернаты позволяли, с одной стороны, минимализировать расходы на содержание, медицинское обслуживание и образование детей-инвалидов, с другой - помогали скрыть проблему и тех, кто ее олицетворял. Следует заметить, что система интернатов для детей с особыми потребностями и система больничного обучения существовали и в других странах. Но широкая дискуссия относительно гуманизации подходов к специальному образованию и внедрения принципов включенного, или интегрированного, обучения для детей с особыми потребностями, начатая в 1970-е годы заставила пересмотреть многие принципы образовательной политики в отношении детей-инвалидов, способствовала появлению реальных альтернатив закрытой системе интернатов и разработке практических механизмов их реализации в развитых странах. В советский период обращение к мировой практике обучения и воспитания детей с особыми потребностями было невозможным, что объяснялось не только общей закрытостью страны, но и закрытостью дефектологии, занимавшей особое место в ряду педагогических наук. И сегодня эта часть образовательной системы недостаточно использует новый опыт, новые методы и подходы. В России специальные интернаты по-прежнему остаются для детей-инвалидов основной возможностью получить образование. К настоящему моменту эта система насчитывает восемь типов школ, называемых специальными (коррекционными) образовательными учреждениями, различающихся по диагнозу воспитанников: 1) школа-интернат для глухих детей; 2) школа-интернат для слабослышащих и позднооглохших детей; 3) школа-интернат для незрячих детей; 4) школа-интернат для слабовидящих детей; 5) школа-интернат для детей с тяжелыми нарушениями речи; 6) школа-интернат для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата; 7) школа-интернат для детей с трудностями в обучении - задержкой психического развития; 8) школа-интернат для детей с умственной отсталостью.

В начале 90-х годов, когда Россия начала постепенно открываться мировому сообществу и приводить в соответствие с международными стандартами принципы своего социального обеспечения, была предпринята попытка внести некоторые изменения в принципы образования для детей со специальными потребностями. На уровне официальной риторики эти изменения выразились, в частности, в замене термина «дефектология» на термин «коррекционная педагогика». Такое изменение названия трудно назвать удачным: оно сильно сужает предметную область специальной педагогики, сводит ее к исправлению недостатков учащихся; термин недостаточно распространен в мировой практике и не выводит проблему за рамки диагноза и медицинского дискурса, так как дефект в новом названии просто заменен на относящееся к нему действие (коррекция)

В последние годы в России предпринимаются попытки гуманизировать научный и политический дискурсы в отношении инвалидности, в том числе в отношении образования детей-инвалидов. Вводятся принятые в международной педагогической теории и практике понятия «специальной педагогики» и «специального образования» вместо диагностически окрашенных, подчас оскорбительно звучащих, терминов, принятых в дефектологии, начинают применяться более нейтральные, например ребенок «с особыми образовательными потребностями», «со специальными потребностями», «нуждающийся в специальных образовательных услугах», «с ограниченными возможностями здоровья». Но к сожалению, эти политически корректные инновации, во-первых, мало распространяются в массовом сознании, а во-вторых, часто являются только внешними атрибутами, маскирующими дефектологию под специальную педагогику, пока не изменяющими ее сути.

Закладывая основу для изменения поведения и установок, новые интенции образовательной системы вступают в противоречие с медицинской и социально-правовой сферами экспертизы. Например, из соображений корректности в нормативно-правовых и официальных документах детали диагноза в

названиях специальных учебных заведений кодируются по их порядковому номеру: от одного до восьми в соответствии с группой диагнозов, упоминавшихся выше. Однако это постановление, с одной стороны, не работает на микроуровне, так как при входе в школы по-прежнему висят соответствующие таблички с диагностическими названиями: «Школа-интернат для слепых (или слабослышащих, или с нарушениями опорно-двигательного аппарата)», а сотрудники и чиновники в повседневном обращении используют ранее принятые названия этих учреждений. С другой стороны, такой подход как бы накладывает новый гриф секретности, создает новую завесу молчания вокруг всего, что связано со специальной педагогикой и обучением детей с особыми образовательными потребностями.

На региональном уровне, в институтах специального образования и в соответствующих ведомствах по-прежнему употребляется старая терминология, да и в научной среде, чтобы лучше пояснить, о чем идет речь и избежать путаницы, часто используется двойное название, например: «Обучение детей с нарушениями интеллектуального развития (олигофренопедагогика)». Такая противоречивость действий и смыслов, а также двойственность наименований как нельзя лучше характеризуют состояние переходного периода не только в системе специального образования, но и в российской социальной политике в целом. С одной стороны, развернута дискуссия о необходимости интеграции детей с особыми потребностями, о деинституционализации и гуманизации системы специального образования и о политике равных возможностей для таких детей, с учетом которой создаются новые законодательные акты и учебные программы, с другой - повседневная практика на региональном уровне во многом пока остается неизменной.

В Среднегорской области число детей-инвалидов в период с 1999 по 2000 годы выросло с 9100 до 9300 человек. Такое увеличение численности детей со специальными потребностями может быть связано и с изменением возрастных рамок этой категории, с 2000 года к ней относятся дети от рождения до 18 лет. Исследование системы образования для детей с особыми потребностями очень значимо, так как из общего числа детей-инвалидов, проживающих на территории региона, 59 % находятся в школьном возрасте 8-14 лет, а 21 % детей в возрасте 4-7 лет придут в школу в течение ближайших лет.

В ведении местного управления образования находится 1479 школ, включая 29 специальных школ восьми типов для детей с особыми образовательными потребностями, в которых в 2000 году обучались 4206 человек. Состав учащихся показывает, что в этих учебных заведениях преобладают дети с проблемами умственного развития (рис. 1).

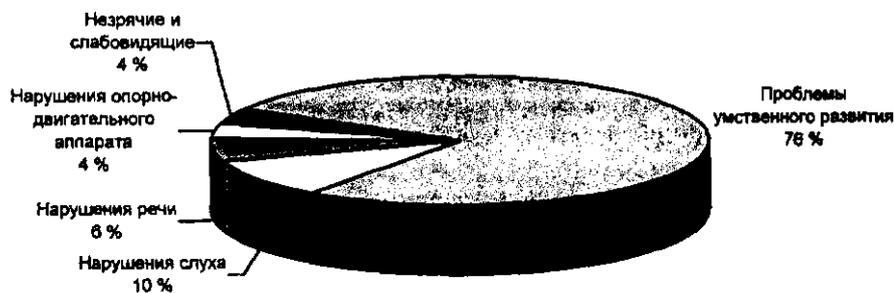


Рис. 1. Состав учащихся средних специальных учебных заведений Среднегорской области (ведомственная статистика, 2000 год)

По сравнению с 1999 годом, численность детей, обучающихся в таких учебных заведениях, увеличилась на 4 %. Количество классов для детей с ограниченными возможностями, организованных при общеобразовательных учреждениях, в 2000/2001 учебном году снизилось на 18 % и составило 6 классов, где обучаются 92 ученика. Количество классов для детей с задержкой психического развития - 9, в них обучаются 92 ребенка (в 1999 году - 112 детей)<sup>28</sup>. Небольшая часть детей со специальными потребностями обучается по стандартной программе в обычных общеобразовательных школах города, но данные по этой категории собираются только на уровне районных отделов образования города в одном ряду с другой «неблагополучной» статистикой: количество неполных семей, детей, находящихся на учете в милиции. Такой подход может рассматриваться как наследие советской социальной политики в отношении детей-инвалидов.

Школа-интернат \*

Мы рассматриваем случай школы-интерната для детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, которая была открыта в 1960 году. К этому времени многие дети, пострадавшие от эпидемии полиомиелита в начале 50-х годов, как раз достигли школьного возраста, поэтому большинство первых воспитанников интерната имели именно этот диагноз. В 2001 году 99 % учащихся интерната составляют дети с диагнозом «детский церебральный паралич (ДЦП)». Согласно статистике, по России дети с детским церебральным параличом составляют 89 % от общего числа детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата<sup>29</sup>. Учебное заведение, о котором пойдет речь, входит в число 44 школ-интернатов для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата на территории России.

### Чужие здесь не ходят

Школа-интернат размещается в небольшом двухэтажном здании постройки первой трети XX века. Хотя школа расположена в одном из центральных районов (в нескольких минутах ходьбы от центра города), найти ее непросто, так как здание находится во дворе жилых домов. Заходя с улицы, мы не находим никаких свидетельств того, что во дворе есть специальная школа-интернат, единственная табличка, сообщающая об этом, размещена таким образом, что прочитать ее можно, только подойдя вплотную к входной двери. Между тем ведомственная гостиница и офисы, расположенные рядом, имеют броские таблички со стороны улицы. В том месте, где находится арка, ведущая во двор интерната, на улице с очень оживленным движением нет ни светофора, ни знака «Осторожно - дети!», а автобусы находящегося напротив завода, которые паркуются длинной вереницей вдоль обочины дороги, создают дополнительную трудность для перехода через дорогу.

Во дворе интерната есть качели и спортивная площадка (небольшая территория, огороженная провололочной сеткой), изредка там играют воспитанники и никогда ~ дети из окрестных домов, хотя по свидетельствам учителей и местных жителей лет десять назад совместные игры со здоровыми детьми, проживающими неподалеку, не были редкостью. *«Мы с ними часто в футбол играли на уродской площадке. (Удивление интервьюера.) Да нет, они сами так ее называли. Серьезно играли, безо всякого. Они просто брали еще одного игрока... Из интернат ходили, в теннис настольный играть. Там некоторые так здорово играли»* (местный житель Виктор, 33 года). Сегодня контакты воспитанников со здоровыми сверстниками очень ограничены, если не считать встреч с детьми из подросткового клуба, которые в качестве шефской помощи иногда участвуют в организации и проведении праздничных мероприятий. Как отмечают учащиеся интерната, дружеских отношений с «шефами» у них не складывается.

Установки учителей и воспитателей в том, что касается включения воспитанников в жизнь «за забором» школы, весьма противоречивы. С одной стороны, в нарушение Полевого исследование проводилось совместно с Л. Кругловой и Т. Кирьяновой. ведомственных инструкций, директор принял решение позволять своим ученикам самостоятельные прогулки. Особое значение это разрешение имеет для тех детей, кто постоянно проживает в интернате. Учителя и воспитатели положительно относятся к предоставлению большей свободы своим воспитанникам, но в то же время воспринимают новую практику как нечто исключительное, комментируя словами: «мы их даже выпускать стали».

Посторонних посетителей в интернате практически не бывает. Директор, учителя и другой персонал, сетуя на отсутствие поддержки и помощи в воспитании детей, к «чужакам» относятся очень настороженно. Можно выделить несколько причин такого отношения: недоверие, основанное на неудачном опыте сотрудничества - *«Л" нам уже сто раз приходили из всяких там фондов, только мы от этого ничего не получали»*; отсутствие веры в то, что кто-то со стороны может быть по-настоящему заинтересован в судьбе детей - *«Кому они еще кроме нас-то нужны?»*; боязнь нарушения привычного хода вещей - *«У нас уже все налажено», «Что бы конкретно вы хотели с ними делать? Театр-а? У нас уже есть театр»* (директор, 55 лет), опасение потерять неприкасаемый статус экспертов, разделить власть, на каком-то уровне граничащее с ревностью. Расскажем о своем опыте вхождения и пребывания в поле.

Мы пришли в интернат по рекомендации человека, хорошо знакомого с директором и оказавшего большую помощь этому учебному заведению. Такая протекция позволила беспрепятственно проникнуть в директорский кабинет, но не добавила симпатии к нам со стороны его хозяина. Внешне суровый и серьезный, он окинул нас взглядом, напомнившим холодный душ, и спросил о цели визита. Основной наш интерес заключался в этнографическом исследовании школьной жизни, и мы попросили разрешения приходить в интернат, присутствовать на уроках, говорить с детьми и

учителями. В конце концов, с некоторыми оговорками (он сам решил, в каких классах мы будем посещать уроки) мы были допущены. Директор лично отвел нас в нужные кабинеты, и таким образом первое знакомство с учителями произошло в его присутствии, вернее он нас представил. Первая реакция учителей была очень похожа на директорскую, и, как мы потом увидели, была обусловлена общим характером отношений, сложившихся в педагогическом коллективе. В целом к нам отнеслись: как к неизбежному, так как директор дал добро на наше пребывание в школе; как к новому, то есть с интересом; как к неизвестному и поэтому требующему контроля. И хотя в дальнейшем со многими учителями у нас установились хорошие, даже доверительные отношения, контроль за нашей деятельностью не прекращался, особенно это касалось неформальных контактов с детьми. Но пока мы были «практикантами, интересующимися образованием детей-инвалидов», «студентами, которые пришли посмотреть», а именно так нас воспринимали сотрудники, наши поля интересов не пересекались. И только тогда, когда мы выступили с инициативой подготовки и проведения выпускного вечера, то есть, с одной стороны, посягнули на сферу деятельности педагогов и воспитателей, а с другой - попытались приблизиться к детям, нам пришлось встретиться с настоящим сопротивлением, причем наиболее сильным оно было со стороны воспитателей, то есть людей, чьи функции мы в какой-то мере в этом случае бы перенимали.

Таким образом, присутствие чужаков в системе закрытой организации, каковой является специальный интернат для инвалидов, тем более в случае, если они претендуют не просто быть посторонними наблюдателями, а принимать активное участие в ее жизни, неодобрительно воспринимается со стороны ее членов. Это легко объяснить тем, что работники интерната опасаются за безопасность своих воспитанников, неся ответственность перед их родителями и государством за жизнь и здоровье детей. Вместе с тем определенную роль играет и относительно «закрытый» статус учреждения, сохранившаяся с советских времен завеса тайны над ребенком-инвалидом, спрятанным от глаз благополучной части общества и международных наблюдателей. Кроме того, в современной России потребность в институте общественных наблюдателей, независимых экспертов, да и просто волонтеров-помощников сформировалась лишь среди небольшой части исследователей и энтузиастов из неправительственных организаций<sup>30</sup>. Большинство же подобные вторжения воспринимаются как потенциальная опасность, угроза поколебать статус-кво самой системы.

Основная цель, декларируемая учителями интерната, - «подготовить детей к интеграции в общество», - к сожалению, не всегда может быть достигнута в силу некоторых повседневных практик и социальных установок, основанных на сегрегации и отгораживании детей от контактов с внешним миром. Процесс социализации воспитанников организован таким образом, что дети не живут в обществе, а «выходят» в него, при этом каждый такой выход воспринимается как момент исключительный, наподобие похода в театр. Например, урок физкультуры на стадионе, расположенном неподалеку, называется «спортивным праздником» и организовывается соответствующим образом: длительная подготовка, массовый выезд на автобусах, участие всех воспитанников и учителей, в то время как для детей из соседней общеобразовательной школы, которые проводят там все спортивные занятия, - это часть повседневной школьной жизни. Элементарные жизненные навыки приобретаются воспитанниками не из каждодневных интеракций, а на занятиях по специальному предмету «социальный быт», которые предусматривают и практическое обучение. Вот как описывает такую практику бывший воспитанник интерната: *«Нас всем классом завели в магазин и стали объяснять: это рыбный отдел - здесь покупают рыбу, это мясной... И все люди на нас смотрели, как на диких зверей»* (выпускник интерната, муж., 19 лет).

Стремление изолировать детей учителя мотивируют желанием оградить их от подобных взглядов, от предвзятого отношения общества. Таких примеров у них предостаточно, особенно когда приходится «пристраивать» выпускников: *«Л одну девочку я устроила в строительный колледж... Берут таких с неохотой. Кому такие нужны... (пауза) В общей массе они прискорбно выглядят: все побежали, а ты не можешь»*; или *«Я ее привела в швейное, а завуч говорит: "Ну, возьмем мы документы, так она же сама уйдет. У нас все девочки длинноногие, красивые..." Потом уж устроили в группу поменьше»* (социальный педагог, жен., 55 лет). Надо сказать, что случаи отказов в приеме на учебу, являющиеся прямым нарушением прав детей со специальными потребностями, тем не менее скорее правило, чем исключение. Даже если находится официальный предлог, на основании которого руководители учебного заведения вправе отказать такому ребенку, наличие основного мотива отказа обычно не скрывается. Чаще всего это выражается словами: *«Он/она будут здесь как белая ворона»*,

*«Его/ее же заключают!»*. Такая «забота» о благополучии ребенка со стороны специалистов и чиновников сферы образования на самом деле основывается, с одной стороны, на определенных предубеждениях, сложившихся в обществе, а с другой - на личном нежелании брать на себя лишнюю обузу, что тоже тесно связано со сложившимся мнением об инвалидности. Но обыденные стереотипы, будучи высказанными людьми, чье мнение может считаться экспертным, приобретают особую силу и власть, формируя в свою очередь то самое стигматизирующее и исключаящее общественное мнение, к которому они апеллируют. Тем самым, вопреки стремлению сотрудников к интеграции выпускников интерната в сферу занятости, общество в лице работодателей способствует дальнейшей их сегрегации.

Пространственная и социальная изоляция школы и ее учеников являются, на наш взгляд, двумя взаимосвязанными обстоятельствами. С одной стороны, общество, стигматизирующее инвалидов, предпочитает не сталкиваться с этой проблемой и выносит данное учебное заведение подальше от посторонних глаз; не случайно очень часто такого рода учреждения располагаются за городом или в периферийных районах. Наш случай интересен тем, что интернат «спрятан» в самом центре города. А с другой стороны, именно закрытость системы, ее стремление к самоизоляции во многом способствует возникновению стереотипного восприятия детей со специальными потребностями, продуцирует и укрепляет стигму.

Замкнутое пространство интерната, сокращающее до минимума контакты с внешним миром, ограничивает возможности ребенка познавать окружающую действительность, не позволяет ему участвовать в жизни общества в такой же мере, как его здоровые сверстники, и, следовательно, уменьшает шансы его успешной интеграции в общество. В то же время пространственная замкнутость позволяет осуществлять наиболее полный контроль над воспитанниками и их семьями, а через них - над инвалидностью в целом. С этой точки зрения интернат, отгороженный и замкнутый в самом себе, является самым совершенным воспитательным режимом, который воплощается в тотальном контроле над индивидом<sup>31</sup>.

Круг социальных контактов воспитанников интерната, особенно проживающих там постоянно, крайне ограничен, в нем практически отсутствуют сверстники, не имеющие инвалидности. Если раньше интернат не просто находился во дворах жилых домов, но был включен в местное сообщество, и неформальные контакты с другими детьми возникали на основании соседства, сегодня эти связи утрачены. Сотрудники школы-интерната в свою очередь содействуют включению детей в жизнь общества, но не посредством повседневных практик, а на специальных занятиях, тем самым лишь «готовят» их к интеграции. Эта подготовка проходит в состоянии социальной и пространственной изоляции, формируя не всегда адекватные представления об окружающем мире, неуверенность в себе и своих возможностях, комплексы и трудности в общении. Ориентированность на сегрегацию, помимо декларируемых мотивов безопасности и специальных услуг, предоставляемых в этом и других учреждениях для детей-инвалидов, имеет и скрытое, возможно, неосознаваемое основание: нежелание менять сложившуюся годами практику, боязнь утратить свое влияние и возможности контроля.

Через лестницы к знаниям

Еще одним фактором, объясняющим локализацию жизни детей с нарушениями моторики в стенах школы, их обособление и, как следствие, социальную изоляцию, является непригодность физического пространства современного российского города к особым нуждам инвалидов с ограничениями физических возможностей. Действительно, в особые потребности таких людей входит, в первую очередь, соответствующая организация среды, позволяющая в прямом смысле иметь доступ к независимой и полноценной жизни. Зачастую первым барьером к интеграции инвалида в общество становятся слишком узкая дверь его квартиры, отсутствие лифта или пандуса. Несмотря на то, что соответствующие законодательные акты уже приняты, средств на их реализацию катастрофически не хватает. С этой точки зрения позитивным моментом существования специальных интернатов, в которых локализованы культурные, образовательные, медицинские и социальные сервисы, можно считать сокращение расходов на приспособление территории к особым потребностям детей.

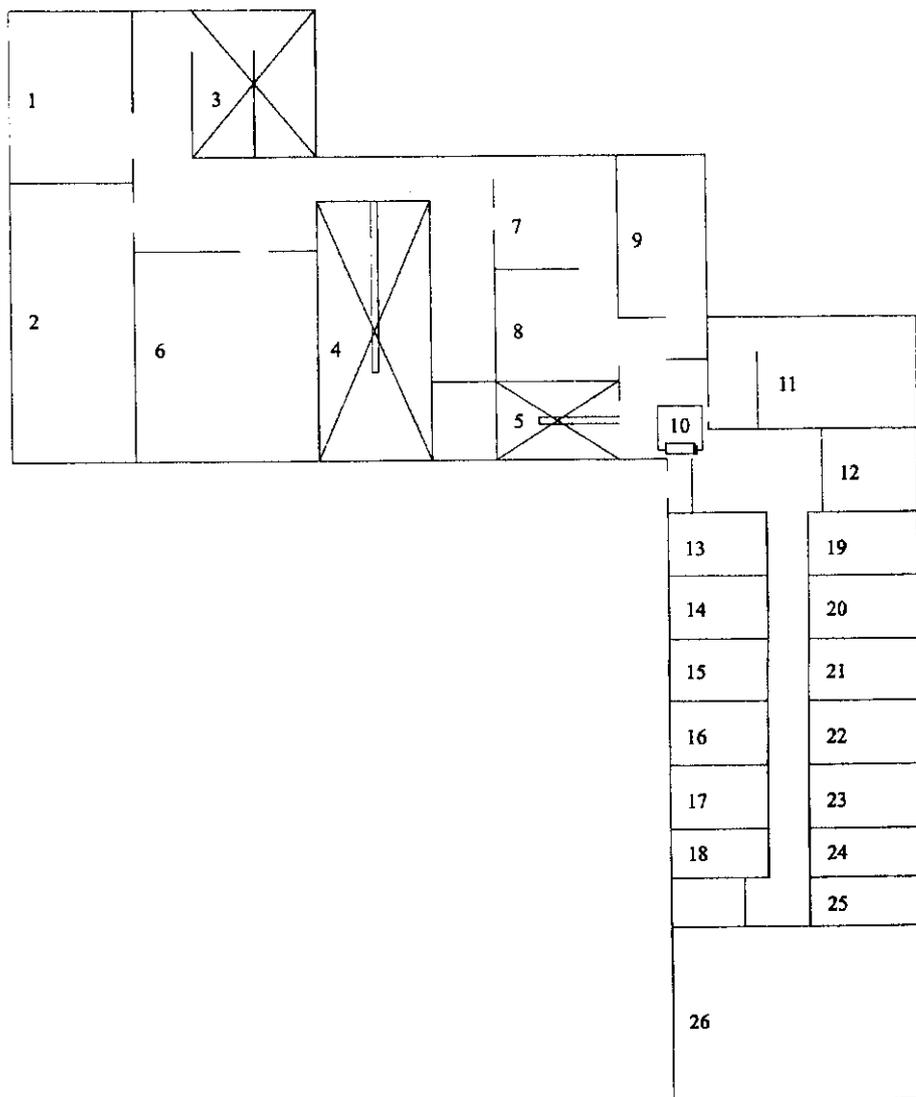
Авторы учебника «Специальная педагогика» замечают, что «почти каждый второй ребенок с нарушениями опорно-двигательного аппарата не может получить образование в профильном специальном учебном заведении в связи с отсутствием такового на территории проживания ребенка, а общеобразовательные учреждения не имеют условий и специалистов». Попробуем

проанализировать специальные условия организации среды, которыми располагает школа-интернат для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата по сравнению с другими учебными заведениями.

К сожалению, здания школ-интернатов не всегда строились специально для инвалидов, зачастую этим учреждениям передавались уже существующие постройки. В нашем случае здание интерната расположено таким образом, что подойти к нему можно или спускаясь, или поднимаясь в гору, что создает дополнительные трудности в период зимнего гололеда. Ко входу пристроено широкое деревянное крыльцо с пятью ступенями без пандуса. Чтобы попасть в здание, необходимо совершить достаточно сложный маневр в закуске между очень близко расположенными дверями. Мы были свидетелями, как ловко это препятствие преодолевают дети на костылях, придерживая тростями двери и, таким образом, максимально используют дополнительный ресурс. Тем же, кто не пользуется костылями, проникнуть в здание несколько сложнее.

Войдя вовнутрь, мы сразу попадаем на лестничную площадку, оборудованную наподобие вестибюля, где стоит несколько стульев и скамья, на которых обычно ожидают своих детей родители. Здание школы имеет два этажа и подвальное помещение (рис. 2,3). Первое, что бросается в глаза, - это обилие крутых лестниц: узкая крутая деревянная лестница ведет в подвальное помещение, где находится столовая, кабинеты труда и медицинские кабинеты; вторая, не менее крутая, металлическая, ведет на второй этаж. О физических особенностях учеников напоминают дополнительные перила, расположенные чуть выше обычных, и перила на противоположной стене лестничного пролета, а также специальные парты, стулья и кушетки в классах. На небольшой площадке, отделенной от первой несколькими ступенями, за столом сидит вахтер. Она выдает ключи от кабинетов, а параллельно наблюдает за входящими и контролирует, по мере своих возможностей, «опасную зону» лестницы. Поражает не только и не столько обилие лестниц, но и то, как бодро бегают по ним воспитанники. Становится очевидным, что понятие «специальные условия», необходимые воспитанникам, относится в первую очередь не к физическому приспособлению среды. Тем более, что дети с тяжелыми поражениями моторики - «колясочники» - учатся только по

индивидуальному плану на дому.



*Рис. 2. Первый этаж школы-интерната для детей-инвалидов:*

*1, 2, 7, 12 - классы; 3, 4, 5 - лестничная клетка; 6 - учительская; 8 - холл; 9 - музей истории интерната; 10 - вахта; 11 - кабинет директора; 13-24 - спальни мальчиков; 25 - мужской туалет; 26 - спортзал*

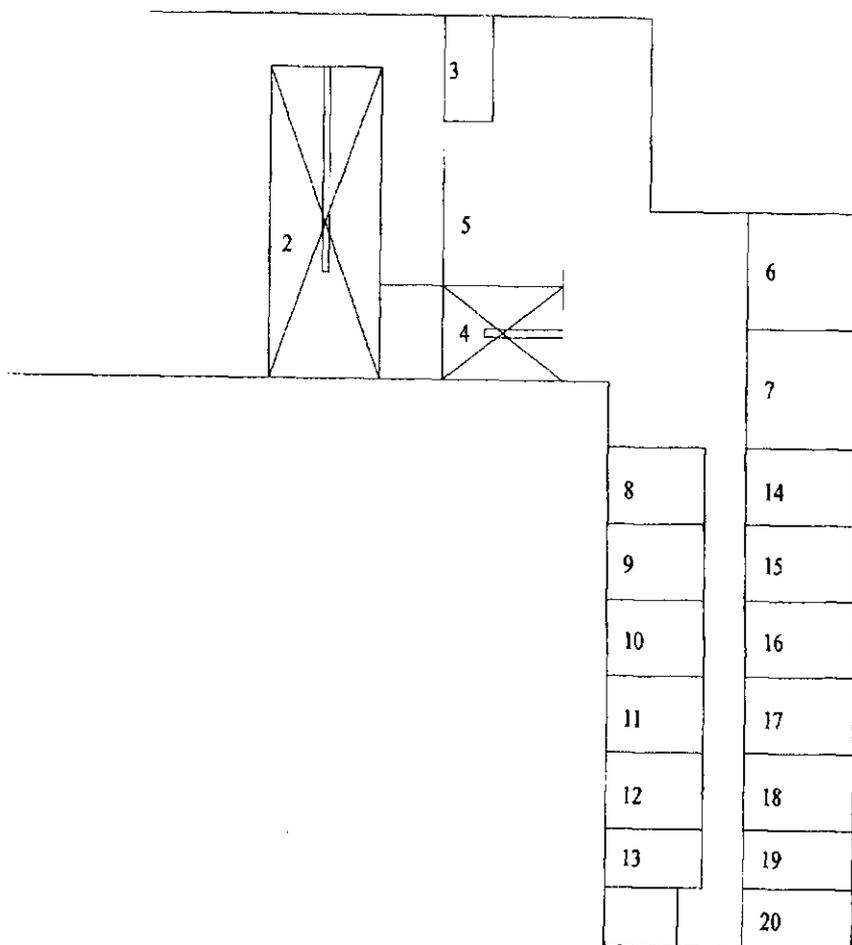


Рис. 3. Второй этаж школы-интерната для детей-инвалидов:

1, 2, 3, 4 - лестничная клетка; 5 - холл; 6, 7, 8, 10, 12, 15, 17, 19 - классы; 9, 11,

14, 16, 18 - спальни девочек; 13 - кабинет социального педагога; 20 - женский

туалет. Одно крыло первого этажа занимает гардероб (отдельные комнаты для воспитанников и преподавателей), спортивный зал, кабинет для занятий по социальному быту, спальни и туалет для мальчиков. Во второе крыло здания, находящееся на другом уровне, ведут несколько дополнительных ступеней. Здесь расположен большой холл, учебные классы, клуб выходного дня, учительская и актовый зал. На втором этаже находятся классы для занятий, кабинет социального педагога, спальня и туалет для девочек, еще выше располагается библиотека. В целом, планировка здания очень сложная, ее приспособили как могли к нуждам школы-интерната. И все же учебные классы, административные и медицинские кабинеты, столовая и спальни расположены таким образом, что дети на протяжении всего дня сталкиваются с многочисленными барьерами школьного пространства. Нам приходилось наблюдать не только воспитанников, бегающих по лестнице с криками «Двигай телом!», но и то, с каким трудом ступеньки преодолеваются новичками, чьи ноги еще не привыкли к постоянным спускам и подъемам как неотъемлемой части повседневной жизни в интернате. Конечно, определенная категория детей-инвалидов приспосабливается к подобным неудобствам, но многие вынуждены находиться на домашнем обучении, поскольку ни транспорт, ни общественные здания не приспособлены для их нужд.

К сожалению, расположение школы-интерната, начиная с нерегулируемого перехода дороги и заканчивая планировкой самого здания, мало приспособлено для детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. И хотя нельзя не отметить стремление работников школы адаптировать пространство под специальные потребности воспитанников, все же такие барьеры окружающей среды, как отсутствие пандусов, узкие проходы, обилие поворотов и крутых лестниц, делают невозможным передвижение людей в инвалидных колясках и создают трудности для детей с нарушениями моторики. Дети направляются в специализированный интернат на основании диагноза, «ограничивающего» их возможности. Для учащихся данной школы - это в первую очередь физические особенности, влияющие на их возможность передвижения. Однако, как можно видеть, у большинства детей, обучающихся там, нет особо тяжелых нарушений двигательного аппарата, и они вполне способны учиться в малоадаптированном пространстве интерната. Следовательно, для них

физические барьеры интеграции намного менее значимы, чем барьеры социальные и психологические.

### В нашем доме

Школа - это не просто здание с удачной или не очень удачной планировкой, это в первую очередь определенная культура, которая организует жизнь всех участников образовательного процесса и ими же воспроизводится. Мы рассмотрим символическую организацию внутреннего пространства, ее влияние на коммуникацию, отношения и уклад жизни интерната.

На лестничной площадке, куда мы попадаем при входе в интернат, висит стенд, который называется «В нашем доме». На нем размещена основная школьная информация: план школы, расписание уроков, правила поведения в школе, график дежурства, расписание работы кружков. Поверх этой официальной презентации школы кнопками было прикреплено объявление, написанное от руки красным фломастером, сообщающее о давно прошедшем карантине. Бросаясь в глаза всякому вновь входящему, оно невольно формирует представление о том месте, куда он попал, накладываясь на коллективные представления об инвалидности как болезни, а соответственно чем-то, требующем изоляции. На первом этаже расположен большой светлый холл, по своему оформлению, пожалуй, он наиболее соответствует представлениям о школьном пространстве. На его стенах висят доска почета «Наши лучшие воспитанники» с портретами семи лучших учеников школы, начиная с третьего класса и заканчивая десятым, яркие выставки рисунков и поделок учащихся, а также стенды посвященные родному городу. Кстати, всего лишь треть воспитанников могут назвать его таковым, остальные приехали на учебу из других населенных пунктов.

Из холла можно пройти в Клуб выходного дня. Все сотрудники называют это помещение музеем истории школы, так как помимо пианино, шкафов с игрушками и стульев, на стенах помещены фотографии из прошлой и настоящей жизни школы. Одна стена посвящена повседневной жизни учеников и преподавателей интерната. Эти репрезентации мы рассмотрим ниже. На противоположной стене под большой памятной доской с надписью «Нам 40 лет», изготовленной воспитанниками, расположена экспозиция, посвященная истории школы. На стендах «Начало пути» и «Как молоды мы были» размещены портреты всех бывших директоров и некоторых преподавателей школы-интерната, на нескольких снимках запечатлены знаменательные события из жизни школы: встреча выпускников с учителями, спортивные праздники и соревнования. Явное преобладание образов педагогов, а не воспитанников, вносит коррективы в понимании слова «НАМ», вынесенного в заголовок. С нашей точки зрения, здесь могли бы находиться фотографии выпускников интерната, достигших жизненного успеха на работе или в семье, что могло бы показывать нынешним ученикам их возможное позитивное и независимое будущее, быть ориентиром в выборе жизненных стратегий. Стенд «Терпение и труд» тоже посвящается учителям. Большая часть фотографий на нем повествует о нелегких трудовых буднях учителей и воспитателей школы-интерната. Вместе с тем усилия родителей остаются за кадром этой репрезентации, а образы детей играют второстепенные роли в анналах школы. Это отражает общее настроение в интернате: построение отношений воспитанников и воспитывающих не по принципу равного партнерства, а на основе заботы и покровительства со стороны специалистов, которые и выступают в качестве главных действующих лиц в истории и современности интерната.

При этом прослеживается несоответствие риторики самоуправления и инициативы учащихся и выводов, которые мы можем сделать на основании анализа скрытого учебного плана. С одной стороны, все преподаватели отмечают, что *«дети стали более раскованными и инициативными»*, связывая этот факт с деятельностью нынешнего директора школы. Самым ярким проявлением самоуправления в комментариях учителей выступает *«Дневник чистоты»*, висящий на стене, в котором указано, какой класс за какое школьное помещение отвечает. Показательно то, что этот своеобразный график дежурств составляется классными руководителями и воспитателями, они же и выставляют в него отметки. Тем самым на пратстике участие детей в организации своей жизни остается минимальным. Например, на просьбу посоветоваться с детьми относительно сценария их выпускного вечера учительница высказывает удивление: *«А зачем вам говорить с ними? В конечном итоге будет так, как предложат взрослые»* (учитель математики, жен., 35 лет). А на вопрос, обсуждаются ли проблемы школьной жизни совместно с воспитанниками, другой педагог заявляет: *«За них решат все проблемы!»* (учитель русского языка, жен., 38 лет). Очень ярко и метафорично такой подход к сотрудничеству и самоуправлению проявился при подборе сценария, о котором уже шла речь. Одним из вариантов предложенных и одобренных воспитательским худсоветом было

детское стихотворение «Дом, который построил Джек», переделанное следующим образом: *«Вот дом, который построил директор...»*. Воспроизводя внутри интернатскую структуру, это произведение не отводило детям даже роли подмастерьев в строительстве школьной жизни, относя все успехи на этом поприще на счет их наставников.

По всей школе развешаны высказывания великих людей, распечатанные на компьютере.

Интересными нам показались сентенции: «Вежливости открываются все двери» и «Не забывай услуг тебе оказанных, но забудь те, которые сам оказал». Вежливость, благодарность и бескорытность - качества вполне достойные, чтобы их культивировать. Но размещенные на двери учительской, эти высказывания могут скрыто указывать на субъект, оказывающий «незабываемые» услуги, то есть учителей, подразумевая вежливость как необходимое условие получения доступа к этим услугам. Высказывание: «Никогда не оказывай услуг, о которых тебя не просят», трижды встретившееся нам на стенах школы, тоже допускает множественную интерпретацию в зависимости от того, к кому они обращены: или отказ от покровительственного отношения к людям с ограниченными возможностями, или, в случае обращения к детям, означает «не просят- не делай». Отметим, впрочем, что скрытый, как и явный, учебный план не всегда действует в нужном направлении и с должной эффективностью. Многие компоненты школьной идеологии редактируются или не воспринимаются учащимися. При попытке выяснить, каким образом воспринимают эти лозунги сами воспитанники, встретились с ответом: «Мы просто об этом не задумываемся и не обращаем внимания».

Учебные классы находятся на первом и втором этажах. Они разные по размеру, но в основном небольшие, так как число учеников в каждом классе не превышает десяти человек. Каждая учебная аудитория закреплена за определенным классом, в ней проходят занятия по всем предметам, за исключением труда, физкультуры и социального быта. Во всех классах есть доска объявлений, на которой соседствует информация частного и публичного характера: график дежурств по классу, индивидуальные медицинские предписания, поздравления с днем рождения, правила поведения в школе, гимн России.

Интерьер каждой классной комнаты очень индивидуален и имеет ряд особенностей, по сравнению с классами в общеобразовательной школе. Во-первых, классы в той или иной степени приспособлены к специальным потребностям конкретных учеников (наличие/отсутствие стоячей парты для детей, которым медико-социальная комиссия рекомендует такой тип рабочего места; разная высота стульев и специальные приспособления на них; список медицинских рекомендаций для каждого ученика класса, такой список обычно помещается на доску с классной информацией). Во-вторых, так как многие дети живут в школе-интернате, классные комнаты в большей или меньшей степени «одомашнены»: во многих классах, помимо цветов, на окнах стоит рассада, в некоторых классах есть аквариумы с рыбками. Учителя рассказывают, что иногда идут навстречу своим воспитанникам и позволяют держать в классе животных (кроликов, хомячков, попугайчиков).

Установка на создание семейной атмосферы проявляется не только в особенностях обстановки классных комнат, но и в отношениях между преподавателями и учениками. Жизненные ситуации ребят разные: для многих интернат является единственным домом, другие находят в школе то теплое отношение, которого, к сожалению, лишены в семье, но для всех детей, крут социальных контактов которых не очень велик, важны положительные оценки, внимание и личная заинтересованность педагогов, врачей и воспитателей. Понятие «наши дети», часто употребляемое работниками школы, имеет вполне конкретный смысл и определяет характер взаимоотношений внутри интерната. «Наши» означает как большую степень личной вовлеченности учителей и их ответственность за судьбы воспитанников, так и большую власть и полномочия эти судьбы вершить. Здесь важно вспомнить еще одну заинтересованную сторону—родителей.

Согласно региональной статистике, 90 % детей-инвалидов имеют родителей, но тех, кто реально участвует в судьбе своего ребенка, намного меньше. В нашем случае около половины детей школы-интерната официально являются сиротами. Родители остальных в разной степени включены в жизнь школы, но в целом их участие можно оценить как минимальное. Такая ситуация возникает ввиду ряда причин. Одна из них - следствие социально обусловленного стресса, который испытывают семьи, имеющие детей с особыми потребностями<sup>34</sup>. *«По-всякому бывает, я в одном классе послушала, как они [родители] с детьми разговаривают: "Ты что, как корова! Ты что, еле двигаешься!"»; или «У меня класс был, так родители даже не пришли на выпускной вечер, деньги сдали и не пришли»* (педагог, жен., 38 лет). В таких ситуациях учителя и воспитатели заменяют

родителей не только для сирот, но и для тех детей, которых можно фактически назвать «сиротами в семьях». При этом учителя демонстрируют искреннюю заинтересованность своей деятельностью и высокую степень эмоциональной сопричастности: *«Я с этим классом прожила целую жизнь»* (педагог, жен., 38 лет). Дети отвечают тем же; теплую семейную атмосферу они находят не в казенной обстановке спален, а в личностных отношениях с некоторыми учителями, которые становятся их доверенными лицами, советчиками, близкими людьми: *«Педагогический коллектив сложный. А девочки увидят, что мне плохо, просто подойдут в перемену, погладят по плечу»* (педагог, жен., 38 лет). В такой ситуации выход из школы равносителен выходу из семьи в самостоятельную жизнь. Многие ребята тяжело переживают этот момент: *«Жаль уходить. При всех неудобно грусть показывать, а вот наедине даже мальчишки грустные бывают...»* (Вера, 17 лет). Связи между воспитанниками и наставниками не прерываются, выпускники приходят в школу, а учителя и воспитатели ездят в другие города региона навестить «своих детей», стараются поддержать. Однако такие отношения не системны, а сильно зависят от личных предпочтений и симпатий учителей. Не случайно, рассказывая о детях, они очень четко проводят грань между детьми своими по территориальному признаку и теми, к кому испытывают личную привязанность. *«Что вы все о Лене, вот Вера...»* (педагог, жен., 50 лет); или *«Какое им высшее образование, они у нас все-таки не обычные дети, вы же понимаете, они не потянут... Вот в пятом классе у меня есть Ирочка (улыбается) она пишет плохо, очень медленно, но такие мысли, такая умничка»* (педагог, жен., 38 лет). Дети тоже отмечают неравномерность распределения учительского внимания: *«Ну, есть любимчики. Это обидно, понимаешь. Не хочу про это»* (Вера, 17 лет).

Участие родителей в школьной жизни предполагает коллективные действия, которые могут не только внести положительный вклад в ее обустройство, но и способствовать конструированию позитивной идентичности родителей, детей и семьи в целом. Однако большинство опрошенных родителей говорят о том, что предпочитают общение с друзьями, коллегами и родственниками, не имеющими никакого отношения к их проблеме, а не с теми, кто также имеет опыт воспитания ребенка с инвалидностью. Большинство родителей держатся в стороне от проблем школы, оказывая индивидуальную помощь своему ребенку. Например, они могут нанять репетитора вместо того, чтобы совместными усилиями добиться повышения качества образования. Между тем зарубежный опыт показывает, что именно вмешательство родителей, в том числе через родительские ассоциации детей с умственными и физическими особенностями, способствовало принятию решений по улучшению организации и содержания учебы<sup>35</sup>. Большое значение имеют патерналистские установки работников школы и системы специального образования в целом по отношению к семьям воспитанников. Мнение родителей в установившейся иерархии негласно подчинено мнению экспертов: врачей, психологов и учителей. Часто родители отмечают давление со стороны специалистов и игнорирование их точки зрения. Модель взаимодействия, основанная на партнерстве и совместных усилиях школы и родителей, активно вовлекающая родителей в жизнь школы и тем самым способная изменить неблагоприятный климат внутри семьи или усовершенствовать жизнь школы, мало задействуется даже в риторике. Например, школьный праздник «Мама, папа, школа, я - вместе дружная семья» в школьном обиходе переименован в «Праздник принятия в семью».

Таким образом, в интернате причудливо сочетаются установка на одомашнивание пространства и формальные символы и практики образовательного учреждения. Отчасти это связано с особенностями воспитанников. Роль интерната как транслятора ценностных ориентиров, паттернов межличностных взаимоотношений и жизненных установок в данном случае оказывается намного большей, чем в общеобразовательной школе. Создание семейной обстановки, «нашего дома», с одной стороны, важно и необходимо в связи с тем, что многие дети не имеют родителей или депривированы от родительского внимания в своей семье, а с другой - ведет к определенным негативным последствиям. Семья и определенный тип отношений, связанный с этим понятием, предполагают четкое разделение на «МЫ» и «ОНИ». Установка на семейность в какой-то степени способствует закрытости школы от чужаков, создавая барьеры к интеграции. При этом понятие «МЫ», которое, казалось бы, должно в равной степени относиться ко всем членам семьи, состоит в нашем случае из двух обособленных групп: наставники и воспитанники.

В репрезентациях прошлая и настоящая жизнь школы вырисовывается в основном как история тех, кто учит, воспитывает и управляет этим учебным заведением. Бывшие и настоящие воспитанники и в символическом пространстве, и в пространстве повседневных интеракций присутствуют как то, к чему прикладываются «терпение и труд» педагогов. Скорее всего совместный успех, коллективная

деятельность, направленная на общий результат, объединение детей и взрослых в проектах, праздниках и буднях позволят изменить в позитивном направлении сложившиеся традиционные отношения в школе-интернате.

Устав и неуставные взаимоотношения

Школа имеет свой свод правил поведения, которому, на наш взгляд, следует уделить особое внимание. «Правила школы» развешены по всем учебным классам и стендам объявлений и представляют собой декларацию того, каким должно быть поведение и отношения в школе.

Правила школы

1. Не позорь свое имя, береги свою честь.
2. Хочешь, чтобы тебя уважали? Научись уважать других.
3. Будь добрым с товарищами, не обижай никого.
4. Воспитывай в себе выдержку, учись постоять за себя перед обидчиком.
5. Воспитывай в себе мужество. Если виноват - не прячься за спины других. j
6. Из всех сил старайся учиться и трудиться, и твоя жизнь в интернате будет интересной.
7. Укрепляй свое тело и волю, учись преодолевать трудности, и ты станешь настоящим человеком.
8. Люби и береги свой интернат - и интернат всегда тебе поможет. Приведенные выше правила касаются как личных качеств, необходимых учащимся (3, 4, 5, 7), так и социальных навыков, которые они должны приобрести для дальнейшей жизни в обществе (2, 3, 6). Последний пункт, призывающий к лояльности в отношении института, в котором они находятся, отсылает к корпоративной этике. Если проинтерпретировать этот официально признанный устав школы в контексте повседневной жизни учащихся и преподавателей, то можно увидеть, что многие установки построены на отрицании того, что не следует делать: «не позорь свое имя, не обижай других, не прячься за спины других, если виноват». Если неблагоприятные поступки воспитанников заранее предполагаются, это невольно программирует учащихся на совершение подобных действий. Такой подход вряд ли способствует формированию положительной самооценки учащихся, осознанию своей ценности как личности и прав человека в целом.

Вышеприведенные правила, на наш взгляд, возможно переструктурировать таким образом, чтобы ребенок чувствовал доверие к себе и гордился собой и своими достижениями:

1. Совершай поступки, которыми ты мог бы гордиться. 3. Всегда приходи на помощь своим товарищам. 5. Будь честным.

Пацифистское правило «не обижай никого» и следующее «умей постоять за себя» входят в некоторое противоречие друг с другом, особенно, если рассматривать их в контексте повседневных практик школы. Дело в том, что драки между воспитанниками не редкость, об этом под большим секретом говорят учителя, признает их и администрация школы. Из интервью с мамой ученицы: *«Мы когда пришли устраиваться в школу, директор попросил пальчики посчитать, ну как обычно, а потом сразу спрашивает: "Ты драться умеешь?". Дочь говорит: "Нет." А он ей: "Плохо! У нас старшие могут обижать. Нужно научиться"»* (Татьяна, 33 года). Исходя из этого, можно предположить, что выражение «постоять за себя» может пониматься в смысле физического сопротивления. Несомненно, в суровых условиях российской действительности инвалиду нужно уметь отстаивать собственную позицию, защищать свои интересы. И дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата вовсе не должны быть слабыми тихонями, однако так ли уж необходимо поощрять навыки разрешения конфликтов с применением силы?

Многие правила звучат по-мужски, как в отношении грамматики языка, так и в отношении заложенных в них смыслов. Например, предложение воспитывать в себе мужество и выдержку, укреплять волю воспринимается как развитие маскулинных качеств. «Женские» качества - эмпатия, мягкость, отзывчивость, забота - либо полагаются бесполезными свойствами и должны быть изжиты, либо остаются за рамками данного регламента. В общественном сознании инвалидности атрибутируются такие свойства, как слабость, незащитность, потребность в опеке. Эти же качества традиционно приписываются женщинам. В связи с этим можно интерпретировать вышеприведенные установки, как попытку справиться с инвалидностью, изживая феминные свойства характера.

Только «мужские» качества могут помочь успешной социализации детей-инвалидов, а жизнь их выглядит сплошной борьбой с недугом, собственными недостатками, непониманием и неприятием со стороны окружающих. Получается, что первое правило «Будь добрым и не обижай никого» - необходимое, но не достаточное условие выживания ребенка-инвалида в нашем обществе.

Действительно, для уверенности в себе и успешной интеграции очень важно уметь постоять за себя,

уметь отстаивать свои интересы и убеждения. Вопрос в том, как отстаивать: развивать критическое мышление и умение аргументировать свою точку зрения или приобретать навыки рукопашного боя. Последнее правило «Люби и береги свой интернат...» может быть отнесено на счет политики школы, которая направлена на создание домашних условий, оказание социальной поддержки воспитанникам, но в то же время часто пытается гиперболизировать роль интерната в их жизни, ограничить социальный круг воспитанников.

#### Девочки и мальчики или инвалиды?

В 2000/2001 учебном году в школе обучалось 165 человек. Состав учащихся школы-интерната весьма разнообразен: дети различаются по полу, медицинскому диагнозу, семейному статусу, географии проживания, социальному положению родителей. Продолжительность времени, проводимого детьми в школе, не одинакова. Некоторые из них постоянно проживают в интернате (сироты, дети, чьи родители лишены родительских прав), другие, имеющие родителей или опекунов, живущих в городе, остаются там только в течение учебной недели, а на выходные уходят домой, учащиеся из области на каникулы уезжают домой, а часть детей живет в семьях и приходит в школу только на занятия.

По семейному и социальному статусу можно разделить всех учащихся на две группы. Первая - дети, не имеющие семьи или из семей, проживающих в области, и для которых обучение в интернате - единственная возможность получить образование, лечение и социальную поддержку. Вторая группа - это дети, чьи родители по определенным причинам выбрали систему специального образования для своего ребенка; эти семьи часто имеют средний и выше среднего достаток и могут предоставлять детям возможности дополнительного образования (репетиторы, подготовительные курсы), а также использовать свои материальные и социальные ресурсы для получения ребенком высшего образования. В условиях дифференциации среднего образования в современной России такое смешение детей из разных социальных классов в одном учебном заведении не вполне типично. В данной ситуации инвалидность имеет большее значение при выборе школы, чем социальное положение семьи. И тем не менее, даже при обучении в одной школе шансы на дальнейшее получение образования и на жизненный успех у детей, имеющих семью, способную оказать помощь и поддержку, и не имеющих таковой, существенно различаются.

Очень важным моментом является то, что инвалидность, на основании которой все эти дети были направлены в данное учебное заведение, никогда не упоминается учителями в присутствии воспитанников. Такая негласная установка, по мнению педагогов и врачей, должна способствовать выработке положительной самооценки, но на деле, когда инаковость детей закреплена документально и тем самым очевидна как им самим, так и всем окружающим, эта завеса молчания играет прямо противоположную роль: табуирует инвалидность, способствует выработке двойного стандарта в дискурсе. С одной стороны, в разговорах и интервью работники интерната часто ссылаются на аномальность, нетипичность воспитанников, объясняя с ее помощью любую их психологическую или поведенческую непохожесть на «нормальных детей», а с другой - никогда не обсуждают с детьми их статус инвалидов или их недостаток. Такое отношение к инвалидности конструирует ее как дефект, порок идентичности и создает комплексы и внутренние конфликты. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, идентичность конструируется как социальной структурой, так и самими индивидами<sup>36</sup>. В детских нарративах конструирование инвентивности происходит через констатацию ограниченности собственных возможностей! *«Галька в больнице сейчас. В душе побежала, поскользнулась. Нам с ней только бегать...»* (Вера, 17 лет); *«Что вы говорите? В институт? Я не смогу там учиться Почему? А что я там буду делать? Я шью хорошо!»* (Лена, 17 лет); *«Замуж? Хочу ко-, ^ нечно, но...»* (Нина, 14 лет) или через столкновение со стереотипным отношением об-: щества: *«Я боюсь, вот буду там Гв лицее! ковылять, а все будут на меня смотреть\*»*

(Вера, 17 лет).

Степень и характер нарушений здоровья у всех детей также различны, что обусловлено особенностью их заболевания. Как мы уже говорили, большинство учеников имеет\* диагноз детского церебрального паралича (ДЦП), вызывающего нарушения двигательного аппарата различной тяжести, которые могут сочетаться с нарушениями психики, речи, зрения и слуха, кроме того, большинство воспитанников имеют так называемый сложный недостаток. В школе существует параллель классов с индексом «А», в которых обучаются дети с диагнозом умственной отсталости, или, как их называют медики и дефектологи, «несохранным интеллектом». На примере этой группы

можно проследить, каким образом конструируется инвалидность внутри инвалидности, исключение внутри исключения.

Во-первых, как мы уже упомянули, классы для детей с нарушениями умственного развития маркированы буквой, на основании чего в школьном языке образован целый ряд обидных дразнилок: «ашник», «ты что из "А" класса?!», «тебе в "А" класс пора». Во-вторых, все классы школы разделены на так называемые «семьи», где старшие ребята шефствуют над младшими. Структура этих групп также построена на сегрегации детей с сохранным и несохранным интеллектом. В-третьих, хотя официальная политика школы предполагает совместное участие всех детей в школьных мероприятиях и праздниках, на неофициальном уровне эти установки определенным образом переосмысливаются. Например, на вопрос, почему дети из «А»-классов не участвуют в школьных спектаклях, учительница отвечает: «А что они могут? Ну, разве для массовки...». Из интервью с самими учителями видно, насколько зыбка граница между сохранным и несохранным интеллектом, между классами с индексом и без него: «У этой девочки, когда она учиться устраивалась, трудности были. Она ведь из "А" класса, но на границе между "А" и обычным» (педагог, жен., 55 лет); «Мама одна перевела своего ребенка в "А" класс. Мы ей говорили, зря вы это делаете. А теперь ходит, ругается, обратно хочет» (педагог, жен., 38 лет).

Описание специфических особенностей интеллектуального дефекта при ДЦП в учебнике по специальной педагогике отсылает нас к причинам скорее социальным, нежели физиологическим, отмечая «неравномерно сниженный запас сведений и представлений об окружающем», обусловленный «вынужденной изоляцией, ограничением контактов со сверстниками и взрослыми людьми в связи с длительной обездвиженностью или трудностями передвижения», а также «затруднением познания окружающего мира в процессе предметно-практической деятельности, связанным с проявлением двигательных расстройств». Для тех воспитанников интерната, дошкольные годы которых прошли в детском доме, влияние социальных факторов на диагноз еще сильнее, так как их «запас сведений об окружающем мире» еще меньше: «Он, когда пришел, не знал даже как что называется. Все спрашивал - это что? это что?» - [Интервьюер] «А откуда он пришел?» - «Из детдома» (классный руководитель, жен., 35 лет). Это подтверждает выводы ученых о том, что многие из людей с диагнозом умственной отсталости вообще не имеют нарушений органического характера, а в основу их медицинской классификации положены социокультурные факторы.

Гендерные различия воспитанников кажутся, на первый взгляд, второстепенными на фоне их инвалидности. Это происходит отчасти из-за того, что гендерная идентичность людей со специальными потребностями воспринимается обществом, как «инвалидная», то есть проблематичная, недействительная<sup>8</sup>. Но гендер, тем не менее, скрыто присутствует, и особенности школьной организационной культуры накладывают свой отпечаток на его конструирование в процессе формирования личности воспитанников, на так называемое «рекрутирование гендерной идентичности»<sup>29</sup>. За исключением директора в педагогическом коллективе есть только один мужчина - учитель труда у мальчиков, остальные преподаватели, включая учителя физкультуры и воспитателей - женщины. В штате школы есть еще два мужчины - электрик и слесарь. С одной стороны, ситуация достаточно типична для средней школы в целом, где большая часть обслуживающего персонала и преподавательского коллектива - женщины, а директор как правило - мужчина (за 40 лет существования интерната сменилось четыре директора, из них только однажды на этой должности была женщина). Но ситуация в школе-интернате для инвалидов характеризуется тем, что работа здесь менее престижна и требует большей эмоциональной включенности. Многие женщины выбирают это место работы из-за того, что их дети учатся в интернате, при этом часто говорят о своем выборе как о вынужденном. «Я вообще-то шестнадцатую школу [престижная математическая школа] закончила, потом в нормальной школе работала долго. У меня же здесь дочка в седьмом классе, пришлось сюда перейти. Здесь вообще многие работают из-за детей» (педагог, жен., 35 лет). Повышенные тарифные ставки, действующие в системе специального образования на основании статьи 33 закона «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)», равно как и льготы, для них предусмотренные, не рассматриваются работниками в качестве мотивирующего фактора и кажутся им неэквивалентными их физическим и эмоциональным затратам. Многие даже отрицают наличие таковых. Таким образом, воспитанием и образованием учащихся занимаются практически одни женщины. А как отметит Ж. Фелузи, пол учителя во многом определяет «школьный контекст»<sup>40</sup>.

Хотя гендер, как и инвалидность, в интернате не акцентируется, он скрыто присутствует и в организации пространства, и в коммуникации учитель - ученик, и в педагогической практике<sup>41</sup>. Спальни мальчиков и девочек располагаются на разных этажах попеременно с учебными аудиториями. Днем двери спален открыты, даже если кто-то из детей отдыхает. Внутреннее убранство спальных комнат мальчиков и девочек очень похоже. Примерно десяток кроватей расположены очень близко друг к другу ввиду нехватки площади. Рядом с постелями нет ни тумбочек, ни полок, которые ребенок мог бы использовать для хранения личных вещей. Спальные места всегда очень аккуратно убраны одинаковыми одеялами, и единственным отличием спален мальчиков и девочек является то, что в «девчоночьих» на всех без исключения кроватях лежат игрушки. Это небольшие куклы или мягкие звери, которых негласный регламент диктует располагать строго в левом верхнем углу подушки, во всяком случае, на первый взгляд кажется, что их местоположение выверено сантиметр в сантиметр. В исследованиях организационной культуры игрушка может рассматриваться как средство приватизировать пространство, сделать его более личным, но в данном контексте она только усиливает отсутствие приватности, создавая ощущение казенности и даже казарменности.

Повышенные требования к аккуратности, на наш взгляд, имеют тот же эффект. При этом аккуратность, с точки зрения учителей, более значима для девочек. Такой взгляд вполне соответствует традиционным тендерным стереотипам, но для девочки-инвалида приучение к опрятности может иметь еще одно значение - повышение ее шансов устроиться в дальнейшем личную жизнь. Мальчикам с физическими недостатками, по мнению учителей, намного проще создать семью, чем девочкам. Телесные каноны и необходимость им соответствовать более значимы для женщины, ее тело традиционно находится под более пристальным взглядом, а следовательно, любая телесная нетипичность женщины в большей степени вызывает общественное неприятие, чем мужская. Поэтому другие «женские» качества, такие как опрятность, аккуратность, умение быть хорошей хозяйкой, усвоенные на более высоком, чем у здоровых сверстниц, уровне могут в какой-то мере компенсировать физические недостатки и телесные несоответствия воспитанниц. Именно так к этому относятся учителя: *«Мы когда ездили в лагерь, я с ней жила в одной комнате. Она все разбрасывает, ничего не поймешь, а я ей говорю: "Кому ты такая будешь нужна, да еще и неряха..."»* (педагог, жен., 55 лет). Несоответствие поведения девочек тендерным стереотипам вызывает крайнее неодобрение, а одна из основных задач воспитания состоит в приведении их к общепринятым канонам женственности.

Лена, 17 лет, родители лишены родительских прав - ученица выпускного класса Короткая стрижка, брюки, резковатые манеры, очень активная, решительная, целеустремленная, настойчивая и неконформная девочка. Как выражаются учителя - «трудный» характер. На первый взгляд больше похожа на мальчика. В интервью все ее преподаватели так или иначе негативно отзываются о ее «неженственности». Речь идет не только о внешних данных или поведении, но и о качествах ее характера, при этом первое и второе рассматриваются как вещи взаимосвязанные. Вот ответ классной руководительницы на просьбу охарактеризовать «девочку с первой парты»: *«Девочка? (усмешка)... за девочку-то ее никто не принимал. Это сейчас она уже стала... (описывает руками полукруги в районе груди)... непокладистой, поспокойнее. Сейчас уже и мальчики так на нее поглядывают»* (педагог, жен., 35 лет). Другая наставница на положительное замечание в адрес Лены: *«Это вы ее раньше не видели. Она у нас пацанкой была. Встанет и наяривает мячиком в стенку... Это сейчас ей операцию на ногу сделали, а раньше чуть что - нога подворачивается и она падает. А ей хоть бы что — несется все время, а замечания делаешь - огрызается... Уж сколько я с ней помучилась, чтобы она на девочку хоть немного стала похожа»* (педагог, жен., 55 лет).

Шансы мужчин-инвалидов на создание семьи тоже ниже, чем у здоровых. Поэтому воспитание мальчиков в интернате имеет некоторые особенности. Одной из них является гендерная недифференцированность программы трудового обучения. В отличие от обычной школы, где уроки труда воспроизводят традиционные тендерные роли: мальчики столярничают, девочки шьют и готовят, в интернате готовить, вязать и шить учат всех. При этом по своим способностям к этим «чисто женским» занятиям мальчики не только не уступают девочкам, но часто их превосходят. Говоря о телесности, а также конструировании тендера и инвалидности, необходимо отметить, что в школе-интернате практически отсутствуют зеркала. Зеркала в полный рост есть только в учительской и в раздевалке для педагогов. В спальнях, детской раздевалке вообще нет зеркал, а в туалетах над умывальниками на уровне лица висит узкое длинное зеркало, не позволяющее увидеть

себя ниже плеч. Другое зеркало, расположенное в зоне общего доступа, - это трюмо в темном углу коридора, недалеко от спален девочек. Нетипичное тело прячется не только от внешних взглядов посредством пространственного отгораживания, но и от взгляда самого его обладателя/обладательницы. Вместе с табуированием употребления слов «инвалид» и «инвалидность» в интернате такая практика отражает общую установку этого учебного заведения, основанную не на том, чтобы показать детям множественность «канона» и право людей на различия, но всеми силами избежать сравнения с «нормой», чтобы «не травмировать их». Впрочем, не во всех общеобразовательных школах имеются большие зеркала, которыми могли бы воспользоваться учащиеся, что, возможно, связано с материальным положением школы, а также с представлениями некоторых взрослых о том, что «вертеться перед зеркалом» - это признак отклоняющегося поведения у девочек (из наших наблюдений на родительских собраниях в общеобразовательной школе, 1999). Сексуальность является важной частью тендерной идентичности человека, и потому мы не можем обойти этот вопрос своим вниманием, рассуждая о конструировании ген-дера в интернате. Сегодня вряд ли кто взялся бы утверждать столь категорично, как когда-то в середине 80-х, что «в СССР секса нет». Тема эта давно стала предметом публичного обсуждения, но некоторые ее аспекты по-прежнему остаются закрытыми, один из них это - сексуальность инвалидов.

Стереотипы, связанные с сексуальностью инвалидов, а также стремление контролировать все сферы жизни своих воспитанников не просто делают тему секса закрытой, табуированной, не подлежащей обсуждению, а объявляют ее несуществующей. На вопрос об этой стороне жизни своих учеников преподаватели с гордостью (как когда-то «простая русская женщина» зарвавшимся американцам) отвечают: «У нас секса нет!», добавляя к этому: «У нас все нормально». Таким образом, сексуальность и сексуальные практики рассматриваются как аномалия, признак неблагополучия и нарушение порядка, а отсутствие таковых - как результат хорошей работы воспитателей: «У нас нет, а я знаю вот есть интернат... там, говорят, прям из спальни в спальню ходят... и по ночам... Л здесь [следят] - воспитатели» (педагог, жен., 55 лет). Эротические игры подростков происходят в рамках дозволенного: «Бывает, мальчишки зажмут какую-нибудь девчонку, но она, как и положено, отбивается...» (педагог, жен., 38 лет).

Согласно данным И. С. Кона, относящимся к 1995 году, возраст сексуального дебюта российских подростков заметно снизился по сравнению с поздним советским периодом: среди шестнадцатилетних первый половой акт пережили 50,5 % юношей и 33,3 % девушек, среди семнадцатилетних - соответственно 57,1 % и 52,4 %, среди восемнадцатилетних - 69,8 % и 50,8 %<sup>42</sup>. Возраст учащихся старших классов школы-интерната примерно 17-18 лет, но на вопрос: «Возникают ли между воспитанниками сексуальные отношения?» - социальный педагог с уверенностью отвечает: «Нет, нет, нет! Исключено! Как-то они у нас глупенькие еще выходят... в школе не было таких случаев, нет, нет, здесь у нас прям исключено на 100 %» (педагог, жен., 55 лет). Приведенные выше цифры относительны и во многом зависят от социального контекста. В нашем случае ситуация достаточно противоречива: с одной стороны, обособленность и изоляция, сужающие круг общения, отсутствие приватного пространства, контроль могут выступать в качестве сдерживающих факторов, а с другой - они же являются катализаторами.

Рассказывая о сексуальных опытах своих воспитанников, учителя чаще всего рассказывают о случаях создания семьи после окончания школы, подчеркивая последнее обстоятельство: «Вот Ксения эта долго еще держалась, хотя он [будущий муж] к ней приставал... Она держалась еще, по-моему, училась уже в училище» (педагог, жен., 55 лет). Рассказы о семейной жизни бывших воспитанников можно разделить на две категории. Первую можно условно назвать «историями об использовании» инвалида. Она предполагает наличие у партнера или его семьи скрытых мотивов, таких, например, как помощь больному человеку: «Мне, конечно, кажется, что дед с бабушкой, мама так пристроили его к ней, чтоб у него не было вот этих вот срывов [молодой человек болен эпилепсией]... я считаю, что они вот сделали на нее ставку» (педагог, жен., 55 лет); использование в качестве домашней прислуги и для удовлетворения сексуальных потребностей: «Лена вроде бы как счастливая так по началу, а здесь вот приходила вот в школу и прям плакала: "Вот она [свекровь] меня заставляет... пенсию, значит, она забирает, я голодная хожу..." ...Значит, получается, чтобы сын ее успокоил [его собственные] вот эти, вот всякие, вот позывные, вот животное чувство вот...» (педагог, жен., 50 лет); материальная заинтересованность: «Николай, из моего выпуска, женился... Она сюда учиться приехала в техникум... А у него квартира и родители, не просто так все-таки» (педагог, жен., 38 лет).

Другие нарративы, которые мы назвали «волшебные истории», повествуют о счастливых браках, чаще их рассказывают воспитанники, проговаривая свои мечты о будущей жизни: *«Многие даже выходят отсюда парами... дети, семьи... Я даже знаю одну пару, у них девочка уже. Вот у нас вахтер, у нее муж, и две здоровые девочки родились»* (Вера, 17 лет); *«Они сюда приходили... он ее так за руку держал, а сейчас уехали к его родителям»* (Оля, 16 лет).

Таким образом, конструирование гендера и инвалидности в школе-интернате - процессы взаимосвязанные. Инвалидность - не обособленная характеристика. Можно сказать, что она так же, как и гендерный статус, и расово-этническая, и социально-классовая позиции индивида, является частью стратификационной системы, в которой каждый компонент переплетен с другими, и каждая система зависит от других<sup>44</sup>.

Особенности рекрутирования тендерной идентичности учениками интерната также связаны с особенностями скрытого учебного плана этого учреждения: организацией пространства, учебных программ и коммуникации. Скрытый учебный план выступает способом социального контроля. Расположенные вперемежку спальни и учебные аудитории способствуют размыванию границ частной и публичной зоны, что облегчает контроль над воспитанниками<sup>45</sup>, в частности в том, что касается их сексуальности. Отсутствие возможности уединиться и личного пространства (общая спальня, отсутствие тумбочки) приводит к дефициту приватности, а практически полное отсутствие зеркал - к табуированию и замалчиванию инвалидности воспитанников школы.

Особенности учебной программы, такие как недифференцированность уроков труда по тендерному принципу, как это принято в обычной школе, или отсутствие сексуального просвещения детей, также отсылают нас к нетипичности гендерной идентичности воспитанников. И мальчики, и девочки должны быть одинаково готовы к самообслуживанию, как залогом независимой жизни, скорее всего без семьи или партнера. А категоричные утверждения преподавателей об отсутствии сексуального опыта у своих воспитанников и практически полное отсутствие сексуального просвещения следуют из стремления контролировать детей и из социальных стереотипов, трактующих сексуальность людей со специальными потребностями как проблематичную, кризисную или несуществующую. Лечиться, лечиться и... учиться?

Затрагивая вопрос о специальных условиях, создаваемых в интернате для инвалидов, мы пришли к выводу, что организация физического пространства не принадлежит к таковым. Рассмотрим другие особенности организации учебного процесса в школе-интернате для детей с нарушениями опорно-двигательной системы, чтобы понять преимущества и недостатки специальной системы образования. Одной из главных особенностей является наличие в специальных учебных заведениях медицинского персонала и оборудования. Это обстоятельство выступает одним из главных аргументов в пользу существования обособленной системы среднего образования для детей-инвалидов: *«У нас здесь не просто школа, здесь врачи, лечение необходимое...»* (директор, муж., 55 лет); *«Им без этого [лечебных процедур] нельзя, а в обычной школе - там этого нет»* (педагог, жен., 55 лет). Интернат позволяет получать необходимые медицинские услуги в соответствии с индивидуальными потребностями каждого непосредственно в школе, что в значительной мере экономит время и физические силы родителей и детей. Дети, обучающиеся в обычных школах, вынуждены находить время вне школьных занятий для того, чтобы ездить в больницу на процедуры. То же относится и к урокам лечебной физкультуры, необходимой для детей с нарушениями опорно-двигательной системы. В интернате лечебная физкультура включена в расписание, что означает, что все дети в обязательном порядке выполняют необходимые для их здоровья упражнения, а также позволяет учитывать эти часы при распределении учебной нагрузки. В целом тесное взаимодействие врачей и учителей позволяет индивидуально подходить к возможностям каждого ребенка, персонально разрабатывать учебные планы для учеников.

С другой стороны, врачи в этой системе выступают главными экспертами не только в лечении, но и в обучении и воспитании, так как их заключения и диагнозы имеют большую силу, чем мнения и пожелания остальных заинтересованных сторон: детей, родителей, педагогов. Такой подход ведет к «медикализации» системы специального образования, когда медицинские модели диагностики и лечения, а также взаимоотношения между врачом и пациентом включаются в учебные практики и ложатся в основу идеологии организации образования для детей-инвалидов<sup>46</sup>.

Медицинский дискурс доминирует, и с его помощью объясняются многие проблемы. Например, плохое поведение, непослушание, плохую успеваемость учителя могут объяснить «диагнозом» учащихся: *«Этот класс просто неуправляемый, но ничего с ними не поделаешь, был медосмотр, и у*

них у всех нашли увеличенную щитовидку» (педагог, жен., 38 лет), тогда как в обычной школе подобные ситуации обычно интерпретируются без использования медицинских терминов. Отставание от обычной школьной программы тоже объясняется через заключение врачей: «А что вы хотите, с их диагнозом. Это ведь только так называется "с сохранным интеллектом", на самом деле у них у всех ДЦП, то есть поражение ЦНС [центральной нервной системы]» (педагог, жен., 35 лет).

Контроль за выполнением медицинских предписаний очень строг, в каких-то аспектах он выступает контролем над телом. Например, обязательное ношение специальной обуви. Эта практика явно выходит за рамки чисто медицинской необходимости. Вот один из эпизодов, увиденных нами. Воспитательница: «Почему ботинки не носишь?!». Девочка: «А они мне малы. Вон, какой мозоль [демонстрирует]». Воспитательница: «Меня это не интересует, иди и быстро переобуйся».

Родители часто не могут согласиться с тем, что их мнение игнорируется специалистами: «Нас там обувь специальную носить заставляли. Если увидят на улице в обычной - скандал. А я же вижу, ей от этого хуже. Как оденет специальную обувь - ухудшение. Она у меня сейчас в нормальной ходит» (мама девочки-инвалида, 33 года).

В том же ряду стоит обязательное до недавнего времени наложение лангетов на ночь. Эта процедура практиковалась только для девочек и была сопряжена с болезненными ощущениями: «...Боль, крик, стон... Это было иезуитство. Бедные Оленькины ножки» (мама ребенка-инвалида, 38 лет). Сейчас использование лангетов отменено, поскольку специалисты-медики пришли к заключению, что фиксация суставов ночью, когда ребенок не ходит, не может способствовать лечению и реабилитации.

Медицинский дискурс прослеживается и на уровне визуальных репрезентаций. В музее школы расположен стенд «Если хочешь быть здоров». На нем преобладают фотографии медицинской тематики, например, «На осмотре у врача». Этот стенд иллюстрирует одновременно и понимание администрацией школы здоровья в сочетании с инвалидностью, и установки экспертов в целом. На наш взгляд, в этом представлении здорового образа жизни необходимы снимки, демонстрирующие участие в спортивных мероприятиях, походы на природу, овладение социальными навыками. Такие фотографии на стенде есть, но над ними довлеют имиджи врачебных кабинетов. '

Специальная подготовка педагогов тоже может создавать благоприятные условия для удовлетворения особых образовательных потребностей учащихся школы-интерната. Однако в школе только два преподавателя имеют специальное дефектологическое образование: преподавательница предмета «Социальный быт» и логопед, она же завуч школы. Остальные учителя имеют высшее педагогическое образование, а воспитатели - среднее педагогическое образование. Такая ситуация соответствует положению в системе специального образования России в целом, где специализированные учреждения некомплектованы кадрами специалистов-дефектологов, а также наблюдается отставание уровня дифференциации государственной системы подготовки дефектологических кадров от уровня дифференциации системы специального образования детей с различными нарушениями<sup>4</sup>.

Программа школы-интерната имеет ряд отличий от программы общеобразовательной школы. В интернате имеются дополнительные предметы, обусловленные особенностью воспитанников и их специальными физическим (лечебная физкультура) и социальными (социальный быт) потребностями. Но уроки социального быта, позволяющие детям освоить социальные навыки и получить знания о повседневной жизни, к сожалению, не учитывают разного уровня подготовки учащихся в этих вопросах. Многие родители считают такое пристальное внимание к элементарным, на их взгляд, вопросам излишним и отрывающим время от занятий по основным предметам: «Их полгода учат чистить зубы и одевать колготки. Моя дочь и так это умеет. Я ее туда учиться отдала» (Татьяна, мама ребенка-инвалида, 33 года).

Приоритет социальных навыков над академической успеваемостью наглядно транслируется на стенде «С урока на урок». Из 21 фотографии, расположенной на нем, только на трех запечатлены занятия по таким дисциплинам, как математика, русский язык и география. Остальные показывают, как дети овладевают социальными навыками и участвуют во внеклассной работе: урок кулинарии, столярное дело, кружки (мягкая игрушка, швейное дело, вязание), уборка класса, классный час, встреча с ветераном войны. Такое количественное соотношение отражает общую образовательную политику школы-интерната, ориентированную, в первую очередь, на адаптацию к повседневной

жизни, выработку способности к самообслуживанию и трудовых навыков. При всей важности освоения бытовых умений для социализации и развития личности ребенка с инвалидностью, вряд ли следует игнорировать роль школьной программы для дальнейшей жизни и карьеры выпускника. В школе имеется нулевой класс, цель создания которого - подготовка ребят к усвоению школьной программы, обеспечение необходимых знаний, которых из-за продолжительного лечения или других факторов они не успели получить к 7-8 годам. В целом образование в интернате занимает 10 лет без учета нулевого класса. Десятый класс должен соответствовать неполному среднему образованию в обычной школе. Всего два года назад в этой школе отменено полное среднее образование. Такое решение администрацией школы и чиновниками соответствующего ведомства объясняется, с одной стороны, недостаточным количеством детей, идущих в старшие классы, а с другой, возможностью детям адаптироваться за пределами школы, подготовиться к самостоятельной жизни.

Но есть и еще одна неофициальная причина, о которой больше говорят родители и бывшие выпускники - это снижение качества обучения в школе-интернате. Фактически к 10 классу отставание от общеобразовательной школы по основным предметам составляет два года. Учителя признают, что уровень знаний, получаемых в школе-интернате, ниже, чем в обычной школе и объясняют это недостаточными интеллектуальными возможностями учащихся: *«Болезнь накладывает свой отпечаток... и на мозги тоже»* (педагог, жен., 38 лет), или физическими способностями воспитанников; *«У нас практически нет занятий в четвертой четверти, так как наши дети устают к этому времени»* (педагог, жен., 50 лет). При этом, сравнивая воспитанников прошлых лет, многие из которых получили высшее образование, с нынешними, которые в большинстве своем идут в ПТУ, в лучшем случае в техникумы, преподаватели апеллируют к диагнозу: *«Раньше дети с полиомиелитом были, а теперь с ДЦП. При полиомиелите у него мозги-то сохраннее. Вон у меня Вера, у нее нет никакого ДЦП. Очень работающая девочка»* (педагог, жен., 35 лет).

Есть и другие причины. Например, некоторые учителя просто не считают нужным и реальным продолжение образования для своих воспитанников: *«А зачем им это?!»*. В профессиональной сфере дети ориентируются на получение профессий радиомеханика, столяра, обувщика, швеи, оператора, а вопрос о получении высшего образования просто не стоит на повестке дня школы. Многие дети, чьи родители заинтересованы в их дальнейшем обучении и ориентируют на это ребенка, продолжают свое обучение в вузе. Остальные к выпускному классу не только отстают по уровню знаний, но и успевают усвоить установки на то, что они не способны и не нуждаются в получении высшего образования. Причем неверие в себя и заниженная самооценка могут быть более значимы, чем прочие факторы неравенства шансов. Об этом свидетельствует история Веры.

Вера, ученица выпускного класса, 17 лет, сирота. Взрослая сестра Веры живет в одном из небольших городков региона, Вера хорошо учится, и все учителя выделяли ее как способную девочку, говоря, что, пожалуй, она могла бы пойти учиться дальше. Но при этом видели такую возможность лишь как гипотетическую. Отсутствие родителей, жилья, ограниченность материальных средств и недостаточная подготовленность, по мнению учителей, не могут позволить Вере продолжить образование. Вот несколько замечаний, высказанных наставниками на этот счет: *«Ей надо профессию получить, а там к сестре поедет»* (педагог, жен., 35 лет); *«Они у нас не могут себе позволить всю жизнь учиться, им себя кормить надо»* (директор); *«Куда она с пойдет, это она здесь отличница, а в институте... Сейчас все за деньги»* (педагог, жен., 35 лет). Мы предложили помочь девочке поступить в лицей при одном из вузов города и в дальнейшем продолжить образование на одном из факультетов этого вуза. Этот вариант как нельзя лучше подходил в данном случае. Лицей региональный и имеет общежитие, уровень подготовки детей, приезжающих поступать в него из населенных пунктов региона, очень разный, и программа построена таким образом, чтобы подтянуть всех до нужного уровня. В лицее уже учатся дети-инвалиды, которые к тому же имеют льготы при поступлении в вуз, Поняв, что возможность эта реальна, большинство учителей, за исключением социального педагога и классного руководителя, все равно не изменило своего мнения. Но признали право выбора за девочкой. Вера долго колебалась, потому что считала, что не сможет учиться в вузе. Вопрос «почему?» ставил ее в тупик: *«Ну, не знаю, там все умные»*. Беседуя с Верой, мы, казалось, смогли поколебать ее неуверенность в собственных силах, и она согласилась пойти на собеседование. Девочка очень волновалась. Придя в школу накануне запланированного визита, мы услышали отказ Веры. Как потом выяснилось, на протяжении недели с девочкой в школе не раз

проводили профессиональную «переориентацию». Очень важно, какие установки получает ребенок, насколько его или ее учат верить в себя, добиваться поставленных целей.

Таким образом, ориентация школы на специальные потребности воспитанника может не только положительно влиять на процесс обучения, но и сужать возможности их выбора.

Концентрация в одном месте образовательных и медицинских сервисов, с одной стороны, позволяет детям получать необходимое лечение, не затрачивая дополнительного времени и усилий, а с другой, - ведет к «медикализации» специального образования, тотальному медицинскому контролю и доминированию медицинских практик над другими. Такой подход порой приводит к подмене образовательных и социальных проблем воспитанников, диагнозом. Такая объяснительная модель помогает скрывать неудовлетворительное качество обучения или интерпретировать поведение воспитанников. Преобладание медицинского подхода определяет идеологию коррекционного учреждения, а эта терминология до сих пор принята в российской системе специального образования, согласно которой для достижения нормального или приближенного к нему состояния нужно постоянно корректировать дефект, а не учить детей тому, как со своим специальными потребностями они могут жить полноценно, интересно и независимо.

Особенности программы, ориентированной на социальную интеграцию детей, заключаются в наличии дополнительных предметов по приобретению социальных навыков. К сожалению, не всегда удается найти баланс между освоением программы общеобразовательной школы и освоением этих навыков. Не только низкий уровень знаний, но и установки, сужающие образовательные и профессиональные альтернативы, оказывают большое влияние на дальнейшие жизненные стратегии воспитанников.

Социальная работа в школе-интернате

Образование для детей со специальными потребностями является особым сектором образовательной системы, так как дети-инвалиды нуждаются не только в образовательных услугах, но и в социальных гарантиях и социальной защите. Поэтому мы отдельно остановимся на проблеме социальной работы в интернате. Следует сразу оговориться, что должность социального работника в российской образовательной системе не предусмотрена, и специальное учебное заведение не является исключением. В российских школах в 1990-х годах вводятся ставки социальных педагогов, которые по своим функциональным обязанностям копируют социального работника. В ряде западных стран подобная должность называется социальный работник школы (school social worker).

В школе-интернате должность социального педагога введена с 1996 года. В беседе с нами один из работников Управления образования Среднегорской области объяснил, что стандартное штатное расписание для учебных заведений такого типа не предусматривает ставок социального педагога и психолога, но школы могут за счет штатных передвижений находить средства и вводить эти ставки. Необходимость таких административных ухищрений сопрягается с отсутствием достаточного числа социальных педагогов (социальных работников), имеющих профессиональное образование по этой специальности. Система образования пока не готова к полномасштабному включению социальной работы в школьную жизнь.

Социальный педагог интерната - Наталья Алексеевна, женщина лет пятидесяти, имеет высшее инженерное образование и опыт административной работы в школе. Свой приход в интернат на новую для себя должность социального педагога объясняет так: *«Подруга предложила, иди, говорит, это твоя работа!»*. Действительно коллеги отмечают, что она как нельзя лучше соответствует тем обязанностям, которые приходится выполнять: *«Наталья Алексеевна - наш мотор. Вот, выбила нам билеты в театр»*; *«Она конечно со своими недостатками, но все выбивает»*; *«Мы за ней как за каменной стеной»*; *«Если бы ни Наталья Алексеевна, то многие наши дети остались бы на улице»*.

В обязанности социального педагога в школе-интернате входит: защита прав сирот и детей, чьи родители лишены родительских прав; устройство дальнейшей судьбы воспитанников, оставшихся без попечения родителей (обучение, трудоустройство, жилье, льготы); работа с неблагополучными семьями; содействие в оказании помощи малоимущим семьям; работа по этим вопросам с административными, правовыми, социальными органами города и региона. В числе главных проблем, возникающих в работе, Наталья Алексеевна называет отношения с отделами министерства образования, органами социальной защиты и администраторами разных уровней, с которыми ей приходится сталкиваться по долгу службы, отмечая бюрократизм, нежелание помочь, а иногда и просто невыполнение прямых служебных обязанностей чиновниками различных уровней.

Помимо этого, часто по собственной инициативе, она ведет работу по поиску родителей детей, поступающих в школу из детских домов, в сопроводительных документах которых не всегда есть необходимые сведения о семье. Находит разные способы, как подготовить детей к встрече с семьей, если таковую удастся найти. Многие воспитанники, благодаря ее инициативе, получили если не возможность вернуться в семью, которой у них никогда не было, то хотя бы шанс посещать родственников или переписываться с ними. Многие дети считают социального педагога своим доверенным лицом.

В то же время воспитательные практики, которые она использует, не всегда могут восприниматься как профессиональные: «.. *Я ее быстро на место поставила. Взяла ее и говорю: "Кто она [воспитательница] и кто ты?! У тебя мать - алкоголичка, под забором валяется... вот". Так вот она поутихла*». Здесь можно отметить непоследовательность подходов, основанных исключительно на личном опыте и интуиции, а не на профессионализме<sup>48</sup>. Основная работа социального педагога в интернате заключается в контроле над соблюдением имущественных прав детей-сирот (в частности, прав на жилье), права на дальнейшее образование и трудоустройство, которое рассматривается как возможность «куда-нибудь пристроить» воспитанников после интерната, их материального обеспечения (пенсии, пособия) и работе с семьями, в основном неблагополучными. Ведется и воспитательная работа с учениками, но, к сожалению, в ней не всегда присутствует профессиональный подход. Если сравнить вышеперечисленные функции с западными моделями организации социальной работы в учреждениях подобного рода, в российском контексте на сегодня можно отметить полное отсутствие взаимодействия с местным сообществом, являющееся на Западе важной составляющей социальной работы в школе<sup>49</sup>. Такой подход, как показывает зарубежный опыт и наработки российских проектов в области социального партнерства, может способствовать разрушению социальных барьеров, интеграции детей-инвалидов и их семей в общество.

**Интеграция: сложности и перспективы**

Эта часть, посвященная интегрированному образованию как альтернативной модели обучения детей со специальными потребностями, отношению к нему со стороны общества и государства, а также реальным практикам интеграции детей-инвалидов в общеобразовательные школы, может служить своего рода заключением, попыткой ответить на некоторые поставленные в данном кейс-стади вопросы.

Система специальных интернатов, один из которых стал предметом нашего исследования, на сегодняшний день не является единственным возможным способом для ребенка-инвалида получить среднее образование. Альтернативой интернатной системы являются различные модели интегрированного образования, основы которых уже представлены в российском законодательстве: Закон «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)» Статья 5. Государственная политика в области специального образования

1. Государство обеспечивает лицам с ограниченными возможностями здоровья условия для получения бесплатного образования в соответствии с их способностями и возможностями, в том числе *способствует развитию интегрированного обучения*.

Статья 10. Формы получения специального образования

Лица с ограниченными возможностями здоровья могут получать специальное образование в специальных образовательных учреждениях, специальных образовательных подразделениях, образовательных учреждениях интегрированного обучения, образовательных учреждениях общего назначения в формах, предусмотренных Законом Российской Федерации «Об образовании». Но целый ряд факторов препятствует реализации принципов интегрированного или включающего обучения в образовательную практику России. В Европе переход к интегрированному образованию начался в 1970-е годы, у нас - в начале 90-х, при колоссальной разнице в социокультурном контексте. Принципиальное отличие состоит в том, кто и почему инициирует идеи интеграции. В отличие от Запада, где дискуссия о необходимости интсгратив-ного подхода к образованию детей со специальными потребностями возникает по инициативе гюдителей, педагогов и социальных исследователей, в контексте противостояния всем видам дискриминации (по расовому, половому, национальному, политическому, религиозному, этническому и другим признакам), в России новые формы специального образования вводятся сверху в ответ на ратификацию ряда международных соглашений (в 1991 году Российская Федерация ратифицировала Конвенции ООН «О правах ребенка», «О правах инвалидов», «О правах умственно отсталых лиц»). Принятые законы не всегда работают, так как не выработаны механизмы их практической реализации, не четко установлены

источники финансирования и отсутствуют программы, формирующие общественное мнение по этому вопросу, обсуждение их в обществе и в средствах массовой информации. †

Сегодня процессы интеграции в образовании детей-инвалидов имеют место, но проявляются не в создании интегрированных школ, имеющих соответствующих специалистов, специальные условия обучения, программы и необходимое финансирование, а в выборе родителей в пользу обычной общеобразовательной школы, где речь идет о детях, не имеющих умственных отклонений. Как мы уже отмечали, такие случаи не попадают в поле зрения статистики, но могут быть рассмотрены как кейсы успешного включения детей со специальными потребностями в обычные классы и показывают, что такие аргументы против интеграции, как «детская жестокость», «их засмеют», «они будут изолированы», на практике могут быть опровергнуты.

Валентина, 10 лет, живет с мамой, занимается спортом, первый класс закончила в школе-интернате для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, два последних года учится в общеобразовательной школе. Таким образом, ее история состоит как бы из 2 частей.

В семь лет девочка поступила в школу-интернат, будучи неплохо подготовленной. На вопрос о выборе этого учебного заведения мама рассказывает, что эту школу ей порекомендовали на психолого-медико-педагогической комиссии: «...Там [на комиссии] много народу: и врачи, и учителя из этой школы. Говорят, отдадите в обычную, ее там заключут, а в интернате она будет в своей среде, а программа там как в общеобразовательной школе. Я подумала, что же я своему ребенку враг, если говорят, что там лучше». Но к концу года мама принимает решение перевести девочку в обычную школу. Объясняет это тем, что за год ребята прошли только букварь, основное внимание в школе уделяется овладению бытовыми навыками, которыми ее дочь уже обладает, а также строгими правилами поведения, в которые Валя с ее активностью и стремлением к лидерству явно не вписалась. Последним аргументом в принятии этого решения была встреча с мамой, чья дочь (с тем же диагнозом - ДЦП) уже несколько лет учится в обычной школе: «Я на нее посмотрела, она так плохо ходит, и думаю, неужели моя Валька не сможет». После непростого разговора с директором, пытавшимся отговорить от такого шага, мама отнесла Валины документы в ближайшую школу. Но несмотря на то, что девочка успешно прошла собеседование, в эту школу ее не приняли, так как по бумагам получалось, что она вторично поступает в первый класс. Но это была официальная причина отказа, сформулированная по настоятельной просьбе мамы. Истинные мотивы были намного проще: «Л" нам даже из администрации приезжают, а тут ваша дочь будет по коридору ковылять». Тогда мама, полная решимости довести задуманное до конца, решает на обман системы, так безжалостно выталкивающей ее дочь. Она говорит директору школы-интерната, что уезжает в другой город, через знакомых достает документы, согласно которым девочка до 8 лет нигде не училась, и идет с ними в другую школу. На этот раз все проходит удачно, и девочка начинает учиться в обычной школе в одном классе со здоровыми сверстниками.

Сейчас Валя закончила второй класс. Учится не хуже и не лучше других. Отношения с одноклассниками хорошие, не очень много близких друзей, но и тех, кто относился бы враждебно, нет. Учительница отмечает, что в играх девочка часто берет на себя роль лидера, и ребята ее слушаются. По словам мамы, девочка очень изменилась, стала увереннее в себе, активнее, и «.даже внешне выглядит более здоровой». Показательно, что когда через год Валя пришла в интернат, педагоги ее не узнали. Особую роль в успешной интеграции девочки сыграла первая учительница, которая осознанно взвалила на себя такую «обузу», проявила инициативу и попросила направить девочку в свой класс. Она на протяжении первого года активно работала с детьми, родителями и другими преподавателями, формируя толерантное отношение к непохожему ребенку. Школа, где учится Валя, с этого года стала лицеем, и для того, чтобы перейти в 5 класс нужно успешно сдать экзамены, от которых девочка может быть освобождена по состоянию здоровья. Но мама не хочет прибегать к этому, и очень надеется, что это не последние экзамены в ее жизни, и Валя сможет в дальнейшем поступить в институт.

Отношение сотрудников школы-интерната к возможности интегрированного обучения их воспитанников очень противоречивое. Все они говорят о преимуществах специальной школы, что вполне естественно, так как работают в этой системе и при этом по мере сил стараются помочь воспитанникам получить необходимые навыки и войти в самостоятельную жизнь. В представлении сотрудников школы-интерната интеграция детей-инвалидов в общество - цель их педагогических усилий, осуществление которой невозможно через прямое включение детей в общеобразовательные школы по целому ряду причин: неприятие со стороны других детей и общества в целом («Они здесь

среди себе подобных»); отсутствие соответствующих условий и специалистов («Здесь и врачи, и все...»); отсутствие специальных программ («Они не смогут по обычной программе учиться»), В связи с последним следует отметить, что наличие у большинства воспитанников «сложного недостатка», предполагает модели программ интегрированного обучения детей с различными образовательными потребностями в самом интернате. В одном классе учатся дети с нарушениями слуха, зрения, речи, мелкой моторики, и учителя имеют соответствующие методические разработки по их совместному обучению. Процесс образования строится таким образом, чтобы учесть возможности каждого ученика, создаются индивидуальные программы, проводятся уроки коррекции. На наш взгляд, этот опыт может и должен быть использован при создании программ для интегрированных школ. Учителя этого интерната готовы участвовать в таких проектах, потому что, даже отстаивая преимущества сложившейся системы образования для инвалидов, видят ее недостатки: «Здесь *ограниченный мир. Было бы лучик, чтобы они были среди нормальных людей*». Таким образом, переход к интегрированному образованию может способствовать преодолению изоляции нетипичных детей, разрушению стереотипов в отношении инвалидности, расширить возможности их образовательного и профессионального выбора. При этом речь не идет о замене старой системы на новую, а о появлении реальных альтернатив, дифференциации образовательных учреждений для детей со специальными потребностями. Было бы неоправданным отказаться от положительного опыта, накопленного системой специального образования, необходимо содействовать его открытости, гуманизации, отказу от медикалистского подхода и взаимодействию структу| массового и специального образования. На данном этапе следует параллельно развивать новые подходы к образованию детей-инвалидов, и параллельно преобразовывать сложившуюся систему, обеспечивать движение двух моделей на встречу друг другу.<sup>1</sup> Об исследовании социокультурных основ систем специального образования Западной Европы и России, проведенном Институтом коррекционной педагогики РАО, см.: *Малофеев Н. И.* Современное состояние коррекционной педагогики // Дефектология. 1996. № 1. С. 3-10; *Малофеев Н. И.* Современный этап в развитии системы специального образования в России: результаты исследования как основа для построения программы развития // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. 2000. Вып. 1. <http://ise.iip.net/almanah/1/4.txt>

<sup>2</sup> *Аксенова Л. И., Архипов Б. А., Белякова Л. И. и др.* Специальная педагогика. М: Академия, 2000. С. 22-23.

<sup>3</sup> Закон принят Государственной Думой 2 июня 1999 года.

<sup>4</sup> *Franks M.* Soviet Politics and Education. Lanham; New York; London, 1986; *Zajda J.I.* Education in USSR. Oxford; New York; Toronto, 1980. <sup>b</sup> *Matthews M.* Education in the Soviet Union: Policies and Institution since Stalin. London, 1982. P. 182-184.

<sup>6</sup> *Education and Society in the New Russia.* Armonk; New York; London, 1994.

<sup>8</sup> *Sutton A.* Special Education for Handicapped Pupils // Soviet Education: the Gifted and the Handicapped. London; New York, 1988. P. 83-87.

<sup>9</sup> *Fulcher G.* Disabling Policies? London: Falmer, 1989.

<sup>10</sup> *Sice R.* The Politics of Theorising Special Education // Theorising Special Education. London: Routledge, 1998.

<sup>11</sup> *Jenhanson J. C.* Mainstream or Special? Educating Students with Disability. London; New York, 1997.

<sup>12</sup> *Thomas G., Loxley A.* Deconstructing Special Education and Constructing Inclusion. Buckingham, 2001.

<sup>13</sup> *Зайцев Д.* Институционализация специального образования // Социальные проблемы образования: методология, теория, технологии. Саратов: СГТУ, 1999. С. 138-140; *Назарова А.* Специальное образование как альтернатива традиционному образованию // Там же. С. 149-152.

<sup>14</sup> *Малофеев Н. И.* Специальное образование в России и за рубежом. М, 1996. Ч. 1; *Малофеев Н. И.* Современное состояние коррекционной педагогики // Дефектология. 1996. № 1. С. 3-10; *Малофеев Н. И.* Современный этап в развитии системы специального образования в России: результаты исследования как основа для построения программы развития // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. 2000. Вып. 1. <http://ise.iip.net/almanah/1/4.txt>; *Аксенова Л. И.* Правовые основы специального образования и социальной защиты и детей с отклонениями в развитии // Дефектология. 1997. № 1. <sup>^</sup>*Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

<sup>16</sup> *Уэст К., Зиммерманн Д.* Создание тендера // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 207.

<sup>17</sup> Социальное конструирование тендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171-181; Здравамысяова Е., Темкина А. Социальная конструкция тендера и гендерная система России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 4. СПб., 1996. С. 5-13.

<sup>18</sup> Soder M. Disability as Social Construct: the Labeling Approach Revisited // European Journal of Special Needs Education. 1989. №4. Р. 117-129.

<sup>19</sup> Gofman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London; New York: Touchstone, 1986 [1963].

<sup>20</sup> Becker S.H. Outsiders // Deviance: the Interactionist Perspective. New York: Macmillan Publishing, 1978. Р. 10-14.

<sup>21</sup> Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магнстериум, Касталь, 1996; Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

<sup>22</sup> Ярская-Смирнова Е. Ф. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38-45.

<sup>23</sup> Ярская-Смирнова Е. Гендерное неравенство в образовании понятие скрытого учебного плана // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 295-301.

<sup>24</sup> Романов П. В. Социальная антропология организаций. Саратов: СГТУ, 1998; Романов П. В. Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Изд-во Саратов. ун.-та, 2000.

<sup>25</sup> Малофеев И. Н. Современный этап в развитии системы специального образования в России: результаты исследования как основа для построения программы развития // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. 2000. Вып. 1. <http://ise.itp.net/almanah/1/4.txt>

<sup>26</sup> Sutton A. Special Education for Handicapped Pupils // Soviet Education: the Gifted and the Handicapped, London; New York, 1988. Р. 83-87. <sup>27</sup> Кислинская Т. И. Исключительная школа для «исключительных» детей (лечебно-воспитательное учреждение В. П. Кащенко) // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей). М.: Педагогическое общество России, 1998. С. 127-137.

28

По данным официальной региональной статистики за 2000 год.

<sup>29</sup> Аксенова Л. И., Архипов Б. А., Белякова Л. И. и др. Специальная педагогика. М.: Академия, 2000. С. 316.

<sup>30</sup> О положении детей-инвалидов в России. Чрезвычайная ситуация и направления неотложной реформы. М.: Центр лечеб. педагогики, 1998.

<sup>31</sup> Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 206.

<sup>32</sup> Аксенова Л. И., Архипов Б. А., Белякова Л. И. и др. Специальная педагогика. М.: Академия, 2000. С. 23.

<sup>33</sup> См.: Дуглас М. Чистота и опасность. М.: КАННОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000.

<sup>34</sup> Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997. С. 95.

<sup>35</sup> Возможности получения образования у детей с особыми потребностями // Образование для всех? Региональный мониторинговый доклад № 5 проекта Мопее (Юнисеф). 1998. С. 57. <sup>36</sup> Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 279-280. <sup>37</sup> См.: Mercer J. R.

Sociological Perspectives on Mild Mental Retardation // Socio-Cultural Aspects of Mental Retardation. New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. Р. 378-391. <sup>38</sup> См.: Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адаман Евы. М.: ИНИОН РАН, 2001.

<sup>39</sup> Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование тендера. <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-zdrav.htm>

<sup>40</sup> Felouzis G. Filles et garcons en classe: comportement et reussite scolaire // Revue francaise de sociologie. 34-2, 1993. Р. 199-222.

<sup>41</sup> Ярская-Смирнова Е. Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 296.

<sup>42</sup> Кон И. С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

<sup>43</sup> Там же.

<sup>44</sup> Лорвер Д., Фаррел С. Принципы тендерного конструирования // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 190-191.

<sup>45</sup> См.: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 208-209.

<sup>46</sup> Bart D. S. The Differential Diagnosis of Special Education: Managing Social Pathology as Individual Disability//Special Education and Social Interests. London, 1984. P. 109-111.

<sup>47</sup> Малофеев Н.Н. Современный этап в развитии системы специального образования в России: результаты исследования как основа для построения программы развития // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. 2000. Вып. 1. <http://ise.iip.net/almanah/1/4.txt> См.: Ярская-Смирнова Е. Профессионализация социальной работы в России //Социологические исследования. 2001.№5.С. 86-95. <sup>44</sup> Orelove F. P., SobseyD. Educating Children with Multiple Disabilities: a Transdisciplinary Approach. Baltimore; London; Toronto; Sydney, 1996. P. 7.

## РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В России в начале 1990-х годов в ходе политических, экономических и социально-культурных трансформаций четко наметились новые тенденции социальной политики в отношении детей с ограниченными возможностями, ориентированные на интеграцию, появились новые модели социальной поддержки, направленные не только на материальный аспект компенсации дефекта за счет предоставления льгот и пособий, но и на создание условий для независимой и полноценной жизни детей с особыми потребностями в обществе. В то же время традиционная система государственных учреждений, осуществляющих заботу о детях с особыми потребностями, не претерпела пока значительных изменений. Интернаты, дома ребенка, лечебно-профилактические учреждения не обеспечивают полноценную систему реабилитации и не решают проблем адаптации ребенка к полноценной жизни в обществе. К тому же сокращение объема материальных компенсаций, выделяемых на содержание таких детей обществом, привело к увеличению числа родителей, вынужденных отдавать своих детей в интернатные учреждения. Как альтернатива интернатам по инициативе правительства и местных органов управления с 1993 года в России создаются реабилитационные центры для детей и взрослых.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей системы функционирования детских реабилитационных учреждений на региональном уровне на примере конкретного реабилитационного центра. Задачи кейс-стади состояли в выяснении положения, которое занимают реабилитационные центры в социальной системе, эффективности функционирования данных учреждений, их внутренней среды и организационных особенностей как новой структуры на примере одного реабилитационного центра. В процессе исследования было взято восемь интервью у работников реабилитационного центра для детей-инвалидов, в том числе у вахтера, специалистов по социальной работе, заведующих отделением диагностики и разработки программ реабилитации, социальным отделением и отделением медицинской реабилитации; два интервью родителей детей-инвалидов, проходящих курс реабилитации в данном учреждении; четыре интервью со взрослыми инвалидами - жителями области. К сожалению, руководство центра отказалось давать интервью, мотивируя отказ аргументами типа: *«На всякий случай, как бы чего не вышло»*.

Во втором разделе книги уже шла речь об основных особенностях социальной политики в отношении инвалидов в советской и постсоветской России, о том, что ранее наблюдался процесс вытеснения инвалидов из общественной жизни, и, например, дома-интернаты для инвалидов, в том числе для детей, строились в отдаленных сельских районах области. При внешне лояльном отношении к проблеме инвалидности, окружающие, физически здоровые люди, предпочитали не идти на контакт с инвалидами. В наших интервью жители Среднегорска рассказывают: *«Вообще раньше, в шестидесятые, инвалидов нигде не было. В городе они, инвалиды, не появлялись. Ни в театре, ни на улицах. В учебных заведениях они не учились»* (бывший работник ВТЭК, жен., 61 год); *«Мне казалось, что проблему инвалидов решает семья, а не государство»* (инвалид II группы, жен., 55 лет); *«Тогда к инвалидам никак не относились. Что-то не было слышно, чтобы инвалидов лечили. В то время ничего не было для инвалидов... Я ничего не слышала о них. Я не помню, у кого были дети-инвалиды?... Инвалидов как будто не было»* (домохозяйка, жен., 81 год).

С начала 1990-х годов инвалидность стала пониматься не только как медицинская, но и как социальная проблема. Коренным образом изменилась социальная политика страны, и, соответственно, социальная политика Среднегорской области. В нормативной классификации, приведенной в приложении к совместному Постановлению Министерства труда и социального развития РФ и Министерства здравоохранения РФ от 29 января 1997 года № 1/30, «реабилитация инвалидов» определяется как «процесс и система медицинских, психологических, педагогических и социально-экономических мероприятий, направленных на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма». Этой же классификацией цель реабилитации определяется как «восстановление социального статуса инвалида, достижение им материальной независимости и его социальная адаптация». Тем самым предполагается, что статус человека с ограниченными возможностями в России либо снижен, либо изначально неполноценен - его необходимо восстанавливать.

Отметим, что за рубежом различают понятия абилитации и реабилитации. Абили-тацией называют комплекс услуг, направленных на формирование новых и мобилизацию, усиление имеющихся ресурсов социального, психического и физического развития человека. Реабилитацией в международной практике принято называть восстановление имевшихся в прошлом способностей, утраченных по причине болезни, травмы, изменений условий жизнедеятельности. К ситуации ребенка-инвалида, на наш взгляд, в большей степени подходит понятие абилитации, однако мы будем использовать термин «реабилитация», устоявшийся в отечественной социально-нормативной практике.

Мы рассмотрим современные особенности организации социальной работы с детьми-инвалидами на материалах кейс-стади реабилитационного центра для детей с ограниченными возможностями. Помимо этнографического наблюдения в организации мы привлекаем материалы наших интервью со специалистами других служб, родителями, детьми-инвалидами и взрослыми. Такие учреждения в России начали создаваться в 1993 году, а в Среднегорске решение главы администрации области о создании реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями было принято в 1994 году. Инициатива создания принадлежала областному управлению социальной защиты населения, и первое время центр организовывался на базе летнего оздоровительного лагеря. В зимний период работа велась на базах других детских учреждений, работающих с детьми с ограниченными возможностями (специализированные детские сады, интернаты, школы), а также по месту жительства детей.

#### Пространство реабилитации

По федеральной целевой программе «Дети России» центр получил современное реабилитационное оборудование, а в 1997 году получил статус опорно-экспериментального учреждения Министерства труда и социального развития России. Тогда же были открыты его отделения в двух районах города: на стадионе «Железнодорожник» и в районном центре социального обслуживания населения, в течение 1999-2001 годов открываются филиалы в районных центрах области. Таким образом, реабилитационный центр включает в себя несколько структурных подразделений: диагностики и разработки программ реабилитации, медицинской реабилитации, социальной реабилитации, психолого-педагогической помощи, стационарное отделение, отделение дневного пребывания, отделение реабилитации Индустриального района, реабилитационный летний лагерь и филиалы. Непосредственными руководителями каждого из отделений являются заведующие, которые подчиняются директору, заместителю директора по научной и лечебной работе, заместителю директора по организационным вопросам, который одновременно является директором летнего лагеря.

С 1995 года центр, согласно договору аренды, располагается в здании бывшего детского сада. Здесь работает стационар на 30 мест, дневное отделение на 70 мест и другие подразделения центра, а также детское психоневрологическое бюро медико-социальной экспертной комиссии (МСЭК). Приемное отделение находится на первом этаже, недалеко от главного входа, что достаточно удобно для посетителей. Детям легко дойти до него, не нужно подниматься по лестницам. Однако рядом с кабинетом находится маленький коридор с несколькими стульями, способный вместить лишь ограниченное количество ожидающих приема детей и родителей. Поэтому при скоплении четырех-пяти человек родителям приходится выходить на лестничную площадку. Проблема недостаточной территории часто обсуждается сотрудниками центра: *«Я сам центр немножко бы расширила. Место*

*неплохое, здесь воздух. Процедурные кабинеты малы. Если сравнить с Анапой, там - простор»,* - говорит специалист по социальной работе (жен., 46 лет), упоминая поездку группы детей с родителями в дом отдыха Анапы в октябре 2000 года, организованную областным управлением труда и социального развития для клиентов реабилитационного центра. *«Сложности из-за того, что много разных специалистов в маленьком пространстве, помещений мало»,* - отмечает другой специалист по социальной работе (жен., 25 лет). Родители также отмечают эту проблему: *«Нужно новое помещение»* (бабушка ребенка-инвалида, 67 лет).

Специфическое расположение центра также имеет свои неприятные стороны. Дело в том, что здание центра находится в экологически чистой курортной зоне Среднегор-ска, преимуществом чего является свежий лесной воздух, а недостатком - удаленность от транспортных магистралей. В зимний период трудно добраться до центра из-за оледенения дороги. По словам родителей и специалистов по социальной работе центра, проезд на маршрутном такси стоит дорого (4 рубля на 1 сентября 2001 года), а маршрутный автобус недавно был отменен решением городской администрации: *«Многие мамы лишний раз сюда не ездят. Им восемь рублей заплатить надо. Речной, Подгорный и Промышленный районы [к нам] не ездят. Па праздники приходят [только те], кто живет близко»* (специалист по социальной работе, жен., 24 года); *«Еще неприятность - отменили двадцатый автобус. Теперь все [автобусы] коммерческие, удостоверения в них не действуют... Теперь всем нужно платить, и соцработникам, и инвалидам»* (заведующая отделением диагностики и разработки программ реабилитации, жен., 43 года).

Вход в центр - свободен для всех. Первыми гостей встречают вахтеры - две пожилые женщины, работающие посменно, через день. На вахтере лежит обязанность приглашать специалистов к телефону и отвечать по телефону при необходимости. Чтобы помочь посетителям, вахтеры по собственной инициативе организуют свою небольшую бюрократию, стремясь рационализировать возложенные на них формальные и неформальные обязанности: дают всем желающим информацию о часах работы центра и МСЭК, расписание приемов, дают пояснения о специалистах и услугах, даже могут записать на прием к специалисту. Для этого у них имеется собственный рукописный список специалистов с часами приема. *«И. по телефону объясняешь, и сюда приходят -объясняешь. Мы уже второй год работаем, знаем, что тут делают, -* говорит в интервью вахтер Татьяна Артемовна (68 лет). *- У нас здесь записано: какие нужны документы на МСЭК, какие в реабилитационный центр, какие выписки, заключения. И в стационар когда ложатся... Мы люди старой закалки, стараемся, чтобы все было, как раньше»,* имея в виду добросовестное исполнение служебных обязанностей. Вахтер всегда здоровается с вошедшим, что кажется очень необычным по сравнению с иными организациями. Вообще, в центре принято, чтобы сотрудники всегда здоровались с родителями и с детьми, независимо от того, знакомы они или нет.

Входя в центр, пройдя мимо стола вахтера с телефоном и преодолев несколько ступеней лестницы, можно подняться на первый этаж. Слева на стене лестничного пролета размещен большой плакат «Конвенция о правах ребенка», который, к сожалению, подготовлен с использованием небрежного перевода на русский язык важнейшего международного документа: «Неполноценные дети имеют право...». Применение термина «неполноценный» в отношении ребенка-инвалида глубоко оскорбило бы любого родителя, приходящего сюда, однако международный статус сообщения, возможно, позволяет читателю сделать ссылку на особенности зарубежного опыта, посчитать подобный дискурс не относящимся к себе и собственным детям.

На каждой двери висит табличка с указанием номера комнаты, названия должности специалиста и его фамилии. По распоряжению директора все специалисты, работающие в центре, за исключением вахтеров и водителей, носят на одежде значки (беджи), в которых полностью указываются должность, фамилия, имя, отчество. Специалисты по социальной работе не носят именные значки ни на планерках, ни на улице. По их словам, бедж надевается перед дверью клиента, ходить с ним по улицам им кажется нелепым.

Первый этаж реабилитационного центра делится на два крыла, каждое из которых имеет отдельный вход, один из которых - главный. Здесь на крыльце находится яркий плакат с изображением солнца и надписью «Добро пожаловать» и доска объявлений. На доске обычно вывешиваются объявления о детских праздниках и собраниях членов коллектива, поздравления с днем рождения, план работы «Школы матерей», о которой разговор пойдет ниже. На момент исследования на доске висело объявление с просьбой к родителям и сотрудникам принести ненужные лоскутки ткани и пуговицы, если они есть, для комнаты бытовой реабилитации<sup>1</sup>. Бытовая реабилитация - это обучение навыкам

домашнего обихода - застегнуть и расстегнуть пуговицы, молнии, замки и крючки, зажечь плиту, открыть кран.

В одном крыле располагается бюро МСЭК, комната бытовой реабилитации, кабинет творческой реабилитации, комната для работы с родителями, приемное отделение и стационар № 2. Стационары оборудованы специальными туалетами и ванными комнатами для инвалидов. В соседнем крыле находится стационар № 1, процедурный кабинет, кабинеты логопеда и психолога, кабинет ЛФК и выход во двор, на детскую площадку, откуда обычно детей выводят на протулку. В коридоре, соединяющем два крыла, расположена кухня (рядом на стене ежедневное меню), кладовая, туалет, бухгалтерия и социальное отделение.

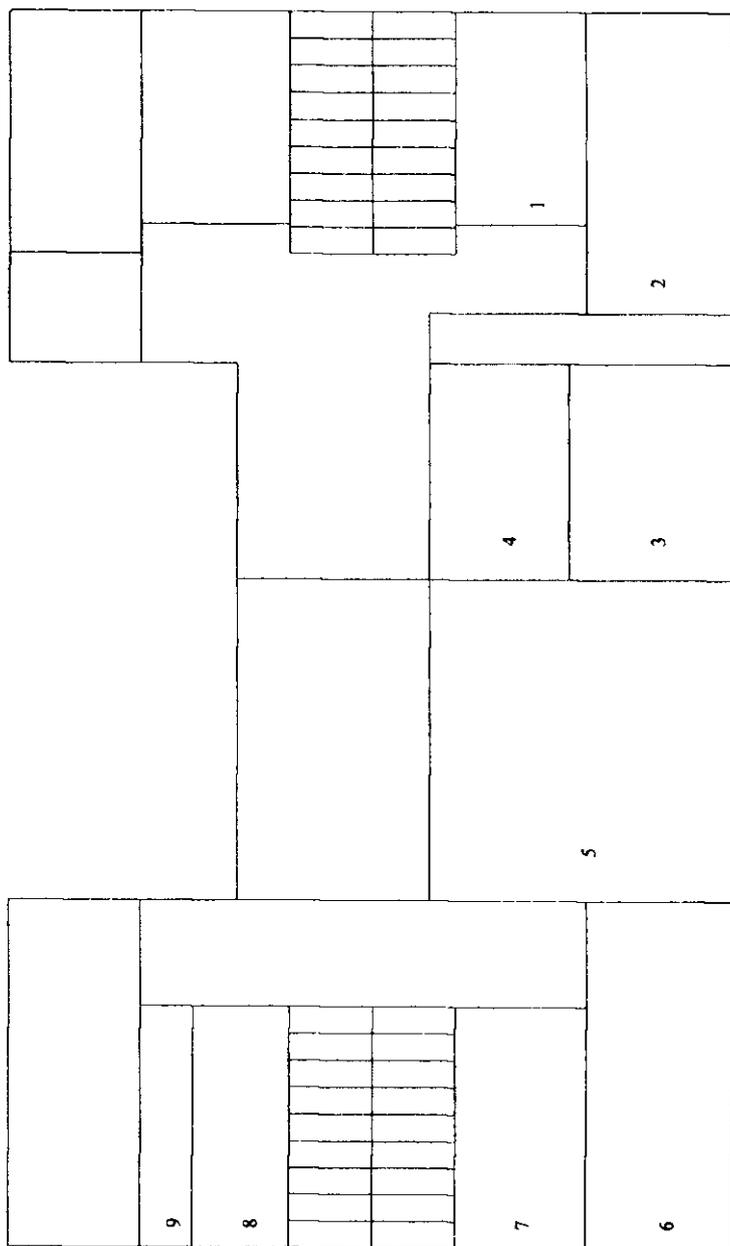
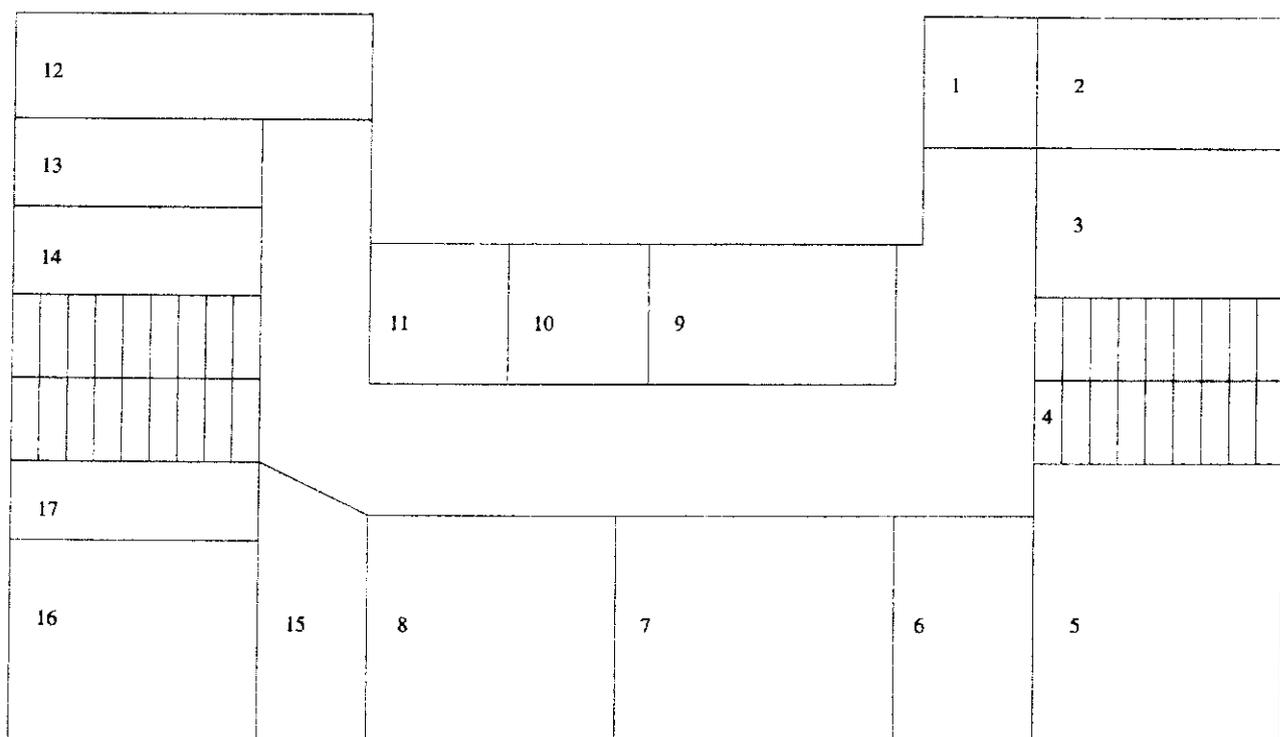
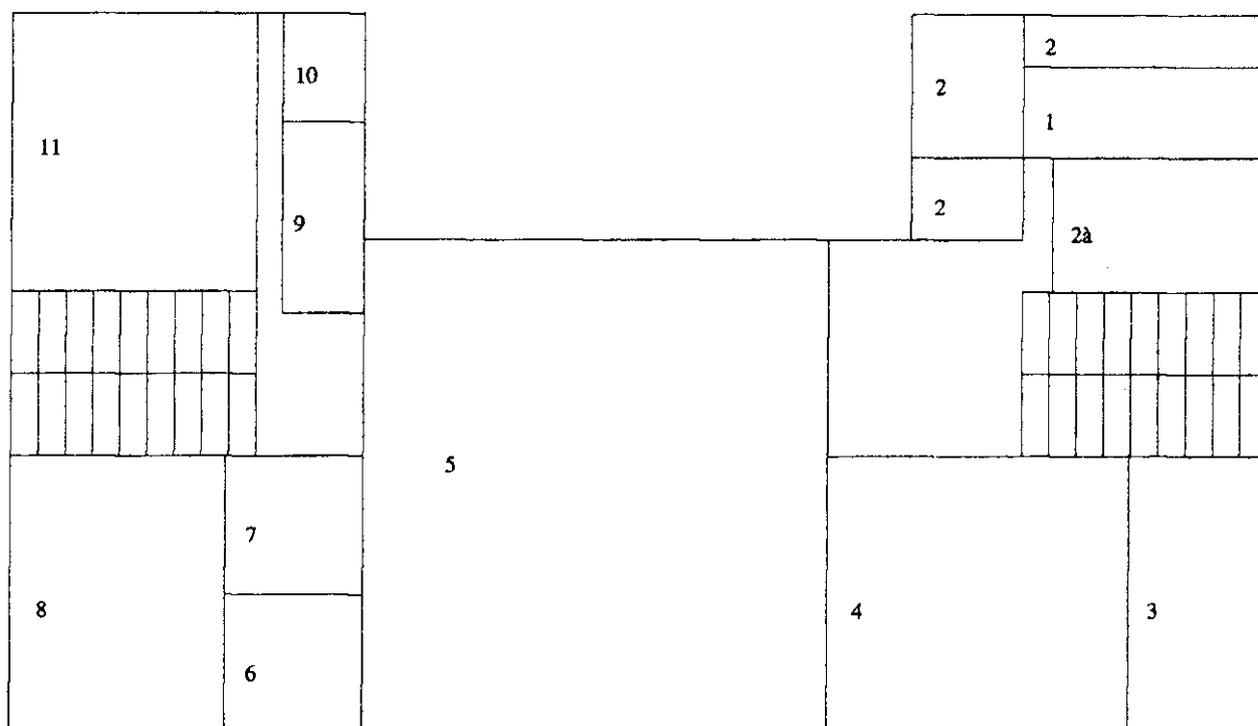


Рис. 1. Цокольный этаж реабилитационного центра:  
1 - кабинет врача-окулиста; 2 - кабинет ЛФК и тренажерный зал; 3 - кабинет ФТО; 4 - массажный кабинет; 5 - прачечная; 6 - бухгалтерия; 7 - кабинет "горный воздух"; 8 - кабинет дефектологов; 9 - кабинет социальных педагогов



*Рис. 2. Первый этаж реабилитационного центра:*

*1 - кабинет бытовой реабилитации; 2 - помещение МСЭ; 3 - комната для работы с родителями; 4 - стол вахтера; 5 - приемное отделение; 6 - кабинет творческой реабилитации; 7 - стационар № 2; 8 - стационар № 1; 9 - кухня; 10 - бухгалтерия; 11 - сенсорная комната и социальный отдел; 12 - кабинет ЛФК; 13 - кабинет психолога; 14 - кабинет логопеда; 15 - процедурный кабинет; 16 - кабинет ФТО; 17 - массажный кабинет*



*Рис. 3. Второй этаж реабилитационного центра:*

*1 - кабинет директора; 2 - отдел кадров, юрист; 2а - отделение диагностики и разработки программ реабилитации; 3 - кабинет заместителя директора; 4 - стационар № 3; 5 - актовый зал; 6 - кабинет специалистов по социальной работе; 7 - компьютерный класс; 8 - старшая группа детского сада; 9 - медицинский кабинет; 10 - изолятор; 11 - младшая группа детского сада*

Стены первого этажа украшены рисунками и фотографиями Среднегорска. Рядом с входом в стационар расположено несколько стендов, подготовленных специалистами социального отдела, которые, как и другие сотрудники, помимо своей основной деятельности, занимаются здесь подготовкой стенных газет, плакатов и стендовых выставок. На стендах представлены работы детей (поделки и аппликации), выполненные на занятиях в кабинете трудовой (творческой) реабилитации. Обычно выставляются наилучшие, по мнению специалиста этого кабинета, поделки каждой смены. Трудовая и творческая реабилитация - это принятые в центре названия одного кабинета: официальное название - творческая («трудовой реабилитацией» этот кабинет называют сотрудники по аналогии с термином «трудотерапия»).

На лестничных пролетах между вторым и первым этажами расположены зеркала в полный рост. Напротив зеркал висят стенды, выполненные специалистами отдела социальной реабилитации. На окнах, расположенных на лестничных маршах, стоят цветы. За счет светлой окраски помещения, красочных фотографий, зеленых растений создается впечатление, что вокруг очень много света. Играет роль также и то обстоятельство, что вид из окон ничто не загораживает: центр не окружен зданиями, нет поблизости и высоких деревьев. В середине второго этажа, соединяя два крыла здания, располагается большой актовый зал, в котором обычно проходят детские праздники, конференции и собрания коллектива. В зале на одной из стен - мини-выставка детских поделок. Рядом со стационаром № 2, у второго входа в актовый зал, посетителей встречает выставка «С днем рождения, родной город», флаг, гербы России и города.

На третьем этаже здания в одном крыле размещены две группы детского сада, компьютерный класс и изолятор, в который в случае инфекционной болезни помещается больной ребенок до приезда службы скорой помощи или его транспортировки в больницу, а в другом находится стационар № 2, приемная и кабинеты директора и его заместителей. На третьем этаже также находятся две группы детского сада. Дело в том, что центр располагается в здании бывшего детского сада, арендуемом у научно-исследовательского института. Между институтом и центром существует договор о размещении детей сотрудников института в специально созданных группах детского сада. В детский сад по желанию их родителей также ходят дети-инвалиды, проживающие в городе, которые имеют навыки самообслуживания. Руководство центра пытается активно наладить процесс интеграции детей-инвалидов в среду здоровых сверстников, используя для этого группы детского сада.

Такие попытки интеграции детей с разными физическими возможностями первоначально сталкивались с негативной реакцией родителей. Заведующая отделением диагностики и разработки программ реабилитации (43 года) рассказывает: *«Думаешь, легко наших родителей уговорить? Ладно, родители инвалидов не соглашались, так и родители детей из НИИ [научно-исследовательского института] против были вначале. Не надо, говорят, наших детей с уродами совмещать. А потом мы им делом доказали, что наши дети [имеется в виду деги-инвалиды] очень талантливые, ни в чем здоровым не уступают. Ну а Катя наша - глухая, так после того, как мы уговорили маму ее в садик привести, у них вся жизнь изменилась. Катя стала общительней намного, а мама на работу устроилась, стала веселее, а то сидели дома в обнимку - папа-то их бросил - и целыми днями плакали. Теперь мама "спасибо" говорит».* На данный момент старшую группу детского сада (всего 14 детей) посещают два ребенка-инвалида (мальчик и девочка) с диагнозами тугоухости и ДДП, младшую группу (12 детей) - две девочки с диагнозом ДЦП. Еще двое мальчиков с диагнозом ДЦП приходят в младшую группу до обеда вместе с мамами. Таким образом, центр не только выполняет функции социальной реабилитации, но и оказывает определенное воздействие на социальное окружение детей-инвалидов, на практике воплощая идеи интеграции и толерантности.

**Правила и исключения в оказании реабилитационных услуг**

Центр в своей работе руководствуется уставом, разработанным и утвержденным управлением труда и социального развития области. Согласно уставу, директор центра назначается областным управлением, решение о назначении и увольнении остальных сотрудников принимает директор. Выборных должностей в центре нет. При центре организован научно-методический совет. Согласно положению о деятельности, совет обобщает передовой отечественный и зарубежный опыт социальной работы, анализирует и координирует работу центра, рекомендует к внедрению программы развития, новые технологии и услуги, содействует проведению научно-практических конференций, семинаров, предлагает различные планы повышения квалификации. При участии совета на базе центра неоднократно проводились научно-практические семинары и конференции с участием отечественных и зарубежных специалистов.

Реабилитационный центр - это молодая организация, существующая седьмой год. Руководством организации и сотрудниками активно поддерживается имидж уникальной организации, неповторимой по сути выполняемых задач и используемых методов. Специалисты по социальной работе говорят в интервью: *«Это, мне кажется, единственная организация, где дети проходят реабилитацию, где оказывают практическую помощь детям и родителям»* (жен., 21 год); *«Мы - единственный реабилитационный центр областного значения»* (жен., 25 лет); *«Ну не знаю, кто у нас в Среднегорске с детьми-инвалидами так занимается»* (жен., 46 лет).

Полный курс реабилитации здесь занимает в среднем 21 день. Работники центра утверждают, что за такой срок практически невозможно получить ощутимые результаты, однако срок пребывания детей регламентируется предписанием вышестоящих органов. В связи с этим работники центра рекомендуют каждому ребенку хотя бы дважды в год пройти курс реабилитации, и такие повторные курсы широко практикуются. Как в самом городе Среднегорске, так и в районных центрах Среднегорской области потребность в реабилитации детей-инвалидов очень велика.

*Льфья* Случай из практики центра

Льфья - девочка четырех с половиной лет. У нее, наряду с двигательными и неврологическими нарушениями, поставлен диагноз умственной отсталости, случаются редкие припадки эпилептического характера. Альфия - второй ребенок в семье. Первый ребенок, мальчик, физически здоров. Отец, забойщик скота, оставил семью после того, как узнал, что со здоровьем второго ребенка не все в порядке. Льфия приехала в Среднегорск с мамой из районного центра, здесь она впервые, яр этого девочка ни разу не проходила курсов реабилитации, а ее лечение трудно назвать систематическим. Врачу-неврологу в местной поликлинике девочка показывалась один раз в год. Специалисты реабилитационного центра называют таких детей «запущенными». Однако здесь такие случаи никого не пугают, напротив, специалисты считают, что можно показать быструю положительную динамику: *«запущенные случаи даже приятней бывают, так как достигаем высокого эффекта при лечении»* [заведующая отделением медицинской реабилитации, жен., 42 года]. Мама с Альфией приехали в 16.25. Вахтер провожает Альфию с мамой прямо до кабинета. Около приемного отделения никого нет - прием уже закончился (прием в отделение на дневной стационар осуществляется по понедельникам с 14.00 до 16.00). Мама объясняет, что они приехали из райцентра. Специалисты, несмотря на опоздание, осуществляют прием. В небольшом кабинете находятся два врача. Их рабочие столы располагаются в противоположных углах комнаты, по диагонали друг от друга. Рядом с каждым из столов, сбоку, стоят стулья для клиентов. Часть стульев стоит у стены рядом со входной дверью. Прямо напротив стульев, у противоположной стены, находится медицинская кушетка. Над кушеткой на стене прикреплен плакат под названием «Медицинская реабилитация». Плакат снабжен фотографиями и кратким описанием каждой из служб центра, оформленным в виде личика ребенка, от которого расходятся стрелки с названиями подразделений. На противоположной стене, над стульями, - вьющиеся цветы и фотообои с картиной зимнего леса. Окно не очень большое, находится высоко, так как кабинет расположен на первом этаже. На окне тоже цветы - папоротник и герань. Игрушек в кабинете нет, в отличие от кабинетов окулиста, логопеда и других врачей, где очень много игрушек. Вообще в центре много игрушек везде, за исключением, пожалуй, приемного и процедурного кабинетов.

Мама, сидя на стуле перед специалистом, начинает рассказ. Альфия осматривается. Вначале она строит рожицы, потом просит ручку порисовать. Врач улыбается девочке, дает ей ручку и листок бумаги и помогает нарисовать несколько картинок: *«А теперь я поговорю с мамой, а ты рисуй сама»*. Альфия берет бумагу ручкой, потом садится на пол, потом начинает открывать-закрывать дверь. Врачи не делают ей замечаний. Мама рассказывает историю болезни, показывает привезенные документы и направление из местного управления социальной защиты населения (УСЗН). В ходе рассмотрения документов выясняется, что у ребенка не хватает ряда справок и анализов. Врач сетует на местное УСЗН, отправившее ребенка с незаполненной карточкой. Недостающие документы можно получить и в городе, например справку из областной санитарно-эпидемиологической станции (СЭС), но лишь завтра. Выясняется, что у посетителей нет родственников в городе. Специалисты решают принять маму с ребенком с условием, чтобы на следующий день она обратилась с их направлением в СЭС и получила недостающие документы, и собираются написать жалобу в УСЗН областного центра. *«Уже не первый случай, что не соблюдают правила оформления документов при подаче в стационар»*, - говорит врач (жен., 36 лет). *«И это несмотря на то, что наши требования доведены до их сведения. Не могу же я отправить их на улицу. Назад в райцентр ехать дорого»*.

*Местное УСЗН относится безответственно. А нас проверить могут и наказать». Маме объясняют, где можно распаковать вещи, и какие специалисты должны сейчас осмотреть ребенка. Прием окончен.*

По понедельникам, в день приема, специалисты различного профиля, врачи и педагоги осматривают поступающих детей и заполняют «обходной лист», приложение к реабилитационной карте, где отмечают свои рекомендации. Об организации работы рассказывает заведующая отделением медицинской реабилитации: *«Находим детей, нуждающихся в реабилитации. Существует план по районам. Мы прозваниваем в УСЗН, там дают фамилии детей, и еще МСЭК направляет. Для каждого ребенка составляется план мероприятий. Педиатр, невропатолог, психиатр, окулист, врач ЛФК [лечебная физкультура], потом [ребенок и родители] идут к дефектологам, психологу, логопеду, педагогический блок. Каждый отражает свое мнение, это все в понедельник на приеме. Во вторник - медико-психолого-педагогический консилиум. С детской больницы приходят консультанты. Во вторник на консилиуме врачи и педагоги обсуждают план реабилитационных мероприятий. Ну вот, например, иногда окулист запрещает занятия на компьютере. Составляем "бегунок" — расписание процедур».*

В центре придается важное значение организации детских праздничных мероприятий, этим занимается отдел социальной реабилитации. *«Основная моя непосредственная работа - разработка и написание сценария, проведение праздников и мероприятий внутри центра и с приглашением гостей: соревнования, веселые старты, игровые программы, музыкальные сказки - детям очень нравится - оформление центра и актового зала, то есть социокультурная реабилитация»,* - рассказывает исполняющая обязанности заведующей социальным отделением (жен., 30 лет). Большое внимание уделяется организации русских православных праздников и обрядов. Другие национальные праздники и обряды в центре не проводятся.



Среди неписаных правил, обязательных для соблюдения в организации, можно упомянуть стук в дверь перед входом в комнату к любому специалисту или в стационар к клиентам. Сотрудники обязательно здороваются утром с вахтером и при встрече в центре с коллегами и клиентами. Обычно приоткрытые двери в кабинеты директора, заместителей и заведующей отделением диагностики и разработки программ реабилитации свидетельствуют о возможности к ним обратиться в данный момент, закрытая дверь свидетельствует о том, что специалист либо отсутствует на рабочем месте, либо занят чем-то очень важным и его не рекомендуется отвлекать. К директору и заместителям в данном случае необходимо обращаться через секретаря.

На каждого ребенка, которому в центре и его филиалах был оказан какой-либо вид услуг, заводится реабилитационная карта в день первичного приема. В карте, кроме данных о ребенке, диагнозе и предлагаемой программы реабилитации, содержатся сведения о родителях, их образовании и профессиональной деятельности, количестве детей в семье, материальном положении семьи, например наличии машины, дачи, квартиры. Для учета жалоб и предложений клиентов существует специальная книга, которая хранится в стационаре и находится в свободном доступе. Специалисты по социальной работе изучают записи клиентов в книге на планерках. Кроме того, жалобы и предложения родителей записываются в реабилитационных картах детей на первой странице, после данных о родителях. Если ребенок, уже состоящий на учете, приезжает на повторное лечение, в его реабилитационную карту помещается вкладыш.

Число вновь созданных и активированных за год реабилитационных карт составляет число обслуживаемых за данный период в центре детей. За год в центре обслуживаются в среднем около 3 тыс. человек. Исходя из общей суммы реабилитационных карт, находящихся в центре со дня его основания, составляют показатель, который отражает ежегодное число детей, состоящих под патронажем данного учреждения, который также входит в годовые отчеты с нарастающим итогом. В 1995 году данный показатель был равен 1,5 тыс., в 2001 году - 11 тыс. Каждое лето в летнем стационаре центра - лагере «Зеленый» - проходят реабилитацию 1200 детей из Среднегорска и Среднегорской области. Количество обслуженных детей в данном случае также учитывается по числу реабилитационных карт. Каждый специалист центра ведет журнал посещений и оказанных услуг, и показатель количества услуг, оказываемых специалистами центра за год, определяется после подсчета по данным таких журналов.

Исключение составляет методика подсчета услуг, оказанных специалистами социального отдела. Количество обслуженных социальным отделом клиентов определяется по количеству детей, задействованных в мероприятиях, концертах, утренниках, посещениях театров, цирка, умноженному на количество проведенных отделом мероприятий за период. Специалисты социального отдела отмечают несостоятельность данной методики подсчета, однако она не подлежит изменению, так как является обязательной для отчетности «наверх».

Специалисты по социальной работе, осуществляющие социальный патронаж семей, отмечают в журнале число посещаемых семей, и вид оказанной помощи. Под понятием «социальный патронаж», согласно должностной инструкции специалиста по социальной работе в центре, понимается форма обслуживания семей, имеющих детей-инвалидов, при которой за семьей закрепляется специалист по социальной работе, помогающий семье решить вопросы воспитания, лечения, обучения ребенка, улучшения материальных и жилищных условий. Частота посещений одной семьи на участке, по словам начальника отделения диагностики и разработки программ реабилитации, определяется потребностями семьи и колеблется от нескольких раз в неделю до одного раза в месяц. Семьи, отказывающиеся от услуг специалистов по социальной работе, посещаются ими раз в полгода.

*Рома*

Случай из практики реабилитационного центра

Рома знает почти все специалисты центра, он здесь «старожил». По определению специалистов, Рома - «тяжелый, децешник». Его диагноз - детский церебральный паралич (ДЦП), двойная гемоплегия и атрофия зрительного нерва. В июле 2001 года Роме исполнилось 15 лет. Родители отказались от мальчика сразу после его рождения, когда узнали, что ребенок нездоров. Первые четыре года жизни мальчик провел в доме ребенка. Потом бабушка оформила опеку и взяла Рому. Бабушка (67 лет) рассказывает; *«Я спать спокойно не могла. Все ходила к нему. Он такой худенький был, болезненный. Плохо ему там было»*. Родители Ромы официально оформили развод вскоре после рождения мальчика, сейчас у его мамы другая семья и ребенок. Ни мать, ни отец не общаются с Ромой. *«Я ему и бабушка, и мать, и отец»*, - говорит бабушка. Мальчик приезжает сюда из районного центра уже в течение пяти лет по лва паза в гол. а летом отдыхает в летнем лагере на базе реабилитационного центра. Бабушка Ромы рассказывает: *«Впервые мы приехали в лагерь «Зеленый». Нам от администрации путевки дали. Из лагеря мы узнали о центре. Первый раз приехали сюда в 1996 году, весной, в марте»*.

За последние пять лет благодаря систематическому прохождению курсов реабилитации в центре и постоянным домашним занятиям с бабушкой в состоянии Ромы произошли значительные улучшения. Рома научился садиться и вставать почти без помощи бабушки, стал говорить предложениями и к 12 годам научился читать несмотря на то, что Рома, по заключению МСЭК, «необучаемый». *«Здесь, в центре, Рома научился рисовать. Эти дни учился работать ножницами и правой больной рукой. Сейчас с нами стали заниматься музыкой. Музыкальный руководитель предложила учить Рому игре на пианино. Специальная программа для обучения детей. Уже через неделю он играл пьесу»*, - рассказывает бабушка. Ходить самостоятельно Рома не в состоянии, и передвигаться по зданию центра обычно ему помогает бабушка. Бабушка отмечает: *«Нет приспособлений, пандусов для больших детей по коридору, в кабинетах, в группе. Не хочется постоянно ходунки»*. Дело в том, что стены цокольного этажа центра снабжены специальными перилами, напоминающими перила в балетном классе и находящимися на высоте примерно 70 см от пола, и для Ромы эти перила слишком низкие. На втором этаже и на лестничных пролетах нет ни пандусов, ни перил вдоль стен. Родители отмечают, что от центра до автобусной остановки тяжело

добираться с ребенком, «даже из центра выйти в аллею на [инвалидной] коляске нельзя - бордюр». Двор центра также снабжен бордюрами и не приспособлен для проезда колясок. Въезд в центр не оборудован специальными пандусами, поэтому заехать сюда на коляске невозможно. Однако ни бабушка Ромы, ни другие родители не воспринимают ситуацию как неприемлемую, они привыкли носить своих детей на руках, и не могут себе позволить быть недовольными такой «мелочью», как неприспособленность физического пространства. Бабушке уже тяжело поднимать пятнадцатилетнего Рому, но она говорит, что привыкла, «в транспорте у нас нигде нет приспособлений, бордюры, въезды на улицах. По городу невозможно на коляске ездить... На реабилитационный центр я не жалею. Я понимаю, что они ничего не могут сделать, так как это не их помещение».

Одной из основных задач специалисты называют работу с родителями, информационное обеспечение родителей. Вот как специалисты по социальной работе понимают цели своей работы: «Мы как проводники между семьями и юристами, психологами, врачами, педагогами. Вся информация как бы через нас. Потому что они [родители] этих детей бросить не могут. Чтобы они не заикливались на семейных проблемах. Чтобы поддержать родителей. Работа не только с детьми, но в основном с их родителями» (жен., 46 лет); «Просят: "Вы мне, пожалуйста, скажите адреса таких же детей, чтобы общаться"; «Я свой участок объединяю» (жен., 21 год); «Родителей не оставляют с их бедой... Родители чувствуют, что к ним относятся с пониманием» (жен., 24 года); «Мы детей с родителями окультуриваем. Довольные. На экскурсии, в театры, в цирк водим, по городу. Родители все очень довольны» (жен., 46 лет). Специалисты считают успехом, если им удалось «вытянуть» детей и родителей из домашнего мирка, сводить их в театр, цирк, объединить и предоставить возможность общаться между собой. Также приятным моментом называют налаживание контакта с семьей. «Открывается дверь, а они: "Ой, вы пришли. Как замечательно Г» (жен., 24 года); «...если с нашей помощью начислят пенсию ~ хорошо» (жен., 21 год). Одним из самых негативных моментов, связанных с работой, специалист называет замкнутость семьи клиента: «У меня есть семья одна. Мирок свой создали и ребенка никуда не отпускают. Никуда не могу их вытащить» (жен., 46 лет); «Самый неприятный случай, когда нас на порог не пускают» (жен., 21 год). Вот как, по мнению специалиста по социальной работе, необходимо вести работу с родителями: «С терпением, с большим тактом. Боишься лишней раз задеть за живое. Говоришь не о ребенке, а о том, что ты можешь для него сделать» (жен., 24 года). Специалист в данном случае имеет в виду, что он намеренно не хочет говорить о физических недостатках ребенка, а старается подчеркнуть возможную помощь, которую родители и ребенок могут через него получить.

Среди специалистов наблюдается внимательное и уважительное отношение к клиентам; это не просто личный выбор работника, а еще и идеологический курс политики руководства центра. Некоторых клиентов это приятно удивляет - возможно, привыкшие к агрессивной реакции окружающих на поведение их детей и внуков, они как что-то необычное воспринимают хорошее отношение к себе: «Очень теплое отношение как со стороны медицинского, педагогического персонала, нянечки. С их стороны доброта, терпимость, не скажешь плохого слова. Вчера вот Рома чувствовал себя плохо, был хмурый, отрешенный, ну а в обед приподнял обеденный стол. Никто на него не накричал, хотя немного пролилось. Л бабушка в туалете была (улыбается). Вспоминали потом со смехом»; «Упал на стол, потом приподнял его: хотел кушать. Однако после обеда, в тренажерном зале, почти час пролежал в сухом бассейне<sup>2</sup>, потом сам [без помощи бабушки, обычно придерживающей его ноги на педалях] выполнил упражнения на велотренажере. Я на радостях ему ноги целовала, он радовался».



На вопрос о типичных конфликтах с клиентами, встречающихся в работе, специалисты по социальной работе привели следующий пример: «Мы в прошлом году детей на юг возили. Ребенок один другого поцарапал. Родители после приезда возмутились. Это о чем говорит? Дети в социуме

себя неадекватно ведут. Еще воруют. Невозможно перевоспитать — уже сформировавшийся человек — 14 лет. Я уже и забыла про этот случай, два года назад было» (жен., 46 лет). В данном случае необходимым представляется включение в группу психолога и педагога, которые могли бы оказать помощь в разрешении конфликтных ситуаций. «Родители не хотели ехать с детьми на мероприятия. У нас был очень перегруженный день. Когда аврал, ты несешься, а тебя не понимают. Мы их в коридорах ловили» (специалист по социальной работе, жен., 25 лет). Возможно, специалистам по социальной работе и специалистам социального отдела не стоит составлять слишком интенсивную программу мероприятий, чтобы она была интересной и не утомительной для детей и родителей.

А вот пример конфликта на почве недобросовестного отношения одного из бывших работников центра к работе: «Года два назад к детям от нас ходил врач-невропатолог. Плохо посмотрела, глупые вопросы задавала детям. Так, пробежалась. Неудобно было потом ходить в семью и говорить, что мы из одной организации» (специалист по социальной работе, жен., 21 год). Позднее, когда были получены несколько устных жалоб от специалистов по социальной работе, со специалистом-невропатологом было проведено несколько бесед заведующей отделением медицинской реабилитации. Невропатолог в беседе сообщила, что не хочет работать в центре, ей не нравится режим работы и оплата труда. Сейчас она работает в другом учреждении. Бабушка Ромы тоже привела пример непрофессионального, формального подхода специалиста: «Знаете, Рома не говорил... Говорят, если ребенок до пяти лет не говорит, то он не заговорит. Инцидент у нас был в этой связи с логопедом. Она уволилась сейчас, работает в областной больнице. Первый раз логопед посмотрела всех, кроме Ромы. "А мы?" — я спросила. Логопед начинает диктовать диагноз. Я ее прерываю: "Неужели вам неприятно потом будет вспомнить, что вы научили ребенка общаться? Мне нужно, чтобы он научился произносить звук За полтора месяца встретились мы три раза. Встреч избегала. Хотела, чтобы ее поблагодарили. Просит раз его: "Рома, возьми игрушку". Рома сидит без движения. А я говорю: "Рома, сними цилиндр". Ион снял! — "Сними полу шар". А это незнакомая форма. Снял! И конус потом снял. Задание было неразумно. Мне было проще самой заниматься. Звук "е" учили полтора года. Мы же приезжаем домой и занимаемся». Однако данная жалоба на работу логопеда в тот период оказалось единичной, и руководство центра не приняло ее к сведению. Позднее логопед уволилась по собственному желанию.

Приведенный пример свидетельствует о том, что практика сотрудничества, партнерских отношений с родителями или лицами, их заменяющими в деле реабилитации детей-инвалидов пока еще не является общепринятой для всех работников. Особенно ярко это проявляется в медицинской и дефектологической практике, судя по свидетельствам наших респондентов, однако от символического заболевания «экспертозом» не застрахованы и социальные работники<sup>3</sup>. Отметим, что конфликты между специалистом и клиентом в реабилитационном центре обычно разбираются на уровне заведующих отделениями.

#### Проблема дистанции в отношениях специалиста и клиента

Специалисты центра стараются, по их словам, принимать близко к сердцу проблемы клиентов, сопереживают им, радуются за них, часто идут на сокращение дистанции и стремятся наладить дружеские отношения: «Живешь с этими семьями, радуешься за них», «Втягиваешься в их проблемы. Иду по улице с мужем "Ой, здесь Алеша живет, а здесь еще [клиент]"» (жен., 46 лет); «советуем, помогаем максимально, больше, чем по должностной инструкции» (специалист по социальной работе, жен., 25 лет). Специалисты центра порой идут в обход должностных предписаний, чтобы не навредить клиенту, как в упомянутом случае на приеме, когда клиентов приняли с опозданием и без надлежащих справок. Второй случай мы наблюдали, когда во время интервью с заведующей отделением разработки программ реабилитации (жен., 43 года) в кабинет вошла пожилая женщина (мы прервали беседу) и рассказала о своей внучке. Девочка - инвалид с детства, после операции, ей необходимы костыли. Кто-то посоветовал ей обратиться сюда. «Наверное, у вас нет лишних. Я на всякий случай зашла», - сказала женщина и собралась уходить, однако заведующая отделением остановила ее и обещала помочь. Связавшись по телефону с одним из специалистов по социальной работе, она попросила навестить ту семью, которой когда-то выдавали костыли, и узнать, нужны ли они им еще. «Если там не найдем, я у родственников спрошу», — говорит моя респондентка, просит женщину оставить свой номер телефона, и та уходит. В ходе исследования нами было зафиксировано несколько случаев, когда специалисты привлекали свои собственные, частные средства для помощи клиентам: например однажды все специалисты

собирали по знакомым и родственникам старую теплую одежду для детей, поступивших в центр на курс лечения из детского дома. Одна девочка растерялась в незнакомой обстановке и заплакала. Вскоре выяснилось, что у девочки в этот день был день рождения. Специалисты отдела диагностики и разработки программ реабилитации собрали подарок и организовали для нее поздравление. Вместе с тем наши респонденты осуждают полное стирание границ между специалистом и клиентом: *«Есть у нас один социальный работник - всем родителям дает домашний телефон. Они ее и с днем рождения поздравляют. Ну так нельзя. Это фанатизм. Должна быть граница»* (жен., 46 лет). И все же налицо неформальное отношение к подопечным. Сотрудники активно обсуждают между собой жизненные истории детей, и эти случаи, как и истории участливого отношения сотрудников к детям, становятся символическим ресурсом формирования корпоративной и профессиональной культуры. Специалисты по социальной работе часто обмениваются между собой рассказами о детях, наблюдаемых на данный момент в центре или на участке в городе. Они обсуждают, насколько подвижный или спокойный ребенок, есть ли улучшения после прохождения курса реабилитационных мероприятий, как вели себя дети в театре, понравился ли им последний праздник. Сотрудники активно посещают детские праздники, чтобы посмотреть на подопечных детей, а одна из наших респонденток призналась, что испытывает при этом материнские чувства: *«Проведение детских праздников - очень приятный момент. Дети танцуют, радуются, много детских номеров. Сразу хочется своего!»* (жен., 25 лет).

Специалисты по социальной работе подчеркивают особенности клиентов: *«У нас достаточно специфические клиенты - дети-инвалиды, надо уметь подойти»* (жен., 25 лет). Однако здесь кроется противоречие: инвалидность не является главным и единственным качеством, определяющим идентичность ребенка для него самого и его родителей, а вот реабилитация и социальная работа во многом осуществляются именно по причине ограниченных возможностей. Это противоречие вызывает конфликт определений, отчуждая специалистов от их клиентов: *«Еще у меня на участке есть женщина, не хочет называть ребенка инвалидом: "Почему инвалид ребенок? Просто у него особенности!"»* (жен., 46 лет); *«Самый неприятный случай, когда нас на порог не пускают. А еще просят: "Не говорите, что у меня ребенок-инвалид"... Об инвалидности они не говорят своим детям, считают их полноценными [с нажимом в голосе] людьми. А лекарства [с возмущением в голосе] получают по инвалидности, инсулин колют!»* (жен., 24 года).

Специалисты по социальной работе рассказывают о трудностях, возникающих на начальном этапе работы с семьей: *«В первый визит показываю удостоверение: "я оттуда-то". Потом даешь анкету и записываешь данные. Первое знакомство чисто официальное»* (жен., 46 лет); *«Трудности обычно бывают при первом визите. Иногда звонят в РЦ и проверяют, работает ли у вас такая»* (жен., 24 года). Специалисты по социальной работе подчеркивают, что держась официально, невозможно наладить контакт с семьями, что необходимо «влезть в семью». *«Родители легче идут на контакт, если социальный работник после визита что-то от себя оставил. Непонятно почему, но как что-то оставишь, совсем другое отношение. Пришел - значит должен что-то оставить. И не только детские вещи и витамины, даже просто информацию о льготах напечатанную (показывает на пачку). Например, несколько лет назад нам одно издательство книжки подарило про Красную Шапочку в таком количестве огромном! Ну просто не знали, кому еще подарить. И решили по семьям разнести. Даже если одному ребенку по возрасту не подойдет, в семье другие дети есть помладше или родственники. Родители так благодарили! Наши девочки [специалисты по социальной работе] даже цветами с родителями обмениваются и общий язык находят. И еще такая тонкость: когда идет сериал по телевизору, родители на контакт не идут. Наши социальные работники приспособились приходить за пять минут до конца и вместе обсуждать героев. Иногда героев не знают, друг дружку спрашивают, чтобы в курсе дел быть. До этого доходили, чтобы влезть в семью. Надо набраться терпения и выслушать, чтобы с этой семьей работать»* (заведующая отделением диагностики и разработки программ реабилитации, жен., 43 года).

Специалисты по социальной работе на собственном опыте учатся налаживать психологический контакт с родителями детей, им не хватает теоретических знаний. *«А вообще сразу тяжело все это, по семьям ходить, - рассказывает заведующая отделением диагностики и разработки программ реабилитации (43 года). - У меня все девочки по началу плачут, пройдутся по семьям, а потом приходят, рассказывают и плачут. Такие ситуации тяжелые в семьях бывают. Нужно привыкнуть, как врачу, чтобы конструктивно помощь оказывать».*

Школа для мам

Специалисты отдела диагностики и разработки программ реабилитации проводят по заданию руководства, анкетирование родителей при поступлении в центр, в частности для выяснения предложений по работе центра, интересующих тем для обсуждения на занятиях школы для родителей. Выводы исследований доводятся до сведения сотрудников на планерках, а с помощью научно-методического совета составляются рекомендации к работе центра.

В апреле 2001 года в реабилитационном центре начались занятия школы для родителей. Этот новый проект, который работники между собой теперь называют «школа для мам» (папы с детьми в стационаре «практически не лежат», хотя встречаются и исключения), готовился специалистами отделения диагностики и разработки программ реабилитации в течение полугода. Программа занятий школы строилась на основе пожеланий родителей, высказанных в процессе анкетирования, и предложений специалистов всех отделений центра. Она включает лекции, личные консультации, беседы, практические занятия (см. программу на с. 420). Тематика занятий носит прикладной характер; их проводят специалисты различных отделений центра. Курс рассчитан на 14 часов занятий в течение месяца. По окончании курса занятий происходит корректировка программы на будущее в соответствии с пожеланиями родителей, и каждый месяц новый план занятий немного

**Программа занятий в школе для родителей  
(июнь, 2001 год)**

Дата	Тема занятия	Ответственный
5.06.01	Кондуктивная педагогика: показ видеofilmа о деятельности специалистов института кондуктивной педагогики им. А. Пете (с комментариями специалиста)	Специалист по социальной работе
7.06.01	Как отучить ребенка от дурных привычек?	Психолог
14.06.01	Речевая гимнастика (артикуляционная гимнастика)	Логопед
19.06.01	Беседа с юристом (ответы на вопросы юридического характера)	Юрист
21.06.01	Физиотерапия в домашних условиях	Врач ФТО
26.06.01	Компьютерные технологии в работе психолога	Психолог
28.06.01	Технология картин из ткани	Социальный педагог

отличается от предыдущего.

Мы обнаружили, что при подготовке программы школы для родителей произошел конфликт между группами работников отдела диагностики и разработки программ реабилитации, с одной стороны, и отдела медицинской реабилитации - с другой. Специалисты отдела диагностики и разработки программ реабилитации обратились с просьбой к специалистам других отделов составить примерный план занятий по профилю их работы. Работники отдела медицинской реабилитации вначале отказывались составлять какой-либо план, а потом заявили тематику занятий, не интересных по мнению первых специалистов. Данные занятия были посвящены подробному описанию медицинских диагнозов и методов лечения. Специалисты по социальной работе решили, что родителям интереснее узнать о конкретных упражнениях, которые можно выполнять с ребенком самостоятельно в домашних условиях, а лекции о диагнозах были бы «очень скучными». По словам специалиста по социальной работе из отдела диагностики и разработки программ реабилитации, трудности в организации этого проекта были связаны с *«негативным восприятием раздачи заданий и тем по школе для родителей со стороны медработников и психологов»* (жен., 25 лет). Возможно, такая ситуация сложилась из-за того, что врачи представляют себя привилегированной группой в данной организации и не желают прислушиваться к мнению работников отдела диагностики и разработки программ реабилитации, полагая тех «некомпетентными».

**Иерархия профессиональных статусов**

На данный момент в центре работает 167 человек, из них 161 женщина и 6 мужчин (заместитель директора по научной работе, четверо водителей и сторож). Ситуация, сложившаяся в центре, в целом отражает одну из особенностей российской социально-реабилитационной системы. В России на данный момент сложилась «специфическая женская реабилитационная среда», подавляющее большинство специалистов, участвующих в реабилитационном процессе, - женщины. В связи с открытием новых филиалов, происходит увеличение численности работников. В летний период в лагерь «Лесной» принимаются на сезонную работу временные сотрудники, в том числе студенты вузов. Штат лагеря состоит из 200 единиц.

Информацию о возможном устройстве на работу в центр специалисты узнавали в вузе, где проходили подготовку, через знакомых, по объявлениям в газете. Средний возраст коллектива центра - 36 лет, что является нетипичным для других учреждений социальной сферы, которые стали

объектом исследования в этой книге. Руководство центра предпочитает брать на работу на должности специалистов по социальной работе выпускников вузов, имеющих соответствующее образование. За время существования организации ни один работник не был отправлен на пенсию. Два руководителя имеют высшее медицинское образование и ученые степени. Директор Центра - кандидат медицинских наук; заместитель директора по научной и лечебной работе - доктор медицинских наук, профессор; заместитель директора по организационным вопросам является выпускником юридического вуза; медицинские работники все имеют высшее и среднее медицинское образование. Все специалисты по социальной работе тоже имеют высшее образование, но получивших профессиональное образование по специальности немного. *«Специалисты по социальной работе у нас все с высшим образованием, - говорит заведующая отделением диагностики и разработки программ реабилитации (43 года). - Образование у всех разное, есть и психолог, и юрист, и педагог, и экономист. Диплом о высшем образовании по социальной работе получили трое из десяти сотрудников. Однако несколько специалистов собираются получить второе высшее специальное образование. Все специалисты по социальной работе центра и часть медицинского персонала закончили факультет повышения квалификации при одном из вузов города по специальности "Социальная работа"».*

В основном работники объединяются в группы по критерию принадлежности к той или иной профессии: врачи, младший медицинский персонал, специалисты по социальной работе, водители, вахтеры, повара. Также существует группа симпатизирующих друг другу молодых сотрудников, недавно окончивших вузы, которые иногда собираются вместе на обед или на чай. Наиболее престижной, как уже упоминалось, считается группа врачей, во многом благодаря тому, что большинство людей испытывает почти подсознательное уважение к «людям в белых халатах». Медицинские работники относятся к представителям других профессий несколько свысока. Доступ в группу открыт только людям с высшим медицинским образованием, поэтому переход в нее специалистов из других групп, не имеющих специального образования, абсолютно невозможен. Впрочем, белый халат не является отличительным признаком именно этой группы: воспитатели, младший медицинский персонал и повара центра также носят белые халаты. Группы специалистов по социальной работе и социальных педагогов являются более престижными, чем группа воспитателей, в первую очередь потому, что в отличие от последних, первые все имеют высшее образование. Между этими двумя группами случаются конфликты по поводу распределения дополнительных обязанностей: *«Воспитатели говорят, что мы недорабатываем, а они перерабатывают. Проблема — к празднику нарядить зал, нет помощи со стороны воспитателей. Мы часто делаем не нашу работу, а воспитатели — не хотят. Например, не хотят в спектаклях играть»* (исполняющая обязанности заведующей социальным отделением, жен., 30 лет). Однако многие информанты указывают на временный характер конфликтов, отсутствие непримиримых противоречий и затяжных споров: *«Больших конфликтов нет, в основном стихийные, смешные даже»* (специалист по социальной работе, жен., 25 лет).

Группа психологов по своему статусу находится на одинаковом уровне с группой специалистов по социальной работе: зарплата и продолжительность рабочего дня у них одинаковая. Несколько иначе обстоит дело с группой врачей. По свидетельству самих специалистов по социальной работе, достаточно часто родители просят просто «полечить» детей при поступлении в центр, тем самым воспринимая медицинских работников как ключевых фигур в процессе реабилитации. Врачи, помимо более уважительного отношения к ним клиентов, получают большую заработную плату; у них более просторные и светлые помещения, поскольку они осуществляют текущий прием; для сравнения, кабинет у психологов один на всех и достаточно небольших размеров, то же и с кабинетом специалистов по социальной работе (см. рис. 2 и рис. 3).

Отметим, что психологам центра присваиваются квалификационные категории, социальные педагоги проходят аттестацию на повышения квалификации. Специалисты по социальной работе в центре, как и в других социальных службах, не имеют профессиональных категорий, что ограничивает возможности их карьерного роста и снижает социальный статус этих специалистов по сравнению с близкими видами профессиональной деятельности, такими, как социальные педагоги, психологи. Единой позиции по поводу уровня заработной платы в организации среди работников нет. Исполняющая обязанности заведующего социального отделения (жен., 30 лет) говорит: *«Мне зарплата нравится, есть с чем сравнить».* Специалисты по социальной работе, наоборот, выражают недовольство уровнем заработной платы: *«Если зарплата была бы больше, то не было бы никаких*

проблем. Денежный вопрос существует. Хочу изменить только его» (жен., 25 лет); «Платить можно и побольше. Работа у нас ответственная» (жен., 46 лет). В принципе, уровень оплаты труда специалистов по социальной работе в реабилитационном центре является относительно высоким, по сравнению с зарплатой других организаций социальной сферы Среднегорска.

Социальные педагоги проходят процедуру аттестации, в результате которой им присваивается определенный разряд, и они получают прибавку к заработной плате. Качество выполнения заданий специалистами контролируют их непосредственные начальники, заведующие отделениями.

/Дисциплинарные нарушения обычно рассматриваются заведующими отделений, заместителем директора по организационным вопросам и директором. С работником проводится предупредительная беседа. На сотрудника может быть наложено административное взыскание. В некоторых случаях возможно увольнение согласно трудовому кодексу. Окончательное решение по данным вопросам принимает директор.

Специфика позиции специалистов по социальной работе, осуществляющих социальный патронаж семей, состоит еще и в том, что они дистанцированы от других работников центра, не общаются с ними: «Я, кроме как на планерке, больше никого не вижу. По адресам хожу. Так что врачей почти не знаю», - рассказывает специалист по социальной работе (жен., 46 лет). Из-за такого положения специалисту по социальной работе порой бывает трудно предоставить клиенту полную информацию о центре, обратиться за конкретной консультацией к сотруднику, обсудить встречающиеся проблемы между другими специалистами по социальной работе. Знакомство с другими специалистами по социальной работе происходит на еженедельной двухчасовой планерке, а с другими работниками центра - на ежегодных весенних «субботниках» в лагере «Лесной» и дежурствах в стационаре. На праздники, например Новый год, Международный женский день, День рождения центра, коллектив, обычно в первой половине дня, собирается в актовом зале и принимает устные поздравления от директора, вручаются грамоты, благодарности, премии и небольшие подарки (шоколад, пирожные). Затем, в перерыв, работники собираются группами и организуют чаепитие. На доске объявлений центра вывешиваются открытки, стихи и поздравления к празднику. В дни рождения сотрудников здесь принято вывешивать на доску объявлений поздравления. Ежедневно обедать и организовывать совместное чаепитие работники предпочитают со своими соседями по кабинетам, руководствуясь принципом профессиональной принадлежности. Совместные обеды большими группами здесь устраивать не принято. Во время обеденных перерывов многие сотрудники объединяются в группы по трое-пятеро человек для проведения совместной трапезы, чаепития или просто для разговора. Домой они также уходят небольшими группами, по два-три человека. Зимой, когда быстро темнеет вечером, специалисты центра, в основном женщины, стараются не ходить поодиночке.

#### Управление организацией

Организацию возглавляет молодой и сильный лидер - директор, женщина 38 лет, кандидат медицинских наук. Она является как формальным, так и неформальным лидером, сплотившим вокруг себя тесную группу поддержки, состоящую из трех человек, включая заместителей директора и заведующую отделением диагностики и разработки программ реабилитации. Почти весь руководящий состав центра (за исключением заместителя по научной работе) работает там практически со дня основания, уже в течение шести лет, что позволило им «строить» организацию. Данной группой практикуется ежедневное совместное детальное обсуждение проблем, выработка стратегии и тактики работы, происходящее и в неформальной обстановке, в перерыв или после рабочего дня, во время совместного обеда или чаепития. Члены группы во главе с руководителем практически ежедневно задерживаются на рабочем месте после официального окончания рабочего дня. Если есть проблемы, которые требуют срочного решения и не успевают разрешиться в течение рабочего дня, директор и его группа используют и нерабочее время для их выполнения.

Выслушав мнение членов группы, директор оставляет за собой право окончательного решения.

Заместители директора не имеют права принять какое-либо решение, поставить подпись на документе без согласия директора. Стиль управления лидера можно охарактеризовать как авторитарный. В организации существует жесткая поэтапная, поранговая система подчинения. Каждый работник еженедельно в письменной форме отчитывается заведующему отделением, который в свою очередь отчитывается перед директором или его заместителями. Во время выполнения важного задания, например проекта организации школы для родителей, подготовки к празднику, работники могут отчитываться непосредственно директору или его заместителям в

зависимости от того, у кого стоит на контроле данный вопрос. Отделение диагностики и разработки программ реабилитации проводит планерки по понедельникам с 10.00 до 12.00. Начальник выносит свои рекомендации, предложения и пожелания, а также обязательные задания (например, дежурство в стационаре). Специалист по социальной работе (жен., 25 лет) рассказывает: *«Мы пишем еженедельный отчет о проделанной работе: сопровождение групп детей в театр, встреча детей, цирк, еще составление методического пособия для специалистов по социальной работе в условиях реабилитационного центра»*. *«Иа планерки приходят все специалисты по социальной работе. Еженедельно сдают мне отчеты- Еще мы все время предлагаем семьям билеты в театр, музей, цирк, -* рассказывает заведующая отделением диагностики и разработки программ реабилитации (жен., 43 года). *- Когда на планерках мы собираемся, все говорят, какие проблемы возникли. Обычно у всех они похожие... [имеются в виду проблемы, связанные с оформлением документов] Планерки у нас один раз в неделю, по понедельникам сутра. Приходят представители соцотдела, предлагают билеты»*. День проведения планерки считается рабочим у специалистов по социальной работе, которые после окончания мероприятия идут на прием. С учетом планов работы подразделений составляется поквартальный план работы центра, есть план работы научно-методического совета центра. Вопросы соблюдения трудовой дисциплины строго контролируются заместителем директора по организационным вопросам. Сотрудники придерживаются определенного стиля одежды. При этом подчеркивается специфика работы центра, обсуждаются аспекты поведения, одежда, которые могут вызвать отчуждение, враждебность и раздражение клиентов.

Кроме заработной платы, работники получают премии по праздникам и в качестве поощрения за добросовестный труд. В процессе распределения премий также возникают конфликты: *«Не дали премию под Новый год - неприятный эпизод. Не простимулировали человека на дальнейший год, дали кому-то незаслуженно»* (жен., 25 лет). Помимо материального поощрения, работникам выдаются почетные грамоты, возможно поощрение в устной форме со стороны руководства. Не все работники считают материальное стимулирование основным. Вот что говорит исполняющая обязанности заведующей социальным отделением (жен., 30 лет): *«Мне ужасно нравится. Когда я работала вожатой, мне подарили большого розового слона "Самый веселый вожатый года". Я сказала, что готова работать без денег»*. В организации используются следующие виды мотивации работников: устное поощрение, почетные грамоты и ценные подарки; аттестация специалиста на следующую категорию (кроме специалистов по социальной работе); повышение в должности и материальное стимулирование (в том числе премии). Все опрошенные сотрудники подтвердили, что им нравится их работа. Специалисты центра не склонны рассматривать свою работу здесь как временную. На вопрос, довольны ли они своей работой, специалисты по социальной работе отвечают: *«Довольна очень»* (жен., 21 год); *«Работой довольна... Характер работы меня устраивает»* (жен., 25 лет). Специалисты по социальной работе, осуществляющие социальный патронаж семей, отметили удобный график работы. *«Довольна очень. Удобное расписание - можно и вечером в семью прийти, и утром, и в воскресенье, и в праздник»* (жен., 46 лет). Приведем один из типичных примеров карьеры сотрудника центра.

Светлана, исполняющая обязанности заведующей социальным отделением (30 лет) *«Работаю второй год. Вообще я искала работу, услышала о центре, позвонила, спросила: "Вам нужны люди, которые умеют праздники проводить?"... Занимаюсь чем умею, что люблю, что у меня получается. Образование мое - учитель начальных классов. Работала пять лет в школе. Всю свою сознательную жизнь работаю с детьми... В социальный отдел входит социокультурная реабилитация: бытовая реабилитация, спортивно-оздоровительная реабилитация [секция на стадионе "Железнодорожник"], работа с родителями, работа со спонсорами, изобразительная деятельность. Работаю в лагере методистом, год в лагере "Лесной". Работа методиста заключается в том, чтобы помочь, научить и проконтролировать работу вожатых. Еще была старшим вожатым, вела все праздники. Я разработала план смены, программу проведения семинара для вожатых, план воспитательно-педагогической работы на лето... Я всю жизнь в лагере... Прошла после года работы аттестацию на социального педагога на 12 разряд, мне зарплату повысили. Я всегда стремилась. В школе только пришла, выиграла конкурс и получила вторую категорию вожатого, почетные грамоты, благодарственные письма... конференция о проблемах детства "С надеждой, болью и тревогой"»*. Самым приятным моментом Светлана называет удачно проведенное мероприятие. Самым неприятным - волнение перед аттестацией на вторую категорию социального педагога. После получения высшей категории Светлане предложили оставшееся после увольнения всего социального отделения во главе с

заведующей вакантное место. Сейчас ее должность называется исполняющая обязанности заведующей социальным отделением.

В центре наблюдается высокая текучесть кадров среди низкооплачиваемых должностей рядовых специалистов. Однако в истории организации существуют случаи увольнения профессионалов. Группа психологов социального отделения в конце 90-х годов покинула центр по причине «придирчивого» отношения руководства центра. Руководством отмечались частые случаи нарушения трудовой дисциплины со стороны психологов (систематическое опоздание на работу, отсутствие на рабочем месте в рабочее время). Несколько лет назад работники социального отделения уволились все вместе по причине конфликта с заместителем директора, требующим жесткого соблюдения трудовой дисциплины (по версии администрации центра). *«Отдел был. Целым составом все уволились. Сформировалась новая команда»*, -- рассказывает исполняющая обязанности заведующей социальным отделением (жен., 30 лет). Поскольку заведующая, увольняясь, увела с собой всю команду социального отдела, сейчас это подразделение центра работает в новом составе. Большинство сотрудников, включая и специалистов по социальной работе, не входит ни в какие профессиональные ассоциации. В центре действует профсоюзная организация, осуществляющая свою деятельность по принципам, обычным для профсоюзов в государственных организациях.

Работники не стесняются говорить о наличии собственной семьи и детей. Молодым мамам в организации предоставляются льготы в соответствии с законодательством, место для ребенка в детском саду, в лагере, возможность брать отпуск по уходу за ребенком, дополнительный выходной - если ребенок-инвалид. Это выгодно отличает центр от многих государственных и негосударственных предприятий Среднегорска, где такие льготы не соблюдаются и ведется политика безразличного отношения к судьбе сотрудника, а о наличии семьи работникам бывает просто неприлично заговаривать.

#### Финансирование

Центр не предоставляет клиентам, сотрудникам и посторонним лицам информации о своем финансовом состоянии, это, по мнению здешних экономистов, ~ «тайна за семью печатями». Главный бухгалтер центра апеллирует указаниями управления труда и социального развития. Поэтому мы приводим информацию лишь косвенного характера. Центр является подведомственным учреждением управления труда и социального развития области. Финансирование учреждения производится из областного бюджета, оборудование поступает централизованно по федеральной программе «Дети-инвалиды», дополнительные федеральные средства поступают на организацию отдыха и оздоровления детей. Центр активно работает со спонсорами. Специалисты отделения диагностики и разработки программ реабилитации и отделения социальной реабилитации участвуют в составлении информационных писем, в визитах и приглашениях представителей коммерческих организаций на детские праздники. Рассказывая о расписании типичного рабочего дня, специалист по социальной работе среди ежедневных обязанностей назвала: *«... документация - благотворительные письма, ходатайства, помощь в организации праздников - встреча гостей (спонсоров)»* (жен., 25 лет); исполняющая обязанности заведующей отделением социальной реабилитации - *«работа со спонсорами»* (жен., 43 года). Координатором работы со спонсорами выступает директор центра.

Внебюджетным источником финансирования также являются гранты. Работа по поиску информации о возможных проектах, их составление и обоснование осуществляется непосредственно директором или его заместителем по научной работе. К данной работе привлекаются специалисты различных отделений центра. В настоящее время центр осуществляет работу по двум грантам международных и отечественных фондов. Центр не является финансово самостоятельной организацией и, согласно существующему законодательству, не имеет право открывать счета в коммерческих банках. Движение денежных средств осуществляется через счет в казначействе. Расходы центра жестко определяются сметой, утверждаемой управлением труда и социального развития области. С одной стороны, такая система помогает управлению контролировать финансовую деятельность центра и исключает возможность нецелевого использования средств. С другой стороны, реабилитационный центр должен использовать поступающие денежные средства именно по данной статье, игнорируя возможные неотложные финансовые нужды. Например, если средства поступают по статье «Оплата за водоснабжение», центр не имеет права закупить срочно необходимые лекарства для стационара. Несмотря на то, что данная статья заложена в смете, закупка лекарственных препаратов считается

нецелевым финансированием на момент поступления вышеназванных средств. Вопрос введения платных услуг несколько раз поднимался руководством центра. Полученные средства могли бы являться дополнительным источником финансирования. Однако областное управление труда и социального развития пока выступает против данного нововведения.

#### Взаимодействие с сообществом

Центр тесно взаимодействует с районными управлениями социальной защиты населения (УСЗН) и медико-социальной экспертной комиссией (МСЭК). Отделение диагностики и разработки программ реабилитации контактирует непосредственно с УСЗН, отдел медицинской реабилитации поддерживает отношения со МСЭК. Списки детей-инвалидов по районам центру предоставляет УСЗН. Специалисты по социальной работе, посещая семьи, опираются на данные адреса. Кроме того, специалисты по социальной работе тесно взаимодействуют с УСЗН при оформлении необходимых для семьи документов, например льгот или опекуна. В работе реабилитационного центра и УСЗН случаются конфликты. Заведующая отделением диагностики и разработки программ реабилитации комментирует: *«Решение многих проблем по районам зависит от знакомых в УСЗН. У сотрудницы в Речном районе все проще, там в УСЗН все быстро делают, не затягивая. Такое ощущение, что все зависит лично от людей, которые там работают. Специалисты по социальной работе ходят в УСЗН, помогают оформлять опекуна. Большая проблема есть. Очень неудобно уточнять списки детей по районам в УСЗН. Списки неточные, приходится всех проверять. Вот посмотри сама (показывает список). Здесь только имя мамы, а где ребенок? Только Центральный район предоставил имя ребенка, мамы и диагноз»* (жен., 43 года). Специалист по социальной работе: *«Трудности - добыть списки детей-инвалидов по районам. Управление соцзащиты не дает. Мы их x-jiles называем»* (жен., 25 лет). Списки, полученные в одном из УСЗН, оказались непроверенными - при посещении специалистом по социальной работе детей по указанным там адресам, многих уже не оказалось в живых.

Заведующая отделением медицинской реабилитации (жен., 42 года) рассказывает о контактах со МСЭК: *«Амбулаторно идут со МСЭК (находится в этом же здании). Очень хорошо, что идут со МСЭК, им намечают реабилитационные мероприятия»*. Специалисты считают, что местоположение МСЭК в одном помещении с центром очень благоприятно, это удобно для детей и родителей, которым рассказывают о центре, но клиенты и сами могут ознакомиться с такой информацией. Часто специалисты районных МСЭК не снабжают клиентов полной информацией о центре, неправильно оформляют направления детей. Таким образом возникают серьезные проблемы из-за несогласованности в действиях организаций, призванных работать в команде.

Центр активно сотрудничает с региональными социально-реабилитационными центрами для несовершеннолетних, коррекционными и интернатными учреждениями для детей с нарушениями развития, в частности со школой-интернатом для слепых детей, вузами города, с общественной организацией - городской ассоциацией родителей детей-инвалидов «Первый шаг», ассоциацией больных сахарным диабетом, ассоциацией родителей детей, больных муковисцидозом, «Советом по защите прав и интересов детей». Центром совместно с данными организациями был осуществлен ряд акций, направленных на поддержку семей, имеющих детей-инвалидов, и на работу непосредственно с детьми, в том числе оказание информационно-правовых услуг, материальной помощи, организация летнего отдыха детей, проведение праздничных мероприятий ко Дню инвалида, Дню матери, Новому году.

На базе центра при поддержке Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в период 1999—2000 годов проведен ряд научно-практических конференций и семинаров-тренингов с участием отечественных и зарубежных специалистов. Проект «Шаг за шагом», разработанный специалистами центра признан лучшим на ярмарке проектов по тематике «Социальное партнерство». Проект основан на тесном взаимодействии общественных организаций и государственных учреждений. Центр поддерживает отношения с некоторыми коммерческими предприятиями Среднегорска, оказывающими ему благотворительную помощь. Непосредственными контактами с данными организациями занимаются специалисты отдела диагностики и разработки программ реабилитации и специалисты социального отдела. Руководство центра имеет связь с подобными реабилитационными центрами, существующими в других городах России.

#### Выводы

Проблемы инвалидности не могут быть поняты вне социокультурного контекста, в котором живет человек: семьи, дома-интерната, социального окружения в целом. Инвалидность, ограниченные

возможности человека не относятся к разряду чисто медицинских явлений. Вот почему технологии помощи инвалидам - взрослым или детям - основываются на социально-экологической модели социальной работы. Согласно этому подходу, люди с ограниченными возможностями имеют функциональные затруднения в результате заболевания, отклонений или недостатков развития, состояния здоровья, внешности, вследствие неприспособленности физического и социального окружения к их специальным потребностям, из-за предрассудков общества в отношении к инвалидам. Если внимательно посмотреть на то, как определяет данную проблему Всемирная организация здравоохранения, то получится следующая картина: структурные нарушения (impairments), видимые или распознаваемые медицинской диагностической аппаратурой, могут привести к утрате или несовершенству навыков, необходимых для некоторых видов деятельности (disability), что при соответствующих условиях будет способствовать социальной дезадаптации, неуспешной или замедленной социализации (handicap). Например, ребенок, имеющий диагноз «церебральный паралич», при отсутствии специальных приспособлений, упражнений и лечения, может испытывать серьезные затруднения с передвижением. Это, в свою очередь усугубляемое неумением и нежеланием других людей общаться с таким ребенком, уже в детском возрасте приведет к его социальной депривации, затормозит выработку навыков, необходимых для общения со сверстниками или взрослыми.

Семья, как известно, является для ребенка наименее ограничивающим, наиболее мягким типом социального окружения. Маленькие дети с недостатками развития живут не в изоляции. Семья, являясь для них первичным социальным окружением, сама погружена в более широкий социальный контекст. Следовательно, в аспектах реабилитации речь идет, во-первых, о междисциплинарной команде специалистов, а не о очереди кабинетов, в которые по порядку обращается семья с ребенком, а во-вторых, об участии родителей в процессе реабилитации. В социальной работе с детьми-инвалидами важно исходить из следующего принципа: детям удастся достичь больших результатов в реабилитационном процессе в целом, когда родители и специалисты становятся партнерами, работают вместе над решением поставленных задач.

Некоторые специалисты отмечают, что родители сами порой не высказывают никакого желания сотрудничать, не просят помощи или совета. Возможно это и так, однако мы никогда не узнаем намерения и желания родителей, если не спросим их об этом. На первый взгляд, ребенок-инвалид должен привлекать к себе все силы и все внимание семьи. Однако этого не происходит, когда более значимыми оказываются другие факторы: бедность, ухудшение здоровья других членов семьи, супружеские конфликты, физические перегрузки, усталость, другие проблемы. В этом случае родители могут неадекватно воспринимать пожелания или наставления специалистов. Порой родители относятся к реабилитационным услугам в первую очередь как к возможности получить передышку для самих себя, они испытывают облегчение, когда ребенок начинает посещать школу или реабилитационные программы, потому что в этот момент могут, наконец, заняться своими делами.

При всем этом важно помнить, что несмотря на отдельные случаи, на которых строятся предубеждения специалистов, большинство родителей хотят участвовать в развитии своего ребенка. И если найдется хотя бы один родитель, готовый к совместной работе, это может существенно изменить профессиональный имидж и стиль социальной работы. Впрочем, не стоит удивляться этому. Сегодня все международное сообщество приходит к мысли о том, что практика социально-реабилитационной работы нуждается в серьезном пересмотре, изменении подходов. Дело в том, что даже в развитых странах подход социально-реабилитационной работы, предполагающий участие родителей, достаточно молод - этой идее немногим более десятка лет. При этом те, кто применяет такой подход на практике, убеждаются в его преимуществах по сравнению со старой моделью, когда все внимание и усилия специалистов направлялись лишь на ребенка. Зачастую специалисты, считающие себя единственными и главными экспертами, не проявляли интереса к мнению родителей, например, о том, чему, где и как те хотели бы учить своего ребенка. Р. МакКонки остроумно назвал это синдромом «экспертоза»<sup>3</sup>. Взаимодействовать с родителями гораздо сложнее, чем избегать или игнорировать их. Отсутствие взаимодействия специалистов и родителей намного снижает эффективность социально-реабилитационных услуг. В то же время снятие межличностных или культурных барьеров, уменьшение социальной дистанции между родителем и социальным работником (или любым другим специалистом комплекса услуг по реабилитации) может быть сложным делом.

Сотрудничество, включение, участие, обучение, партнерство - такие понятия обычно используются в международной теории и практике социальной работы, чтобы определить характер взаимодействий специалистов с детьми-инвалидами и их родителями. Остановимся на понятии партнерства, поскольку оно наиболее точно отражает идеальный тип совместной деятельности родителей и специалистов. Партнерство подразумевает полное доверие, обмен знаниями, навыками и опытом помощи детям с особыми потребностями в их индивидуальном и социальном развитии. Партнерство - это такой стиль отношений, который позволяет ставить общие цели и достигать их с большей эффективностью, чем если бы участники действовали изолированно друг от друга. Установление партнерских отношений требует времени и определенных усилий, опыта, знаний. Среди принципов работы с родителями есть требование учитывать разнообразие семейных стилей и родительских стратегий в воспитании. Нет одинаковых родителей. Даже супруги в одной и той же семье могут весьма отличаться друг от друга по своим установкам и ожиданиям. Поэтому то, что оказалось удачным в работе с одной семьей, совсем необязательно будет способствовать успешному партнерству с другой. Кроме того, не следует ожидать от семей одних и тех же uniformных эмоциональных реакций или поведения, одинакового отношения к проблемам. Социальный работник должен научиться слушать, наблюдать и уметь договариваться, достигать компромисса. Успех любого партнерства основан на взаимном уважении участников взаимодействия. Если один партнер подозрительно или недоверчиво относится к другому, их контакт вскоре нарушится. Еще один принцип связан с равноправием партнеров, поскольку ни один из них не является более важным или значительным, чем другой. Некоторые аспекты работы с семьей нетипичного ребенка требуют особого внимания. Например, обычно считается, что взаимодействовать следует с матерью ребенка, так как она, в основном, всегда и приходит на консультацию и оказывается в курсе всех проблем и событий в жизни семьи. Однако это ошибочный взгляд. Участие отца в реабилитационном процессе в целом намного повышает эффективность усилий специалистов. Поэтому, начиная работу с семьей, важно познакомиться не только с матерью, но и отцом, а также другими членами семьи. Большое значение имеет помощь матерям в поощрении участия отца в реабилитации ребенка. Одиноким родителям, семьи с низким доходом, семьи беженцев и мигрантов также требуют особого подхода. Нужно сказать, что те родители, которые не испытывают всех этих трудностей, также нуждаются в особом к ним подходе, ведь их инициатива и позитивный настрой могут истощиться, если они не встретят уважения к себе и собственному мнению в глазах специалистов.

Население Среднегорской области отличается многонациональным составом, хотя по данным последней переписи русские и составляют 85 %. Отдавая предпочтение проведению русских национальных и православных обрядов и праздников, специалисты центра не принимают во внимание различие в вероисповедании и национальных обычаях населения области и следовательно своих клиентов. Представляется, что было бы полезно с помощью специалистов социального отдела организовать курс занятий, протекающих в форме игры или праздника, посвященных ознакомлению детей с культурным наследием других народов. Например, специалист с детьми может нарисовать или вылепить из глины и раскрасить фигурку в национальном костюме, прослушать национальные песни, выучить танцы, приготовить блюдо национальной кухни.

Возможно, специалистам социального отделения и отделения диагностики и разработки программ реабилитации хотелось составить более насыщенную и разнообразную программу. Во избежание усталости и перегрузки детей желательно не планировать более одного-двух выездных мероприятий в день. Некоторые мероприятия возможно перенести на другие дни, некоторые провести прямо в центре. Для поддержания постоянной обратной связи с клиентами и их родителями желательно проводить периодическое анкетирование родителей, например в начале и в конце смены. Анкета может содержать лишь несколько самых существенных вопросов, например мнение и предложения родителей по работе центра, и быть анонимной. В ней также можно осветить вопросы, касающиеся школы для родителей. В программу школы для родителей кажется целесообразным включение занятий на тему налаживания контакта родителей и ребенка, поскольку рождение ребенка-инвалида - всегда кризис для семьи. Такие занятия могут помочь родителям справиться с чувством вины, наладить взаимоотношения с ребенком. Для проведения семинаров в школе для родителей можно приглашать квалифицированных специалистов вузов города, а также организовать встречи для обмена опытом между родителями. На базе центра возможно осуществление программы ранней интервенции, создания подразделения, занимающегося непосредственно с детьми от рождения до трех лет. Необходимо срочное решение вопросов межведомственного взаимодействия центра и

УСЗН. Возможно, одним из самых актуальных направлений работы является создание общей базы данных на детей-инвалидов области, налаживание тесного сотрудничества с УСЗН с целью получения точной и выверенной информации о детях-инвалидах и их семьях. Руководству центра желательно активно вовлекать рядовых сотрудников в процесс планирования и принятия решений в организации (например, хотя бы раз в месяц сотрудники могут вносить свои предложения по работе). Это нововведение может помочь администрации наладить коммуникацию с рядовыми сотрудниками, а персоналу - сосредоточиться на трудовом процессе и проявить инициативу. Целесообразно из-за сложной архитектуры помещения разместить на стенах центра наглядные указатели направления движения к кабинетам специалистов и вообще сделать информационное пространство организации более полным. Например, сделать стенд у входа, где можно увидеть имена, должности и небольшие фотографии всех специалистов, как это практикуется в некоторых учреждениях в других странах. Это облегчит клиентам и их родителям поиск специалиста и знакомство с ним. Разрешение проблем физической среды для детей-инвалидов является очень актуальным для центра. Помещение лишь частично приспособлено для передвижения детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата: невозможно передвижение детей на инвалидной коляске по территории и в здании центра, отсутствуют пандусы, как и двери на фотоэлементах. Необходима постройка нового здания по специальному проекту, учитывающему потребности клиентов центра, или же капитальная перестройка имеющегося здания. Решить проблему доставки детей можно с помощью договоренности с руководством автобусного парка о предоставлении бесплатного транспорта для клиентов центра несколько раз в неделю. Разумеется, многие из этих нововведений возможны только при поддержке областных органов управления социальной защиты и местных властей.<sup>2</sup> Бассейн, наполненный разноцветными пластиковыми шариками. Он входит в комплект оборудования и тренажеров, полученного центром по Федеральной целевой программе «Дети России».

<sup>3</sup> См. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социальная работа с детьми-инвалидами // Социальная работа с детьми-инвалидами. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1998. С. 54.

<sup>4</sup> Минимальная зарплата врача без стажа - 1205 рублей, максимальная - 2000 рублей плюс 25 % надбавка за вредность. С декабря 2001 года согласно новой тарифной сетке зарплата соцработника 5-6 разряда - 750 рублей, специалиста по социальной работе 8 разряда - 910 рублей. 6 центре специалист по социальной работе 8 разряда получает 1137 рублей (без учета премий), он тоже имеет 25 % доплаты за вредность. Отметим, что в центре в настоящий момент заняты только специалисты социальной работы, а социальных работников нет.

<sup>5</sup> *McConkey R.* Working with parents. A practical guide for teachers and therapists. Cambridge: Brookline

#### БЮРО МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Выбор данной темы не случаен, поскольку я являюсь сотрудником одной из социальных служб. Поэтому я выбрала тему эссе «Пространство и время социальной службы», чтобы изучить свое место работы с точки зрения социального антрополога, взглянуть на внутренний мир организации со стороны. Все оказалось не так просто. Начало исследования оказалось для меня очень трудным, особенно тяжело давалось включенное наблюдение. Являясь сотрудником этой организации и работая там с ее основания, я испытывала затруднения в том, чтобы абстрагироваться от привычной обстановки, посмотреть вокруг глазами «чужого» человека, то есть «сделать знакомое неизвестным». Теоретическими основаниями для моего исследования были работы социологов и социальных антропологов по организационной культуре, неформальной организации учреждения. «Социальная организация предприятия раскрывается через взаимодействие неформальной и формальной структур. Понятие неформальной и формальной организации ввел в мировую социологию Э. Мейо, проводивший в 1920-30 годах Хоуторнские эксперименты. Тогда он обнаружил, что в любой организации помимо официальных служебных отношений (формальная организация) у людей обязательно возникают неофициально-дружеские отношения (неформальная организация)»<sup>1</sup>.

Кратко о службе

Термином «служба» я называю главное бюро медико-социальной экспертной комиссии (МСЭК) детей-инвалидов Среднегорска. Организованная в марте 1999 года МСЭК занимается освидетельствованием на инвалидность детей до 16 лет с соматическим диагнозом, проживающих в Промышленном районе, детей, находящихся в стационарах, детей-инвалидов на транспорт, обжалованием решений первичных детских бюро, проводит освидетельствования по контролю и жалобам, проводит методическую работу.

Коллектив организации полностью женский, средний возраст достаточно молодой по сравнению с другими организациями социальной сферы. В кадровый состав службы входят шесть постоянно работающих сотрудника и два специалиста, занятых здесь по совместительству, штатные работники - начальник службы (39 лет), врач-эксперт - педиатр (44 года), врач-эксперт - ортопед (36 лет), психолог (28 лет), специалист по социальной работе (20 лет), старшая медсестра / регистратор (38 лет); совместители-врач-реабилитолог (35 лет), невропатолог (41 год).

Данная глава представляет собой эссе по курсу «Социальная антропология современного общества» студентки одного из вузов Среднегорска. Эссе было подготовлено в ноябре 2000 года в духе общей методологии проекта, иллюстрируя внутренний распорядок нового учреждения социальной сферы.

## Пространственное устройство службы

Служба находится в центральном районе в одном из переулков, имеет удобный подъезд и парковку, находится в пяти-шести минутах ходьбы от остановок общественного транспорта, поэтому имеет удобное расположение как для сотрудников, так и для клиентов. Хотя это помещение Среднегорское управление труда и социального развития арендует у коммерческой организации - собственника здания, в службу, которая занимает первый этаж, ведет отдельный вход. На двери прикреплена вывеска с названием учреждения, с внутренней стороны ближайшего к двери окна - расписание работы службы.

Для того, чтобы было легче понять что, как и для кого устроено в службе, я представлю ее схему (рис. 1 на с. 435). Как уже говорилось, служба располагается на первом этаже здания и имеет высокий порог. Поэтому по обеим сторонам от входной двери находятся по две ступени, высотой приблизительно 20 см и шириной от 30 до 45 см. Из-за этого могут возникнуть некоторые проблемы у клиентов, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата. Но нужно отметить, что клиентами являются не сами дети, а в большей степени их родители. Чаще всего детей с такими нарушениями приносят на руках или привозят в колясках. По моим наблюдениям, дети старше тринадцати лет, имеющие подобные нарушения, на освидетельствование в помещение службы не приходили. Чаще детей с серьезными нарушениями опорно-двигательного аппарата освидетельствуют на дому или в стационаре.

Над входной дверью прибит колокольчик, который звенит при открывании и закрывании двери. Он служит «звонком» в службе, если все сотрудники находятся в дальних комнатах, то они всегда узнают о приходе посетителей, и клиентам не приходится долго ждать появления тех, к кому можно обратиться с вопросом или проблемой.

Те клиенты, которые пришли на прием, ожидают его в коридоре. Здесь же они получают необходимую им информацию, обращаясь в окно регистратуры. На этом окне располагается табличка с надписью «Регистратура», но, по моим наблюдениям, многие клиенты, «как бы не замечая», проходят мимо окна и пытаются войти в дверь, ведущую во внутренние помещения или в кабинеты. Обычно регистратор «перехватывает» таких клиентов в дверях, интересуется, что они хотели, и вежливо просит выйти в коридор. Если человек оказывается настырным, то регистратор просит его выйти в более жесткой форме. Когда регистратор отсутствует по каким-то причинам, другие сотрудники поступают так же. Во избежание подобных случаев и после кражи личных вещей сотрудников из внутреннего помещения к коридорной двери был прибит шпингалет.

У правой стены коридора стоят стулья для ожидающих клиентов, а также письменный стол, над которым прикреплены образцы заявлений, которые необходимо писать клиентам. Если у клиента не оказывается бумаги и ручки, они предоставляется службой. Ручка, предоставляемая клиенту, «плохая», у нее лопнул корпус, трещину замотали скотчем. Если ручка вдруг «исчезнет», то будет не жалко, как сказала регистратор в своем интервью: *«Да такую никто и брать не захочет»*. На той же стене над стульями висит стенд «Информация», на котором помещен график работы службы, список вещей и документов, необходимых при освидетельствовании ребенка и «десять заповедей родителям», обращенные к клиентам службы:

### Десять заповедей родителям

1. Не жди, что твой ребенок будет таким, как ты хочешь. Помогите ему стать не тобой, а самим собой.
2. Не думай, что ребенок твой - он божий.
3. Не требуй от ребенка платы за все, что ты делаешь, ты дал ему жизнь, как он может отблагодарить тебя. Он даст жизнь другому, тот третьему - это закон благодарности.

4. Не вымещай на ребенке обиды, чтобы во старости не есть горький хлеб, ибо что посеешь, то и взойдет.
5. Не относись к его проблемам свысока. Тяжесть жизни дана каждому по его силам, и будь уверен, что ему его тяжела не меньше, чем тебе твоя, а может быть и больше, потому что у него еще нет привычки.
6. Не унижай.
7. Не мучь себя, если чего-то не можешь сделать для своего ребенка, мучь - если можешь, но не делаешь.
8. Помни - перефразируя одного человека, сказавшего это об отечестве, - дня ребенка сделано недостаточно, если не сделано все.
9. Умей любить чужого ребенка. Никогда не делай чужому то, что не хотел бы, чтобы сделали другие твоему.
10. Люби своего ребенка любым - талантливым, неудачливым, взрослым... Общаясь с ним, радуйся, потому что ребенок - праздник, который пока с тобой.

Эта информация бегло прочитывается, по моим наблюдениям, практически всеми клиентами, и гораздо внимательнее - теми, кто ожидает приема. Кстати, эта доска информации была сделана полностью руками сотрудников, начиная от выпиливания доски из куска древесноплиты и заканчивая прибиванием готовой доски к стене: *«А что, мы и без мужиков прекрасно справились!»*. О дверях и стенах, а так же об общем состоянии внешнего и внутреннего вида помещения можно сказать, что все требует большого ремонта. К сожалению, управление труда и социального развития не выделяет на него средств.

Но мы войдем вовнутрь и заглянем в регистратуру. Из трех окон, имеющих в помещении, одно - в этой комнате. С левой стороны в углу стоит шкаф, используемый для хранения чистых бланков дел, направлений, статистических талонов, заполненных протоколов и других документов. Все бумаги аккуратно разложены стопками на верхних полках, чтобы их было удобно брать, так как они часто требуются, на нижних полках хранятся дела, принесенные на контроль из первичных бюро. У регистрационного окошка стоит стол регистратора, в нем хранятся канцтовары, журналы, которые ведутся в настоящее время, приготовленные для заполнения бланки дел. На столе аккуратно разложены незакрытые дела. Как следует из интервью регистратора, которая совмещает эту должность с должностью старшей медсестры и уборщицы, существует определенная система в том, как разложены дела на ее столе: *«По одним делам нужно отослать письменные ответы, по другим - запросить документы, эта стопка тех, кто находится на дообследовании...»* Между столом и шкафом стоит стул, на который садятся обычно те, кто в данный момент помогает регистратору или кому нечего делать.

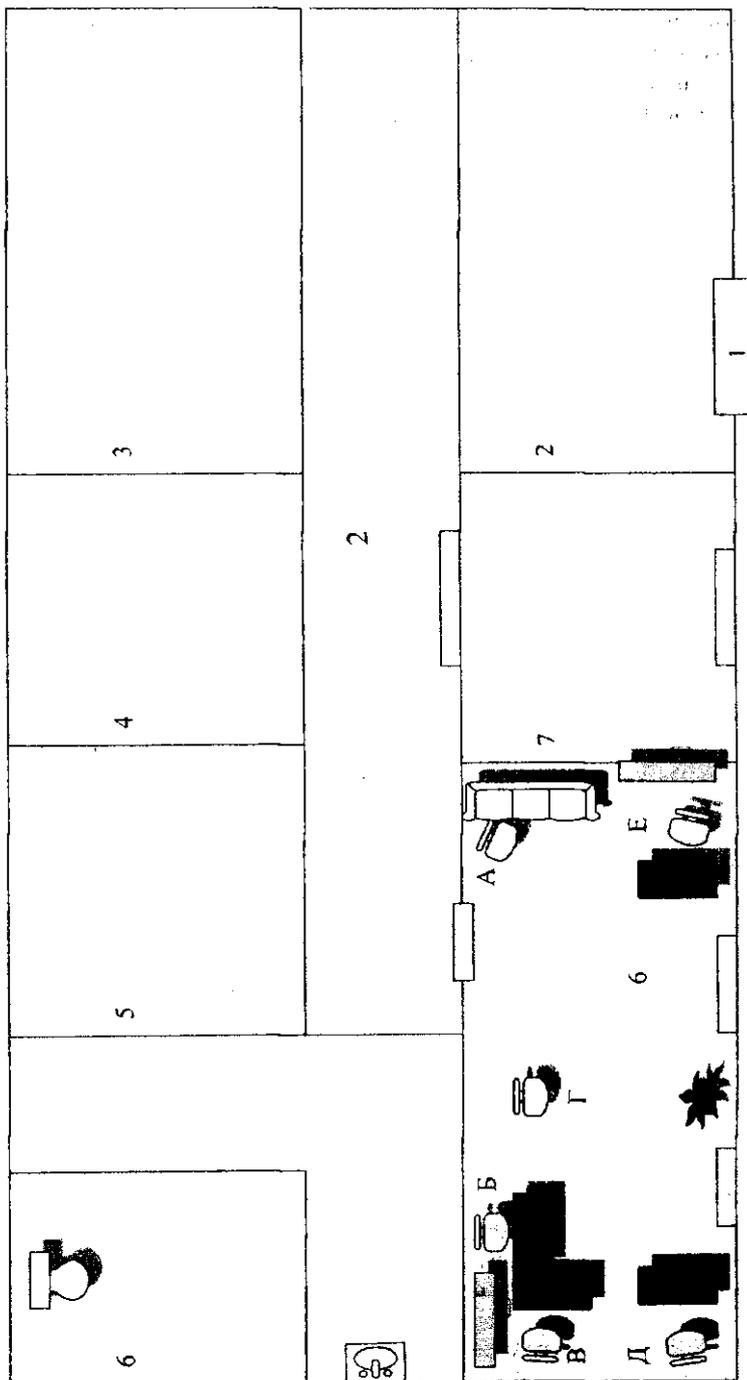


Рис. 1. Помещение главного бюро медико-социальной экспертизы детей инвалидов:

1 – вход; 2 – коридор; 3 – кабинет социального работника; 4 – кабинет психолога; 5 – кухня; 6 – туалет; 7 – регистратура; 8 – кабинет для родителя; А – место для родителя (реабилитолог, невропатолог); В – стол начальника бюро; Г – место для ребенка; Д – стол эксперта хирурга (ортопеда); Е – стол эксперта педиатра)

Ведение документации поручено старшей медсестре, поэтому чаще всего психолог и специалист по социальной работе помогают «на добровольных началах». Они считаются людьми, которые не самые занятые в службе, поскольку работа по их основной должности занимает далеко не весь рабочий день. Именно психолог и специалист по социальной работе чаще всего замещают регистратора, если ее нет по какой-то причине на работе, они, помогая в свободную минуту, лучше всех остальных знакомы с ведением документации. Врачи-эксперты не раз выказывали желание обучиться «регистраторскому делу» потому, что если на работе не оказывается тех, кто с этим знаком, то в службе сразу начинается суета: не знают куда записать, где что взять, куда что положить. Из интервью (говорят о регистраторе): «У нас без Гали вся работа встает, незаменимый человек, чтобы мы без нее делали».

Продолжим осмотр помещения регистратуры - между столом и окном установлен столик, на нем цветок в эмалированном ведре, обернутом бумагой. Справа у окна стоит шкаф для верхней одежды, а рядом журнальный столик, на котором помещается телефон и лежит список постоянно нужных

телефонов. Дальше расположен стеллаж, на котором в алфавитном порядке расставлены закрытые дела. Отдельными стопками лежат дела детей, признанных инвалидами до 16 лет и дела «транспортных», то есть тех детей, кого освидетельствуют на транспорт - выдают документ, согласно которому родители могут получить инвалидную коляску, мотоколяску или, доплатив соответствующую сумму, приобрести на эти деньги автомобиль «Ока». На нижней полке лежат дела по обжалованию, дела детей, проживающих в Промышленном районе, и дела «на выезд», то есть детей, лежащих в стационаре, или нетранспортабельных клиентов.

В кабинете врачей-экспертов, начальника службы, производят осмотр ребенка, делают записи в делах, собираются консилиумы. Вся мебель в кабинете новая. У стены слева стоит кушетка, далее - стеллаж с медицинской литературой и различной документацией и стол врача-эксперта (педиатра). Думаю, важно отметить, что на этом стеллаже, как на самом видном месте, стоит аппарат для измерения артериального давления в специальном чехле, отчасти он служит как украшение интерьера. В центре комнаты положен яркий ковер, на котором изображены буквы русского алфавита и забавные звери.

Этот кабинет самый большой и светлый: здесь два окна. Между окон стоит тумба, на которой тоже зеленые растения. Домашними растениями уставлены все подоконники, они висят на стенах, в общей сложности можно насчитать порядка 25-30 горшков во всей службе. Цветы привлекают внимание не только сотрудников, но и клиентов, и даже посторонних людей. Из интервью:

*«Помнишь, к нам пришел цветовод-поэт, который еще книги свои дарил, этого декабриста<sup>2</sup> он принес».* Любуются цветами все, но вот ухаживает за ними чаще всего регистратор.

У другого окна, напротив стола педиатра, стоит стол ортопеда. На нем, как и на других столах, лежат незакрытые, недооформленные дела, здесь же небольшая вазочка, подаренная коллективом на день рождения, которая используется как подставка для карандашей и ручек, на столе ортопеда всегда лежит сантиметр как орудие труда.

Справа от двери стоит стол для проходящих специалистов, обычно он пуст или в его ящиках оставляют свои вещи и документы реабилитолог и невропатолог. Вообще, это рабочее место может занять любой человек, относящийся к службе, но не клиент. Рядом с ним находится стол начальника службы, вплотную к нему стоит стеллаж с медицинской и юридической литературой. На столе есть табличка, свидетельствующая о том, что за этим столом сидит начальник (на ней обозначено ее имя). И если другие столы хоть иногда бывают свободными от бумаг, то этот всегда ими завален.

Очень важно отметить местонахождение родителя и ребенка во время освидетельствования.

Родитель сидит на стуле у двери рядом с кушеткой, а ребенок на стуле рядом со столом проходящего специалиста, то есть спиной к родителю, ближе к центру.

*Это* объясняют тем, что во время экспертизы ребенку часто задают вопросы, а родитель каким-то образом может повлиять на ответ, поэтому его нужно поместить так, чтобы он находился в стороне.

На время вынесения комиссией решения ребенок и родитель выходят в коридор и ожидают там повторного приглашения. Затем для оглашения решения приглашается только родитель (чаще присутствует мама), *л* тогда его просят присесть на стул, где до этого си-

дел ребенок, чтобы немного сократить психологическую дистанцию между сотрудниками и клиентом и сделать атмосферу более доверительной. По этой же причине начальник выбрал самое удаленное место в кабинете, поставив стол проходящего специалиста между собой и клиентом, увеличив тем самым психологическую дистанцию, поставив себя на более высокий социальный уровень. Это дает ей возможность контролировать ситуацию, управлять ею.

Часто если комиссия отказывает ребенку в инвалидности, то его мама начинает возмущаться, плакать, кричать, даже обвинять экспертов в предвзятости и угрожать им, пытаясь оказать таким образом давление на экспертов. Буря эмоций возникает сразу, как только становится ясно, что в инвалидности отказано, мама сразу начинает спорить, плакать, даже не дослушав до конца то, что ей говорит начальник службы, хотя та спокойно, четко и ясно объясняет причины отказа, пытается успокоить клиента. После таких ситуаций чувствуется напряжение, усталость, фрустрация у всего коллектива, и чем больше таких ситуаций - тем более становится фрустрированным коллектив, врачи-эксперты и начальник, который переживает больше других. И они очень рады, если таких ситуаций нет, если с ребенка снимается инвалидность по причине его реабилитации, и это воспринимается родителем спокойно. Рады, конечно, и подаркам, которые презентуют клиенты врачам-экспертам и начальнику, чаще всего это бывает коробка конфет.

Праздники и будни в организации

Теперь самое время перейти в комнату, где располагается кухня. Справа стоит шкаф, в котором висит верхняя одежда в одной части, в другой - хранится посуда и продукты. Слева стоит тумбочка «с потайным замком», там хранятся презенты от клиентов и крепкие алкогольные напитки, ожидающие своего праздника, а иногда и просто окончания трудового дня. Длинный стол, сделанный из старого шкафа, стоит узкой стороной к стене, чтобы могло уместиться больше народа. Причем и здесь врачи и начальник имеют постоянные, «закрепленные» за ними места. Напротив места начальника висит зеркало. Электрический чайник стоит возле места начальника, поэтому она всегда разливает кипяток в чашки. Чай или кофе пьют обычно в перерывах между заседаниями. К чаю обычно в складчину покупается выпечка, иногда хлеб, а к нему консервы или недорогая колбаса. Сахар, заварка, туалетная бумага покупается тоже в складчину после получения заработной платы. За покупками обычно ходит специалист по социальной работе как самая молодая сотрудница, а если ее нет, то приходится идти психологу или реабилитологу как самым незанятым людям. Иногда за покупками ходят начальник и ортопед, но при этом они *«заворачивают в подворотню, чтобы подышать»*, то есть идут курить.

К столу всегда приглашаются все присутствующие сотрудники других служб, пришедшие на консультацию или просто в гости. А если намечаются расширенные заседания, то есть приглашаются профессора, заведующие различными отделениями, ведущие специалисты области, то заранее готовится небольшой стол (печенье, хлеб и колбаса) тоже в складчину.

В этой же комнате за чаем происходит обсуждение дел - от «женских» до политических. Это своеобразная комната отдыха. Здесь можно выпить пива после окончания рабочего дня, чаще всего это происходит по понедельникам, так как рабочий день заканчивается в семь часов вечера и «сам бог велел» отдохнуть. Здесь же накрывается стол в дни рождения. Подарок имениннику покупается в складчину. Приглашаются сотрудники других служб, но люди посторонние, чужие, присутствуют редко. Вся посуда принесена из дома, но четкого распределения «твоя чашка/моя чашка» нет. Отмечаются не только дни рождения, но и такие праздники, как Новый год, 8 Марта. В этом случае часть продуктов покупается в складчину, а часть приносится из дома. Такие праздники проходят очень бурно, то есть это не только праздничная трапеза, но и музыка, танцы, игры.

Вернемся от праздников к будням. Тот кабинет, где работает психолог, изначально предназначался под кабинет начальника, поэтому там стоит новая мебель и сейф (в дальнем левом углу), в котором хранятся бланки справок, печати и другие ценные вещи. Справа у входа - шкаф для верхней одежды, вплотную к нему придвинут большой стол, стул стоит между стеной и столом, в правом дальнем углу находится стеллаж с книгами по психологии, различными предметами, необходимыми для проведения тестов. К стене слева прикреплены картинки, нарисованные детьми сотрудников, очевидно, это позволяет не только идентифицировать рабочее место психолога, но и создать особую атмосферу на приеме, быстрее расположить ребенка к себе, создать для него привычную атмосферу. Кабинет социального работника отделен от всех остальных кабинетов, так как попасть в него можно только из общего коридора, в котором ожидают клиенты. Когда служба только организовывалась, в этой комнате стояли два сломанных стола, стулья и в разобранном виде новые стеллаж и шкаф для верхней одежды. Когда на работу была принята специалист по социальной работе, то было решено отдать эту комнату под кабинет. Она своими руками отремонтировала старую мебель, собрала новую и установила. Но по ее словам, ей там одной очень скучно, она предпочитает находиться со всеми. Это единственный кабинет, который закрывается на замок, и где нет ничего, кроме мебели и пыли. Дверь, находящаяся в конце внутреннего коридора, ведет в хозблок, внутри которого располагается санузел. Там постоянно ломается сливной бачок, поэтому всегда есть трехлитровая банка, наполненная водой. В хозблоке находится раковина, над ней зеркало, справа на стене прибита самодельная полочка для мыла и других чистящих средств. В другом углу стоит небольшой шкаф, внутри него ведра, тряпки, а на нем стоят пластиковые бутылки с отстоянной водой для полива цветов. В кабинете психолога, кроме детских рисунков, есть репродукции картин разных художников, так же они имеются в других служебных комнатах. Помимо репродукций на стенах в регистратуру и кабинете врачей висят настенные календари и картины с персонажами детских сказок. Думаю, что эти картины являются наиболее явным объектным символом организации.

Часы и календарь службы

Служба работает в понедельник - с 13.00 до 19.00, в остальные дни с 8.30 до 15.00. В понедельник все сотрудники приходят по расписанию, а уходят иногда раньше, но не больше, чем на тридцать минут. В остальные дни регистратор или тот, у кого, находится ключ от входной двери, приходят к

8.30, остальные - к 9.00. Опоздавшие строгого наказания не несут, хотя могут получить выговор от начальника. Иногда по пятницам главный эксперт собирает начальников и врачей-экспертов всех служб на постоянно действующее совещание. В такие дни служба работает до 12.00~13.00 часов, так как она не может полноценно функционировать без врачей-экспертов и начальника. Понедельник и вторник - приемные дни (прием ведется по записи), поэтому, чем меньше количество записавшихся, тем больше времени проводится на «кухне». Запись проводится из расчета от одного до полутора часов на одного клиента, назначается определенное время визита, которое может быть перенесено так, как удобно самому клиенту, однако в рамках рабочего времени службы.

Среда и пятница - методические дни, и служба приема не ведет, проводится работа с документацией. В такие дни сотрудники могут позволить себе пройтись по магазинам и рынкам, но в самой службе всегда кто-то есть. Четверг - выездной день, врачи-эксперты посещают стационары (в том числе областную детскую клиническую больницу, ортопедический институт) и проводят освидетельствование на дому (это между собой называют «выезд»). Не составляет больших трудностей отпроситься на целый день, уйти пораньше или прийти попозже, но такие действия желательно всегда согласовывать с начальником.

В приемные дни в перерывах между освидетельствованиями все сотрудники пьют чай, в методические дни они могут это делать в любой момент. В отпуск служба уходит всем составом летом, обычно с июля по август, на время отпуска работа прерывается на время, так как никто не имеет права заменить экспертов этой организации.

#### Выводы

Пространственно-временная организация службы - это часть организационной культуры. В моей работе изучение пространственно-временной организации службы неразрывно связано с изучением организационного символизма как части организационной культуры. Людям свойственно наделять объекты, отношения и лингвистические формулы множеством различных значений (смыслов)<sup>3</sup>. Следующие объекты, рассмотренные в работе, несут в себе смысл, имеют символическое значение: во-первых, вербальные выражения, жаргон организации («транспортники», «выезд», «подышать» или «отравится» - покурить, «другая территория» - помещение другой службы); во-вторых, действия (отдых, празднования, совместный прием пищи), в-третьих, объекты (календари, доска информации, bedжи, мебель). В этой работе при помощи подхода организационного символизма частично освещена формальная организация (кабинет врачей-экспертов) и неформальная (кухня). Используя различные методы исследования (наблюдение, включенное наблюдение, интервью), я представила пространственно-временную организацию социальной службы с целью вскрыть особенности организационной культуры и выявить проблемы, чтобы в дальнейшем постараться повысить эффективность и обеспечить гуманистические принципы социального обслуживания. При обсуждении этого отчета на семинаре поступило предложение о том, как избежать в дальнейшем конфликтов с клиентами, которые проходят мимо регистратуры. Мои сокурсники и преподаватель предложили прикрепить на дверь, ведущую вовнутрь помещения, небольшую вывеску с просьбой обратиться в регистратуру. Кроме того, поскольку служба детская, необходимо в помещении, где клиенты ожидают приема, повесить картины с изображением сказочных персонажей, возможно, предоставить детям игрушки, карандаши и бумагу.

<sup>1</sup> *Кравченко А. И.* Социология. Справочное пособие. М.: Московский лицей, 1996. С. 251.

<sup>2</sup> Обиходное название вида комнатного растения.

<sup>3</sup> *Романов П. В.* Социальная антропология организации. Саратов: СГТУ, 1999. С. 42,45

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре внимания данного исследовательского проекта находились особенности институционализации социального государства в России, профессионализация деятельности в сфере реабилитации и профилактики социального риска, активизации человеческого потенциала, качество социальных услуг на примере Среднегорской области. Стратегия кейс-стади, примененная в проекте, подразумевала мультиметодическую модель сбора, анализа и представления данных, которая опирается как на статистические, так и качественные процедуры, анализ документальных источников, а также включает элементы партисипаторного и акционистского исследования. Анализ полученных данных был направлен на систематизацию теоретических подходов к изучению социальной политики, описание современного состояния и динамики развития социальных услуг в

России, в том числе в контексте крупного провинциального города, в котором функционируют социальные службы, а также исследование профессиональной деятельности социальных работников. Одной из задач проекта было выяснить, какие изменения в системе социального обеспечения, социальной защиты произошли в последнее десятилетие. Наряду с социально-политическими реформами произошли и некоторые системные трансформации, которые в целом все же требуют больше времени, чем политические, особенно в условиях развитой государственной бюрократии и слабости гражданского общества. Иначе говоря, при наличии нового социального законодательства и важных изменений в риторике социальной политики приходится констатировать недостаток внедрения соответствующих программ на местах в силу того, что сами социальные службы и организации социальной защиты остаются второстепенными как для государственного бюджета, так и для частного сектора. При этом объем потребностей населения в услугах социальной защиты, образования, здравоохранения не уменьшается, а растет высокими темпами несмотря на пересмотр дефиниций «нуждаемости» и переход к адресному принципу социальной помощи.

Необходимо отметить качественное изменение демографической структуры населения, которое ведет к переформулированию целей и приоритетов социальной политики. Прежде всего речь идет об увеличении доли пожилых людей в обществе и соответствующие изменения в структуре их потребностей. Непосредственное влияние на систему социального обеспечения и социальную работу оказывают и такие феномены, как рост числа детей, рожденных вне брака, и, как следствие, увеличение числа монородительских семей, рост доли «социальных сирот» и бездомных детей.

Кроме того, важным фактором развития социальной политики в современной России является активизация гражданского участия, - явление, практически невозможное во времена господства ленинского принципа «демократического централизма». Только сейчас для людей, активно выступающих за свои гражданские права, стало возможно реальное влияние на процесс принятия решений в области социальной политики. Во второй половине 1990-х годов на повестку дня стали более активно выноситься проблемы инвалидов, пожилых людей, женщин, детей, оказавшихся в ситуации риска, и чем заметнее в продвижении этих важных вопросов участие социологов, других исследователей, тем удачнее осуществляется связь исследований с политическим процессом.

В процессе выполнения проекта мы проанализировали множество источников не только по российской, но и по зарубежной социальной политике. Несмотря на целый ряд кардинальных различий между капиталистическими, социалистическими и постсоциалистическими странами в аспектах государственного устройства, экономики и общественных отношений, а также специфики каждой из социалистических стран в отдельности, в области социальной политики существует довольно много общего. Это происходит, очевидно, потому, что каждая из этих социально-политических систем призвана способствовать как удовлетворению потребностей людей в нормальных условиях существования, так и потребности государства в социальной стабильности. Проблемы, которые формируют определенные виды социальной помощи и защиты, являются более или менее универсальными - старение, материнство, отсутствие места жительства, производственные травмы, заболевания, инвалидность. Поэтому остаются инвариантными и основные подходы в социальной политике. В самом деле, как в развивающихся, так и в развитых странах, в государствах с плановой экономикой и при капитализме существовали и существуют похожие программы. Эти программы, конечно, отличаются своими деталями и экономической обеспеченностью, однако во многих странах прибегают к аналогичным понятиям групп риска, с которыми и работает система социальной защиты.

В государствах, переживающих период социальных и экономических трансформаций начиная с 1990-х годов были приняты новые конституции, характеризующиеся демократической риторикой, однако все эти страны имеют сходные трудности, связанные с выполнением политических обещаний населению. Как в капиталистических, так и в постсоциалистических странах проблема сочетания демократии и рынка является настоящим камнем преткновения для политиков, экономистов и социологов. В официальной риторике людей призывают быть активными (активная политика занятости, активная социальная политика) и самостоятельными (концепция «независимой жизни»), но все же рынок настойчиво воспроизводит многозначные отношения неравенства. И хотя западноевропейская концепция социального государства (welfare state) выступает идеальным проектом достижения демократии и социальной справедливости в условиях рыночной экономики, в реальности очень трудно найти такую систему, где подобная модель была бы реализована в полной мере. В постсоветских странах, по сравнению с развитыми демократическими, ощущается

существенный недостаток социальных сил для построения гражданского общества, хотя возможности для гражданского участия, выражения политических и социальных интересов несомненно выросли весьма значительно. Политические партии все с большим профессионализмом обращаются к лексикону социальной защиты в риторике предвыборной борьбы, а общественные организации, негосударственные сервисы представляют собой растущий компонент новой социальной политики. Что же определяет нынешнюю социальную политику в России? Прежде всего, социальные проблемы *признаны и становятся предметом публичного дискурса*. А поскольку определение проблемы следует из того, как именно понимаются порождающие их социальные условия различными политическими силами, то разные определения социальных проблем становятся исходным пунктом для формулирования альтернативных стратегий действия. В связи с этим появились множественные, порой конфликтующие между собой, профессиональные дискурсы проблем и подходы к их решению: медико-листский, юридический, социальный, административный. И если какой-либо из этих подходов претендует на монополию в процессе принятия решений, на единственно верное мнение, то есть риск, что проблема будет истолковываться односторонне, а эффективность метода решения окажется низкой. Поэтому важно расширять возможность обсуждения многочисленных аспектов социальной политики не только внутри отдельных профессий, но и с участием нарождающихся институтов гражданского общества. Это повышает степень прозрачности системы социальной политики, открывая поле анализа, критики и, возможно, реформирования этой системы.

В принципе, отношения между местным правительством и исследователями складываются не всегда идеальным образом как в лостсоциалистических государствах, так и в странах с развитой традицией критического анализа социальной политики. Ученые считают, что администраторы и политики редко прислушиваются к их выводам, а чиновники и управленцы полагают, что исследователи пишут на непонятном и непрактичном языке. Кроме того, как стало ясно из анализа литературы и обсуждения исследований с зарубежными коллегами, во многих странах для представителей правительства, администрации характерен страх критики, так называемый антиинтеллектуализм. Анализируя наш опыт, мы можем заключить, что отношения между местной администрацией и учеными меняются в течение исследуемого десятилетия кардинальным образом: от нежелания слушать ничего научного на конференциях, проводимых управлением социальной защиты в первой половине 1990-х годов, до зрелого взаимного интереса в середине 1990-х годов и примеров реального сотрудничества в настоящее время.

Вместе с тем потребность в дебатах по поводу программ и мероприятий социальной политики, в оценке эффективности на всех уровнях ее реализации пока еще не актуализирована, и ряд учреждений может оказаться закрытым не только для критики, но и для более глубокого анализа их деятельности, не ограничивающегося беглым поверхностным знакомством с достижениями, скажем, дома-интерната. Однако есть надежда на то, что анализ политики на уровне принятия решений и их воплощения в конкретных учреждениях и проектах вскоре станет потребностью в России. Политическому деятелю придется объяснить на языке цифр, на языке исследований, в чем заключается та или иная стратегия, почему она была принята, доказать, что действия, осуществляемые в рамках этой стратегии, не навредят кому-либо. А директору интерната потребуется сделать расчеты и обосновать, на что истратить полученные фонды - на асфальтирование стоянки, финскую сантехнику или на развивающие игры для воспитанников и переподготовку сотрудников по новым методикам обучения детей, которых по старинке считают «необучаемыми».

Анализ политики, конечно, не может изменить условия, но может изменить дискурс, способ размышления о той или иной проблеме. Очень важно, чтобы в дебатах о принимаемых решениях и анализе их результативности принимали участие субъекты гражданского общества - представители общественных организаций, социальных движений. В Среднегорске заметен явный прогресс и в этом направлении. Так, в середине 90-х годов на конференции по проблемам детей-инвалидов, проводимой по инициативе федерального министерства труда, отсутствовали представители ассоциаций родителей и взрослые инвалиды, а сотрудник министерства на вопрос о составе аудитории отмечал, что специальная конференция для общественных организаций недавно прошла в Дубне, поэтому здесь собрались только администраторы. Сегодня уже невозможно представить себе рабочую группу, например, по проблемам создания безбарьерной среды для инвалидов без участия представителей региональных ассоциаций инвалидов. Конференции, проводимые управлением труда

и социального развития области, проходят при активном участии общественных организаций и ученых.

При администрации области создана межведомственная комиссия по улучшению положения женщин, а в управлении труда и социального развития - департамент по делам семьи, женщин и детей. В структуре этого управления к концу 1998 года уже функционировало более 130 социальных служб. При Комитете по делам молодежи, спорта и туризма с 1997 года действует Центр комплексного социального обслуживания детей и молодежи. В системе здравоохранения с 1998 года введена должность «социальный работник» в областной психиатрической клинике. В целях активизации человеческого потенциала региона областным департаментом занятости разработана и внедряется Комплексная программа содействия занятости населения, утверждена областная программа «Дети Среднегорской области», приняты постановления, направленные на защиту малообеспеченных граждан, имеющих детей, готовятся законы «О защите прав детей на территории Среднегорской области», «Об опеке и попечительстве». В рамках федеральной программы «Дети России» в области разработана и активно реализуется комплексная целевая программа «Профилактика преступлений и правонарушений, наркомании, токсикомании среди детей и подростков». В последние годы отмечается рост взаимных контактов между ведомствами, государственными и неправительственными структурами, в том числе и по проблемам профилактики наркомании среди детей и подростков. Только за первое полугодие 1999 года проведено несколько межведомственных акций и операций, междисциплинарных конференций. На этих форумах отмечена большая потребность всех субъектов социальной сферы в проведении научного анализа проблем и перспектив социального развития региона.

Важным аспектом обновления социальной политики в современной России является тот факт, что здесь *возникла и развивается социальная работа* как профессиональная практика, требующая подготовки в рамках высшего образования, как научная и учебная дисциплина. Ее утверждение сопровождается серьезной конкуренцией за символические и материальные ресурсы, но сам факт такой конкуренции действует положительно на укрепление профессиональной идентичности. И хотя социальная работа все в большей степени признается и распознается как агент решения социальных проблем, все еще налицо недостаток символической системы образов новой профессии. Этот дефицит пока не восполнен ни учреждением профессионального праздника 8 июня (день социального работника был учрежден приказом президента в октябре 2001 года), ни усилиями местной администрации по награждению отличившихся грамотами и призами. При всем значении деятельности профессиональных ассоциаций необходимы дальнейшие идеологические усилия на местах и в федеральном центре, чтобы увеличить число положительных образов социальной работы не только внутри конкретной организации или в рамках самой профессии, но и на публичной повестке дня. Трудно ожидать в современных экономических и социокультурных условиях, что кто-либо из отечественных мастеров кино или начинающих кинорежиссеров возьмется за создание такого образа, однако имеющийся символический вакуум возможно заполнить посредством вынесения вопросов, связанных с социальными службами, новыми профессионалами социальной сферы на обсуждение, в телепередачах и программах.

В самой практике социальной работы - будь то в социальных службах, школах или интернатах - модель рефлексивной практики пока еще лишь начинает прокладывать себе дорогу среди моделей профессионализма. В государственных сервисах пока еще в ходу интуитивные приемы объяснения социальных проблем и их решения. Очень важным фактором развития государственной социальной службы является расширение практики взаимодействия с местным сообществом, привлечение волонтеров, общественных организаций, сотрудничество и обмен опытом с неправительственными сервисами, участие в анализе собственной профессиональной деятельности, обсуждение новых подходов к социальным проблемам, построение партнерских отношений с клиентами.

Развиваются и постепенно становятся реальностью *альтернативные акторы и программы социальной политики* в России. Здесь имеется в виду и многообразие негосударственных социальных сервисов, групп защиты прав, организаций самопомощи, а также локализация социальной политики, усиление роли местных органов самоуправления, групп бизнеса. Муниципалитеты, получив в свое распоряжение ведомственные социальные сервисы - жилье, дошкольные, медицинские, образовательные учреждения, значительно расширили свое влияние на местные процессы. Не всегда деятельность общественных организаций называется социальной работой, так как, во-первых, в сознании многих социальная работа воспринимается исключительно как забота государства и

муниципальных сервисов, а во-вторых, ввиду отсутствия такой традиции, в России произошло некоторое смещение понятий. Дело в том, что социальные работники у многих специалистов, даже занятых в социальной сфере, в государственных и негосударственных организациях, ассоциируются с доставкой на дом продуктов, простейшими операциями по уходу за пожилыми людьми. В идеальном виде социальная работа как профессиональная, основанная на теоретических знаниях и освоенных навыках, помощь людям в чистом виде практически не существует в современной России, хотя профессионализм сотрудников служб растет благодаря накапливаемому практическому опыту, участию в семинарах и конференциях. Рост региональных социальных программ, к сожалению, сильно ограничен скудостью областных и муниципальных бюджетов, недостаточным развитием законодательной базы и недостатком профессиональных акторов - социальных работников, экономистов, журналистов, социальных менеджеров, администраторов, экспертов по управлению. Совершенствование высшего образования в указанных областях позволяет надеяться, что эти трудности будут преодолены.

В негосударственных службах, особенно тех, которые имеют грантовое финансирование и разветвленную сеть контактов с аналогичными российскими и международными организациями, проблема профессионализма работников решается весьма эффективно в силу небольшого размера организации, низкой текучести кадров, успешной практики привлечения волонтеров, открытости интеллектуальным дебатам и высокой заинтересованности в повышении квалификации. Проблемы равенства, партнерства, прав человека, ненасилия и недискриминации прочно входят в риторику и повседневную деятельность кризисных центров, которые, в отличие от муниципальных и государственных служб, испытывают трудности из-за отсутствия стабильной бюджетной поддержки со стороны государства. Кстати, серьезнейшим отличием любого российского неправительственного сервиса от западноевропейского является то, что за рубежом все эти организации имеют не менее 50 % финансирования от местного или государственного бюджета. Для отечественных негосударственных организаций такая поддержка была бы не просто привилегией, а необходимым условием выживания и эффективной работы.

Женщины представляют сегодня основной кадровый резерв как государственных, так и негосударственных сервисных организаций, школ и интернатов, составляя подавляющее большинство рядовых работников и лишь слегка уступая места мужчинам на уровне среднего менеджмента и директората учреждений. Аналогичная ситуация в аппарате чиновников, где в числе руководителей социальной сферы муниципального и областного уровня преобладают мужчины, а позиции рядовых клерков и начальников отделов в основном занимают женщины. В подобной ситуации есть свои плюсы и минусы. Создание новых рабочих мест, безусловно, является положительным фактором в решении проблем занятости населения, в том числе и женщин. Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что низкий уровень заработной платы в секторе социальных услуг вносит вклад в воспроизводство социального неравенства по гендерному признаку, укрепляя стереотипы «женских профессии» и представления о дешевизне женского труда. Тем самым порождается еще одна форма социального исключения в современном российском обществе - речь идет о маргинализации новой профессии. При этом арсенал средств повышения престижа социальной работы у социальных администраторов невелик и включает, в основном символические ресурсы. Однако такие декоративные меры, как уже упоминавшееся учреждение Дня социального работника или использование организационной символики, не в силах внести сколько-нибудь существенный вклад в повышение роли этой профессии в глазах общества, не будучи подкрепленными экономическими механизмами. Отдельно следует сказать о слабых шансах вертикальной мобильности сотрудников, об иерархической организации современных социальных служб, руководители которых демонстрируют лишь горизонтальные траектории профессионального перемещения.

Поскольку квалифицированные специалисты - выпускники вузов, получившие образование и соответствующий диплом, - редко поступают на работу в государственные социальные сервисы, а частный сектор социального обслуживания пока невелик, существующие условия формулируют специфическое определение профессиональной социальной работы. Приоритет в этой концепции профессионализма отдается личностным качествам, приписываемым индивиду в соответствии с полом, а не формальным профессиональным знаниям и навыкам. Между тем специалисты, обучавшиеся за счет госбюджета социальной работе от четырех до шести лет в университетах, активно мигрируют в другие сферы деятельности, где их знания и навыки могут быть востребованы.

Предположения о перспективах профессионализации социальной работы в России не сводятся лишь к двум альтернативным сценариям, предложенным в первом разделе книги. Эти варианты - воспроизводство стратегии найма неподготовленной рабочей силы или качественное обновление кадрового состава социальных служб, рост творческого компонента или бюрократизация профессиональной деятельности - являются лишь некоторыми возможными линиями развития, воплощение в жизнь которых будет отличаться от региона к региону, от одной социальной службы к другой, однако только при условии повышения статуса данного вида занятости здесь можно ожидать значимых качественных изменений. Если будет высокий престиж у социальной работы, то даже при условии сохранения тендерной сегрегации в кадрах социального обслуживания женщины, занятые здесь, будут пользоваться уважением и иметь мотивацию к развитию себя и своей организации, экономическую самостоятельность. Иначе получается; что социальные работники зачастую оказываются даже беднее своих клиентов, и такой конфликт статусов вызывает фрустрацию, создает дополнительные дилеммы этического характера, подвергая риску саму состоятельность профессиональной деятельности.

Определенно заметны тенденции *гуманизации государственных сервисов*. Компетенция работников этих сервисов постепенно расширяется не только в сфере практических методов социальной помощи и уровня юридической грамотности, но и по вопросам прав человека. Происходит реформирование социальной помощи пожилым, развивается социальное и медико-социальное обслуживание старшего поколения по месту жительства. Дома-интернаты для престарелых также подвергаются трансформации в новых условиях неадекватного финансирования трудно ожидать, что философия этих учреждений в ближайшем будущем трансформируется от «содержания престарелых» к «сообществу пенсионеров» (по аналогии с retirement community в США). Здесь важно задействовать механизмы, которые поощряли бы самоуправление и активность пожилых людей в развитии такого сообщества, а также социальную ответственность и социальное участие бизнеса, в частности тендеры социальных проектов, кроме того, важно возродить волонтерское участие школьников в социальной помощи. Нуждается в оптимизации не только межведомственное и межсекторное взаимодействие, но и сотрудничество даже в рамках одного ведомства, например, в системе реабилитации детей-инвалидов. В целом определение инвалидности на уровне областного управления и в практике учреждений постепенно меняется от индивидуально-патологической, медикалистской модели к социальной, и хотя на этом пути еще многое предстоит сделать, здесь достигнут значимый прогресс, по сравнению с серединой 1990-х годов.

Сегодня есть свидетельства того, что социальные сервисы постепенно приобретают новое видение своей миссии в обществе, ориентированное на толерантность, активную позицию в интересах клиентов, знание и следование международным регламентам прав человека, признание мировых стандартов качества обслуживания. Отчасти эти смыслы социальной работы привносятся в практику социальной работы и новыми профессионалами, и в ходе дополнительного обучения действующих практиков, но здесь предстоит еще очень многое сделать. Практика и риторика социальной работы в России пока не, включает аспект социальных изменений во имя социальной справедливости. Информированность о структурном тендерном неравенстве, дискриминации и культурных стереотипах демонстрируют большинство руководителей социальных сервисов как государственных, так и общественных организаций. Однако ввиду отсутствия базового образования и регулярного тренинга, в государственных сервисах реальное воплощение феминистских принципов социальной работы пока невозможно. Здесь чаще склоняются к традиционному определению семьи, которое подразумевает неравноправие и угнетение женщин.

В частности, классификация семей на «полные» и «неполные» выступает для ряда специалистов знаком индивидуальных и эмоциональных проблем, стигматизирует женщин, воспитывающих детей без супруга. А определения семей как «благополучных» и «неблагополучных» перекладывает всю ответственность на индивидов. Вообще, интервенция государства в частную сферу - входит в противоречие с программными требованиями самостоятельности семьи, с одной стороны, и экономической несостоятельностью большинства населения - с другой. Представления о способах решения проблем женщин оказываются более последовательными и системными в неправительственных кризисных центрах. Защита прав клиентов здесь базируется на твердом знании теории и существующих исследованиях, причем персональные сервисы понимаются в контексте необходимости структурных перемен в отношении домашнего насилия. Политическая практика здесь постепенно становится важной стороной деятельности специалистов. Речь идет о том, что для

осуществления позитивных изменений важно способствовать демократизации социальных институтов, активизации самоуправления, мобилизации ресурсов самих клиентов, объединяя усилия с социальными движениями и организациями.

Вместе с тем отсутствие системы противодействия насилию, направленному против женщин, и его профилактики в России по сути дела оставляет большинство российских женщин наедине со своей проблемой, поскольку усилий одних лишь кризисных центров сегодня явно недостаточно.

Препятствием в работе самих кризисных центров, как и в решении проблемы домашнего насилия, выступает драматическая ситуация в сфере жилищной политики, которая за все годы советской власти и в течение постсоветского периода не смогла создать условий для нормализации приватной жизни миллионов россиян. Отсюда следует и невозможность предоставления временного убежища женщинам, страдающим от насилия в семье: попытка организовать такого рода социальное общежитие становится каплей в море в российских условиях; все места в таком временном жилье на долгий срок занимают мигранты, погорельцами, многодетными и другими женщинами, отчаянно нуждающимися в жилье.

Среди неотложных задач в деле противодействия насилию против женщин - налаживание межведомственного и межсекторного взаимодействия по данному вопросу, введение системы судебных ордеров, ограничивающих действия обидчика под угрозой ареста, изменение установок сотрудников милиции, судебных органов на уровне принятия соответствующей редакции уставов региональных управлений и ведомств. Сегодня для многих акторов социальной политики становится ясно, что проблему домашнего насилия и дискриминации женщин следует рассматривать в более широком социально-экономическом и социокультурном контексте, учитывая ситуацию в сфере занятости и рынка труда, влияния образования и СМИ на воссоздание стереотипных жизненных стратегий женщин и мужчин. В нашем проекте мы проанализировали, как средства массовой информации за декларациями высокого статуса женщин скрывают идеологию гендерного неравенства. В современной России праздник 8 Марта выступает еще одной формой государственного контроля, где доминирует идеология государственного патернализма и патриархата, но в силу приватизации политического этот контроль осуществляется теперь не только от лица государства, но и со стороны рынка, где господствуют ценности конsumerизма и того же патриархата. Наряду с такими инвариантными компонентами праздника, как демонстрация достижений, политической лояльности и национального единения, налицо тенденция его деполитизации и подчинения законам массового потребления.

Активность женских движений в праздничной риторике либо замалчивается, либо предстает в виде карикатуры. Вместе с тем лишь к концу изучаемого десятилетия в дискурсе самих женских организаций в Международный женский день отчетливо и уверенно стали звучать мотивы «профессионального праздника борьбы против дискриминации и насилия». Подобные процессы заметны и в Восточной Европе, после десяти лет негативного отношения к 8 Марта как коммунистическому наследию. Набравшие силу, накопившие опыт и социальный капитал женские организации проводят в этот день акции протеста против несправедливости судебной системы, собирают подписи под петицией против сексуального насилия над заключенными в полиции, распространяют информацию о деятельности кризисных центров, привлекают внимание общественности к проблеме домашнего насилия, открывают новую линию телефона доверия...

Многие из этих примеров можно с равным успехом сегодня отнести как к Западной Европе, так и постсоветской России и посткоммунистическим государствам Восточной и Центральной Европы. Однако в официальном дискурсе эти символы новой социальной политики, исходящей не от государства, а от гражданского общества, пока что отсутствуют.

Само социальное законодательство по-разному обращается с женщинами и мужчинами, что подкрепляет гендерный дисбаланс в практиках рекрутирования рабочей силы, гендерную сегрегацию рынка труда, сегрегирует женщин в практиках социального обеспечения и реабилитации. Потому и необходима гендерная экспертиза законодательства, которая может осуществляться рабочими труппами при администрации, независимыми центрами, чиновниками и специалистами-практиками. Аналогичная экспертиза должна осуществляться в отношении соблюдения прав других уязвимых групп - инвалидов, детей, пожилых людей, молодежи. Отметим, что феминистская модель социальной работы и социальной политики позволяет вскрыть причины проблем и сформулировать их решение, ориентированное на устранение всех форм насилия и дискриминации, на благополучие мужчин, женщин и детей.

Вообще, современное российское социальное законодательство по проблемам детей, инвалидов, женщин, пожилых людей отражает особенности переходного периода. Многочисленная нормативно-правовая документация насыщена декларативными положениями, зачастую не подкрепленными соответствующими актами и не готовыми к внедрению, а официальные доклады о реализации прав и положении уязвимых групп населения ретушируют остроту проблемы и не выносятся на широкое обсуждение. Отметим, что хотя само социальное законодательство и содержит элементы социалистического наследия, все же законы уже стали во многом более прогрессивными, они подготовили почву для изменения социальной практики, на которую можно повлиять лишь системными усилиями. Тем временем общественные организации пока слабо задействованы в процессе подготовки указанных документов, статистическая информация собирается фрагментарно и зачастую обрабатывается недостаточно аккуратно. Скорее всего, следует несколько изменить структуру и процедуру подготовки докладов в направлении большей критичности, объективности и рефлексивности, важно фиксировать проблемы и прогресс в их решении.

Системы мероприятий, разрабатываемые с целью реализации концептуальных программных документов, создаются на основе утвержденного бюджета области, который слабо учитывает приоритеты социальной сферы, тем самым возникает зазор между риторикой и практикой воплощения социальной политики уже на уровне планирования. Репрессивный подход, который настойчиво воспроизводится в ряде направлений социальной политики (например, в аспектах профилактики наркозависимости, ВИЧ-инфекции, СПИДа) вносит вклад в криминализацию и медиализацию социальных проблем, а классификация семей на «здоровые» и «больные» способствует развитию «дисциплинарных» механизмов контроля, которые во втором разделе мы обсуждали как антисоциальную политику. Ряд гуманистических начинаний, имеющих положительный опыт и экономический эффект, в том числе развитие института фостерных семей, обречен на временный статус в силу ведомственной разобщенности и теневых интересов субъектов социальной политики, отвечающих за детские судьбы.

Новые профессии - социальная работа и социальная педагогика - взаимодействуют в тех случаях, когда в центре внимания специалистов оказывается ребенок. Тем самым в России получает развитие детоцентристская модель поддержки, однако для социальной педагогики характерны во многом все те проблемы, которые испытывает сегодня социальная работа. В частности, социальные педагоги в целом пока не получили признания как важные акторы процесса гуманизации школы и субъекты реализации прав детей, не во всех образовательных учреждениях существуют подобные должности, а критерии профессиональной квалификации этого нового специалиста ограничиваются педагогическим образованием или стажем. Вместе с тем в школе-интернате для детей-инвалидов, несмотря на отсутствие должности социального педагога в штатном расписании учреждения, считают необходимым наличие такого специалиста и, как правило, находят возможности для оформления его на работу.

Детоцентристские принципы актуальны и в системе специального образования детей-инвалидов, которое, по сути, становится дифференцированным, индивидуализированным в соответствии с потребностями каждого ребенка, с одной стороны. С другой - сегрегация детей-инвалидов в специальные школы имеет и негативный эффект, поскольку сужает жизненные перспективы учащихся. Получение образования - это шанс вертикальной мобильности, повышения благосостояния. Сейчас эти шансы у детей с инвалидностью невелики, причем часть из них в буквальном смысле отнимается агентами существующей системы. Снижению шансов на получение высшего образования, например, способствуют некоторые практики специальных школ-интернатов, приучающих детей к мысли о важности лишь профессионально-технического обучения и неактуальности академических успехов, важных для поступления в вуз. Одним из решений этой проблемы является практика интегрированного образования.

Вместе с тем проблемы детей-инвалидов должны обсуждаться как в контексте усовершенствования организационной культуры и программ специальных школ, так и создания условий для обучения детей-инвалидов в обычных школах. Следует учитывать и контекст, в котором живут взрослые Инвалиды, - рынок труда, занятость, организация бизнеса, эффективность налогового законодательства, общественная активность инвалидов, вопросы семьи, технологий, позволяющих расширить возможности, наконец, аспекты репрезентации инвалидов в СМИ. Пожалуй, все это вместе взятое является воплощением стигмы инвалидности - общество отказывается принимать людей с особыми потребностями. Очевидно, нужно начинать работу по социальной интеграции с

детства - посредством образования, детских игр и игрушек, передач, книг, которые могли бы транслировать идеи разнообразия, толерантности, взаимопомощи. Социальная активность инвалидов и их мобильность во многом зависят от окружающих физических препятствий. Чиновники, которые подписывают разрешение на тот или иной архитектурный проект, игнорируя принятое десять лет назад российское законодательство о безбарьерной среде, являются либо полными невеждами или коррумпированы. В любом случае они нарушают закон, и подобные действия должны преследоваться соответствующими санкциями и получать огласку. В связи с этим необходимо проводить экспертизу архитектурно-строительных проектов официальными контролирующими органами и общественными организациями.

Не стремясь воспроизводить здесь те выводы, обобщения и рекомендации, которые содержатся в главах книги, приведем лишь некоторые дополнительные соображения относительно принципов и результатов исследования. Первоначально мы исходили из предположения о том, что, несмотря на ряд изменений, существенный накопленный опыт новых социальных служб и программ, эффективная система социальной работы с населением в России пока находится в стадии разработки; действующая система социальной поддержки ориентирована только на обязательства в отношении потребителей социальных услуг со стороны государства, сам человек от участия в решении социальных проблем часто фактически отстранен, а его потенциал не используется. Несовершенство института социальной работы с подростками, женщинами, инвалидами и пожилыми людьми, межведомственная разобщенность, отсутствие разработанных и апробированных форм и методов социальной работы с маргинальными слоями населения, социальными низами предопределяет усиление социального риска, возникновение девиантных форм поведения одних и ослабление социальной защищенности других социальных групп. Особую значимость в этих условиях приобретало исследование профессионализации социальных услуг, способов повышения их качества в контексте растущего спроса на социальную профилактику, терапию и реабилитацию. Анализ профессионализации социальной работы был актуален также в отношении к статусу специалистов, престижу социальной сферы. В ходе исследования мы получали не только ответы на поставленные вопросы, но и данные, которые заставили нас переформулировать первоначальные гипотезы, а также поставить новые вопросы, которые очерчивают направления дальнейших изысканий и отражают потребности нынешней социальной политики на региональном уровне.

Кроме того, актуальность представленного проекта была связана с необходимостью научно-практических рекомендаций по созданию действенных организационных механизмов реализации прав человека на социальную защиту, социальную реабилитацию, коррекцию, услуги социальной работы. Мы отдаем себе отчет в том, что очень трудно давать советы в области осуществления социальной политики, не просчитав экономический эффект и стоимость тех или иных нововведений, не рассмотрев условия и возможные последствия реформ. Надо сказать, что в процессе проведения исследования финансовая сторона деятельности организаций в большинстве случаев оставалась для нас тайной за семью печатями. На наш взгляд, здесь необходима определенная степень прозрачности, которая учитывается при анализе эффективности. Динамика бюджетных отчислений, спонсорской помощи, фандрэйзинга, представляемая в наглядной форме, на графиках и диаграммах, может стать для учреждений и организаций социальной сферы важным подспорьем в их отчетах, в работе с донорами и общественностью, в аргументации собственных целей перед вышестоящим руководством.

В данном случае рекомендации, приведенные в ряде глав книги, касаются тех аспектов деятельности субъектов региональной социальной политики и социального обслуживания, которые возможно усовершенствовать без каких-либо существенных затрат. Кроме того, мы надеемся, что прочитав, скажем, описание физического пространства бюро медико-социальной экспертизы, читатель без труда придет к выводу о том, что всего лишь Переставив мебель в кабинете, создав минимальный психологический комфорт детям и родителям, поместив игрушки и цветные карандаши с бумагой в холле, можно сделать акт освидетельствования инвалидности более гуманным, чем сейчас, когда ребенок находится в центре большого помещения, будучи изолирован от матери и со всех сторон окружен специалистами, и когда ожидание своей очереди превращается в томительную процедуру. Поскольку социальная политика имеет целый ряд направлений, реализуется комплексными структурами, а ее исполнители на практике сталкиваются с многочисленными препятствиями, необходим критический анализ всех этих аспектов, нацеленный на выработку знания о конкретной проблеме и способах ее решения, а также на внедрение этих знаний в процесс принятия решений.

Анализ социальной политики может осуществляться различными способами. Например, в случае академического социального исследования ученые, развивая теоретические посылки для понимания социальных проблем, практически не ограничены временными рамками, более того, сама публикация в научном журнале зачастую требует более года для прохождения всего цикла редактирования, а язык этих публикаций иногда является трудным как для политиков, так и общественности. В другом случае, при планировании социально-политической программы на какой-либо период эксперты из числа чиновников формулируют систему целей или список желаемых результатов, которые составляют критерии успешности выполнения плана по завершении намеченного срока. Такой подход не испытывает сильных временных ограничений, поскольку ориентирован на долговременные цели. Его основная слабость состоит в бюрократизации и формализации политических мероприятий, которая приводит к сдвигу приоритетов от решений конкретных социальных проблем к отчетности по достижению идеальных целей, зачастую - к лакированию сложной и противоречивой реальности. Анализ социальной политики, который является прерогативой специальных, зачастую независимых, неправительственных экспертных групп, в целях выработки немедленного решения назревшей проблемы или помещения новой проблемы на повестку дня осуществляется в очень сжатые сроки. Как правило, эксперты используют вторичный социологический анализ данных, хотя порой проводят собственные опросы, так как по той или иной проблеме может быть дефицит информации. Такой анализ предлагает политикам альтернативные решения проблем, однако может оказаться «близоруким» по причине жестких временных рамок и ориентации на «заказчика», в роли которого выступают местные и федеральные органы власти. В нашем проекте в большей степени использован академический подход, и мы надеемся, что полученные результаты внесут вклад в социологию российской социальной политики, ее регионализации, профессиональной идентичности социальных работников, а также создаст возможности для критической оценки профессиональной деятельности и компетентности специалистов социальной сферы. Своевременность исследования определялась важностью развития новых подходов к осмыслению качества технологий социального развития. Выбор темы исследовательского проекта был обусловлен также важностью регионального среза проблемы. С одной стороны, существуют общие тенденции и проблемы социального развития регионов России, с другой - вариативность и уникальность регионального опыта, опосредованные рядом социокультурных факторов: локальными социально-экономическими условиями, эффективностью социальной политики, практическими инициативами субъектов управления социальных служб, характером связи практиков с системой социального образования и науки, возможностями международного сотрудничества.

Предметная область социальной политики слишком широка, и проект, разумеется, не мог охватить все ее направления: например, вопросы жилищной политики, здравоохранения, занятости лишь затрагивались, но не обсуждались подробно. Не все социальные проблемы оказались в фокусе анализа, кроме того, в большей степени рассматривались стратегии социальной политики, нежели сами социальные проблемы. Вместе с тем в ряде глав удалось достичь сочетания взгляда «сверху вниз» с анализом «снизу вверх», когда социально-политические решения обсуждались в контексте жизненного опыта их адресатов (детей и взрослых с инвалидностью, женщин) или исполнителей (руководителей и рядовых работников социальной сферы). Социальная политика России в целом и Среднегорска в частности находится в состоянии постоянного изменения, поиска путей решения социальных проблем. Эти изменения порой происходят так быстро, что их не успевают отразить в академической публикации. Однако фактор времени во многом соперничает с «укорененностью» многих современных социальных проблем и культурных практик в истории социальной политики и идеологии социального обслуживания времен социализма.

Нельзя не упомянуть о нескольких серьезных событиях в российской социальной политике, которые произошли в период подготовки рукописи к изданию. В частности, с конца 2001 года осуществилось значительное повышение зарплат бюджетным служащим, в том числе работникам социальной сферы. Несмотря на то, что даже после этого уровень зарплат остается не самым привлекательным, это повышение позволяет предвидеть приток в социальные службы новых специалистов. Однако социальные последствия указанного роста заработной платы пока еще ждут своей оценки и не осмыслены в полной мере. Мы надеемся, что среди тех, кто придет в социальную сферу, будет больше выпускников вузов, имеющих профессиональное образование и желающих проявить себя в этой сфере деятельности. Это будет способствовать улучшению качества социальных услуг и

разработке новых программ, направленных на укрепление социальной справедливости и построение гражданского общества.

Кроме того, значительным событием стало принятие нового Кодекса законов о труде, ставшего политическим компромиссом в результате бурных сражений между различными группами интересов в Думе и вокруг нее. Этот закон содержит в себе множество норм, имеющих прямое отношение к тем вопросам, которые здесь обсуждались. Речь идет о трудовых правах женщин, инвалидов и родителей. После десяти лет реформ ни для кого в России уже не было секретом, что советское законодательство мало соответствует условиям новой экономики и политической системы. Но то правовое регулирование, которое вступило в действие с первого февраля 2002 года, возможно так и не стало наилучшим выходом из положения. Представляется спорным ослабление некоторых гарантий - например, женщинам, а также работникам обоего пола, воспитывающим маленьких детей. В любом случае последствия станут очевидными тогда, когда новые нормы заработают в полную силу и начнут определять решения работодателей и работников в практических вопросах.

Необходимо отметить, что в ряде случаев мы обсуждаем социальные проблемы семьи, женщин и инвалидов, опираясь на предыдущий кодекс. Это обусловлено не только необходимостью более пристального анализа соответствующей ситуации в прошедшем десятилетии переходного периода, но и тем обстоятельством, что на протяжении некоторого времени будет сохраняться такое положение, когда статус в трудовой сфере будет определяться предпочтениями и ожиданиями из прошлого и правовыми нормами из настоящего.

Мы выражаем искреннюю благодарность администрации и сотрудникам социальных служб, образовательных учреждений, которые позволили нам прикоснуться к их каждодневному опыту, согласились разделить с нами свои надежды и тревоги. Понимая, что никакой анализ и никакие научные публикации не в состоянии передать живую и полную картину того важного и очень сложного труда, который выполняют социальные работники и социальные педагоги, специалисты и руководители, мы затронули лишь некоторые стороны этой деятельности, заострили проблемы, чтобы предложить способы их разрешения. Надеемся, что эта книга будет полезной как в непосредственной практике сегодняшнего дня, так и в профессиональном становлении будущих специалистов и администраторов социальной сферы.

<sup>1</sup> См.: *Weimer D. L., Vining A. Я Policy Analysis: Concepts and Practices*. 3rd ed. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1999.